РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

А.Н. Сорокин

МЕЗОЛИТ ОКИ
Проблема культурных различий

ТРУДЫ ОТДЕЛА ОХРАННЫХ РАСКОПОК
ТОМ 5

Москва 2006

ББК 63.442.13 (235.4)
С-65

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии РАН

Издание осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук: «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям»

Ответственный редактор серии:
канд. ист. наук *А.В. Энговатова*

Официальные рецензенты:
докт. ист. наук *С.В. Ошибкина*,
канд. ист. наук *Г.В. Синицына*

С-65 **Сорокин А.Н.** Мезолит Оки. Проблемы культурных различий. Монография. Труды Отдела охранных раскопок. Т. 5 / Отв. ред. серии А.В. Энговатова. – М.: Институт археологии РАН, 2006. – 312 с., илл.

Монография посвящена исследованию проблем культурных различий в мезолите Окского бассейна и вопросов культурогенеза. В ней систематизированы материалы, накопленные за 125-летнюю историю изучения памятников названного времени.

Для мезолитоведов, археологов-практиков и археологов-теоретиков, студентов исторических факультетов, краеведов и всех любителей отечественной археологии.

ББК 63.442.13 (235.4)

© Институт археологии РАН, 2006
© А.Н. Сорокин, 2006
© Оформление. Издательство «Таус», 2006

ISBN 5-903011-02-0

Оглавление

Вступление 4

Глава 1
История изучения мезолита Оки и проблемы его культурного своеобразия 5

Глава 2
Памятники эпохи мезолита бассейна Оки 22

Глава 3
Проблема культурных различий в мезолите Оки: 41
Волго-окская культура 41
Елиноборская «культура» 42
Бутовская культура 42
Култинская культура 48
Рессетинская культура 52
Иеневская культура 56
Пургасовская культура 72

Глава 4
«Сложение» культур или культура сложения? 77

Заключение 96

Литература 100
Архивные материалы 121
Список сокращений 139
Приложение 1. Каталог памятников 140
Приложение 2. Иллюстрации 240

Вступление

Изучение мезолитических стоянок в бассейне р. Оки начинается с конца XIX века. Всего к настоящему времени здесь зафиксировано 664 памятника. До сих пор считалось, что их общее число составляет не более 500, причем это количество ассоциировалось со всем Волго-Окским бассейном. Это разительно контрастирует с тем, что реально удалось собрать. Основу каталога составило фундаментальное издание «Археологической карты России». В этой связи хочу выразить особую благодарность заведующему отделом сводов и карт ИА РАН, канд. ист. наук А.В. Кашкину, оказавшему бескорыстную помощь при его составлении.

Развитие представлений о мезолите Оки прошло длительный путь, который начинается с момента накопления первых сведений, их систематизации и выделения особой свидерской стадии в эпипалеолите Восточной Европы (М.В. Воеводский). Затем расширение источниковедческой базы привело к отказу от стадиальной концепции и включению известных памятников сначала в единую волго-окскую мезолитическую культуру (М.В. Воеводский, А.А. Формозов), а впоследствии – к ее упразднению и выделению в Волго-Окском бассейне нескольких локальных археологических культур (Л.В. Кольцов). К настоящему времени в Окском бассейне насчитывается не менее пяти культур эпохи мезолита (рессетинская, иеневская, бутовская, пургасовская и култинская), три из которых – рессетинская, пургасовская и култинская – были выделены автором. Проблемам их характеристики, специфики и сравнительного анализа посвящена данная работа. Рукопись была завершена в 2003 г. – в год 125-летия со дня открытия первой мезолитической стоянки в бассейне р. Оки. Несмотря на данное обстоятельство, фактически это первое монографическое издание по заявленной проблематике. Однако было бы неверно полагать, что в нем решены и сняты все вопросы, связанные с мезолитоведением Окского бассейна и даже с каждой из конкретных культур.

Дискуссия 1950–1970-х гг. по теории «археологической культуры» показала необходимость дифференцированного подхода к этому понятию и пониманию своеобразия его содержания для каждой из археологических эпох. Она неизбежно отразилась и на нынешних представлениях. По мнению автора, археологическая культура – это гносеологическая категория пространственно-временной связи ископаемых объектов.

Естественно, что проблема культурогенеза тоже должна быть затронута в работе, ибо от того, с каких позиций подходить к ее решению, зависит сам конечный результат. Это заставляет обратиться к проверке гипотезы «сложения археологических культур» (Кольцов, 1979). Несмотря на то что с некоторых пор подобный механизм культурогенеза рассматривается как стандартный, есть серьезные сомнения в его объективности.

Прежде чем обратиться к проблеме культурных различий в мезолите Оки, необходимо рассмотреть историю его изучения, состояние источниковедческой базы и историографию вопроса.

Глава 1

История изучения мезолита Оки и проблемы его культурного своеобразия

История изучения эпохи мезолита бассейна р. Оки начинается с последней четверти XIX века. Естественно, что за этот длительный срок сменилось несколько поколений исследователей, а один только список их имен насчитывает свыше ста фамилий, среди них (в алфавитном порядке): Акимов Н.Н., Акимов А.Е., Аникин И.С., Анучин Д.Н., Арциховский А.В., Астахов С.Н., Бадер О.Н., Бадер Н.О., Бакаев А.М., Балинский И.М., Богачев А.Ф., Борисковский П.И., Брюсов А.Я., Буланкин В.М., Векслер А.Г., Виноградов К.Я., Воеводский М.В., Воронин К.В., Воронков А.Н., Воронцов А.М., Выборнов А.А., Гаврилов А.Н., Герасимов М.М., Глазов В.П., Говоров Н.В., Гоняный М.И., Городцов В.А., Граков Б.Н., Грехова Л.В. Гриценко В.П., Грудинкин Б.В., Дукельский В.Ю., Екимов Ю.Г., Ефименко П.П., Жилин М.Г., Жуков Б.С., Заидов О.Н., Зайцева И.Е., Зимина (Шахматова) М.П., Зубков В.И., Каверзнева Е.Д., Клянин Р.В., Коваль В.Ю., Колобов В.М., Кольцов Л.В., Комаров К.И., Коннов С.Б., Королев А.М., Косинский В.В., Костылева Е.Л., Кравцов А.Е., Крайнов Д.А., Краснов Ю.А., Кренке Н.А., Кудрявцев П.П., Кузнецова Т.М., Ластовский А.А., Левина Н.В., Леонова Е.В., Леонтьев А.Е., Лозовский В.М., Мансуров А.А., Массалитина Г.А., Милонов Н.П., Миронова В.Г., Миронос А.А., Михайлова Л.А., Молодцова Е.М., Наумов А.Н., Наумова Т.В., Неклюдов А.Н., Никитин А.Л., Ошибкина С.В., Паничкина М.З., Патрик Г.К., Петраков И.И., Полякова Г.Ф., Попова Т.Б. Поскряков С.П., Преображенский Н.В., Прошкин О.Л., Розенфельдт Р.Л., Руднев Ф.Ф., Сафонов Б.А., Сергин В.Я., Сидоров В.В., Смирнов А.С., Сорокин А.Н., Станюкович А.К., Судаков В.В., Травкин П.Н., Третьяков П.Н., Трусов А.В., Уваров А.С., Успенский С.А., Уткин А.В., Фоломеев Б.А., Фомин А.В., Фролов А.С., Фролов В.П., Фролов И.К., Цетлин Ю.Б., Челяпов В.П., Ченцов Ю.С., Чернай И.Л., Черников В.Ф., Шаталова Н.В., Шеков А.В., Шитов В.Н., Шполянский С.В., Щеглов И.Л., Энговатова А.В. и Юшко А.А.

Естественно, что он включает как специалистов-археологов, так и естественников, любителей-археологов и краеведов. Значительно отличается и число открытых или обследованных каждым из них памятников, тем не менее вряд ли было бы правомерным определять на этой основе вклад каждого из исследователей в мезолитоведение бассейна Оки.

Рассмотрим, вкратце, историографию мезолита Оки и историю вопроса. В 1878 г. краевед П.П. Кудрявцев обнаружил стоянку Елин Бор. Собранный им подъемный материал был отослан в Москву и поступил в Антропологический музей. Позднее он экспонировался на Антропологической выставке 1879 г., в каталоге которой был впервые описан Д.Н. Анучиным (Антропологическая выставка.., с. 21, 25). Первая публикация находок Елина Бора содержится в монографии А.С. Уварова «Археология России. Каменный период» (Уваров, 1881, Т. I, с. 293, 294; Т. II. Табл. XXV).

В конце 1870-х годов известным русским почвоведом В.В. Докучаевым была обнаружена стоянка Борки на Борковском острове около г. Рязани. Сведения о ней были сообщены им в Рязанскую ученую архивную комиссию и тоже вошли в книгу А.С. Уварова (Уваров, 1881, с. 293).

В 1890 г. на Борковском острове коллекцию каменных орудий собрал В.А. Городцов (Городцов, 1905, с. 579–587), который обследовал несколько различных пунктов и раскопал небольшие участки, давшие разновременный материал. В 1893–1895 гг. А.И. Черепнин проводил полевые исследования на одной из наиболее высоких Борковских дюн – Сакор-горе (Черепнин, 1894).

В 1895 г. В.А. Городцов вторично обследовал Борковский остров и, в частности, Сакор-гору. Результаты этих исследований были им опубликованы (Городцов, 1923, с. 330–332). В те же 1890-е годы в ходе разведок он открыл и обследовал еще несколько мезолитических памятников на Оке в пределах Рязанской губернии, среди них Коростово, Дубровичи, Канищево (Логинов Хутор) 4, Коломцы, Шумашь и Облачинская Дюна (Дегтяное). Тогда же В.А. Городцов обследовал стоянки Воронец, Жабынь и Федяшево в Белевском уезде Тульской губернии.

В 1899 г. Н.И. Булычов открыл и раскопал стоянку Гремячее на Оке напротив устья р. Жиздры (Булычов, 1899).

В 1905 г. В.А. Городцовым в Трудах 2-го археологического съезда была опубликована большая

статья, в которой были изложены сведения об изысканиях в пределах Тульской и Рязанской губерний 1895 г. (Городцов, 1905). Далее по известным причинам последовал 15-летний перерыв.

В 1920 г. П.П. Ефименко обследовал памятники по рязанскому течению Оки, в частности стоянку Коростово 1 (Ефименко, 1923). В 1924 г. он предпринимает попытку обобщения имевшегося к тому времени материала по мезолиту Русской равнины, который, правда, называл ранненеолитическим, и высказывает мысль об отличии окских памятников от стоянок южных и западных территорий страны (Ефименко, 1924).

В 1925 г. В.А. Городцовым были произведены первые раскопки стоянки у д. Лужки Серпуховского р-на Московской области (Грехова и др., 1970).

В 1926 г. Б.Н. Граковым была открыта стоянка Мордовское 1 в Ивановской области (Граков, 1927; АКР, 1994, с. 183).

В 1927 г. А.А. Мансуров обследовал стоянку Шумашь.

В 1928 г. польским археологом Л. Савицким была опубликована коллекция Горшихи и отмечено ее сходство с Елиным Бором, материалы которого он также описал (Sawicki, 1928).

В 1929 г. Б.С. Жуков открыл местонахождение Лягалин Бор, находившееся в пределах г. Мурома (Жуков, 1928–1929 // Архив ИИМК РАН: Ф. 2. Оп. 1. 1929, № 128). В 1929–1930 гг. Н.В. Говоров произвел сборы в Канищево (Логинов Хутор) 4.

В 1934–1935 гг. М.М. Герасимов, М.В. Воеводский, П.Н. Третьяков и О.Н. Бадер обследовали верховья Оки в пределах Орловской и Тульской областей, где планировалось построить сеть гидроэлектростанций. На территории Тульской области ими были открыты стоянки у Добропокровского монастыря, в устье р. Беленькой и обследована стоянка у с. Жабынь (Герасимов и др., 1941).

В 1934 г. П.И. Борисковский произвел осмотр долины в низовьях Оки и раскопки стоянки Елин Бор. При публикации материалов этих работ был издан и материал из сборов П.П. Кудрявцева (Борисковский, 1937; Воеводский, Борисковский, 1937).

В 1936 г. М.В. Воеводский обследовал стоянку Гремячее и опубликовал коллекции не только этих работ, но и Н.И. Булычова (Воеводский, 1941).

В работах М.В. Воеводского 1930-х годов, посвященных мезолиту Восточной Европы, учитываются материалы бассейна Волги и Оки, которые он рассматривал в контексте «свидерской стадии эпипалеолита» (Воеводский, 1934, 1940).

В 1937 г. были опубликованы материалы стоянки у д. Коростово Рязанской области (Борисковский, 1937) и раскопок Елина Бора (Владимирская область) П.И. Борисковского 1934 г., одновременно был издан материал из сборов П.П. Кудрявцева (Борисковский, 1937; Воеводский, Борисковский, 1937). Начиная с этого года и по 1947 г. включительно неоднократное обследование стоянок Борки и Шумашь проводил рязанский краевед В.И. Зубков. Некоторые из материалов им были опубликованы (Зубков, 1950; Грехова и др., 1970).

В 1940 г. О.Н. Бадер обследовал стоянку у с. Канищево (Логинов Хутор) 4 в Рязанской области, а М.В. Воеводский опубликовал проблемную статью о развитии эпипалеолита Восточной Европы. В 1941 г. вышла статья М.М. Герасимова, М.В. Воеводского и П.Н. Третьякова, в которой подводились итоги обследования верховьев долины р. Оки 1934–1936 гг. (Герасимов и др., 1941). Кроме того, в 1941 г. были изданы материалы сборов В.В. Докучаева со стоянки Борки (Паничкина, 1941).

Сразу по окончании войны и вплоть до 1950 г. обследование берегов Клязьмы и Оки в пределах Балахнинской низины на территории Горьковской (Нижегородской) области проводил Б.А. Сафонов (Сафонов, 1946, № 44 и № 67; Сафонов, 1949, № 318; Сафонов, 1950, № 442). В 1948 г. он обследовал также берега Оки в пределах Богородского р-на Нижегородской области и открыл стоянку Погорелка (Сафонов, 1948, № 250, с. 250).

В 1946 г. в Шацком р-не Рязанской области Н.П. Милоновым была открыта стоянка Лесное Конобеево 1 (Милонов, 1947, 1949; АКР, 1994, с. 106). В 1947 г. вышла публикация материалов стоянки Елин Бор из раскопок П.И. Борисковского (Воеводский, Борисковский, 1947, с. 77–99).

1950 г. ознаменовался целой серией статей по проблемам мезолита (Воеводский, Формозов, 1950, с. 42–54; Зубков, 1950, с. 141–150; Третьяков, 1950). Особо следует отметить работу М.В. Воеводского «Мезолитические культуры Восточной Европы», где ставится вопрос о культурных различиях в мезолите Восточной Европы и обосновывается существование особой волго-окской мезолитической культуры (Воеводский, 1950, с. 96–119). К глубокому сожалению эта работа была опубликована уже посмертно.

В 1951 г. А.А. Формозов проводит разведки в Калужской области и обследует стоянки Турынинские Дворики и Гремячее, а Б.А. Сафонов в Богородском р-не Нижегородской области открывает стоянку Голосовское IV-2 (Формозов, 1951, № 536; Сафонов, 1951, № 626, с. 3).

В 1952 выходят в свет монографии А.Я. Брюсова, М.Е. Фосс, Г.Д. Чайлда и Г. Кларка (Брюсов, 1952; Фосс, 1952; Чайлд, 1952; Clark, 1952), содержание которых показывают наметившиеся различия в подходах отечественных и западных исследователей к проблемам первобытных формаций и сущности мезолита и неолита в качестве исторических эпох. Следует отметить, что в трудах Г.Д. Чайлда и Г. Кларка нашла четкое выражение экономическая составляющая этих понятий.

Материалы мезолита Волго-Окского междуречья неоднократно рассматривал в своих работах 1950-х гг. А.А. Формозов (Воеводский, Формозов, 1950; Формозов, 1954, 1957, 1959). В них он разрабатывал периодизацию и хронологию мезолитических памятников Волго-Окского бассейна, проблему племенной организации мезолитического населения, этнических и культурных различий в мезолите Восточной Европы. Более детально, чем М.В. Воеводским, им была разработана и характеристика волго-окской мезолитической культуры.

В 1955 г. были опубликованы материалы из сборов на стоянке Турынинские Дворики под Калугой (Успенский, 1955).

В 1956 г. вышла в свет работа, посвященная памятным местам Московской области, в которой содержались сведения о нескольких памятниках с мезолитическими материалами – Колтово 1 (Каширский р-н), Сосновка 1 (Ростиславльское городище) (Озерский р-н), Лужки и Скнига (Устье Скниги, Леоново) (Серпуховской р-н) (Бурых и др., 1956), а также вышла в свет монография Н.Н. Гуриной, посвященная Оленеостровскому могильнику (Гурина, 1956). Следует отметить и статью А.А. Формозова, в которой обосновывалась перспективность работы с подъемным материалом и определялись его источниковедческие ограничения (Формозов, 1956). А в монографии М. Гимбутас (Gimbutas, 1956) бассейн Оки отнесен к ареалу свидерской культуры.

В 1957 г. Ю.А. Краснов открыл стоянку Устье на Москве-реке под Звенигородом (Краснов, 1957, № 1432). Годом позднее С.Н. Астахов провел разведку по Калужской области, где обследовал стоянки Гремячее 1 и 2, а также отрезок левого берега р. Оки между Серпуховом и Каширой в Московской области, где на поселении Прилуки раскопал тройное безынвентарное погребение (Астахов, 1958, № 1844 и № 2033).

В 1959 и 1961 гг. Л.В. Кольцов произвел раскопки и сборы подъемного материала на стоянке Елин Бор под Муромом (Кольцов, 1959, № 2000; Кольцов, 1961, № 2325).

С 1959 и по конец 1960-х гг. на территории Горьковской (Нижегородской) области активно работал В.Ф. Черников, которым было открыто значительное число мезолитических стоянок – Горицы 2, Новошино, Навашино-Теша, Румасово 1, Угольново 1 в Навашинском р-не (Черников, 1961, № 2233); Наумовка 1 и Старая Пустынь в Арзамасском р-не (Черников, 1961, № 2233); Лакша 1 в Богородском р-не (Черников, 1959, № 1990); Венец (Кусторка) 3, Старое Щербинино 1, 1А и 2 в Павловском р-не (Черников, 1960, № 2219); Шатки 1, 2 в Шатковском р-не (Черников, 1962, № 2520). С большинством из этих памятников в 1978 г. он познакомил Л.В. Кольцова и М.Г. Жилина.

В 1961 г. М.П. Зимина и в 1964 г. Л.В. Кольцов обследовали стоянку у с. Мордовское в Южском р-не Ивановской области (Кольцов, 1970), открытую Б.Н. Граковым в 1926 г. В этом же районе в 1970-х годах работала Е.М. Молодцова. Ею были произведены раскопки стоянки Мордовское 1, кроме того, она открыла и раскопала несколько новых памятников, среди которых Мордовское 2–5 и Алексеевское 1, 3 и 6.

В 1961 г. вышла в свет статья Д.А. Крайнова и А.Я. Брюсова, посвященная проблемам северного мезолита (Крайнов, Брюсов, 1961).

В 1962 г. вышла статья А.Я. Брюсова с броским названием «Мезолитическая неурядица», посвященная некоторым общим проблемам мезолитоведения, и две заметки. В первой из них описаны материалы стоянки Устье под Звенигородом (Краснов, 1962), во второй – мезолитические орудия с Воскресенской Горы (Воскресенский Бугор) на р. Цне (Моршанский р-н Тамбовской области) (Попова, 1962). В этом же году Л.В. Грехова провела обследование стоянки Жабынь под Белевом (Грехова, 1962, № 2548).

Из работ, вышедших в 1963 г., следует упомянуть статью П.Н. Третьякова с публикацией мезолитических местонахождений Костромского и Ярославского Поволжья, в которой он касается и некоторых общих вопросов Волго-Окского мезолита (Третьяков, 1963).

В 1964 г. выходит в свет сводка Н.А. Береговой, посвященная палеолитическим и мезолитическим местонахождениям территории СССР (Береговая, 1964), где содержатся данные всего о трех мезолитических памятниках бассейна Оки – Гремячее, Елин Бор и Борки.

Следует также упомянуть статьи Д.А. Крайнова, где обсуждаются некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья (Крайнов, 1964) и польского исследователя Р. Шильда, в которой рассматривалось соотношение свидерских (мазовшанский цикл) и волго-окских материалов (Борки, Скнятино, Елин Бор и др.). В ней он отметил их разную хронологию и высказал предположение о роли сибирского населения в происхождении населения Центральной России (Schild, 1964).

В 1965 г. Л.В. Кольцов предпринял попытку обобщения мезолитических материалов Волго-Окского междуречья (Кольцов, 1965а, б), которые, вслед за М.В. Воеводским и А.А. Формозовым, включал в состав единой волго-окской культуры. Поскольку это было первое диссертационное исследование по волго-окскому мезолиту, вызывает определенный интерес состояние источниковедческой базы, которой он оперировал. Всего к бассейну Оки им было отнесено 10 пунктов, среди них: Борки, Гремячее 1, 2, Дубровичи, Елин Бор, Мордовское 1, 2, Устье, Ужалье и Шумашь.

Сравнение этого списка с тем, который приводится Л.В. Греховой, Г.Ф. Поляковой, В.М. Раушенбах и И.К. Цветковой (Грехова и др., 1970), с той оговоркой, что за промежуток времени, разделяющий эти работы, новых памятников в бассейне Оки открыто не было, показывает, что эта выборка далеко не полная. Пропущено более половины из них, в том числе Бехово, Воронец, Доброе (Добропокровское), Дракино, Жабынь, Кулешово, Лужки, Солодча (Коломцы), Старый Киструс, Федяшево и некоторые другие. Число орудий в каждой из этих коллекций, по данным Л.В. Кольцова, составляет: Гремячее 1 – 17, Гремячее 2 – 2, Борки – 286, Елин Бор – 203, Дубровичи – 11, Ужалье – 10, Шумашь – 11, Мордовское 1 – 24, Мордовское 2 – данных нет, Устье – 8, то есть всего 574. Обращает внимание даже не их малочисленность, сколько недостоверность этих данных. Например, в конце 1990-х гг. сам Л.В. Кольцов приводит для Елина Бора, хотя новых исследований памятника с тех пор не производилось, уже другую цифру – 351 (Кольцов, Жилин, 1999, с. 45). На самом деле и она неверна, так как только в его сборах 1959 и 1961 гг., если судить по коллекции, хранящейся в фондах Владимиро-Суздальского музея-заповедника, орудий насчитывается не менее 1313. При этом часть орудий так и не была передана на музейное хранение. Это значительно больше, чем во всех 40 вместе взятых волго-окских коллекциях, которые он использовал. Таким образом, ни о какой профессиональной компетентности Л.В. Кольцова, как и достоверности выводов, к которым он пришел, говорить не приходится.

В 1966 г. серпуховским краеведом А.Н. Воронковым были открыты стоянки Дракино 2, 4–8 и произведены сборы материала на стоянках Лужки и Скнига (Устье Скниги, Леоново) (Воронков, 1966, № 3231, 3232). Тогда же появилась первая публикация находок Берендеева болота (Никитин, Хотинский, 1966) и вышел выпуск 126 Материалов и исследований по археологии СССР (МИА) под названием «У истоков древних культур», который был целиком посвящен исследованиям памятников эпохи мезолита. Его выход знаменовал своеобразную «победу термина мезолит над термином эпипалеолит». Содержалась в нем и публикация материалов работ Л.В. Кольцова 1959 и 1961 гг. на стоянке Елин Бор (Кольцов, 1966, с. 178–184).

С 1967 по 1994 гг. Б.А. Фоломеевым проводились регулярные разведки по Рязанской области, начало которым было положено посещением памятников, открытых или обследованных В.А. Городцовым, среди которых были Канищево (Логинов Хутор) 4, Борки, Шумашь, Дубровичи и др. (АКР, 1993, с. 59; Фоломеев, 1975, № 5872). Благодаря его усилиям в 1970–1980-е годы все эти памятники были паспортизированы и описаны, одновременно им было открыто свыше 20 новых мезолитических пунктов.

В том же 1967 г. Г.Ф. Полякова обследовала стоянки Белевского течения Оки, среди которых были Сестринский Хрящ, Воронец и Жабынь (Полякова, 1967, № 4345).

С 1968 г. в Подмосковье начал свою деятельность В.В. Сидоров (Сидоров, 1968; Сидоров, 1969, № 3723; Сидоров, 1975, № 5709). До середины 1970-х гг. он открыл и исследовал многочисленные стоянки на Тростенском озере (Городище, Никольское 1, 2, 4, Дальний Остров, Тростенское городище, Тростенское 3С, Тростенское 3Ю, Тростенское 7, Озерна 2, Брикет 1–6) в Рузском р-не Московской области. Тогда же им были открыты или обследованы мезолитические стоянки и в других районах Подмосковья, среди них Беливское озеро 1 (Беливо 23), Дрезна (Язвицкая Гора) 1, Заволенье (Усть-Вольная), Слободище (Пирютино), Редькино, Митинская, Сосенки (Святое озеро 6), а также стоянки на озерах Долгом и Нерском, относящихся к бассейну Верхней Волги.

В Подольском р-не Московской области А.А. Юшко обследовала селище и стоянку Дубровицы (Юшко, 1968, № 3707), в Серпуховском р-не Ю.С. Ченцов – Никольское 1 (Ченцов, 1968, № 3805). В Рязанской области Б.А. Фоломеев обследовал Коростово 1 (Фоломеев, 1968, № 3639).

Среди работ, вышедших в 1968 г. и имеющих значительное влияние на отечественных исследователей финального палеолита и мезолита, следует отметить фундаментальную монографию немецкого археолога В. Тауте, посвященную культурам с черешковыми наконечниками стрел (Taute, 1968). В ней высказывается гипотеза о том, что «предшественника наконечника типа Свидры следует искать в позднем палеолите Восточной Европы» и что «развитие традиций группы Свидры видно в неолите ямочной керамики».

В 1969 г. С.В. Ошибкиной была проведена разведка по Оке в пределах Балахнинской низины, и среди прочих раскопана стоянка Гавриловка Д (12) (Ошибкина, 1969, № 3981), давшая и мезолитические материалы. А.С. Фроловым и автором в 1969 г. были произведены сборы подъемного материала в Русаново 1 (Клепиковский р-н Рязанской области). В Вязниковском р-не Владимирской области В.Я. Сергин открыл стоянку Липовская Усадьба (Сергин, 1969, № 4016). В Южском р-не Ивановской области Е.М. Молодцова открыла стоянки Алексеевское (Холуй) 1, 2 и 4, которые раскапывала в 1969–1974 гг. (Молодцова, 1969, № 4007; Молодцова, 1970, № 4554; Крайнов, 1973, № 5033; Молодцова, 1970, 1973).

В монографии А.Х. Халикова (1969), посвященной каменному веку Среднего Поволжья, проводится сравнение названных материалов с волго-

окскими коллекциями, в частности Елиным Бором и Гремячим. По мнению А.Х. Халикова, наибольшее сходство с ними наблюдается у Яндашевской стоянки, однако в целом мезолит Среднего Поволжья имеет зауральские и сибирские истоки.

В 1970 г. в Собинском р-не Владимирской области В.Я. Сергин открыл стоянки Угор (Ерши) 1–3 (Сергин, 1970, № 4206), А.Н. Сорокин в Мценском р-не Орловской области – Спас 1–4. В Клепиковском р-не Рязанской области Б.А. Фоломеев начал раскопки стоянки Городской парк 1 (Фоломеев, 1970, с. 61; АКР, 1993, с. 104; Фоломеев, 1970, № 4369).

В 1970 г. Л.В. Грехова опубликовала статью, в которой предприняла попытку описания и систематизации мезолитических материалов Окского бассейна (Грехова, 1970). Ею был учтен практически весь материал, известный в то время по окским памятникам. В том же году ею совместно с Г.Ф. Поляковой, В.М. Раушенбах и И.К. Цветковой была составлена карта мезолитических стоянок бассейна Оки, наиболее полно отражавшая характер его исследованности на то время (Грехова и др., 1970). Упомянуты Окские стоянки и в обзоре Н.О. Бадера, посвященном мезолиту Европейской части СССР (Бадер Н., 1970), но эта сводка дает менее подробную информацию, чем одновременно вышедшая статья археологов ГИМа. Одновременно Л.В. Кольцовым были опубликованы материалы стоянки Мордовское 1 в Южском р-не Ивановской области (Кольцов, 1970).

В 1971 г. продолжали исследования мезолитических стоянок В.В. Сидоров и Е.М. Молодцова. А.С. Фроловым в Тарусском р-не Калужской области были открыты Ладыжино 1 и 2.

С.К. Козловский в своей первой работе о мезолите Восточной Европы объединил ряд памятников этой территории, включая и Волго-Окские, в единую кундскую культуру (Kozlowski S., 1971). В фундаментальном труде Р.К. Римантене по палеолиту и мезолиту Литвы нашло яркое выражение дипломатичное решение терминологической проблемы, как называть переходный период между палеолитом и неолитом – эпипалеолит или мезолит? А также получила развитие гипотеза о роли свидерского населения в судьбе мезолитического населения Восточной Европы (Римантене, 1971).

С 1972 г. Д.А. Крайновым велись работы на Ивановском торфянике в Переславском р-не Ярославской области и были исследованы многослойные стоянки Ивановское 1, 3 и 7, давшие мезолитические материалы. В Тейковский р-не Ивановской области была открыта стоянка Сахтыш 9, которая раскапывалась им в 1988 и 1989 гг. (Крайнов и др., 1990; АКР, 1995, с. 168; Крайнов, 1988, № 14379; Крайнов, 1989, № 13981).

С конца 1960-х гг. наиболее активно в Поочье исследовались территории Горьковской (Нижегородской), Рязанской и Московской областей. Если оценивать в целом, число открытых там памятников, как и вообще в бассейне Оки, активнее всего, возрастало в 1970–1980-е годы. Тем не менее прирост мезолитических материалов оказался практически не отраженным и во второй сводке Н.А. Береговой по палеолитическим и мезолитическим местонахождениям СССР, вышедшей через 20 лет после первой. В ней были приведены данные по состоянию на 1958–1970 гг. (Береговая, 1984). В предисловии написано: «Настоящая книга не является вторым, переработанным изданием книги Н.А. Береговой, вышедшей в 1960 г. В ней характеризуются только памятники, открытые и исследованные после выпуска названной книги» (Береговая, 1984, с. 3). Вероятно, поэтому в ней и сохранилось упоминание лишь о единственной стоянке – Елином Боре, исследование которого производилось в 1959 и 1961 гг.

Данные по Волго-Окским стоянкам использовал в своих монографиях С. Козловский (Kozlowski, 1972, 1973). Наконец, следует упомянуть и сборник «The Mesolithic in Europe. Warsaw. 1973», в котором были собраны материалы 1-го Международного совещания по мезолиту Европы, в том числе и статьи советских археологов.

Известный прирост материалов, главным образом за счет верхневолжских, позволил Л.В. Кольцову в начале 1970-х гг. выделить несколько локальных групп в мезолите Волго-Окского бассейна (Кольцов, 1973). Впрочем, эта попытка не имела никакого реального продолжения. Более перспективным оказалось типологическое деление материалов. Так, в 1976 г. он выделяет елиноборскую и бутовскую культуры (Кольцов, 1976), а годом позднее – и иеневскую культуру. Таким образом, с середины 1970-х гг. мезолит Волго-Окского междуречья перестал рассматриваться как единое целое. С этого времени практически исчезает в литературе и упоминание волго-окской мезолитической культуры.

В последующие годы идея многообразия мезолита региона была принята всеми исследователями и нашла наиболее последовательное развитие в работах автора (Сорокин, 1987, 1989, 1990, 1995, 2002).

В 1975 г. Н.Л. Дресслер в Пителинском р-не Рязанской области были открыты стоянки Высокие Поляны (Верхнеполянское, Бор, Поляны Верхние) 1 и 6 (Дресслер, 1975, № 5683).

В 1975–1977 гг. активно изучались памятники Великих Мещерских озер. Тремя разведочными отрядами Окской экспедиции под руководством А.В. Трусова, А.С. Фролова и автора (Фролов и др., 1975) было выявлено более 20 мезолитических стоянок, среди которых: Шагара 4, Беляково 3, 4, Дунино, Кузино, Островки, Лебединое, Не-

нашкино 2, Подлипки, Русаново 2, Петрушино, Микулино, Тюрьвищи, 171 км, Шильцева Заводь 1, Совка 3 и др. На некоторых из них были проведены раскопки.

Автором, начиная с 1975 г., были открыты и обследованы стоянки в Московской, Владимирской, Рязанской и Калужской областях (Святое озеро 4, Коренец 4, Лужки 13, Исихра 1, 2, Петрушино 1, 2, Микулино, Тюрьвищи 1, Задне-Пилево 1–11, Исток 1–3, Борисово 1, 2, Шильцева Заводь 1, 5, Кирицы 1, 2, Митькино озеро 2 и т.д.). Некоторые из них, как Петрушино, Микулино, Борисово 1, Исток 1, Задне-Пилево 1, 2, 4 и 8, Шильцева Заводь 5, Пургасово 3, Шагара 4, Брагино, Барашево 1, 2, Красное 1 «Вася», Красное 3, Красное 8 «Пенешки», Рессета 2 и 3 были раскопаны на значительной площади.

В 1975 г. вышла в свет публикация материалов Дальнего Острова (Сидоров, Жилин, 1975) и монографии С. Козловского, Я. Козловского, Р. Шильда и Г. Кларка (Kozlowski S., 1973, 1975; Kozlowski J., Kozlowski S., 1975; Schild, 1975; Clark, 1975). Что касается восточно-европейских материалов, в их интерпретации С.К. Козловский относит памятники Волго-Окского междуречья к верхневолжской мезолитической культуре. Одновременно он поддерживает идею Р. Шильда об участии сибирского населения в генезисе населения данной культуры.

В 1976 г., помимо статьи Л.В. Кольцова о культурных различиях в раннем мезолите Волго-Окского междуречья, вышла публикация материалов эпохи камня и раннего металла из Примокшанья В.Н. Шитова и монография Г.Н. Матюшина по мезолиту Южного Урала, в которой подчеркивается их своеобразие по сравнению с волго-окскими.

В 1977 г. в окрестностях с. Заулки Кадомского р-на Рязанской области в урочище «Петрушкин бугор» на Мокше были найдены орудия мезолитического облика (Зеленеев, Шитов, 1978). В.П. Глазовым были проведены разведки в Вязниковском р-не Владимирской области и открыты стоянки: Заборочье 1, 2, Ново (Великоозерское) 1, Якушиха 1–5, в Гороховецком р-не – Бобылки 1–3 (Глазов, 1977, № 9671). В Гусевском р-не автором производились раскопки стоянки Петрушино (Сорокин, 1981а, б, 1990; Сорокин, 1976, № 6166), в Калужской области Ладыжино 3 раскапывалось А.С. Фроловым. А.В. Трусовым была обнаружена и раскопана в Клепиковском р-не Рязанской области Совка 3 (Фоломеев и др., 1978, с. 92; Трусов, 1977, № 6565). М.Г. Жилиным были проведены первые самостоятельные разведки по Клязьме в пределах Московской области, открыты или обследованы уже известные памятники: Дрезна (Язвицкая Гора) 4, Красная Дубрава (Демидово) 3, Павловский Посад 1, Большие Дворы, Демидово 1, 2, Ковригино, Курово 1, 2, Саурово 2–4 и 7 (Жилин, 1977, № 6618).

Неоценимое значение для мезолитоведения имеют две работы А.А. Формозова, вышедшие в том же году: монография по проблемам этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР и статья «О критике источников в археологии» (Формозов, 1977а, б).

Следует отметить и компиляцию Л.В. Кольцова по финальному палеолиту и мезолиту Южной и Восточной Прибалтики (Кольцов, 1977), в которой нашла развитие идея Л. Савицкого, С. Козловского и М.В. Воеводского о постсвидерских культурах Восточной Европы.

В 1978 г. Л.В. Кольцов провел разведку по Нижегородской области, в которой участвовали В.Ф. Черников и М.Г. Жилин. Были осмотрены стоянки Новошино, Старая Пустынь, Большая Поляна, Ефаново (Ефановская) 3, открытые В.Ф. Черниковым ранее, кроме того, в ходе разведки были найдены стоянки у д. Угольново и Спас-Седчено (Кольцов, 1978, № 8301). В 1980-х гг. М.Г. Жилин раскопал эти памятники, а также обнаружил и исследовал ряд других: Велетьминское 9, Безводное 10, Утрех 3 и 5, Боровское 3, 18 и т.д.

В том же году первые самостоятельные полевые исследования в Мещере были проведены А.Е. Кравцовым. До 1992 г. им было открыто свыше 50 памятников в Егорьевском, Раменском и Орехово-Зуевском р-нах Московской области. Среди них в Шатурском р-не раскопана стоянка Алешино (Жабки) 3 на площади 269 кв. м, в Воскресенском р-не – Исаково (Чашка) 1–3. На стоянке Исаково 1 (Чашка 1), А.Е. Кравцовым и Г.А. Николаевым исследовано 36 кв. м. В Егорьевском р-не: Колионово (Черная) 1–3; Куплиям 1, 2 (2А); Лелечи 2. На стоянке Черная 1 А.Е. Кравцовым вскрыто 207 кв. м. В Орехово-Зуевском р-не исследованы: Беливо 1 (4Г – северная); Беливо 2 (4Г – южная); Беливо 3 (6Б), Беливо 2 (1Б), 3 (1В), 4 (1Г), 5 (1Д), 6 (1Е), 7 (2), 9 (4А), 10 (4Б), 11 (4В), 12 (5Б), 13 (6, 6А), 14 (6В), 16 (8), 19 (12); Беливо 22 (Беливское оз. 1); Беливо 23 (Беливское оз. 1); Беливо 24 (Беливское оз. 2); Беливо 25 (Беливское оз. 3); Беливо 26 (Беливское оз. 4); Заволенье (Усть-Вольная); Загряжская 1; Слободище 1, 5 (3); Соболево 1, 2 (3); Тереньково 1 (4), 2 (4Б), 3 (7), 4 (5Б), 5 (5А), 7 (Тереньковское кладбище 1), 4 (6); Хотеичи 1 (2). Ряд памятников А.Е. Кравцовым был раскопан, среди них: Беливо 5 (1Д) (исследовано 8 кв. м), Беливо 7 (2) (123 кв. м), Беливо 9 (4А) (215 кв. м), Беливо 10 (4Б) (95 кв. м), Беливо 13 (6, 6А) (10 кв. м), Беливо 16 (8) (6 кв. м), Беливо 19 (12) (6 кв. м), Беливо 26 (Беливское оз. 4) (9 кв. м), Тереньково 1 (4) (20 кв. м), Тереньково 4 (6) (48 кв. м), Беливо 1 (4Г – северная) (332 кв. м), Беливо 2 (4Г – южная) (767 кв. м), Беливо 3 (6Б) (раскопана полностью) (Кравцов, 1978, № 6948; 1979, № 7578; 1980, № 7832; 1981, № 8508; 1982,

№ 9360; 1983, № 9581; 1984, № 10893; 1985, № 10597; 1986, № 11382; 1987, № 11878; 1988, № 12529; 1989, № 14300). На стоянках Заволенье (Усть-Вольная) А.Е. Кравцовым и В.В. Сидоровым исследовано 108 кв. м, Беливо 14 (6В) и Беливо 9 (4А) А.Е. Кравцовым и Е.В. Леоновой раскопано 338 кв. м (Кравцов, 1980, 1981, 1983, 1984, 1985, 1986, 1988а, 1988б; Кравцов и др., 1979; Кравцов, Лозовский, 1989; Кравцов и др., 1994).

В 1978 г. вышла публикация материалов Ладыжино 3 (Фролов, Жилин, 1978).

В монографии, посвященной мезолиту и неолиту Карелии, Г.А. Панкрушев прямо связывает появление на ее территории стоянок с кремневым инвентарем с «приходом туда части волго-окского населения» (Панкрушев, 1978). Он пишет: «Уже с момента своего появления на территории Карелии пришельцы завязывали тесные контакты с аборигенами и заимствовали их навыки в технике производства орудий из местных пород камня... Поселения пришельцев были в это время небольшими островками в море аборигенов, и это одна из основных причин их тесных контактов с местным населением» (Панкрушев, 1978, с. 64); «Стоянка Олений Остров содержит в своем инвентаре изделия аборигенов… и поделки пришельцев. Это свидетельствует о смешанном составе ее обитателей...» (Панкрушев, 1978, с. 65). Нет особой нужды комментировать эти красочные строки. Хотя часть изложенного в них вызывает серьезные возражения, в связи с рассматриваемой темой достаточно указать на гипотетическую роль в этих событиях волго-окского населения.

Из зарубежных изданий следует упомянуть статью В. Вуда и Д. Джонсона, посвященную обзору природного воздействия на памятники археологии, имеющую непреходящее значение для изучения всех голоценовых памятников (Wood, Johnson, 1978).

В 1979 г. Л.А. Михайловой во Владимирской области раскапывалась стоянка Ново (Великоозерское) 1 (Михайлова, 1980; Михайлова, 1979, № 7943), А.С. Фроловым в Калужской области – стоянка Ладыжино 3, М.Г. Жилиным в Горьковской области – Велетьминская 9, Л.В. Кольцовым исследовалась стоянка Берендеево 3 в Переславском р-не Ярославской области. В.П. Глазов в ходе разведок во Владимирской области открыл стоянки: Домашнево 2, 3, Напутново (Петхар) 1–5 и Покров в Петушинском р-не, Елховицы 2, Жохово 1–5, 9 и Лисьи Борки в Собинском р-не (Глазов, 1979, № 7835; АКР, 1995, с. 212) и Дуброво 1 в Селивановском р-не (Глазов, 1979, № 7835).

Среди изданий можно отметить публикацию материалов стоянки Старая Пустынь 1 (Кольцов и др., 1979), тезисы доклада Д.А. Крайнова и Л.В. Кольцова, посвященные проблемам первобытной археологии Волго-Окского междуречья, в которых была впервые изложена схема культурных различий в эпоху мезолита (Крайнов, Кольцов, 1979), а также статью Л.В. Кольцова о генезисе раннемезолитических культур Северной Европы (Кольцов, 1979). В ней была сформулирована идея «сложения мезолитических культур» путем суммирования их комплексов. Подкупающая своей простотой, эта гипотеза надолго определила содержание культурологических изысканий отечественных мезолитоведов, в том числе и автора этих строк. По прошествии времени четко виден механистический подход к проблеме и как далеко в своем примитивизме эта гипотеза была от реального объяснения генезиса археологических культур.

В 1980 г. верховья Оки осматривались А.С. Смирновым, который произвел сборы на Добропокровской и Жабынской стоянках, в устье р. Беленькой и открыл стоянку Буравленка. Тогда же Жабынская стоянка была осмотрена А.Н. Сорокиным. В Калужской области И.К. Фроловым была открыта стоянка Брагино (Фролов И., 1980, № 8788), в Камешковском р-не Владимирской области В.П. Глазовым открыты Давыдово 1, 2 (Глазов, 1980, № 8065; АКР, 1995, с. 133). А.Е. Кравцов продолжал раскопки стоянок Жабки 3 и Черная 1 в Подмосковье.

В этом же году вышла монография Г. Кларка, посвященная экономическому базису эпохи мезолита (Clark, 1980).

В 1981 г. И.К. Фроловым на р. Рессете в Хвастовичском р-не Калужской области были открыты стоянки Красное 1–3 и Рессета 1, 2. Все эти пункты были дополнительно обследованы в 1982 г. А.С. Смирновым, кроме того, им были открыты стоянки Красное 8 «Пенешки», Красное 10 и Рессета 3. В 1982–1986 гг. эти памятники раскапывались А.С. Смирновым, А.Н. Сорокиным и А.С. Фроловым. В Путятинском р-не Рязанской области А.Н. Гавриловым открыты Александро-Нетрош 1 и 2, а в Шиловском р-не – Прибрежный 4 (Гаврилов, 1981, № 8888), в Московской области Р.Л. Розенфельдтом – Грызлово и Хатунь, А.К. Станюковичем и В.Ю. Дукельским – Заозерье 1 и 2, в Алексинском р-не Тульской области Г.К. Патрик нашла стоянку Карташево (Патрик, 1981, № 8862).

В 1981 г. Д.А. Крайнов исследовал стоянку Малая Ламна 3 в Южском р-не Ивановской области (Уткин, 1990). Раскопки стоянок Велетьминская 9 и Угольново 1 производил М.Г. Жилин (Жилин, 1981, № 8543), А.Е. Кравцов исследовал стоянки Куплиям 1, 2 и Жабки 3 (Кравцов, 1981, № 8508), А.Н. Сорокин в Гусевском р-не Владимирской области продолжал раскопки стоянки Петрушино.

В 1981 г. были опубликованы материалы раскопок Микулино и Петрушино (Сорокин, 1981а, б) и стоянки Ладыжино 3 (Жилин, Фролов, 1981), а

также сборник материалов 2-го Международного симпозиума по мезолиту Европы, проводившегося в Потсдаме в апреле 1978 г. (Mesolithikum in Europa, 1981).

В 1982 г. в Хвастовичском р-не Калужской области А.С. Смирновым были обследованы стоянки Красное 1–3 и Рессета 1, 2 и открыты стоянки Красное 8, 10 и Рессета 3. Стоянки Красное 1 «Вася» и Красное 8 «Пенешки» раскопаны в том же году А.Н. Сорокиным (Смирнов, Сорокин, 1982, № 9168). Сборы в Красной 3 производились автором совместно с А.С. Смирновым (Смирнов, Сорокин, 1982, № 9168). Красное 10, открытое в 1982 г. А.С. Смирновым (Смирнов, Сорокин, 1982, № 9168), раскапывалась им в 1982–1985 гг. (Смирнов, 1983, № 8658; Смирнов, 1984, № 10366; Смирнов, 1985, № 11003). В Перемышльском р-не автором раскапывалась стоянка Брагино (Смирнов, Сорокин, 1982, № 9168; АО-1982; АКР, 1992).

В Московской области А.Е. Кравцовым раскапывались Колионово (Черная) 1, 3 и Жабки 3 (Кравцов, 1982, № 9360). Стоянки Заозерье 1 и 2 исследовались А.С. Фроловым в 1982 и 1983 гг.

В Горьковской (Нижегородской) области Пустынь (Старая Пустынь) 1 и Велетьминская 9 раскапывались М.Г. Жилиным (Жилин, 1982, № 9175). В Арзамасском р-не В.Н. Мартьяновым обследованы стоянки Красная речка (Пятница) 5 и Личадеево 1 (Мартьянов, 1982, № 10048).

В Спас-Клепиковском р-не Рязанской области А.Н. Сорокиным были открыты и раскапывались стоянки Борисово 1, Задне-Пилево 1–9, Шильцева Заводь 5 (Сорокин, 1990; Сорокин, 1982, № 9480). В Шиловском р-не А.Н. Гавриловым было обследовано Куземкино 4 (Гаврилов, 1982, № 10656).

В Переславском р-не Ярославской области Ю.Б. Цетлиным раскапывалось Ивановское 7.

В том же году были опубликованы материалы стоянки Берендеево 2а (Жилин, Крайнов, 1982) и вышла в свет монография В.Н. Станко о стоянке Мирное (Станко, 1982), в которой значительное внимание было уделено планиграфии находок и реконструкции на этой основе образа жизни мезолитических охотников-собирателей степной зоны. Позднее эта реконструкция была подвергнута критике и признана недостоверной (Сорокин, 2000, 2002).

В 1983 г. во Владимирской области открыто и раскопано Петрушино 2 (Сорокин, 1983, № 9480).

В Ивановской области Д.А. Крайновым и А.В. Уткиным раскапывалась Малая Ламна 3 (Костылева, 1983; Уткин, 1990; Крайнов, 1983, № 9784).

В Калужской области А.С. Смирнов исследовал стоянку Красное 10 (Смирнов, 1983, № 8658), А.Н. Сорокин – Рессета 2 и 3 (Сорокин, 1983, № 9479).

В Московской области А.Е. Кравцовым были продолжены раскопки стоянок Калионово (Черная) 1 и Жабки 3 (Кравцов, 1983, № 9581), А.С. Фроловым производились сборы подъемного материала на стоянках Заозерье 1 и 2 (Фролов, 1983, № 9609).

В Нижегородской области М.Г. Жилиным раскапывалась Велетьминская 9 (Жилин, 1983, № 9889).

В Рязанской области Б.А. Фоломеевым открыто Пургасово 3 (Фоломеев, 1983, № 9663), А.Н. Сорокиным – Заводская Слобода 1 и 3, Задне-Пилево 10, 11, Исток 1–3, Медвежье 1–3 (Сорокин, 1983, № 9480), А.Н. Гавриловым – Санское 2 (Гаврилов, 1983, № 9716).

В Ярославской области Д.А. Крайновым раскапывалось Ивановское 7.

В статье Д.А. Крайнова и Л.В. Кольцова, посвященной 25-летию Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР (Крайнов, Кольцов, 1983) была дана более развернутая характеристика основных археологических культур Волго-Окского бассейна, чем изложенная в их совместных тезисах 1979 г.

В монографии С.В. Ошибкиной (Ошибкина, 1983) высказывается мысль, что сходство, которое прослеживается в материалах стоянок бассейна р. Сухоны и волго-окских вызвано их сложением на общей свидерской основе.

В 1984 г. на территории Калужской области Б.В. Грудинкиным открыта стоянка Калуга, которая раскапывалась им в 1985–1987 гг. (Грудинкин, 1984, № 9473), в Ферзиковском р-не – Воронино, раскопки которого велись в 1985 г. (Грудинкин, 1984, № 9473; 1985, № 10939). В Хвастовичском р-не Красное 8 «Пенешки» раскапывалось А.С. Фроловым, а Красное 10 – А.С. Смирновым (Смирнов, 1984, № 10366).

В Московской области (Егорьевский р-н) Колионово (Черная) 1 и Колионово (Усть-Черная) 3 раскапывались А.Е. Кравцовым, в Орехово-Зуевском р-не им были открыты Беливо 2 (1Б), 3 (1В), 4 (1Г), Беливо 5 (1Д), 6 (1Е), 7, 9 (4А), 10 (4Б), 11 (4В), 13 (6, 6А), Беливо 22 (Беливское озеро 1), Беливо 23 (Беливское озеро 2), Заволенье (Усть-Вольная), Загряжская 1, Тереньково 1 (4), 4 (5Б), 5 (5А), 7 (Тереньковское кладбище 1), 4 (6) (Кравцов, 1984, № 10893). В Раменском р-не А.С. Фролов продолжал обследование стоянок Заозерье 1 и 2 (Фролов, 1984, № 10424). В Солнечногорском р-не А.Н. Неклюдов начал исследование стоянок Льялово 3, 5, 6, Менделеево 1 и 2 (Неклюдов, 1984, № 10443).

В Нижегородской области М.Г. Жилин раскапывал Новошино (Жилин, 1984, № 10532).

В Рязанской области автором в Клепиковском р-не были раскопаны Задне-Пилево 2, Исток 1 и Шильцева Заводь 5 (Сорокин, 1984, № 11965; Сорокин, 1990). В Пителинском р-не И.Л. Чернаем были открыты Высокие Поляны 1 и 6 (Чернай, 1984, № 10106).

В Ярославской области Д.А. Крайновым и А.В. Уткиным раскапывалось Ивановское 3.

Вышли в свет: сводка палеолитических местонахождений СССР Н.А. Береговой, упомянутая выше, статьи Л.В. Кольцова о мезолитических поселениях Верхнего Поволжья (Кольцов, 1984), Д.А. Крайнова и Н.А. Хотинского – об Ивановских стоянках (Крайнов, Хотинский, 1984), А.С. Фролова – о палинологической датировке стоянки Ладыжино 3 (Фролов, 1984), А.Н. Сорокина – о мезолите Великих Мещерских озер (Сорокин, 1984), а также монография Л.Л. Зализняка о мезолите Юго-Восточного полесья.

В 1985 г. в Лухском р-не Ивановской области П.Н. Травкиным обследована стоянка Горки (Травкин, 1985, № 11057).

В Калужской области Б.В. Грудинкиным раскапывалась стоянка Калуга и были открыты Никольское 1, Семеновка, Воронино (Грудинкин, 1985, № 10939; АКР, 1992, с. 95; Болдин и др., 1999), А.С. Фроловым открыты Сутормино 1–3 и раскопаны Таруса 1 и 2 (Фролов, 1985, № 10761; Фролов, Прошкин, 1989; АКР, 1992, с. 105). А.С. Смирновым были продолжены раскопки стоянки Красное 10 (Смирнов, 1985, № 11003).

В Московской области Н.А. Кренке исследовал селище и стоянку Истра 2 (Трусовское) и Дубровицы (Кренке, 1985, № 11073). А.Е. Кравцов продолжал обследование и раскопки стоянок в окрестностях д. Беливо (Кравцов, 1985, № 10597), А.Н. Неклюдов – Льялово 3 (Неклюдов, 1985, № 11243).

В Нижегородской области М.Г. Жилиным обследована стоянка Саконы 1 (Саконская) (Жилин, 1985, № 11185).

В Рязанской области А.Н. Сорокиным раскопано Пургасово 3 и открыты Пургасово 4–6, Набоково (Сорокин, 1985, № 11155), И.Л. Чернаем обследованы Высокие Поляны (Сухарев Лесок) 6 (Чернай, 1985, № 10411), В.В. Судаковым открыты Вышетравино 1 и 2 (Судаков, 1985, № 10436).

Вышла в свет статья А.С. Фролова о памятниках иеневской культуры в бассейне Оки (Фролов, 1985).

В 1986 г. в Калужской области А.С. Фроловым в Думиничском р-не открыты Поляки 1, 2, в Износковском р-не – Вязищи, в Медынском р-не – Кременское 1–4, в Тарусском р-не раскапывались стоянки Таруса 1 и 2 (Фролов, 1986, № 11820).

В Московской области А.Е. Кравцовым были продолжены исследования стоянок в окрестностях д. Беливо и Тереньково (Кравцов, 1986, № 11382), А.Н. Неклюдовым – раскопки Льялово 3 (Неклюдов, 1986, № 11244 и 11914).

В Нижегородской области М.Г. Жилиным исследованы стоянки Красная речка (Медвежье Логово), Наумовка 1, Пустынь (Старая Пустынь) 1, Ясная Поляна 3 (4) (Жилин, 1986, № 11859).

В Рязанской области В.П. Челяповым открыто Барашево 1 (Челяпов, 1986, № 11310), А.Н. Сорокиным – Ибердус 2, 3, Берестянки, Лесное Конобеево 2–21 (Сорокин, 1986, № 14552), Е.Д. Каверзневой – Одоевские Фермы (Пищерга) 9 (АКР, 1993, с. 187; Каверзнева, 1986, № 11949).

В Ярославской области Д.А. Крайновым и А.В. Уткиным продолжены раскопки стоянок Ивановское 3 и 7 (Уткин, 1986).

Из публикаций можно отметить статьи автора о рессетинской и бутовской культурах (Сорокин, 1986), монографию В.И. Неприной, Л.Л. Зализняка и А.А. Кротовой о памятниках каменного века Левобережной Украины (Неприна и др., 1986) и сборник под редакцией М. Звелебила о переходе мезолитических обществ к неолиту и производящему хозяйству (Hunters in transition, 1986).

В 1987 г. во Владимирской области М.Г. Жилин проводил шурфовку Елина Бора, но данных об этом в его полевом отчете не оказалось. В Нижегородской области на территории Балахнинской низины он раскопал стоянки на оз. Боровском – Боровское 3 и 18 (Жилин, 1987, № 12522).

В Калужской области Б.В. Грудинкиным продолжены раскопки стоянки Калуга, открыты: Пучково 1, Каменка, Оптина Пустынь 1, 2 (Грудинкин, 1987, № 12227).

В Московской области А.Е. Кравцов продолжал обследование стоянок Исаково (Чашка) 1, Колионово 2 (Черная 3), Беливо 9 (4А), Беливо 16 (8), Беливо 19 (12), Соболево 1, 2, Тереньково 3 (7), Хотеичи 1 (2), Беливо 2 (4Г – южная), Беливо 3 (6Б) (Кравцов, 1987, № 11878), М.И. Гоняным открыто Ознобишино 5.

В Рязанской области А.Н. Сорокин произвел сборы в Барашево 1, обследовал Поповку, Сысои-Дно 1 и 2, Вышетравино 1–8, Зарю Свободы 1, 2, Барашево 2, Калиновец, Кирицы 1 и 2, продолжил раскопки Истока 1 (Кравцов, Сорокин, 1991) и совместно Е.Д. Каверзневой – Шагары 4 (Сорокин, 1987, № 14058; Каверзнева, Сорокин, 1987, № 13902); И.Л. Чернаем была открыта стоянка Лубянка (Рождественская) (АКР, 1996, с. 42; Чернай, 1987, № 11925).

В Тульской области Б.А. Фоломеевым открыты Слободка (Городище) и Беломестное (Фоломеев, 1987, № 12004), Р.В. Кляниным на территории г. Тулы обнаружена стоянка Упа 4 (Клянин, 1987, № 12104), О.Н. Заидовым – Тетяковка 1 и 3 (Заидов, 1987, № 12084).

В Ярославской области Д.А. Крайновым и А.В. Уткиным продолжены раскопки стоянки Ивановское 7.

Из публикаций, вышедших в 1987 г., следует отметить заметки М.Г. Жилина и А.С. Фролова о датировке и культурной принадлежности стоянки Турынинские Дворики, А.С. Фролова о стоянке Заозерье 1

на Москве-реке, А.Н. Сорокина и А.С. Фролова о стоянке Красное 8 «Пенешки», статьи Л.В. Кольцова и М.Г. Жилина о материалах стоянки Угольново 1 и А.Е. Кравцова – о хронологии мезолитических и ранненеолитических памятников Мещерской низменности, а также серию статей автора о культурных различиях в мезолите бассейна р. Оки, рессетинской и бутовской культурах и методике исследования мезолитических стоянок с неокрашенным культурным слоем. В них на основе новейших исследований были выделены рессетинская и култинская культуры и упорядочена характеристика бутовской культуры, а также предложена полевая методика пространственной фиксации материалов (Сорокин, 1987а–г).

Следует упомянуть и заметку М.Г. Жилина, в которой он выделяет в Волго-Окском бассейне функционально-специализированные памятники типа Красново 1. Собственно, ничего нового в этом, за единственным исключением, не было. Исключением служило то, что они были выделены именно по волго-окским материалам, специфика которых до этого времени рассматривалась в локальном, хронологическом или культурном аспектах. Прямого отношения к рассматриваемой теме, правда, эта дефиниция могла бы не иметь, если бы не одновременная попытка М.Г. Жилина атрибутировать их еще и в качестве «охотничьих лагерей бутовской культуры». Мало того, что в количественном отношении объединенные в этот тип коллекции не были статистически представительными, что само по себе делало его выделение преждевременным, их увязка с бутовскими коллекциями реально ни на чем не основывалась.

В вопросе культурных различий Волго-Окского мезолита М.Г. Жилин придерживается, главным образом, той схемы, которая была предложена Л.В. Кольцовым (Жилин, 1987, 1999; Koltsov, Zhilin, 1999). Использует он и его термин «восточный вариант культуры федермессер» (Кольцов, 1977) для обозначения комплексов стоянок с обушковыми ножами (Zhilin, 1998; Жилин, 1999, 2002). Совершенно очевидно, что введение и использование этой дефиниции показывает непонимание генезиса и сути археологических культур эпохи финального палеолита. Ибо культуры этого времени, как, впрочем, и любой другой эпохи, являются материальным выражением не некой археологической абстракции, а отражением конкретного образа жизни малочисленного и подвижного приледникового населения, по образному выражению канадского исследователя Брайана Гордона, «преследователей оленьих стад» (Gordon, 1997). И следовательно, это не какой-то вариант или некое новое население, а все то же население культуры федермессер, кочевья которого в эпоху позднего ледниковья охватывали и Западную, и Восточную Европу.

Более того, различия в наборах и метрических признаках территориально удаленных памятников одной и той же культуры закономерны. И объясняются они, по крайней мере, двумя обстоятельствами. Во-первых, тем, что в принципе не может быть двух абсолютно схожих коллекций, во-вторых, тем, что метрические значения каменных изделий вызываются, как совершенно справедливо показал Брайан Гордон, удаленностью от потребителя источников каменного сырья или, напротив, их доступностью (Gordon, 1997). Вот почему изделия, оставленные на весенне-летних тундровых стоянках охотниками на северных оленей Канады, где сырье в изобилии, гораздо крупнее изделий осенне-зимних стоянок тех же охотничьих групп в лесной зоне, где сырьевая база скудна, а само сырье трудно извлекать. Напротив, у охотников на северных оленей территории Республики Коми мерные признаки в географическом отношении распределяются наоборот: в тундре, где почти нет каменного сырья, изделия мелкие, а в лесной зоне с его Тиманским Кряжем они существенно крупней. Кстати, это же обстоятельство, а не некие культурные характеристики, объясняет и весомые различия в мерных признаках, которые наблюдаются в валдайских стоянках «подольской» культуры при их сопоставлении с изделиями культуры бромме-лингби (Синицына, 2000), что ставит вопрос о целесообразности ее выделения.

Единственным «отклонением от схемы» Л.В. Кольцова служит предположение М.Г. Жилина о существовании т.н. кундско-бутовского единства (Жилин, 1999, 2001). В основе этой гипотезы лежит анализ костяного и рогового инвентаря памятников двух названных культур. В этой связи следует заметить, что если изначально нет четкой культурной атрибуции коллекций по каменному инвентарю и их признаки аморфны, а это относится как к материалам бутовской, так и кундской культур, то их разделение по костяному и роговому набору в принципе невозможно. Данное обстоятельство со всей очевидностью и продемонстрировано М.Г. Жилиным. Полагаю, что органические материалы – это своеобразный вид археологических источников, специфику и «культурное» содержание которых еще предстоит выяснить. При этом совершенно не обязательно, что ареалы, локализуемые по каменному инвентарю, будут совпадать с теми, которые очерчиваются по костяному или роговому набору. Во всяком случае, к такому выводу пришел еще В. Тауте (Taute, 1968).

В 1988 г. в Ивановской области Д.А. Крайновым начаты раскопки стоянки Сахтыш 9 (Крайнов и др., 1990; АКР, 1995, с. 168; Крайнов, 1988, № 14379; Крайнов, 1989, № 13981).

В Калужской области О.Л. Прошкиным открыты Маламахово 1–3, Б.В. Грудинкиным – Вороно-

во и Ильинское (Грудинкин, 1988, № 12236; Болдин и др., 1999).

В Московской области А.Е. Кравцовым раскапывались Исаково (Чашка)1–3, Беливо 10 (4Б), Беливо 1 (4Г – северная), Беливо 3 (6Б) (Кравцов, 1988, № 12529), Г.А. Николаевым Беливо 11 (4В) (Николаев, 1988, № 13964), К.В. Ворониным обследованы Дракино 1–8 и Лужки 1 (Воронин, 1988, № 14035).

В Нижегородской области М.Г. Жилиным раскопаны Наумовка 1, Спас-Седчено 2 и открыты Поздняково 8, 9, Груздево 1–3 (Жилин, 1988, № 12551).

В Рязанской области Б.А. Фоломеевым открыты Березовый Рог (Папушево) 3, Лакаш (Гришинский Исток) 1 и 2, Орехово (Фоломеев, 1988, № 12557).

В Тульской области О.Н. Заидовым раскопана стоянка Тетяковка (Кикина Протока) 3 (Заидов, 1988, № 13398).

Из публикаций, вышедших в 1988 г. и касающихся памятников бассейна Оки, следует отметить две статьи А.Е. Кравцова о памятниках позднего мезолита и эпохи бронзы в подмосковной Мещере и материалов Беливо 4Г, публикацию автора коллекции нижнего слоя стоянки Исток 1 в Мещере, монографию А.А. Выборнова и В.П. Третьякова о неолите Сурско-Мокшанского междуречья, содержащую краткие сведения и о мезолитических находках в регионе, а также статью А.Н. Сорокина и А.С. Фролова (на укр. языке) о чертах сходства и различия песочноровской и иеневской культур, где был сделан вывод об их тождестве.

В 1989 г. в Ивановской области Д.А. Крайновым были продолжены раскопки стоянки Сахтыш 9 (Крайнов, 1989, № 13981), а К.И. Комаровым были обследованы стоянки Мордовское 4, 6 и 7 (Комаров, 1989, № 14122).

В Московской области В.В. Сидоровым исследованы Колтово 1 и 2 (Мутенка), Лужки 1, 2, 3 (Б), 4, 5 (Г), 6 (Д) и 7 (Сидоров, 1989, № 15433), А.Е. Кравцовым – Беливо 14 (6В), Беливо 3 (6Б), (Кравцов, 1989, № 14300), Е.В. Леоновой – Беливо 1 (4Г – северная) и Беливо 2 (4Г – южная), (Леонова, 1989, № 14425), Т.М. Кузнецовой раскопано Митино 5 (Кузнецова, 1989, № 15474), А.Е. Кравцовым и Е.В. Леоновой – стоянка Дальний Остров (Кравцов, Леонова, 1992).

В Нижегородской области М.Г. Жилиным обследованы Зименки 4, Волосово 12, Малое Окулово (Малоокуловская) 11, 1, 14, 16, 17, Покров 4–8, Венец 4, 6, 9, Венец (Кусторка) 3 (Жилин, 1989, № 13462).

В Рязанской области в Барашево 1 автором произведены сборы подъемного материала и найдены стоянки Лебяжий Бор 4, Пургасово 8 и 9, Полушкино 1, 3, 4, 5, Шабаево 1–5, Коростово 2–5, Уродово (Панино) 3–5 (Сорокин, 1989, № 13786), а также раскопаны Шильцева Заводь 5 и Вышетравино 1 (Сорокин, 1989, № 13786). В.М. Буланкиным паспортизированы стоянки Лесное Конобеево 2–21 и открыта стоянка Сявель (Шаморга 20) (Буланкин, 1989, № 14325).

В Тульской области О.Н. Заидовым дополнительно исследованы Тетяковка (Кикина Протока) 3, Тетяковка (Кобяково) 1 (Заидов, 1988, № 13398; Заидов, 1989, № 14774).

В Ярославской области К.И. Комаровым обследована стоянка Купанское (Дом охотника) (Комаров, 1989, № 14122).

Вышли в свет заметка А.Е. Кравцова о некоторых спорных вопросах иеневской мезолитической культуры и его совместная публикация с В.М. Лозовским о стоянке Черная 1 в Мещере. А.С. Фролов и О.Л. Прошкин опубликовали материалы к Своду памятников археологии Калужской области. Схема культурного членения мезолита бассейна Оки нашла свое развитие в статье А.С. Смирнова и А.Н. Сорокина об итогах полевых исследований Деснинской экспедиции 1984–1985 гг., а также в статьях автора о рессетинской культуре и проблеме происхождения бутовской культуры.

Немаловажное значение имел выход в свет тома Археологии СССР, посвященного мезолиту СССР (под редакцией Л.В. Кольцова), где был и написанный им раздел по мезолиту Волго-Окского междуречья. Здесь дана развернутая характеристика схемы культурного развития мезолита региона, предложена первая периодизация иеневской культуры, сформулированы положения о бутовской и иеневской культурах, рассмотрен вопрос о взаимоотношениях древнего населения. Положительным был сам факт публикации ряда материалов, накопленных в 1960–1980-е гг. и впервые увидевших свет. К сожалению, в ряде случаев полет фантазии был столь высок и стремителен, что автор утрачивал всякое представление об археологических реалиях и переходил в область фантастики, как это было в отношении Староконстантиновской 4, Соболево 5 или сюжета конкисты и реконкисты иеневского и бутовского населения. Приводились здесь и заведомо фальсифицированные сведения (Елин бор).

Следует также упомянуть монографию Л.Л. Зализняка о свидерских охотниках на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита (Зализняк, 1989), где была дана исчерпывающая публикация материалов свидерской культуры территории Украины и предложена модель хозяйственно-культурного типа населения эпохи финального палеолита. Кроме того, вышел в свет очередной сборник материалов по мезолиту Европы, который давал полноценное представление об исследованиях в этой области (The Mesolithic in Europe. Edinburg. 1989).

В 1990 г. в Московской области А.В. Трусовым исследованы Карманово 1, 2, Куково 1–3, Кол-

тово 3 (10), Пятница, Умрышенки 1, 3 (Трусов, 1990, № 15908), Е.В. Леоновой – Беливо 14 (6В), Беливо 21 (Радомка 1), (Леонова, 1990, № 15710), М.И. Гоняным – Дубровицы.

В Нижегородской области М.Г. Жилиным и Н.В. Левиной обследовано Медвежье 3 (Жилин, Левина, 1990, № 15472), С.И. Алексеевым – Красный Бор 5 (XI) (Алексеев, 1990, № 15562).

В Рязанской области Б.А. Фоломеевым открыт Лакаш (Гришинский Исток) 6 (АКР, 1996, с. 168; Фоломеев, 1991, № 16450).

В Тульской области В.П. Гриценко обследована Упа 4 (Гриценко, 1990, № 15612).

В Ярославской области Д.А. Крайновым и А.В. Уткиным раскапывалась стоянка Ивановское 3.

М.Г. Жилиным были опубликованы материалы мезолитических памятников Нижегородского Поволжья, Д.А. Крайновым, В.М. Лозовским и Е.Л. Костылевой – стоянки Сахтыш 9, А.В. Уткиным – материалы стоянки Малая Ламна 3 в бассейне р. Лух. Кроме того, вышла статья Д.А. Крайнова, Г.И. Зайцевой и А.В. Уткина по стратиграфии и абсолютной хронологии стоянки Ивановское 3. Опубликована монография автора о бутовской мезолитической культуре, где на основе источниковедческой критики была предложена иная, чем в работах Л.В. Кольцова, характеристика этой культуры (Сорокин, 1990).

В 1991 г. в Московской области В.Ю Ковалем раскапывались городище и стоянка Сосновка (Ростиславльское) 1–4 (Коваль, 1991, № 16084), Е.В. Леонова раскапывала Беливо 9 (4А) и Беливо 14 (6В) (Леонова, 1991, № 15979), М.И. Гоняный – селище и стоянку Дубровицы (Гоняный, 1991, № 19539).

В Нижегородской области А.В. Фоминым обследована Пустынь (Старая Пустынь) 3 (Фомин, 1991, № 16428), М.Г. Жилиным – Мунькино 4, Старое Щербинино 1, 2–4, 7, Шульгино 1, 4 (Жилин, 1991, № 15959).

В Рязанской области Полушкино 2 раскапывалось А.Н. Сорокиным, А.А. Выборновым, А.И. Королевым и А.А. Ластовским, Полушкино 4 – А.М. Королевым и А.А. Ластовским, Заречье 1 – А.Н. Сорокиным (Сорокин, 1991, № 16086).

Среди публикаций была статья Л.В. Кольцова о бутовских мезолитических материалах стоянок Борки и Шумашь 2 (из фондов Рязанского областного музея), которая представляла собой крайне запоздавшее издание изделий, собранных в разные годы на этих стоянках. Учитывая, что обе коллекции подверглись сортировке и в них имеются разнокультурные материалы, их атрибуция Л.В. Кольцовым в качестве бутовских представляется необоснованной.

М.Г. Жилиным опубликованы материалы стоянки Новошино на нижней Оке, а в совместной статье Л.В. Кольцова, М.Г. Жилина и В.Ф. Черникова – Старой Пустыни. А.Е. Кравцовым опубликована статья о хронологии бутовской и иеневской мезолитических культур, где высказано обоснованное сомнение в достоверности ряда имеющихся датировок памятников этих культур и приведены новые даты, корректирующие их хронологию. Эти же положения развиты им в совместной работе с А.Н. Сорокиным «Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита». В разделах, написанных автором, на основе источниковедческой критики пересматриваются характеристики и хронология бутовской и иеневской культур, предложенные ранее Л.В. Кольцовым, обосновывается новая периодизация иеневской культуры и источниковедческая ненадежность гипотезы о сложении ранненеолитической верхневолжской культуры на основе бутовской индустрии.

В монографии Л.Л. Зализняка о населении Полесья в мезолите (Зализняк, 1991) получила дальнейшее развитие постсвидерская гипотеза и идея культурной близости песочноровского и иеневского населения.

В 1992 г. во Владимирской области М.Г. Жилиным проведены разведки в Александровском р-не и открыты стоянки Вески 1, Еловка 2, Годуново 1, 2, Пречистино и Чернецкое 1, 5 (Жилин, 1992, № 17287; АКР, 1995, с. 67, 68), в Муромском р-не А.Е. Леонтьевым – Глебовка (М. Моцкое) и Пенза (Большое Моцкое) (Леонтьев, 1992, № 17535; АКР, 1995).

В Ивановской области (Комсомольский р-н) М.Г. Жилиным открыто Окулово (Жилин, 1992, № 17287).

В Калужской области А.Е. Кравцовым обследовано Ладыжино 3.

В Московской области В.В. Сидоровым раскапывалась стоянка Умрышенки 3 (Сидоров, 1992, № 17772), В.Ю. Ковалем – селища и стоянки Смедово 2 (1), 4 (3), Сосновка (Коваль, 1992, № 17426), В.В. Сидоровым совместно с А.В. Энговатовой обследованы Пирютино 1 (6), 2 (5) и 4 (Сидоров, Энговатова, 1992, № 17767).

В Рязанской области Б.А. Фоломеевым открыты стоянки Долговский и Тимерево и проведены раскопки городища и стоянки Городец (Фоломеев, 1992, № 17798). И.Н. Верестовой открыта стоянка Пенькозавод (Верестова, 1992, № 17122).

В Тульской области Ю.Г. Екимовым исследована Упа 4 (Екимов, 1992, № 17159), О.Н. Заидовым – Беломестное (Заидов, 1992, № 17289), А.В. Шековым открыто Осаново (Шеков, 1992, № 17447), А.Н. Наумовым – Мокрая Корь (Наумов, 1992, № 17643). Б.В. Грудинкин обследовал стоянки Доброе (Добропокровское) 2 и Чекалин 1–3 (Грудинкин, 1992, № 17649). Раскопки городища и стоянки Слободка (Городище) 2 проведены А.В. Шековым (Шеков, 1992, № 17447).

В Ярославской области раскопки стоянки Ивановское 7 возобновлены М.Г. Жилиным.

Среди публикаций статья А.Е. Кравцова и Е.В. Леоновой о новых исследованиях стоянки Дальний Остров в Подмосковье, где показана смешанность материалов этого памятника. Автором опубликован список мезолитических памятников Рязанской области.

В работе В.Ф. Копытина о памятниках финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья проведено их сравнение с материалами Волго-Окских стоянок.

В 1993 г. в Калужской области Б.В. Грудинкиным открыто и раскопано Нагорное (Грудинкин, 1994).

В Московской области Н.В. Зубаревым раскопано селище и стоянка Колтово 1 (2), (Зубарев, 1993, № 18543), В.В. Сидоровым – Колтово 2 (7, Мутенка), Лужки Е (7) и Умрышенки 3, (Сидоров, 1993, № 17981–17982), В.Ю. Ковалем – Сосновка (Ростиславльское) 1 (Коваль, 1993, № 17732), А.Е. Кравцовым обследованы Слободище 1 и 5 (Кравцов, 1993, № 17779), А.Н. Сорокиным раскопаны Лужки Б (3) и Лужки 12 (Сорокин, 1993, № 18492).

В Нижегородской области А.В. Фоминым обследована Липовка 2, А.Е. Акимовым – Зименки 4 (Акимов, 1993, № 18122), М.Г. Жилиным – Груздево 1–3 (Жилин, 1993, № 18524).

В Рязанской области Н.В. Шаталовой открыты Морозовы-Борки 2 (Шаталова, 1993, № 17761), А.Н. Сорокиным – Котелино 2 (Сорокин, 1993, № 18492).

В Тульской области А.В. Шековым обследовано Мишенское (Шеков, 1993, № 17748).

Т.М. Гусенцовой опубликована монография по мезолиту и неолиту Камско-Вятского междуречья, в которой обосновывается связь этого региона с Приуральем и отличие от Волго-Окского бассейна.

В диссертации В.П. Ксензова рассматриваются мезолитические культуры Белорусского Подвинья и Поднепровья и их положение в контексте мезолита Восточной Европы.

Публикация М.Г. Жилина о костяном вооружении древнейшего населения Верхнего Поволжья является попыткой ввода в оборот данных новейших полевых исследований материалов торфяниковых стоянок. В ней предложена громоздкая типологическая схема костяного и рогового вооружения.

В 1994 г. во Владимирской области М.Г. Жилиным открыта Еловка 2 (Жилин, 1992, № 17287).

В Калужской области Б.В. Грудинкиным раскопана стоянка Нагорное и собран подъемный материал на стоянке Болото (Грудинкин, 1995).

В Московской области В.Ю. Ковалем раскопано селище и стоянка Аргуново 2 (Ковылино 1) (Коваль, 1994, № 20459), под руководством А.Г. Векслера – Мякинино 2, а М.И. Гоняным открыто селище и стоянка Подольск (Подол) 1 (Гоняный, 1994, № 18404), А.Н. Неклюдовым раскапывалось Льялово 3 (Неклюдов, 1994, № 18218).

В Рязанской области А.Н. Сорокиным продолжены раскопки Шагары 4 (Сорокин, 1994, № 18970), В.М. Буланкиным паспортизована стоянка Сявель (Шаморга 20) (Буланкин, 1994, № 14325).

В Тульской области А.В. Шековым обследован Воронец (Шеков, 1994, № 18666), Т.В. Наумовой начаты раскопки стоянок Жабынь и Тула (Упа 4) (Наумова, 1994, № 18594).

Среди публикаций, касающихся мезолита р. Оки – статьи А.Е. Кравцова, В.М. Лозовского и Е.А. Спиридоновой с материалами к обоснованию возраста стоянки Черная 1, А.Е Кравцова и В.Ю. Лунькова о новой мезолитической стоянке в западной части Мещерской низменности, а также А.Е. Кравцова, Е.В. Леоновой и С.Ю. Льва о месте иеневской культуры в мезолите Волго-Окского междуречья.

В 1995 г. в Ивановской области М.Г. Жилиным и А.Е. Кравцовым заложен рекогносцировочный раскоп на стоянке Сахтыш 9 (Жилин, Кравцов, 1997).

В Калужской области в ходе разведки Г.А. Массалитиной в южной части пригородной зоны г. Калуги выявлено несколько новых стоянок эпохи мезолита (Массалитина, 1996), О.Л. Прошкиным – две новые мезолитические стоянки в бассейне р. Болвы (Прошкин, 1996), Б.В. Грудинкиным обследовано «Чертово городище» и Троицкое 1, 2 (Грудинкин, 1996).

В Москве под руководством А.Г. Векслера раскапывалось Мякинино 2 (Векслер и др., 1996). В Московской области В.В. Сидоровым проведены раскопки Колтово 1 (2) и 2 (7, Мутенка) и обследованы Умрышенки 4–10 (Сидоров, 1995), В.Ю. Ковалем раскапывалась Сосновка, М.И. Гоняным – Подольск (Подол) 1, С.В Шполянским – Ознобишино 5, А.Н. Сорокиным обследованы Карьково (Старый Спас) 3 и Новый Быт.

Среди публикаций – опыт А.Е. Кравцова и М.Г. Жилина функционально-планиграфического анализа мезолитической стоянки Беливо 4Г, статья М.Г. Жилина о памятниках западной части России в финальном палеолите – раннем мезолите, публикация А.Н. Сорокина материалов стоянки Шабаево 5 и монография В.И. Вихляева и В.В. Ставицкого о балахнинских поселениях на Средней Мокше (Шаверки 2 и Шаверки 5), в материалах которых присутствуют изделия эпохи мезолита.

В 1996 г. в Ивановской области М.Г. Жилиным и А.Е. Кравцовым раскапывалась Сахтыш 9 (Жилин, Кравцов, 1997).

В Калужской области в северной части пригородной зоны г. Калуги А.Е. Ефимовым выявлено девять стоянок эпохи мезолита (Ефимов, 1997).

В Московской области И.Е. Зайцевой открыт Белый Колодец (Амирханов, 1997, Зайцева, 1997), М.И. Гоняным раскопан Подольск (Подол) 1, А.Н. Неклюдовым – Льялово 3 (Неклюдов, 1997).

В Тульской области Т.В. Наумовой продолжены раскопки стоянок Жабынь и Мишенское (Наумова, Воронцов, 1996), О.Н. Заидовым – Слободка (Городище) и Плоское (Заидов, 1996, № 20522 и № 17447).

В 1996 г. опубликованы тезисы доклада А.Е. Кравцова на Отчетной сессии ГИМ по итогам полевых археологических исследований в 1991–1995 гг. «К хронологии иеневской мезолитической культуры», устаревшая к моменту выхода статья автора о связях населения бутовской и иеневской культур и заметка Л.В. Кольцова о мезолитических культурах Волго-Окского междуречья. В ней сообщается о том, что «на настоящий момент в Волго-Окском междуречье… в общей сложности обнаружено около 500 мезолитических памятников» (Кольцов, 1996, с. 71). Эта цифра неверна, ибо столько их было найдено только в одном бассейне Оки. Кроме того, в ней говорилось о том, что «…группа свидерского населения, обогатившись по пути контактами с сохранившимися аренсбургскими группами, совершила миграцию в Верхнее Поволжье, где столкнулась с еще существовавшими остатками палеолита типа Алтыново. Именно в результате этих процессов сложилась бутовская культура… В ходе своего развития эта культура контактировала с иеневской.., а также испытала влияние кундской культуры…» (с. 71). Нет необходимости спрашивать, как Л.В. Кольцов представляет себе «остатки палеолита» или как свидерская группа «обогащалась по пути контактами» с кем бы то ни было, или как культуры могли контактировать?! Бессмысленно и дискутировать с его утверждением, что «… все эти культуры и культурные группы складывались, развивались и заканчивали свою историю не в “культурном вакууме”, а в контексте других мезолитических культур…» (с. 72). Эти и другие витиеватые выражения показывают, что за штудиями полностью утрачен реальный материал, а «теория» совсем оторвалась от практики и исторической действительности.

Из публикаций по смежным регионам следует отметить монографию В.В. Никитина по каменному веку Марийского края (Никитин, 1996) и статью В.П. Ксензова по мезолиту Белорусского Подвинья.

В 1997 г. мезолитические изделия найдены в Калужской области Г.А. Массалитиной при раскопках на территории г. Козельска (Массалитина, 1998), в Москве – экспедицией А.Г. Векслера на Театральной площади (Векслер, 1998), в Московской области – А.К. Станюковичем и П.Ю. Черносвитовым при раскопках селищ Рыбушкино и Саввинская Слобода (Станюкович, Черносвитов, 1998), В.Ю. Ковалем – при раскопках городища Ростиславль (Коваль, 1998) и С.В. Шполянским – селища Ознобишино 5 (Шполянский, 1998).

В Ярославской области М.Г. Жилиным продолжены раскопки стоянки Ивановское 7.

Среди исследований по мезолиту Восточной Европы следует отметить монографии С.В. Ошибкиной о Веретье 1 (Ошибкина, 1997), Т. Галински по мезолиту Европы (Galinski, 1997), коллективный труд по археологии Республики Коми (под ред. Э.А. Савельевой), сборник статей по археологии Белоруссии (Археалогія Беларусі, 1997) и статью В.П. Ксензова по финальному палеолиту и мезолиту Поднепровья территории Белоруссии (Ксензов, 1997).

Особо следует отметить монографию канадского исследователя Брайана Гордона, длительное время жившего среди индейцев Канады, «Загадка мезолита северо-восточной Европы: следование за оленьими стадами или полуоседлая охота?», которая написана по материалам Европейского Северо-Востока (Gordon, 1997). В ней применительно к конкретному региону разработана модель ХКТ охотников на северного оленя и содержится целый ряд интересных данных, которые можно использовать и при других реконструкциях.

В 1998 г. в Калужской области Г.А. Массалитиной открыта стоянка Жары (Юхновский р-н) (Массалитина, 1999).

В Московской области Е.В. Леоновой начаты раскопки стоянки Белый Колодец (Зарайский р-н), Центром археологических исследований Москвы под руководством А.Г. Векслера продолжено изучение селища Мякинино 2 (Красногорский р-н), А.С. Сыроватко открыто селище и стоянка Берхино 2 (Луховицкий р-н) и найдены мезолитические изделия при раскопках Городищенского городища в г. Коломне (Сыроватко, 1999). В Одинцовском р-не А.К. Станюковичем и И.И. Ёлкиной раскапывались селища и стоянки Рыбушкино и Саввинская Слобода (Станюкович, Ёлкина, 1999), в Озерском р-не В.Ю. Ковалем – городище и стоянка Ростиславль (Коваль, 1999).

В Нижегородской области С.В. Очеретиной обследованы Сосновый Бор 1–4 (Шатковский р-н) (Очеретина, 1998, № 21473).

В Тульской области Ю.Г. Екимовым проведены раскопки на Сорокином городище и стоянке (Алексинский р-н) (Екимов, 1999).

В 1998 г. вышли: статья А.Е. Кравцова «К вопросу о генезисе иеневской культуры», в которой ставится под сомнение участие в генезисе иеневской индустрии культуры федермессер; статья автора «О связях населения бассейна р. Оки в раннем мезолите», где в традиционном ключе рассматриваются вопросы взаимодействия древнего населения; брошюра М.Г. Жилина и А.В. Энговатовой «Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота», которая содержит краткую информацию о полевых исследованиях последних лет стоянки Ивановское 7; сборник материалов к Международной конференции «Каменный век Европейских равнин», где собраны предваритель-

ные сведения о раскопках ряда Волго-Окских торфяниковых стоянок.

Вопросы контактов древнего населения Западной Европы рассматриваются и в статье Л.В. Кольцова «О характере взаимоотношений соседних культур в мезолите Северной Европы», в которой предложена классификация «основных форм взаимодействия между разными культурами» (Кольцов, 1998, с. 75). Ряд ее положений достиг высокого эмоционального напряжения, например: «Это кундское воздействие было настолько сильным, что, можно сказать, сформировало в значительной степени категорию вкладышей бутовской культуры» (с. 76); «Эти факты свидетельствуют об одностороннем влиянии на бутовскую со стороны кундской культуры на ранних этапах их развития» (с. 76); «На 16 стоянках нижнерейнской культуры найдены формы, характерные для культуры де лейен-вартена: это острия с затупленным краем и основанием (3 случая), типа Маглемозе (14 случаев), ромбовидные (1). Обратного воздействия не наблюдается, поэтому, пожалуй, здесь тоже можно говорить о влиянии культуры де лейен-вартена на нижнерейнскую» (с. 76); «После распада культуры маглемозе оставшееся на ее бывшей территории население культуры конгемозе вытесняет все остальные постмаглемозские группы. В результате этого они вынуждены мигрировать в направлении южного спектра…» (с. 76); «…население культуры дуфензе, очевидно, ассимилирует остатки аренсбургского» (с. 76); «…взаимодействие этих культур следует расценить как взаимовлияние. Оно, вероятно, не было сильным» (с. 77); «…неманская культура повлияла на янеславицкую путем вытеснения последней со своей территории» (с. 77); «Осуществляемое пришельцами влияние было столь сильным, что привело к распаду британского маглемозе…» (с. 77); «Позднемезолитическая культура боберг… как бы вклинилась в треугольник из синхронных ей постмаглемозских культур…» (с. 77); «Одним из примеров генетических взаимоотношений… является возникновение сухонской культуры, население которой отсегментировалось от продолжающей существовать бутовской и мигрировало на север» (с. 78). Отдавая должное витиеватости стиля, замечу, что во всех этих примерах не понятно лишь одно: почему, исходя из этих единичных и непроверенных данных, не предположить, что имело место элементарное механическое смешение материалов разных групп населения, обитавшего в разное время на одной и той же территории, а не метисация самого населения? И вряд ли имеет смысл спрашивать, как взаимодействовали все эти «остатки», а люди могли «отсегментироваться от каких бы то ни было культур», а сами сегменты куда-то мигрировать или «вклиниваться в треугольник из синхронных постмаглемозских культур»? И дело, разумеется, не в стилистических шероховатостях всех этих фраз, а в их полной нелепости и бездоказательности, из-за чего все они вряд ли имеют отношение к реальной истории населения эпохи мезолита.

В 1999 г. в Ивановской области М.Г. Жилиным открыта кратковременная мезолитическая стоянка Сахтыш 13 и проведены раскопки Сахтыш 2А и Сахтыш 14 (Тейковский р-н) (Жилин, 2000).

В Ферзиковском р-не Калужской области О.Л. Прошкиным обследованы Никольское 2 (Мещовский р-н) и Ждамирово (Прошкин, 2000), А.Е. Кравцовым возобновлены раскопки стоянки Ладыжино 3, который выделил здесь два пункта: Ладыжино 3 и 3А.

В.В. Ставицким опубликованы материалы стоянок Зарека в Мордовии и Клюквенное в Пензенской области (Ставицкий, 1999). Группой калужских археологов выпущена книга «Археология Калужской области», А.В. Трусовым – статья о новом памятнике иеневской культуры на р. Осетр Куково 1 в Зарайском районе Московской области, А.Е. Кравцовым опубликованы «Некоторые результаты изучения мезолитической иеневской культуры в Волго-Окском бассейне (по материалам середины 1980-х – 1990-х гг.)» (Труды ГИМ. М. 1999. Вып. 103, с. 79–108).

Вышел в свет сборник международной конференции, проходившей в 1993 г. в Польше, «Культуры с черешковыми наконечниками стрел в Европе», в котором среди прочих была опубликована статья автора о «соседях населения бутовской культуры», где дается характеристика основных мезолитических культур региона (Tanged points cultures, 1999, p. 311–317), совместная статья М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова с изложением концепции культурной стратификации мезолита Волго-Окского междуречья (Tanged points cultures, 1999, p. 295–310) и статья С. Сульгостовской о взаимоотношениях населения свидерской и кундской культур. В ней поставлен под сомнение тезис об их генетической связи (Tanged Points Cultures, 1999, p. 85–92).

Аналогичное мнение высказано и в статье автора «К проблеме влияния волго-окского мезолита на возникновение кундской культуры Прибалтики» (Actes du 5-e colloque international UISPP.., 1999, p. 425–428), опубликованной в Материалах Европейской ассоциации доисториков и протоисториков (Совещание 1995 г. в Гренобле, Франция).

Особое значение для проблем мезолитоведения имеет монография Л.Л. Зализняка «Финальный палеолит западной части Восточной Европы» (на укр. языке), которая является капитальной сводкой данных по финальному палеолиту территории, не просто сопредельной с Волго-Окским бассейном, но и связанной, по-видимому, с ним общей этнокультурной историей, начиная с конца плейстоцена (Залізняк, 1999).

В 1999 г. вышла в свет и публикация памятников бутовской культуры М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова (Кольцов, Жилин, 1999), отрицательное мне-

ние о содержании которой уже высказано мной ранее (Сорокин, 2001).

В 2000 г. в Ивановской области М.Г. Жилиным продолжены раскопки стоянки Сахтыш 14 (Тейковский р-н) (Жилин, 2001).

В Калужской области Б.В. Грудинкиным произведены сборы подъемного материала на стоянках Турынинские Дворики, Желыбино, Некрасово, Пучково и Шопино (Пригородная зона Калуги), Шатрищи (Износковский р-н), Никольское (Перемышльский р-н) (Грудинкин, 2001), в Козельском р-не О.Л. Прошкиным дополнительно обследована стоянка Каменка, открытая в 1987 г. Б.В. Грудинкиным (Прошкин, 2001), в Тарусском р-не А.Е. Кравцов продолжал раскопки Ладыжино 3 и 3А.

В Московской области Е.В. Леоновой продолжены исследования стоянки Белый Колодец (Зарайский р-н), в Можайском р-не В.В. Мингалёвым открыт историко-культурный комплекс «Малое» (Мингалёв, 2001), в Орехово-Зуевском р-не В.Ю. Луньковым – стоянка Хотеичи 4 (Луньков, 2001).

В Нижегородской области А.В. Гонозов раскапывал Старое Щербинино 15 (Павловский р-н) (Гонозов, 2002).

Вышла в свет статья автора «Метаморфозы источника по мезолиту Восточной Европы», где, с использованием естественнонаучных данных, была предложена новая трактовка природы мезолитических источников и дана развернутая критика широко распространенной «контактной» гипотезы.

В 2001 г. в Ивановской области М.Г. Жилиным продолжены раскопки Сахтыш 14 (Тейковский р-н) (Жилин, Аверин, 2002).

В Калужской области А.Е. Кравцовым и С.Б. Конновым продолжены раскопки Ладыжино 3 и 3А (Тарусский р-н) (Кравцов, Коннов, 2002), Б.В. Грудинкиным произведены сборы подъемного материала на стоянке Троицкое (Ферзиковский р-н).

В Московской области Е.В. Леонова продолжала раскапывать стоянку Белый Колодец (Зарайский р-н) (Леонова, 2002), А.В. Трусов и В.В. Сидоров – Колтово 7 (Каширский р-н) (Сидоров, 2002). Изделия мезолитического времени были найдены А.Б. Мазуровым при исследовании Старо-Голутвина монастыря (Коломенский р-н) (Мазуров, Высоцкий, 2002) и А.К. Станюковичем при раскопках Саввинского Скита (Одинцовский р-н) (Станюкович и др., 2003).

В Нижегородской области А.В. Гонозов исследовал Новое Щербинино и Старое Щербинино 15 (Павловский р-н) (Гонозов, 2002).

Из публикаций по мезолиту Оки, вышедших в 2001 г., можно отметить статью Г.А. Массалитиной, О.Л. Прошкина, А.С. Смирнова и А.Н. Сорокина «Археология Калужской области» (Массалитина и др., 2001) и статью автора по проблемам источниковедения мезолита Восточной Европы, где дано развернутое изложение феномена натурации и его негативного воздействия на состояние мезолитических источников, а также рассмотрена роль натурации в генезисе «синкретических памятников» и неверных исторических реконструкциях (Практика и теория археологических исследований, 2001, с. 4–30).

Особо следует остановиться на монографии М.Г. Жилина, посвященной костяным и роговым изделиям эпохи мезолита лесной зоны Восточной Европы (Жилин, 2001). Не вызывает сомнения, что в ней впервые предпринята попытка систематизации значительной категории археологических находок из органических материалов, предложена их классификация, рассмотрена технология изготовления и функциональное назначение изделий. Пытается М.Г. Жилин оценить и культурные различия материала. Тем не менее эта работа вызывает больше вопросов, чем в ней дано ответов. Не вдаваясь в частности и мелкие погрешности, надо отметить следующее. В отечественную науку впервые вводился в таком объеме фактически новый вид археологических источников. Требовалось оценить его специфику в этом качестве. Такого вопроса у М.Г. Жилина, к сожалению, даже не возникло, а ведь кость и рог совсем не то же, что представляет с собой «нетленный камень», с которым чаще всего приходится иметь дело при изучении эпохи мезолита. И дело не только в разном характере сохранности этих материалов, но прежде всего в их разных технологических и функциональных характеристиках. Не вызывает сомнения, что в ряде случаев общность формы и стоящего за этим «сходства» костяного и рогового инвентаря запрограммирована особенностью самого сырья и технологией его обработки, а не традициями населения. Но эта тема, к сожалению, тоже осталась вне данной работы.

Не ставит М.Г. Жилин и вопроса о соотношении ареалов каменной и костяной индустрий. Точнее, при культурной атрибуции органических материалов он исходит из существующих региональных схем культур, выделенных ранее по каменному инвентарю. А это неверно. Хорошо известно, что практически все волго-окские мезолитические культуры в орудийном наборе нечетки (Сорокин, 1990; Кравцов, Сорокин, 1991), причем одна и та же коллекция одними и теми же авторами может относиться то к одной, то к другой культуре. Не останавливаясь на мелких и смешанных комплексах, укажу лишь на огромную коллекцию стоянки Култино 1, состоящую из 38699 каменных изделий, которая сначала была отнесена пятью исследователями мезолита, включая М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова, по единственному топору с перехватом к иеневской культуре, а чуть позднее, ими же, – «к функционально-специализированным памятникам (охотничьим лагерям) бутовской культуры» (Кольцов, 1978, с. 64, 65; Кольцов, Жилин, 1999, с. 18). А ведь достаточно взглянуть на

карты распределения каменного и костяного вооружения, приведенные в монографии В. Тауте (Taute, 1968), чтобы убедиться в несовпадении этих ареалов. Не вызывает сомнения, что анализ этого несоответствия может привести к важным теоретическим и практическим выводам.

Механическое объединение разнородных материалов одного региона по каменному инвентарю в бутовскую, иеневскую или кундскую культуры автоматически приводит к тому, что и изделия из органических материалов, приписываемые этим культурам, точно так же смешиваются и становятся безликими. Прежде чем судить о сходстве или различиях костяных и роговых изделий, надо четко разобраться, какие памятники относятся к бутовской или рессетинской культурам, а какие нет (Сорокин, 1990). Относится ли стоянка Пулли к кундской культуре или вместе с другими пребореальными стоянками Прибалтики она не имеет к ней отношения (Sorokin, 1999; Ostrauskas, 2001)? Если четко выделять культуроопределяющие типы, тогда вместе с отсортированными аморфными и смешанными коллекциями отпадет и кажущаяся общность территорий, а заодно и этническая близость жившего в них населения.

Нет нужды останавливаться здесь на таких для данной темы частностях, как типология и классификация изделий из органических материалов, которую предлагает М.Г. Жилин, достаточно сказать, что им выделено 310 (!) их типов и вариантов. Поражает даже не само это количество, а то, что, если оставить в стороне примерно 6000 подвесок из резцов лося, найденных в Оленеостровском могильнике (Гурина, 1956), на каждый из выделяемых вариантов приходится не более полутора предметов, что не прибавляет ей достоверности. В данном случае более важно то, как М.Г. Жилиным решаются вопросы взаимодействия древнего населения. Анализ показывает, что М.Г. Жилин следует здесь за Л.В. Кольцовым и исходит из постулата взаимного сочетания находок разных культур в одном месте или слое. Он полагает, например, что Оленеостровский могильник «отражает процесс смешения пришлого населения с кремневым инвентарем… и местного населения с кварцево-сланцевым инвентарем» (Жилин, 2001, с. 7). Небезынтересно и другое его крылатое утверждение: «Сопоставление технологии обработки кости и рога в культурах лесной зоны Восточной Европы показывает значительную близость культур кунда, веретье и бутовской. На позднем этапе отмечается определенная близость к ним Оленеостровского могильника» (Жилин, 2001). Напротив, совершенно очевидно другое: сплошь и рядом совместное нахождение изделий разных культур служит результатом их механического смешения, а никак не продуктом метисации населения, их производившего (Сорокин, 2000, 2002).

Если взвесить основу каждого из выводов М.Г. Жилина о сходстве, то станет понятным, что за ними стоит, как правило, один-два предмета, причем чаще всего эти изделия происходят из смешанных или сортированных коллекций, которые не обладают источниковедческой надежностью. Вот почему основной его вывод о том, что «прослеженная общность костяной индустрии говорит о несомненной принадлежности названных культур (кунда, веретье, бутовская и Оленеостровский могильник – *А.С.*) к единой культурной общности, которую можно назвать кундско-бутовской» (Жилин, 2001) представляется совершенно необоснованным.

Вернемся, однако, к истории изучения окского мезолита.

В 2002 г. в пригородной зоне г. Калуги Б.В. Грудинкиным открыты стоянки Анненки 1–4, Тинино и Шопино (Грудинкин, 2003). В Калужской области О.Л. Прошкиным открыты стоянки Сосенский 1 и 2 (Козельский р-н) (Прошкин, 2003), в Тарусском р-не А.Е. Кравцовым, С.Б. Конновым и А.В. Трусовым продолжены раскопки Ладыжино 3 и 3А (Кравцов и др., 2003), в Ферзиковском р-не Б.В. Грудинкин продолжал раскопки Троицкое 3 (Грудинкин, 2003).

В Московской области Е.В. Леоновой продолжены раскопки стоянки Белый Колодец (Зарайский р-н), мезолитические находки обнаружены при раскопках селищ Щурово (Коломенский р-н) А.С. Сыроватко, Мякинино 2 (Красногорский р-н) – А.В. Энговатовой и В.Ю. Ковалем, Саввинский Скит (Одинцовский р-н) – А.К. Станюковичем (Сыроватко, 2003; Энговатова, Коваль, 2003; Станюкович и др., 2003) и городища Ростиславль (Озерский р-н) – В.Ю. Ковалем и А.В. Трусовым (Коваль и др., 2003).

В Рязанской области В.П. Челяповым, А.А. Выборновым, А.И. Королевым и В.В. Ставицким мезолитические изделия найдены при раскопках многослойного поселения Городок 1 на р. Ранове (Ряжский р-н) (Челяпов и др., 2003).

Из литературы, вышедшей в 2002 г., следует упомянуть коллективную публикацию материалов стоянки Ивановское VII (Жилин и др., 2002) и монографию автора по мезолиту Жиздринского полесья. В ней систематизированы данные по названному региону и предложена оригинальная концепция проблемы источниковедения мезолита Восточной Европы (Сорокин, 2002).

Такова, вкратце, история изучения мезолитических стоянок Оки и проблемы их культурного своеобразия.

Для оценки источниковедческой базы Окского мезолита ниже будут приведены систематизированные первичные данные о мезолитических памятниках Окского бассейна, накопленные к настоящему времени.

Глава 2

Памятники эпохи мезолита бассейна Оки

Исток р. Оки находится на территории Орловской области, а ее устье – в Нижегородской области. Ока является самым крупным притоком главной русской реки Волги. Бассейн р. Оки располагается на территории 14 субъектов Российской Федерации. Среди них Орловская, Тульская, Калужская, Московская, Рязанская, Владимирская, Ивановская, Нижегородская, Пензенская, Тамбовская, Смоленская и Ярославская области, Москва и Республика Мордовия (рис. 1, 2). Чтобы представить источниковедческую базу исследования, ниже (в алфавитном порядке по областям) будет приведен список мезолитических памятников Окского бассейна, известных на настоящее время. К подобной форме изложения приходится прибегать лишь в целях экономии места и времени.

ВЛАДИМИРСКАЯ ОБЛАСТЬ

Во Владимирской области располагается известная стоянка ЕЛИН БОР, открытая П.П. Кудрявцевым. Она исследовалась в 1934 г. П.И. Борисковским (Воеводский, Борисковский, 1937), в 1959 и 1961 гг. – Л.В. Кольцовым (Кольцов, 1965, 1966; Грехова, 1970; Грехова и др., 1970; Кольцов, 1959, № 2000; 1961, № 2325) и дополнительно в 1987 г. М.Г. Жилиным (Жилин, 1987, № 12522; Кольцов, Жилин, 1999). Не меньшее значение имеют материалы еще двух памятников – стоянок ПЕТРУШИНО и МИКУЛИНО (Сорокин, 1981, 1990). Распределение памятников по современному административному районированию приведено ниже.

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ РАЙОН

Здесь зафиксировано семь памятников[1]: ВЕСКИ 1 (Жилин, 1992, № 17287; АКР, 1995, с. 67, 68), ЕЛОВКА 2 (Жилин, 1992, № 17287; АКР, 1995, с. 64, 65; Кравцов, 1995), ГОДУНОВО 1, 2 (Жилин, 1992, № 17287; АКР, 1995, с. 63, 64), ПРЕЧИСТИНО (Жилин, 1992, № 17287; АКР, 1995, с. 68) и ЧЕРНЕЦКОЕ 1, 5 (Жилин, 1992, № 17287; АКР, 1995, с. 72).

[1] Каталог памятников приведен в Приложении 1.

ВЯЗНИКОВСКИЙ РАЙОН

Зафиксировано десять мезолитических памятников: ЗАБОРОЧЬЕ 1, 2 (Глазов, 1977, № 9671; АКР, 1995, с. 77), ЛИПОВСКАЯ УСАДЬБА (Сергин, 1969, № 4016; АКР, 1995, с. 79, 80), НОВО (Глазов, 1977, № 9671; АКР, 1995, с. 82), НОВО (ВЕЛИКООЗЕРСКОЕ) 1 (Глазов, 1977, № 9671; 1978, № 7211; Михайлова, 1980; Михайлова, 1979, № 7943; АКР, 1995, с. 82, 83) и ЯКУШИХА 1–5 (Глазов, 1977, № 9671; АКР, 1995, с. 97, 98).

ГОРОХОВЕЙЦКИЙ РАЙОН

Известно три памятника: БОБЫЛКИ 1–3 (Глазов, 1977, № 9671; АКР, 1995, с. 104, 105).

ГУСЬ-ХРУСТАЛЬНЫЙ РАЙОН

На территории района известно четыре мезолитических памятника: МИКУЛИНО (Сорокин, 1981а, б; 1990; Сорокин, 1975, № 5681; АКР, 1995, с. 128), ПЕТРУШИНО (Сорокин, 1981а, б; 1990; Сорокин, 1975, № 5681; 1976, № 6166; 1977, № 6791; АКР, 1995, с. 128, 129), ПЕТРУШИНО 2 (Сорокин, 1983, № 9480), ТЮРЬВИЩИ (Сорокин, 1975, № 5681) и ТЮРЬВИЩИ (ЗОЛОТОЙ БЕРЕГ) 4 (Сорокин, 1975, № 5681; АКР, 1995, с. 129).

КАМЕШКОВСКИЙ РАЙОН

Выявлено два памятника: ДАВЫДОВО 1 и 2 (Глазов, 1980, № 8065; АКР, 1995, с. 133).

МЕЛЕНКОВСКИЙ РАЙОН

Известно восемь памятников: ГРИГОРОВО (ВЫСОКОВСКИЙ БОР) 1–7 (Глазов, 1976, № 9673; АКР, 1995, с. 164–166) и ЕЛИН БОР (ЕЛИНО) (Воеводский, Борисковский, 1937; Кольцов, 1965, 1966; Грехова, 1970; Грехова и др., 1970, с. 242; Сорокин, 2001; Кольцов, 1959, № 2000; 1961, № 2325; Жилин, 1987, № 12522; АКР, 1995, с. 166, 167).

МУРОМСКИЙ РАЙОН

Известно три памятника: ГЛЕБОВКА (М. МОЦКОЕ) (Леонтьев, 1992, № 17535; АКР, 1995, с. 192), ЛЯГАЛИН БОР (Жуков, 1929 // Архив ИИМК РАН: Ф. 2. Оп. 1. 1929, № 128), ПЕНЗА (БОЛЬШОЕ МОЦКОЕ) (Леонтьев, 1992, № 17535; АКР, 1995, с. 210, 202).

ПЕТУШИНСКИЙ РАЙОН

На территории района значится восемь стоянок: ДОМАШНЕВО 2, 3 (Глазов, 1979, № 7835; АКР, 1995, с. 212), НАПУТНОВО (ПЕТХАР) 1–5 (Глазов, 1979, № 7835; АКР, 1995, с. 214), ПОКРОВ (Глазов, 1979, № 7835; АКР, 1995, с. 215).

СЕЛИВАНОВСКИЙ РАЙОН

Известна всего одна стоянка: ДУБРОВО 1 (Глазов, 1979, № 7835; АКР, 1995, с. 219).

СОБИНСКИЙ РАЙОН

Известно 12 памятников: ЕЛХОВИЦЫ 2 (ЛИСЬИ БОРКИ) (Глазов, 1979, № 7835; АКР, 1995, с. 224), ЖОХОВО 1–5 и 9 (Глазов, 1979, № 7835; АКР, 1995, с. 224–226), ИСИХРА 1, 2 (Сорокин, 1976, № 6166) и УГОР (ЕРШИ) 1–3 (Сергин, 1970, № 4206; АКР, 1995, с. 229, 230).

СУДОГОДСКИЙ РАЙОН

Зафиксировано четыре стоянки: ЛАВРОВО (ОСАНОВСКИЙ МОСТ) 1, 2 (Глазов, 1973, № 5129; АКР, 1995, с. 234), РАЙКИ 5 и 6 (АКР, 1995, с. 235, 236).

ИВАНОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Ивановская область разделена на 22 района. Из них к бассейну р. Оки принадлежат 14: Ивановский, Верхнеландеховский, Гаврило-Посадский, Ильинский, Комсомольский (частично), Лежневский, Лухский, Палехский, Родниковский, Тейковский, Шуйский, Южский, Савинский, Пестяковский. Памятники эпохи мезолита открыты всего в четырех: Комсомольском, Лухском, Тейковском и Южском районах.

ЛУХСКИЙ РАЙОН

Известен единственный памятник – ГОРКИ (Травкин, 1985, № 11057; АКР, 1994, с. 123).

КОМСОМОЛЬСКИЙ РАЙОН

В бассейне Оки на территории района зафиксирован тоже всего один памятник – ОКУЛОВО (Жилин, 1992, № 17287; АКР, 1994, с. 115).

Наиболее известная в районе стоянка СТАНОВОЕ 4 располагается на мысу при выходе р. Лахости из Подозерского торфяника и относится к бассейну р. Волги.

ТЕЙКОВСКИЙ РАЙОН

Известно четыре стоянки – САХТЫШ 2А (Жилин, 2000), САХТЫШ 9 (Крайнов и др., 1990; Крайнов, 1988, № 14379; 1989, № 13981; Жилин, Кравцов, 1997; АКР, 1995, с. 168), САХТЫШ 13 (Жилин, 2000) и САХТЫШ 14 (Жилин, 2000, 2001, 2002).

ЮЖСКИЙ РАЙОН

Здесь мезолитические памятники более многочисленны (13), чем в вышеназванных районах области, среди них: АЛЕКСЕЕВСКОЕ (ХОЛУЙ) 1 (Шахматова, 1961, № 2620; Крайнов, 1964, № 2918; 1973, № 5033; Молодцова, 1969, № 4007; 1970, № 4554; 1974, № 5814; АКР, 1994, с. 188), АЛЕКСЕЕВСКОЕ (ХОЛУЙ) 2 и 4 (Молодцова, 1969, № 4007; 1974, № 5814; АКР, 1994, с. 189), МАЛАЯ ЛАМНА 3 (Костылева, 1983; Уткин, 1990; Крайнов, 1983, № 9784; АКР, 1994, с. 181, 182), МОРДОВСКОЕ 1 (Граков, 1927; Кольцов, 1970; Молодцова, 1970; АКР, 1994, с. 183), МОРДОВСКОЕ 4 и 6 (Молодцова, 1970; 1973; Крайнов, 1961, № 2335; 1964, № 2918; 1973, № 5814; Шахматова, 1961, № 2620; Молодцова, 1969, № 4007; 1970, № 4554; 1971, № 4590; 1972, № 4922; Комаров, 1989, № 14122; АКР, 1994, с. 183, 184), МОРДОВСКОЕ 7 (Молодцова, 1970; Молодцова, 1969, № 4007; 1971, № 4590; Крайнов, 1973, № 5814; Комаров, 1989, № 14122; АКР, 1994, с. 184), МУГРЕЕВО (СВЯТОЕ) 1 и 2 (Молодцова, 1974, № 5814; АКР, 1994, с. 186), ТАРАНТАЕВО 1 (Молодцова, 1972; Молодцова, 1971, № 4590; 1974, № 5814; АКР, 1994, с. 188), ХОЛУЙ 1 (Граков, 1927. с. 9; Арх. ИИМК: Ф. 2. Оп. 1. 1926, № 204; Молодцова, 1974, № 5814, л. 284, 285; АКР, 1994, с. 188) и ХОЛУЙ (БОРОК 1) (Молодцова, 1971. с. 44; Молодцова, 1974, № 5814, л. 270; АКР, 1994, с. 189).

КАЛУЖСКАЯ ОБЛАСТЬ

Из 24 районов Калужской области к бассейну Оки не относятся всего три – Спас-

Деменский, Бетлицкий и Кировский. Территория Людиновского и Жиздринского р-нов относится и к Деснинскому, и к Окскому бассейнам. Ниже будут приведены сведения по памятникам, относящимся к теме исследования. Они расположены в Боровском, Думиничском, Дзержинском, Износковском, Козельском, Малоярославецком, Медынском, Мещовском, Перемышльском, Тарусском, Ферзиковском, Хвастовичском и Юхновском районах, а также на территории Калуги и в ее Пригородной зоне.

БОРОВСКИЙ РАЙОН

Имеется пять стоянок: БОРОВСК (ЗЕЛЕНЫЙ БОР) (Прошкин, 1990, с. 20; Прошкин, 1986, № 11558, л. 2); МАЛАМАХОВО 1 (Прошкин, 1992, с. 8; 1996; Прошкин, 1991, № 16331–16332, л. 9–10; 1995, № 19356, л. 5–6; АКР, 1992); МАЛАМАХОВО 2 (Прошкин, 1992, с. 8–9; 1996; Прошкин, 1991, № 16331–16332, л. 10; 1995, № 19356, л. 8; АКР, 1992); МАЛАМАХОВО 3 (Прошкин, 1992, с. 8, 9; 1996; Прошкин, 1991, № 16331–16332, л. 11; 1992, № 17028, л. 7–8; 1995, № 19356, л. 9; АКР, 1992); РЯБУШКИ (Прошкин, 1990, с. 23; Фролов, 1978, № 10761; Прошкин, 1991, № 16331–16332, л. 8–9; АКР, 1992).

ДЗЕРЖИНСКИЙ РАЙОН

Всего один памятник – ЯКШУНОВО (Болдин и др., 1999).

ДУМИНИЧСКИЙ РАЙОН

Три стоянки – ПОЛЯКИ 1 и 2 (Фролов, 1986, № 11820, л. 13–14; АКР, 1992, с. 44);ЧЕРНЫШОВО (паспорт).

ИЗНОСКОВСКИЙ РАЙОН

Известно два пункта – ВЯЗИЩИ (Фролов, Прошкин, 1989, с. 50; АКР, 1992, с. 56) и ШАТРИЩИ (Грудинкин, 2001).

КАЛУГА И ПРИГОРОДНАЯ ЗОНА

Известно около 39 памятников, среди них: АННЕНКИ 1 (Грудинкин, 1986, № 11807, л. 10; АКР, 1992, № 14 (46)); АННЕНКИ 2 (Грехова и др., 1970, с. 32; Грудинкин, 1984, № 9473, л. 4); АННЕНКИ 4, 5 (Грудинкин, 2003); БЕЛАЯ (Ефимов, 1996, № 20303, л. 5, 6); БОРОВАЯ 4 (Массалитина, 1995, № 19684, л. 52); ГАЛКИНО (Ефимов, 1996, № 20303, л. 9, 10); ГОРОДОК (Массалитина, 1995, № 19684–19685, л. 28); ЖЕЛЫБИНО 1 (Грудинкин, 1984, № 9473, л. 6); ЖЕЛЫБИНО 2, 3 (Болдин и др., 1999; Грудинкин, 2001; Массалитина, 1995, № 19684, л. 50); КАЛУГА (Грудинкин, 1984, № 9473, л. 2; 1985, № 10939, л. 1, 2; 1986, № 11807, л. 1–6; 1987, № 12227, л. 1–3; АКР, 1992, с. 24); КАЛУГА 2–5 (Массалитина, 1996); НЕКРАСОВО 3 (Болдин и др., 1999; Грудинкин, 2001; Грудинкин, 1983, № 9473, л. 3); НИЖНЯЯ ВЫРКА 1–4 (Массалитина, 1995, № 19684, л. 45); ПЛЕТЕНЕВКА 1, 3 (Массалитина, 1995, № 19684–19685, л. 33); ПУЧКОВО (Грудинкин, 1987, № 12227; Грудинкин, 2001; АКР, 1992, с. 26); РЕЗВАНЬ (стоянка) 1 (Массалитина, 1995, № 19684–19685, л. 36); РЕЗВАНЬ (поселения) 1, 2, 4 (Массалитина, 1995, № 19684–19685, л. 36); СПАС (Болдин и др., 1999, с. 64, 65); ТИНИНО (Грудинкин, 2003); ТУРЫНИНСКИЕ ДВОРИКИ (Успенский, 1955; АКР, 1992, № 95 (67); Жилин, Фролов, 1987; Грудинкин, 2001; Формозов, 1951, № 536, л. 5, 6); ШОПИНО (Грудинкин, 2001; 2003); ЯЧЕНКА 1–7 (Ефимов, 1997).

КОЗЕЛЬСКИЙ РАЙОН

Известно семь памятников: КАМЕНКА (Болдин и др., 1999; Грудинкин, 1987, № 12227, л. 6, 7; Прошкин, 2001; АКР, 1992, с. 62); КОЗЕЛЬСК (Массалитина, 1998); ОПТИНА ПУСТЫНЬ 1, 2 (Болдин и др., 1999; Грудинкин, 1987, № 12227, л. 5; АКР, 1992, с. 63); СОСЕНСКИЙ 1 и 2 (Прошкин, 2003); ЧЕРТОВО ГОРОДИЩЕ (Грудинкин, 1996).

МАЛОЯРОСЛАВЕЦКИЙ РАЙОН

Известна всего одна стоянка ТАУРОВО (Прошкин, 1996, № 20821, л. 10–11).

МЕДЫНСКИЙ РАЙОН

Зафиксировано четыре памятника: КРЕМЕНСКОЕ 1 (Фролов, Прошкин, 1989, с. 15; Фролов, 1986, № 11820, л. 10; Прошкин, 1991, № 16331–16332, л. 26; АКР, 1992, с. 79); КРЕМЕНСКОЕ 2 (Фролов, Прошкин, 1989, с. 15; Фролов, 1986, № 11820, л. 10; Прошкин, 1991, № 16331–16332, л. 26–27; АКР, 1992, с. 79); КРЕМЕНСКОЕ 3 (Фролов, Прошкин, 1989. с. 15; Фролов, 1986, № 11820, л. 11–12; АКР, 1992, с. 79); КРЕМЕНСКОЕ 4 (Фролов, Прошкин, 1989, с. 15; Фролов, 1986, № 11820, л. 11; АКР, 1992, с. 79), МИХЕЕВО (Прошкин, 1991, № 16331, л. 27).

МЕЩОВСКИЙ РАЙОН

Известна одна стоянка – НИКОЛЬСКОЕ 2 (Прошкин, 2000).

ПЕРЕМЫШЛЬСКИЙ РАЙОН

Зафиксировано девять пунктов: АХЛЕБИНИНО (стоянка) (Грудинкин, 1991, № 16860, л. 3, 4); АХЛЕБИНИНО (поселение) (Грудинкин, 1991, № 16860, л. 3); БРАГИНО (Фролов, 1985, с. 138; 1986, с. 21; Фролов И., 1980, № 8788, л. 12; Смирнов, Сорокин, 1982, № 9168, л. 114–118; АКР, 1992, с. 91); ВОРОНОВО (Болдин и др., 1999; Грудинкин, 1988, № 12236, л. 6, 7; АКР, 1992, с. 91, 92); ГРЕМЯЧЕВО (ГРЕМЯЧЕЕ) 1 (Воеводский, 1941, с. 142–148; Грехова, 1970, с. 25, 26; Грехова и др, 1970, с. 235; Астахов, 1958, № 1844, л. 1, 2; АКР, 1992, с. 93); ГРЕМЯЧЕВО (ГРЕМЯЧЕЕ) 2 (Воеводский, 1941, с. 142–148); ИЛЬИНСКОЕ (Болдин и др., 1999; Грудинкин, 1988, № 12236, л. 6, 7; АКР, 1992, с. 94); НИКОЛЬСКОЕ (Болдин и др., 1999; Грудинкин, 2001; Грудинкин, 1985, № 10939, л. 16; АКР, 1992, с. 95); СЕМЕНОВКА (Грудинкин, 1985, № 10939, л. 17; АКР, 1992, с. 96).

ТАРУССКИЙ РАЙОН

Известно 26 памятников: ЕГНЫШЕВКА (Фролов, 2001б, с. 6); ИГНАТОВСКОЕ (Фролов, 2001б, с. 6); ИСАКОВО (Фролов, 2001б, с. 6); КУЗЬМИЩЕВО (Фролов, 2001б, с. 6); ЛАДЫЖИНО 1 (Фролов, 1977; Фролов, Жилин, 1978, 1981; Сидоров, 1969, № 4003; Фролов, 1976, № 6503, л. 4; 1978, № 10761, л. 16; АКР, 1992, с. 103); ЛАДЫЖИНО 2 (Фролов, 1976, № 6503, л. 5; 1978, № 10761, л. 16; АКР, 1992, с. 103, 104); ЛАДЫЖИНО 3 (Фролов, 1985, с. 136; Кравцов, Спиридонова, 1996, с. 94–107; Кравцов, 1999, с. 98, 99; Кравцов, Коннов, 2002; Кравцов и др., 2003; Фролов, 1976, № 6503, л. 5–8; 1978, № 10761, л. 16; Кравцов, 1992, № 17404; 2000, № 23670; АКР, 1992, с. 104); ЛАДЫЖИНО 3А (Кравцов, 2000, № 23670, л. 37–41); ЛАДЫЖИНО 4 (Кравцов, 2000, № 23670, л. 37–41); ЛАДЫЖИНО 5 (Фролов, 2001, с. 7); ЛАДЫЖИНО 7 (Жилин, Фролов, 1987, с. 49, 50); ЛЫСАЯ ГОРА; ПОЧЕВО (Фролов, 2001б, с. 7); СУРНЕВО (Фролов, 2001, с. 7); СУТОРМИНО 1 (Фролов, Прошкин, 1989; Фролов, 1985, № 10761, л. 15; АКР, 1992, с. 105); СУТОРМИНО 2 (Фролов, Прошкин, 1989; Фролов, 1985, № 10761, л. 15; АКР, 1992, с. 105); СУТОРМИНО 3 (Фролов, Прошкин, 1989; Фролов, 1985, № 10761, л. 17–18; АКР, 1992, с. 105); ТАРУСА (местонахождение) (Фролов, 2001, с. 7; АКР, 1992, с. 10); ТАРУСА 1 (Фролов, 1987, с. 31, 32; 2001а, б; Фролов, 1976, № 6503, л. 2–3; 1978, № 10761, л. 21; 1986, № 11820; АКР, 1992, с. 105); ТАРУСА 2 (Фролов, 1978, № 10761, л. 22; 1986, № 11820, л. 17–18; АКР, 1992, с. 105); ТАРУСА 2А (Фролов, 1987, с. 31; 2001а, с. 101–104); ТАРУСА 3 (Фролов, 1987, с. 31; 2001б, с. 7); ТАРУСА 6 (Фролов, 2001б, с. 8, 9); ТАРУСА (стоянка им. М.М. ГЕРАСИМОВА) (Брюсов, 1952, с. 52–57; 1962, с. 24–30; Грехова и др., 1970, с. 237; Фролов, 2001а, с. 92, 93); ТАТЬЯНИНСКОЕ; ТРУБЕЦКОЕ 5 (Фролов, 2001а, с. 8, 9).

ФЕРЗИКОВСКИЙ РАЙОН

Известно восемь памятников: АВЧУРИНО (стоянка) (Грудинкин, 1991, № 16860, л. 10); АВЧУРИНО (поселение) (Грудинкин, 1991, № 16860, л. 10–11); ВОРОНИНО (Грудинкин, 1984, № 9473, л. 8; Грудинкин, 1985, № 10939, л. 9; Прошкин, 1992, № 17028, л. 11–12; АКР, 1992, с. 109); ЖДАМИРОВО (Прошкин, 2000; Павлишак, 2001, с. 111–121; Прошкин, 1999, № 23394, л. 4–5); ПАРАШЕНКИ (Грудинкин, 1991, № 16860, л. 11–12); ТРОИЦКОЕ 1, 2 (Грудинкин, 1996; 2003); ТРОИЦКОЕ 3 (Грудинкин, 2003).

ХВАСТОВИЧСКИЙ РАЙОН

Открыто 10 стоянок: КРАСНОЕ 1 «ВАСЯ» (Сорокин, 2001, с. 85–89; 2002, с. 23; Смирнов, Сорокин, 1982, № 9168, л. 5, 118–121; АКР, 1992, с. 115); КРАСНОЕ 3 (Сорокин, 2001, с. 86–89; 2002, с. 24; Смирнов, Сорокин, 1982, № 9168, л. 122–125; АКР, 1992, с. 115); КРАСНОЕ 4 (Сорокин, 2002, с. 25; Смирнов, Сорокин, 1982, № 9168, л. 7–8; АКР, 1992, с. 115); КРАСНОЕ 6 (Смирнов, 1986, с. 8–14; 2002, с. 25; Смирнов, Сорокин, 1982, № 9168, л. 9–10, 58–69; Смирнов, 1987, № 11909, л. 19–29; АКР, 1992, с. 116); КРАСНОЕ 8 «ПЕНЕШКИ» (Сорокин, Фролов, 1987, с. 228–234; Сорокин, 2001, с. 86–88; 2002, с. 26, 27; Смирнов, Сорокин, 1982, № 9168, л. 11, 125–131; АКР, 1992, с. 116); КРАСНОЕ 9 (Сорокин, 2002, с. 27; Смирнов, Сорокин, 1982, № 9168, л. 11–12; АКР, 1992, с. 116); КРАСНОЕ 10 (Смирнов, 1986, с. 13–15; 1989, с. 15–17; Сорокин, 2002, с. 27, 28; Смирнов, Сорокин, 1982, № 9168, л. 12–13, 132–138; Смирнов, 1983, № 8658; 1984, № 10366; 1985, № 11003, л. 31–36; 1988, № 12608, л. 60–75; АКР, 1992, с. 116, 117); РЕССЕТА 1 (Сорокин, 2002, с. 19; Фролов И., 1981, № 5213, л. 3–4; Смирнов, Сорокин, 1982, № 9168, л. 1; АКР, 1992, с. 119); РЕССЕТА 2 (Сорокин, 2002, с. 19–21; Фролов И., 1981, № 5213, л. 4; Смирнов, Сорокин, 1982, № 9168, л. 2; АКР, 1992, с. 119); РЕССЕТА 3 (Дукельский, Сорокин,

1987; Сорокин, 2002, с. 19–21; Фролов И., 1981, № 5213, л. 4; Смирнов, 1983, № 8658; Сорокин, 1983, № 9479).

ЮХНОВСКИЙ РАЙОН

Известно два пункта: АЛЕКСАНДРОВКА (Массалитина, 1999, № 23740, л. 14, 15; АКР, 1992, с. 123); ЖАРЫ (Массалитина, 1999).

Г. МОСКВА

В пределах г. Москвы зафиксировано всего два мезолитических местонахождения – ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ (у Большого театра) (Векслер, 1998) и МЯКИНИНО 1 (Векслер и др., 1996).

МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Из 39 районов области пять (Талдомский, Лотошинский, Клинский, Дмитровский и Сергиев-Посадский) относятся к бассейну р. Волги, Солнечногорский – к бассейну рек Волги и Оки. Остальные 33 района (Шаховской, Волоколамский, Истринский, Химкинский, Красногорский, Мытищинский, Пушкинский, Щелковский, Балашихинский, Ногинский, Павлово-Посадский, Можайский, Рузский, Одинцовский, Ленинский, Люберецкий, Раменский, Орехово-Зуевский, Шатурский, Наро-Фоминский, Подольский, Домодедовский, Воскресенский, Егорьевский, Чеховский, Серпуховский, Ступинский, Коломенский, Луховицкий, Озерский, Каширский, Зарайский и Серебряно-Прудский) относятся к Окскому бассейну.

Мезолитические стоянки открыты в 22 из них – Воскресенском, Егорьевском, Зарайском, Истринском, Каширском, Коломенском, Красногорском, Ленинском, Луховицком, Люберецком, Можайском, Одинцовском, Озерском, Орехово-Зуевском, Павлово-Посадском, Подольском, Раменском, Рузском, Серпуховском, Солнечногорском, Ступинском, Чеховском и Шатурском. Ниже приводится порайонный список этих памятников.

ВОСКРЕСЕНСКИЙ РАЙОН

Значится три стоянки: ИСАКОВО 1 (ЧАШКА 2) (Кравцов, 1988, № 12529, л. 5–7; АКР, 1997, с. 15), ИСАКОВО 2 (ЧАШКА 3) (Кравцов, 1988, № 12529, л. 7–9; АКР, 1997, с. 15) и ИСАКОВО 3 (ЧАШКА 1) (Кравцов, 1987, № 11878, л. 12–17; 1988, № 12529, л. 3–5; Николаев, 1988, № 13964, л. 2–11; АКР, 1997, с. 15).

ЕГОРЬЕВСКИЙ РАЙОН

Открыто семь памятников: КОЛИОНОВО 1 (ЧЕРНАЯ 1) (Кравцов и др., 1979, с. 64, 65; Кравцов, 1980; 1984, с. 61; 1985, с. 62; 1986, с. 54; Кравцов, Лозовский, 1989, с. 162; Кравцов и др., 1994, с. 117–131; Кравцов, 1978, № 6948, л. 14–17; 1979, № 7578, л. 24–26; 1982, № 9360, л. 20–23; 1983, № 9581, л. 14–39; 1984, № 10893, л. 5–18; 1987, № 11878, л. 4–8; АКР, 1997, с. 22); КОЛИОНОВО 2 (ЧЕРНАЯ 3) (Кравцов, 1987, № 11878, л. 8, 9; АКР, 1997, с. 23); КОЛИОНОВО 3 (УСТЬ-ЧЕРНАЯ) (Кравцов, 1984, с. 62; 1986, с. 54; Кравцов, 1982, № 9360, л. 4–10; 1984, № 10893, л. 19–25; АКР, 1997, с. 23); КОЛИОНОВО 3 (ПАНЮШЕНКА) (Кравцов, 1980, с. 57; 1984. с. 61, 62; 1985, с. 62; 1988а, с. 113–129; Кравцов, 1979, № 7578, л. 26, 27; 1982, № 9360, л. 11–19; 1983, № 9581, л. 2–13; АКР, 1997, с. 25); КУПЛИЯМ 1 (Кравцов, 1983, с. 63; Кравцов, 1981, № 8508, л. 4–6, 8; АКР, 1997, с. 26); КУПЛИЯМ 2 (2А) (Кравцов, 1983, с. 63; Кравцов, 1981, № 8508, л. 6–8; АКР, 1997, с. 26, 27); ЛЕЛЕЧИ 2 (Кравцов, 1980, с. 57; Кравцов, 1979, № 7578, л. 6, 7; АКР, 1997, с. 27).

ЗАРАЙСКИЙ РАЙОН

На территории района открыто семь памятников: БЕЛЫЙ КОЛОДЕЦ (Зайцева, 1997; Амирханов, 1997; Леонова, 2002); АРГУНОВО 2 (КОВЫЛИНО 1) (Коваль, 1994, № 20459; АКР, 1997, с. 40); КАРМАНОВО 1 (Трусов, 1990, № 15908, л. 40–43; АКР, 1997, с. 44, 45); КАРМАНОВО 2 (Трусов, 1990, № 15908, л. 43–45; АКР, 1997, с. 45); КУКОВО 1 (Трусов, 1990, № 15908, л. 46–49; АКР, 1997, с. 46); КУКОВО 2 (Трусов, 1990, № 15908, л. 50; АКР, 1997, с. 46, 47); КУКОВО 3 (Трусов, 1990, № 15908, л. 51; АКР, 1997, с. 47); ТРЕГУБОВО 2 (Трусов, 2004; Трусов, 1998, № 22105; 1999, № 22485).

ИСТРИНСКИЙ РАЙОН

Значится два памятника: ИСТРА 1 (СЫЧЕВСКОЕ, МАЛО-ИСТРИНСКОЕ) (Виноградов, 1925, с. 39; Косинский, 1959, № 1935, л. 4, 5; Сидоров, 1972, № 4888, л. 47, 48; 1973–1974, № 5431, л. 33; АКР, 1995, с. 47) и ИСТРА 2 (ТРУСОВСКОЕ) (Розенфельдт, 1988, с. 242, 267; Сидоров, 1972, № 4888, л. 44, 47, 48; 1973–1974, № 5431, л. 32; Кренке, 1985, № 11073, л. 20; АКР, 1995, с. 47).

КАШИРСКИЙ РАЙОН

Известно 17 памятников: КОЛТОВО 1 (стоянка, городище) (Бурых и др., 1956, с. 548; Юшко,

1970, № 4215, л. 5; Розенфельдт, 1960, № 2042, л. 19; Сидоров, 1989, № 15433, л. 68; АКР, 1997, с. 65, 66); КОЛТОВО 1 (стоянка) (Сидоров, 1989, № 15433, л. 68; АКР, 1997, с. 64); КОЛТОВО (поселение) 1 (КОЛТОВО 2) (ПСРЛ. Т.II. Стб. 338; Арх. ИИМК: Ф. 2. Оп. 1. 1930, № 173, л. 5–7; Юшко, 1970, № 4215, л. 4; Сидоров, 1989, № 15433, л. 67, 68; 1995, № 20525; Зубарев, 1993, № 18543, л. 8–16; АКР, 1997, с. 64); КОЛТОВО (поселение 2) (КОЛТОВО 7, МУТЕНКА) (Сидоров, 1989, № 15433, л. 68, 69; 1993, № 17981–17982, л. 14, 15; 1995, № 20525; Сидоров, 1996; 2002; АКР, 1997, с. 65); КОЛТОВО (поселение 3) (КОЛТОВО 10) (Трусов, 1990, № 15908, л. 32–35; АКР, 1997, с. 65); ПРЕЧИСТОЕ 2 (Сидоров, 1995, № 20525–20526, л. 69, 70; АКР, 1997, с. 227); ПЯТНИЦА (Трусов, 1990, № 15908, л. 15, 16; АКР, 1997, с. 70); УМРЫШЕНКИ 1 (Трусов, 1990, № 15908, л. 18, 19; АКР, 1997, с. 72); УМРЫШЕНКИ 3 (Трусов, 1990, № 15908, л. 20–24; Сидоров, Энговатова, 1992, № 17772, л. 1–9; Сидоров, 1993, № 17981–17982, л. 5–16; АКР, 1997, с. 71, 72); УМРЫШЕНКИ 4–10 (Сидоров, 1996); ФРОЛОВСКОЕ (ГЛЕБОВО) (Розенфельдт, 1970, № 4321, л. 2; АКР, 1997, с. 72).

КОЛОМЕНСКИЙ РАЙОН

Зафиксировано четыре пункта: два местонахождения – СТАРО-ГОЛУТВИНСКИЙ БОГОЯВЛЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ (Мазуров, Высоцкий, 2002) и ЩУРОВО (Сыроватко, 2003), а также две стоянки (НАСТАСЬИНО 2 и 4) (Трусов, 2000; 2003).

КРАСНОГОРСКИЙ РАЙОН

Мезолитические материалы встречены в одном пункте – МЯКИНИНО 2 (Векслер, 2000; Энговатова, Коваль, 2003).

ЛЕНИНСКИЙ РАЙОН

Известен единственный пункт: ДЕСНА (Станюкович и др., 1978, с. 86, 87; 1979, с. 94; Станюкович, 1980, с. 79; Станюкович, 1976, № 6276, л. 49–52; 1977, № 6801, л. 1–29; 1978, № 7298, л. 1–30; 1979, № 7998, л. 3–19; 1981, № 8908, л. 20; Розенфельдт, 1977, № 6679, л. 34; АКР, 1994, с. 105, 106).

ЛУХОВИЦКИЙ РАЙОН

БЕРХИНО 2 (Сыроватко, 1999).

ЛЮБЕРЕЦКИЙ РАЙОН

КОСИНО 1, 2 открыты в 1975 г. В.Ю. Дукельским и А.С. Фроловым.

МОЖАЙСКИЙ РАЙОН

МАЛОЕ, комплекс памятников (Мингалев, 2001).

НОГИНСКИЙ РАЙОН

Открыто два памятника: БУЛГАКОВО (Сидоров, 1988, № 17371, л. 56, 57; АКР, 1997, с. 243); БУЛГАКОВО (Сидоров, 1988, № 17371, л. 57; АКР, 1997, с. 243, 244).

ОДИНЦОВСКИЙ РАЙОН

Значится четыре пункта: УСТЬЕ (Краснов, 1962, с. 262, 263; АКР, 1994, с. 166); РЫБУШКИНО (Станюкович, Черносвитов, 1998; Станюкович, Ёлкина, 1999); САВВИНСКАЯ СЛОБОДА 2 (Станюкович, Ёлкина, 1999); САВВИНСКИЙ СКИТ (Станюкович и др., 2003).

ОЗЕРСКИЙ РАЙОН

Обнаружено 10 памятников: РОСТИСЛАВЛЬ (Коваль, 1999; Коваль и др., 2003); СМЕДОВО 2 (1) (Коваль, 1993, с. 72, 73; Коваль, 1992, № 17426, л. 20, 21; АКР, 1997, с. 131); СМЕДОВО 3 (2) (Коваль, 1993, с. 72, 73, 79; Коваль, 1992, № 17426, л. 21–25; АКР, 1997, с. 131, 132); СМЕДОВО 4 (3) (Коваль, 1993, с. 72, 73; Коваль, 1992, № 17426, л. 25, 26; АКР, 1997, с. 132); СОСНОВКА (Коваль, 1993, с. 73; Коваль, 1992, № 17426; 1994, № 20459; 1995, № 19532; АКР, 1997, с. 132, 133); СОСНОВКА (РОСТИСЛАВЛЬСКОЕ) 1 (Талицкий, 1941, с. 61; Успенская, Фехнер, 1956, с. 168; Коваль, 1993, с. 73, 78; 1994, с. 131–133; Коваль, 1991, № 16084, л. 43, 44, 49, 50, 62–67; 1992, № 17426, л. 42–44; 1993, № 17732, л. 51–58; Розенфельдт, 1988, л. 625–627; АКР, 1997, с. 133); СОСНОВКА (РОСТИСЛАВЛЬСКОЕ) 2 (Коваль, 1993, с. 72, 73, 78; 1994, с. 131–133; Коваль, 1991, № 16084, л. 50, 51; 1993, № 17732, л. 58–69; АКР, 1997, с. 133, 134); СОСНОВКА (РОСТИСЛАВЛЬСКОЕ) 3 (Коваль, 1993, с. 72, 73, 78; 1994, с. 131–133; Коваль, 1991, № 16084, л. 51, 67–73); СОСНОВКА (РОСТИСЛАВЛЬСКОЕ) 4 (Коваль, 1993, с. 72, 73, 78; 1994, с. 131–133; Коваль, 1991, № 16084, л. 51, 74); ФРОЛОВСКОЕ (СМЕДОВСКАЯ) (АКР, 1997, с. 134).

ОРЕХОВО-ЗУЕВСКИЙ РАЙОН

Известно не менее 47 памятников: БЕЛИВО 2 (1Б) (АКР, 1996, № 1383 (44); Кравцов, 1986, с. 55; Кравцов, 1984, № 10893, л. 97); БЕЛИВО 3 (1В) (АКР, 1996, № 1384 (45); Кравцов, 1986, с. 55; Кравцов, 1984, № 10893, л. 97–99); БЕЛИВО 4 (1Г) (АКР, 1996, № 1385 (40); Кравцов, 1984, № 10893а, л. 3; 1986, № 11382, л. 9–12); БЕЛИВО 5 (1Д) (АКР, 1996, № 1386 (41); Кравцов, 1984, № 10893а, л. 3; 1986, № 11382, л. 8, 9); БЕЛИВО 6 (1Е) (АКР, 1996, № 1387 (42); Кравцов, 1984, № 10893, л. 3; 1986, № 11382, л. 12); БЕЛИВО 7 (2) (АКР, 1996, № 1388 (29); Кравцов, 1986, с. 55; 1987, с. 72, 73; Кравцов, 1984, № 10893, л. 100–107; 1985, № 10597, л. 7–22); БЕЛИВО 9 (4А) (АКР, 1996, № 1390 (34); Кравцов, 1986, с. 55; 1987, с. 72,73; Кравцов, 1984, № 10893, л. 110–118; 1985, № 10597, л. 23–45; 1987, № 11878, л. 28–32; Леонова, 1991, № 15979, л. 3–16; 1994, № 19847; Леонова, 1995); БЕЛИВО 10 (4Б) (АКР, 1996, № 1391 (35); Кравцов, 1986, с. 55; 1988б, с. 69; Кравцов, 1984, № 10893, л. 119–121; 1986, № 11382, л. 18–32); БЕЛИВО 11 (4В) (АКР, 1996, № 1392 (36); Кравцов, 1986, с. 55; Кравцов, 1984, № 10893, л. 122, 123; Николаев, 1988, № 13964); БЕЛИВО 12 (5Б) (АКР, 1996, № 1393 (30); Кравцов, 1986, с. 55; Кравцов, 1986, № 11382, л. 7); БЕЛИВО 13 (6, 6А) (АКР, 1996, № 1394 (38); Кравцов, 1986, с. 55; Кравцов, 1984, № 10893, л. 127, 128); БЕЛИВО 14 (6В) (АКР, 1996, № 1395 (39); Кравцов, 1989, № 14300, л. 35–45); Леонова, 1990, № 15710, л. 3–15; 1991, № 15979, л. 3–16; 1994, № 19847; Леонова, 1995); БЕЛИВО 16 (8) (АКР, 1996, № 1397 (24); Кравцов, 1987, с. 73; Кравцов, 1985, № 10597, л. 47, 48); БЕЛИВО 19 (12) (АКР, 1996, № 1400 (37); Кравцов, 1987, № 11878, л. 23–25); БЕЛИВО 21 (РАДОМКА 1) (АКР, 1996, № 1402 (46); Леонова, 1990, № 15710, л. 15–20); БЕЛИВО 22 (БЕЛИВСКОЕ ОЗ. 1) (АКР, 1996, № 1403 (52); Кравцов, 1984, № 10893, л. 129, 130); БЕЛИВО 23 (БЕЛИВО, БЕЛИВСКОЕ ОЗ. 1) (АКР, 1996, № 1404 (51); Сидоров, 1975, № 5709, л. 45; Розенфельдт, 1988, л. 641; Кравцов, 1984, № 10893, л. 129, 130); БЕЛИВО 24 (БЕЛИВСКОЕ ОЗ. 2) (АКР, 1996, № 1405 (49); Кравцов, 1985, № 10597, л. 49, 51, 52); БЕЛИВО 25 (БЕЛИВСКОЕ ОЗ. 3) (АКР, 1996, № 1406 (50); Кравцов, 1985, № 10597, л. 49, 50, 52, 53); БЕЛИВО 26 (БЕЛИВСКОЕ ОЗ. 4) (АКР, 1996, № 1407 (48); Кравцов, 1985, № 10597, л. 50, 53, 54); ДРЕЗНА (ЯЗВИЦКАЯ ГОРА) 1 (АКР, 1996, № 1415 (11); Жилин, 1978, с. 61; Сидоров, 1975, № 5709, л. 56, 57); ДРЕЗНА (ЯЗВИЦКАЯ ГОРА) 4 (АКР, 1996, № 1418 (14); Жилин, 1978, с. 61; Жилин, 1977, № 6618, л. 58); ЗАВОЛЕНЬЕ (УСТЬ-ВОЛЬНАЯ) (АКР, 1996, № 1419 (64); Сидоров, 1973–1974, № 5431, л. 87, 88; 1975, № 5709, л. 45, 46; Розенфельдт, 1982, № 9834, л. 16; Кравцов, 1984, № 10893, л. 26–48); ЗАГРЯЖСКАЯ 1 (АКР, 1996, № 1420 (21); Кравцов, 1984, № 10893а, л. 3; 1986, № 11382, л. 16); КРАСНАЯ ДУБРАВА (ДЕМИДОВО 3) (АКР, 1996, № 1423 (3); Жилин, 1977, № 6618, л. 43, 44; Розенфельдт, 1988, л. 662); ПИРЮТИНО 1 (6) (АКР, 1996, № 1429 (16); Сидоров, Энговатова, 1992, № 17767, л. 45–49); ПИРЮТИНО 2 (5) (АКР, 1996, № 1430 (20); Сидоров, Энговатова, 1992, № 17772, л. 45–49); ПИРЮТИНО 4 (АКР, 1996, № 1433 (19); Сидоров, Энговатова, 1992, № 17772, л. 45–49); СЛОБОДИЩЕ 1 (АКР, 1996, № 1438 (82); Кравцов, 1993, № 17779); СЛОБОДИЩЕ 2 (ЛУПИЛОВКА 1) (АКР, 1996, № 1439 (84); Сидоров, 1971, № 4547, л. 26; Сидоров, 1975, № 5709, л. 47, 48); СЛОБОДИЩЕ 5 (3) (АКР, 1996, № 1442 (86); Кравцов, 1993, № 17779, л. 12–14); СОБОЛЕВО 1 (АКР, 1996, № 1444 (88); Кравцов, 1987, № 11878, л. 17, 18); СОБОЛЕВО 2 (3) (АКР, 1996, № 1445 (89); Кравцов, 1987, № 11878, л. 20); ТЕРЕНЬКОВО 1 (4) (АКР, 1996, № 1448 (57); Кравцов, 1986, с. 55; Кравцов, 1984, № 10893, л. 83–88); ТЕРЕНЬКОВО 2 (4Б) (АКР, 1996, № 1449 (58); Кравцов, 1986, с. 55; Кравцов, 1986, № 11382, л. 6, 7); ТЕРЕНЬКОВО 3 (7) (АКР, 1996, № 1450 (56); Кравцов, 1987, № 11878, л. 32, 33); ТЕРЕНЬКОВО 4 (5Б) (АКР, 1996, № 1451 (54); Кравцов, 1986, с. 55; Кравцов, 1984, № 10893, л. 90, 91); ТЕРЕНЬКОВО 5 (5А) (АКР, 1996, № 1452 (55); Кравцов, 1986, с. 55; Кравцов, 1984, № 10893, л. 89, 90); ТЕРЕНЬКОВО 7 (ТЕРЕНЬКОВСКОЕ КЛАДБИЩЕ 1) (АКР, 1996, № 1454 (63); Кравцов, 1986, с. 55; Кравцов, 1984, № 10893, л. 71); ТЕРЕНЬКОВО 4 (6) (АКР, 1996, № 1458 (53); Кравцов, 1986, с. 55; Кравцов, 1984, № 10893, л. 49–70); ХОТЕИЧИ 1 (2) (АКР, 1996, № 1459 (93); Кравцов, 1987, № 11878, л. 22); БЕЛИВО 1 (4Г – северная) (АКР, 1996, № 20; Кравцов, 1988а, с. 69; 1988б, с. 15–21; Кравцов, 1987, № 11878, л. 34–45; 1988, № 12529, л. 2, 11–20; Леонова, 1989, № 14425, л. 1); БЕЛИВО 2 (4Г – южная) (АКР, 1996, № 21; Кравцов, 1988б, с. 15–21; Кравцов, 1987, № 11878, л. 34–45; 1988, № 12529, л. 2, 11–20; Леонова, 1989, № 14425); БЕЛИВО 3 (6Б) (АКР, 1996, № 22; Кравцов, 1986, № 11382, л. 13; 1987, № 11878, л. 45–47; 1988, № 12529, л. 22–23; 1989, № 14300, л. 26–31); ПИРЮТИНО 2 (АКР, 1996, № 23; Сидоров, Энговатова, 1992, № 17772, л. 45–49); ХОТЕИЧИ 4 (Луньков, 2001).

ПАВЛОВО-ПОСАДСКИЙ РАЙОН

На территории района открыто 11 стоянок: ПАВЛОВСКИЙ ПОСАД 1 (АКР, 1996, № 1466 (6); Жилин, 1977, № 6618, л. 44); Б. ДВОРЫ (АКР, 1996, № 1471 (5); Жилин, 1977, № 6618, л. 41, 42; Розенфельдт, 1988, л. 660); ДЕМИДОВО 1 (АКР, 1996,

№ 1476 (27); Жилин, 1977, № 6618, л. 43; Розенфельдт, 1988, л. 661, 662); ДЕМИДОВО 2 (АКР, 1996, № 1477 (28); Жилин, 1977, № 6618, л. 43); КОВРИГИНО (АКР, 1996, № 1489 (16); Жилин, 1977, № 6618, л. 42, 43); КУРОВО 1 (АКР, 1996, № 1490 (20); Жилин, 1977, № 6618, л. 54, 55); КУРОВО 2 (АКР, 1996, № 1491 (21); Жилин, 1977, № 6618, л. 55; Розенфельдт, 1988, л. 668); САУРОВО 2 (3) (АКР, 1996, № 1495 (19); Жилин, 1977, № 6618, л. 47, 48); САУРОВО 3 (4) (АКР, 1996, № 1496 (22); Жилин, 1977, № 6618, л. 48, 49); САУРОВО 4 (5) (АКР, 1996, № 1497 (23); Жилин, 1977, № 6618, л. 50); САУРОВО 7 (8) (АКР, 1996, № 1500 (26); Жилин, 1977, № 6618, л. 51–54).

ПОДОЛЬСКИЙ РАЙОН

Известно шесть пунктов: ДУБРОВИЦЫ (1) (АКР, 1994, № 446 (59); Гоняный, Станюкович, 1983, с. 54; Юшко, 1968, № 3707, л. 21; 1971, № 4529, л. 3; Гоняный, 1981, № 8873, л. 3; 1982, № 8598, л. 5–18; 1990, № 15553, л. 10–15; 1991, № 16082, л. 22–30); ДУБРОВИЦЫ (2) (АКР, 1994, № 447 (60); Гоняный, 1981, № 8873, л. 2; 1990, № 15553, л. 8; Кренке, 1985, № 11073, л. 17); ЗАХАРЬИНО (Трусов, 1990, № 15908, л. 7–12; 1990, № 15909, л. 3; АКР, 1997, с. 253); ПОДОЛЬСК (ПОДОЛ) 1 (АКР, 1997, № 2679; Гоняный, 1994, № 18404, л. 2–14, 21–48; 1995, № 19111, л. 1–19, 27–53; 1997, № 22047); ОЗНОБИШИНО 5 (Шполянский, 1998); ПОСЕЛОК № 3 (Шполянский, 1998).

РАМЕНСКИЙ РАЙОН

Открыто четыре стоянки: ЗАОЗЕРЬЕ 1 (АКР, 1996, № 1556 (31); Фролов, 1985, с. 92; 1986, с. 79; Фролов, 1983, № 9609, л. 1–3; 1984, № 10424, л. 1–9; Сидоров, 1991, № 15568, л. 2; Розенфельдт, 1988, л. 777, 778); ЗАОЗЕРЬЕ (2) (АКР, 1996, № 1558 (32); Векслер и др. 1975, с. 52, 53; Гоняный, Станюкович, 1983, с. 54, 55; Фролов, 1985, с. 92; 1986, с. 79; Розенфельдт, 1974, № 5596, л. 61; Станюкович, 1975, № 5796, л. 43–45; Станюкович, 1981, № 8908, л. 19, 20; Фролов, 1983, № 9609, л. 1, 3–6; Фролов, 1984, № 10424, л. 4, 9–11; Сидоров, 1991, № 15568; Розенфельдт, 1988, л. 776–778); РЕДЬКИНО (АКР, 1996, № 1610 (46); Коняшин, 1940, с. 176, 177; Бадер, 1947, с. 155; Сидоров, 1968, № 3723, л. 508; Сидоров, 1969, № 4003, л. 3–5; Сидоров, 1975, № 5709, л. 62, 63; Розенфельдт, 1988, л. 796, 797); РЕДЬКИНО (АКР, 1996, № 1611 (45); Сидоров, 1968, № 3723, л. 7, 8).

РУЗСКИЙ РАЙОН

Имеется 23 памятника: БРИКЕТ 1 (АКР, 1995, № 1093 (16); Сидоров, 1975, № 5709, л. 35, 36; 1976, № 6780, л. 50); БРИКЕТ 2 (АКР, 1995, № 1094 (17); Сидоров, 1975, № 5709, л. 36; 1976, № 6780, л. 50); БРИКЕТ 3 (АКР, 1995, № 1095 (18); Сидоров, 1975, № 5709, л. 36; 1976, № 6780, л. 50); БРИКЕТ 4 (АКР, 1995, № 1096 (19); Сидоров, 1975, № 5709, л. 36; 1976, № 6780, л. 50); БРИКЕТ 5 (АКР, 1995, № 1097 (20); Сидоров, 1976, № 6780, л. 50); БРИКЕТ 6 (АКР, 1995, № 1098 (21); Сидоров, 1976, № 6780, л. 50–52); БРИКЕТ 7 (АКР, 1995, № 1099 (22); Сидоров, 1976, № 6780, л. 50, 51); БРИКЕТ 8 (АКР, 1995, № 1100 (23); Сидоров, 1976, № 6780, л. 51, 52); ГЛИНЬКОВО (ДАЛЬНИЙ ОСТРОВ) (АКР, 1995, № 1124 (49); ГЛИНИЩИ 1 (Сидоров, 1969, № 4003; 1972, № 4888, л. 35–37; Кравцов, Леонова, 1992); ГОРОДИЩЕ (ТРОСТЕНСКАЯ ГОРА) 1 (АКР, 1995, № 1128 (37); Сидоров, 1969, № 4003, л. 26); ГОРОДИЩЕ 2 (АКР, 1995, № 1129 (38); Сидоров, 1969, № 4003, л. 39, 40); ГОРОДИЩЕ 3 (ТРОСТЕНСКАЯ 7) (АКР, 1995, № 1130 (39); Сидоров, 1969, № 4003, л. 26; 1970, № 4353, л. 4, 5; 1972, № 4888, л. 37; 1973–1974, № 5431, л. 85, 86); ГОРОДИЩЕ 5 (ТРОСТЕНСКАЯ 10) (АКР, 1995, № 1132 (41); Сидоров, 1969, № 4003, л. 34); ГОРОДИЩЕ (местонахождение) (АКР, 1995, № 1135 (34); Сидоров, 1968, № 3723, л. 34–36, 42–44; 1969, № 4003, л. 23, 24, 30–32; 1970, № 4353, л. 1, 5); ГОРОДИЩЕ 1 (ТРОСТЕНСКАЯ 3 СЕВЕРНАЯ) (АКР, 1995, № 1136 (35); Сидоров, 1968, № 3723, л. 36–41; 1969, № 4003, л. 26–29; 1971, № 4547, л. 16–19); НИКОЛЬСКОЕ (КУБА) 1 (АКР, 1995, № 1173 (137); Сидоров, 1969, № 4003, л. 18; 1970, № 4353, л. 5); НИКОЛЬСКОЕ (поселение) 1 (АКР, 1995, № 1175 (28); Сидоров, 1968, № 3723, л. 32, 33; 1969, № 4003, л. 19; 1970, № 4353, л. 5; 1971, № 4547, л. 19); НИКОЛЬСКОЕ 2 (АКР, 1995, № 1176 (29); Сидоров, 1968, № 3723, л. 33; 1969, № 4003, л. 19, 20; 1970, № 4353, л. 6; 1971, № 4547, л. 19–25; 1972, № 4888, л. 15–31); НИКОЛЬСКОЕ 4 (АКР, 1995, № 1178 (31); Сидоров, 1968, № 3723, л. 33; 1969, № 4003, л. 17, 18); НИКОЛЬСКОЕ 5 (КРАПИВЕЦ) (АКР, 1995, № 1179 (32); Сидоров, 1969, № 4003, л. 21, 22; 1970, № 4353, л. 7–9; 1972, № 4888, л. 31, 32); ПОРЕЧЬЕ (Трусов, 2000); СКИРМАНОВО (УСТЬ-РАССОХА, АГАФИДОВО) (АКР, 1995, № 1199 (6); Сидоров, 1970, № 4353, л. 9, 10; 1976, № 6780, л. 59, 60; Розенфельдт, 1980, № 8116, л. 23).

СЕРПУХОВСКИЙ РАЙОН

Здесь открыто 14 стоянок: ДРАКИНО 1 (АКР, 1997, № 2371; Воронин, 1988, № 14035, л. 6); ДРАКИНО 2 (АКР, 1997, № 2375; Розенфельдт, 1961, № 2250, л. 36; Воронков, 1966, № 3232; Воронин, 1988, № 14035, л. 4–6); ДРАКИНО 3 (АКР, 1997, № 2376; Воронин, 1988, № 14035, л. 6, 7); ДРА-

КИНО 4–8 (АКР, 1997, № 2373; Воронков, 1966, № 3232, л. 13–14; Воронин, 1988, № 14035, л. 7, 8); ЛУЖКИ (АКР, 1997, № 2388; Бурых и др., 1956, с. 561; Арциховский // Арх. ИИМК: Ф. 2. Оп. 1. Д. 199. 1925, л. 3–23; Розенфельдт, 1961, № 2250, л. 33, 34; Воронков, 1966, № 3232, л. 43, 44); ЛУЖКИ 1 (АКР, 1997, № 2388б; Воронин, 1988, № 14035, л. 8–10; Сидоров, 1989, № 15433, л. 4); ЛУЖКИ А (2) (АКР, 1997, № 2388в; Сидоров, 1989, № 15433, л. 6–18); ЛУЖКИ Б (3) (АКР, 1997, № 2388г; Сидоров, 1989, № 15433, л. 6–8; Сорокин, 1993, № 18492, л. 26–32); ЛУЖКИ В (4) (АКР, 1997, № 2388д; Сидоров, 1989, № 15433, л. 18–23); ЛУЖКИ Г (5) (АКР, 1997, № 2388е; Сидоров, 1989, № 15433, л. 23–27); ЛУЖКИ Д (6) (АКР, 1997, № 2388ж; Сидоров, 1989, № 15433, л. 27–29); ЛУЖКИ Е (7) (АКР, 1997, № 2388з; Сидоров, 1989, № 15433, л. 41–45; 1993, № 18492); ЛУЖКИ 13 (АКР, 1997, № 2388а; Сорокин, 1993, № 18492, л. 32); РЕСПУБЛИКА (КОРДОН) 1 (АКР, 1997, № 24134; Ченцов, 1968, № 3805, л. 7–8); СКНИГА (УСТЬЕ СКНИГИ, ЛЕОНОВО) (АКР, 1997, № 24214; Бурых и др., 1956, с. 330; Воронков, 1966, № 3232, л. 35, 36; Воронин, 1988, № 14035).

СОЛНЕЧНОГОРСКИЙ РАЙОН

Найдено пять памятников: ЛЬЯЛОВО 3 (АКР, 1995, № 1243 (37); Неклюдов, 1984, № 10443, л. 5, 6; 1985, № 11243, л. 2–6; 1986, № 11244, л. 1, 3–11; Неклюдов, 1987, № 11914, л. 3–11; Неклюдов, 1994, 1995); ЛЬЯЛОВО 4 (АКР, 1995, № 1244 (37), с. 154; АКР, 1997, № 1244, с. 287; Неклюдов, 1984, № 10443, л. 5, 6; 1985, № 11243, л. 2–6; 1986, № 11244, л. 1, 3–11; 1987, № 11914, л. 3–11; Неклюдов, 1994; 1995); ЛЬЯЛОВО 5 (АКР, 1995, № 1245 (39); АКР, 1997, № 1245; Неклюдов, 1984, № 10443, л. 7, 8); ЛЬЯЛОВО 6 (АКР, 1995, № 1246 (40); АКР, 1997, № 1246; Неклюдов, 1984, № 10443, л. 8); МЕНДЕЛЕЕВО 2 (АКР, 1995, № 1250 (42); АКР, 1997, № 1250; Неклюдов, 1984, № 10443, л. 10, 11).

СТУПИНСКИЙ РАЙОН

ГРЫЗЛОВО (ХАТУНЬ) (АКР, 1997, № 2441 (31); Розенфельдт, 1979, № 7862, л. 11, 12; 1981, № 8480, л. 100, 102; Розенфельдт, Юшко, 1973, с. 195).

ЧЕХОВСКИЙ РАЙОН

КАРЬКОВО (СТАРЫЙ СПАС 3) (АКР, 1997, № 2487 (29); Сорокин, 1995, № 19743); НОВЫЙ БЫТ (АКР, 1997, № 2502 (31); Юшко, 1972, № 5077, л. 16; Сорокин, 1995, № 19743).

ШАТУРСКИЙ РАЙОН

Известно четыре памятника: АЛЕШИНО (ЖАБКИ) 3 (АКР, 1995, № 1876 (28); Кравцов и др., 1979, с. 65; Кравцов, 1980, с. 57, 58; 1981, с. 57, 58; 1983, с. 63; 1984, с. 61; 1985, с. 61, 62; Кравцов, 1978, № 6948, л. 11–14; 1979, № 7578, л. 13–24; 1980, № 7832, л. 3–42; 1981, № 8508, л. 11–47; 1982, № 9360, л. 24–47; 1983, № 9581, л. 39–43); МИТИНСКАЯ (СОСЕНКИ, СВЯТОЕ ОЗ. 6) (АКР, 1996, № 1907 (11); Сидоров, 1975, с. 108; Сидоров, Балинский, 1976, с. 88; Сидоров, 1975, № 5709, л. 50–52); СЕВЕРНАЯ ГРИВА (М. РАСШИРЕНИЕ) 3 (АКР, 1996, № 1921 (5)) и ШМЕЛИ (АКР, 1997, № 2809, с. 296; Сидоров, 1988, № 17371, л. 65, рис. 139–141).

НИЖЕГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ

Большая часть территории области принадлежит к бассейну р. Волги, к бассейну Оки относятся лишь 16 западных и юго-западных ее районов. Среди них: Выксунский, Кулебакский, Навашинский, Вачский, Сосновский, Павловский, Богородский, Дзержинский, Балахнинский (частично), Арзамасский, Вадский, Перевозский (частично), Ардатовский, Шатковский, Лукояновский (частично) и Нижнего Новгорода (частично). Мезолитические стоянки зафиксированы лишь в десяти из них – Ардатовском, Арзамасском, Балахнинском, Богородском, Вачском, Выксунском, Дзержинском, Навашинском, Павловском и Шатковском районах.

АРДАТОВСКИЙ РАЙОН

Открыто пять памятников: КРАСНАЯ РЕЧКА (МЕДВЕЖЬЕ ЛОГОВО) (АКР, 2003, № 7 (17); Жилин, 1986, № 11859, л. 14–16); КРАСНАЯ РЕЧКА (ПЯТНИЦА) 5 (АКР, 2003, № 12 (19); Мартьянов, 1989, с. 39; Мартьянов, 1982, № 10048, л. 7, 8); ЛИПОВКА 2 (АКР, 2003, № 22 (11); Фомин, 1993, № 16428, л. 3); ЛИЧАДЕЕВО 1 (АКР, 2003, № 30 (24); Мартьянов, 1984, с. 69; 1989, с. 39; Мартьянов, 1982, № 10048, л. 5, 6); САКОНЫ 1 (САКОНСКАЯ 3) (АКР, 2003, № 49 (3); Жилин, 1985, № 11185, л. 5, 6).

АРЗАМАССКИЙ РАЙОН

Известно тоже пять стоянок: МЕДВЕЖЬЕ ЛОГОВО (ГСПИКНО, 2001, с. 102; ДГСПИКНО, 2002);

НАУМОВКА 1 (АКР, 2003, № 155 (3); Авдеев, Богачев, 1976, с. 152; Бадер, Халиков, 1976, с. 103; Кольцов, Жилин, 1999; Черников, 1961, № 2233, л. 13–15; № 3080, л. 1–14; Богачев, 1975, № 5387, л. 3–10; Жилин, 1986, № 11859, л. 18; 1988, № 12551, л. 9); ПУСТЫНЬ (СТАРАЯ ПУСТЫНЬ) 1 (АКР, 2003, № 172 (10); Кольцов и др., 1979, с. 181; Жилин, Миронос, 1984, с. 54, 55; Жилин, 1990, с. 198; Кольцов и др., 1991, с. 42–51; Кольцов, Жилин, 1999; Черников, 1961, № 2233, л. 17, 18; 1974, № 6070, л. 22, 23; Кольцов, 1978, № 8301, л. 130, 131; Жилин, 1982, № 9175, л. 5, 6; 1986, № 11859); ПУСТЫНЬ (СТАРАЯ ПУСТЫНЬ) 3 (АКР, 2003, № 174 (8); Фомин, 1991, № 16428, л. 19, 20); ЯСНАЯ ПОЛЯНА 3 (4) (АКР, 2003, № 193 (36); Жилин, 1986, № 11859, л. 17, 18; ГСПИКНО, 2001, с. 102; ДГСПИКНО, 2002).

БАЛАХНИНСКИЙ РАЙОН

На территории Балахнинской низины в 1987 г. М.Г. Жилин раскопал две стоянки на оз. Боровском – БОРОВСКОЕ 3 и 18 (Кольцов, Жилин, 1999, с. 53).

БОГОРОДСКИЙ РАЙОН

Пять пунктов: ГОЛОСОВСКОЕ IV-2 (Сафонов, 1951, № 626, с. 3; Черников, 1959, № 1990, с. 67–69); ЛАКША 1 (Черников, 1959, № 1990, с. 102–104); ЛАКША 2 (Грибов, 1992, № 17005, с. 12; Аникин, 1994, № 18876, с. 34, 35; 1995, № 19345, с. 31); НОВОПАВЛОВКА 2 (Грибов, 1992, № 17005, с. 5, 6; Аникин, 1994, № 18876, с. 14–18); ПОГОРЕЛКА (Сафонов, 1948, с. 250).

ВАЧСКИЙ РАЙОН

ЗИМЕНКИ 4 (Жилин, 1989, № 13462, с. 9; Акимов, 1993, № 18122, с. 19, 20; ГСПИКНО, 2001; ДГСПИКНО, 2002, с. 32).

ВЫКСУНСКИЙ РАЙОН

ВНУТРЕННИЙ 1 (ГСПИКНО, 2001, с. 193; ДГСПИКНО, 2002); СВЯТО 1 (ГСПИКНО, 2001, с. 196; ДГСПИКНО, 2002); СТРЕЛКА 3 (ГСПИКНО, 2001, с. 199; ДГСПИКНО, 2002); СТРЕЛКА 5 (ГСПИКНО, 2001, с. 200; ДГСПИКНО, 2002).

ДЗЕРЖИНСКИЙ РАЙОН

ГАВРИЛОВКА Д (12) (Ошибкина, 1969, № 3981; ГСПИКНО, 2001, с. 221; ДГСПИКНО, 2002); ГАВРИЛОВКА 13 (ГСПИКНО, 2001, с. 221; ДГСПИКНО, 2002); УТРЕХ 3 (Кольцов, Жилин, 1999).

НАВАШИНСКИЙ РАЙОН

Дал максимальное число памятников на территории области (30): БОЛЬШАЯ ПОЛЯНА 2 (Кольцов, 1978, № 8301, с. 116; ГСПИКНО, 2001, с. 275); ВЕЛЕТЬМИНСКАЯ 4 (Кольцов, 1978, № 8301, с. 111); ВЕЛЕТЬМИНСКАЯ 7 (Кольцов, 1978, № 8301, с. 112; ГСПИКНО, 2001, с. 264); ВЕЛЕТЬМИНСКАЯ 9 (Жилин, 1981, № 8543, с. 8; 1982, № 9175, с. 1–4; 1983, № 9889, с. 1–4); ВОЛОСОВО 12 (Жилин, 1989, № 13462, с. 37; ГСПИКНО, 2001, с. 266); ГОРИЦЫ 1 (Богачев, 1975, № 5387, с. 11–15); ГОРИЦЫ (ГОРИЦИНСКОЕ) 1 (Черников, 1961, № 2233, с. 8) ГОРИЦЫ (ГОРИЦИНСКОЕ) 2 (Черников, 1961, № 2233, с. 8, 9); ЕФАНОВО (ЕФАНОВСКАЯ) 3 (Кольцов, 1978, № 8301, с. 118, 119; ГСПИКНО, 2001, с. 268); МАЛОЕ ОКУЛОВО (МАЛООКУЛОВСКАЯ) 11 (Жилин, 1989, № 13462, с. 31, 32; ГСПИКНО, 2001, с. 271); МАЛОЕ ОКУЛОВО (МАЛООКУЛОВСКАЯ) 13 (Жилин, 1989, № 13462, с. 32, 33; ГСПИКНО, 2001, с. 271); МАЛОЕ ОКУЛОВО (МАЛООКУЛОВСКАЯ) 14 (Жилин, 1989, № 13462, с. 33; ГСПИКНО, 2001, с. 271); МАЛОЕ ОКУЛОВО (МАЛООКУЛОВСКАЯ) 16 (Жилин, 1989, № 13462, с. 34; ГСПИКНО, 2001, с. 271); МАЛОЕ ОКУЛОВО (МАЛООКУЛОВСКАЯ) 17 (Жилин, 1989, № 13462, с. 34; ГСПИКНО, 2001, с. 272); НАВАШИНО-ТЕША 1 (Черников, 1961, № 2233, с. 5–8); НОВОШИНО (Черников, 1961, № 2233; Кольцов, 1978, № 8301, с. 115, 116; Жилин, 1984, № 10532, с. 1–5); ПОЗДНЯКОВО, 8 (Жилин, 1988, № 12551, с. 28, 29; ГСПИКНО, 2001, с. 274); ПОЗДНЯКОВО 9 (Жилин, 1988, № 12551, с. 29, 30; ГСПИКНО, 2001, с. 274); ПОКРОВ 4 (Жилин, 1989, № 13462, с. 38; ГСПИКНО, 2001, с. 276; ПОКРОВ 5 (Жилин, 1989, № 13462, с. 38; ГСПИКНО, 2001, с. 276); ПОКРОВ 6 (Жилин, 1989, № 13462, с. 38, 39; ГСПИКНО, 2001, с. 276; ПОКРОВ 7 (Жилин, 1989, № 13462, с. 39; ГСПИКНО, 2001, с. 276); ПОКРОВ 8 (Жилин, 1989, № 13462, с. 39, 40; ГСПИКНО, 2001, с. 277); ПУСТЫНЬ (Богачев, 1975, № 5387, с. 11); РУМАСОВО (РУМАСОВСКОЕ) 1 (Черников, 1961, № 2233, с. 11); СПАС-СЕДЧЕНО 2 (Жилин, 1988, № 12551, с. 1–8; ГСПИКНО, 2001, с. 277); СРЕДНЯЯ ПОЛЯНА (Кольцов, 1978, № 8301, с. 116, 117; ГСПИКНО, 2001, с. 275); УГОЛЬНОВО 1 (Черников, 1961, № 2233, с. 17, 18; Кольцов 1978, № 8301, с. 113, 114; Жилин, 1981, № 8543, с. 1–3); УГОЛЬНОВО 2 (Кольцов, 1978, № 8301, с. 114); ЯРИСТЫЙ БУГОР (ГСПИКНО, 2001, с. 273).

ПАВЛОВСКИЙ РАЙОН

Известен 21 пункт: ВЕНЕЦ 4 (Жилин, 1989, № 13462); ВЕНЕЦ 6 (Жилин, 1989, № 13462; ГСПИКНО, 2001, с. 374; ДГСПИКНО, 2002, с. 51); ВЕНЕЦ 9 (Жилин, 1989, № 13462; ГСПИКНО, 2001, с. 375; ДГСПИКНО, 2002, с. 52); ВЕНЕЦ (КУСТОРКА) 2 (Черников, 1960, № 2219, с. 14–16); ВЕНЕЦ (КУСТОРКА) 3 (Черников, 1960, № 2219, с. 14–16; Жилин, 1989, № 13462); ГРУЗДЕВО 1 (Жилин, 1988, № 12551; 1993, № 18524, с. 10, 11; ГСПИКНО, 2001, с. 376; ДГСПИКНО, 2002, с. 55); ГРУЗДЕВО 2 (Жилин, 1988, № 12551; 1993, № 18524, с. 11; ГСПИКНО, 2001, с. 376; ДГСПИКНО, 2002, с. 56); ГРУЗДЕВО 3 (Жилин, 1988, № 12551; 1993, № 18524, с. 11, 12; ГСПИКНО, 2001, с. 376; ДГСПИКНО, 2002, с. 56); ЗИМЕНКИ 4 (Жилин, 1989, № 13462); МЕДВЕЖЬЕ 3 (Жилин, Левина, 1990, № 15472; ГСПИКНО, 2001, с. 378; ДГСПИКНО, 2002, с. 59); МУНЬКИНО 4 (Жилин, 1991, № 15959); НОВОЕ ЩЕРБИНИНО 5 (Гонозов, 2002); СТАРОЕ ЩЕРБИНИНО 1 (Черников, 1960, № 2219, с. 13; Жилин, 1991, № 15959; ГСПИКНО, 2001, с. 381); СТАРОЕ ЩЕРБИНИНО 2 (Черников, 1960, № 2219, с. 13; Жилин, 1991, № 15959; ГСПИКНО, 2001, с. 382; ДГСПИКНО, 2002, с. 64); СТАРОЕ ЩЕРБИНИНО 3 (Жилин, 1991, № 15959; ГСПИКНО, 2001, с. 382; ДГСПИКНО, 2002, с. 65); СТАРОЕ ЩЕРБИНИНО 4 (Жилин, 1991, № 15959; ГСПИКНО, 2001, с. 382; ДГСПИКНО, 2002, с. 65); СТАРОЕ ЩЕРБИНИНО 7 (Жилин, 1991, № 15959; ГСПИКНО, 2001, с. 382; ДГСПИКНО, 2002, с. 65); СТАРОЕ ЩЕРБИНИНО 1 (Черников, 1960, № 2219, с. 13); СТАРОЕ ЩЕРБИНИНО 15 (Гонозов, 2002); ШУЛЬГИНО 1 (Жилин, 1991, № 15959; ГСПИКНО, 2001, с. 383; ДГСПИКНО, 2002, с. 67); ШУЛЬГИНО 4 (Жилин, 1991, № 15959; ГСПИКНО, 2001, с. 383; ДГСПИКНО, 2002, с. 67).

ШАТКОВСКИЙ РАЙОН

Значится семь памятников: ШАТКИ 1 (3) (АКР, 2003, № 700 (42); ГСПИКНО, 2001, с. 325; ДГСПИКНО, 2002; Черников, 1962, № 2520, л. 5, 6; Кольцов, 1978, № 8301, л. 131); ШАТКИ 2 (АКР, 2003, № 701 (41); Черников, 1962, № 2520, л. 6, 7); КРАСНЫЙ БОР 5 (11) (АКР, 2003, № 728 (4); Алексеев, 1991, с. 91, 92; Алексеев, Данилов, 1991, с. 87–91; Алексеев, 1990, № 15562, л. 17); СОСНОВЫЙ БОР 1 (АКР, 2003, № 754 (54); ГСПИКНО, 2001, с. 72; ДГСПИКНО, 2002; Очеретин, Очеретина, 1999, с. 99; Очеретина, 1998, № 21473, л. 4); СОСНОВЫЙ БОР 2 (АКР, 2003, № 755 (55); ГСПИКНО, 2001, с. 72, 73; ДГСПИКНО, 2002; Очеретин, Очеретина, 1999, с. 99; Очеретина, 1998, № 21473, л. 4); СОСНОВЫЙ БОР 3 (АКР, 2003, № 756 (56); Очеретин, Очеретина, 1999, с. 99; Очеретина, 1998, № 21473, л. 4, 5); СОСНОВЫЙ БОР 4 (АКР, 2003, № 757 (57); Очеретин, Очеретина, 1999, с. 99; Очеретина, 1998, № 21473, л. 5).

ОРЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

На территории области находится исток р. Оки. Из 23 районов к Окскому бассейну относятся 15, среди них: Болховский, Верховский Глазуновский, Залегощенский, Знаменский, Кромский, Мценский, Новодеревеньковский, Новосильский, Орловский, Свердловский, Сосновский, Троснянский, Урицкий и Хотынецкий. Мезолитические памятники выявлены всего в одном из них – Мценском.

МЦЕНСКИЙ РАЙОН

СПАС 1–4 (Сорокин, 1980), БУРАВЛЕНКА (Сорокин, 1981; Фролов, 1985).

ПЕНЗЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Из 27 районов области лишь девять – Башмаковский, Беднодемьянский, Вадинский, Земетчинский, Каменский (частично), Мокшанский, Наровчатский, Нижнеломовский и Пачелмский (частично) – относятся к бассейну Оки. Единственная мезолитическая стоянка, известная на настоящее время, СЯДЕМКА 1 открыта в 1992 г. в Земетчинском р-не (Ставицкий, 1992). Помимо нее в 1990-е годы были открыты и исследованы ПЕНЗЕНСКИЕ стоянки, но они не относятся к окскому бассейну (Ставицкий, 1999).

РЕСПУБЛИКА МОРДОВИЯ

Из 22 районов Республики Мордовия половина относится к бассейну р. Оки, среди них Атюрьевский, Ельниковский, Зубово-Полянский, Инсарский, Кадошкинский, Краснослободский, Старошайговский, Темниковский, Теньгушевский и Торбеевский р-ны. Данная территория Верхнего и Среднего Примокшанья наиболее активно изучалась в 1970–1980 годы, но исследованию подвергались по преимуществу стоянки эпохи неолита и энеолита (Халиков, 1969; Третьяков В., 1990). Мезолитические материалы встречались эпизодически при раскопках более поздних памятников (Халиков, 1969; Шитов, 1976; Третьяков В., 1987; 1990; Выборнов, Третьяков В., 1988), и выделены типологически в следующих пунктах: ИМЕРКА 2 и 4, БАЕВО, ТАРВАС-МОЛОТ, СТАРОКОЧЕ-

ЕВСКАЯ 1 и 2, ВИНДРЕЙСКАЯ, ШАВЕРКИ 5 и БЕРЕЗОВСКАЯ 1. Мезолитические изделия были также найдены В. Аксеновым при раскопках 1982 г. ТЕНЬГУШСКОГО МОГИЛЬНИКА.

Из «чистых» пунктов уже в 1990-е годы были исследованы стоянки ЗАРЕКА и КЛЮКВЕННОЕ (Ставицкий, 1999). Лишь первая из них не имеет примеси поздних материалов, но и в ней было собрано лишь 318 кремневых предметов (Ставицкий, 1999, с. 24).

РЯЗАНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Территория Рязанской области практически целиком относится к бассейну р. Оки. Лишь на крайнем юге области в пределах Милославского, Александро-Невского и Ухоловского р-нов берут начало притоки р. Дон. Мезолитические памятники известны в 16 из 25 районов области: Ермишинском, Кадомском, Касимовском, Клепиковском, Михайловском, Пителинском, Пронском, Путятинском, Ряжском, Сапожковском, Сараевском, Сасовском, Спасском, Старожиловском, Шацком и Шиловском.

В пределах среднего течения р. Оки на территории нынешней Рязани располагалась известная стоянка БОРКИ (Городцов, 1923; Черепнин, 1894; Зубков, 1950). Неоднократно сборы на этом памятнике производил и рязанский краевед В.П. Фролов.

Материалы стоянки у д. Коростово Рязанской области опубликованы П.И. Борисковским (Борисковский, 1937). Позднее памятник обследован Б.А. Фоломеевым и А.Н. Сорокиным. Последним установлено, что было не менее пяти пунктов.

Стоянки ДУБРОВИЧИ и ШУМАШЬ 2 в окрестностях Рязани открыты и исследованы В.А. Городцовым (Городцов, 1905; Грехова, 1970; Кольцов, 1991).

На территории Рязанской Мещеры А.Н. Сорокиным открыты и раскопаны стоянки ЗАДНЕПИЛЕВО 1, 2, 4, 8, ИСТОК 1, БОРИСОВО 1 (Сорокин, 1990), ШИЛЬЦЕВА ЗАВОДЬ 5 (Кравцов, Сорокин, 1991) и РУСАНОВО 1 (Фролов, Сорокин, Жилин, 1977). Сборы на последней из них осуществлял и А.С. Фролов.

Не менее известны БАРАШЕВО 1, 2 (Сасовский р-н); ПУРГАСОВО 3–9 (Кадомский р-н).

В 1977 г. в окрестностях с. Заулки Кадомского р-на Рязанской области в урочище «Петрушкин бугор» на Мокше были найдены орудия мезолитического облика (Зеленеев, Шитов, 1978).

В 1983 г. во время разведок по Своду памятников Рязанской области Б.А. Фоломеевым (Фоломеев, 1983, № 9663) в окрестностях д. Пургасово Кадомского р-на была открыта стоянка ПУРГАСОВО 3, которая стала первым из ныне известных практически «чистых» мезолитических памятников на Нижней Мокше. Памятник раскапывался в 1985 г. А.Н. Сорокиным, тогда же неподалеку от стоянки были найдены еще три пункта мезолитических каменных изделий ПУРГАСОВО 4–6 (Сорокин, 1985, № 11155), а в 1990 г. было найдено еще три пункта (ПУРГАСОВО 7–9). К сожалению ни один из этих памятников раскопать так и не удалось.

В 1986 г. В.П. Челяповым была открыта стоянка БАРАШЕВО 1, сборы на которой проводил в 1987 и 1989 гг. автор. В 1986 г. при обследовании зоны мелиоративного объекта в окрестностях села Конобеево-Лесное на р. Цне им же было открыто около 20 мезолитических стоянок, а в 1989 г. – местонахождение БАРАШЕВО 2. Менее известны другие стоянки на территории области.

Ниже приведен полный список мезолитических памятников, зафиксированных на настоящее время.

ЕРМИШИНСКИЙ РАЙОН

ЛЕБЯЖИЙ БОР 4 (Сорокин, 1989, № 13786, л. 40; АКР, 1994, № 756 (14), с. 16).

КАДОМСКИЙ РАЙОН

Известно 10 стоянок: БЕЛОЕ ОЗЕРО (Гришаков); ЗАУЛКИ (Зеленеев, Шитов, 1978); КОТЕЛИНО 2 (АКР, 1996, № 1902, с. 150; Сорокин, 1993, № 18492, л. 39); ПУРГАСОВО 3 (АКР, 1994, № 809 (9), с. 30; Сорокин, 1992, с. 6, № 1; Фоломеев, 1983, № 9663, л. 14; Сорокин, 1985, № 11155, л. 12–34); ПУРГАСОВО 4 (АКР, 1994, № 810 (10), с. 30; Сорокин, 1992, с. 6, № 2; Сорокин, 1985, № 11155, л. 35); ПУРГАСОВО 5 (АКР, 1994, № 811 (11), с. 30; Сорокин, 1992, с. 6, № 4; Сорокин, 1985, № 11155, л. 35); ПУРГАСОВО 6 (АКР, 1994, № 812 (12), с. 30; Сорокин, 1992, с. 6; Сорокин, 1985, № 11155, л. 35); ПУРГАСОВО 7 (Сорокин, 1992; Сорокин, 1985, № 11155); ПУРГАСОВО 8 и 9 (Сорокин, 1989, № 13786).

КАСИМОВСКИЙ РАЙОН

Открыто четыре пункта: ДОЛГОВСКИЙ (АКР, 1996, № 1903, с. 150; Фоломеев, 1992, № 17798, л. 55, 56); ИБЕРДУС 2 (АКР, 1996, № 1908, с. 151; Сорокин, 1986, № 14552, л. 5); ИБЕРДУС 3 (АКР, 1996, № 1909, с. 151; Сорокин, 1986, № 14552, л. 6) и ПОПОВКА (АКР, 1996, № 1918, с. 153; Сорокин, Кузнецова, 1988, № 12710, л. 19, 20).

КЛЕПИКОВСКИИ РАЙОН

Наиболее насыщен стоянками эпохи мезолита на территории области. Здесь известно 45 пунк-

тов: БЕЛЯКОВО 3, 4 (Фролов, 1975, № 5748); БАРСКОЕ (ШАГАРА 4) (АКР, 1993, № 288 (13), с. 108, 109; Кравцов, Сорокин, 1991; Трусов, 1975, № 6025; 1976, № 6504; Каверзнева, Сорокин, 1987, № 13902; Сорокин, 1994, № 18970); БОЛОНЬ (МИТЬКИНО ОЗЕРО) 1 (АКР, 1993, № 303 (82), с. 112; Сорокин, 1986, № 6166); БОЛОНЬ (МИТЬКИНО ОЗЕРО) 3 (Сорокин, 1986, № 6166); БОРИСОВО 1 (АКР, 1993, № 305 (84), с. 113; Сорокин, 1990; Сорокин, 1982, № 9480); БОРИСОВО 2 (АКР, 1993, № 306 (85); Сорокин, 1982, № 9480); ВЗВОЗ 1 (АКР, 1993, № 310 (99); Сорокин, 1983, № 9480); ВЗВОЗ 2 (ШИЛЬЦЕВА ЗАВОДЬ 1) (АКР, 1993, № 311 (95), с. 113, 114; Сорокин, 1976, № 6166); ВЗВОЗ 3 (ШИЛЬЦЕВА ЗАВОДЬ 2) (АКР, 1993, № 312 (96), с. 114; Сорокин, 1982, № 8991); ВЗВОЗ 4 (ШИЛЬЦЕВА ЗАВОДЬ 3) (АКР, 1993, № 313 (98); Сорокин, 1982, № 8991); ВЗВОЗ 6 (ШИЛЬЦЕВА ЗАВОДЬ 5) (АКР, 1993, № 315 (97а), с. 114; Кравцов, Сорокин, 1991; Сорокин, 1982, № 8991; 1989, № 13786); ДУНИНО (АКР, 1993, № 324 (46), с. 117; Фролов и др., 1977, с. 142–151; Фролов, 1975, № 5748; Фролов, 1976, № 6503); ЗАВОДСКАЯ СЛОБОДА 1 (Сорокин, 1983, № 9480); ЗАДНЕ-ПИЛЕВО 1 (АКР, 1993, № 327 (94), с. 118; Сорокин, 1990; Сорокин, 1982, № 8991); ЗАДНЕ-ПИЛЕВО 2 (АКР, 1993, № 328 (92); Сорокин, 1990; Сорокин, 1982, № 8991; 1984, № 11001); ЗАДНЕ-ПИЛЕВО 3 (АКР, 1993, № 329 (93); Сорокин, 1982, № 8991; АКР, 1993, с. 118, 119; Сорокин, 1990); ЗАДНЕ-ПИЛЕВО 4 (АКР, 1993, № 330 (86), с. 118, 119; Сорокин, 1990; Сорокин, 1982, № 8991); ЗАДНЕ-ПИЛЕВО 5 (АКР, 1993, № 331 (87), с. 118, 119; Сорокин, 1990; Сорокин, 1982, № 8991); ЗАДНЕ-ПИЛЕВО 6 (АКР, 1993, № 332 (88), с. 118, 119; Сорокин, 1990; Сорокин, 1982, № 8991); ЗАДНЕ-ПИЛЕВО 7 (АКР, 1993, № 333 (89), с. 118, 119; Сорокин, 1990; Сорокин, 1982, № 8991); ЗАДНЕ-ПИЛЕВО 8 (АКР, 1993, № 334 (90), с. 118, 119; Сорокин, 1990; Сорокин, 1982, № 8991; 1983, № 9480; 1984, № 11001); ЗАДНЕ-ПИЛЕВО 9 (АКР, 1993, № 335 (91), с. 118, 119; Сорокин, 1990; Сорокин, 1982, № 8991); ЗАДНЕ-ПИЛЕВО 10 и 11 (Сорокин, 1983, № 9480; 1984, № 11001); ИСТОК 1 (АКР, 1993, № 343 (103), с. 121; Сорокин, 1988; 1990; Кравцов, Сорокин, 1991; Сорокин, 1983, № 9480; 1984, № 11001); ИСТОК 2 и 3 (Сорокин, 1983, № 9480); КУЗИНО (АКР, 1993, № 345 (66), с. 121; Фролов, 1975, № 5748; Сорокин, 1989, № 13786); ЛЕБЕДИНОЕ (Фролов и др., 1975; Фролов, 1975, № 5748); ЛОСЕВО (АКР, 1993, № 349 (68), с. 121; Фролов, 1975, № 5748; 1976, № 6503); МАКАРОВО (ОСТРОВКИ) (АКР, 1993, № 350 (19), с. 122; Фролов и др., 1977, с. 142–151; Фролов, 1975, № 5748); НЕНАШКИНО (171-й км) (АКР, 1993, № 356 (35); Трусов, 1975, № 6025; 1976, № 6504; Сорокин, 1989, № 13786); ПОДЛИПКИ 1 (АКР, 1993, № 360 (54), с. 124; Фролов и др., 1976; Фролов, 1975, № 5748; 1976, № 6503); ПОДСВЯТЬЕ 1 (АКР, 1993, № 362 (2), с. 125; Трусов, 1976, № 6504); ПОЛУШКИНО 2 (АКР, 1993, № 369 (706), с. 126; Фоломеев, 1976, № 6500; Сорокин, 1989, № 13786); ПОЛУШКИНО 3 (АКР, 1993, № 370 (69); Сорокин, 1989, № 13786); ПОЛУШКИНО 4 (АКР, 1993, № 371 (70а), с. 126, 127; Сорокин, 1989, № 13786); ПОЛУШКИНО 5 (АКР, 1993, № 372 (70в); Сорокин, 1989, № 13786); РУСАНОВО 1 (Фролов и др., 1976, с. 94; 1977; Фролов, 1975, № 5748; 1976, № 6503; 1982, № 8991); РУСАНОВО 2 (Фролов, 1975, № 5748; 1976, № 6503); СПАС-КЛЕПИКИ (КЛЕПИКИ 4, ГОРОДСКОЙ ПАРК) 1 (АКР, 1993, № 280 (72), с. 104; Фоломеев, 1970, с. 61; Фоломеев, 1970, № 4369; 1976, № 6500); СОВКА 3 (Фоломеев и др., 1978, с. 92; Трусов, 1977, № 6565) и ШАБАЕВО 1, 3–5 (АКР, 1993, с. 131; Сорокин, 1995; Сорокин, 1992, № 17136).

МИХАЙЛОВСКИЙ РАЙОН

ЛУБЯНКА (РОЖДЕСТВЕНСКАЯ) (АКР, 1996, № 1476 (23), с. 42; Чернай, 1987, № 11925).

ПИТЕЛИНСКИЙ РАЙОН

Три памятника: ВЫСОКИЕ ПОЛЯНЫ (БОР 1, ВЕРХНЕПОЛЯНСКОЕ 1) (АКР, 1994, № 825 (7), с. 38; Сорокин, 1992, с. 11; Дресслер, 1975, № 5683, л. 7, 8; Чернай, 1984, № 10106, л. 3); ВЫСОКИЕ ПОЛЯНЫ (ВЕРХНЕПОЛЯНСКОЕ, СУХАРЕВ ЛЕСОК) (АКР, 1994, № 829 (9), с. 38, 39; Сорокин, 1992, с. 11; Дресслер, 1975, № 5683, л. 9, 10; Чернай, 1985, № 10411, л. 43); ТЕМИРЕВО (АКР, 1996, № 1931, с. 157; Фоломеев, 1992, № 17798, л. 69, 70).

ПРОНСКИЙ РАЙОН

НАБОКОВО (АКР, 1996, № 1584 (42), с. 70; Сорокин, 1985, № 11155, л. 4).

ПУТЯТИНСКИЙ РАЙОН

АЛЕКСАНДРО-НЕТРОШ 1 (АКР, 1994, № 853 (2), с. 46, 47; Сорокин, 1992, с. 11, 12; Гаврилов, 1981, № 8888, л. 46. 47); АЛЕКСАНРО-НЕТРОШ 2 (АКР, 1994, № 854 (3); Сорокин, 1992, с. 12; Гаврилов, 1981, № 8888, л. 48, 49); СЫСОИ-ДНО 1 (Сорокин, Кузнецова, 1988, № 12710); СЫСОИ-ДНО 2 (Сорокин, Кузнецова, 1988, № 12710).

РЯЖСКИЙ РАЙОН

ГОРОДОК 1 (Челяпов и др., 2003).

РЯЗАНЬ И РЯЗАНСКИЙ РАЙОН

Известно 20 памятников: БОРКИ (АКР, 1993, № 21 (33); Черепнин, 1894; Городцов, 1905, 1923; Паничкина, 1941, с. 149–157; Зубков, 1950; Грехова и др., 1970, с. 238; Грехова, 1970, с. 25, 31); ВЫШЕТРАВИНО 1 (АКР, 1993, № 28 (148), с. 46, 47; Судаков, 1985, № 10436; Сорокин, 1987, № 14058; 1989, № 13768); ВЫШЕТРАВИНО 2 (АКР, 1993, № 29 (149), с. 46, 47; Судаков, 1985, № 10436; Сорокин, 1987, № 14058; 1989, № 13768); ВЫШЕТРАВИНО 3–8 (Сорокин, 1987, № 14058); ДУБРОВИЧИ (АКР, 1993, № 36; Городцов, 1905; Грехова и др., 1970); ЗАБОРЬЕ (КОЛОМЦЫ) (АКР, 1993, № 59 (3), с. 53; Городцов, 1905, с. 607–609; Грехова и др., 1970, с. 239; Грехова, 1970, с. 33; Фоломеев, 1975, № 5872); КАНИЩЕВО (ЛОГИНОВ ХУТОР 4) (АКР, 1993, № 85 (16), с. 59; Городцов, 1905, с. 578; Фоломеев, 1975, № 5872); КОРОСТОВО 1 (АКР, 1993, № 108 (12); Городцов, 1905, Т. 1, с. 617, 618; Ефименко, 1923, с. 2; Борисковский, 1937, с. 302–317; Фоломеев, 1968, № 3639; Буланкин, 1988, № 13379; Сорокин, 1989, № 13786); КОРОСТОВО 2–5 (Сорокин, 1989, № 13786); ШУМАШЬ 1 (АКР, 1993, № 155 (38); Городцов, 1905, Т. 1, с. 619, 620; Грехова, 1970, с. 31, 32; Грехова и др., 1970, с. 239; Фоломеев, 1975, № 5872) и ШУМАШЬ 2 (АКР, 1993, № 156 (39); Городцов, 1905, Т. 1, с. 619, 620; Брюсов, 1952, с. 52; Грехова, 1970, с. 32, 33; Цветкова, 1970, с. 100–103; Грехова и др., 1970, с. 239; Фоломеев, 1975, № 5872).

САПОЖКОВСКИЙ РАЙОН

МОРОЗОВЫ-БОРКИ 2 (АКР, 1996, № 1970, с. 165; Шаталова, 1993, № 17761, л. 15).

САРАЕВСКИЙ РАЙОН

ЗАРЯ СВОБОДЫ 1 (АКР, 1994, № 881 (1), с. 53; Сорокин, 1987, № 14508, л. 9, 10) и ЗАРЯ СВОБОДЫ 2 (Сорокин, 1987, № 14058, л. 9, 10).

САСОВСКИЙ РАЙОН

Четыре памятника: БАРАШЕВО 1 (АКР, 1994, № 900 (33), с. 59; Челяпов, 1986, № 11310, л. 15, 16; Сорокин, 1987, № 14058, л. 11; Сорокин, 1989, № 13786, л. 42, 43); БАРАШЕВО 2 (Сорокин, 1987, № 14058); БЕРЕСТЯНКИ (АКР, 1994, № 905 (62), с. 60, 61; Сорокин, 1986, № 14552, л. 15); КАЛИНОВЕЦ (АКР, 1994, № 923 (78), с. 64; Сорокин, 1987, № 14508, л. 7. 8).

СПАССКИЙ РАЙОН

Открыто 18 памятников: ГОРОДЕЦ 5 (АКР, 1993, № 518 (122), с. 162; Фоломеев, 1992, № 17798); ДЕГТЯНОЕ (ОБЛАЧИНСКОЕ, ОБЛАЧИНСКАЯ ДЮНА) (АКР, 1993, № 543 (141) и № 544 (142); Городцов, 1905, Т. 1, с. 652–657; Успенская, Фехнер, 1956, с. 179; Монгайт, 1961, с. 152; Трусов, 1983; Трусов, 1975, № 6025; 1976, № 6504; 1977, № 6565); ЖОЛОБОВО-СЛОБОДА (АКР, 1993, № 551 (110), с. 168); ЗАРЕЧЬЕ 1 (АКР, 1996, № 1981, с. 167; Сорокин, 1991, № 16086); КИРИЦЫ 1 (АКР, 1996, № 1983, с. 167; Сорокин, Кузнецова, 1988, № 12710, л. 18, 19); КИРИЦЫ 2 (Сорокин, Кузнецова, 1988, № 12710, л. 18, 19); ЛАКАШ (ГРИШИНСКИЙ ИСТОК) 1 (АКР, 1993, № 602 (172), с. 179; Фоломеев, 1988, № 12557); ЛАКАШ (ГРИШИНСКИЙ ИСТОК) 2 (АКР, 1993, № 604 (173); Фоломеев, 1988, № 12557); ЛАКАШ (ГРИШКИНСКИИ ИСТОК 3) 6 (АКР, 1993, № 608, с. 180; АКР, 1996, № 608; Фоломеев, 1989, № 14847, л. 1–18;); ОДОЕВСКОЙ ФЕРМЫ ПОСЕЛОК 9 (ПИЩЕРГА) (АКР, 1993, № 642 (234), с. 187; Каверзнева, 1986, № 11949); ОРЕХОВО (АКР, 1993, № 656 (145), с. 190; Фоломеев, 1988, № 12557); ПАПУШЕВО (БЕРЕЗОВЫЙ РОГ) 3 (АКР, 1993, № 667 (159), с. 192; Фоломеев, 1988, № 12557); УЖАЛЬЕ (Городцов, 1905; Грехова и др., 1970; АКР, 1993, № 718); УРОДОВО (ПАНИНО) 2 (Челяпов, 1976, № 6155); УРОДОВО (ПАНИНО) 3–5 (Сорокин, 1989, № 13786).

СТАРОЖИЛОВСКИЙ РАЙОН

МЕДВЕЖЬЕ 1–3 (Сорокин, 1983, № 9480).

ШАЦКИЙ РАЙОН

Второй по численности на территории, здесь открыто 22 стоянки: ЛЕСНОЕ КОНОБЕЕВО 1 (АКР, 1994, № 1068 (35), с. 106; Милонов, 1947, с. 90; 1949, с. 18; Сорокин, 1986, № 14552); ЛЕСНОЕ КОНОБЕЕВО 2 (ШАВКА 7) (АКР, 1994, № 1069 (45), с. 106; Сорокин, 1986, № 14552; Буланкин, 1989, № 14325, л. 24–25); ЛЕСНОЕ КОНОБЕЕВО 3 (ШАВКА 6) (АКР, 1994, № 1070 (46), с. 106; Сорокин, 1986, № 14552; Буланкин, 1989, № 14325, л. 16–17); ЛЕСНОЕ КОНОБЕЕВО 4 (ШАВКА 13) (АКР, 1994, № 1071 (47), с. 106; Со-

рокин, 1986, № 14552; Буланкин, 1989, № 14325, л. 18, 19); ЛЕСНОЕ КОНОБЕЕВО 6 (АКР, 1994, № 1073 (48), с. 106; Сорокин, 1986, № 14552, л. 6); ЛЕСНОЕ КОНОБЕЕВО 7 (АКР, 1994, № 1074 (49), с. 107; Сорокин, 1986, № 14552, л. 7); ЛЕСНОЕ КОНОБЕЕВО 8 (АКР, 1994, № 1075 (50), с. 107; Сорокин, 1986, № 14552, л. 7); ЛЕСНОЕ КОНОБЕЕВО 9 (АКР, 1994, № 1076 (51), с. 107; Сорокин, 1986, № 14552, л. 7, 8); ЛЕСНОЕ КОНОБЕЕВО 10 (АКР, 1994, № 1077 (52), с. 107; Сорокин, 1986, № 14552, л. 8); ЛЕСНОЕ КОНОБЕЕВО 11 (АКР, 1994, № 1078 (53), с. 107; Сорокин, 1986, № 14552, л. 8, 9); ЛЕСНОЕ КОНОБЕЕВО 12 (АКР, 1994, № 1079 (54), с. 108; Сорокин, 1986, № 14552, л. 9); ЛЕСНОЕ КОНОБЕЕВО 13 (АКР, 1994, № 1080 (55), с. 108; Сорокин, 1986, № 14552, л. 9); ЛЕСНОЕ КОНОБЕЕВО 14 (АКР, 1994, № 1081 (56), с. 108; Сорокин, 1986, № 14552, л. 9); ЛЕСНОЕ КОНОБЕЕВО 15 (АКР, 1994, № 1082 (57), с. 108; Сорокин, 1986, № 14552, л. 9, 10); ЛЕСНОЕ КОНОБЕЕВО 16 (АКР, 1994, № 1083 (37), с. 108; Сорокин, 1986, № 14552, л. 10); ЛЕСНОЕ КОНОБЕЕВО 17 (АКР, 1994, № 1084 (38), с. 109; Сорокин, 1986, № 14552, л. 10); ЛЕСНОЕ КОНОБЕЕВО 18 (АКР, 1994, № 1085 (58), с. 109; Сорокин, 1986, № 14552, л. 11, 12); ЛЕСНОЕ КОНОБЕЕВО 19 (АКР, 1994, № 1086 (59), с. 109; Сорокин, 1986, № 14552, л. 12, 13); ЛЕСНОЕ КОНОБЕЕВО 20 (АКР, 1994, № 1087 (60), с. 110; Сорокин, 1986, № 14552, л. 13); ЛЕСНОЕ КОНОБЕЕВО 21 (АКР, 1994, № 1088 (61), с. 110; Сорокин, 1986, № 14552, л. 14–15; Буланкин, 1989, № 14325); СЯВЕЛЬ 1 (ШАМОРГА 20 (АКР, 1994, № 1164 (136), с. 131; Буланкин, 1989, № 14325, л. 11, 12); ПЕНЬКОЗАВОД (АКР, 1996, № 2025, с. 177; Верестова, 1992).

ШИЛОВСКИЙ РАЙОН

Известно три пункта: КУЗЕМКИНО 3 (АКР, 1994, № 1264 (2), с. 160; Сорокин, 1992, с. 14; Гаврилов, 1982, № 10656, л. 20–22); ПРИБРЕЖНЫЙ (АКР, 1994, № 1291 (70), с. 167; Сорокин, 1992, с. 14; Гаврилов, 1981, № 8888, л. 57–59); САНСКОЕ (АКР, 1994, № 1299 (107), с. 169, 170; Сорокин, 1992, с. 14; Гаврилов, 1983, № 9716, л. 6–8).

СМОЛЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ

К бассейну Оки относится территория трех районов области – Угранского, Темкинского и Вяземского, по которым протекает р. Угра и ее притоки. Мезолитических памятников здесь пока не обнаружено (АКР, 1997, Т. 1, 2).

ТАМБОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Из 22 районов Тамбовской области лишь восемь относятся к Окскому бассейну – это Бондарский, Знаменский, Моршанский, Пичаевский, Рассказовский, Сампурский, Сосновский и Тамбовский. Мезолитические стоянки выявлены лишь в одном из них: Моршанском – это ВОСКРЕСЕНСКАЯ ГОРА (ВОСКРЕСЕНСКИЙ БУГОР) (Попова, 1962) и ЦИГУНОВ БУГОР (Будин, 2000) на р. Цне.

ТУЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ

Из 23 районов Тульской области пять: Каменский, Ефремовский, Куркинский, Узловский и Кимовский относятся к бассейну р. Дон, еще четыре: Теплоогаревский, Воловский, Богородицкий и Новомосковский – к бассейнам Дона и Оки, остальные 14 районов: Заокский, Алексинский, Ясногорский, Веневский, Ленинский, Суворовский, Дубенский, Одоевский, Щекинский, Киреевский, Белевский, Арсеньевский, Плавский и Чернский относятся к Окскому бассейну. Мезолитические памятники зафиксированы в семи из них: Алексинском, Белевском, Заокском, Ленинском, Новомосковском, Суворовском и Ясногорском (памятники бассейна р. Дон не учитываются).

АЛЕКСИНСКИЙ РАЙОН

КАРТАШОВО (АКР, 1999, № 47 (26); Патрик, 1981, № 8862); СОРОКИНО (Екимов, 1999).

БЕЛЕВСКИЙ РАЙОН

СЕСТРИНСКИЙ ХРЯЩ (Грехова, 1970, с. 30; Полякова, 1970; Грехова и др., 1970, с. 233; АКР, 1999, № 82 (13); Полякова, 1967, № 4345); ВОРОНЕЦ (Городцов, 1905, с. 542, 543; Брюсов, 1947; Грехова, 1970, с. 30; Полякова, 1970; Грехова и др., 1970, с. 231; АКР, 1999, № 89 (57); Миронова, 1980, № 10074, л. 19; Шеков, 1994, № 18666); ЖАБЫНЬ (Городцов, 1905, с. 520–524; Герасимов и др., 1941, с. 42; Брюсов, 1947; Успенская, Фехнер, 1956, с. 183; Грехова, 1970, с. 28, 29; Полякова, 1970; Грехова и др., 1970, с. 234; Наумова, 1995, с. 125, 126; 1997, с. 150, 151; Наумова, Воронцов, 1996, с. 166; АКР, 1999, № 96 (8); Грехова, 1962, № 2548; Миронова, 1979, № 7494; Наумова, 1994, № 18594; 1995, № 19364; Наумова, 1995; Наумова, Воронцов, 1996); МИШЕНСКОЕ (Наумова, Воронцов, 1996, с. 186. АКР, 1999, № 107 (22); Шеков, 1993, № 17748; Наумова, 1995, № 19364); ФЕДЯШЕВО (Городцов, 1905, с. 544, 545; Брюсов,

1947; Грехова, 1970, с. 30; Полякова, 1970; Грехова и др. 1970, с. 231, 232; АКР, 1999, № 133 (51)).

ЗАОКСКИЙ РАЙОН

МИТИНО 5 (Кузнецова, 1989, № 15474).

ЛЕНИНСКИЙ РАЙОН

СЛОБОДКА (ГОРОДИЩЕ) (АКР, 2002, с. 159; Фоломеев, 1987, № 12004; Заидов, 1996, № 20522); УПА 4 (Наумова, 1995, с. 125; АКР, 1999, № 5 (30); Клянин, 1987, № 12104; Гриценко, 1990, № 15612; Екимов, 1992, № 17159).

НОВОМОСКОВСКИЙ РАЙОН

Известно пять памятников: БЕЛОМЕСТНОЕ (АКР, 2002, с. 167; Фоломеев, 1987, № 12004; Заидов, 1992, № 17289); ОСАНОВО (АКР, 2002, с. 173; Шеков, 1992, № 17447); ПЛОСКОЕ (АКР, 2002, с. 175; Заидов, 1996, № 17447); ТЕТЯКОВКА 1 (АКР, 2002, с. 179; Заидов, 1987, № 12084; 1996, № 20522); ТЕТЯКОВКА (КИКИНА ПРОТОКА) 3 (АКР, 2002, с. 179; Заидов, 1987, № 12084; 1988, № 13398; 1989, № 14774); НИЖНЕЕ ГОРОДИЩЕ (Заидов, 2003).

СУВОРОВСКИЙ РАЙОН

Открыто семь стоянок: БЕЛОЕ (БЕЛЕНЬКАЯ, КУЛЕШОВО, УСТЬЕ Р. БЕЛЕНЬКОЙ) (Герасимов и др., 1941, с. 44; Фролов, 1985, с. 137; АКР, 1999, № 447 (26а); БОЛОТО (Грудинкин, 1995); ДОБРОЕ 1 (ДОБРОПОКРОВСКОЕ) (Герасимов и др., 1941, с. 44; Грехова и др., 1970, с. 285; Фролов, 1985. АКР, 1999, № 455 (7); Грудинкин, 1992, № 17649); ДОБРОЕ (ДОБРОПОКРОВСКОЕ) 2 (Грехова и др., 1970, с. 285; Фролов, 1985, с. 138; АКР, 1999, № 456 (6); Грудинкин, 1992, № 17649); ЧЕКАЛИН 1–3 (АКР, 1999, № 477 (17), 478 (20), 479 (21); Грудинкин, 1992, № 17649).

ЯСНОГОРСКИЙ РАЙОН

МОКРАЯ КОРЬ (АКР, 2002, с. 207; Наумов, 1992, № 17643).

ЯРОСЛАВСКАЯ ОБЛАСТЬ

К бассейну Оки на территории области принадлежат Нерль Клязьминская и Киржач, берущие начало в торфяниках Переславского района. Здесь располагаются стоянки ИВАНОВСКОЕ 3 и 7 (Крайнов, Хотинский, 1984; Жилин и др., 2002) и БЕРЕНДЕЕВО 3 (Мезолит СССР, с. 73, 252).

ПЕРЕСЛАВСКИЙ РАЙОН

Числится девять мезолитических памятников: ИВАНОВСКОЕ 3 (Нейштадт и др., 1969, с. 129–138; Крайнов и др., 1973, с. 80–84; 1990, с. 25–31; Крайнов, Хотинский, 1974, с. 272–275; 1977, с. 42–68; 1984а, с. 92–109; Крайнов, 1973, с. 68, 69; 1974, с. 59, 60; 1978, с. 57–62; 1983, с. 64; Уткин, 1986, с. 79; 1998, с. 3–11; Жилин, Энговатова, 1998, с. 90–97); ИВАНОВСКОЕ 7 (Нейштадт и др., 1969, с. 129–138; Крайнов, 1973, с. 68, 69; 1974, с. 59, 60; 1978; 1983, с. 64; Крайнов и др., 1973, с. 80–84; 1990, с. 25–31; Крайнов, Хотинский, 1974, с. 272–275; 1977, с. 42–68; 1984а, с. 92–109; Уткин, 1986, с. 79; 1998, с. 3–11; Костылева, Уткин, 1997, с. 41–54; Жилин, Энговатова, 1998, с. 90–97; Жилин, 1995, 1996а; Жилин, Кравцов, 1997; Жилин и др., 2002); ИВАНОВСКОЕ 6, 8 и 9 (Жилин, 1996а); КУПАНСКОЕ (ДОМ ОХОТНИКА) (Комаров, 1989, № 14122, л. 18); БЕРЕНДЕЕВО (Никитин, Хотинский, 1966; Нейштадт и др., 1969, с. 129–138; Никитин, 1976, с. 191–202; Кольцов, 1980, с. 55, 56; Крайнов, 1980, с. 58, 59; Жилин, Крайнов, 1982, с. 67–73; Уткин, 1983, с. 95; 1984, с. 52–56; 1985, с. 143–150); БЕРЕНДЕЕВО 3 (Хотинский, 1967; Нейштадт и др., 1969, с. 129–138; Кольцов, 1980, с. 55, 56); БЕРЕНДЕЕВО 9 (Уткин, 1985, с. 143–150).

Этим исчерпывается список мезолитических памятников бассейна Оки. Все вышеприведенные данные сведены в таблицы 1 и 2. Таким образом, всего в бассейне р. Оки на 2002 год зафиксировано 664 пункта. Чтобы понять значение этой цифры достаточно указать, что в специальной литературе обычно фигурирует значительно меньшее их число – около 500, причем следует подчеркнуть, что относится это ко всему Волго-Окскому бассейну (Кольцов, Жилин, 1999, с. 5; Жилин, 2004, с. 92). Вместе с тем следует отметить, что общая цифра памятников, включенных в каталог, достаточно условна, ибо возраст части из них достоверно не устанавливается, однако и упомянутые сводки не отличаются повышенной избирательностью.

Анализ первичных сведений показывает, что на числе мезолитических стоянок сказался ряд обстоятельств, связанных как с административной и геоморфологической приуроченностью объектов археологического наследия, так и с сугубо источниковедческими обстоятельствами – наличием и количеством исследователей – мезолитоведов.

Немаловажное значение имеет и техногенный фактор; последнее относится прежде всего к такому мегаполису, как Москва, и областным центрам – Калуге, Рязани, Владимиру, Туле и другим, где значительное число памятников было уничтожено до момента археологического обследования территории.

Наименьшее количество зафиксировано на участках, которые относятся к периферии Окского бассейна, например Смоленская, Пензенская, Ивановская, Тамбовская и Ярославская области или Республика Мордовия. Малочисленность стоянок в Орловской области объясняется геоморфологией, ее значительным высотным положением, приуроченностью к платформенному поднятию и недостаточной развитостью, в силу этого, гидрографической сети. Немаловажно и малое число исследователей каменного века, работавших там. То же можно сказать и о Тульской области, располагающейся на Среднерусской возвышенности.

Одновременно бросается в глаза главная зависимость, которую можно вывести в ситуативной приуроченности мезолитических стоянок – их «тяготение» к зандрам, основным из которых в пределах региона, без сомнения, является Мещерская низменность. Максимальные имеющиеся цифры как раз и приходятся на Московскую и Рязанскую области. Вместе с тем Балахнинская низина уступает как своими размерами, так и общим числом стоянок. Кроме того, Нижегородская область, где она располагается, в значительно большей степени относится к Волжскому, чем к Окскому бассейну. Относительно скромное положение Владимирской области вызвано в значительной мере тем обстоятельством, что здесь первостепенное значение всегда уделялось славяно-русским древностям. На этом фоне выделяется Калужская область, где кроме незначительного по размерам Жиздринского полесья отсутствуют другие зандры, но усилия многочисленных краеведов и археологов-профессионалов дали весьма неплохие результаты.

Таблица 1

Распределение мезолитических памятников бассейна р. Оки по субъектам Российской Федерации

Административное деление	Число памятников
Владимирская область	
Александровский р-н	7
Вязниковский р-н	10
Гороховецкий р-н	3
Гусь-Хрустальный р-н	5
Камешковский р-н	2
Меленский р-н	8
Муромский р-н	3
Петушинский р-н	8
Селивановский р-н	1
Собинский р-н	12
Судогорский р-н	4
Всего по области	**63**
Ивановская область	
Комсомольский р-н	1
Лухский р-н	1
Тейковский р-н	4
Южский р-н	13
Всего по области	**19**
Калужская область	
Боровской р-н	5
Думиничский р-н	3
Износковский р-н	2
Кондровский р-н	1
Калуга и пригородная зона	39
Козельский р-н	7
Малоярославецкий р-н	1
Медынский р-н	5
Мещовский р-н	1
Перемышльский р-н	9
Тарусский р-н	26
Ферзиковский р-н	8
Хвастовичский р-н	10
Юхновский р-н	2
Всего по области	**119**
Республика Мордовия	
Всего	**9**
Москва	
Москва	2
Всего	**2**
Московская область	
Воскресенский р-н	3
Егорьевский р-н	7
Зарайский р-н	8
Истринский р-н	2
Каширский р-н	17
Коломенский р-н	4
Красногорский р-н	1
Ленинский р-н	1
Луховицкий р-н	1
Люберецкий р-н	2

Можайский р-н	1
Ногинский р-н	2
Одинцовский р-н	4
Озерский р-н	10
Орехово-Зуевский р-н	47
Павлово-Посадский р-н	11
Подольский р-н	6
Раменский р-н	4
Рузский р-н	23
Серпуховской р-н	18
Солнечногорский р-н	5
Ступинский р-н	1
Чеховский р-н	2
Шатурский р-н	4
Всего по области	**184**
Нижегородская область	
Ардатовский р-н	5
Арзамасский р-н	5
Балахнинский р-н	2
Богородский р-н	5
Вачский р-н	1
Выксунский р-н	4
Дзержинский р-н	3
Навашинский р-н	30
Павловский р-н	21
Шатковский р-н	7
Всего по области	**83**
Орловская область	
Мценский р-н	5
Всего по области	**5**
Пензенская область	
Земетчинский р-н	1
Всего по области	**1**
Рязанская область	
Ермишинский р-н	1
Кадомский р-н	10
Касимовский р-н	4
Клепиковский р-н	45
Михайловский р-н	1
Пителинский р-н	3
Пронский р-н	1
Путятинский р-н	4
Ряжский р-н	1
Рязань и Рязанский р-н	20
Сапожковский р-н	1
Сараевский р-н	2
Сасовский р-н	4
Спасский р-н	18
Старожиловский р-н	3
Шацкий р-н	22
Шиловский р-н	3
Всего по области	**143**
Смоленская область	
Всего по области	**0**
Тамбовская область	
Моршанский р-н	2
Всего по области	**2**
Тульская область	
Алексинский р-н	2
Белевский р-н	5
Заокский р-н	1
Ленинский р-н	1
Новомосковский р-н	6
Суворовский р-н	7
Тула	1
Ясногорский р-н	1
Всего по области	**24**
Ярославская область	
Переславский	10
Всего по области	**10**
Итого по списку	**664**

Таблица 2

Процентное распределение мезолитических памятников в бассейне р. Оки

Административное деление	**Число памятников**	**В процентах**
Смоленская область	0	0
Пензенская область	1	0,15
Тамбовская область	2	0,30
Москва	2	0,30
Орловская область	5	0,75
Республика Мордовия	9	1,36
Ярославская область	10	1,51
Ивановская область	19	2,86
Тульская область	24	3,61
Владимирская область	63	9,49
Нижегородская область	83	12,50
Калужская область	119	17,92
Рязанская область	143	21,54
Московская область	184	27,71
Итого по списку	**664**	**100%**

Вместе с тем, несмотря на значительное количество мезолитических памятников, открытых в бассейне р. Оки, большинство из этих пунктов известно лишь по разведочным данным, а многие из тех, которые исследованы стационарно, дали не только мезолитические артефакты, но в них содержатся примеси материалов более поздних эпох. Часть коллекций оказалась сортированной. Все это определяет их разную источниковедческую ценность и значимость, в том числе и при решении вопроса культурной атрибуции. В ходе дальнейшего изложения, учитывая эти обстоятельства, для решения культурологических проблем будут привлекаться не все имеющиеся данные, а лишь материалы представительных и сравнительно надежных источников. Естественно, что в количественном отношении, как будет видно ниже, эти коллекции составляют лишь небольшую долю всего имеющегося массива источниковедческого материала. Тем не менее другого пути для создания объективной исторической картины, по-видимому, нет.

Естественно, характеристика каждой из культур разрабатывалась и излагается на основе всей совокупности данных, и некоторые из наиболее выразительных памятников в силу этого располагаются вне бассейна Оки. Это же относится и к иллюстративной части, например стоянки Суконцево 8, 9 и Култино 1 располагаются на Верхней Волге, однако это позволяет дать полноценное представление о культурах, к которым они принадлежат.

Глава 3

Проблема культурных различий в мезолите Оки

В настоящее время можно достоверно утверждать, что мезолит бассейна р. Оки в культурном отношении не был единым. Не вызывает сомнения, что здесь обитали разные группы населения, оставившие разные материальные признаки своего присутствия. На основе этого инвентаря исследователями в разное время были выделены волго-окская, бутовская, елиноборская, иеневская, рессетинская, култинская и пургасовская культуры. В бассейне имеется также ряд памятников, культурная принадлежность которых не была однозначно установлена или остается спорной. Выделение любых археологических культур есть момент источниковедения. Не удивительно, что по мере накопления источников происходило не просто развитие представлений о мезолите Окского бассейна, но и изменение складывающихся ранее взглядов, формулирование и проверка новых гипотез. Некоторые из выделенных археологических культур, как волго-окская или елиноборская, стали достоянием историографии, выделение же других культур, напротив, было признано правомочным. Такая ситуация отражает нынешнее состояние исследований в области мезолита и не означает, что существующие представления останутся неизменными. Без сомнения, будут уточняться не только характеристики уже выделенных культур, но и нельзя исключать возможного открытия новых. Однако сам факт поликультурности мезолита региона вряд ли будет оспариваться.

Отсутствие культурного единства мезолита Окского бассейна определялось совокупностью причин, важнейшими из них были: известная временная протяженность периода, разновременность заселения территории теми или иными группами с разной культурной принадлежностью, немногочисленность населения, его относительная разреженность и сезонная подвижность. Немаловажным фактором являлось и отсутствие естественных географических рубежей, которые бы отделяли Поочье от других областей России и в целом Европы.

Естественно, что количественный рост источников и усложнение общих представлений сопровождаются неразработанностью и дискуссионностью большинства ключевых вопросов в изучении всех окских мезолитических культур, таких как периодизация и хронология, синхронизация и генезис. Не менее спорной является и проблема возможного взаимодействия их населения друг с другом. К сожалению, число независимых дат попрежнему остается крайне незначительным, что позволяет соотносить во времени различные культуры достаточно условно. Невелико и количество признаков, которые можно интерпретировать в качестве «указателей» культурных заимствований или контактов. Тем не менее традиционно считается, что такие факты есть. Во всяком случае, тенденция интерпретировать контакты населения из полевых наблюдений сочетаемости разнокультурных находок в одном слое или одной коллекции чрезвычайно распространена в литературе (Кольцов, 1996, 1998), а порой даже доходит до абсурда. Достаточно привести лишь две цитаты: «...лезвие шлифованного тесла в Сельце 3 говорит о влиянии бутовской культуры на иеневскую» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 66) и «Стоянка Олений Остров содержит в своем инвентаре изделия аборигенов… и поделки пришельцев. Это свидетельствует о смешанном составе ее обитателей...» (Панкрушев, 1978, с. 65). Учитывая распространенность этой тенденции, любые наблюдения, которые могут быть интерпретированы в качестве фактов взаимодействия, требуют не только фиксации и своего объяснения, но и, без сомнения, проверки на достоверность. Проверка на достоверность всех материалов просто необходима, ибо сплошь и рядом оказывается, что «синкретический источник» делают сами археологи (Станко, 1982).

Как отмечалось, в мезолите бассейна р. Оки к настоящему времени было выделено не менее семи культур, в том числе волго-окская, елиноборская, бутовская, иеневская, рессетинская, пургасовская и култинская. Рассмотрим их подробнее.

Волго-окская культура

Идея о волго-окской мезолитической культуре была сформулирована М.В. Воеводским в 1940-е годы (Воеводский, 1950) и развита в трудах А.А. Формозова (1959, 1977) и Л.В. Кольцова (1965). По мере накопления данных в середине – второй половине 1970 гг., эта культура была разде-

лена Л.В. Кольцовым натрое (елиноборская, бутовская и иеневская культуры), в результате чего оказалась фактически упраздненной (Кольцов, 1976, 1978; Крайнов, Кольцов, 1983). Во всяком случае, если это название и встречается позднее, то лишь в связи с историографией мезолита Волго-Окского междуречья, а не в качестве его составляющей.

Елиноборская «культура»

Относительно т.н. елиноборской культуры, все обстоит довольно прозаично, но для этого надо вкратце вспомнить историографию вопроса[2]. Она была выделена Л.В. Кольцовым в 1976 г. (Кольцов, 1976) по т.н. нижним слоям трех пунктов – Золоторучье 3 (Крайнов, 1964), Коприно (Кольцов, 1963) и Елин Бор (Кольцов, 1966). Материал всех этих пунктов настолько ничтожен, что уже в 1989 г. сам Л.В. Кольцов фактически отказывается от нее, когда пишет: «…нижний слой стоянки Елин Бор... не имеет прямых аналогий ни в одной из ранних мезолитических стоянок региона и стоит поэтому особняком» (Кольцов, 1989). Казалось бы, на этом можно было поставить точку и вообще забыть не только о культуре, но и о 18 орудиях из т.н. нижнего слоя этого памятника, как и о 24 орудиях из Золоторучья или 15 – из Коприно (Формозов, 1977). События, однако, развивались по иному сценарию. Мало того, что этот пункт «оброс солидной» библиографией (Кольцов, 1966; Крайнов, Кольцов, 1979, 1983; Кольцов, 1989 и т.д.), выход в свет последней совместной публикации М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова показывает, что теперь уже и М.Г. Жилин (Кольцов, Жилин, 1999, с. 56) говорит о его дриасовом возрасте. Поэтому приходится вернуться к этому пункту еще раз, ибо никакого нижнего слоя стоянки Елин Бор вообще не существует. Об этом говорит следующее. В полевых отчетах 1959 и 1961 гг. Л.В. Кольцов пишет о стоянке, как о трехслойной, и в МИА № 126 он публикует материалы т.н. среднего и нижнего слоев (Кольцов, 1966). По Л.В. Кольцову нижний слой представлен 18 орудиями, среди которых присутствует и единственный наконечник (Кольцов, 1966; Кольцов, 1989, табл. 40, 13). Между тем этот же наконечник в его полевом отчете[3] приведен среди материалов среднего слоя, а в полевую опись занесен им же как подъемный материал. Кстати, номера всех остальных 17 орудий тоже не сходятся с т.н. находками нижнего слоя, поскольку разноска их по «слоям» в описи была выполнена значительно позднее, чем коллекция была передана на хранение во Владимиро-Суздальский музей-заповедник. Все эти странности могли быть случайностью, но и отчет, и статья, и опись, и карандашные приписки в ней, содержавшие разноску находок по слоям, сделаны одним автором – Л.В. Кольцовым. Поэтому совершенно очевидно, что никакого нижнего, как, впрочем, и среднего, слоя на стоянке нет, он однослойный, хотя и содержит небольшую позднюю примесь.

«Многослойный» памятник понадобился Л.В. Кольцову к защите кандидатской диссертации, а материалов для периодизации Волго-Окского мезолита не хватало[4]. Если бы Л.В. Кольцов хоть раз после 1959 г. держал в руках т.н. наконечник из нижнего слоя, а заодно его посмотрел бы и М.Г. Жилин, даже им стало бы, по-видимому, понятно, что этот предмет с нерегулярной ретушью, изготовленный из ребристого отщепа, относится к той самой поздней примеси, которая присутствует на стоянке. Т.о., нет и никакой елиноборской «культуры», открытие которой было сделано Л.В. Кольцовым при подготовке им докторской диссертации.

Учитывая, что выделение т.н. елиноборской культуры связано с прямой фальсификацией материалов, вряд ли она заслуживает к себе большего внимания. Перейдем теперь к характеристике других мезолитических культур бассейна Оки.

Бутовская культура
(рис. 3, 4, 14–21*)*

Считается, что среди прочих волго-окских культур в настоящее время наиболее хорошо изучена именно эта культура (Кольцов, Жилин, 1999). Между тем по числу достоверно относимых к ней памятников она не превышает иеневскую культуру, а по количеству материала вообще значительно уступает ей.

Бутовская культура была выделена в 1976 г. Л.В. Кольцовым и отнесена им к кругу памятников свидерской традиции (Кольцов, 1976). Ее характеристика была предложена Л.В. Кольцовым (Кольцов, 1976; Крайнов, Кольцов, 1983; Кольцов, 1989), а также изложена и в ряде работ ав-

[2] Об этом можно было бы не вспоминать, если бы не выход в свет публикации Л.В. Кольцова и М.Г. Жилина «Мезолит Волго-Окского междуречья (памятники бутовской культуры)». М. «Наука». 1999.

[3] Кольцов, 1959, № 2000, рис. 10, *1*.

[4] Многослойность стоянки не подтверждает и ее шурфовка в 1987 г. М.Г. Жилиным (Жилин, 1987, № 12522). Нельзя по этому отчету узнать, откуда была взята и палинологическая колонка, якобы давшая атлантическую дату для среднего и дриасовую для нижнего слоев (Кольцов, Жилин, 1999, с. 56), ибо сведения о шурфах и колонке просто отсутствуют. Это пример, созданной Л.В. Кольцовым и М.Г. Жилиным, методики «улучшения источника».

тора (Сорокин, 1989б, в; 1990; Кравцов, Сорокин, 1991). Этой же культуре посвящена и последняя их совместная с М.Г. Жилиным публикация (Кольцов, Жилин, 1999). Та разница в представлениях о бутовской культуре, которая сложилась у меня с М.Г. Жилиным и Л.В. Кольцовым, заключается не в частной проблеме характеристики одной из мезолитических культур, а в общем подходе к источнику и методу работы с ним. Я считаю, что весь материал должен подвергаться источниковедческой критике, а для решения культурологических вопросов должны использоваться лишь статистически представительные, достоверные и надежные коллекции (Сорокин, 1990; Кравцов, Сорокин, 1991; Сорокин, 2000а). Кредо М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова, впервые четко сформулированное ими в их последней совместной работе, заключается «во введении в науку *любых*[5] новых материалов» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 5). Я категорически не могу согласиться с эпитетом «любые» по отношению к археологическим источникам, ибо каждая публикация ценна не количеством, а качеством и достоверностью изложенных в ней сведений. Анализ цитируемой работы показывает, что совместная публикация М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова не отличается, к сожалению, ни качеством, ни достоверностью данных. Зато ими разработана и успешно применяется своеобразная «технология улучшения источника» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 57), когда коллекции перед публикацией даже не просматриваются и им приписываются произвольные данные. К сожалению, пример с Елиным Бором, воспроизведенный выше, не единственный. В стоянке Гремячее их стараниями возникают постсвидерские наконечники стрел, в Алтыново – ножи типа федермессер, в Соболево 5 – три жилища, в Тихоново 1 и Староконстантиновской 4 – перекрывание бутовских наконечников иеневскими и т.д. и т.п. При таком оригинальном подходе все сводится не к описанию и анализу конкретного материала, а к «полету фантазии» и постулированию представлений о материале. Этот принцип был некогда сформулирован емкой фразой: «Плох тот материал, который не вписывается в концепцию». Между тем объективный подход к археологическому материалу должен основываться на его скрупулезном изучении и критической оценке, четкой фиксации количественных и качественных характеристик, осознании свойств коллекции, условиях формирования и бытования культурного слоя любого памятника, методики его полевого исследования, представительности, «чистоты» и надежности данных. Помимо этого, должна присутствовать обязательная проверяемость всех сведений, которые используются при разработке характеристики археологических культур. Только при таком подходе в любой из них можно выделить «ядро культурообразующих признаков». Если же придерживаться подхода М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова, то все выводы авторов должны приниматься на веру, а сами культуры становятся при этом «рыхлыми» и необъятными.

Исходя из принципа критики источника, наиболее выразительными памятниками бутовской культуры в Волго-Окском бассейне являются стоянки Суконцево 7, Петрушино, Задне-Пилево 1 и 2, Заборовье 2, Черная 1, Борисово, Красное 3, Исток 1 (верхний слой) и Соболево 5 (Сорокин, 1990). Картографирование надежных в источниковедческом отношении коллекций показывает, что все известные к настоящему времени бутовские стоянки располагаются в зандровой зоне Восточной Европы. Экспансия населения бутовской культуры за пределы Волго-Окского бассейна (Кольцов, Жилин, 1999) ничем не оправдана.

Судя по палеогеографическим данным, развитие культуры проходило на фоне крупных экологических изменений растительного и животного мира, когда осуществлялась смена лесотундрового пребореального комплекса таежным бореальным. Зандры с их обилием водных и биологических ресурсов в раннеголоценовое время становятся наиболее оптимальным для жизни и привлекательным для заселения местом, поэтому начинают активно осваиваться. Население бутовской культуры предпочитало занимать речные и озерные террасы или омываемые водой песчаные острова. Приуроченность стоянок к рыхлым песчаным отложениям неблагоприятно сказалась на условиях формирования культурных слоев и степени сохранности остатков. В результате в большинстве коллекций почти единственно доступным для анализа оказался каменный инвентарь. Все это с особой остротой определило необходимость оценки надежности имеющихся материалов. При разработке характеристики бутовской культуры (Сорокин, 1986а; 1987а, г; 1990) качественному анализу был подвергнут весь имеющийся массив данных. Сопоставление комплексов друг с другом, их взаимная перепроверка и доказательство «чистоты», отсеивание смешанных, сортированных и очень мелких собраний позволило не просто ограничить число надежных в источниковедческом отношении памятников, но и уловить то общее, что помимо пластинчатости объединяет бутовскую индустрию. Было установлено, что из 94 коллекций, отнесенных разными авторами к бутовской культуре, не более 19 могут использоваться для культурологических целей (Сорокин, 1990). Этот вывод, впервые сделанный в 1986 г., остается справедливым и до настоящего времени, так

[5] Курсив здесь и далее мой – *А.С.*

как за последние годы, во-первых, не происходило существенного увеличения источниковедческой базы, а во-вторых, если раскопки на бутовских стоянках и велись, материалы до сих пор полноценно не опубликованы (Жилин, 1996а; Lozovski, 1996). Это же в полной мере относится и к совместной публикации М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова, которая, судя по ее названию, специально посвящена бутовской проблематике (Кольцов, Жилин, 1999), впрочем, об этом чуть ниже.

Проведенный автором источниковедческий анализ (Сорокин, 1990) дает основание утверждать, что эталонные памятники бутовской культуры обладают единством в первичной и вторичной обработке, а также в типологии инвентаря. Техника первичной обработки основывается на утилизации нуклеусов параллельного снятия, предназначенных для получения пластин. Во вторичной обработке использовались: 1) крутая затупливающая ретушь, 2) резцовая техника, 3) приостряющая и уплощивающая ретушь, 4) двусторонняя оббивка и 5) шлифовка. Эпизодически встречаются двустороннее краевое ретуширование и псевдомикрорезцовая техника. Стандартный типологический набор бутовской культуры включает: скребки концевые, двойные, подокруглые, боковые; резцы на сломе заготовки, ножи с приостряющей краевой ретушью, вкладыши из фрагментированных пластин, косые острия, сверла с невыделенным рабочим концом, скобели с мелкими дугообразными узкими и широкими выемками, наконечники стрел иволистной и черешковой формы, микролиты с затупленным ретушью краем, изделия с поперечно срезанным ретушью концом и комбинированные орудия (резцы-скребки, резцы-ножи, скребки-ножи). Эти типы являются массовыми. Ретушные и двугранные резцы, симметричные острия, плечиковые сверла, трапеции, рубящие орудия, скробачи и предметы со шлифовкой встречаются на большинстве стоянок, но число их ограниченно. Прочие типы орудий, которые могут встречаться на тех или иных памятниках этой культуры, как правило, единичны и не влияют в целом на облик культуры (Сорокин, 1990).

Названный выше набор является поселенческим. Следует, однако, подчеркнуть, что бутовская культура не обладает ни одним специфическим, присущим только ей типом орудий. Взятый сам по себе каждый из 25 перечисленных типов может присутствовать и в других мезолитических культурах Восточной Европы, и только в Волго-Окском бассейне они создают устойчивый, повторяющийся набор, определяющий облик названной культуры. Вне пределов бассейна эти типы тоже могут встречаться, но в сочетании с теми изделиями, которых нет в бутовской культуре.

Классические памятники бутовской культуры, судя по 20 радиоуглеродным датам стоянок Суконцево 7, Черная 1, Малая Ламна 3 и Новошино, существовали, приблизительно, в диапазоне от 8500 до 9500 лет назад, то есть в пребореальное и бореальное время. При этом стоянки с трапециями (Исток 1, Борисово, Красное 3, Микулино, Новошино и Малая Ламна 3) образуют узкий хронологический пласт, ограниченный, по-видимому, началом VII тыс. до н. э.

В последние годы, главным образом по памятникам, раскопанным М.Г. Жилиным, получены радиокарбоновые даты и палинологические определения, удлиняющие эту хронологию. Однако до выхода в свет подробной публикации материалов этих памятников говорить об их достоверности преждевременно. Анализ последней публикации М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова (Кольцов, Жилин, 1999) свидетельствует, что многие приводимые в ней данные недостоверны и ими нельзя пользоваться.

Формирование культуры, по мнению Л.В. Кольцова, происходит на базе свидерской культуры (Кольцов, 1989). Если такой факт и имел место, то складывание бутовской культуры из-за отсутствия здесь свидерских памятников происходило никак не на территории Волго-Окского бассейна. На территории Полесья, где свидерские памятники многочисленны, аналогов бутовской культуре нет, в Белоруссии тоже. В Прибалтике известное сходство с бутовскими проявляет кундская культура, но это сходство опосредованное. К югу в Подесенье имеются памятники типа Смячки XIV, но бутовских комплексов или их аналогов нет, в Подонье нет ни свидерской, ни бутовской культур. К северу и востоку от Волго-Окского междуречья картина та же. Но тогда не ясно, где же находится та территория, на которой формировалась бутовская культура.

Представляется, что все становится на свои места, если исходить из факта, что наибольшее сходство бутовской культуры прослеживается не со свидерской, а с местной рессетинской культурой. В результате сопоставления кремневых комплексов бутовской культуры со свидерскими (Сорокин, 1989б, в; 1990) становится очевидным, что свидерские элементы в генезисе бутовской культуры не были основными, а в лучшем случае дополнительными. Совершенно очевидно, что большинство признаков, составляющих классический бутовский ансамбль, уже содержится в материальной культуре аборигенного населения Волго-Окского междуречья – рессетинской культуре, которая датирована концом палеолита – началом мезолита и от которой новая культура и унаследовала основную массу своих признаков. (Сорокин, 1987а, г; 1989б, в; 1994, 2004; Sorokin, 1999). Конечно, появление так называемых постсвидерских наконечников проще всего объяснить их наследованием

из свидерской культуры. Такая традиционная для археологической литературы модель образования археологических культур может быть обозначена как «контактная». Механизм ее реализации предложен Л.В. Кольцовым (Кольцов, 1979). Эта модель сводится к «сложению» разных элементов в прямом значении термина. Однако при таком механическом понимании генезиса археологических культур эта «материализация» идеи есть не что иное, как механизм образования подъемного материала, а никак не археологических культур (Сорокин, 2000а, б; 2001а; 2002а). Это не значит, что образование археологической культуры невозможно в результате некоего симбиоза разных традиций, оно возможно, но, еще раз подчеркну, не в том виде, как это описано в упомянутой статье.

Не вызывает сомнения, что возникновение новых признаков и, как результат, – сложение новой археологической культуры – может происходить и без заимствования извне, в результате внутренней эволюции. Эта модель, известная как «трансформационная», вполне подходит для объяснения генезиса как бутовской, так кундской и всех других так называемых постсвидерских индустрий (Сорокин, 1989б-д; Sorokin, 1999). Еще раз подчеркну, что для корректного доказательства «контактной» гипотезы в генезисе кундской, бутовской и других постсвидерских культур не хватает, по крайней мере, одного немаловажного обстоятельства: доказательства производного характера т.н. постсвидерских наконечников с плоской ретушью на брюшке от наконечников свидерской культуры. Тем не менее это вариант возможный, но не обязательный уже хотя бы потому, что плоская ретушь на наконечниках не является достоянием исключительно свидерской культуры. В то же время с точки зрения «трансформационной» гипотезы следует указать на присутствие плоской ретуши на ряде наконечников с боковой выемкой как в рессетинских памятниках, так и в Хотылево 2 и Гагарино, являющихся предшественниками и бутовской, и кундской индустрий.

Иных взглядов по-прежнему придерживается Л.В. Кольцов, которого уже в качестве соавтора поддержал и М.Г. Жилин (Кольцов, Жилин, 1999). Собственно, и в этой публикации как единственно возможная рассматривается гипотеза о сложении бутовской культуры на основе свидерской. Эта идея не выдерживает критики, однако в публикации появился нюанс, который не хотелось бы оставлять без внимания. Он заключается в том, что теперь назван ее конкретный источник. В качестве «источника» бутовской культуры стал выступать не некий безликий «свидерский компонент» или «местный финальный палеолит», а конкретный памятник – т.н. свидерская стоянка Саласпилс-Лаукскола в Латвии. Это заставляет еще раз вернуться к данному вопросу.

1) Судя по тексту, М.Г. Жилин и Л.В. Кольцов выводят родство бутовских и свидерских памятников из наблюдения, что в обеих этих культурах присутствует пластинчатая техника (Кольцов, Жилин, 1999, с. 73). Поскольку в качестве заготовок для каменных орудий во все времена использовались главным образом отщепы и пластины, выводить родство бутовской и свидерской культур из сказанного – значит не сказать ничего. Но вот техника получения пластин в этих культурах резко отлична. В свидерской культуре – это торцевое расщепление челновидных нуклеусов, в бутовской – круговое раскалывание конических и призматических ядрищ, то есть даже принцип вращения ядрищ в процессе их раскалывания разный.

В пользу родства этих культур могло бы свидетельствовать не только, как они пишут, спорадическое появление в свидерских стоянках «двуплощадочных призматических и переходных от них к коническим ядрищ» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 73), сколько эпизодическое сохранение в ранних бутовских материалах нуклеусов «двуплощадочных призматических (по их терминологии – *А.С.*) с одной плоскостью скалывания», или, говоря общепринятым языком, челновидных ядрищ. Однако ни в одном из так называемых ранних – по М.Г. Жилину и Л.В. Кольцову – памятников (Тихоново, Бутово, Прислон, Микулино, Лотова Гора, Петрушино, Задне-Пилево 1, 2, Заборовье 2, Култино 4, Соболево 5, Пекуново и др.) нет ни одного «челнока», что очень странно при их гипотетическом родстве.

2) Что касается «повторения форм бутовских скребков и резцов свидерских и аренсбургских» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 73), они точно так же повторяют и мадленские, и граветтские, и любые другие верхнепалеолитические и мезолитические скребки и резцы, потому что не имеют культурной специфики. А вот говорить о наличии в бутовских материалах свидерских и аренсбургских наконечников (Кольцов, Жилин, 1999, с. 73) неправильно, потому что ни тех ни других в них нет.

3) Не соответствует действительности утверждение М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова, что обе эти культуры объединяет присутствие свидерских наконечников. Когда они пишут: «В Тихоново встречены только очень ранние наконечники стрел – свидерские и аренсбургский» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 55), то упускают из виду, что заготовки для свидерских наконечников снимались с двуплощадочных челновидных нуклеусов, поэтому на их спинках всегда присутствуют негативы встречного скалывания, чего нет ни на одном из наконечников стоянки Тихоново, заготовки для которых снимались с конических нуклеусов. Следовательно, эти наконечники не свидерские. Такой же натяжкой является и интерпретация двух невы-

разительных обломков в качестве аренсбургских наконечников. Нет свидерских наконечников и в других ранних, по М.Г. Жилину и Л.В. Кольцову, бутовских памятниках.

4) Относительно происхождения бутовской культуры из индустрии Саласпилс-Лаукскола. В отличие от научно-популярной, фантастической, художественной, публицистической и бульварной литературы в научной литературе принято ссылаться на цитируемое издание. Это обеспечивает корректность самих цитат, делает проверяемыми иллюстрируемые ими выводы и служит знаком уважения к источнику информации. В публикации Л.В. Кольцова и М.Г. Жилина неоднократно упоминаются материалы этого памятника, с которым они связывают и «сложение бутовской культуры», и другие рассуждения (Кольцов, Жилин, 1999, с. 58–62, 73–75), однако ссылка на публикации И.А. Загорской отсутствует. Это не только подчеркивает их стиль работы, но и красноречиво свидетельствует о степени «доказательности» выводов.

Не соответствует действительности утверждение М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова, что «эту стоянку и бутовские роднит присутствие псевдомикрорезцов» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 74). Возможно, они и есть в Саласпилс-Лаукскола (по данным авторов, их 3 экз.), но там их не больше, чем в бутовских стоянках, и представлены они не в самых ранних из них (Кольцов, Жилин, 1999, с. 60). Кроме того, псевдомикрорезцы в Саласпилс-Лаукскола, в отличие от бутовских, имели две краевые выемки. И использовались они – по данным Л.В. Кольцова и М.Г. Жилина – для изготовления черешковых наконечников стрел (Кольцов, Жилин, 1999, с. 24). Хорошо известно, что такого приема нет ни в свидерской (Зализняк, 1991; Залізняк, 1999), ни в бутовской культурах, и, напротив, он характерен для аренсбургской культуры (Taute, 1968), что не позволяет считать «чистым» свидерским и названный памятник.

Далее они пишут, что в бутовских памятниках якобы «встречаются ланцетовидные острия», и замечают: «… по устному сообщению И.А. Загорской такие острия есть и в некоторых скоплениях Саласпилс-Лаукскольы» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 74, 75). Не буду акцентировать, чего стоит указание на устное сообщение, если и печатная информация постоянно искажается М.Г. Жилиным и Л.В. Кольцовым, как и тот факт, что ссылка на частное сообщение И.А. Загорской бросает негативный свет на качество публикации, которая служит для них основным источником информации. Отмечу лишь случайность этой формы, если она вообще присутствует на памятнике (Zagorska, 1993, p. 97–117; 1994, p. 14–28; 1996, p. 181–190; 1999, p. 131–166). Массовую категорию изделий упустить из виду нельзя.

Не следует им изобретать и микролиты с затупленным краем в свидерской культуре, в «чистых» комплексах их нет (Зализняк, 1989; Залізняк, 1995, 1999), а ссылка на микролиты с затупленным краем в Березно 10 (Кольцов, Жилин, 1999, с. 75) – это полный абсурд. Единственный такой предмет найден в Березно 6, а не в Березно 10 (Зализняк, 1989, с. 50–54, рис. 30, 10), причем Л.Л. Зализняк в тексте прямо указывает, что микропластинка «встречена с зубом мамонта» и что она «типологически чужда свидерскому комплексу» (Зализняк, 1989, с. 50). Этот факт в очередной раз свидетельствует о «методике» работы М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова. Т.о., совершенно очевидно, что никаких доказательств происхождения бутовской культуры от свидерской как не было, так и нет.

В параграфе «Периодизация бутовской культуры», который дается после характеристики инвентаря, уже описанного по этапам, присутствует смесь из таких понятий, как «ранняя и поздняя» бутовская культуры (Кольцов, Жилин, 1999, с. 63): «...особенно на поздних и финальных этапах» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 63); «...стоянок средних и поздних этапов» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 63–65); «Стоянки Озерки 5 и Окаемово 4 относятся к последнему этапу бутовской культуры» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 67, 68). Однако никаких данных для такого обилия бутовских культур и этапов нет. Кроме необъяснимой тяги Л.В. Кольцова к четырехчленности, эта периодизация подтверждает поверхностное знание материалов обоими авторами. Мало того, что она строится на единичных признаках, но даже они в ряде случаев даны неверно. Так, первый этап представлен единственным памятником – Тихоново, и значит, это не этап. «К следующему этапу отнесены памятники типа *Бутова*[6]... несколько более ранние... и... несколько более поздние» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 72), на которых «среди наконечников начинают преобладать постсвидерские формы» и «в ряде комплексов есть наконечники, аналогичные пуллийским» (с. 72). Оба эти утверждения неверны, ибо свидерских наконечников в бутовской культуре нет ни в одном из памятников, а т.н. пуллийские – это всего три наконечника из Бутово и Прислона, причем «чистота» обоих памятников не доказана. На «следующем этапе... нет прямоугольников, пластин с затупленным краем и концом; исчезают свидерская и пуллийская технологические традиции» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 72). Эти утверждения также неверны, потому что прямоугольники единичны, не образуют серий и уже в силу этого не могут являться весомым «репером», а микролиты с затупленным краем и концом имеются в Борисово 1, т.е. никуда не исче-

[6] Здесь и далее сохранена авторская стилистика.

зают. «Постсвидерские» наконечники сохраняются и на т.н. четвертом этапе, а о «пуллийской традиции», как отмечалось, всерьез говорить не приходится. И, наконец, утверждение «на последнем этапе... отсутствуют геометрические микролиты» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 72) лишено смысла, так как прямоугольник есть в сборах П.П. Кудрявцева из Елина Бора. Причем эту коллекцию они используют в публикации и, следовательно, должны знать. Лучше всего о собственной периодизации сказали сами авторы: «Периодизация, построенная археологами, – в известном смысле искусственное сооружение, которое может не отражать действительного хода исторического процесса» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 71). И добавить тут, пожалуй, нечего. Таким образом, совместная публикация М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова по бутовской культуре (Кольцов, Жилин, 1999) свидетельствует о поверхностном знании ими предмета изложения, изобилует фальсифицированными данными и не вносит принципиально нового содержания в характеристику этой культуры.

Следует отметить и еще одно немаловажное обстоятельство. Прямо противоречит «свидерской» гипотезе генезиса бутовской культуры и материал нижнего слоя стоянки Становое 4, исследованной М.Г. Жилиным, который имеет радиокарбоновые даты, помещающие его в поздний дриас. Если «бутовская атрибуция» находок, на которой настаивает М.Г. Жилин (Жилин, 2002), верна и достоверен их возраст, то, учитывая поздний облик единственного в комплексе наконечника, этим фактически снимается и вопрос о происхождении бутовской культуры от свидерской в результате миграции населения последней с территории Повисленья и Полесья на восток в Волго-Окское междуречье. Ибо эти культуры становятся практически синхронными, и никакого места в таком случае для трансформации свидерской индустрии в бутовскую просто не остается.

Небезынтересно отметить, что в одной из недавних статей М.Г. Жилин фактически отказывается от идеи свидерских истоков бутовской культуры и связывает последнюю с нижним слоем стоянки Золоторучье 1 (Жилин, 2004, с. 106). Однако и это предположение аргументировано не более, чем первое, и ничем, кроме поспешности, не выделяется.

Если допустить обыденность взаимодействия разных (неродственных) популяций мезолитического населения друг с другом, остается абсолютно непонятной мотивация этих контактов. Кроме того, из всех работ сторонников «контактной гипотезы» менее всего понятен сам механизм заимствования. Конечно, в результате обмена можно гипотетически получить ту или иную диковинную вещь или даже несколько вещей. И что дальше? Начнут ли аборигены изготавливать аналогичные сами? Нет, не начнут, ибо нет навыка их изготовления, да и с какой стати «чужое» изделие будет использоваться как свое собственное, например наконечники для охоты, и приносить при этом удачу? Скорее уж следует предположить, что мотивация заимствования могла заключаться в использовании предмета в целях вредоносной магии. Тогда это скорее не контакты, а кражи, последние же по сути своей не могут быть массовыми. Однако подобного рода гадание, этот полет фантазии мало того, что уведет неизвестно куда от реалий, но и будет по сути своей бездоказательным. Причем в любом случае этот способ не приведет к образованию новой археологической культуры.

Можно предположить, что какой-то чужеземец оказывался в новом для него коллективе. Закроем глаза на то, что такая ситуация не может быть массовой. Разрешат ли ему изготавливать его традиционное вооружение или обяжут использовать то, которое в ходу в данном коллективе? В целях самосохранения скорее вероятен второй вариант. Но опять-таки это не механизм «запуска» новой культуры. Кроме того, по сути своей это все вопросы, не имеющие ответов. Значит, сам «механизм заимствования» требует «быть прописанным», чего пока сторонниками постсвидерской гипотезы не предложено. Опять-таки этнография здесь может быть лишь иллюстрацией возможных механизмов, а никак не доказательством факта их реального существования в то время, с которым мы имеем дело, исследуя мезолит. Те примеры, которые можно почерпнуть из этнографии, относятся к обществам, хоть и «диким» с точки зрения европейской цивилизации, но на самом деле находящимся на достаточно высокой ступени общественного развития. Как показывают данные по австралийским аборигенам у них действительно существовали довольно разветвленные системы обмена (Берндт Р., Берндт К., 1981), но к мезолиту эти аналоги не применимы уже хотя бы потому, что плотность населения в Австралии была значительно выше, чем в мезолите европейских зандровых низменностей. И именно высокая плотность населения являлась основой для «института» обмена. Задача исследования состоит, следовательно, не столько в установлении этнографических образцов и примеров, сколько в их персонификации или, иначе, археологическом воплощении, то есть материализации, чего ни Л.В. Кольцовым, ни М.Г. Жилиным, ни кем-либо другим пока не предложено.

Орудийный набор любого первобытного коллектива, а значит и археологической культуры, складывался не в результате того, что кто-то когда-то где-то у кого-то заимствовал те или иные понравившиеся вещи и начинал их использовать. Он складывался в процессе усвоения, наследова-

ния и развития вековых традиций и опыта конкретных обществ каждым последующим поколением потомков у своих собственных родителей и через них опосредованно – у всех предков. И достигалось это как путем непосредственной передачи навыков в ходе обучения детей их родителями конкретным трудовым операциям или нормам жизни (= права), так и косвенно – всем стилем и образом жизни общества, в котором ребенок родился и рос. Это не значит, что сказанное исключает всякую возможность контактов древнего населения, заимствования у соседей в результате обмена тех или иных предметов или навыков их изготовления. Это означает только одно – вспомогательную функцию подобных контактов, ее исключительность и даже в чем-то экстремальность, а не повседневность и обыденность. Вот почему «контактная гипотеза» не может, как представляется, быть «нормой генезиса археологических культур». Более реальной представляется трансформационная или, иначе, эволюционная гипотеза, которая не требует контактов населения, хотя, бесспорно, из-за малочисленности и фрагментарности имеющихся данных она пока лакунарна.

Эволюционная гипотеза (Сорокин, 1989б–г; 1990; 2004; Sorokin, 1999) в отличие от «контактной» (Кольцов, Жилин, 1999) позволяет не просто говорить о наличии генетической связи между рессетинской, пуллийской и бутовской индустриями, но и непротиворечиво объясняет механизм передачи и усвоения навыков в единой генетической среде. Напротив, традиционная для археологической литературы модель заимствования извне или, иначе, «контактная модель» в том виде, как она изложена Л.В. Кольцовым (Кольцов, 1979), не только не приводит к образованию новых археологических культур, но и служит классическим примером вывода, построенного на наименее надежном в источниковедческом отношении материале – подъемном.

Култинская культура
(рис. 5, 6, 22–28)

Была выделена в 1986 г. автором (Сорокин, 1987а). Эпонимный памятник – Култино 1 – расположен в Тверской области. Представительных и надежных коллекций известно всего три – Култино 1 (Кольцов и др., 1978, 1979; Кольцов, Жилин, 1999, с. 17–19, 96–99), Старая Пустынь (Кольцов и др., 1991; Кольцов, Жилин, 1999, с. 51) и Барашево 1 (Кравцов, Сорокин, 1991). Для сравнительного анализа допустимо также использование коллекций Угольново 1 (Кольцов, Жилин, 1987; Кольцов, 1989, с. 74, 75, 252) и Велетьминской 9 (Жилин, Миронос, 1983; Кольцов, Жилин, 1999, с. 46, 47, 124–129).

Для култинской культуры характерна параллельно-призматическая техника расщепления конических и торцевых ядрищ, относительно высокий микролитизм индустрии, слабое использование крутой затупливающей ретуши, отсутствие уплощающей ретуши. Типологический набор отличается бедностью и невыразительностью, он включает лишь восемь общих типов орудий, причем массовых среди них всего три – резцы на сломе заготовки, концевые скребки и вкладыши из фрагментированных пластин (Сорокин, 1987а; 1990). В качестве предметов охотничьего вооружения использовались скошенные и косые острия, первые – как колющие наконечники, вторые – в виде боковых вкладышей. Благодаря острому углу (<60°) скошенные острия могли легко проникать в тело добычи, а скошенный асимметричный край придавал наконечнику еще и поворотный эффект. В отличие от них косые острия не обладают выраженной культурной спецификой и встречаются как в бутовской, иеневской, рессетинской, песочноровской, так и других мезолитических культурах. Своеобразие охотничьего вооружения култинской культуры подчеркивается также отсутствием постсвидерских наконечников и микролитов с затупленным ретушью краем.

Вышеперечисленные памятники, за исключением стоянки Кирицы 1, в 1987 г. М.Г. Жилиным были выделены в т.н. памятники типа Красново 1 (Жилин, 1987), которые вместе с Л.В. Кольцовым он считает «специализированными охотничьими лагерями бутовской культуры» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 78, 79). Помимо эпонимного памятника – Красново 1 (Бодунов и др., 1983; Жилин, 1985) – и четырех вышеназванных, они относят сюда еще ряд пунктов, в их числе: *Берендеево 3* (Нейштадт и др., 1969; Кольцов, 1989, с. 73, 252), *Жихарево 1* (Кольцов, Жилин, 1999, с. 16), *Ивановское 3 и 7* (Крайнов, Хотинский, 1977; Крайнов, Хотинский, 1984; Кольцов, 1989, с. 74, 252; Крайнов и др., 1990; Некоторые итоги.., 1998; Кольцов, Жилин, 1999, с. 74, 252; Жилин, 1998; Жилин и др., 2002), *Лягалин Бор* (Кольцов, Жилин, 1999, с. 46), *Подольское* (Кольцов, Жилин, 1999, с. 41), *Саурово 1, 4* (Жилин, 1978), *Силикатный завод 3* (Бадер, Кольцов, 1974; Кольцов, Жилин, 1999, с. 25), *Угольново 3* (Жилин, 1987; Кольцов, Жилин, 1989, с. 48), *Утрех 5* (Кольцов, Жилин, 1999, с. 53, 72) и *Федюково* (Крайнов, 1978). Обращу внимание, что в тот же список попали *Соболево 3* (Кольцов, Жилин, 1999, с. 36, 37, 108), *Пищалкино* (Бадер, Кольцов, 1974; Кольцов, Жилин, 1999, с. 25, 26, 108), *Сахтыш 9* (Крайнов и др., 1990) и даже *Задне-Пилево 2* (Сорокин, 1990). Соболево 3, Пищалкино и Сахтыш 9 не являются специализированными памятниками, а Задне-Пилево 2 – не имеет отношения к типу Красново 1, так как отличается от них своим охотничьим вооружением.

С атрибуцией всех перечисленных пунктов в качестве охотничьих лагерей, за исключением Красново 1, нельзя согласиться потому, что все это не специализированные памятники, а сезонные стоянки. Об этом говорит их полный поселенческий типологический набор, включающий как охотничье вооружение (косые и скошенные острия, вкладыши из фрагментированных пластин), так и обрабатывающие орудия (скребки, резцы, ножи, сверла, скобели, рубящие орудия и т.д.). Но об этом ниже.

Памятники типа Красново 1, как мне уже приходилось писать, были выделены и названы по одной из наименее выразительных коллекций (Сорокин, 1987а, 1990), которая включает лишь 26 орудий (Бодунов и др., 1983) и уже поэтому плохо применима для сравнительного анализа. Впрочем, и на большинстве других их количество редко когда достигает полусотни, например, в Утрехе 5 найдено 8 орудий, в Соболево 3 – 18, в Берендеево 3 – 20, Пищалкино – 33 и т.д. Создается впечатление, что они вообще объединялись по принципу «бедности» материала. При таких количествах, казалось бы, нет и предмета обсуждения. Тем не менее М.Г. Жилин и Л.В. Кольцов постоянно возвращаются к этой теме. Не является исключением и их последняя совместная работа (Кольцов, Жилин, 1999). Это заставляет вновь вернуться к очевидным, казалось бы, вещам, раз они остаются непонятными.

1) При работе с археологическими коллекциями надо четко знать, с чем мы в каждом конкретном случае имеем дело. Подъемный материал и материал из раскопок обладают разной источниковедческой значимостью. Ценность первого из них крайне невысока. Коллекции, добытые путем раскопок «на штык», по условным и литологическим горизонтам – это тоже подъемный материал, ибо при таких раскопках уничтожается структура памятника. Однако в отличие от сборов в ходе раскопок могут быть сделаны известные полевые наблюдения по распределению материала, поэтому их «вес» выше. Но в любом случае все эти коллекции значительно менее информативны, чем те, которые получены с использованием методики пространственной фиксации. «Чистые» и смешанные комплексы пригодны для разных целей. Наименьшей информационной значимостью обладают сортированные коллекции. Им как бы навязан их состав и облик, отчего они наиболее тенденциозны.

Неразборчивость в выборе материалов для сравнительного анализа, незнание условий их происхождения и добычи не позволяют выработать адекватную характеристику любой археологической культуры, делает ее «размытой» и неконкретной. Это в равной степени относится как к бутовским и иеневским материалам, так и к памятникам типа Красново 1 в интерпретации М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова.

2) Для оперирования небольшими выборками необходимо использовать статистику малых чисел, только в этом случае анализ из гадания может превратиться в научный факт. Если статистика по тем или иным причинам недоступна, необходимо основываться на постулате «достаточности количества», который определяет необходимый для объективного анализа минимум в 100 орудий.

3) Статистическая обработка данных и корреляция признаков всей совокупности т.н. памятников типа Красново 1 (по М.Г. Жилину и Л.В. Кольцову) показывает, что в них нет вообще ни одного общего типа орудий, что свидетельствует об их механическом объединении. Главная причина этого заключается в крайней малочисленности коллекций и сортированности ряда из них. Более того, основная их масса вообще не может быть атрибутирована в культурном отношении.

Если рассматривать лишь статистически представительные коллекции (с числом орудий ≥ 100), то пригодных для анализа памятников из списка М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова останется не более двух – это Култино 1 и Старая Пустынь. Для сравнительного анализа допустимо, как отмечалось, использование также коллекций Угольново 1 и Велетьминской 9, при этом надо четко осознавать, что наблюдаемые различия могут быть обусловлены именно количественными, а не качественными характеристиками.

4) Мне представляется, что т.н. памятники типа Красново 1, помимо крайней бедности своего инвентаря, отличаются от бутовских целым рядом признаков. Среди них отсутствие в первичной обработке торцевых нуклеусов и большая микропластинчатость комплексов, во вторичной – меньшее использование крутой затупливающей ретуши, отсутствие уплощающей ретуши. Но главное различие между бутовской культурой и памятниками типа Красново 1 состоит в типологии. Орудийный набор памятников типа Красново 1, выделенный по относительно представительным коллекциям (Култино 1, Велетьминское 9, Старая Пустынь и Угольново 1), включает лишь восемь общих типов орудий (Сорокин, 1987а; 1990), а массовых среди них всего три – резцы на сломе заготовки, концевые скребки и вкладыши из фрагментированных пластин. Все это фоновые типы. Ни один из них сам по себе не является специфическим и не определяет культурного своеобразия комплексов, в которых он представлен.

Из морфологически выраженных предметов охотничьего вооружения присутствуют, и то не на всех стоянках, лишь скошенные и косые острия. Так как иные типы наконечников в перечисленных

выше стоянках отсутствуют, именно их и следует считать таковыми. При этом скошенные острия могли, вероятно, использоваться в качестве колющих наконечников, а косые острия – в виде боковых вкладышей.

Обязательный состав бутовской культуры включает не менее 25 типов орудий (Сорокин, 1987а; 1990), причем 18 из них относятся к массовым. Да, в этот список входят и все те же типы, которые встречаются в т.н. памятниках типа Красново 1. Тем не менее это не свидетельствует в пользу их культурной близости, так как все восемь «красновских» типов можно найти в большинстве восточно-европейских мезолитических культур, а говорит исключительно о малой вариабельности каменной индустрии.

Главное, что следует подчеркнуть, – это отсутствие в памятниках типа Красново 1 ведущих бутовских типов охотничьего вооружения: наконечников стрел иволистной и черешковой формы, а также микролитов с затупленным ретушью краем и их производных. Это более чем странно при интерпретации памятников типа Красново 1 в качестве охотничьих лагерей бутовской культуры.

5) Установлено, что коэффициент связи памятников типа Красново 1 с традиционно бутовскими (Борисово 1, Елин Бор, Задне-Пилево 1 и 2, Заборовье 2, Исток 1 (верхний слой), Микулино, Петрушино, Соболево 5 и др.) не выше фоновых показателей (Сорокин, 1987а, 1989б, 1989в, 1990). Все сказанное не позволяет рассматривать стоянки т.н. типа Красново 1 в качестве функционально специализированных памятников бутовской культуры. По наблюдениям западноевропейских и американских ученых (Clarc, 1973; Price, 1981; Фрайсон, 1986; Ларичева, 1986), различия между инвентарем охотничьих лагерей и стоянок одной культуры заключаются не в охотничьем вооружении, а в предметах, связанных с утилизацией охотничьей добычи – скребках, резцах, проколках и т.д. Безосновательно думать, что бутовская культура представляет в этом отношении исключение. Именно специфика охотничьего набора стоянок этого типа и отсутствие в них классических бутовских форм на фоне технологических показателей заставляет считать все т.н. памятники типа Красново 1 относящимися к иной, не бутовской культурной традиции.

Что сюда можно еще добавить? Наиболее представительным из т.н. памятников типа Красново 1 является Култино 1. Реальность, однако, такова, что по всем показателям Култино 1 расходится со всеми выразительными бутовскими стоянками. Дело, разумеется, не в том, что М.Г. Жилин и Л.В. Кольцов считают эту стоянку специализированным охотничьим лагерем. Хотя интерпретировать в качестве «kill-site» материал, который в количественном отношении превосходит любую из базовых бутовских стоянок, нелепо[7]. А в том, что и при такой трактовке, если ее допустить, остается фактом отсутствие в Култино 1 типичного бутовского охотничьего вооружения – т.н. постсвидерских наконечников стрел, микролитов с затупленным краем и их производных. В качестве колющих наконечников в Култино 1 использовались скошенные острия, с углом заострения < 60°. Благодаря острому углу они могли легко проникать в тело добычи, а скошенный асимметричный край придавал наконечнику поворотный эффект. Эти изделия следует отличать от косых острий, которые встречаются довольно широко как в бутовской, так и в иеневской, рессетинской, песочноровской и других мезолитических культурах. Имеются они и в Култино 1. Но косые острия в отличие от скошенных были лишь боковыми вкладышами в составном охотничьем метательном вооружении, тогда как скошенные, подобно симметричным иволистным и черешковым наконечникам, выполняли функции колющих наконечников. Обилие скошенных острий в Култино 1, не считая абсолютного совпадения форм обрабатывающих орудий, и позволяет отождествлять эту стоянку с материалами камской культуры.

Очевидно и другое: Култино 1 дает полный типологический поселенческий набор, включая резцы, скребки, ножи, сверла, скобели и даже рубящие орудия, поэтому это тоже базовая стоянка, а не охотничий лагерь. При сравнении материалов наиболее представительных бутовских базовых стоянок (Петрушино, Микулино, Задне-Пилево 1, Соболево 5, Елин Бор, Заборовье 2 и др.) с базовой стоянкой Култино 1 видно их резкое отличие по охотничьему вооружению и несходство в типах обрабатывающих орудий. Все эти различия не являются случайными по той простой причине, что изделий в Култино 1 больше, чем во всех вместе взятых представительных бутовских базовых стоянках. Следовательно, и Култино 1, и другие памятники типа Красново 1, раз в них нет традиционного для бутовской культуры охотничьего вооружения, не имеют к ней ни малейшего отношения. В этой связи уместно вспомнить факт, что первоначально стоянка Култино 1 была отнесена многочисленным авторским коллективом, включающим пять исследователей мезолита, к иеневской культуре (Кольцов и др., 1978, с. 64). Вероятно, решающую роль в такой атрибуции памятника сыграл единственный топор с перехватом, но и этой формы нет в бутовской культуре.

[7] Для сравнения: по данным М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова в Култино 1 найдено 38699 каменных изделий (Кольцов, Жилин, 1999, с. 18), а в Заборовье 2, например, собрано всего 6684 предмета, в Соболево 5 – 5283, в Тихоново –3210 и т.д.

Можно отметить интересную деталь: среди памятников, которые включены в «новую периодизацию» бутовской культуры, нет ни одного, причисляемого М.Г. Жилиным и Л.В. Кольцовым к типу Красново 1 (Кольцов, Жилин, 1999, с. 71, 72). Случайность? Нет, просто их своеобразие настолько велико, что даже у авторов идеи не хватает решимости отнести какой-либо из этих памятников к конкретному этапу «бутовской периодизации».

Для доказательства бутовской принадлежности памятников типа Красново 1 М.Г. Жилин и Л.В. Кольцов прибегают к испытанному средству «улучшения источника». Они пишут: «Наконечники стрел на пластинах есть и на трех стоянках типа Красново 1: Соболево 3 – 4, Пищалкино – 2, Велетьминская 9 – 1» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 66). На самом деле, единственный из перечисленных памятников, который может быть отнесен к типу Красново 1, – это Велетьминское 9. В нем исследовано два изолированных скопления находок, но никаких достоверных т.н. постсвидерских наконечников в них нет. Типологические же особенности Соболево 3 и Пищалкино вызваны не типом памятника, как полагают авторы, а сортировкой обеих коллекций. Факт сортировки доказывается элементарно: и в Соболево 3 (Кольцов, Жилин, 1999, с. 36, 37), и в Пищалкино (Кольцов, Жилин, 1999, с. 25) число пластин значительно превышает все прочие, вместе взятые, изделия, чего нет ни в одной полноценной волго-окской коллекции. Любая сортированная коллекция отражает лишь представление конкретного исследователя о материале, но никак не тот реальный комплекс, который был некогда оставлен. Вот почему интерпретация М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова этих стоянок в качестве охотничьих лагерей не выдерживает критики.

Невыразительный обломок из Велетьминской 9 (Кольцов, Жилин, 1999, с. 124, рис. 33, 50), даже если признать его фрагментом «постсвидерского» наконечника, не может быть весомым аргументом в силу его единичности, способности наконечников летать и высокой вероятности их случайного попадания в любой комплекс. Кроме того, невозможно расчленить материалы разных типов памятников, например охотничьего лагеря и стоянки, в случае их планиграфического совпадения, особенно если они раскопаны традиционным способом. Процесс смешения археологического материала при планиграфическом совпадении разнородных материалов объективен и происходит без вмешательства человека (Сорокин, 2000а, б; 2002). Это повышает требования к исследователю, ведь мы в ходе полевых исследований фактически формируем источник, «переводим его в язык исследования», поэтому обязаны делать это добросовестно, а не строить очередную пирамиду из одного недостоверного предмета.

Примером специализированной охотничьей стоянки бутовской культуры служит Задне-Пилево 2 (Сорокин, 1990). С этим, без ссылки на меня, соглашаются и М.Г. Жилин и Л.В. Кольцов (Кольцов, Жилин, 1999, с. 72), но никакого отношения Задне-Пилево 2 к памятникам типа Красново 1, вопреки их утверждению, не имеет. Не имеет уже хотя бы потому, что в нем содержатся иволистные и черешковые наконечники стрел, которые составляют основу охотничьего вооружения этого памятника. Охотничьей же стоянкой Задне-Пилево 2 делает ее специфический типологический набор и малочисленность обрабатывающих орудий (Сорокин, 1990).

Как отмечалось выше, представительных стоянок типа Красново 1 всего две – Култино 1 и Старая Пустынь. Наибольшую близость к ним имеет Барашево 1, хотя этот памятник обладает известными чертами своеобразия (Сорокин, 2002б). Что касается первичной обработки, для всех трех стоянок характерна параллельно-призматическая техника и микропластинчатость комплексов. Отсутствие карандашевидных нуклеусов в Барашево 1, возможно, вызвано величиной выборки и качеством сырья. Во вторичной обработке отмечается отсутствие уплощивающей ретуши и крутой затупливающей при обработке микролитов. Крутое ретуширование использовалось при изготовлении резцов, косых и скошенных острий. Култино 1 и Старая Пустынь отличаются большей пластинчатостью орудий (87,5% и 77,1% против 42,7%).

Орудийный набор памятников сходен, но не идентичен. Например, в Барашево 1 отсутствуют концевые скребки на пластинах и выше доля нуклевидных резцов. Тем не менее типологический состав и скребков, и резцов трех стоянок совпадает. Среди охотничьего вооружения на первом месте вкладыши из фрагментированных пластинок, которые не являются культуро-специфическим типом изделий. Их дополняют транкированные микролиты, косые и скошенные острия. Единственный наконечник с краевой выемкой из микропластины присутствует в Барашево 1, здесь же найдено и скошенное острие с зубчатым краем, отсутствующее в других стоянках. Низкая трапеция и микролит с выемкой имеются в Старой Пустыни. Значение этих предметов, в силу их единичности, вряд ли стоит абсолютизировать. Что касается перфораторов, скобелей, ножей, рубящих и комбинированных орудий, то вариабельность их невысока и функционально обусловлена. Несмотря на бедность орудийного состава, все три памятника статистически представительны и по основным типологическим показателям близки друг другу. В то же время они отличны от стоянок бутовской, иеневской, рессетинской и пургасовской культур, в первую очередь, «простотой» и малой вариабель-

ностью своего набора. Все сказанное позволяет объединять стоянки Култино 1, Старую Пустынь и Барашево 1 в особую археологическую культуру. К ней же, по-видимому, следует отнести Угольново 1 и Велетьминское 9. Эту культуру по наиболее выразительному ее памятнику можно назвать култинской. В отличие от термина «памятники типа Красново 1» это название не только более кратко, но и более содержательно, так как связано с самым выразительным комплексом. Немаловажно и то обстоятельство, что прилагательное от названия Култино более благозвучно, чем от Красново.

Впервые идея о култинской культуре была высказана, как отмечалось выше, еще в 1986 г. Поступившие с тех пор материалы, в том числе и Барашево 1, подтверждают правомерность этого выделения и расширяют представление о ней. Генезис култинской культуры, учитывая территориальную близость и имеющиеся аналогии, связан, вероятно, с мезолитом Камско-Вятского междуречья (Гусенцова, 1994). Мне не кажется удачным сохранение название «камская культура» и за волго-окскими стоянками, так как любое название культур по речным бассейнам, широко практикуемое и поныне (например, верхневолжская культура, деснинская, днепро-сожская, камская и т.д.), суживает понятие культуры до размеров конкретного бассейна. А в случаях, когда территория выходит за его пределы, что случается постоянно по мере накопления новых данных, термин входит в логическое противоречие с содержанием.

Хронология култинской культуры, в предварительном виде, может быть определена от бореала до начала атлантикума.

Примером специализированной охотничьей стоянки бутовской культуры служит, как отмечалось выше, Задне-Пилево 2 (Сорокин, 1990), в инвентаре которой содержатся т.н. постсвидерские наконечники, составляющие основу охотничьего вооружения этого памятника. В свою очередь, Красново 1 действительно является, как пишут М.Г. Жилин и Л.В. Кольцов (Кольцов, Жилин, 1999), специализированным памятником – охотничьим лагерем, но это охотничий лагерь култинской, а не бутовской культуры.

Рессетинская культура
(рис. 7, 8, 29–39)

Была выделена автором в 1983 г. сначала как культурный тип памятников (Сорокин, 1985), а после раскопок на Верхней Волге – уже в качестве самостоятельной культуры (Сорокин, 1986а, б; 1987г, е; 1989г, д). Стоянки рессетинской культуры известны в бассейне Верхней и Средней Оки (Рессета 2, 3, Лужки Е, Таруса 1, Борки), Клязьмы (Альба 1, 3), Верхней Волги (Суконцево 8 – 11, Култино 3, Усть-Тудовка 4, нижний слой; Замостье 5, горизонт 9; Минино 2, нижний слой; Ланино) и Западной Двины (Золотилово 1, Замошье 2, Крумплево). Причем оба последних пункта располагаются уже на территории Белоруссии. Топография памятников сходная, все они приурочены к зандровым равнинам, при этом культурные слои большинства из них залегают, в отличие от бутовских, во флювиогляциальных или в рыхлых террасовых отложениях.

Техника первичной обработки кремня базируется на утилизации одноплощадочных ядрищ конической или призматической формы. Значительно реже встречаются двуплощадочные подпризматические нуклеусы и одно – или двуплощадочные торцевые.

При вторичной обработке используются затупливающая ретушь, резцовая техника и двусторонняя оббивка, эпизодически присутствуют уплощивающая ретушь и техника транше. Специфической чертой, выделяющей рессетинские комплексы среди других волго-окских, является микрорезцовая техника. В европейском мезолите острия с микрорезцовыми сколами встречены в культурах, относящихся к маглемозскому кругу памятников (Kozlowski S., 1972; Kozlowski J., Kozlowski S., 1975; Кольцов, 1977; Galinski, 1997). Геологические даты и отсутствие в рессетинской культуре геометрических форм позволяют говорить о более раннем возникновении в ней микрорезцовой техники. Возможно ли это? Да, возможно. Микрорезцовая техника не является «визитной карточкой» исключительно мезолитической культуры маглемозе. Она известна уже в верхнепалеолитических стоянках Русской равнины, таких как Гагарино и Каменная Балка 1–3 в бассейне Дона, Хотылево 2 и Супонево на Десне. По мнению автора, рессетинское население наследовало традиции граветтского населения, оставившего стоянки Хотылево 2 и Гагарино, поэтому присутствие в ней микрорезцовой техники вполне закономерно. При сравнении рессетинских коллекций с коллекциями западно- и восточно-европейских финально-палеолитических культур, таких как свидерская, лингби, федермессер, аренсбург, гамбург (Taute, 1968; Kozlowski J., Kozlowski S., 1975), только памятники гамбургской культуры, относимые к аллереду, проявляют черты известного сходства с рессетинской культурой (Rust, 1937; Kozlowski J., Kozlowski S., 1975; Крижевская, 1966).

Ведущим типом орудий в рессетинской культуре являются резцы. Доминируют изделия с неподработанной площадкой скола. На ранних памятниках представительны ретушные резцы, но доля их резко уменьшается к поздней фазе. Двугранные и комбинированные резцы немногочисленны.

В скребках преобладают концевые формы, их дополняют боковые, двойные и округлые. По мере омоложения материалов понижается массивность заготовок и усиливается укороченность пропорций. Рубящие орудия сравнительно многочисленны – это топоры и тесла подовальных и подтреугольных очертаний, выполненные на отщепах и из желваков в технике двусторонней оббивки и ретуширования. Помимо них присутствуют скобели с мелкими дугообразными, широкими или узкими выемками, перфораторы с выделенными или невыделенными жальцами, косые острия, изделия с поперечно срезанным ретушью концом, комбинированные орудия, пластины с регулярной приостряющей ретушью (ножи), сверла с невыделенными рабочими участками, ланцетовидные орудия и вкладыши из фрагментированных пластин. Эти изделия в небольшом числе имеются во всех представительных коллекциях и не имеют какой-либо специфики по сравнению с другими волго-окскими памятниками. Напротив, микролиты с затупленным ретушью краем образуют устойчивые серии. Первоначально они ретушировались лишь на спинке или встречной ретушью. Затем появляются микропластины, обработанные на брюшке. В поздних рессетинских памятниках они доминируют над микропластинами, затупленными по спинке, а микролиты, обработанные встречной ретушью, практически исчезают. Острия со сходящимися ретушированными краями часто обработаны подобно микролитам с затупленным краем, а конец скошен более мелкой ретушью.

Своеобразной формой, выделяющей рессетинские памятники, являются наконечники стрел на микропластинах. Впервые рессетинские наконечники были опубликованы в 1950 г. В.И. Зубковым в статье, посвященной стоянке Борки под Рязанью (Зубков, 1950), правда, изображены они были острием вниз, то есть не были опознаны. В конце 1970 – начале 1980-х гг. они были найдены А.В. Трусовым на стоянках Альба 1 и 3 в Московской области. Несколько ранее они были обнаружены Н.Н. Гуриной в окрестностях д. Ланино на Верхневолжских озерах и в Крумплево на территории Белоруссии, однако как явление рессетинские наконечники были осознаны лишь после того, как была исследована стоянка Рессета 3, давшая выразительную серию этих изделий.

Рессетинские наконечники представлены двумя основными разновидностями: первая – это миниатюрный наконечник с боковой выемкой, у которого ретуширована лишь часть одного из краев около основания. Вторая – это собственно рессетинские острия, т.е. изделия из микропластин с затупленным крутой ретушью на спинке краем и скошенным пером, шиповидным выступом и микрорезцовым сколом. Шиповидный выступ, отличающий рессетинские наконечники от маглемозских и янославицких острий, сближает их с верхнепалеолитическими плечиковыми остриями (Палеолит…, 1982; Палеолит СССР, 1984; Восточный граветт, 1998). Их прототипы имеются в стоянках Гагарино и Хотылево 2. Помимо наконечников с боковой выемкой на Окских стоянках встречены т.н. постаренсбургские и постсвидерские наконечники стрел. Различия в облике наиболее древних стоянок Суконцево 9 и 8, а также Тарусы 1 с Рессетой 3 и Рессетой 2, помимо форм охотничьего вооружения, которые в Рессете 3 и особенно в Рессете 2 выглядят пережиточными (рессетинский комплекс), заключаются в присутствии на Окских стоянках т.н. постсвидерских наконечников. Нет, однако, никакой уверенности, что постсвидерские наконечники не появились на стоянках Жиздринского полесья, как и на других, в результате случайности и не являются лишь механической примесью (Сорокин, 2000а, б; 2001в; 2002а). Тем не менее до той поры, пока не появятся стратифицированные и «чистые» памятники, нельзя исключать полностью и возможности появления поликультурных комплексов – как отражение контактов аборигенного населения с пришлым свидерским.

Несколько слов о возрасте рессетинской культуры. Данных, включая естественнонаучные, позволяющих однозначно решить этот вопрос, пока еще недостаточно. Стоянки Таруса 1, Суконцево 9 и Суконцево 8 геологически датируются еще концом ледникового времени. Три радиокарбоновые даты для памятников, содержащих рессетинские находки, получены М.Г. Жилиным. Две из них пребореальные для нижнего слоя стоянки Усть-Тудовка 4 и одна бореальная – для Култино 3 (Кольцов, Жилин, 1999; Koltsov, Zhilin, 1999). Ни одна из этих дат не может быть признана достоверной. Соотношение двух первых дат со слоем по данным отчета однозначно не устанавливается. А в Култино 3 механически смешаны рессетинские и бутовские материалы. Поскольку единство материалов не доказано, неясно, к чему относится и сама дата. Во всяком случае, говорить о ее рессетинской принадлежности никаких оснований нет. Не убедительна она еще и в силу единичности. Кроме того, стоянка располагается на высокой пойме и периодически затапливается, поэтому образец мог вообще попасть в слой случайно.

Говоря о соотношении рессетинской и бутовской культур, следует обратить внимание на стратиграфические данные, полученные на торфяниковых стоянках бассейна р. Дубны и свидетельствующие о предшествовании рессетинских материалов бутовским. Это, в первую очередь, стоянки Замостье 5 (Сидоров, Сорокин, 1997, 1998) и Минино 2 (Николаев и др., 2002; Сорокин и др., 2002). Возраст нижнего слоя стоянки Минино 2 с

рессетинскими материалами определен по С-14 в 10200–10500 л.н. А очевидная инверсия радиоуглеродного возраста 7–10 слоев Замостья 5 позволяет считать омоложенной и дату слоя 9 с рессетинскими находками. Других естественнонаучных дат для рессетинских стоянок пока нет.

Что касается возраста рессетинских стоянок в окрестностях Суконцево, здесь прежде всего важна геоморфология отложений. В Суконцево 9 и 10 находки залегают в галечнике второй левобережной террасы Волги, т.е. во флювиогляциальных отложениях плейстоценового возраста, поэтому утверждение М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова о том, что они «датируются не ранее рубежа пребореал/бореал» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 74) – это не что иное, как очередное «улучшение источника». Не хочется говорить о моральной стороне того, что Л.В. Кольцов в 1986 г. без моего согласия и уведомления раскапывал открытую и исследованную мной в 1985 г. стоянку Суконцево 9. Отмечу лишь одно обстоятельство, которое говорит о его полевой квалификации и непосредственно имеет отношение к определению абсолютного возраста Суконцево 9. В 1984 г. при оборудовании экспедиционного лагеря и рытье мусорной ямы в углу незасыпанного раскопа стоянки Хрипелево 1, выкопанного А.В. Мирецким под «научным» руководством Л.В. Кольцова, было установлено, что они за материк приняли слой галечника, подстилающий супесь с находками. Тем не менее в этом галечнике тоже залегают находки, то есть памятник многослойный. Мощность верхнего культурного слоя составляет около 40 см (Мирецкий, 1984). Мощность галечника с нижним культурным слоем равна 95 см. Поэтому я не могу исключить, что принятое Л.В. Кольцовым за шлейф[8] стоянки Суконцево 9 (Кольцов, Жилин, 1999, с. 74) является на самом деле отдельным памятником, приуроченным к останцу погребенной первой террасы левого берега Волги[9]. В этом случае, палинологическая колонка, если она бралась[10], может отражать возраст этого «пойменного» памятника, а не Суконцево 9. Если то, что раскопано (? – *А.С.*) Л.В. Кольцовым, действительно шлейф, то фактически могло быть определено время переотложения материала в пойму, не обязательно совпадающее со временем функционирования стоянки Суконцево 9. Во всяком случае, на расположенной неподалеку бутовской стоянке Суконцево 7, приуроченной к выраженному здесь участку первой террасы, четко зафиксированы два момента переотложения в пойму археологического материала. Нижний шлейф, вероятно, синхронен слою стоянки (даты 9650 ± 100, ЛЕ 3015; 9220 ± 50, ГИН 3902), а верхний отложился уже после того, как стоянка перестала функционировать (даты 8900 ± 100, ГИН 4734 и 8710 ± 150, ГИН 4733). Поскольку шлейфы Суконцево 7 «запирают» горло древнего рукава Волги, это косвенно подтверждает и более ранний, а не более поздний, как утверждают М.Г. Жилин и Л.В. Кольцов (Кольцов, Жилин, 1999, с. 74), возраст расположенных ниже стоянок рессетинской культуры Суконцево 8–11. Следовательно, все названные факты говорят о предшествовании рессетинской культуры бутовской.

Пребореальный возраст Рессеты 3 определяется датами кундской стоянки Пулли, материалы которой весьма близки названным, но имеют по сравнению с ними пережиточный характер. Видимо, верхней границей рессетинской культуры следует считать появление памятников ранней кундской культуры типа Пулли (Jaanits L., Jaanits K., 1978; Jaanits K., 1978; Ostrauskas, 2000), которое происходит не позднее середины пребореала.

Представляется очевидным, что типологически и технологически рессетинская, кундская (пуллийская) и бутовская культуры составляют единую хронологическую и генетическую цепочку (Сорокин, 1987б; 1994; 2004; Sorokin, 1999). Их объединяет последовательность в развитии техники первичного расщепления, идентичность приемов вторичной обработки, постепенное угасание микрорезцовой техники, прогрессирующая микролитизация инвентаря и типологическая преемственность в формах обрабатывающих орудий и предметов охотничьего вооружения. В этой связи идея С.К. Козловского, включавшего в ареал кундской культуры территорию Волго-Окского междуречья (Kozlowski S., 1972), по-прежнему заслуживает внимания и активной проработки, но с новых позиций.

Сумма фактов свидетельствует, что индустрия Пулли является ничем иным, как развитием рессетинских традиций. Ее возникновение связано с освоением Прибалтики носителями рессетинской культуры. Вероятность этого проистекает из условий хозяйства первобытного населения и геоморфологической ситуации конца плейстоценового – начала голоценового времени. Судя по имеющимся геоморфологическим данным, система Верхневолжских озер вместе с Западной Двиной в верхнем палеолите, включая его заключительную фазу, относилась не к Каспийскому, а к Балтийскому бассейну, и передвижение населения в пределах единой водной системы является более чем вероятным (Квасов, 1975; Сейбутис, 1980; Палео-

[8] В полевом отчете Л.В. Кольцова (Кольцов, 1986, № 11750) отсутствуют сведения о шурфе в пойме.

[9] На этом месте четко обозначен лишь уступ второй террасы, а молодые формы рельефа скрыты старичными отложениями.

[10] Данные о местоположении колонки в полевом отчете (Кольцов, 1986, № 11750) отсутствуют.

география Европы.., 1982). В данном случае безосновательно говорить о миграции рессетинского населения в Прибалтику, понимая под этим термином лишь его точное значение как «переселение». Здесь скорее уместно его расширенное толкование. Если исходить из гипотетической реконструкции ХКТ рессетинского населения, жившего в молодом дриасе – пребореале, как охотников на северного оленя, то под расширенным толкованием термина «миграция» следует понимать перемещение древнего населения в пределах зоны освоения или «кормовых территорий». В этом случае памятники Центра Русской равнины и современной Прибалтики могут рассматриваться лишь как крайние «точки» ареала, в пределах которого передвигалось рессетинское население. Вероятность именно таких перемещений в пределах единого географического ареала и одного водного бассейна для населения, представляющего ХКТ тундровых охотников-собирателей, вполне естественна.

Для меня также очевидно, что территория археологической культуры в мезолите – это абстракция, а не ареал с жесткими контролируемыми границами. Его нужно воспринимать лишь как географическое пространство, среду обитания, нишу, в пределах которой популяция жила по сезонному циклу. Поэтому в то время, когда некая группа мезолитического населения обитала на летней стоянке, зимнего стойбища не было, и наоборот. Фактически это «временная последовательность разных форм пространственной организации производственного коллектива». Из-за малочисленности групп охотников-собирателей реальному контролю подчинялся лишь «кусок» видимого пространства и не более того.

Границы археологической культуры фактически совпадают с ареалом годичных, хозяйственных циклов, поэтому у охотников на северного оленя он один, охотников на мамонта – другой, а у охотников на лося – третий. Не вызывает сомнения, что для финального палеолита и мезолита эта территория определяется, до известной степени, «поведением сопровождения» (= симбиоз волк-олень). Т.о., территория археологической культуры в финальном палеолите и мезолите – это, вероятно, размах пространственных передвижений популяции в пределах кормовой территории, который мог перекрываться ареалом другой популяции, но в целом из-за малочисленности обитателей никак не мог контролироваться и обороняться. По-видимому, этим и объясняется наложение ареалов многих мезолитических культур. Вот почему во всех случаях их совпадения, которые мы фиксируем археологически, надо еще доказать, что население в них обитало одновременно, а не последовательно.

Численность человека как любого биологического вида определялась естественным отбором и регламентировалась объемом и составом биомассы, ее разнообразием. В тех случаях, когда ареалы разных популяций пересекались, а из-за их малочисленности и огромных необъятных пространств Восточной Европы это было крайне редко, люди как хищники воевали друг с другом, а не кидались в объятия. Вот почему многочисленные реконструкции контактных зон и метисных памятников, базирующиеся на случаях совместного залегания находок, чаще всего лишь плод воображения, а никак не доказанная фактами реальность. Хотя и абсолютной повсеместной замкнутости (изоляции) быть не могло.

В этой связи хочу обратить внимание на следующее. В археологической литературе, как правило, схемы миграций традиционно обозначаются стрелками, идущими в каком-либо одном направлении. Например, заселение Прибалтики аренсбургским населением отмечается как однонаправленное передвижение с запада, с территории Северо-Германской низменности, на восток – в Понеманье. А свидерским населением – с юго-запада, из Польской и Полесской низменностей, на северо-восток – в Верхнее и Среднее Поднепровье и т.д. (Залізняк, 1999, с. 210). Этим как бы определяется движение миграционных потоков в момент заселения конкретной территории. Тем самым подспудно понимается, что эта территория делается постоянно или длительное время заселенной носителями конкретной археологической культуры. Между тем подобное графическое воплощение формирует неточную и однобокую картину миграций в каменном веке. Ибо эти миграции были сезонными и возвратно-поступательными, то есть шли в обоих направлениях. Особенность хозяйственного цикла охотников на северного оленя определяла то, что когда северный олень был в теплое время года в тундре на пастбищах – это была территория Прибалтики, и рессетинское население было, вероятно, все именно там, а в холодное время вслед за северным оленем все население откочевывало на возвышенности Центральной России.

Вернемся, однако, к проблеме соотношения рессетинской и кундской культур. В последнее время Т. Остраускасом высказано предположение, что кундская культура (пуллийская индустрия) сложилась в результате «воздействия на позднюю свидерскую культуру кудлаевской культуры» (Ostrauskas, 1999). С этим трудно согласиться уже хотя бы потому, что он, к сожалению, не представляет себе рессетинских материалов. Более удачной мне представляется другая идея Т. Остраускаса о выделении пуллийской культуры и сокращении ее хронологии до пребореала (Ostrauskas, 2000). Если это так, то автоматически углубляется и становится определеннее верхняя граница рессетинской культуры.

О предшествовании рессетинских стоянок кундским говорит следующее: более ранний возраст Тарусы 1 и Суконцево 9 (не позднее молодого дриаса), а также сходство Пулли с Рессетой 3 и нижним слоем стоянки Усть-Тудовка 4, датированным не моложе пребореального времени (Zhilin, 1995; Koltsov, Zhilin, 1999; Кольцов, Жилин, 1999). Кроме того, в Пулли по сравнению с Рессетой 3 заметна постепенная утрата форм рессетинских наконечников с боковой выемкой и шиповидных форм, деградация микрорезцовой техники, уменьшение форм рубящих орудий и общая микролитизация изделий. Исходя из условий хозяйства мезолитического населения, можно предположить, что появление индустрии типа Пулли в Прибалтике связано с сезонными миграциями рессетинского населения из Волго-Окского бассейна по Западной Двине на северо-запад в пределах единого водного бассейна. Это важно при наличии у первобытного населения плавательных средств, что давало возможность сократить время передвижения по воде. А также в холодное время года, когда вода замерзала и естественным образом сокращалось время на переправу. И в том случае, если маршрут передвижения северного оленя совпадал с руслом. В иных обстоятельствах человек, по-видимому, выбирал кратчайшие отрезки, в том числе и по водоразделам.

Не останавливаясь на судьбе пуллийского населения, обращу лишь внимание на то, что бутовские материалы как бы продолжают ту же линию развития, но по ряду признаков тяготеют и к рессетинским материалам. А последние находки на стоянках Бутово и Прислон (Жилин и др., 1996; Кольцов, Жилин, 1999) свидетельствуют о производном характере некоторых наконечников этих стоянок от рессетинских и пуллийских. Хотя вряд ли стоит переоценивать значение трех наконечников, найденных в Прислоне и Бутово, так как коллекция первого из них – это сортированный подъемный материал, а второй памятник даже при последних его раскопках М.Г. Жилиным исследован без фиксации отщепов по трем координатам. Следовательно, в источниковедческом отношении он также бесперспективен, и не может дать ничего объективного для проблемы соотношения рессетинской, кундской и бутовской культур.

Нет сомнения, что объяснение связи населения трех названных культур и последующего возможного обособления населения кундской и бутовской культур следует искать в геоморфологических катаклизмах на рубеже плейстоцена – голоцена, проявившихся в формировании растительной зональности и изменении гидрографии речных систем. В то время когда условия все возрастающей облесенности региона и изменение видового состава его животного мира привели к складыванию в раннем голоцене иных условий хозяйствования и изменению характера связей между прибалтийским населением и обитателями Верхнего Поволжья.

Иеневская культура
(рис. 9, 10, 40–49)

Была выделена Л.В. Кольцовым в 1977 г. (Крайнов, Кольцов, 1979). К настоящему времени к ней отнесено уже не менее сотни памятников, однако представительные и надежные коллекции составляют едва ли более полутора десятков комплексов (Кравцов, Сорокин, 1991). Памятники иеневской культуры, как и рессетинские стоянки, топографически приурочены к зандровым равнинам, а их культурные слои стратиграфически залегают в рыхлых террасовых отложениях. В этом их принципиальное отличие от бутовских комплексов, которые часто приурочены к останцам, пойменным гривам и другим низким формам рельефа.

Судя по представительным и надежным коллекциям, для культуры характерны отщеповая, пластинчатая и микропластинчатая индустрии первичной обработки, основанные на утилизации одно-, двух- и многоплощадочных ядрищ конической, призматической и аморфной формы. В качестве заготовок для орудий использовались отщепы, пластины и, реже, микропластины. Во вторичной обработке широко применялась затупливающая и приостряющая ретушь, спорадически встречается уплощивающая ретушь, псевдомикрорезцовая техника и транше. Среди орудий представлены резцы с ретушированной и неподработанной площадками скола, концевые, скошенные, округлые, боковые и двойные скребки, скобели с широкими и узкими дугообразными выемками, пластины с приостряющей ретушью, комбинированные орудия, перфораторы. Разнообразны рубящие изделия – топоры и тесла с перехватом, подовальной и подтрапециевидной формы, долота. Выразительны аренсбургские и постаренсбургские наконечники с боковой выемкой и симметричные черешковые, изредка присутствуют т.н. постсвидерские наконечники стрел. Имеются косо и поперечно лезвийные наконечники, в том числе трапеции, присутствуют треугольники, сегментовидные и ланцетовидные острия. По вопросу генезиса иеневской культуры наиболее убедительная гипотеза высказана Л.Л. Зализняком, который утверждает, что она оставлена потомками аренсбургского населения (Неприна и др., 1986; Зализняк, 1989; 1996). В этой связи следует отметить факт присутствия в Волго-Окском бассейне аренсбургских стоянок Теплый Ручей (Мирецкий, 1987; 1988)[11] на Верхней Волге и Гремячее на Оке (Воеводский, 1941).

[11] Мирецкий, 1987, № 12262; 1988, № 12678.

Своеобразную гипотезу о происхождении иеневской культуры высказал В.В. Сидоров. Он полагает, что иеневское население «пришло в Приледниковье “на берега пустынных волн” приледниковых озер с востока, скорее всего с Алтая... это и были предки финских народов. Их следы – цепочка родственных культур протянулась от Камы до Дании» (Сидоров, 2002, с. 24). И далее: «Я считаю людей иеневской культуры современниками костенковской и рессетинской, от которых они позднее и научились делать вкладышевые орудия, и предками людей бутовской культуры» (Сидоров, 2002, с. 25). К сожалению, никаких фактических данных ни для одного из этих заключений нет.

Интересную точку зрения на происхождение иеневской культуры высказал недавно Х.А. Амирханов. Анализ материалов Зарайской стоянки, Трегубово, Колтово 7 и Умрышенки 3 дает ему «основание считать восточно-граветтскую традицию подосновой иеневской индустрии» (Амирханов, 2002, с. 83–86). Эта идея, безусловно, заслуживает дальнейшей разработки с учетом всего накопленного за последние годы материала. Однако она не представляется бесспорной, во-первых, потому, что материал Трегубово, Колтово 7, да и Умрышенки 3, в своей орудийной части недостаточно выразителен, а во-вторых, потому что связь индустрий, выводимая по единственному технологическому приему, даже специфическому, не безупречна. Например, такой своеобразный технологический прием, как микрорезцовая техника, существовал и в памятниках «восточного граветта» (Pavlov.., 1997), и в палеолите Леванта (Кларк, 1982), и в мезолитических культурах маглемозе и яниславица (Kozlowski J., Kozlowsli S. 1975), то есть в индустриях, не имеющих между собой генетически ничего общего.

Первая периодизация иеневской культуры была предложена Л.В. Кольцовым в 1989 г., через 13 лет после выделения этой культуры (Кольцов, 1989). Как и в бутовской, в ней было выделено четыре этапа. Источниковедческий анализ показал, однако, что такая дробность не имеет достаточных оснований (Кравцов, Сорокин, 1991). Более того, в одной из своих недавних работ Л.В. Кольцов не просто отказывается от этой периодизации, подтверждая справедливость, высказанной в его адрес критики (Кравцов, Сорокин, 1991), но и фактически отрицает саму возможность периодизации иеневской культуры (Кольцов, 1996, с. 71).

К аналогичному выводу пришел и А.Е. Кравцов, правда, исходя из иных, чем Л.В. Кольцов, оснований (Кравцов, 1999, с. 105). Полагаю, что и этот подход безоснователен, а материалы для периодизации иеневской культуры имеются. Просто при разработке периодизации, так же как и любых других вопросов археологии, во главу угла следует положить принцип критики источника. А доказательство источниковедческих возможностей материала должно быть основой любого археологического исследования.

Представляется очевидным, что в основу периодизации рассматриваемой культуры должно быть положено развитие форм аренсбургских наконечников и трапеций, выявленное по коллекциям, отвечающим принципам достаточности и надежности. Благодаря этому в иеневской культуре можно выделить три группы памятников – с черешковыми наконечниками, но без геометрических форм, с наконечниками и трапециями, только с трапециями (Кравцов, Сорокин, 1991). Для раннего этапа иеневской культуры характерны аренсбургские и постаренсбургские асимметричные с боковой выемкой и черешковые наконечники. Вероятно, уже в это время появляются косолезвийные наконечники как прототип или промежуточная форма от асимметричных наконечников с боковой выемкой к трапециям. Трапеции же и треугольники пока не известны. К этому этапу могут быть отнесены стоянки Усть-Тудовка 1 (Жилин, Кравцов, 1991), Умрышенки 3 (раскоп 2) (Сидоров, 2002), а также, вероятно, Высокино 6 и Староконстантиновская 4 (Кравцов, Сорокин, 1991). Второй этап знаменуется появлением трапеций при сохранении всех постаренсбургских форм. По мере омоложения возраста памятников асимметричные наконечники с боковой выемкой утрачивают свои вытянутые пропорции, превращаясь в т.н. алтыновские вкладыши; постепенно исчезают черешковые формы, но сохраняются косолезвийные наконечники и увеличиваются количественно трапеции. Указанные закономерности хорошо прослеживаются на примере стоянок Староконстантиновская 2 и 6, Умрышенки 3 (раскопы 1 и 3), Брагино, Шильцева Заводь 5, Ладыжино 3, Журавец, Дмитровское, Богоявление, Пеньково и Сельцо 3. На заключительном третьем этапе исчезают алтыновские вкладыши, не известны черешковые и асимметричные постаренсбургские наконечники, косолезвийные наконечники немногочисленны. Основную роль в охотничьем вооружении играют трапеции. Представительных памятников без асимметричных и черешковых постаренсбургских наконечников всего три – Иенево 2, Коприно и Кирицы 1. Они и представляют третий заключительный этап культуры.

Асимметричные наконечники с боковой выемкой, «алтыновские вкладыши», косолезвийные наконечники, трапеции и треугольники в иеневской и родственной ей деснинской культурах образуют единый типологический ряд. Судя по имеющимся данным, асимметричные наконечники с боковой выемкой относятся, по крайней мере, к финальному палеолиту, а трапеции и треугольники по-

являются не позднее пребореала. Таким образом, уменьшение размеров предметов охотничьего вооружения в иеневской и деснинской культурах может служить проявлением адаптивной реакции на все большее распространение лесов в раннеголоценовое время. В этой связи вряд ли уместно возражение А.Е. Кравцова, признающего предложенную мной схему развития иеневских наконечников, но отрицающего связь этой тенденции с развитием природной среды на том основании, что леса в Волго-Окском бассейне появились еще в финальном палеолите (Кравцов, Спиридонова, 1996, с. 106). Ибо здесь важен не сам факт появления лесов (они были вдоль рек и раньше, еще в эпоху верхнего палеолита), а то, когда они стали представлять экономический интерес для иеневского населения. Если население иеневской культуры существовало в финальном палеолите, то это были охотники на северного оленя и другие виды тундровых животных. Переориентация к охоте на лесную дичь в иеневской среде могла происходить лишь вместе со становлением лесной зональности и с необратимостью голоценовых процессов. Причем это было возможно лишь в случае адаптации к лесному окружению, а не в случае исхода всего населения в северном направлении, вслед за отступающей тундровой растительностью и тундровой фауной.

Если судить по имеющимся данным, одновременно могли иметь место оба процесса. Не исключено, что иеневское население адаптировалось к изменяющимся природным условиям, но удлинился вектор их миграций в северном и северо-восточном направлениях, где зафиксированы родственные скандинавские культуры Фосна и Комса. В финальном палеолите Волго-Окского бассейна леса не были господствующим типом растительности и у иеневского населения в то время, подобно другим европейским группам, известным по культурам гамбург, лингби, аренсбург, федермессер или свидерская, мог быть лишь хозяйственно-культурный тип (ХКТ) тундровых охотников-собирателей. Точно так же как позднее, в случае если иеневское население (полностью или частично) не покидало региона, должна была происходить переориентация ХКТ и его «подстраивание» под меняющееся природное окружение. Высказанное мной предположение – лишь констатация направления развития, тенденция в развитии иеневского охотничьего вооружения, совпадающая, по-видимому, с вектором развития природной среды в конце плейстоцена – начале голоцена.

Развитие природной среды с конца плейстоцена шло в положительном направлении – в сторону потепления, общего улучшения экологической обстановки и усиления облесенности. Судя по имеющимся данным, наступление голоцена не характеризовалась скачкообразной (в пределах жизни одного поколения людей) сменой растительного покрова и видового состава фауны. Природная среда изменялась, все более ускоряясь, но эволюционировала относительно плавно, превышая длительность жизни одного поколения. Следовательно, можно полагать, что эти изменения не носили характер катаклизма. Отсюда связь эволюции природной среды с изменениями типов хозяйства населения была достаточно опосредованной, дистанцированной, проявлялась лишь как тенденция, а не скачкообразно. Поэтому не надо ждать «жесткой увязки» природных процессов с изменениями в орудийном наборе и их формах. Аналогичные процессы шли и в степной зоне, где на фоне еще большего общего геометризма индустрий по сравнению с памятниками лесной зоны при возрастании доли древесной растительности тоже происходит усиление микролитизации инвентаря.

Вернемся, однако, к периодизации. Каковы основания для периодизации, фактически разработанной мной (Кравцов, Сорокин, 1991) еще в 1989–1990 гг.? Для ответа обратимся к хронологии стоянок. Л.В. Кольцов определяет время существования иеневской культуры от конца бореального до начала атлантического периода (Кольцов, 1989). Источниковедческий анализ палинологических и радиокарбоновых дат, выполненный А.Е. Кравцовым и А.Н. Сорокиным (Кравцов, 1988г; 1991а, б; 1998; Кравцов, Сорокин, 1991) показал, что данное утверждение не соответствует действительности, и период существования иеневских стоянок должен быть пересмотрен в сторону его удревнения. Судя по ревизии дат, использованных Л.В. Кольцовым, и новым, полученным в последние годы (Кравцов, Спиридонова, 1996), хронология иеневской культуры охватывает период примерно от конца молодого дриаса до бореала включительно. Можно считать доказанным, что в настоящее время нет ни одной независимой даты, свидетельствующей о существовании иеневской культуры в атлантикуме. Наиболее древняя дата – не позднее конца молодого дриаса – получена для иеневской стоянки Усть-Тудовка 1 (Жилин, Кравцов, 1991). Возраст Шильцевой Заводи 5 находится в интервале от Dr-3 до конца Рв включительно (определение Е.А. Спиридоновой). Пребореальным временем датированы Ладыжино 3 и Беливо 6В. Культурный слой стоянки Брагино перекрыт погребенной почвой, время формирования которой определено пыльцевым методом не позднее начала бореального времени. Пыльцевые спектры для Дмитровской 1 и Черной Грязи определяют время бытования названных памятников началом бореального времени. Серединой бореального времени датировано Иенево 2. И только единственный

памятник, Митино 5, по пыльцевому спектру относится к концу бореального периода, но дата эта, по справедливому замечанию Е.А. Спиридоновой, нуждается в проверке. Нет однозначной привязки кремневого инвентаря к образцам и в Иенево 2 (Кравцов, Спиридонова, 1996, с. 103). Не буду перечислять других дат, опубликованных недавно А.Е. Кравцовым и А.В. Трусовым (Кравцов, 1999; Трусов, 1999; Спиридонова, 1999), ибо они подтверждают написанное выше. Вся совокупность имеющихся данных позволяет утверждать, что говорить о существовании иеневской культуры позднее начала бореального времени серьезных оснований нет, что позволяет ограничить верхнюю границу ее эволюции именно указанным отрезком. Нельзя исключать, что население иеневской культуры прекратило свое существование в Волго-Окском бассейне еще раньше, возможно уже в пребореале, однако для установления этого необходимо повторно датировать естественными методами представляющиеся наиболее поздними по возрасту стоянки Иенево 2, а также не имеющую абсолютного возраста стоянку Коприно. Впрочем, по объективным обстоятельствам датировать Коприно уже не представляется возможным (Кравцов, 1999, с. 98).

Критический анализ имеющихся данных и новейшие датировки памятников позволяют не просто удревнить в целом хронологию иеневской культуры, но и говорить лишь о ее раннемезолитическом возрасте. Таким образом, новейшие данные (Кравцов, 1999; 2002; Кравцов, Спиридонова, 1996; Спиридонова, Алешинская, 1997; 1999) свидетельствуют, что предложенная мной периодизация иеневской культуры (Кравцов, Сорокин, 1991) выдержала проверку временем и, по-видимому, объективно отражает общую тенденцию развития иеневской культуры. Несмотря на утверждение А.Е. Кравцова, что «...имеющихся в настоящее время материалов для разработки периодизации иеневской культуры недостаточно» (Кравцов, 1999, с. 105), та последовательность памятников, которые он считает «достоверно “чистыми”, хронологически узкими и детально изученными методами сравнительно-типологического анализа, имеющими, по возможности, надежную датировку» (Кравцов, 1999, с. 104) – это Усть-Тудовка 1, Ладыжино 3, Беливо 6В и Иенево 2 – в точности соответствует предложенной мной периодизации (Кравцов, Сорокин, 1991).

Предшествующие рассуждения привели к необходимости сказать несколько слов о самой методике палинологического датирования. Полагаю, что ныне применяемое взятие палинологических колонок с перерывами между отдельными образцами, а не сплошной колонкой не совсем корректно, так как привносит элемент случайности и не исключает возможности пропуска т.н. «перерывов в осадконакоплении». Между тем такие «перерывы в осадконакоплении» чрезвычайно важны для понимания непрерывности формирования толщи отложений. Поскольку визуально наблюдаемая стратиграфия отражает, как правило, почвенные профили и следы переработки почвенными процессами разновременных подстилающих отложений, она далеко не всегда соответствует последовательности накопления этих отложений и накопления в них пыльцы. Сплошь и рядом визуально единая толща не является фактически единой, а отражает лишь результаты переработки отложений почвенными процессами. Поэтому разрывы между образцами могут на практике приводить к пропускам визуально не наблюдаемых прослоек. Сами же по себе факты «перерывов в осадконакоплении» чрезвычайно важны для объективного установления последовательности и непрерывности событий. В этой связи очень интересны документально установленные факты присутствия в некоторых палинологических колонках «перерывов в осадконакоплении». Они были встречены на стоянках Черная 1, Дмитровское 1, Брагино, Шильцева Заводь 5 и некоторых других. Их присутствие должно отражать процессы развеивания или уничтожения в результате других причин предшествующих новому осадконакоплению и накоплению пыльцы отложений, а значит, и возможность «вмывания» молодой пыльцы в эти более древние отложения, то есть элемент их омоложения. В этой связи уместно обратиться к палинологической датировке стоянки Брагино – одному из немногих раскопанных памятников бассейна Верхней Оки, имеющему выразительную коллекцию.

Стоянка Брагино располагается в Перемышльском р-не Калужской области в зоне Калужско-Алексинского каньона на мысу правого берега р. Оки высотой около 25 м. Памятник открыт в 1980 г. И.К. Фроловым и раскопан автором в 1982 г. на площади 202 кв. м. Находки распределялись равномерно, не образуя заметных скоплений. Коллекция включает 10091 каменный предмет. Культурный слой собственной окраски не имеет. Никаких бытовых деталей в раскопе, кроме небольшого кострища и ямы, принадлежность которых к мезолиту проблематична, не прослежено.

Формы нуклеусов разнообразны, преобладают ядрища призматической и конической форм, но многочисленны и аморфные. Они предназначались для снятия пластин и отщепов. Орудия на пластинах составляют не менее 55% среди морфологически выраженных форм, что является достаточно высоким для памятников иеневской культуры. Количественно преобладают резцы (34,9% среди орудий). Доминируют изделия на сломе пластины с узкими кромками, среди которых многочисленны двойные и тройные экземпляры. Вы-

разительными сериями представлены, однако, ретушные и двугранные, а также комбинированные резцы, составляющие в совокупности 33,0% от общего числа. Для них более характерны широкие кромки. Скребков в комплексе 8,9%, преобладают концевые на пластинах, но многочисленны и концевые на отщепах, их дополняют двойные, боковые, концевые – боковые, подокруглые, скробачи и с выступом. Имеются два боковых скребла. Все скобели (8,9%), за единственным исключением, одинарные, выемки дугообразные, как правило, мелкие широкие. Сверла (1,5%) с невыделенными рабочими концами или реже плечиковые. Комбинированные орудия (2,5%), представлены по преимуществу модификациями резцов со скребками или ножами. Ножи составляют 5,8% в комплексе, значительной серией представлены ножи типа федермессер. Выразительны рубящие орудия, составляющие 2,5% среди предметов со вторичной обработкой, в их числе трапециевидной формы, с перехватом, подовальные, обушковое и несколько аморфных. Одно из тесел имеет следы пришлифовки. Многочисленны микролиты с поперечно срезанным ретушью концом (5,6%) и косые острия (5,1%), симметричные острия, напротив, единичны (0,3%). Наконечники стрел (2,1%) разнообразны, среди них наконечник типа лингби, аренсбургские и постаренсбургскими наконечники черешковые и с боковой выемкой, а также косолезвийные черешковые и песочноровские наконечники. В виде примеси присутствуют обломок черешка иволистного и черешковый т.н. постсвидерский наконечники стрел. Микролиты представлены главным образом высокими асимметричными трапециями (2,6%), но есть низкая трапеция и ромбовидное острие. Помимо них имеются вкладыши из фрагментированных пластин (5,1%), отщепы (20,0%) и пластинки (24,2%) со следами утилизации. Коллекцию дополняют обломки орудий, резцовые сколы, сколы подправки лезвий орудий и псевдомикрорезцы.

Иеневская принадлежность памятника сомнений не вызывает. Как отмечалось выше, в развитии иеневской культуры может быть выделено три этапа. Для раннего этапа характерны постаренсбургские асимметричные с боковой выемкой и черешковые наконечники. Кроме них присутствуют аренсбургские формы наконечников и острия типа федермессер. В конце периода появляются косолезвийные наконечники как прототип или промежуточная форма от асимметричных наконечников с боковой выемкой к трапециям. Трапеции же и треугольники пока не известны. Второй этап знаменуется появлением трапеций при сохранении всех постаренсбургских форм. По мере омоложения возраста памятников асимметричные наконечники с боковой выемкой утрачивают свои вытянутые пропорции, превращаясь в т.н. алтыновские вкладыши; постепенно исчезают черешковые формы, но сохраняются косолезвийные наконечники и увеличиваются количественно трапеции. На заключительном третьем этапе алтыновские вкладыши, черешковые и асимметричные постаренсбургские наконечники исчезают, а косолезвийные наконечники немногочисленны. Основную роль в охотничьем вооружении играют трапеции. Точные хронологические рамки бытования типов пока не ясны, очевидно лишь то, что асимметричные наконечники с боковой выемкой присутствуют с финального палеолита, а трапеции возникают уже в пребореале. По данной периодизации Брагино относится к началу второго этапа и должно быть отнесено к пребореальному времени. Типологическая датировка формально входит в противоречие с датировкой палинологической, однако это противоречие, как мне представляется, лишь кажущееся. Судя по данным спорово-пыльцевого анализа (колонка взята А.Е. Кравцовым в 1992 г., заключение выполнено Е.А. Спиридоновой), в двух нижних образцах из подстилающего находки слоя пыльцы не содержалось. Образцы 3 и 4 относятся к погребенной почве с находками, а верхних пять – к перекрывающему слою. Палинологическая датировка помещает Брагино в начало бореального периода. Тут, однако, следует отметить, что материал памятника, судя по данному спорово-пыльцевому анализу, в месте взятия образца, а также полевым наблюдениям автора, переотложен за счет делювиальных процессов, поэтому полученная дата должна относиться не ко времени функционирования стоянки, а к моменту консервации переотложенного материала. Если принять это положение, противоречие между типологическим и палинологическим возрастом памятника будет преодолено. Полагаю, что некоторое удревнение возраста материала по сравнению с имеющейся палинологической датировкой оправдано в силу того, что пыльца из погребенной почвы датирует фактически лишь момент консервации переотложенного материала.

Следует обратить внимание на тот факт, что и для некоторых других иеневских памятников, датированных по палинологии бореальным временем (Дальний Остров, Митино 5, Шильцева Заводь 5), и ряда бутовских стоянок (Беливо 4А, Борисово 1, Суконцево 7) определен момент консервации переотложенного материала, а не собственно время их существования. Все эти данные позволяют не просто поставить вопрос о необходимости критического отношения к палинологическим датировкам, но и искать объяснения наблюдаемому природному феномену. Полагаю, что часто прослеживаемый перерыв в осадконакоплении на памятниках лесной зоны Восточной Европы, падающий на финал плейстоцена – пре-

бореальный период голоцена, может объясняться наличием в это время сосновых массивов, которые не способствуют образованию мощных гумусных горизонтов. Это период, когда замедлены процессы почвообразования и, следовательно, накопление культурных слоев и пыльцы идет крайне медленно или не происходит вообще. Такие слои в силу их незначительности легче уничтожаются в результате природных процессов. Картина меняется с началом бореального времени, когда из-за изменения экологии, усиления обвоженности и сокращения ареала сосны все активнее распространяется береза, что приводит не только к появлению более обширных открытых пространств, вызывающих неизбежную активизацию процессов разрушения рыхлых отложений, но и усиливается процесс почвообразования и седиментации. В этих условиях древние материалы, фактически залегавшие на поверхности или прикрытые тонким дерном, оказались не просто погребенными отложениями молодого возраста, но и заключенными, из-за активизации процессов почвообразования, в гумусные горизонты этого времени. Именно так можно объяснить условия, когда археологические находки в Брагино и других памятниках оказываются соотнесенными с молодой, по сравнению с их возрастом, бореальной почвой. Следовательно, критическое отношение к источникам и в палинологии должно иметь свое место.

Рассуждения о закономерностях в образовании культурных слоев и процессах омоложения их возраста ни в коей мере не отрицают необходимости палинологического датирования памятников, а являются лишь попыткой разобраться с отдельными противоречиями, возникающими на стыке разных дисциплин. Они также предостерегают, что естественнонаучным методам, как и любым другим, нельзя безоглядно верить. Их использование тоже требует критического подхода, особенно когда речь касается установления фактов.

Вопрос о взаимоотношении населения бутовской и иеневской культур впервые был поставлен и рассмотрен Л.В. Кольцовым. Он считает их сугубо враждебными и рисует мрачную картину конкисты и реконкисты в духе раннего средневековья (Крайнов, Кольцов, 1983; Кольцов, 1989). Имеющиеся данные не подтверждают, однако, этой эпопеи. Анализ источниковедчески надежных данных, выполненный автором (Кравцов, Сорокин, 1991), исключает тезис Л.В. Кольцова об агрессивности населения иеневской культуры, его вторжении в Волго-Окский бассейн и вытеснении бутовского населения на восток региона (Кольцов, 1989). Не подтверждает крупных перемещений и картографирование надежных в источниковедческом отношении бутовских и иеневских стоянок. О вторжении населения иеневской культуры в Волго-Окское междуречье и вытеснении им населения бутовской культуры не может быть речи еще и потому, что иеневские стоянки, судя по дате Усть-Тудовки 1 (Жилин, Кравцов, 1991), появились здесь, по-видимому, не позднее молодого дриаса, то есть раньше бутовских.

Возникает, однако, вопрос, к какому времени относятся контакты бутовской и иеневской культур, если они вообще были? И служит ли доказательством таких контактов наличие «памятников смешанной традиции», которые имеются в Волго-Окском бассейне? Под «памятниками смешанной традиции» следует понимать комплексы, которые, обладая доминантой признаков иеневской или бутовской культур, содержат четко выраженные инокультурные черты. Например, типично иеневские косолезвийные наконечники в стоянках бутовской культуры имеются в комплексе второго жилища Петрушино и в верхнем слое Истока 1. Несколько «иеневских изделий» встречено и в бутовской стоянке Беливо 4А. Но более многочисленны иеневские комплексы, в которых имеются постсвидерские наконечники стрел. Присутствие постсвидерских наконечников в иеневских материалах можно объяснить по-разному. Оно может быть вызвано и смешанностью комплексов, и их генезисом из стоянок типа Коромка Верхнего Поднепровья (при условии чистоты последних), и стадиальностью явления, и, наконец, влиянием населения какой-либо из т.н. постсвидерских культур. Полагаю, что вероятность случайной примеси достаточно высока и, по-видимому, она реальнее других обстоятельств. Однако можно указать и отдельные факты, которые традиционно принято рассматривать как свидетельство контактов. К таким фактам «прямого действия» было отнесено, например, присутствие плоской ретуши на типичных иеневских асимметричных наконечниках с боковой выемкой в Комягино 2Б, Дмитровской 1, на косолезвийном наконечнике в Сельцо 3, на микролитах в Беливо 4А. Если гипотетически допустить возможность контактов иеневского населения с населением какой-либо из т.н. поствидерских культур, то в Волго-Окском междуречье ею, скорее всего, могла быть именно бутовская культура, хотя т.н. постсвидерские наконечники есть и в рессетинских, и в пургасовских материалах. Ибо изученность бутовской культуры несравненно лучше. Эпизодичность постсвидерских наконечников в иеневских комплексах на фоне эволюционного развития постаренсбургских наконечников и трапеций может свидетельствовать в тех случаях, когда однозначно исключена смешанность коллекций в пользу спорадического заимствования этой формы. Учитывая одинаковую вероятность всех этих гипотетических вариантов, просматривается следующее возможное решение проблемы.

Очевидно, наиболее простое объяснение встречаемости тех или иных типов одной культуры в комплексах другой культуры заключается в механическом смешении материалов. Как выясняется, этот вариант не только наиболее простой, но и наиболее вероятный (Сорокин, 2000а, б; 2002а). Сходную ситуацию мы имеем довольно часто. Например, в памятниках типа Нобель 1 Украины и Белоруссии механически смешаны свидерские и яниславицкие материалы, в памятниках днепро-деснинской культуры – свидерские и аренсбургские материалы, в ряде скоплений на стоянке Мирное – гребениковские и кукрекские материалы и т.д. Иногда материалы памятников бассейнов крупных рек вообще сплошь и рядом смешаны, и «чистыми» остаются лишь единичные мелкие комплексы. Такую картину мы имеем, вероятно, в Посожье. Разными исследователями здесь выделены днепро-деснинская и гренская культуры, памятники типа Красновки 1 и Латки (Гурина, 1965; 1966; Копытин, 1977; 1992; Ксензов, 1988; 1994; 1996; 1997; Археалогія Беларусі, 1997). Однако, если подойти к имеющимся здесь коллекциям как преимущественно смешанным, можно представить иную культурную схему этого региона. В этом случае все известные на настоящее время памятники Белорусского Поднепровья распадаются на четыре группы. Первая, наиболее многочисленная, включает стоянки свидерского облика без асимметричных наконечников с боковой выемкой – это Яново, Дальнее Лядо, Журавель, Барколабово и Лудчица. Стоянка Яново отнесена Л.Л. Зализняком к памятникам типа Смячки XIV, которые представляют собой либо финальный этап свидерской культуры и, следовательно, относятся еще к финальному палеолиту, либо символизируют уже переход к мезолиту и, соответственно, должны датироваться пребореальным временем. Однако в любом случае эти памятники сравнительно «чистые», без инокультурной примеси. Поэтому их правомернее связывать со свидерской культурой и датировать не позднее конца плейстоцена. При этом отсутствие челновидного свидерского нуклеуса объяснимо характером сырья – очень малым размером гальки в Посожье, что и стало, по-видимому, непреодолимой преградой для челновидного ядрища. Все остальные типы изделий свидерской культуры присутствуют в памятниках типа Яново – Барколабово, что и позволяет связывать эти памятники со свидерской культурой.

Вторая группа представлена стоянками типа Боровка, где нет свидерских или постсвидерских признаков, а имеются лишь асимметричные наконечники с боковой выемкой или их производные. Происхождение этой группы связано с аренсбургской культурой, а ближайшие аналогии, по справедливому замечанию Л.Л. Зализняка, имеются в памятниках типа Песочного Рва (Зализняк, 1989; 1996). Вероятно, их справедливо считать т.н. восточным вариантом аренсбургской культуры и помещать, как и свидерские, в конец плейстоцена – начало голоцена. За этой группой можно сохранить название гренской культуры. Не возражая в целом против мнения Л.Л. Зализняка о генезисе этой культуры от аренсбургской, отмечу, что конкретное связующее звено – стоянка Боровка – выбрано им неудачно, так как в ней имеется высокая трапеция и, следовательно, она не может быть наиболее ранней в ряду других гренских.

В третью группу входят памятники типа Коромка – Гренск, Печенеж (?) и, вероятно, Горки, для которых характерно сочетание аренсбургских и свидерских признаков. Гренская стоянка, безусловно, смешанная, вероятность смешанности остальных тоже очень высока. Объясняется это тем, что памятники находятся у «живой» воды и, следовательно, очень высока вероятность неоднократных посещений одного и того же места в разное время. Идею механической смешанности материалов этих памятников подтверждает и отсутствие гибридных форм, содержащих бикультурные признаки. Днепро-деснинскую культуру, в которую традиционно объединяют эти памятники, следует считать источниковедчески несостоятельной и рассматривать лишь как момент историографии, а не объективной реальности.

Наконец, четвертую группу образуют немногочисленные, но не вписывающиеся в три названные группы коллекции, такие как Красновка 1, Замошье 2 или Латки. Они явно разнокультурные и не похожи на материалы свидерской, днепро-деснинской и гренской культур. Если подойти к памятникам этой группы с точки зрения источниковедческой критики, то можно вычленить в каждой из этих коллекций не менее двух компонентов. Наличие бикомпонентности обязывает более строго доказывать единство этих материалов, чего пока белорусскими исследователями сделано не было. Следовательно, предположение об их возможной механической смешанности тоже вполне правомерно.

Представляется очевидным, что финальный палеолит и мезолит Белоруссии не выходят в культурном отношении из Европейской схемы, и список культур, население которых обитало здесь в это время, соответствует тому, что известно на сопредельных с Белоруссией территориях Польши и Украины. Всего их было, вероятно, четыре – это свидерская, аренсбургская, коморницкая и яниславицкая культуры. Все прочие т.н. синкретические культуры есть не что иное, как результат источниковедческой ненадежности материала. В самом деле, смесь «свидера» и «аренсбурга» дает т.н. днепро-деснинскую культуру, смесь «свидера» и «яниславицы» – т.н. памятники типа Красновки,

смесь «свидера» и «коморницы» – т.н. кундскую культуру и т.д. Если подойти к синкретическим материалам как механически смешанным, то станет очевидной причина возникновения «культурного разнообразия», наблюдаемого повсеместно в Поднепровье. Повторяемость коллекций объяснима тем, что материалы четырех вышеназванных культур механически смешивались на одних и тех же удобных для заселения участках, что и определило их «дополнительную вариабельность».

Вполне допустимо предположить, что масса памятников в Волго-Окском междуречье также являются смешанными. Очевидно, что и здесь наличие «чистых» памятников является не рядовым явлением, а исключением, и главная задача источниковедческой критики заключается как раз в доказательстве «чистоты» любого материала. Мне представляется, что нельзя исключить смешанности материалов ни для одной из зандровых стоянок (Сорокин, 2000а, б; 2002а).

Критерии разделения таких смешанных комплексов в силу объективных причин в ряде случаев отсутствуют. Массовые материалы, по большей части, встречаются в любой из мезолитических культур и, следовательно, не имеют своего культуро-специфического облика. А единичные орудия, придающие культурное своеобразие комплексам, могут оказаться в них и случайно. В первую очередь это относится к охотничьему вооружению. Очевидно, помочь разобраться в заимствовании тех или иных форм можно в том случае, если на классической форме одной из культур встречен технологический прием другой культуры. Тогда мы будем иметь «чистое свидетельство» контакта разнокультурного населения. Однако источниковедческий анализ показал, что находки-маркеры либо вообще отсутствуют в синкретических памятниках, либо единичны и их «синкретизм» объясним иными, чем аккультурация, причинами. Во всяком случае, т.н. метисных изделий намного меньше, чем коллекций с би- или поликультурными признаками. И, следовательно, единичность т.н. вещей-маркеров свидетельствует против их «метисности».

Здесь уместно совершить небольшой экскурс в общую теорию мезолитоведения и рассмотреть, что представляет собой мезолитический памятник и чем определяется его специфика в качестве источника. Мезолитоведы, включая автора этих строк, считают, что мезолит является важным этапом в развитии первобытного общества. Это была эпоха коренных изменений материальной культуры, своеобразная адаптивная реакция человека на глобальные экологические изменения рубежа плейстоцена – голоцена. Мезолит лесной зоны Восточной Европы не был эпохой кризиса и деградации. Это закономерный поступательный этап в развитии обществ, живших на периферии ойкумены того времени. Выявление характерных черт культуры и хозяйства мезолита лесной зоны позволяет ярче представить содержание закона неравномерности исторического развития. Однако и при исследовании глобальных проблем важно не только придерживаться принципа конкретно-исторического подхода, реальной оценки наблюдаемого в поле, но и соблюдать принцип достоверности источника. Археологические источники специфичны уже потому, что они вещественные. Тем не менее этим далеко не исчерпывается их специфика. На состояние археологических источников огромное влияние оказывает не только их сохранность, но и природная среда, формирующая, вмещающая и трансформирующая их. Немаловажную роль в судьбе источника играет и такой субъективный фактор, как полевая методика. От того, как памятник раскопан и зафиксирован, всецело зависит и его интерпретация.

Анализ показывает, что наибольшее количество известных в настоящее время мезолитических памятников Европы сосредоточено в зандровой зоне. В рассматриваемое время на всем необъятном пространстве Европейских зандровых низменностей от Британии до Приуралья протекали одни и те же процессы. Эти процессы привели в конечном итоге не только к выработке определенного образа жизни населения, обитавшего здесь, но и вызвали проявление общих закономерностей в формировании, сохранности и специфике тех источников, которые мы исследуем. Например, стратиграфия всех зандровых памятников определяется не столько археологическими признаками, сколько естественными почвенными профилями и литологией вмещающих песчаных отложений. А закономерности распределения артефактов на памятниках отвечает термин «горизонт залегания находок». Традиционные полевые методики раскопок по штыкам, условным и литологическим горизонтам, широко применяемые в XX веке, не отвечают главному – сохранению информации о структуре слоев и пространственном распределении в них материалов. Как правило, в результате раскопок с использованием этих методик мы получаем не «модель исследованного объекта», которая сохраняет закодированную в памятнике информацию, но фактически при раскопках искажается и утрачивается то наиболее ценное, что в нем содержалось, а именно его структура. Голоценовые почвы, к которым приурочены мезолитические стоянки, представляют собой динамичную среду, подверженную разного рода трансформациям. Объективная археологическая реконструкция возможна лишь при условии, что зафиксирован конечный результат метаморфоз и определено, какие процессы и в какой мере влияли на разру-

шение культурного слоя и перемещение в нем объектов и артефактов. Современная практика показала, что методика пространственной фиксации и графического моделирования дает возможность выявить наличие и оценить степень этих негативных последствий.

При изучении мезолитических памятников мы постоянно сталкиваемся с би- или поликультурными комплексами, то есть такими, в которых имеются признаки двух или нескольких разных культур. Обычно их наличие служит основанием для утверждения о взаимодействии разных групп древнего населения. Полевая практика, однако, показывает, что в условиях зандров постоянно существуют предпосылки для механического смешения материалов и метисация осуществляется естественным путем – без вмешательства человека. Анализ археологических источников и литературы свидетельствует, что роль природных факторов в генезисе синкретических памятников ранее серьезно недооценивалась.

Культурное многообразие, которое наблюдается на территории полесий, могло быть вызвано рядом причин: 1) географической локализацией памятников, 2) их разновременностью, 3) геоморфологическими условиями, 4) наличием контактных зон и, наконец, 5) смешанностью материалов. Разработка этой проблематики и экстраполяция полученных данных на восточноевропейские материалы в ходе работы над темой позволили выйти на общеметодологические проблемы источниковедения мезолита.

Под источниковедением в археологии следует понимать теорию и методику изучения и использования археологических источников, а под источниковедением мезолита – специфику в качестве источников памятников названного времени. Поскольку большинство мезолитических стоянок Восточной Европы располагается на территориях зандровых низменностей и связано с песчаными отложениями, необходимо установить, как проявляется приуроченность к зандровым ландшафтам в формировании и в характере источника, который мы исследуем.

Изучение полесий Восточной Европы показывает, что для них абсолютно стандартна ситуация поликультурности. Во всех сравнительно полно изученных регионах присутствуют не только «чистые» памятники разных культур, но и всегда имеются памятники с метисными признаками. Повторяемость полиморфных «комплексов» создает эффект их «объективной реальности». Однако в ряде случаев синкретические «комплексы», даже при условии их повторяемости, возникают не в результате взаимодействия древнего населения, а образуются как итог метаморфоз источника и парадокс источниковедения.

В тех случаях, когда факт смешанности не очевиден, наличие метисных памятников обычно интерпретируется как свидетельство связей населения, а регионы, где они присутствуют, называют «контактными зонами». Термин «контактная зона» заимствован из этнографии, где он обозначает географическое пространство, в пределах которого происходит взаимодействие разных этносов (Андрианов, Чебоксаров, 1975). Специфика понятия «контактная зона» в археологии состоит в том, что она не дана археологу непосредственно, а реконструируется в результате определенных исследовательских процедур. Впрочем, и для этнографов вопросы этнокультурных контактов, характер возникающих при этом связей и следы их материализации представляют одну из самых сложных областей исследования, которая требует фронтального сопоставления всех данных (Чистов, 1993). Что же тогда говорить об археологии, где объектом исследования являются даже не сами процессы взаимодействия народов, а всего лишь их специфические следы.

На территории Восточной Европы нет зандровых низменностей, в которых бы не было признаков «контактных зон», кроме локальных и слабо обследованных участков. Поэтому логично предположить, что имело место не массовое взаимодействие разнокультурного и, по свидетельству социальной психологии, сплошь и рядом враждебного населения, а нечто другое, более реальное, но менее уловимое, как при традиционном подходе, когда любой случай сочетаемости разнокультурных находок воспринимается как контакт популяций. Конечно, нелепо вообще отвергать контакты населения в древности, но были ли они столь часты, чтобы число синкретических памятников приближалось или даже превышало число памятников, где таких признаков нет? И достаточно ли для констатации взаимодействия сочетания разных находок на памятнике? Ответ очевиден.

Методологически важно то, что контактировать может только одновременно живущее население, а люди, отделенные друг от друга во времени, не могут непосредственно взаимодействовать друг с другом. Тем не менее археологически довольно обычна ситуация, когда на одном памятнике в пределах одного слоя присутствуют заведомо разновременные материалы. Это позволяет предположить, что метисация может возникать и по не зависящим от человека причинам. Т.о., синкретические материалы могут образовываться в результате культурных и «внекультурных» процессов. Разницу в природе наблюдаемых археологически явлений при формальном сходстве их результатов следует подчеркнуть особо: и при участии людей, и при «игре природных сил» результат в обоих случаях будет одним – при раскопках будет получена

синкретическая коллекция. Следует заметить, что без сознательного ограничения разделение археологически наблюдаемых признаков на природные и историко-культурные невозможно. Поэтому в качестве такого ограничения были предложены гибридные (метисные) находки и технологии, которые являются своеобразными «маркерами контактов» разных этносов. Их отсутствие в поликультурных комплексах может расцениваться как указание на естественную природу наблюдаемого явления (механическое смешение материалов), а присутствие – со всей очевидностью указывает на генетическую связь (Сорокин, 2000а, б; 2002а).

Нет сомнения, что контакты населения начинались не с мгновенного появления метисных предметов и технологий, а с обмена отдельными готовыми изделиями. Тем не менее, если на памятнике имеется только сочетание разнокультурных некомплектных находок и нет «находок-маркеров», вряд ли оправданно считать это бесспорным свидетельством культурного взаимодействия в силу высокой вероятности механического происхождения таких материалов. При нынешней изученности мезолита Восточной Европы, отсутствии серий независимых дат, позволяющих строго синхронизировать отдельные памятники, нельзя отличить, когда имел место обмен вещами, а когда случайное смешение находок, оставленных подвижным мезолитическим населением, посетившим одно и то же место. При этом ссылка на этнографические данные о самой возможности контактов разных этносов неуместна, так как мы не знаем ни конкретной численности древнего населения, проживавшего на любой территории, ни их одинакового возраста, то есть была ли вообще возможность для взаимодействия разных популяций. По мере общественного развития население возрастало и возможность возникновения контактов повышалась, но это не значит, что она была и реализовалась в древности постоянно. И это не значит, что любой синкретический памятник и даже их серия механически не смешаны. Традиционно, однако, само присутствие стоянок с би- или поликультурными признаками интерпретируется как свидетельство контакта (Кольцов, 1998). Уместно, однако, спросить, а на чем основывается такой вывод? Сказать, что только на интуиции конкретного исследователя, было бы справедливо лишь отчасти. Ведь археолог при раскопках действительно наблюдает и фиксирует эти «комплексы». В тех случаях, когда синкретические материалы повторяются, создается подобие аксиомы. Тем не менее это либо ошибка, возникшая вследствие неверной интерпретации наблюдений, либо сознательное искажение фактов. Данный источниковедческий аспект всегда нужно иметь в виду, чтобы не абсолютизировать наблюдаемое, а четко понимать, с каким источником в каждом конкретном случае мы имеем дело и каким метаморфозам он мог подвергнуться прежде, чем стал достоянием археолога-исследователя и археолога-читателя.

Отсутствие четких критериев для различения результатов процессов аккультурации и механического смешения обязывают воздерживаться от констатации обмена или контакта по тем материалам, в которых нет «находок-маркеров». В результате обмена, то есть эпизодических связей, сложения новой материальной культуры не будет. Новая культура – это не столько итог постоянного взаимодействия разных популяций, сколько процесс их слияния и рождения нового качества. Таким образом, ответ на вопрос, могут ли быть массовыми контакты древнего населения при отсутствии «вещей-маркеров», напрашивается сам собой. Не могут. Присутствие на зандровых низменностях множества синкретических памятников заставляет предположить, что здесь протекали иные, но вполне объективные процессы, результатом которых было естественное образование поликультурных материалов. Очевидно, что в качестве такого глобального и объективного явления могут рассматриваться природные процессы. Их негативное воздействие и может быть тем механизмом, который вызывает трансформацию археологических памятников, приводит к образованию синкретических источников. Поскольку почвенные процессы – это природные явления, которые происходят в голоцене при известных условиях повсеместно, можно предположить, что их воздействие не просто закономерно и проявляется повсюду, но именно они служат главной причиной метаморфоз, происходящих с памятниками. Почва – это динамичная, открытая система, в которой действует множество процессов, перемещающих из одного места в другое не только почвенные материалы, но и артефакты, включая объекты. В ходе формирования почв действуют две противоположные тенденции: горизонтизация, или, иначе, дифференциация на профили, и гомогенизация, когда образование горизонтов затрудняется и их содержимое перемешивается. Процессы гомогенизации имеют общее название «педотурбация», являющееся синонимом термина «перемешивание почвы» (Роде, Смирнов, 1972).

Судя по естественнонаучным данным, всеобщий характер почвообразования и педотурбации является тем конкретным и основным, правда, далеко не единственным механизмом, который обладает способностью метаморфозы – превращения слоя из той субстанции, как он сформировался, в то состояние, в котором он достается археологу для непосредственного изучения. Культурные слои под воздействием почвенных процессов существенно видоизменяются, а культурные остатки в них могут погружаться в почву и концентриро-

ваться в глубинных слоях или, напротив, выталкиваться на поверхность, могут переориентироваться и перемещаться в разных направлениях, наконец, дифференцироваться по размерам и расслаиваться на фракции. Результатом этого могут быть ложные ассоциации артефактов с сопутствующими искажениями в интерпретации. Поэтому точная оценка педотурбации отложений на каждой стоянке абсолютно необходима для правильной археологической реконструкции.

Совместные исследования почвоведов и археологов показывают, что с почвенными процессами связано объективное действие «механизма поликультурности». Для понимания причины его «запуска» крайне важно следующее обстоятельство. Любой полевой исследователь постоянно сталкивается с фактом, которому до сих пор не придавалось должного значения. Этот факт заключается в том, что и во время разведок, и при раскопках находки начинают встречаться уже на современной дневной поверхности. Совершенно очевидно, что это не обман зрения, а закономерная и абсолютно стандартная ситуация. Присутствие находок на дневной поверхности и есть главный признак дистурбации слоя. Но из этого наблюдения неминуемо следует крайне важный вывод: в древности ситуация была абсолютно такой же. И в древности часть артефактов тоже находилась на поверхности. Причина этого заключается не в том, что накопление перекрывающих отложений вообще не происходило или что оно шло слишком медленно, а в том, что в голоцене постоянно действуют процессы почвообразования и педотурбации. Поскольку их действие наиболее активно проявляется в поверхностном слое, это обеспечивает «вынос» части изделий вверх, на дневную поверхность. Из-за почвенных процессов при обычной скорости накопления перекрывающих отложений в каждый конкретный момент человек, приходя на место, которое до него уже было кем-то однажды занято, селился непосредственно на культурном слое предшествующего времени. Постоянство почвенных процессов и стандартное отсутствие из-за этого перекрывающих отложений являются главными причинами непосредственного «контакта» разновременных вещей и образования метисных «комплексов». Если для обозначения культурного взаимодействия в науке употребляется термин «аккультурация», то для обозначения природного генезиса «поликультурности» был предложен термин «натурация» (от латинских слов nature – природа и ratio – мысль, замысел), или иначе – ***природный «замысел»*** (Сорокин, 2000а, б; 2002а). Натурация – это объективный природный закон образования «поликультурных археологических источников». Из-за случайного планиграфического совпадения или наложения одно- и разновременных, одно- и разнокультурных находок под воздействием природных процессов запускался «механизм поликультурности» и происходило формирование археологических источников особого рода. Планиграфическое совпадение неминуемо возникало в наиболее удобных для жизни местах конкретного водоема, поэтому постоянно реализовывалась ситуация дублирования поликультурных «комплексов». Действие природных факторов носит объективный характер, поэтому мы постоянно сталкиваемся с фактами естественного «генезиса поликультурных комплексов» или феноменом натурации.

При неоднократном использовании одних и тех же мест одним и тем же населением нивелируются хронологические различия в комплексах и происходит планиграфическое «смазывание» разновременных и разнофункциональных скоплений. В действие как бы включается механизм «культурной нивелировки». При посещении одних и тех же мест населением разных культурных традиций из-за натурации нивелируются культурные, хронологические и функциональные различия между ними. Это приводит к «возникновению» синкретических коллекций. В таких случаях мы наблюдаем действие механизма «естественной поликультурности». И «культурная нивелировка», и «естественная поликультурность» – главные причины информационного шума, «размытости» признаков и культурного многообразия. Подтверждением этому служат наблюдения, полученные при раскопках торфяниковых стоянок. Их суходолы, как правило, стратиграфически «смазаны», а находки в них смешаны, шлейфы, напротив, дают прекрасную стратиграфию разновременных слоев и находок.

В пределах полесий не так много участков, удобных для заселения, причем всегда есть те, которые доступны в течение длительного времени. Именно здесь сосредоточены наиболее выразительные т.н. многослойные памятники. Археологи, раскапывая повторяющиеся «комплексы» одного периода с синкретическими признаками, могут воспринимать наблюдаемое как реально установленные факты, и лишь вопрос времени, когда их количественные наблюдения приведут к «качественному» выводу о «закономерности поликультурных комплексов». Таким способом возникает источниковедческий эффект «генезиса» метисных археологических культур.

Крайне негативную роль в появлении синкретизма играет и полевая методика. При раскопках на косой штык или по условным и литологическим горизонтам происходит разрушение пространственной структуры распределения находок. В результате этого памятник из стратифицированного искусственно превращается в нестратифици-

рованный, а коллекция – в «метисную». Недаром чаще всего четкие «поликультурные» признаки дает подъемный материал, то есть тогда, когда археолог изначально имеет дело с механически образованной коллекцией, оторванной от контекста.

Для приведения в действие «механизма естественной поликультурности» необходимо:

1) планиграфическое совпадение двух или большего числа памятников разных культур;

2) «включение» слоев памятников в почвенные профили;

3) присутствие в качестве заполнителя рыхлых отложений;

4) действие процессов педотурбации, развеивания, аллювиальных, делювиальных и др.

Опыт показывает, что обязательным является лишь первое условие, а остальные могут присутствовать либо все, либо выборочно. Результат также может быть полным или частичным.

Проверка гипотезы «естественного генезиса поликультурности» осуществлена на примере Литвы, памятники которой опубликованы в классической монографии Р.К. Римантене (1971). Названный регион не входит в главный пояс полесий Восточной Европы, но в геоморфологическом отношении это абсолютно та же зандровая низменность, поэтому использование территории Понеманья в качестве контрольного полигона, с учетом других причин, вполне оправданно. В палеолите региона Р.К. Римантене выделяет стоянки аренсбургской и свидерской культур, в раннем мезолите – маглемозской культуры и в конце мезолита – памятники синкретической неманской культуры. Опущу конкретный анализ (Сорокин, 2002а) и перейду непосредственно к выводам.

1) Отсутствие «находок-маркеров» позволяет рассматривать появление синкретических материалов не как результат взаимодействия древнего населения, а как итог механического смешения.

2) «Метисация» материалов наблюдается прежде всего тогда, когда помимо сравнительно большой площади скоплений присутствует приуроченность стоянок к удобным формам рельефа.

3) Утверждение Р.К. Римантене о взаимосвязи аренсбургского, свидерского и маглемозского населения не подтверждается наблюдениями.

4) Так называемое взаимодействие мезолитических яниславицких и финально-палеолитических элементов – итог источниковедческой ненадежности коллекций неманской культуры.

5) Вывод Р.К. Римантене о том, что «Литва и западная часть Белоруссии составляли единую контактную зону» преждевременен.

Означает ли сказанное полное отрицание контактов древнего населения Литвы? Конечно, нет, но основанием для выводов о контактах должен быть строгий источниковедческий анализ, серия дат и массовое присутствие «метисных» изделий. Только в этом случае культурная схема любого региона превратится из гадания и правила «сложения культур» (Кольцов, 1979) в доказанную на фактах этнокультурную картину.

Феномен натурации сказывается наиболее существенно на памятниках полесий, но натурация характерна не только для зандровых низменностей, она носит всеобщий характер. В качестве примера действия натурации в других геоморфологических районах можно привести широко известную мезолитическую стоянку Мирное, которая расположена на Причерноморской низменности.

По данным исследователя памятника В.Н. Станко, образование опесчаненного суглинка – культурного слоя – произошло в раннем голоцене. С почвенными процессами среднеголоценового времени связано накопление светло-коричневых суглинков (погребенной почвы), перекрывших культурный слой и *«содержащих довольно значительное количество кремневых изделий»* (Станко, 1982, с. 8). Эта оговорка автора монографии весьма симптоматична: несмотря на все последующие утверждения В.Н. Станко о целостности и непереотложенности культурного слоя памятника, она однозначно свидетельствует о факте его разрушения и имевшемся (причем неосознанно зафиксированном) перемещении находок.

Процесс формирования погребенной почвы был прерван накоплением торфянистых суглинков, отложившихся в период новочерноморской трансгрессии и содержащих энеолитические находки. В результате этого – по мнению В.Н. Станко – разрушение культурного слоя было остановлено и произошла его консервация. С этим утверждением автора вряд ли можно согласиться, так как в этом же абзаце он продолжает: *«Малочисленность находок мезолитического времени в верхних горизонтах... следует объяснять разрушением культурного слоя землеройными животными, кротовины которых здесь достаточно многочисленны»*. Если же учесть замечание В.Н. Станко о том, что *«в период новочерноморской трансгрессии территория поселения была затоплена водами Черного моря, что привело к консервации культурного слоя»*, станет очевидной вся ошибочность его утверждений и о консервации мезолитического слоя и его несмешанности. Если бы мезолитический слой был действительно «законсервирован отложениями новочерноморской трансгрессии» никакие мезолитические находки в верхних горизонтах бы не встречались! А раз они встречены – о чем говорит факт их присутствия, – процесс разрушения мезолитического культурного слоя (вернее, слоев) шел и в это время. Чтобы это утверждение не прозвучало голословным, уместно привести данные В.Н. Станко о том, что в верхних слоях, *«раскапы-*

вавшихся лопатой и легко удалявшихся без предварительного вскапывания (Станко, 1982, с. 14)... *было найдено 4175 каменных изделий»* (Станко, 1982, с. 66). При том условии, что сам мезолитический слой дал 20593 каменных предмета, хотя раскапывался он исключительно ножами и совками, соотношение цифр более чем впечатляющее: свыше 20 % всех находок оказалась вне пределов мезолитического слоя. Фактическое же соотношение, учитывая разницу методик раскопок, должно быть еще более шокирующим. Нет сомнения и в другом: когда торфянистые суглинки перекрыли мезолитические слои, находки в них уже были перемешаны и т.н. консервация ничего уже не могла, по сути, изменить. Предполагать, что происходил вынос находок из слоя без перемешивания части из них в пределах самого слоя, явно абсурдно. Этот вывод подтверждает и фото 3, где изображены очажные пятна. На нем очень хорошо видны не только ходы землеройных животных в слое и вокруг очагов, но и то, что периметр пятен остался «не добран», что позволяет сделать однозначный вывод: мезолитические находки на стоянке Мирное были смешаны и переотложены как вне мезолитического слоя, так и внутри него.

Вывод о смешении материалов кукрекской и гребениковской культур, вопреки мнению В.Н. Станко, подтверждает и приведенный в монографии планиграфический анализ инвентаря. Всего исследователем в раскопе выделено 4 «чистых» скопления каменных изделий и 14 – со «смазанными» микроструктурами. В.Н. Станко считает присутствие разных видов скоплений доказательством «надежности планиграфической структуры поселения и признаком четкого обособления разных общин по территории поселения», а факт совместного залегания разнокультурного инвентаря – свидетельством «локализации разноэтничных семей, местом их совместного проживания» (Станко, 1982, с. 66, 117–131). С таким утверждением В.Н. Станко можно было бы согласиться, если бы кроме т.н. смазанных скоплений были найдены «вещи-маркеры», но именно их на памятнике как раз и нет. Если бы хоть одна находка с бикультурными признаками была, В.Н. Станко, при его скрупулезности, не мог бы пройти мимо такого факта. Нет и гибридных технологий. Следовательно, нельзя признать факт совместного залегания в Мирном разнокультурных вещей за свидетельство контакта населения, их оставившего. Особенно, если это относится к памятнику, на котором самим исследователем отмечены четкие признаки нарушения слоя в результате фаунотурбации. Более того, в тексте монографии написано: «Чрезвычайно интересные и в какой-то мере неожиданные результаты были получены при морфологическом анализе каменного инвентаря отдельных скоплений и их групп. Выяснилось, что кремневый инвентарь неоднороден и четко делится на две группы как по технике первичной обработки камня, так и по набору изделий с вторичной обработкой. Обе технологические традиции изготовления каменного инвентаря прослежены как в изолированных скоплениях, так и в «смазанных» зонах. Кукрекские изделия встречаются только с «кукрекским набором», гребениковские – с «гребениковским набором» (Станко, 1982, с. 78, 79). Комментарии, как говорится, излишни.

Не вызывает сомнения, что гребениковские и кукрекские материалы оказались механически смешаны в результате фаунотурбации, которая привела к образованию 14 бикультурных «комплексов». Случайная «чистота» четырех скоплений объясняется их планиграфическим несовпадением друг с другом.

Все изложенные факты позволяют считать, что в Мирном из-за активного растаскивания землеройными животными произошло механическое смешение разных слоев и находок, детально зафиксированное и описанное, но так и не понятое автором полевых работ. Следовательно, Мирное можно интерпретировать как остатки нескольких разновременных сезонных стоянок разных групп кукрекского и гребениковского населения, которые непосредственно не взаимодействовали между собой. Коллекция с бикультурными признаками образовалась в результате натурации. Подтверждением данного вывода служит и ремарка самого В.Н. Станко о том, что «тип поселения в Мирном не имеет близких аналогий среди памятников гребениковской и кукрекской культур» (Станко, 1982, с. 80). Вероятно, малочисленность населения обеих культур и подвижный образ жизни позволили создать «эффект наложения разнокультурных стоянок» только в одном, исследованном к 1982 г., месте – стоянке Мирное. Ибо Мирное, в отличие от других северо-причерноморских стоянок, занимает наиболее выгодное географическое положение в устье р. Дракули. Следовательно, реконструкцию В.Н. Станко экономического и социального устройства в мезолите степей Северного Причерноморья нельзя признать достоверной.

Характер отложений, в которых залегают слои большинства мезолитических стоянок Восточной Европы, непосредственным образом сказывается на состоянии изучаемого археологами источника. Естественное возникновение поликультурных комплексов – это объективная сторона источника по мезолиту Восточной Европы. Культурное многообразие, которое наблюдается на примере полесских стоянок, сплошь и рядом бывает мнимым, сугубо источниковедческим, а никак не культурно-историческим. Главный парадокс источниковедения состоит в том, что археологические источники

образуются не только и даже не столько при жизни человека, сколько тогда, когда культурный слой памятника уже сформировался. Момент «прижизненного формирования источника», безусловно, важен, так как он определяет тип памятника. Однако это лишь начальное звено в цепочке метаморфоз, происходящих с источником. Главным движущим механизмом метаморфоз, воздействующим на «потенциальный источник», являются почвенные процессы. Прежде чем какие-либо артефакты и слои (= памятник) станут археологическим источником, место, на котором располагается этот потенциальный источник, испытывает воздействие природной среды. Трансформация выражается в видоизменении заполнителя культурного слоя и пространственном перемещении материальных остатков, содержащихся в нем. Для голоценовых памятников главным движущим механизмом метаморфоз, воздействующих на «потенциальный источник», являются процессы почвообразования, идущие в двух диаметрально противоположных направлениях: 1) горизонтизации, когда материалы почвы дифференцируются на профили, имеющие горизонты, и 2) гомогенизации, когда образование горизонтов затрудняется, и их содержимое может перемешиваться или нарушаться. Их совокупность приводит не только к видоизменению самого слоя (заполнителя), но и к изменению пространственной структуры его объектов. Если процессы дифференциации ведут к видоизменению собственной окраски культурного слоя, то процессы гомогенизации (почвенной дистурбации) – это основной механизм, приводящий в действие (генерирующий) новое природное состояние памятника. Под их воздействием археологический слой приобретает почвенную окраску, не имеющую ничего общего с археологической стратиграфией. А находки – из «поверхностной линзы» перераспределяются внутри заполнителя и «повисают» в нем. Как правило, древняя дневная поверхность («поверхность жизни») соответствует максимуму распределения находок. Находки, которые археолог фиксирует выше и ниже этого максимума, за редчайшим исключением, являются «взвесью», возникшей в результате педотурбации.

Между тем хорошо известно, что на любом голоценовом памятнике, даже на самом древнем из них, часть находок вынесена на современную дневную поверхность. Это и есть прямое следствие воздействия почвенной турбации на слой и артефакты. Это же обстоятельство является главным, благодаря которому происходит «естественный генезис поликультурных комплексов». Натурация – тот природный механизм, который генерирует поликультурные комплексы. Это она служит причиной повсеместно наблюдаемого в европейских полесьях «культурного многообразия». В процессе анализа и полевой практики достоверно установлено, что для образования «поликультурного комплекса» в результате натурации требуется лишь повторное заселение конкретного места. А повторное заселение одних и тех же удобных мест в полесьях – явление вполне рядовое.

Археологическая фиксация «поликультурного комплекса», возникшего в результате натурации, вещь вполне обыденная. Вместе с тем это и есть главный шаг в создании неадекватной исторической картины. Другой, не менее важный, механизм образования «поликультурных комплексов» – это методика полевых исследований. И сборы подъемного материала, и «научные» раскопки по штыкам, условным или литологическим горизонтам – это формирование такого источника, которого нет в природе. Разрушение пространственной структуры памятника, происходящее при использовании всех вышеназванных полевых методик, – главный субъективный фактор в создании искаженного «источника». Менее существенно на метаморфозы с источником влияют условия хранения материалов, но и о них не следует забывать. Еще один способ создания многочисленных археологических мифов – неразборчивость в выборе коллекций для анализа. Любая попытка глобального охвата материалов без оценки их достоверности и надежности – это самый простой способ создания очередного историко-культурного мифа. Этнокультурная история, написанная на основе достоверных источников, всегда будет отличаться от интуитивных историй каменного века. Да, без интуиции науки не бывает, но точно также ее не бывает на одной интуиции без фактов. Фактов достоверных, а не мнимых.

Для установления природы поликультурности (аккультурации или натурации) могут быть использованы пространственное распределение материалов, ремонтаж, оценка геоморфологической приуроченности памятников, генезис, состав и механизм разрушения слоев, изменения в пространственной структуре памятника и непременная источниковедческая критика. Только всесторонний учет специфики памятников и доказательство их источниковедческой надежности могут служить основой этнокультурных построений в археологии.

Источниковедческая критика позволяет отказаться от идеи образования культур в результате «сложения» их признаков (Кольцов, 1979). А также говорить об источниковедческой несостоятельности днепро-деснинской культуры Белоруссии, неманской культуры Литвы, елиноборской культуры Волго-Окского междуречья и многочисленных «реконструкций древней истории», вроде кундско-бутовской общности, кукрекско-гребениковского симбиоза или генезиса неолита с ямочно-гребенчатой керамикой Украины на основе индустрии

типа Студенок. Факты показывают необходимость критического отношения к источнику. Критика источника дает возможность по-новому взглянуть на старые привычные материалы и проблемы, с ними связанные. Во всяком случае, значительно видоизменить всю, уже ставшую привычной, картину.

«Взвешивание» признаков контактных зон показывает недостаточность аргументации в пользу процессов аккультурации в мезолите Восточной Европы. Вопрос о признании полесий Восточной Европы «контактными зонами», верный в плане теоретической постановки, не находит практического подтверждения в археологических материалах. Это со всей очевидностью приводит к необходимости разработки археологических признаков понятий «контактных зон», аккультурации и метисации.

Для выводов о культурном взаимодействии свидерского и аренсбургского, свидерского и янисла-вицкого, свидерского и маглемозского, кукрекского и гребениковского населения строгих оснований нет. А есть лишь метаморфозы и специфика самого источника (Сорокин, 2002а).

Теперь следует вернуться к проблеме бутовско-иеневского взаимодействия. В результате источниковедческой критики было установлено, что девять из 12 т.н. памятников смешанной традиции (Брагино, Высокино 6, Дмитровское 1, Журавец 1, Иенево 2, Коприно, Крапивец, Староконстантиновская IV и Тростенская 3С) вообще не пригодно для источниковедческого анализа из-за неудовлетворительной методики полевого исследования, состояния коллекций и документации. Поэтому те единичные находки-маркеры, которые в некоторых из них встречаются, не могут быть исключительно «индикаторами контакта». Требованиям критики отвечают всего лишь три мещерские стоянки – Беливо 4А, Шильцева Заводь 5 и Исток 1. Их источниковедческий анализ привел к следующим выводам:

1) В Шильцевой Заводи 5 и Истоке 1 бутовские и иеневские находки, несмотря на возможную частичную смешанность, залегают в разных культурных слоях и надежно разделены на отдельные комплексы. Их «бикультурность» может быть только источниковедческой, но никак не культурной. В Беливо 4А бутовские и иеневские изделия планиграфически на разные комплексы не разделяются, но сочетаемость разнокультурных элементов в микроскоплениях отсутствует. Все это не позволяет рассматривать данные материалы как культурно единые.

2) «Метисных» изделий нет в Шильцевой Заводи 5, а в Беливо 4А и Истоке 1 они единичны, причем сам факт их «метисности» сомнителен, и его можно объяснить иными причинами.

3) Девять из 12 памятников «смешанной традиции» не пригодны для источниковедческого анализа. В свою очередь, три мещерские стоянки не дают бесспорных доказательств взаимодействия бутовского и иеневского населения.

4) Отсутствие массового числа метисных изделий, присутствие на памятниках признаков фауно- и флоротурбации и высокая вероятность, в силу этого, механического смешения находок из-за случайного планиграфического совпадения разнокультурных находок позволяют утверждать, что данных для вывода об образовании бутовско-иеневских памятников «смешанной традиции» в результате аккультурации недостаточно (Сорокин, 2000а, б; 2002а). Их генезис в результате натурации представляется достаточно очевидным. К таким же выводам, как было показано выше, удалось прийти и при анализе памятников других культур и регионов главного пояса полесий Восточной Европы.

Напротив, М.Г. Жилин и Л.В. Кольцов всерьез полагают, что «...лезвие шлифованного тесла в Сельце 3 говорит о влиянии бутовской культуры на иеневскую» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 66), а картина взаимоотношений в мезолите, которую они рисуют, – это эпическое полотно с батальными элементами. Цитирую: «Бутовская культура... существовала в раннем голоцене, *захватывая вторую половину* пребореального, весь бореальный и начало атлантического *периода*...» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 84); «На *поздних ступенях развития* бутовская культура *захватывает* нижнее течение Оки...» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 91); «Исследуемая культура входит в круг постсвидерских мезолитических культур, который *захватывает* значительную часть северной половины Европы» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 77); «Бутовская культура существовала *в окружении* сосуществующих с ней мезолитических культур» (с. 76); «... следует признать *мощные контакты* на этой ступени кундской и бутовской культур...» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 91); «Постсвидерское население в Верхнем Поволжье и Поочье *столкнулось* с потомками насельников Усть-Тудовки – иеневской культурой» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 90); «... с усть-камской культурой у «бутовцев» не было никаких контактов» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 78); «Сухонская культура или *отделилась* от бутовской *на поздних ступенях развития* последней или *находилась с ней в постоянной и прочной связи* как с родственной группой населения» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 78), и т.д. и т.п. Чем же объясняется промискуитет или его отсутствие? Ответ авторов несколько туманен: «В этой миграции... участвовало население не только бутовской культуры, но и родственной ей валдайской культуры и, возможно, других культур или механизм возникновения подобных памятников был более сложным, чем просто миграция» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 77).

Увы, авторы действительно не видят, что генезис синкретизма весьма прост – это элементарное механическое смешение разнокультурных материалов, причем Л.В. Кольцов, сам того не подозревая, однажды уже описал этот «механизм». Выявленная им «закономерность сложения мезолитических культур Северной Европы» (Кольцов, 1979) и есть процедура образования смешанных материалов, а никак не археологических культур.

Следовательно, изученные материалы позволяют не просто выяснить отдельные факты, которые традиционно интерпретировались как свидетельство контактов бутовского и иеневского населения, но и оценить их. Со всей очевидностью можно утверждать, что в настоящее время нет данных, свидетельствующих о враждебных отношениях между населением бутовской и иеневской культур, как и вообще об их взаимодействии.

Метисация разнокультурных материалов происходит сама по себе в результате действия объективных почвенных процессов. Разрушение культурных слоев мезолитических стоянок под воздействием педотурбации происходит объективно, и свидетельством тому служит отсутствие находок-маркеров и наличие подъемного материала, который присутствует на современной дневной поверхности почти любого памятника. Поэтому любое население, оказавшееся вторым на конкретном месте, поневоле «запускает механизм» смешения материала или «естественной поликультурности». Как это ни печально, но натурация объективна. Неучет этого феномена приводит к открытиям, подобным тому, которое сделано М.Г. Жилиным: «Этот могильник отражает процесс смешения пришлого населения с кремневым инвентарем… и местного населения с кварцево-сланцевым инвентарем» (Жилин, 1999, с. 7).

Никаких бесспорных данных о бутовско-иеневском взаимодействии в настоящее время нет, а заключение об их контактах сделано на недостоверных источниках. В этой связи не могу оставить без внимания замечание А.Е. Кравцова, который полагает, что фактов, говорящих о бутовско-иеневском взаимодействии, «вряд ли достаточно для обоснования научной гипотезы» (Кравцов, 1999, с. 105). Действительно, если, как А.Е. Кравцов, говорить лишь об «единичных иеневских наконечниках с плоской вентральной ретушью» или «единственной трапеции в Микулино» (Кравцов, 1999, с. 105), то таких данных недостаточно. Однако если рассмотреть всю изложенную выше совокупность сведений и определить закономерности в формировании мезолитических источников (Сорокин, 2000а, б; 2002а), то говорить о том, что такого взаимодействия не было, можно вполне обоснованно.

Вопрос о судьбе иеневского населения остается до сих пор открытым. В порядке рабочей гипотезы можно предположить, что иеневская культура на своем заключительном этапе из Сельцо 3 и Иенево 2 трансформируется в памятники типа Кирицы 1 (Кравцов, Сорокин, 1991), которые весьма сходны со средневолжскими, относящимися к усть-камской культуре (Галимова, 1998), и памятниками Марийского Поволжья (Никитин, 1996; Ластовский, 1993). Между последними, по моему мнению, нет непроходимых различий, и они, видимо, являются лишь разными хронологическими этапами единой культуры. Во всяком случае, сходство Кириц 1 (Кравцов, Сорокин, 1991; Сорокин, 1997) с наиболее ранним из них – Сюкеевским Взвозом (Галимова, 1990; 1991; 1992; 1994) очень велико. А палеолитический возраст, на котором настаивают некоторые исследователи (Бутаков и др., 1988; Галимова, 1995; 1999) Сюкеевского Взвоза не бесспорен. Иеневские черты в еще большей мере, чем в Сюкеевском Взвозе, присутствуют в Тетюшской 3 стоянке, которая сопоставима с памятниками среднего этапа иеневской культуры (Галимова, 1996; 1999). В Тетюшской 3 имеются и асимметричные наконечники с боковой выемкой, ничуть не отличающиеся от иеневских, и черешковые аренсбургские наконечники, и многочисленные, «абсолютно иеневские» трапеции, и, наконец, присутствует такая хорошо известная в иеневских материалах форма, как топор с перехватом. Сходство иеневских и усть-камских материалов столь существенно, что следует говорить, вероятно, даже о большей их близости, чем просто традиционная «единая генетическая подоснова». Учитывая, что на верхнепалеолитических стоянках региона Лобач 2 и Камское Устье 2 (н. с.) имеются прямые, правда, немногочисленные, аналогии охотничьему вооружению культур лингби и федермессер, а в Сюкеевском Взвозе, помимо этих культур, еще аренсбургской и иеневской культурам, полагаю, что материалы усть-камской культуры не выходят из общеевропейского контекста. Мне представляется, что иеневская (Кольцов, 1989; Кравцов, Сорокин, 1991), песочноровская (Неприна и др., 1986; Зализняк, 1989; 1996), усть-камская (Косменко, 1977; Галимова, 1999) и зимовниковская (Зализняк, 1996; Залізняк, Гавриленко, 1996; Гавриленко, 1999) культуры составляют на территории Восточной Европы единую историко-культурную область, которая вместе со скандинавскими культурами фосна и комса (Clark, 1975; Koslowski J., Koslowski S., 1975) входит в постаренсбургскую общность. И именно в этой связке следует рассматривать характеристику, хронологию и историческую судьбу всех вышеназванных культур. Впрочем, исследование постаренсбургской общности шире задач данной работы и должно быть предметом специального исследования. Единственное, что здесь следует отметить, так это

то, что исследование проблем, с нею связанных, должно вестись исключительно на основании источниковедчески надежных материалов.

В этой связи следует добавить, что ознакомление с материалами ряда ранненеолитических памятников, расположенных на территории Республики Коми (Археология республики..., 1997), которые с оговоркой о «чистоте» последних ранее рассматривались мною в качестве возможного «кандидата», с которым может быть связано решение вопроса о судьбе иеневского и усть-камского населения, показало их смешанность и источниковедческую ненадежность. Поэтому в настоящее время нет оснований, говорить о развитии иеневских традиций в этом направлении.

Что касается связи песочноровской культуры с памятниками типа Вырчище или неолитом ямочно-гребенчатой керамики (Неприна, 1976; Неприна и др., 1986; Зализняк, 1991), то вывод этот сделан на недостоверном в источниковедческом отношении материале и не может быть в настоящее время принят (Сорокин, 2000 а, б; 2002а). Следовательно, судьба иеневского, как и бутовского населения (Кравцов, Сорокин, 1991), пока достоверно из-за состояния источников не определяется.

Пургасовская культура
(рис. 11, 12, 50–70)

Была выделена автором в 1985 г. (Сорокин, 1987в, г; Смирнов, Сорокин, 1989). Эпонимный памятник – стоянка Пургасово 3 – располагается на правобережье р. Мокши в восточной части Рязанской области. Его индустрия характеризуется развитой пластинчатой и отщеповой техникой. Нуклеусы представлены одноплощадочными коническими, карандашевидными или призматическими экземплярами, предназначенными для снятия пластин и микропластин.

Среди орудий доминируют резцы, а в них преобладают изделия с неподработанной площадкой скола, более трети из которых нуклевидные. Двугранных и ретушных резцов поровну, присутствуют комбинированные, однако, в совокупности число их невелико. Весьма характерны плоские сколы. На втором месте по численности стоят вкладыши из фрагментированных пластин, на третьем – скребки. Среди скребков превалируют концевые, их дополняют двойные концевые, боковые, концевые-боковые, подокруглые, скробачи и стрельчатые. Скобели, как правило, с дугообразными, узкими мелкими выемками. Сверла бывают с невыделенным концом или плечиковые. Разнообразны комбинированные орудия, наиболее часты сочетания резцов с ножами или скребками. Встречены пластины с регулярной приостряющей или реже притупляющей ретушью, тесла подтреугольной или подтрапециевидной формы, выполненные из отщепов или желваков в технике оббивки, двустороннего ретуширования или шлифовки. Многочисленны косые острия, а также микролиты с поперечно срезанным ретушью концом и микролиты с выемкой на конце. Последние часто имеют подтеску плоской ретушью на брюшке. Этот прием является культурооопределяющим для пургасовских памятников. В верхнем палеолите он представлен в Авдеево, в мезолите – присутствует в Веретье 1. Симметричные острия, напротив, устойчивых серий не образуют. Весьма выразительны абразивы, «выпрямители древков стрел» и каменные грузила с пазами для подвешивания или круглыми сверлинами. Сверление широко представлено в культуре Веретье (Ошибкина, 1997). Среди наконечников стрел, помимо традиционных т.н. постсвидерских, очень характерны изделия с выемкой на конце двух разновидностей. Первая – массивные поперечно-лезвийные черешковые наконечники, боевой конец которых оформлен двусторонней крутой или пологой в сочетании с плоской ретушью прямо или в виде выемки, и вторая – крупные острия с пильчатой ретушью на боевом конце и выемкой в основании. Специфику пургасовской культуры составляют: прием подтески, пильчатая ретушь и двустороннее краевое ретуширование, своеобразные предметы охотничьего вооружения, комбинированные орудия, а также каменные сверленые грузила.

Территория пургасовской культуры, учитывая нынешнее состояние источниковедческой базы, может быть очерчена в самом предварительном виде. Она охватывает Среднее и Нижнее Примокшанье (Пургасово 3, Имерка 4, Шаверки 5) в пределах Окско-Мокшинской низины, Мещерскую низменность (Шагара 4, Борисово 1), Верхне-Волжскую низменность (Дорки 4) и, вероятно, выходит на Великий водораздел (Круглое озеро). Однако аналогии пургасовским наконечникам имеются на территории Республики Коми (Археология … Коми, 1997) и Таймыре (Хлобыстин, 1998).

Несмотря на то что с 1985 г. существенного увеличения источниковедческой базы пургасовской культуры не произошло, мне не кажется ее выделение неоправданным. Во-первых, эпонимная стоянка настолько выразительна и своеобразна, что сама по себе может служить эталоном (Сорокин, 2002б). Во-вторых, понятие «археологическая культура» предпочтительней термина «памятники типа...» своею краткостью, большей определенностью и понятийной разработанностью. Наконец, помимо Пургасово 3 имеется еще один территориально удаленный, исследованный путем раскопок памятник – Шагара 4, давший не менее выразительный и представительный материал. Конечно, двух раско-

панных памятников не так много, тем не менее их культурная специфика настолько очевидна, а орудийный набор так разнообразен, что пургасовская культура, как мне представляется, имеет право на существование. Естественно, что и ее характеристика, и проблемы генезиса и исторических судеб могут быть в настоящее время определены лишь в самом предварительном виде или вообще только сформулированы. Надеюсь, что эффект «постановки проблемы» уже в ближайшее время приведет к расширению источниковедческой базы.

Несколько слов о генезисе пургасовской культуры. Прием плоского ретуширования в Восточной Европе с некоторых пор связывают с наследием свидерской культуры. Насколько это справедливо, судить не берусь. Не исключаю, что это положение может быть скорректировано, если появятся массовые даты для всех т.н. постсвидерских культур. Во всяком случае, генезис самой свидерской культуры и ее хронология еще недостаточно ясны, что не прибавляет ясности и вопросу о времени сложения «постсвидера». Как и тому обстоятельству, а весь ли «постсвидер» наследовал свидерские традиции? Ведь несмотря на значительную хронологическую разницу в возрасте Пургасово 3 и верхнепалеолитической стоянки Авдеево, сходство многих изделий и технических приемов просто разительное. Логичнее, однако, проводить параллели пургасовской культуры с синхронными ей культурами. Так, не вызывают сомнения параллели с бутовской культурой. Сходство в оформлении бутовских и пургасовских наконечников достаточно велико и может свидетельствовать о связи населения этих культур, возможно, даже указывает на их генетическое родство. Однако прием плоского ретуширования не является исключительно бутовским и считать плоскую ретушь бутовской лишь на том основании, что эта культура лучше других в Волго-Окском бассейне исследована на настоящее время, было бы, очевидно, неправильно. Конечно, этот вариант возможный, но на нынешнем уровне знаний вряд ли его следует рассматривать как единственный или главный. Уже хотя бы потому, что аналогичные «постсвидерские» наконечники есть и в кундской, и в донецкой культурах, и в культуре Веретье, и ряде других, причем, территориально удаленных (Слободин, 1999). Вероятно, правильней говорить, что пургасовская культура входит в круг т.н. постсвидерских, отдавая себе при этом отчет в нечеткости самого этого термина.

С некоторых пор принято считать, что на основе свидерской и аренсбургской культур складываются постсвидерская и постаренсбургская общности, распространенные на территории Восточной Европы. При этом полагают, что каменная индустрия свидерской культуры получила свое развитие в кундской, бутовской, сухонской, парчевской и пургасовской культурах, а лингби, аренсбурга и, возможно, культуры федермессер – в иеневской, песочноровской, гренской, зимовниковской и усть-камской культурах, а также культурах фосна и комса. Возможно, это так. Известное противоречие заключается, однако, в том, что исконные территории культур федермессер, лингби, гамбургской, аренсбургской и свидерской не входят в ареал постсвидерской и постаренсбургской общностей. Значит, этот факт требует своего логического объяснения, которого пока нет.

В последние годы в связи с резким расширением источниковедческой базы и общим изменением подхода к источникам многие очевидные раньше положения подвергаются пересмотру. Например, даже такой, казалось бы, очевидный вопрос о роли свидерской культуры в генезисе «постсвидерских» культур. Ареал свидерской культуры на территории Европейской части СССР не выходит из границ Полесья (в широком значении термина). Единственным исключением являются памятники Литвы, но эта территория фактически не имеет геоморфологической границы с Полесьем, как, впрочем, и с Польской низменностью. Фактически ни в Волго-Окском бассейне, ни к северу от него нет челновидных свидерских нуклеусов, а значит, нельзя говорить и о присутствии здесь свидерской индустрии как таковой, хотя формальное сходство по отдельным категориям изделий присутствует. В самом деле, ни Тихоново 1, ни Лотову Гору, ни Лукашенки нельзя назвать свидерскими стоянками, хотя формально в них имеются наконечники, подобные свидерским. То ли трансформация индустрии зашла чрезвычайно далеко, то ли это были не прямые потомки (или совсем не потомки) свидерского населения. Как ни пытаются некоторые исследователи доказать связь бутовской культуры со свидерской (Кольцов, Жилин, 1999), но остается непреложным факт, что в бутовской культуре нет ни свидерской технологии, ни свидерского типологического набора (Сорокин, 1989б; в). В этой связи уместно вспомнить, что и сопоставление такой «традиционно постсвидерской» культуры, как кундская, со свидерской, выполненное польской исследовательницей С. Сульгостовской, ставит под сомнение наличие между этими культурами существенной связи. По ее мнению (Sulgostovska, 1999, p. 91), различия между ними столь значительны, что их родство не представляется таким очевидным, как это казалось ранее (Кольцов, 1977; Яанитс К., 1991). Фактически единственный признак, который может расцениваться в качестве свидерского наследия, – это плоская ретушь на наконечниках (Sulgostovska, 1999, p. 91). Однако плоская ретушь не является атрибутом исключительно свидерской культуры, поэтому не может претендовать на весомую роль.

Не отрицая в принципе идею сложения т.н. постсвидерских культур на основе свидерской культуры Польской и Полесской низменностей, тем не менее хочу подчеркнуть, что она требует своего обоснования с учетом всего накопленного к настоящему времени материала и должна быть предметом не декларации, а специального исследования и критического анализа. Во всяком случае, этот переход, если он был, не может быть объяснен только как результат адаптации свидерского населения в раннем голоцене к условиям лесной зоны, ибо во всех исконных свидерских землях – и на территории Польши, и в Полесье, которые в мезолите также входили в лесную зону, никакого «постсвидера» нет. Напротив, здесь развиваются коморницкая и янославицкая культуры, генетически не имеющие никакого отношения к свидерской. Правда, в некоторых стоянках этих культур присутствуют наконечники с плоской ретушью на брюшке (т.н. постсвидерские), но причины их появления в этих комплексах никем не обсуждались и не объяснялись. Прояснению ситуации не способствует и практически полное отсутствие независимых дат. В вопросе о роли свидерской культуры в генезисе т.н. постсвидерских культур немаловажно и то обстоятельство, что содержание самого этого термина достаточно неопределенно и что до сих пор никем не было произведено корректное сравнение культур, объединяемых этим понятием.

В этой связи уместно вспомнить и еще один факт. В верхнем палеолите Русской равнины наконечник с плоской ретушью на брюшке представлен в таких памятниках, как Авдеево и Костенки 1 (Ефименко, 1958; Амирханов, 1998; Аникович, 1998; Гвоздовер, 1998). Есть плоская ретушь также на наконечниках из Хотылево 2 и Гагарино (Заверняев, 1974; Тарасов, 1965; 1979; 1986). В литературе даже не исключается, что генезис самой свидерской культуры мог быть связан с какими-то из перечисленных индустрий. Поэтому нельзя исключить того, что материалы, объединяемые термином «восточный граветт», могут иметь непосредственное отношение к генезису «постсвидера». Во всяком случае, линия развития от Хотылево 2 и Гагарино к рессетинской, кундской и бутовской культурам представляется вполне осязаемой (Sorokin, 1999; Сорокин, 2004). Следует отметить и тот факт, что классические «постсвидерские» наконечники есть в неолитических стоянках Аравийского полуострова, синхронных по времени ранним кундским и бутовским памятникам (Амирханов, 1997), но вряд ли можно всерьез говорить о какой-либо связи населения Аравийского полуострова и Европейских равнин друг с другом или обмене между этими территориями. Т.о., содержание понятия «постсвидер» и генезис этого явления, бесспорно, заслуживают специального исследования, но, к сожалению, гораздо шире рамок данной работы.

Для решения вопроса о соотношении бутовской и пургасовской культур известное значение имеют наблюдения над распределением бутовских и пургасовских наконечников. В наличии три памятника, исследованные с помощью пространственной фиксации, на которых сочетаются пургасовские и традиционные «постсвидерские» наконечники – это Пургасово 3, Борисово 1 и Шагара 4[12]. Анализ показывает, что пургасовское и бутовское охотничье вооружение в жилище стоянки Пургасово 3 залегает совместно. Ибо глубины шести пургасовских (-94, -106, -116, -123, -124 и -125 см) и четырех «постсвидерских» наконечников (-106, -108, -115 и -125 см от условного нуля) практически совпадают. Вероятно, это свидетельствует об их сосуществовании и единстве всего комплекса. К этой же мысли приводит и относительная четкость планиграфии раскопа данного памятника. Тем не менее это наблюдение не обязательно говорит о прямой зависимости между двумя этими культурами, в частности, о генезисе пургасовской индустрии на основе бутовской. Не свидетельствует уже потому, что единственная пургасовская радиокарбоновая дата ничуть не моложе ранних бутовских, а также потому, что и другие «постсвидерские» культуры имеют достаточно много общих черт с пургасовскими материалами.

В бутовской стоянке Борисово 1 два микролита, абсолютно идентичных по форме пургасовским наконечникам, встречены в жилище 1 в 1983 г. Из этого же жилища происходит сломанный постсвидерский наконечник, у которого торец подретуширован двумя фасетками крутой ретуши. Глубины залегания этих изделий равны -95, -100 и -107 см (от условного нуля). Глубины, установленные для бутовских наконечников этого же жилища, составляют -80, -86, -86, -95 и -100 см. Т.о., интервалы глубин, без сомнения, пересекаются, но не абсолютно, что не позволяет строго говорить о гомогенности или, напротив, гетерогенности комплекса.

Как известно, принципиальное отличие пургасовских наконечников от бутовских заключается в наличии на боевых частях первых из них выемки или поперечного лезвия. Насады, напротив, в ряде случаев сходны и сложны для различения – это прежде всего относится к изделиям, черешок которых подработан лишь на спинке или противолежащей ретушью. Как представляется, плоская ретушь на

[12] Все прочие стоянки, где имеются пургасовские и постсвидерские наконечники, представлены либо подъемным материалом, либо раскопаны по условным горизонтам, поэтому непригодны для пространственного анализа.

брюшке в Шагаре 4 характерна лишь для черешков бутовских наконечников и отсутствует на пургасовских наконечниках типа А. Вместе с тем такое наблюдение может не соответствовать полностью действительности. Или оно может относиться исключительно к Шагаре 4, так как в Пургасово 3 плоская ретушь есть и на черешках пургасовских наконечников. Поэтому для сравнительного анализа изделий Шагары 4 пригодны лишь целые предметы или такие фрагменты, культурная атрибуция которых не вызывает сомнения. Это резко суживает сравнительную базу. В жилище 1 1987 г. Шагары 4 глубины залегания пяти бутовских предметов составляют: -57, -68, -72, -86 и -111 см (от условного нуля), трех пургасовских – -95, -109 и -115. Эти цифры свидетельствуют о компактном залегании пургасовских изделий и, по-видимому, о предшествовании пургасовских наконечников бутовским. Кроме того, в двух квадратах имеются случаи сочетания фрагментов боевых частей бутовских (54В -68, 74В -57) и пургасовских наконечников (54Г -86, 74А -91), которые тоже, как будто, подтверждают высказанное предположение. Косвенным подтверждением стратиграфическим данным служит распределение неолитических наконечников, тоже найденных на площади мезолитического жилища, точнее над ним, глубины залегания которых составляют -48, -53 и -54 см, т.е. в целом выше бутовских. Тем не менее распределение изделий в заполнении жилища могут иметь свои особенности, не обязательно совпадающие с хронологическим положением артефактов. В частности, для наконечников жилища 2 1994 г. сравнительные данные не столь очевидны: глубины залегания пургасовских наконечников равны -27, -43, -43, -53 и -54 см (от условного нуля), а бутовских -31, -33, -42 и -63, правда, оба неолитических наконечника залегали на отметке -24 см.

Источниковедческий анализ не дает однозначного ответа о соотношении бутовской и пургасовской индустрий. Поэтому гипотезы об их родстве и взаимосвязи, подобно и вариантам независимого сложения обеих культур, возможно, на единой основе, как и механического смешения материалов, должны рассматриваться в качестве равновероятных.

Прочее охотничье вооружение пургасовской культуры менее очевидно. Например, в Шагаре 4 довольно многочисленны микролиты с затупленным краем, которые в Волго-Окском бассейне служат отличительным признаком для бутовской и рессетинской культур. В Пургасово 3, напротив, они отсутствуют. С чем мы в конкретном случае имеем дело – развитием традиций, заимствованием или новацией? Здесь, вероятно, уместно вспомнить, что в Шагаре 4, помимо выразительных и представительных пургасовских, есть еще и бутовские материалы, а также единичные изделия других культур. Поэтому к какому культурному компоненту этого памятника отнести микролиты с затупленным краем, установить невозможно.

Говоря о генезисе пургасовской индустрии нельзя также исключить ее связи с индустрией культуры Веретье. В Веретье 1, помимо «постсвидерских» наконечников, аналогичных пургасовским, широко распространено сверление камня. А на одном из косых острий боевой конец оформлен подобно пургасовским и присутствует пильчатая ретушь на черешке (Ошибкина, 1997, рис. 32, 18). Кроме того, на этом памятнике при обработке площадок резцов эпизодически использована плоская подтеска. Заслуживает внимание и присутствие пильчатой ретуши на охотничьем вооружении кундской культуры. Хотя здесь сходство, в отличие от культуры Веретье, гораздо более опосредованное и менее уловимое.

Хронология пургасовской культуры может быть предложена лишь предварительно. Возраст стоянки Борисово 1 (шлейф с находками в пойме) определен палинологическим методом не позднее начала бореала. Для стоянки Шагара 4 получена радиоуглеродная дата 9350±200 (ГИН 5417), помещающая этот памятник в конец пребореального – начало бореального времени. Других естественнонаучных дат для пургасовских стоянок в настоящее время нет. Исходя из этих данных, а также размеров каменных изделий и известной рудиментарности микролитов пургасовского типа в Борисово 1, можно предположить, что Пургасово 3 является наиболее ранним из известных памятников. Если же допустить, что наиболее ранним является материал Шагары 4, то обратная последовательность – от Борисово 1 к Пургасово 3 – вряд ли возможна в силу психологической невыводимости из микролитов изделий крупных размеров. В любом случае, однако, на основе имеющихся данных вряд ли возможен единственный вариант решения вопроса. Предварительно можно предположить, что хронология пургасовской культуры охватывает пребореальный и бореальный периоды голоцена. Надеюсь, что последующие исследования внесут и в эту проблему большую ясность.

Территория Примокшанья и Мещерская низменность – это фактически единая геоморфологическая зона, не имеющая внутренних границ. Поэтому она может рассматриваться лишь как зона освоения пургасовского населения, его «кормовая территория». Возможно, это наиболее обжитая часть ареала рассматриваемой популяции. Может быть, такое впечатление складывается из-за сравнительно лучшей изученности Примокшанья и Мещеры по сравнению с территорией Великого водораздела. Если исходить из гипотетической реконструкции ХКТ населения лесной зоны пребо-

реального и бореального времени как охотников-собирателей лесной зоны, то вероятность именно таких перемещений или миграций в пределах единого географического ареала и одного водного бассейна для населения пургасовской культуры представляется вполне естественной. Менее понятны аналогии пургасовским наконечникам в Таймырских материалах, хотя миграционная теория позволяет в известной мере определиться и с ними.

Такова, вкратце, «культурная ситуация» в мезолите бассейна р. Оки. Здесь присутствуют и отдельные памятники, обладающие чертами своеобразия, которые нельзя соотнести в силу разных причин ни с одной из известных культур или такое отнесение является дискуссионным. Хочется верить, что дальнейшие исследования помогут уточнить и дополнить изложенный выше очерк.

Подводя краткий итог всему сказанному, следует отметить, что проблема культурных различий далека от своего разрешения. Это определяется не только неполнотой данных, которыми приходится оперировать, но и тем, что большая часть имеющихся коллекций не отвечает принципам «достоверности» и «надежности». Все вышеизложенное написано по тем источникам, которые представляются сравнительно «чистыми» и достоверными. Эта картина отражает нынешний уровень знаний и, безусловно, будет уточняться и видоизменяться. Пока же мезолит бассейна Оки представлен пятью археологическими культурами: рессетинской, иеневской, бутовской, пургасовской и култинской. Две первые из них возникли еще в плейстоцене, остальные появились, судя по всему, уже в голоцене. Самыми яркими памятниками рессетинской культуры на территории Окского бассейна пребореального времени являются стоянки Рессета 3 и 2, иеневской – Беливо 4Г и 6В, Ладыжино 3 и Брагино. В бутовской культуре – это Петрушино, Микулино, Задне-Пилево 1, Черная 1 и др. В конце пребореала и в бореале в Волго-Окском бассейне обитало население пургасовской культуры (Шагара 4, Пургасово 3). В бореальное время «чистые» памятники рессетинской культуры уже не известны. Население иеневской культуры, материалы которой представлены в Красном 8 «Пенешки» и Кирицах 1, тоже исчезает в регионе еще в начале данного периода. Зато здесь продолжало жить бутовское население (Борисово 1; Исток 1, верхний слой; Красное 3; Малая Ламна 3; Новошино) и появляются носители култинской культуры (Барашево 1, Старая Пустынь, Угольново 1).

Финал мезолита на территории Окского бассейна остается наименее изученным отрезком. Л.В. Кольцов и М.Г. Жилин вслед за Д.А. Крайновым полагают, что ранненеолитическая верхневолжская культура складывается на основе бутовской культуры (Крайнов, Кольцов, 1979; 1983; Кольцов, 1989; Кольцов, Жилин, 1999). Однако достоверных и бесспорных данных для такого вывода по-прежнему нет (Кравцов, Сорокин, 1991; Костылева, 2004). Как нет и четких данных, что население бутовской культуры было единственным в это время в регионе. Не вызывает особого сомнения, например, что к финалу мезолита, судя по датам, могут относиться некоторые из стоянок култинской культуры. Вероятней всего, процесс «неолитизации» не был однонаправленным и одномоментным актом и постепенно затронул все группы кочующего населения, которые обитали на Великой Русской равнине. Здесь нужно иметь в виду и такие немаловажные обстоятельства, как малочисленность этих групп первобытного населения, особенности их образа жизни, характер и ареал их кочевий, слабую пересекаемость друг с другом и реальную невозможность «обороны кормовой территории» от проникновения извне. Во всяком случае, реальная картина весьма далека от тех примитивных схем, которые до сих пор присутствуют в литературе (Кольцов, 1989; Кольцов, Жилин, 1999; Жилин, 2001). Значительные корректировки в предложенную картину может внести ревизия естественнонаучных дат, актуальность которой, по-видимому, назрела. Но эта работа требует «отдельного времени и места» и должна быть проведена особо.

В рамках данной темы гораздо насущнее рассмотреть проблему образования археологических культур эпохи финального палеолита – мезолита. Представляется очевидным, что для решения вопросов культурогенеза первостепенное значение имеют проблемы экономики, ибо социальная организация первобытных обществ как и образ жизни населения определялись прежде всего экологией и теми конкретными формами хозяйственного уклада, которые население в каждом конкретном случае избирало. Это же определяло в конечном итоге характер и состояние их материальной базы, а следовательно, «облик» археологических культур, в который каждый из нас группирует ископаемые материалы. Для решения задачи генезиса археологических культур обратимся к рессетинским и кундским материалам, которые наиболее показательны при изучении данной проблемы.

Глава 4

«Сложение» культур или культура сложения?

«Распространение изделий пуллийских типов на обширной территории отражает формирование устойчивой системы связей населения родственных постсвидерских культур ... не обмен сырьем был целью этих контактов... В основе этой системы, вероятно, лежала необходимость регулярных экзогамных брачных связей, что в условиях сильной разреженности раннемезолитического населения вело к вовлечению в эти связи обширных территорий».

М.Г. Жилин. 2000 // ТАС. Вып. 4. Т. 1, с. 76.

История вопроса или вопрос истории?

О генезисе кундской культуры сказано уже так много (Indreko, 1948; 1964; Формозов, 1959; 1977; Shild, 1965; Янитс Л., 1966; Римантене, 1971; Kozlowski, 1972; 1989; Kozlowski J, Kozlowski S, 1975; Weickowska, 1975; Jaanits L., Jaanins K., 1978; Zagorskis, 1973; 1987; Zagorska, 1980; 1996; Лозе, 1977; 1986; Загорска, 1981; Кольцов, 1977; 1998; Янитс К., 1985; Яанитс, 1989, № 2450; Jaanits K., 1981; Ошибкина, 1983; 1997; Сорокин, 1986; 1987; 1990; 1996; Гурина, 1989; Зализняк, 1989; 1991; Залізняк, 1995; 1999; Тимофеев, 1993; Ксензов, 1994; 1997; Zhilin, 1996; Ostrauskas, 1996), что добавить к этому, казалось бы, уже нечего. Тем не менее появление за последние пять лет серии работ по данной проблематике (Butrimas, Ostrauskas, 1999; Koltsov, Zhilin, 1999; Sorokin, 1999; Sulgostowska, 1999; Залізняк, 1999; 2000; Кольцов, Жилин, 1999; Жилин, 2000; 2001; Ксензов, 2001; Сорокин, 2000; 2002; Ostrauskas, 2000; Сульгостовска, 2001) показывает, что тема эта далеко не исчерпана. Стал понятен и другой ее аспект: генезис кундской культуры чаще рассматривается как нечто давным-давно установленное, доказанное и не подлежащее сомнению. Между тем подобные попытки освещения темы «широкими мазками» и как само собой разумеющееся не только не проясняют сути вопроса, но и отчетливо показывают, что «за деревьями уже не видно леса». Совершенно очевидно, что дело не в том, что после развала СССР многим исследователям стал недоступен конкретный материал и основным источником информации становятся не коллекции, а статьи и другие литературные издания, из которых конкретные сведения извлечь просто невозможно. И даже не столько в происхождении конкретной кундской культуры, сколько в общетеоретической неразработанности понятия «генезис археологической культуры». Автор далек от мысли поставить точку в дискуссии, однако считает своевременным напомнить свои взгляды по данному вопросу.

В литературе доминирует точка зрения о происхождении кундской культуры на основе свидерской культуры. Отличаясь в частностях, она едина в главном – свидерских корнях кундской индустрии. Несмотря на значительное число приверженцев, эта гипотеза не отвечает основному принципу – достоверности. У меня нет сомнения в том, что генезис кундской культуры, точнее, ее раннего (пуллийского) этапа[13] связан с рессетинской культурой. Подробнее эта идея изложена в ряде статей (Сорокин, 1986а, б; 1987б, г, е; 1990; 1997; 2000а; 2002а; 2004; Sorokin, 1999) и здесь нет необходимости их пересказывать, хотя отдельные аспекты роли рессетинского населения в происхождении пуллийского населения будут неизбежно затронуты ниже.

Из работ, вышедших в последнее время, наиболее развернуто представления сторонников свидерских корней кундской культуры излагаются в статьях В.П. Ксензова (2001) и М.Г. Жилина (2000). Первая из них содержит обстоятельное изложение точек зрения всех современных исследователей по данному вопросу, что позволяет мне не касаться данного аспекта темы. Помимо этого, она

[13] Вопрос о правомерности объединения Пулли и аналогичных ему памятников со стоянками развитого этапа кундской культуры для меня открыт, но это отдельная тема.

интересна своей выразительной критикой моей «рессетинской» гипотезы генезиса кундской культуры (Ксензов, 2001, с. 32). Статья М.Г. Жилина обращает на себя внимание тем, что раскрывает механизм возникновения кундской культуры. Без сомнения, здесь находит свое логическое завершение сформулированная Л.В. Кольцовым «закономерность образования археологических культур» как результат «сложения» их комплексов (Кольцов, 1979). С моей точки зрения, гипотеза Л.В. Кольцова – всего лишь изложение стандартного способа механического смешения археологического материала, а никак не генезиса археологических культур, но подробнее об этом ниже.

Путь анализа или анализ пути?

Несмотря на значительные успехи, достигнутые за последние 25 лет в изучении кундской культуры, стоянка Пулли так и остается самым древним ее памятником. Поэтому вопрос о происхождении кундской культуры напрямую связан с проблемой генезиса пуллийской индустрии. Вне зависимости от того, какой путь исследования – анализ или синтез – коллекции Пулли избрать, в результате требуется установить круг аналогов и определить на этой основе источник пуллийской индустрии.

Стоянка Пулли была открыта в 1967 г. Л.Ю. Янитсом и исследована на площади 1159 кв. м в 1968–1973 и 1975–1976 гг. (Jaanits L., Jaanits K., 1975; 1978; Jaanits K., 1981; Яанитс; 1989, № 2450). Мощность культурного слоя составляет от 0,1 до 0,15 м и лишь местами она достигает 0,2 м. Плотность находок невелика, и равна в среднем 2 экз. на 1 кв. м. Всего найдено 2319 каменных изделий, в том числе – по данным К.Л. Янитса – 283 предметов со следами вторичной обработки[14] (Яанитс, 1989, № 2450).

Основная масса артефактов выполнена из мелового, черного, слабо прозрачного кремня высокого качества, ближайшие месторождения которого находятся в Литве и Белоруссии. Изделия из других пород камня представлены единичными экземплярами (Яанитс, 1989, № 2450, с. 8, 9). Таким образом, наличие «импортного» сырья косвенно указывает на пришлый характер пуллийского населения в Эстонии. Об этом же говорит и то обстоятельство, что в максимум валдайского оледенения территория Прибалтики была скрыта под материковым льдом. Ее постепенное освобождение от материкового льда происходило на протяжении 13–12 тыс. л. н., а территория Эстонии, наиболее северная в регионе, вообще освободилась не ранее 11 000 л. н. (Квасов, 1975; Яанитс, 1989, № 2450, с. 8). Значит, только с финального палеолита возникла потенциальная возможность ее освоения (Палеогеография Европы.., 1982; Долуханов, 1969; Квасов, 1975). Возникают законные вопросы, откуда пришло это население и кем были эти первопроходцы? Традиционным ответом служит: «мадленские и свидерские охотники на северного оленя», и указывается юго-восточное направление «миграционных потоков» (Римантене, 1971; Кольцов, 1977; Янитс, 1981; Зализняк, 1991, Залізняк, 1995, 1999). Мне представляется, что число первопроходцев было несколько иным, чем об этом традиционно принято говорить, причем среди предков пуллийского населения следует назвать и обитателей Центра Русской равнины, точнее, население рессетинской культуры (Сорокин, 1986а, б; 1987а, б, г, е; 1989в–д; 1990; 1995; 2000а; 2002а; 2004; Sorokin, 1999).

Компоненты индустрии или индустрия компонентов?

При анализе материалов Пулли прежде всего возникают два вопроса: первый – о единстве комплекса, второй – о компонентах охотничьего вооружения. На первый из них однозначного ответа нет, так как памятник в силу объективных причин не исследовался по методике пространственной фиксации. Кроме того, незначительна и мощность культурного слоя, поэтому даже с трехмерной фиксацией вероятность разделения материала на отдельные комплексы была бы невелика. В этой связи замечу, что в качестве доказательства «чистоты» материала нельзя принять иногда звучащий аргумент, что слой памятника перекрыт двухметровым слоем песка – отложениями Анцилового озера, которые законсервировали его. Ибо до этого события мог пройти достаточный отрезок времени, чтобы находки были перемешаны под воздействием почвенных процессов, то есть «законсервирован» мог быть и уже смешанный материал. Повод для сомнения в единстве материала дают и радиокарбоновые данные, но об этом ниже.

Охотничье вооружение считается основным признаком при выделении археологических культур эпохи мезолита (Формозов, 1959), поэтому для решения вопроса генезиса пуллийской индустрии следует установить компоненты пуллийского охотничьего вооружения и их возможное происхождение. Они включают:

1) асимметричные наконечники стрел с боковой выемкой без плоской ретуши на брюшке (рис. 13, *2*),

2) асимметричные наконечники стрел с боковой выемкой и плоской ретушью на брюшке (рис. 13, *3*),

[14] Коллекция хранится в Институте истории Эстонии, № 4441 и № 4476.

3) микролиты с затупленным ретушью краем (рис. 13, *7*),

4) микролиты с затупленным ретушью краем и основанием (рис. 13, *5*),

5) шиповидные острия (рис. 13, *4*),

6) прямоугольники (рис. 13, *8*),

7) симметричные черешковые наконечники стрел с плоской ретушью на брюшке (рис. 13, *9*),

8) симметричные черешковые наконечники стрел с полукрутой ретушью на брюшке (рис. 13, *10*).

Нет нужды включать в этот список вкладыши из фрагментированных пластин. Они присутствуют практически в любой мезолитической коллекции и не имеют, следовательно, какой-либо культурной специфики. Попытаемся теперь определить, где же есть аналоги всех перечисленных типов и что может служить их прототипами?

Тип 1 – асимметричные наконечники стрел с боковой выемкой без плоской ретуши на брюшке. Одна из наиболее широко распространенных форм в верхнем палеолите Восточной Европы. Присутствует на Дону в Гагарино и памятниках Костенковско-Боршевского района (Палеолит.., 1982; Палеолит СССР, 1984; Тарасов, 1987; Особенности развития.., 2002), в Авдеево на р. Сейм (Гвоздовер, 1998) а также в Хотылево 2 на Десне (Заверняев, 1984) и Зарайской стоянке на р. Осетр (Амирханов, 2000). Есть этот тип и в коллекциях рессетинской культуры (тип А), причем как ранних, так и поздних из них (Сорокин, 1989в–д; 2002а). Отсутствует в свидерской культуре (Prahistoria.., 1975; Kozlowski J., Kozlowski S., 1975; Зализняк, 1989; Залізняк, 1999). В Пулли он представлен единственным экземпляром, причем не очень выразительным, «пережиточным».

Тип 2 – асимметричные наконечники стрел с боковой выемкой и плоской ретушью на брюшке – представлен в Пулли единственным экземпляром. Особенностью служит то, что плоская ретушь занимает не только кончик пера, но и часть корпуса. Его прототипом могут быть наконечники Хотылево 2, Гагарино и Авдеево, причем как по форме, так и по вторичной обработке. Напротив, в чистых памятниках свидерской культуры асимметричные наконечники не известны. Более того, у них иной характер вторичной обработки: на асимметричных наконечниках непременно присутствует крутая дорсальная краевая ретушь, отсутствующая на свидерских изделиях. Единственное, что их объединяет, – это плоская вентральная ретушь на пере, но хорошо известно, что она не является «достоянием» исключительно свидерской культуры. Более того, эта ретушь хорошо известна и в Хотылево 2, и в Гагарино, и в Авдеево, где она служит одним из основных формообразующих приемов обработки, а также в памятниках, не входящих в круг «восточного граветта» (Амирханов, 1997; Восточный граветт, 1998; Палеолит СССР, 1984; Слободин, 1999; Neolithic in Turkey, 1999). Этот тип присутствует и в рессетинских стоянках, но степень обработки брюшка не столь велика (Сорокин, 1989б–д; 2002а).

Тип 3 – микролиты с затупленным ретушью краем – представлены в Пулли, по данным К. Яанитса (Яанитс, 1989, № 2450), 69 экз. Это самый массовый тип охотничьего вооружения памятника и наиболее распространенный тип микролитов в мезолите Восточной Европы (Kozlowski, 1972; 1989; Kozlowski J., Kozlowski S., 1975; Prahistoria.., 1975; Телегин, 1986; Зализняк, 1984; 1991; Залізняк, 1995; Galinski, 1997). Он также весьма характерен для «восточного граветта», каменнобалковской культуры и т.д. Это основной тип микролитов в рессетинской и бутовской культурах (Сорокин, 1989б–д; 1990; 2002а). В то же время он совершенно не известен в свидерских стоянках. Нет его и в коморницких материалах (Kozlowski, 1972; 1989; Prahistoria.., 1975; Зализняк, 1991; Galinski, 1997), хотя некоторые обломки острий типа Ставинога и могут их напоминать.

Тип 4 – микролиты с затупленным ретушью краем и основанием – относятся к редким типам изделий, в Пулли они представлены тремя экз. Здесь их особенностью служит выемка на скошенном конце, мало объяснимая функционально. Если предмет использовался в качестве бокового вкладыша составного лезвия, выемка, как правило, отсутствует. Однако если предположить, что это редуцированное косое острие, то такая форма вполне вероятна. Подобный тип эпизодически встречается в памятниках «восточного граветта», каменнобалковской и рессетинской культурах, присутствует в некоторых бутовских и яниславицких стоянках, хотя в двух последних скошенное основание бывает, как правило, прямым. Этот тип абсолютно не известен в свидерской культуре и не характерен для коморницкой культуры (Kozlowski, 1972, 1989; Kozlowski J., Kozlowski S., 1975; Prahistoria.., 1975; Зализняк, 1991; Galinski, 1997; 2001).

Тип 5 – шиповидные острия из микропластин. В Пулли представлены двумя экз., абсолютно не известны в свидерской и коморницкой культурах, зато весьма характерны для рессетинской культуры (тип Б), где отличаются значительным разнообразием и включают как острия с микрорезцовыми сколами, так и без них, лишь с одним ретушированным краем (Сорокин, 1987б, г, е; 1989г, д; 2002а). Может также иметь на ретушированном краю шиповидный выступ. Сходство пуллийского острия с рессетинскими определяется, помимо редуцированного шиповидного выступа, и такой важной особенностью, как ориентация изделия – использование бугорковой части в виде боевого конца. Не вызывает сомнения, что данные изделия

в Пулли есть не что иное, как один из вариантов рессетинского острия. Опять-таки присутствие в Пулли микрорезцов подтверждает такую атрибуцию данных изделий.

В Пулли шиповидные острия (тип 5) находят свое логическое продолжение в микролитах с затупленным краем и основанием (тип 4), о чем свидетельствует имеющаяся на них выемка. Для бокового вкладыша она не обязательна, однако как дань традиции вполне уместна. Следует обратить внимание и на следующую деталь: эти предметы можно использовать не только в качестве своеобразных боковых вкладышей с шипом, но часть из них, если судить по целому наконечнику из 9-го слоя Замостья 5, может быть фрагментами черешков все тех же рессетинских наконечников типа Б.

Что касается самой микрорезцовой техники, то расцвета она, бесспорно, достигла в мезолите, однако изобретена была уже в верхнем палеолите, причем была хорошо известна и в граветтских памятниках (Павлов, Хотылево 2, Гагарино), линию развития которых продолжает рессетинская культура.

Тип 6 – прямоугольники – представлен в Пулли двумя экз.. Этот тип микролитов достаточно редок и, вероятно, не выделяется в самостоятельный, а является всего лишь разновидностью микролитов с затупленным краем и основанием (тип 4). Абсолютно не известен в свидерской культуре, встречается в некоторых бутовских стоянках (Петрушино, Микулино, Елин Бор) в количестве одного-трех предметов, эпизодически присутствует в янисла-вицких комплексах, в коморницких материалах не известен. Один прямоугольник входит в комплект кинжала из нижнего рессетинского слоя стоянки-могильника Минино 2 (Сорокин и др., 2001). Прямоугольники имеются в Гагарино и серийно присутствуют в каменнобалковских материалах.

Наличие или отсутствие прямоугольников, как и любых других единичных вещей, в комплексах, скорее всего, случайно. Во всяком случае, они могут не выделяться из морфологического ряда микролитов с затупленным краем в качестве самостоятельной формы. Их спорадическое появление может быть обусловлено технологически, когда возникает необходимость точной подгонки вкладышей в оправу. Вместе с тем однозначно можно утверждать, что из числа обсуждаемых культур прямоугольников достоверно нет в свидерской.

Тип 7 – симметричные черешковые наконечники стрел с плоской ретушью на брюшке – представлен в Пулли единственным экземпляром, но он наиболее выразителен в комплексе. Перо обработано плоской пильчатой ретушью, совершенно не характерной для свидерской культуры. Кроме того, плоской ретушью обработан значительно больший участок поверхности брюшка, чем у свидерских наконечников, а частично утраченный черешок увенчан шипообразными краями. С некоторых пор этот тип принято считать «типично пуллийским» (Кольцов, 1977; Зализняк, 1991; Залізняк, 1995; 1999; Жилин, 2000). Оба этих элемента не характерны для свидерских наконечников, зато абсолютно аналогичные изделия, насколько можно судить по фрагментам, встречены в Рессете 3 (3 экз.) (Сорокин, 2002а), Веретье 1 (1 экз.) (Ошибкина, 1997) и некоторых бутовских стоянках (Бутово 1, Заборовье 2) (Кольцов, Жилин, 1999; Жилин, 2000). Имеются они и в материалах других стоянок раннего (пуллийского) этапа кундской культуры (Ostrauskas, 2000).

Целые симметричные иволистные наконечники стрел в Пулли отсутствуют. Из-за невыразительности имеющихся обломков их присутствие в комплексе достоверно не устанавливается, поэтому невозможно судить не только об оформлении целых форм таких наконечников, но и привести им корректные аналогии.

Тип 8 – симметричные черешковые наконечники стрел с полукрутой ретушью на брюшке. Аналогов в свидерской культуре также не имеет, так как полукрутая ретушь здесь хоть и используется эпизодически, но с дорсальной, а не вентральной поверхности. Более всего они напоминают наконечники типа хинтерзее, отождествляемые с аренсбургской культурой, но сходство не буквальное (Taute, 1968). Кроме того, на свидерских наконечниках непременно присутствует плоская ретушь на брюшке, отсутствующая в Пулли (Kozlowski J., Kozlowski S., 1975; Prahistoria.., 1975; Зализняк, 1989; Залізняк, 1995; 1999). Аналогичные изделия встречены в поздних рессетинских памятниках, в бутовской и парчевской культурах, и других так называемых постсвидерских. В Пулли он представлен двумя целыми экземплярами и шестью обломками. Кроме того, в коллекции имеются девять невыразительных обломков наконечников, по которым целые формы не восстанавливаются.

Итак, бинарность охотничьего вооружения Пулли не вызывает никакого сомнения. Четко представлен «рессетинский компонент», который доминирует в комплексе. Подчиненное положение занимают колющие симметричные наконечники так называемого постсвидерского типа. Анализ показывает, что все восемь из восьми типов охотничьего вооружения Пулли, включая и т.н. постсвидерские, имеют аналогии в материалах рессетинской культуры, преимущественно ее позднего этапа. В памятниках раннего этапа этой культуры присутствуют лишь наконечники с боковой выемкой (типы 1 и 2) и весь спектр микролитов с затупленным краем (типы 3–6). Поздние рессетинские памятники наряду с микролитами дают и симметричные колющие наконечники, как черешковые

(типы 7 и 8), так и четкие иволистные экземпляры, достоверно не выделяемые в Пулли.

Анализ показывает, что только два типа (7 и 8) из восьми, имеющихся в Пулли, напоминают свидерские наконечники. Их традиционно называют поствидерскими, хотя прямых аналогий там, как ни странно, они не имеют. Все остальные отношения к свидерской культуре не имеют вообще.

Полагаю, что вывод из всего сказанного только один: «разложение» комплекса пуллийского охотничьего вооружения на составляющие со всей очевидностью показывает, что пуллийское и рессетинское охотничье вооружение полностью соответствуют друг другу и, напротив, пуллийское и свидерское вооружение не имеет между собой ничего общего, кроме единственного приема вторичной обработки – плоской вентральной ретуши. Таким образом, если «рессетинский компонент» в Пулли достаточно многообразен, осязаем и в численном отношении составляет наибольшую часть коллекции, то симметричные наконечники менее многочисленны и практически не имеют четких аналогий в свидерской культуре. Следовательно, тезис о свидерских истоках пуллийского охотничьего вооружения, как и индустрии в целом, неверен и от него следует отказаться. Значит, как это ни парадоксально звучит, свидерские истоки «постсвидера» в Пулли при всей их, казалось бы, очевидности еще надо доказать.

Если брать все типы охотничьего вооружения стоянки Пулли по отдельности, то круг аналогий, как отмечалось, весьма широк, хотя чаще всего в этом списке в качестве прототипов будут звучать находки памятников «восточного граветта» (Палеолит СССР, 1984; Палеолит.., 1982; Амирханов, 1997; 2000; Восточный граветт, 1998; Особенности развития.., 2002). Если же рассматривать охотничье вооружение Пулли в совокупности, то круг аналогий резко сузится. Не вызывает сомнения, что комплекс в целом повторяется лишь в одной культуре – рессетинской, причем наиболее близок Пулли материал ее эпонимной стоянки – Рессеты 3 (Сорокин, 1987, 1989, 2002; Sorokin, 1999). Здесь следует сказать и о том, что ни Прибалтика, ни Белоруссия, ни Польша не дают полных аналогов пуллийской индустрии, которые бы по времени ей предшествовали (Гурина, 1966; Taute, 1968; Prahistoria.., 1975; Ксензов, 1994; 1997; 2001; Kozlowski, 1972; 1989; Kozlowski J., Kozlowski S., 1975; Зализняк, 1989; Залізняк, 1995; 1999; Galinski, 1997; Butrimas, Ostrauskas, 1999; Ostrauskas, 2000; Симашко, Брзозовски, 2002). В то же время Рессете 3 предшествуют такие финально-палеолитические памятники, как Суконцево 8, 9 и Таруса 1. Сравнение, следовательно, приводит к трем выводам: 1) истоки пуллийской индустрии в Прибалтике, Белоруссии и Польше отсутствуют, 2) выявлено существенное несходство свидерского и пуллийского охотничьего вооружения; 3) установлена тождественность набора пуллийского вооружения материалам волго-окской стоянки Рессета 3 (Сорокин, 2002, 2004).

Легко также заметить, что Пулли дает пережиточные формы охотничьего вооружения, меньшее их разнообразие по сравнению с Рессетой 3 и пример деградации микрорезцовой техники, то есть хронологически этот памятник позднее Рессеты 3. Вместе с тем очевидно и другое, что Рессета 3 и Пулли не дают однозначного ответа на вопрос о «чистоте» самих коллекций. Известно, что финально-палеолитические (Суконцево 8, 9, Таруса 1) и некоторые пребореальные памятники рессетинской культуры (Усть-Тудовка 4, н.с.), несмотря на присутствие в них асимметричных наконечников с плоской ретушью на брюшке (тип Б), выразительного «постсвидера» не дают. А в тех материалах, которые синхронны или позднее Рессеты 3, «постсвидер» уже присутствует (Альба 1 и 3, Ланино, Борки, Нижние Котицы, Лужки Б, Култино 3, Прислон, Золотилово и др.). При этом даже если коллекции не сортированы, далеко не всегда можно говорить об их механическом смешении, хотя это и наиболее вероятно. Существенную роль в смешении археологических материалов, помимо природных процессов (Сорокин, 2000, 2002), играют многие современные полевые методики. Вот почему появление т.н. постсвидерских наконечников в поздних памятниках рессетинской и ранних стоянках кундской культур – это та проблема, которую предстоит еще разрабатывать и которая требует существенного улучшения источниковедческой базы. Совершенно очевидно также, что круг аналогий этим изделиям и, соответственно, поиск истоков не должен замыкаться исключительно на свидерской культуре, так как и форма этих изделий, и плоская вентральная ретушь распространены гораздо шире, чем территория и хронологические рамки свидерской культуры. Плоская ретушь на наконечниках имеется в материалах значительно более древних (Палеолит.., 1982; Палеолит СССР, 1984; Восточный граветт, 1998; Особенности развития.., 2002), а также в стоянках значительно удаленных от территории Восточной Европы (Мочанов, 1977; Амирханов, 1997; Слободин, 1999; Хлобыстин, 1998; Мочанов, Федосеева, 2002; Neolithic in Turkey, 1997). В верхнем палеолите Русской равнины наконечник с плоской ретушью на брюшке представлен в таких памятниках, как Авдеево и Костенки 1 (Ефименко, 1958; Амирханов, 1998; Аникович, 1998; Гвоздовер, 1998; Палеолит.., 1982). Есть плоская ретушь также на наконечниках из Хотылево 2 (Заверняев, 1974), Гагарино (Тарасов, 1965; 1979; 1986) и Зарайской стоянки (Амирханов, 2000). В литературе

даже не исключается, что генезис самой свидерской культуры мог быть связан с какой-то из перечисленных индустрий (Taute, 1968). Вот почему нельзя абсолютно исключить того, что материалы, объединяемые термином «восточный граветт», могут иметь непосредственное отношение к генезису свидерской культуры и «постсвидера». Во всяком случае, линия развития от Хотылево 2 и Гагарино к рессетинской, кундской и бутовской культурам (Sorokin, 1999; Сорокин, 2004) представляется не просто осязаемой, но и вполне естественной, чего совершенно нельзя сказать о линии Свидер – Кунда (Пулли). Следует отметить и тот факт, что классические «постсвидерские» наконечники есть в неолитических стоянках Аравийского полуострова (Амирханов, 1997) и Анатолии (Neolithic in Turkey, 1999), синхронных по времени ранним кундским и бутовским памятникам, не говоря уже о совсем дальних территориях (Мочанов, 1977; Хлобыстин, 1998; Слободин, 1999; Мочанов, Федосеева, 2002). Однако вряд ли в настоящее время можно всерьез говорить о какой-либо связи населения Аравийского и Анатолийского полуостровов, Европейских равнин и отдаленных районов Сибири друг с другом, как и об обмене между всеми этими популяциями.

Присутствие «постсвидерского» охотничьего вооружения в памятниках побережья Охотского моря (Слободин, 1999), Таймыра (Хлобыстин, 1998) и Якутии (Мочанов, 1977; Мочанов, Федосеева, 2002) отмечу особо, ибо по времени они синхронны восточноевропейскому «поствидеру», но удалены значительно дальше, чем Аравийский полуостров или Турция. Это обстоятельство полностью исключает идею заимствования и даже, вероятно, возможность миграций. Однако, прежде чем конкретизировать проблему «постсвидера», следует вернуться к Пулли и остановиться на его возрасте.

Даты памятника или памятник датам?

Для памятника получено пять радиокарбоновых дат: 9600±120 л.н. (ТА-245) и 9575±115 л.н. (ТА-176) для нижней части слоя, 9300±75 л.н. (ТА-175) и 9285±120 л.н. (ТА-284) для верхней части слоя. А очаг, обложенный камнями, датирован 9350±60 л.н. (ТА-949) (Jaanits, 1981; Яанитс, 1989, № 2450, с. 10; Loze, Liiva, 1990). Л.Ю. и К.Л. Янитсы – исследователи памятника, полагают, что он однослойный и относится к пребореалу (Jaanits L., Jaanits K.,1978). Пребореальный возраст памятника подтверждает и пыльцевая диаграмма (Яанитс, 1989, № 2450).

Комментируя эти сведения, М.Г. Жилин пишет, что *«памятник однослойный»*, при этом *«последняя дата наиболее точно показывает время заселения стоянки, остальные данные*[15] *ей соответствуют»* (Жилин, 2001, с. 26). Чтобы убедиться в справедливости обоих утверждений, достаточно произвести несложную процедуру по вынесению дат на полигон. Совершенно очевидно, что имеющиеся данные четко распадаются надвое и перекрываемый интервал первой группы составляет 9480–9690 л.н. или 210 лет, второй еще более узок и соответствует 9290–9375 л.н. или 85 годам. При этом хронологический интервал между обеими сериями (9480 против 9375) равен 105 годам, что вполне ощутимо, особенно учитывая общие для выборок интервалы образцов. Несложно также заметить, что первый из интервалов маркирует низ слоя, а второй – его верх, где зафиксирован и каменный очаг. Следовательно, ни о каком соответствии дат друг другу, на котором настаивает М.Г. Жилин, не может быть и речи. Напротив, эти данные дают все основания полагать, что было, по крайней мере, два разных этапа заселения памятника. Таким образом, все сказанное позволяет поставить под сомнение и тезис о единстве материала, тем более что бинарность комплекса Пулли совершенно очевидна.

Конечно, было бы заманчиво видеть за двумя «горизонтами обитания» подтверждение его бикультурности и отождествить первый эпизод с рессетинским комплексом, а второй – с «постсвидерским», однако для этого необходимо провести изучение полевых описей и установить «адреса» охотничьего вооружения. Несмотря на то что памятник раскапывался без трехмерной фиксации, есть веские основания полагать, что планиграфические наблюдения могут быть полезны при решении данного вопроса.

Косвенным подтверждением смешанности материала служит стоянка Лепакозе, в нижнем слое которой есть пуллийский (=рессетинский) наконечник с боковой выемкой (типа А), но отсутствуют «постсвидерские» (Янитс К., 1975; Jaanits K., 1978). К сожалению, этот комплекс, выполненный, как и Пулли, из «импортного» кремня, довольно малочислен, чтобы служить веским основанием выдвигаемого положения. И тем не менее бинарность коллекции Пулли, наличие нестыковки и перерыва в его радиокарбоновых датах на фоне монокультурности нижнего слоя Лепакозе дают основание для постановки вопроса о «чистоте» и единстве коллекции Пулли.

Если генезис «рессетинского компонента» в Пулли очевиден, то вопрос о свидерских истоках «постсвидера» значительно сложнее и его надо рассмотреть особо.

---

[15] Прим.: Вторая дата приведена М.Г. Жилиным (Жилин, 2000, с. 26; 2001, с. 72) неверно, это явная ошибка (см.: Jaanits L., Jaanits K., 1975; Loze, Liiva, 1990).

«Постсвидер» или пост Свидера?

Имеющиеся в настоящее время данные позволяют со всей очевидностью утверждать, что прием плоского ретуширования брюшка наконечников, как и форма многих этих изделий, не привязаны к конкретным эпохам, территориям или культурам. Полагаю поэтому, что увязывать их появление в кундской культуре, исходя из принципа территориально-хронологической близости, исключительно со свидерским наследием достаточного основания нет. Перед нами, следовательно, проблема, которая требует для своего решения не только дальнейшей специальной разработки и подключения независимых естественнонаучных методов датирования, но и существенного улучшения самой источниковедческой базы. Эту базу во многом фактически придется создавать заново, так как требуются и структурно целостные памятники, и использование методики пространственной фиксации при их полевом изучении и камеральной обработке.

Следует признать, что наличие на брюшке пуллийских наконечников плоской ретуши не свидетельствует однозначно о свидерской традиции: очень многое изменилось с 1950–1970-х гг. в представлениях о мезолите и значительно расширился круг источников. Стало понятно, что подобное ретуширование не только достаточно широко представлено в памятниках «восточного граветта» Русской равнины, но и присутствует в Хотылево 2 и Гагарино, индустриях-предшественниках рессетинской индустрии. Точно так же, как эта же ретушь имеется на дистальных частях и некоторых рессетинских наконечников. То есть этот прием находит свое логическое объяснение в хронологической и генетической цепочке, которая выстраивается от верхнепалеолитических памятников Хотылево 2 (Заверняев, 1974) и Гагарино (Тарасов, 1979, 1981) через финально-палеолитические стоянки Таруса 1, Суконцево 8, 9 вплоть до пребореальных памятников – Рессеты 3, 2 и, наконец, Пулли (Сорокин, 1987, 1995; Sorokin, 1999). Это не значит, что я настаиваю только на этом единственном источнике техники плоского ретуширования в рессетинской и кундской культурах. Но я убежден, что перед нами не просто стадиальное сходство рессетинских и ранних кундских материалов, а и их прямая генетическая цепочка и последовательность.

Вместе с тем безосновательно отрицать сам факт, что плоское вентральное ретуширование служит своеобразной визитной карточкой свидерской культуры. Несмотря на наличие этого приема в памятниках «восточного граветта» и возможные «восточно-граветтские» истоки самой свидерской культуры, целиком отбрасывать идею «свидерского происхождения» «постсвидера» пока рано. Однако хочу еще раз подчеркнуть, что она требует своего надежного обоснования и должна быть не предметом декларации, а специального исследования и критического анализа. Во всяком случае, этот переход, если он был, не может быть объяснен только как результат адаптации свидерского населения в раннем голоцене к условиям лесной зоны. Ибо во всех исконных свидерских землях – и на территории Польской, и на территории Полесской низменностей, которые в мезолите также входили в лесную зону, никакого «постсвидера» нет (Taute, 1968; Prahistoria.., 1975; Kozlowski S., 1972, 1989; Kozlowski J., Kozlowski S., 1975; Galinski, 1997; Зализняк, 1989, 1991; Залізняк, 1995, 1999). Напротив, здесь развиваются коморницкая и янославицкая культуры, генетически не имеющие никакого отношения к Свидеру, как и сложению пуллийской индустрии. Правда, в некоторых стоянках этих культур присутствуют наконечники с плоской ретушью на брюшке, традиционно обозначаемые термином «постсвидерские», но причины их появления в этих комплексах никем не обсуждались и не объяснялись, как и не предпринималось специальных попыток установления их генезиса. Прояснению ситуации не способствует и крайняя малочисленность независимых дат. В вопросе о роли свидерской культуры в генезисе т.н. постсвидерских культур немаловажно и то обстоятельство, что содержание самого этого термина достаточно неопределенно и что до сих пор никем не было произведено корректное сравнение культур, относимых к постсвидерским.

Полагаю, что для корректного доказательства «свидерской гипотезы» в генезисе кундской, бутовской и всех прочих «постсвидерских» культур не хватает, по крайней мере, двух немаловажных обстоятельств:

1) доказательства производного характера т.н. постсвидерских наконечников с плоской ретушью на брюшке именно от наконечников свидерской культуры;

2) надежных источников, зафиксированных с помощью пространственной методики.

Таким образом, доказательство свидерских корней «постсвидера» должно базироваться не только на фронтальной проработке имеющихся данных, но и напрямую зависит от качественного улучшения всей источниковедческой базы. Поэтому уместно согласиться с М.Н. Желтовой, которая считает, во-первых, «что на настоящий момент кажется возможным независимое существование идеи наконечника на пластине с минимумом вторичной обработки в разное время и на разных территориях, поскольку эта идея очень проста и абсолютно функциональна». И во-вторых, что «настал черед дать ответ на вопросы, где границы свидерской культуры, как она трансформируется во времени

и являются ли формально схожие мезолитические материалы связанными с ней генетически или как-нибудь иначе?» (Желтова, 2000, с. 20).

Интересно, что и сам С.К. Козловский, предложивший на рубеже 1960–1970-х гг. термин «постсвидер» (Kozlowski S., 1972), еще в конце 1980-х гг. писал, что «у нас нет сведений, которые бы позволяли нам датировать этап свидерской дисинтеграции (распада) и перехода в постсвидер» (Kozlowski S., 1989, с. 166).

Не вызывает сомнения, что содержание понятия «постсвидер» и генезис этого явления заслуживают специального исследования, но эта тема выходит, к сожалению, из рамок данной работы.

Традиция трансформаций или трансформация традиций?

М.Г. Жилин, однако, утверждает что «трансформация индустрии свидерских памятников типа Саласпилс-Лаукскола в индустрию ранней кундской культуры в течение первой половины пребореала органично вписывается в развитие наиболее ранних постсвидерских индустрий» (Жилин, 2000, с. 72). Не буду останавливаться на терминах, что нет «ранней кундской культуры», как и «ранних постсвидерских индустрий». В специальной литературе давно уже утвердился довольно свободный подход к русскому языку и терминам. Скажу лишь, что Саласпилс-Лаукскола не имеет радиокарбоновых дат (Zagorska, 1972, p. 80–98; 1993, p. 97–117; 1994, p. 14–28; 1996, p. 181–190; 1999, p. 131–166), поэтому утверждение, что ее индустрия «органично вписывается» куда бы то ни было, остается пока ничем не подкрепленным предположением. И не более того. Напротив, сравнение свидерских и «постсвидерских» комплексов приводит меня к прямо противоположному выводу: в свидерской и пуллийской индустриях имеются качественные различия как в технике первичного расщепления, так и вторичной отделки, а также составе обрабатывающих орудий и охотничьего вооружения. В свидерской культуре господствует односторонний торцевой принцип расщепления челновидных ядрищ, в Пулли – круговое скалывание с призматических и конических нуклеусов. Здесь не просто разный принцип расщепления, крепления, но и вращения ядрищ в ходе раскалывания. Не лишним будет отметить и практическое отсутствие в Пулли челновидных нуклеусов, что было бы логично в случае родства двух этих индустрий. На наличие связи между свидерской и кундской индустриями могло бы указывать не столько то, что в некоторых стоянках свидерской культуры появляются призматические и конические ядрища, характерные для «постсвидера», а то, что в «постсвидерских» памятниках эпизодически встречаются челновидные свидерские нуклеусы. Как раз этого и не наблюдается ни в кундских, ни в бутовских, ни в других т.н. постсвидерских материалах.

В свидерской индустрии целью первичного расщепления служит получение пластинчатых сколов, в пуллийской – основой является микропластинчая техника. В первом случае вкладышевая техника практически не известна. Характерно, что даже в Яново и других свидерских стоянках Посожья, где микролитизм заготовок определялся размерами исходного сырья, не происходит изобретение вкладышевой техники (Копытин, 1977, 1991, 1999). В Пулли, напротив, – это основа индустрии и охотничьего вооружения. Более того, даже технологические отходы первичного расщепления в них разнятся составом и количественно.

В свидерских памятниках не известна микрорезцовая техника[16], в Пулли она маркируется микрорезцами. В свидерских материалах не используется крутое краевое ретуширование, в Пулли это наиболее характерный прием вторичной обработки.

Орудийный набор двух культур значительно различается, причем состав небольшой коллекции Пулли существенно разнообразнее набора любой самой крупной свидерской коллекции. Среди обрабатывающих орудий Пулли нет срединных резцов, столь характерных для свидерских стоянок, многообразнее формы скребков и нет топоров с перехватом из отщепов, зато, хоть и во фрагментах, представлены двусторонне обработанные топоры и тесла подтрапециевидных и подовальных очертаний, которые присутствуют и в рессетинских стоянках. Кстати, это те самые бифасы, в наличии которых сомневается В.П. Ксензов (Ксензов, 2001). В свидерской культуре отсутствует вкладышевое охотничье вооружение, напротив, в Пулли оно разнообразно и численно значительно превышает колющие наконечники.

М.Г. Жилин, однако, полагает, что «единственной инновацией, которую невозможно вывести из свидерской культуры, является распространение различных микролитов с затупленным краем, наибольшей серией представленных в Пулли» (Жилин, 2000, с. 72). Он ошибается, это далеко не единственная инновация. Из свидерской культуры нельзя вывести технику первичного расщепления Пулли, микрорезцовую технику, формы многих обрабатывающих орудий, всю микролитическую группу и вкладышевое вооружение, как и его разнообразие.

[16] В Саласпилс-Лаукскола имеются не микрорезцы, как об этом пишут М.Г. Жилин и Л.В. Кольцов (Кольцов, Жилин, 1999; Жилин, 2000), а псевдомикрорезцы (Залізняк, 1999), для получения которых микрорезцовая техника не используется.

«Для решения этого вопроса, – продолжает он дальше, – очень интересны материалы поселения Милуки в Северо-Восточной Польше, где в слое 8 вместе с типичными пуллийскими кремневыми изделиями встречены микролиты с затупленным краем (острия типа Ставинога), характерные для коморницкой культуры. Условия залегания – по утверждению М.Г. Жилина – исключают возможность попадания в этот культурный слой посторонних примесей» (Жилин, 2001, с. 73). Действительно, для коморницкой культуры характерны острия типа Ставинога (Коморница), но в Пулли их нет[17], как нет и коморницких треугольников и прочего, характерного для этой культуры охотничьего вооружения (Kozlowski S., 1972, 1989; Kozlowski J., Kozlowski S., 1975; Prahistoria.., 1975; Зализняк, 1991; Залізняк, 1995; Galinski, 1997, 2001). Кроме того, острия это совсем не одно и то же, что и микролиты с затупленным краем. А по поводу того, что исключено случайное попадание двух коморницких острий в кундский (? – *А.С.*) слой – тоже не соглашусь. Механическое смешение материала – это как раз самое обычное явление, абсолютно стандартная и, более того, закономерная ситуация. Закон натурации подробно описан (Сорокин, 2000, 2002) и нет необходимости повторяться. Единственное, на что следует обратить внимание – это его объективность. Природа смешивает все материалы, вне зависимости от их культурной принадлежности и возраста. При этом механическому смешению подвергаются материалы абсолютно всех культур, население которых обитало на конкретной территории, только из-за их случайного планиграфического совпадения, которое неизбежно, ибо приоритеты в выборе мест проживания в каменном веке у всех были одинаковы. Не вижу никакого основания, чтобы для свидерской и коморницкой культур в этом отношении было какое-либо исключение.

Не кажется убедительной и фактологическая база в три микролита из двух слоев и одного колющего наконечника, которой оперирует М.Г. Жилин для доказательства свидерско-коморницкого взаимодействия. Как не является аргументом «кундского влияния на бутовскую культуру» (Жилин, 2000) и сортированная коллекция Прислона (Жилин и др., 1996) или фактически подъемный материал раскопок Бутово (Кольцов, 1969; 1971; Кольцов, Жилин, 1999). Напротив, М.Г. Жилин абсолютно уверен, что «стоянка Милуки отмечает контакт пуллийского населения с коморницким[18]. В результате таких контактов население раннего этапа кундской культуры и воспринимает от носителей коморницкой культуры микролиты с затупленным краем, которые по мере распространения дальше на восток изготовляются в пуллийской технологии и быстро трансформируются в микропластинки и острия, характерные для раннего этапа культуры кунда» (Жилин, 2000, с. 73). Вопрос о «скорости трансформации» и роли «восточной ориентации» памятников в генезисе пуллийской индустрии оставлю на усмотрении писавшего это. Возникает, тем не менее, законное сомнение: с чего бы это люди заимствовали острия типа Ставинога и тут же, без всякой видимой причины, начали изготавливать их в пуллийской технологии, которой, кстати, пока еще нет? А тем более активно трансформировать? Любое усвоение заимствованного начинается с его копирования, попыток добиться максимального сходства с оригиналом. Но копий нет, а есть изделия, абсолютно не похожие на коморницкие. Предположить, что это произошло от неумения «учеников», – абсурдно, так как образцы их оригинальных изделий вполне совершенны. Значит, вывод один: заимствования микролитов у коморницкого населения не было.

Для того чтобы что-либо изменять в любом направлении, нужна отработанная технология, образцы для подражания или веские причины. Нет, однако, ни одного, ни другого, ни третьего. Точнее, образцы для подражания есть, но не в коморницкой, а в рессетинской культуре, конкретно, в Рессете 3. В этой связи следует обратить внимание на два кинжала, а фактически – наконечника копий из нижнего слоя Минино 2, датированного по радиоуглероду возрастом 10–10,5 тыс. л. н., оснащенных микролитами с затупленным краем, прямоугольником и микролитами с затупленным краем и основанием (Сорокин и др., 2002). По возрасту этот слой синхронен материалам свидерской культуры, древнее стоянок коморницкой культуры и значительно древнее Пулли. Не вызывает сомнения, что микролиты и вкладышевое вооружение были хорошо известны в Волго-Окском бассейне еще до появления Пулли. Так кто же и у кого заимствовал?

Тот факт, что заимствования у населения коморницкой культуры не было, подтверждает и сам М.Г. Жилин, когда в том же абзаце пишет: «*Пулли* и нижний слой поселения *Звейниеки 2 дали выразительные серии изделий из кости и рога* раннего этапа культуры кунда. Примечательно, что стоянка *Милуки, где встречено большое количество фаунистических остатков, почти не дала изделий из кости и рога*. Это же характерно и для стоянки Лайти. Вероятно, *роль* подобных *изделий,* особенно *предназначенных для оснащения метательного вооружения, в коморницкой культуре была не-*

[17] Фрагмент косого острия (Жилин, 2000, с. 74, рис. 1, 16) с не меньшей долей вероятности может быть и обломком рессетинского наконечника.

[18] Не ясно, почему не наоборот, ведь черешковый наконечник всего один, а микролитов – целых три и в двух слоях? – *А.С.*

значительной» (Жилин, 2000, с. 72, 73). При этом сам М.Г. Жилин совершенно не замечает никакого противоречия в сказанном. На самом деле, отсутствие аналогов в костяном вооружении со всей очевидностью говорит о невозможности заимствования пуллийским населением, обладающим развитой вкладышевой техникой, как микролитов, так и целых вкладышевых наконечников у населения коморницкой культуры, у которого всего этого пока нет или находится в зачаточном состоянии. Ибо форма микролитов определяется характером оправ и способами крепления вкладышей, то есть технологически взаимообусловлена. И заимствовать можно лишь всю технологическую цепочку, целые формы изделий, а не два-три выпавших из оправы вкладыша. Точно также не верна и точка зрения Т. Остраускаса о заимствовании микролитов от населения кудлаевской культуры, так как оно еще и моложе (Ostrauskas, 2000).

Уместно обратить внимание и на следующее. Свидерский и «постсвидерский» наконечники как форма самодостаточны, они предполагают лишь наличие древка, при этом сама стрела не требует дополнительного оснащения боковыми вкладышами. Рессетинские наконечники могут использоваться и как самостоятельная форма и как головная часть составного наконечника. В этом случае требуются дополнительные боковые вкладыши. В виде боковых вкладышей могут использоваться микролиты без ретуши, микролиты с затупленным ретушью краем, микролиты с затупленным ретушью краем и основанием, прямоугольники. Как показывает один из двух упомянутых наконечников копий из Минино 2, – все эти микролиты могут быть в одном комплекте (Сорокин и др., 2002).

Что касается технологического аспекта, то рессетинское охотничье вооружение – это единая сопряженная группа (Сорокин, 1987, 1999, 2004), причем микролиты со скошенным концом тоже с полным правом в нее могут входить. Абсолютно то же самое наблюдается не только в рессетинской культуре, но и в Пулли.

Напротив, свидерские наконечники, как отмечалось, самодостаточны и не требуют никаких микролитов. Если они и встречаются вместе, то микролиты являются вкладышами другой категории наконечников – составных, пазовых. Фактически это две разные линии развития охотничьего вооружения. Это две абсолютно самостоятельные категории охотничьего вооружения, дополняющие друг друга, но существующие независимо. В этом их принципиальное отличие. Следовательно, и по этому показателю между рессетинской и пуллийской индустриями связь вполне естественна, чего нельзя сказать о свидерской и пуллийской индустриях. На этом фоне попытка увязывания коморницких острий со свидерскими (постсвидерскими) наконечниками, предпринятая М.Г. Жилиным (Жилин, 2000), – это желание во что бы то ни стало объединить несоединимое и разнородное.

Особо следует сказать и о таком общем техническом приеме для рессетинской и пуллийской индустрий, как микрорезцовая техника, которой нет в «чистых» свидерских памятниках, да и в коморницких материалах она присутствует лишь спорадически (Prahistoria.., 1975; Kozlowski, 1989; Galinski, 1998, 2001). Мне возражает В.П. Ксензов, который в одной из своих работ пишет: «А.Н. Сорокин предложил свою довольно интересную точку зрения на происхождение кундской культуры (Сорокин, 1987), согласно которой ранние кундские памятники (Пулли) основаны населением рессетинской культуры, проникшим в Восточную Прибалтику на рубеже плейстоцен-голоцен. Указывается и один из возможных маршрутов движения рессетинского населения – по Западной Двине, который, по мнению исследователя, фиксирует памятники Золотилово и Крумплево. Существование рессетинской культуры в Волго-Окском бассейне, безусловно, является фактом… Однако отсутствие в Пулли своеобразных наконечников рессетинского типа (изделия из микропластин с затупленным крутой ретушью краем шиповидным выступом и микрорезцовым сколом), микрорезцовой техники, скребел и бифасов вряд ли можно объяснить только более молодым возрастом памятника в сравнении с рессетинскими стоянками (Суконцево 8, 9)» (Ксензов, 2001, с. 32). С этим категорически нельзя согласиться. В том, что В.П. Ксензов ошибается, говоря об отсутствии микрорезцовой техники в Пулли и своеобразных наконечников, понятно из анализа составляющих охотничьего вооружения Пулли, который приведен выше. Подобное утверждение, без сомнения, основано на том, что В.П. Ксензов, как, похоже, и М.Г. Жилин, коллекции Пулли целиком не видели и знакомы с ее материалами лишь по публикациям. Однако ни Л.Ю. Янитс, ни К.Л. Янитс об этой технике не знали, поэтому и не упомянули ее в своих работах. Таким образом, сторонники «свидерских корней» упускают из виду эту важнейшую черту пуллийской индустрии – микрорезцовую технику, которой в свидерской культуре никогда не было, конечно, если не принимать в расчет смешанные коллекции. Между тем она достоверно фиксируется в коллекции Пулли по микрорезцам, что служит одним из весомых аргументов в пользу родства с Рессетой.

Тождество рессетинских и пуллийских материалов состоит и в том, что острия пуллийских и рессетинских наконечников оформлялись одинаково – на бугорковой части. Характерно, что именно о такой ориентации пуллийских микролитов говорит и М.Г. Жилин. Говорит, но не усматривает в этом никакой закономерности (Жилин, 2000, с. 73). На

самом деле то, что оба шиповидных острия и микролиты с затупленным краем и основанием в Пулли – это редуцированные рессетинские острия, со всей очевидностью убеждает факт расположения колющего боевого конца с проксимальной стороны. Удаление микрорезцовым сколом бугорковых частей заготовки – это стандартная процедура в тех индустриях, где присутствует микрорезцовая техника. А ее наличие в Пулли документируется присутствием в коллекции микрорезцов, хотя микрорезцовых сколов на самих остриях и не прослеживается. Впрочем, микрорезцовые сколы имеются далеко не на всех наконечниках с боковой выемкой и в Рессете 3 (Сорокин, 2002).

Анализ коллекций Рессеты 3 и Пулли показывает их тождество, хотя в первой из них разнообразие типов и выше, однако и коллекция в 2,5 раза превышает пуллийскую. Из-за того что в Пулли присутствуют микрорезцы, микрорезцовая техника, шиповидные острия и бифасы, а охотничье вооружение и микрорезцовая техника выглядят поздними на фоне рессетинских материалов, и можно связывать их воедино, а также говорить о развитии в Пулли рессетинских традиций, а не наоборот (Сорокин, 1986, 1987, 1990, 2002, 2004; Sorokin, 1999).

Вместе с тем В.П. Ксензов совершенно прав, указывая на отсутствие в Пулли скребел, которые эпизодически встречаются в некоторых рессетинских коллекциях. Однако никакого противоречия в этом нет. Ибо было бы странно, если бы скребла присутствовали в мезолитическом микролитоидном комплексе Пулли, сделанном из импортного сырья и удаленном от ближайших источников сырья на значительное расстояние.

На прочих аспектах сравнения свидерских и «постсвидерских» материалов останавливаться не буду, они достаточно подробно рассмотрены в уже опубликованной работе (Сорокин, 2001). В этой связи уместно привести мнение польской исследовательницы С. Сульгостовской, специально анализировавшей проблему сходства кундской и свидерской индустрий (Sulgostowska, 1999). Она считает, что различия между ними столь значительны, что их родство не представляется настолько очевидным, как это казалось ранее. С. Сульгостовская верно отмечает два обстоятельства: 1) наличие существенных различий в кундской и свидерской индустриях в первичном расщеплении, вторичной обработке и типологии и 2) сходство этих индустрий прослеживается лишь в одном техническом приеме – плоской вентральной ретуши. При этом она абсолютно справедливо добавляет, что плоская ретушь ни хронологически, ни культурно не привязана лишь к свидерской культуре, не является ее атрибутом. Таким образом, С. Сульгостовская связывает эти индустрии скорее по пластинчатости комплексов (Sulgostovska, 1999, p. 91), чем по их реальному типологическому набору и вторичной отделке, что, конечно же, абсолютно недостаточно для визуализации этих связей, если они вообще были.

К аналогичным выводам при сравнении свидерских наконечников с «постсвидерскими» наконечниками Оленеостровского могильника пришли В.Ф. Филатова и М.Н. Желтова. Обе они высказали мнение «о возникновении оленеостровского типа стрел, вероятнее всего, в местной среде» (Филатова, 1987; Желтова, 2000). Здесь, однако, надо учитывать тот хронологический разрыв, который имеется между Оленьим островом и свидерскими стоянками. К такому же выводу об отсутствии сходства свидерской и бутовской индустрий независимо от них пришел и я (Сорокин, 1986, 1989, 1990, 2001, 2002; Кравцов, Сорокин, 1991).

Обмен сырьем или «сырье» обмена?

Широко известно «импортное» происхождение кремня в Пулли, однако М.Г. Жилин в качестве аргумента о влиянии мезолита Прибалтики на мезолит Волго-Окского междуречья использует это обстоятельство весьма странным образом, говоря, что часть кремня черного цвета в Верхнем Поволжье появилась благодаря «пуллийскому населению». Среди прочих верхневолжских памятников с «пуллийским влиянием» он упоминает и стоянку Суконцево 3 (Жилин, 2000, с. 76, 77). Все это не может не вызвать естественного недоумения. Во-первых, ни М.Г. Жилиным, ни кем-либо другим не был произведен петрографический, микроэлементный или какой-либо другой естественнонаучный анализ кремня, подтверждающий идентичность кремневого верхневолжского и эстонского сырья. Без этого все его дальнейшие рассуждения на тему сходства или идентичности сырья теряют всякий смысл. Во-вторых, собственного черного кремня, как и любого другого высококачественного сырья в Пулли нет, а вот в Суконцево 3 и в других верхневолжских памятниках он есть. Можно понять психологию древних людей, которые несли с собой в Пулли высококачественный кремень, но Верхнее Поволжье не Эстония и носить сюда черный кремень – абсурд. В-третьих, именно черный кремень различных оттенков и прозрачности, вопреки утверждению М.Г. Жилина, в изобилии представлен в том же Суконцево 3. Для подтверждения сошлюсь даже не на данные собственных раскопок этого памятника 1985 г., а на сведения Л.В. Кольцова, который копал памятник годом позднее. Приведу всего одну цитату из его полевого отчета: «Коллекция, полученная со стоянки

Суконцево 3, составляет 6954 каменных предмета, включая сырье, орудия и отходы их производства. *Для производства орудий использовался меловой валунный и галечный кремень различных цветов, при преобладании черного кремня довольно высокого качества*» (Кольцов, 1986, № 11750, с. 4).

Таким образом, заключение М.Г. Жилина о том, что черный кремень на верхневолжских стоянках с «кундским чертами», включая Суконцево 3, принесен пуллийским населением и что он «импортный» (Жилин, 2000), явно не соответствует действительности. Более того, спектральный анализ кремня, выполненный В.А. Галибиным для ряда мезолитических (в т. ч. кундских) и неолитических памятников Восточной Прибалтики, включая Эстонию, со всей очевидностью показал, что все образцы происходят из Селижаровского и Ржевского месторождений Волговерховья (Галибин, Тимофеев, 1993). Значит и этот тезис, обосновывающий кундское влияние на мезолит Волго-Окского бассейна, несостоятелен.

Трансформация или транс формации?

В связи с проблемой «импорта сырья» возникают и другие вопросы, например: почему черный кремень несли из Эстонии, где его нет, в Верхнее Поволжье, где он в изобилии? Или почему в то же время «шоколадный» кремень, столь характерный для польских свидерских памятников, не несли ни в Эстонию, ни в Верхневолжский регион? Вероятно потому, что свидерского населения в них не было. Или потому, что норма удаления шоколадного кремня от шахт составляет 250 км (Сульгостовска, 2001), и если нужно было двигаться дальше на новые земли, осваивать их, то высококачественное сырье (и даже готовые изделия) предпочитали не носить с собой, а довольствовались местным. Тем более отправляясь за тридевять земель с целью вступления, как это полагает М.Г. Жилин, в экзогамный брак! (Жилин, 2000). Ибо заселение новых территорий не было авантюрой, случайным актом, а было процессом их хозяйственного освоения, являлось своего рода «заполнением пространства», «вживанием в территорию». Этот процесс осуществлялся перманентно по мере освобождения от ледникового покрова приледниковых земель, говоря иначе, расширения географической емкости ландшафта. Однако справедливо и то, что «заполнение ландшафта» осуществлялось не сразу, а через известный промежуток времени, лишь тогда и в той мере, когда и поскольку для этого созревали необходимые предпосылки. Так, судя по всему, и было в то время, когда рессетинское население стало осваивать территорию нынешней Эстонии.

Если допустить обыденность контактов раннемезолитического населения друг с другом, остается абсолютно непонятной мотивация этих контактов. Кроме того, из всех работ сторонников «контактной гипотезы» менее всего понятен сам механизм заимствования. Конечно, в результате обмена можно (гипотетически) получить ту или иную диковинную вещь или даже несколько вещей. И что дальше? Начнут ли аборигены изготавливать аналогичные у себя? Нет, не начнут, ибо нет навыка их изготовления, да и с какой стати «чужое» изделие будет использоваться как свое собственное, например наконечники для охоты, и приносить при этом удачу? Скорее следует предположить, что мотивация заимствования могла заключаться в использовании предмета в целях вредоносной магии. Тогда это скорее не контакты, а кражи, последние же по сути своей не могут быть массовыми, тем более приводить к сложению какой бы то ни было новой археологической культуры. Кроме того, подобного рода гадание, этот полет фантазии мало того что уведет нас от реалий, но в любом случае будет бездоказательным.

Можно предположить, что какой-то чужеземец оказывался в новом для него коллективе. Закроем глаза на то, что такая ситуация не может быть массовой и радикально изменить облик индустрии. Разрешат ли этому пришельцу изготавливать его традиционное вооружение или обяжут использовать то, которое в ходу в данном коллективе? В целях самосохранения вероятней второй вариант. А даже если и разрешат, много ли этот чужак сделает в одиночку и приведет ли это к радикальному изменению материальной базы принявшего его коллектива? По-видимому, нет, но опять-таки это не механизм «запуска» новой культуры. Кроме того, по сути своей, это все вопросы, не имеющие ответов. Значит, сам «механизм заимствования» должен «быть обстоятельно прописан», чего сторонниками «свидерских корней» до сих пор не сделано. Опять-таки этнография здесь может быть лишь иллюстрацией возможных механизмов, а никак не доказательством факта их реального существования в то время, с которым мы имеем дело, исследуя мезолит. Те примеры, которые можно почерпнуть из этнографии, относятся к обществам, хоть и «диким» с точки зрения европейской цивилизации, но на самом деле находящимся на достаточно высокой ступени общественного развития. Как показывают данные по австралийским аборигенам, у них действительно существовали разветвленные системы обмена (Берндт Р.М., Берндт К.Х., 1981), но к мезолиту эти аналоги не применимы уже хотя бы потому, что плотность населения в Австралии была значительно выше, чем в мезолите Европейских зандровых низменностей. И именно высокая плотность населения являлась основой «института обмена» в Австралии.

Задача исследования состоит, на самом деле, не столько в установлении этнографических образцов и примеров, сколько в их персонификации и археологическом воплощении, говоря иначе, материализации и проверке гипотез надежными археологическими данными. Вот почему предположение М.Г. Жилина об обмене сырьем и прочих заимствованиях неверно.

Ошибка сложения или сложение ошибок?

Традиционная для археологической литературы модель образования археологических культур, базирующаяся на идее контактов населения и известная поэтому как «контактная», в мезолитоведении наиболее пространно изложена Л.В. Кольцовым (Кольцов, 1979). Выведенная им «закономерность сложения мезолитических культур» сводится к «слиянию признаков разных культур» воедино. Подкрепленная – по верной оценке самого Л.В. Кольцова – «далеко не математической формулой сложения признаков разных культур» вместе (Кольцов, 1979, с. 24), она и сводится к простому суммированию элементов в прямом значении этого термина. При таком примитивном понимании генезиса археологических культур эта «материализация» идеи есть не что иное, как отражение (фиксация) стандартного способа механического смешения разнородных материалов, а никак не процесс или, если угодно, механизм возникновения археологических культур (Сорокин, 2000, 2002). Сказанное не означает, что образование какой-либо археологической культуры невозможно в результате некоего технического симбиоза, точнее, как продукт взаимодействия (контакта) разных этносов. Синкретизм инвентаря возможен как своеобразное отражение результата метисации изготавливающего его населения, но не в том виде, как это описано в упомянутой статье (Кольцов, 1979) или предстает в изложении М.Г. Жилина (Жилин, 2000). Да и о каком влиянии или взаимовлиянии культур вообще, в соответствии с нормами русского языка, можно говорить?!

Доказательство слияния индустрий должно базироваться не на присутствии находок разных культур в одном месте: памятнике, слое или коллекции – это наиболее реальный результат механического смешения материалов, а на наличии в комплексах метисных изделий и технологий (Сорокин, 2000, 2002), о которых ни Л.В. Кольцов, ни М.Г. Жилин ничего не говорят. Реальность при этом такова, что даже если предложенная мной идея о «находках-маркерах» ошибочна, это все равно не отменяет феномена натурации, объективности его действия. Напротив, очевидно, что нельзя делать вывод о контактах населения, исходя лишь из взаимовстречаемости вещей. Ибо их механическое смешение под воздействием почвенных процессов происходит объективно и не требует какого-либо участия человека (Сорокин, 2000, 2002). Вот почему факт совместного залегания находок в одном слое не достаточен для вывода о взаимодействии людей.

Характерно, что подъемный материал, который и послужил в основном для Л.В. Кольцова той основой, на которой он возвел свою гипотезу «сложения археологических культур» (Кольцов, 1979), действительно очень часто обладает синкретическими признаками, и эти «комплексы» почти повсеместно повторяются в массовом количестве. Но материал ими обладает именно потому, что он смешанный и подъемный. Не важно, что часть его получена путем раскопок. Он не потому подъемный, что лежит на поверхности и доступен археологу и каждому любопытствующему для сборов, хотя такого материала и большинство среди того, чем оперировал Л.В. Кольцов, а из-за того, что в ходе полевого исследования утратил свой контекст – место в структуре памятника. Любой раскопочный материал, полученный без его трехмерной фиксации при использовании всех традиционных полевых методик – раскопок по условным горизонтам, литологическим слоям и даже вертикальными зачистками – а иначе до начала 1980 годов и не копалось, все равно фактически является подъемным, так как структура памятника уничтожена в ходе этих раскопок.

Повторяемость сходных и, тем не менее, механически смешанных «комплексов», не важно каким путем образованных, неизбежна из-за того, что приоритеты выбора места жительства в каменном веке у всех групп населения были одинаковы. И артефакты всех времен и народов, живших в разное время на одной и той же территории в определенных узловых географических точках, неизбежно в той или иной мере смешивались, когда утрачивали свое пространственное положение. И причина этого лежит как в объективных природных процессах, так и, пожалуй, ничуть не в меньшей мере в субъективных обстоятельствах – полевой методике раскопок памятников. Таким способом происходит не только «метисация» вещей, но и дублирование смешанных материалов. Следовательно, закономерность состоит не в *«сложении признаков разных культур вместе при доминанте одной из них»* (Кольцов, 1979), а в том, что механическое смешение разнородных материалов под воздействием почвенных процессов (и археологов) абсолютно неизбежно и закономерно. И этот закон носит название натурации (Сорокин, 2000, 2002).

Совершенно очевидно, что возникновение новых признаков и, как итог, сложение новой архе-

ологической культуры может происходить и без заимствования извне, в результате внутренней эволюции. Эта модель, известная как «трансформационная», как нельзя лучше подходит к объяснению генезиса и кундской, и бутовской, и всех других так называемых постсвидерских индустрий при условии их родства.

Орудийный набор любого первобытного коллектива, а значит и археологической культуры, складывался не в результате того, что кто-то когда-то где-то у кого-то заимствовал те или иные понравившиеся вещи и начинал их использовать. Он складывался в процессе усвоения, наследования и развития вековых традиций и опыта конкретных обществ каждым последующим поколением потомков у своих собственных родителей и через них опосредованно – у всех предков. И достигалось это как путем непосредственной передачи навыков в ходе обучения детей их родителями конкретным трудовым операциям или нормам жизни (= права), так и косвенно – всем стилем и образом жизни общества, в котором ребенок родился и рос. Это не значит, что сказанное исключает всякую возможность контактов древнего населения, заимствования от соседей в результате обмена тех или предметов или навыков их изготовления. Это означает только одно – вспомогательную функцию подобных контактов, ее исключительность и даже в чем-то экстремальность, а не повседневность и обыденность. Вот почему «контактная гипотеза» и не может быть «нормой генезиса археологических культур» эпохи каменного века.

Первобытное собирательство или первобытность «собирательства»?

Когда Л.В. Кольцов, М.Г. Жилин или другие авторы говорят о заимствовании тех или иных изделий, создается впечатление, что мезолитические люди занимались своеобразным «собирательством разбросанных орудий» и то там, то тут подбирали микролиты, наконечники стрел или другие предметы охотничьего вооружения и включали их в собственный обиход. Это более чем странно само по себе, во-первых, и логически необъяснимо, во-вторых. Если что-то и заимствовалось, то не в виде того или иного микролита, наконечника или клинка топора, рукоятки, оправы или муфты – это только археолог имеет дело при раскопках с отдельными изделиями, а чаще – всего лишь их фрагментами. Все эти чудеса с «собиранием» возникают лишь в голове и практике археолога, который имеет дело не с «живой» материальной культурой, а с объектами, существенно трансформированными временем. Это мы, как правило, получаем в свое распоряжение и общаемся не с целыми предметами, а с их фрагментами, по которым можно лишь приблизительно догадываться о целом, некогда существовавшем артефакте и его функции. Например, к нам в руки попадает не лук и стрелы, а лишь наконечники стрел или их обломки, не скребки, резцы, топоры или тесла в оправах или с рукоятями, а лишь нетленные каменные части этих инструментов и т.д. В этой связи достаточно вспомнить всего два широко известных эпизода, первый из них связан с наконечниками костенковского типа, которые выдающийся отечественный трасолог С.А. Семенов интерпретировал отнюдь не как наконечники стрел, а как проколки (Семенов, 1957). А второй – с 222 трапециями мезолитической стоянки Гиржево, 82,6% которых – по мнению Г.Ф. Коробковой – использовались «в домашнем производстве для разделки мяса, обработки дерева, кости и рога, первичной выделки шкур и их прокалывания, срезания дикорастущих трав и злаков», а никак не в качестве поперечнолезвийных наконечников стрел (Сапожникова, Сапожников, 1986, с. 36). Из-за того, что мы имеем дело с фрагментами (кусками) реальных вещей и создается иллюзия, будто древние обитатели Великих Европейских зандровых равнин обменивались чем-то вроде каменных вкладышей или наконечников. На самом деле древние люди могли заимствовать (или менять) друг у друга только целые вещи: кинжалы, копья, составные наконечники стрел и другие предметы в виде костяных, деревянных или роговых оправ с полным набором вставленных в них микролитов или вкладышей. И если мы не находим эти изделия комплексно, то не было и заимствований. В настоящее время раскопано достаточное число торфяниковых стоянок, чтобы говорить об этом со всей очевидностью. Реальность такова, что достоверных фактов заимствований и контактов археологический материал нам, увы, не дает. А дает он лишь многочисленные примеры того, как мезолитические микролиты и наконечники встречаются вместе с неолитической и другой, более поздней керамикой и исследователи упорно твердят о переживании традиций, хотя речь должна идти не более чем о механическом смешении разновременных материалов. Но даже если какие-либо заимствования и были, они не могли из-за их эпизодичности привести к радикальному изменению облика культуры, тем более сложению новой, неважно какой – кундской, бутовской или песочноровской.

Когда М.Г. Жилин говорит, что микролиты с затупленным краем, отсутствующие в свидерской культуре, могли быть «заимствованы из коморницкой культуры», а производные от них формы «могли быть изобретены пуллийским населением» (Жилин, 2000), это могло бы соответствовать действительности, если бы речь шла об одном-

двух, причем комплектных, типах изделий. «Заимствованным» же и «измененным» в Пулли по сравнению со свидерским оказалось фактически все охотничье вооружение, техника первичной и вторичной обработки, состав обрабатывающих орудий и т.д. Причем и т.н. пуллийского постсвидера, как это ни парадоксально, нет в свидерских материалах, что весьма странно при их гипотетическом родстве. В то же время в Рессете 3 присутствуют все типы изделий, найденные в Пулли, и, в отличие от Пулли, не в пережиточном виде, поэтому речь и идет о наследовании в Пулли рессетинских традиций, а не наоборот. Впрочем, на рессетинскую традицию нужно смотреть несколько шире, в контексте образа жизни первобытного населения и ХКТ охотников тундровой и лесной зон, рассматривая эти миграции как сезонные и возвратно-поступательные. Таким образом, стоянка Пулли, по крайней мере ее рессетинский компонент, – это результат (отражение, фиксация) сезонного, хозяйственного цикла рессетинских охотников на северного оленя и лося. Да, в Пулли, судя по имеющимся данным (Яанитс, 1989, № 2450), северный олень уже не представлен, а есть лишь лесные виды животных «во главе» с лосем, но Пулли моложе Рессеты 3 по всем своим технико-типологическим показателям и такая трансформация индустрии, следовательно, вполне объективна. И по времени, и по мотивации.

Предположение о более раннем возрасте Пулли по сравнению с рессетинскими материалами и миграции пуллийского населения в Волго-Окский бассейн не снимает вопроса истоков пуллийской индустрии, прототипов которой в Прибалтике нет. Не объясняет и не снимает его и постсвидерская гипотеза, даже в ее модифицированном варианте, изложенном М.Г. Жилиным (Жилин, 2000). Причем если задаться вопросом: есть ли основания для реконструкции «экзогамных брачных связей» по кремневому инвентарю, то ответ может быть только отрицательным.

Факты свидетельствует, что индустрия Пулли является ничем иным, как развитием рессетинских традиций, т.е. отражает факт появления и обитания в Прибалтике населения рессетинской культуры. Возможность сезонных миграций рессетинского населения из Волго-Окского бассейна на северо-запад и обратно определяется, во-первых, геоморфологической ситуацией конца ледникового – начала голоценового времени (Долуханов, 1969; Квасов, 1974; Сейбутис, 1974; 1980; Палеогеография Европы.., 1982), а, во-вторых, условиями хозяйства первобытного населения. Западная Двина при этом была той единой водной системой, тем естественным коридором, по которому осуществлялась связь Верхнего Поволжья и Прибалтики. Археологически это фиксируется находками рессетинских острий от Верхневолжских озер (Ланино, Нижние Котицы, Торг, Золотилово) через территорию Белоруссии (Крумплево, Замошье) до Пулли и Лепакозе в Эстонии и стоянок Литвы. Возможно, что были и иные пути передвижения рессетинского населения, но этот устанавливается документально со всей очевидностью. Интересно, что тот же маршрут, но лишь в одну сторону, упоминает и М.Г. Жилин, когда пишет, что «один из путей контактов раннемезолитического населения… вел из Прибалтики по Западной Двине через верховья Волги на ее левые притоки и вглубь Волго-Окского междуречья» (Жилин, 2000, с. 78). При этом, по-видимому, всерьез полагая, что он сделал это первым.

Типологически и технологически рессетинская (Сорокин, 1987, 1989, 2002; Sorokin, 1999), пуллийская (ранний этап Кунды) (Яанитс, 1989, № 2450; Ostrauskas, 2002) и бутовская культуры (Сорокин, 1990) составляют единую хронологическую и генетическую цепочку (Сорокин, 1987, 1989, 1990, 2002, 2004; Кравцов, Сорокин, 1991; Sorokin, 1999). Их объединяет последовательность в развитии техники первичного расщепления, постепенное угасание микрорезцовой техники, прогрессирующая микролитизация инвентаря и типологическая преемственность в формах обрабатывающих орудий и предметов охотничьего вооружения. И если в Прибалтике, по-видимому, нет продолжения пуллийской традиции[19], то население бутовской культуры вполне может претендовать на роль потомка пуллийского населения. Объяснение метаморфозы заключается в особенностях природного окружения пребореального – начала бореального времени, когда глобальная смена растительной зональности привела к перемене видового состава фауны – основных объектов охоты и радикальному изменению традиционных маршрутов сезонных миграций населения. Не вызывает сомнения, что материалы рессетинской культуры позволяют со всей очевидностью говорить не просто о родстве волго-окского населения и населения кундской (точнее, пуллийской) культуры Прибалтики, но о том, что это было одно и то же население: предки и их потомки.

Потребность «естества» или естество потребностей?

Не вызывает никакого сомнения, что сходство инвентаря Пулли и Рессеты 3 не могло возникнуть и быть следствием экзогамных браков, как об этом пишет М.Г. Жилин (Жилин, 2000): никто не поз-

[19] Об этом в последние годы говорит и Т. Остраускас (Ostrauskas, 2000).

волит чужаку делать в коллективе «неродовые» изделия, тем более чтобы они стали доминировать. Если сходство форм и могло возникнуть, то не как результат экзогамных браков, присутствие которых в мезолите еще надо доказать, а как отражение реалий хозяйственной деятельности человека – основы его жизнеобеспечения.

Система хозяйства, при которой в орбиту хозяйственной деятельности были вовлечены удаленные на значительное расстояние друг от друга участки территории Восточной Европы и были жизненно необходимы длительные сезонные миграции, могла сложиться и существовать лишь при охоте на северного оленя. Для конкретной рассматриваемой территории – это конец плейстоцена, время финального палеолита. Ибо северный олень – это единственное животное средней полосы, для которого длительные сезонные кочевья являются нормой, стереотипом поведения (Сыроечковский, 1986; Сейбутис, 1974; 1980; Палеогеография Европы.., 1982). И если есть люди, которые способны на него охотиться, археологически может возникнуть «общность территорий», значительно удаленных друг от друга. Ибо охотники на северного оленя неизбежно будут совершать кочевья на значительные расстояния вслед за стадами северного оленя (Дзенискевич, 1987; Симченко, 1976; Сыроечковский, 1986) и неминуемо, следовательно, оставлять материальные признаки своего присутствия там.

Напротив, лось – животное слабо кочующее (Крупные хищники.., 1978). В то время, когда он стал основным объектом охоты, сходство инвентаря в памятниках, удаленных друг от друга на 800–1000 км, возникнуть не могло. Экология вида (лося) определяла отсутствие экономической мотивации для длительных кочевок и у человека, на него охотившегося. Конечно, переселение каких-либо групп населения куда-либо, даже на значительные расстояния, нельзя исключать ни для какого периода человеческой истории, включая и каменный век (Человек заселяет.., 1997). И примеры этого имеются, но длительные сезонные миграции в качестве нормы поведения, которые фиксируются археологически, а именно об этом и идет в конкретном случае речь, экономически целесообразны лишь в одном случае – при ориентации на северного оленя в качестве основного объекта охоты, в качестве основы жизнеобеспечения человека. При охоте на лося необходимость длительных сезонных кочевий могла поддерживаться в качестве стереотипа поведения лишь как традиция, и не более того. Она могла наследоваться как элемент (стереотип) традиционного уклада (образа) жизни, быть освященной традицией и потому сохраняться какое-то время, какой-то переходный период, пока шла адаптация и привыкание к новым экологическим нишам, новым чуждым и непривычным объектам охоты. Но сама она при охоте на лося в качестве экономически целесообразной модели поведения возникнуть не могла. Все это означает только одно: истоки сходства Пулли и Рессеты 3 надо искать не в пребореале, а еще в конце плейстоцена. В том времени, когда территория Прибалтики, освободившаяся вслед за Верхним Поволжьем от ледника, стала экологической нишей для северного оленя, а ХКТ охотников на северного оленя был единственно возможным естественным укладом с точки зрения экологии территории приледниковой Европы. Экология лося никак не могла вызвать к жизни стереотип кочевий человека на длительные расстояния, но он мог поддерживаться и освящаться традицией, благодаря чему существовать и в то время, когда складывалась или уже сложилась лесная зона и когда лось стал основой существования.

Территория «связи» или связь территорий?

Судя по тексту статьи, М.Г. Жилин всерьез полагает, что «необходимость регулярных экзогамных брачных связей… в условиях сильной разреженности раннемезолитического населения вела к вовлечению в эти связи обширных территорий» (Жилин, 2000, с. 76). Опущу замечание об языковой несуразности цитаты. Для меня, напротив, очевидно другое, что территория археологической культуры в мезолите – это абстракция, гносеологическая категория, как и само понятие «археологическая культура» (Захарук, 1976), а не ареал с жесткими контролируемыми границами. Ее нужно воспринимать лишь как географическое пространство, среду обитания, нишу, в пределах которой популяция жила по сезонному циклу. Население на рассматриваемых территориях в мезолите было столь малочисленно, что весьма вероятной (правдоподобной) представляется ситуация, когда некая группа мезолитического населения обитала на летней стоянке, зимнего стойбища не было, и наоборот. Фактически это «временная последовательность разных форм пространственной организации производственного коллектива». Из-за малочисленности групп охотников-собирателей контролю подчинялся лишь «кусок» видимого пространства и не более того. Ни о каком контроле над территорией речи не могло быть в принципе.

Границы археологических культур финального палеолита и мезолита, следовательно, фактически совпадают с ареалом годичных, хозяйственных циклов. Из-за того, что у охотников на северного оленя он был одним, у охотников на мамонта – другим, а у охотников на лося – третьим, разны-

ми были и площади (территории), которые были способны прокормить адаптированное к этим видам население. Не вызывает сомнения, что для финального палеолита и мезолита – эта территория определяется «поведением сопровождения» (=симбиоз волк-олень). Т.о., территория археологической культуры в мезолите – это, вероятно, размах сезонных перемещений популяции в пределах кормовой территории, который мог перекрываться ареалом другой популяции, но в целом никак не мог контролироваться и обороняться. Этого просто некому было делать. Та картина, которая фиксируется археологически, – это результат суммирования и наложения друг на друга изменявшихся во времени маршрутов кочевого населения. Фактически это спрессованная во времени последовательность разновременных событий, а не отражение одновременной заселенности территории, одновременно бытовавших групп населения и параллельно существовавших базовых и временных стоянок, охотничьих и рыбацких лагерей, мест забоя и разделки животных, мастерских и т.д. Это спроецированная на карту история реальных событий, происходивших с людьми в течение всего времени существования конкретных популяций, пока мы в состоянии проследить их признаки по конкретным материальным остаткам. Этим, по-видимому, и объясняется наложение ареалов синхронных мезолитических культур, но у нас чрезвычайно мало данных для их строгого соотнесения. Поэтому во всех случаях совпадения «территории разных культур», которые фиксируются археологически, надо еще доказать, что население в них обитало одновременно, а не последовательно, чтобы люди могли контактировать между собой и заимствовать что-либо друг у друга. Это приводит нас к пониманию археологической культуры как гносеологической категории пространственно-временной взаимосвязи ископаемых материалов.

Численность людей каменного века как любого биологического вида определялась законом выживания (естественным отбором) и регламентировалась объемом и составом биомассы, ее разнообразием. В тех случаях, когда ареалы разных популяций пересекались, а из-за малочисленности обитателей окраинных земель ойкумены и огромных необъятных пространств Восточной Европы это было крайне редко, люди как хищники, скорее всего, воевали друг с другом, а не кидались друг другу в объятия (Поршнев, 1979). Малочисленность документальных свидетельств военных столкновений подтверждает вывод о разреженности и малочисленности мезолитических групп, уникальности реальных контактов и взаимодействий людей. Вот почему многочисленные реконструкции контактных зон и метисных памятников, базирующиеся на случаях совместного залегания находок, чаще всего лишь плод воображения, а никак не доказанная фактами реальность (Сорокин, 2000, 2002). Это всего лишь констатация массового природного механического смешения вещей, а не «продукт» взаимодействия этносов. Хотя, безусловно, и абсолютной повсеместной замкнутости (изоляции) людей быть не могло.

Туда-сюда, сюда-туда или туда-сюда-обратно?

В этой связи хочу обратить внимание на следующее. В археологической литературе, как правило, схемы миграций населения традиционно обозначаются стрелками, идущими в одном каком-либо направлении. Например, заселение Прибалтики аренсбургским населением отмечается как однонаправленное передвижение с запада на восток: с Северо-Германской низменности в Понеманье (Римантене, 1971). А свидерским населением – с юго-запада на северо-восток: из Польской и Полесской низменностей в Верхнее и Среднее Поднепровье и т. д. (Залізняк, 1999, с. 210). Тем самым как бы определяется движение миграционных потоков в момент заселения конкретной территории. Фактически подспудно понимается, что эта территория была постоянно или длительное время заселена носителями конкретной археологической культуры. «Однонаправленность передвижений и воздействия» подразумевает и М.Г. Жилин, говоря о «влиянии кундской культуры на мезолит Волго-Окского бассейна» и указывая западно-двинский путь (Жилин, 2000). Не следует думать, что Прибалтика в молодом дриасе и начале пребореала была центром Вселенной. Эта территория в то время была глухой периферией, которая только-только начинала осваиваться с финального палеолита. А территория Эстонии и того позднее – с раннего мезолита. К тому времени Волго-Окское междуречье было уже давно заселенной и обжитой территорией и его население находилось, вероятно, на более высокой ступени общественного развития. По сравнению с южными территориями и Волго-Окский бассейн был на краю ойкумены, захолустьем, но все же располагался немного ближе к центрам мировой цивилизации, был чуть более и чуть дольше Прибалтики обжит. Следовательно, его обитатели были более развиты и цивилизованы. Поэтому его коренное население, известное по стоянкам рессетинской культуры, используя экологические условия конца плейстоцена – начала голоцена, наряду с другими группами, и могло начать осваивать новые территории. Для кундского же населения потенциальная возможность отправиться на «поиски семейного очага» возникла значительно позднее. Вместе с тем, если реконс-

трукция хозяйственно-культурного типа для этого времени верна, хозяйственный уклад охотников на северного оленя мог существовать и реализовываться лишь в виде сезонных возвратно-поступательных миграций.

Следовательно, однонаправленное графическое изображение передвижений первобытного населения идет вразрез с историзмом и формирует неточную и однобокую картину миграций в каменном веке. Ибо эти миграции не были ни массовыми, ни тем более потоками. Напротив, они были малочисленными и, главное, – сезонными. Экология видов животных – основных объектов охоты – и их поведение определяли хозяйственную стратегию людей и образ их жизни. Поэтому миграции шли в обоих направлениях, подчиняясь биологическим законам поведения основных объектов охоты. Конечно, переселение людей на новые земли происходило и в каменном веке, но не эти единичные переселения определяли суть миграций эпохи мезолита, ибо для него было больше присуще не переселение людей на новые территории, а поэтапное освоение новых земель и расширение ойкумены путем сезонных, возвратно-поступательных миграций. При этом глобальные положительные изменения природной среды, а мезолит именно это время, неизбежно вели к расширению территории и создавали благоприятные возможности для ее освоения. Это не значит, что такие возможности постоянно реализовывались, это значит только, что возникала сама возможность их реализации.

В ряде случаев крайние точки ареала, фиксируемого памятниками археологии, – это и есть размах пространственных перемещений мезолитического населения в пределах кормовых территорий. Малочисленность первобытных коллективов, живущих на краю ойкумены, и особенность хозяйственного цикла охотников на северного оленя определяли и образ их жизни. Из этого следует: когда северный олень был в теплое время года в тундре на пастбищах, это была территория Прибалтики, и рессетинское население было, вероятно, все именно там. А в холодное время вслед за северным оленем все население откочевывало южнее, на возвышенности Центральной России, где проще было перезимовать и оленям, и людям. Т.о., сходство пуллийского комплекса с изделиями рессетинских стоянок Волго-Окского бассейна и местоположение конкретных памятников отражает не просто стадиальное совпадение материалов, но и служит отражением реальных сезонных миграций рессетинско-пуллийского населения. А конкретные археологические памятники указывают на крайние точки маршрутов их передвижения.

Можно задаться вопросом: а насколько физически реальны эти перемещения? Произведем несложный расчет. Если принять стандартный день пути пешехода за 30 км, то расстояние в 900 км (именно столько разделяет верхневолжские рессетинские стоянки и Пулли) он преодолеет за 30 дней. По времени, учитывая скорость пешего хода в 5 км/час, отрезок в «день пути» преодолевается всего за шесть часов. Таким образом, еще 18 часов в сутки остается для сна, отдыха и трудовой деятельности. Для передвижения на расстояние в 1500 км, а это средний сезонный маршрут кочевий северного оленя, требуется 50 суток. Что тоже хорошо вписывается в амплитуду ежегодных сезонных кочевий и северного оленя, и этнографических охотников на северного оленя. Замечу, кстати, что в археологическом отношении этот расчет важен для уточнения ареала археологических культур конца плейстоцена – начала голоцена, когда Европа оставалась приледниковьем и «экологической нишей» названного животного.

Переход от позднего ледниковья к голоцену не был стремителен (во всяком случае, происходил не при жизни одного поколения) и, судя по всему, не был катастрофичен. Более того, этому способствовала и общая тенденция потепления климата. Поэтому древнее население, сохранявшее привычный образ жизни и продолжавшее охотиться на северного оленя, с распространением лесов имело возможность постепенно переключаться на лесные виды животных. Судя по имеющимся данным, переход к неотермальным условиям не был катастрофичен и для северного оленя, который, будучи тундровым животным, прекрасно адаптировался и к условиям лесной зоны. При этом его ареал, как и в позднее ледниковье, продолжал охватывать территорию Центральной России и Прибалтику еще вплоть до недавнего времени (Сейбутис, 1974; 1980; Сыроечковский, 1986; Крупные копытные.., 1986). Лесная разновидность северного оленя малочисленнее тундровой разновидности. Судя по всему, это и потребовало включения и активизации механизмов адаптации. Те, кто не хотел утрачивать старый уклад, откочевали вслед за тундровым оленем севернее, те, кто решил остаться, переориентировались на более спокойного, слабо кочующего лося и другие лесные виды животных. Вероятно, поэтому в фауне Пулли и нет уже костей северного оленя. Люди, жившие в Пулли, приспособились к лесному окружению, и надобность в длительных кочевьях отпала. Но навыки изготовления привычных форм вещей никуда не исчезли, они освящались традицией и продолжали, поэтому, бытовать. «Пережиточность» пуллийских форм по сравнению с рессетинскими служит тому ярким подтверждением.

Доминирование лося в составе фауны в голоцене происходило по мере становления лесной зоны постепенно на протяжении пребореала и бореала. Это и определило, с одной стороны, плавный

дрейф в приоритетах охоты и с другой – сохранение связей названных территорий Прибалтики и Центральной России в раннем мезолите, которое археологически фиксируется материалами ранних этапов кундской и бутовской культур. Вместе с тем природные изменения были достаточно радикальны, серьезны и быстротечны, чтобы привести к изменению адаптивной приспособляемости человека и вызвать в конечном итоге изменения в материальной культуре. Это, а не экзогамные браки, стало главной причиной первоначального сходства и все усиливающего различия инвентаря памятников (и археологических культур) Прибалтики и Центральной России.

Начало конца или конец начала?

Все вышеизложенное позволяет сказать, что аргументы сторонников свидерской гипотезы как не убеждали, так и не убеждают ни своими теоретическими посылками, ни конкретными механизмами их реализации. Гипотеза генезиса археологических культур в результате сложения их компонентов (Кольцов, 1979) исходит из постулата всеобщности (ничем не ограниченных в пространстве и времени) контактов разных групп населения друг с другом. Но такой механический и повсеместный синкретизм ничем не подкрепляется, кроме случаев взаимного сочетания разных в культурном отношении находок в одном месте. Он недостаточен для образования новой культуры, хотя более чем достаточен для механического смешения разнородных материалов и многочисленных археологических мифов о контактах населения, контактных зонах, синкретизме, поликультурности и т. п. (Сорокин, 2000, 2002).

Отсутствие пространственной структуры в распределении артефактов, раскопки по условным и литологическим горизонтам неизбежно приводят на практике к одному и тому же эффекту – уничтожению пространственного распределения материала, его произвольной группировке и, следовательно, механическому смешению. Такие рукотворные «комплексы» не дают «гибридных находок и технологий» или такие находки-маркеры в них единичны, а факты их метисности спорны, что подтверждает вывод о генезисе «комплексов», в которых они найдены, в результате механического смешения, но никак не в виде продуктов аккультурации. Значительный вклад в трансформацию потенциальных источников вносят и глобальные природные процессы. Этот процесс естественного смешения материалов, своеобразный природный замысел, результат которого внешне сходен с плодами контактов людей, происходит без какого-либо их непосредственного участия и называется натурацией. Непредвзятый анализ мезолитических источников показывает, что натурация, а никак не аккультурация, является основным механизмом образования комплексов с поликультурными признаками – «кривого зеркала этнокультурных процессов» мезолита (Сорокин, 2000, 2002).

Возможно, не всех убедят приведенные выше доводы, но это будет недостаток не самой идеи, а формы ее изложения и аргументации. Модель «сложения» археологических культур в транскрипции Л.В. Кольцова и его последователей неверна по своей сути. Эволюционная или, иначе, трансформационная модель соответствует историческим реалиям и является отражением экономического базиса древнего общества, а значит, ближе к объяснению прошлой действительности. Эволюционная гипотеза корректнее объясняет генезис пуллийской индустрии. Хотя это абсолютно не означает, что «контактную» гипотезу, в том числе и в генезисе индустрии кундского населения, следует отвергнуть или забыть, напротив, ее следует разрабатывать, но иными способами, чем это делалось до сих пор.

Таким образом, в дискуссии о генезисе пуллийской индустрии, похоже, действительно пора если не поставить точку, то повернуть ее совсем в иное русло – теоретического осмысления стандартных археологических понятий. И делать это нужно, опираясь не на «правила сложения» культур, «влияния кундской культуры Прибалтики на мезолит Верхнего Поволжья» или регламентацию «регулярных экзогамных брачных связей», а исключительно на экономический базис древних обществ и данные надежных источников.

Все вышеизложенное важно и для решения проблемы культурных различий в мезолите р. Оки, которое возможно не только на пути ревизии существующей источниковедческой базы, но и определения надежности имеющихся естественнонаучных датировок. Однако это задача ближайшей перспективы исследований и другой книги.

Заключение

Исследование мезолита Оки, несмотря на длительную историю его изучения и значительное число памятников, далеко от совершенства. До сих пор в наличии крайне мало полноценных коллекций, поэтому решение многих ключевых вопросов мезолитоведения напрямую зависит от улучшения качества самой источниковедческой базы.

Анализ источников показывает их сложную природу и подтверждает гипотезу культурного многообразия мезолита Окского бассейна. Он также позволяет конкретизировать составляющие этого разнообразия. К мезолиту региона в настоящее время относится не менее пяти культур: рессетинская, иеневская, бутовская, култинская и пургасовская. Одновременно видно, сколько еще неизученных проблем ждет своего решения. Более того, большинство вопросов, связанных с изучением практически каждой из мезолитических культур бассейна р. Оки, не только далеки от своего разрешения, но могут быть в лучшем случае лишь сформулированы. В нынешнее время не приходится рассчитывать на скорый приток новых данных и существенное увеличение источниковедческой базы, однако кропотливый анализ и пересмотр имеющихся коллекций могут дать положительные результаты уже в ближайшее время.

Из пяти мезолитических культур бассейна р. Оки единичные финально-палеолитические даты имеют лишь две – рессетинская и иеневская. Есть данные, говорящие о присутствии в бассейне памятников культуры бромме-лингби (подольской – по Г.В. Синицыной) и аренсбургской (Гремячее). Тем не менее косвенные соображения позволяют предполагать, что финально-палеолитических памятников (и культур) здесь значительно больше. Вычленение в материалах Оки финально-палеолитического пласта может в результате внести и большую ясность в основы источниковедения мезолита Окского бассейна. Но это ближайшая перспектива исследований.

Изучение историографии неизбежно приводит к выводу, что чисто исторически существовали различные подходы к выделению археологических культур и их наименованию. Например, ямная, срубная и катакомбная культуры были выделены В.А. Городцовым по разным типам погребальных конструкций, исследованных всего в одном курганном могильнике. Культуры ямочно-гребенчатой керамики были выделены по характерным приемам орнаментальной композиции, а культура линейно-ленточной керамики – по наиболее существенному элементу орнамента и технологическому приему ее изготовления. Можно отметить почти одновременно возникшее обозначение культур по речным бассейнам и наиболее характерным памятникам. Например, деснинская культура была выделена М.В. Воеводским по стоянкам – Покровщина и Песочный Ров – в бассейне р. Десны, а камская – О.Н. Бадером – по стоянкам Огурдино, Нижнее Адищево, Ольховско-Первомайское и Кама-Жулановская в Прикамье (Бадер, 1966), неманская – Р.К. Римантене по памятникам бассейна Немана в Литве (Римантене, 1971) и т.д. Есть примеры названия культур по смежным речным бассейнам – волго-окская или буго-днестровская. Следует отметить, что названия по речным бассейнам чаще оказывались менее удачными, чем по эталонным памятникам, хотя иначе как курьезом нельзя воспринять «памятники типа ДВС», где под аббревиатурой скрывается Днепровская водогонная станция. Как только проходило известное накопление данных, памятники «покидали» территории конкретных речных бассейнов и название культуры неминуемо входило в логическое противоречие с этой «новой расширенной» территорией. Но еще менее удачным оказывалось обозначение по части речного бассейна, как, например, усть-камская или средневычегодская. Заведомо понятно, что такое сужение понятия просто абсурдно, ибо не отражает ничего, кроме места работы конкретного полевого исследователя. Впрочем, данное обстоятельство не мешает бытованию этих терминов в отечественной литературе.

Яниславицкая культура выделена С.К. Козловским по материалам погребения в Яниславице, коморницкая, кукрекская, гребениковская, песочноровская, иеневская и бутовская – по памятникам, которые исследователям представлялись наиболее выразительными. Хотя в ряде случаев диву даешься, как 18 орудий из несуществующего нижнего слоя Елина Бора могут дать название целой культуре?! Часто оказывалось, что по мере накопления материалов эпонимный памятник становился либо далеко не самым показательным для конкретной культуры, либо его «позиции в качестве эталона» сохранялись, но появлялся другой, более выразительный. Этот новый комплекс оказывался более характерным для культуры или «чистым», более ранним или, напротив, более поздним, чем первоначальный эпонимный. Причем, как правило, это был не только в чем-то своеобразный материал, но и часто расположенный вне «основной территории» культуры. И тогда название данной культуры

могло удваиваться, например: хойнице-пеньковская, таценки-кудлаевская, днепро-деснинская. Хотя и эти названия по сути своей далеко не безупречны, так как не исключают появления стоянок еще более выразительных, «чистых» или значительно отстоящих от основной территории конкретной культуры. Тем не менее название по эталонному памятнику, вероятно, предпочтительнее, чем обозначения по речным бассейнам, так как в большей мере отражают именно «культурную», чем «географическую» составляющую понятия. Названия по памятникам нейтральнее и по отношению к самой сути археологических культур, так как последние – это лишь производное от того образа жизни, который вело первобытное население в эпоху каменного века, своеобразная «фиксация» их сезонно-подвижного образа жизни. Поэтому локализация в пределах одного и даже двух водных бассейнов свидетельствует о непонимании экономической составляющей понятия, закодированного термином «археологическая культура».

Проблема культурных различий в европейском мезолите и мезолите р. Оки в частности имеет длительную историю, начало которой лежит еще в 1920–1930-х гг., поэтому нет нужды комментировать фразу Л.В. Кольцова, что до него проблемой формирования мезолитических культур «практически никто не занимался» (Кольцов, 2002, с. 46). Нет необходимости уже хотя бы потому, что и деснинская, и волго-окская, и камская, и многие другие мезолитические культуры были выделены задолго до того, как он стал заниматься археологией. Оценивая его многочисленные статьи, с полным основанием можно сказать: кроме него, никому не удавалось довести до такого абсурда теорию мезолитоведения. Приведу лишь несколько произвольно взятых цитат из его работ: *«Онежская культура претерпевает, по мнению В.Ф. Филатовой, три этапа развития» (Кольцов, 2002, с. 57); «Можно предположить, что культура веретье сформировалась путем отделения группы населения от какой-то более ранней постсвидерской культуры (Кунда? Бутово?), мигрировавшей на свою будущую территорию с последующей адаптацией» (Кольцов, 2002, с. 51); «Свидерская культура, обогатившись по пути контактами с другими культурами, мигрирует в Волго-Окское междуречье, где встречается с еще существующими остатками палеолита типа Алтыново-Золоторучье, адаптируется к окружению, отбрасывая все ненужное в своем наборе, и дает начало бутовской культуре»* и т. д. Стоит ли говорить, что создавать что-либо, взаимодействовать или заимствовать могут лишь люди, а никак не культуры, тем более археологические.

Для населения эпохи финального палеолита и мезолита был характерен сезонно-подвижный образ жизни. Этот образ жизни определялся экологией основных объектов охоты. Утверждение М.Г. Жилина (Жилин, 2004) об оседлости голословно и является результатом неверной интерпретации данных.

Маршруты кочевий животных были стабильными, и влиять на их изменения могли лишь глобальные экологические изменения. Поэтому люди, охотившиеся на северного оленя и знающие его повадки, приходили из года в год на одни и те же места, например у переправ через водные преграды, где скученность животных в определенные временные эпизоды была максимальной, и, следовательно, успех охоты был гарантирован. Экология лося также предполагает подвижность тех групп населения, для которых он был основной целью охоты, хотя ареал в этом случае меньше того, который характерен для северного оленя. Однако существенно меньше и поголовье лося на единицу площади, а значит, сохраняется весомый стимул к передвижениям в пределах кормовых территорий. Такие сезонные миграцию с периодическим возвращением на одни и те же места и создают археологическую иллюзию значительных площадей памятников и массовости коллекций, чего реально не было и быть не могло.

Вектор передвижений человека определялся не только маршрутами кочевий животных, но и традицией, которая передавалась из поколения в поколение, фактически на генетическом уровне. В этом отношении экологический кризис рубежа плейстоцена – голоцена не мог не вызвать активизации процессов адаптации, смены кочевий, смещения и видоизменения ареалов сезонных миграций. Но природные изменения шли в положительном направлении – в сторону потепления климата – и к ним, вероятно, приспосабливаться было легче, чем к «холодовому» стрессу. Нет особого сомнения в том, что адаптивная способность была уже твердо выработана у человека и биологически усвоена не в эпоху мезолита (в голоцене), а еще в предшествующее ледниковое время. В то время, когда положительные колебания климата были менее длительны и резче сменялись фазами похолоданий, и в силу этого были, по-видимому, более ощутимы. Человек как вид, выросший в суровых ледниковых условиях, был, несомненно, хорошо адаптирован к ним. Глобальное потепление возвращало его в забытое «первобытное состояние», однако и оно было таким, к которому вид исторически уже был готов.

Маршруты кочевий северного оленя были достаточно стабильными на протяжении столетий, а возможно, и тысячелетий. Изменение кочевий вызывалось не столько какими-то катаклизмами, проследить которые довольно трудно по имеющимся материалам, сколько, как правило, радикальными климатическими событиями. Точно такими же стабильными должны были быть и кочевья групп первобытного населения. При этом надо учитывать и еще одно немаловажное обстоятельство: физические возможности человека для передвижения су-

щественно меньше возможностей северного оленя, поэтому и амплитуда кочевий человека в целом была меньшей и не представляла собой кальку первых, их точную копию. Биологическая емкость ландшафта с лихвой обеспечивала и «непересекаемость» ареалов кочевий разных групп населения. Малочисленность этих групп и самодостаточность традиционных мест кочевий обеспечивали каждой из них средства к существованию без того, чтобы оказаться на территории соседней группы. Этнографические данные показывают, что экологическая емкость ландшафта существенно превышает потребности людей, живущих в районах Крайнего Севера, хотя, безусловно, не исключает экстремальных ситуаций и исчезновения каких-либо из этих популяций.

Смещение ландшафтных зон, расширение ойкумены неизбежно приводили к «дрейфу» ареалов кочевий и даже своеобразному их наложению, но это как бы «наложение со сдвигом» в сторону «усыхающего» ледника, когда один этнос не теснил другой, а двигался «параллельным курсом». Нет сомнения, что все, кто занимал экологическую нишу Приледниковья, были хорошо адаптированы к этим суровым условиям, иначе они бы не выжили в них. Не было и постоянной нужды в заимствованиях, ибо у каждой группы был свой родовой опыт, свои жесткие традиции, как выживать в суровой северной среде, и свои средства избавления от чуждого, инородного влияния. Да и почему непроверенное соседское должно приносить пользу и удачу, а не вред и порчу?

Формы адаптации, как и типы инвентаря, сознательно не выбирали, тем более, вопреки выражению Л.В. Кольцова, «не отбрасывали» (Кольцов, 2002, с. 46). Они складывались путем естественного отбора, путем проб, ошибок и выработки опыта с последующим его непременным наследованием. А унаследованный опыт есть не что иное, как форма экологической адаптации вида. Результат этого процесса мы и фиксируем археологически, различая «культурные составляющие» разных «этносов» с их разным орудийным и технологическим набором – федермессер, гамбург, лингби, аренсбург, свидер, рессета, иенево, бутово, култино и т.д. и т.п. Следует ли при этом удивляться тому, что для всех этих культур характерны почти одни и те же категории каменного инвентаря? В материалах каждой из них имеются нуклеусы, сколы-заготовки и технологические отходы, а среди орудий присутствуют скребки, резцы, ножи, наконечники стрел или их заменяющие, вкладыши, сверла, скобели и рубящие орудия. Весь этот набор определялся тем минимумом, который был необходим для выполнения стандартных производственно-бытовых операций эпохи каменного века, обработки одних и тех же видов сырья и добывания продуктов питания, которые были нужны для поддержания жизнедеятельности в определенной экологической нише. Да, форма части из них, особенно охотничьего вооружения, была разной. Но должны же хоть в чем-то проявляться попытки разных групп древних людей выжить отнюдь не в тепличных условиях Приледниковья или зоны бореальных лесов, и должны же хоть в чем-то проявляться традиции конкретных групп населения, обитавших здесь?!

Вместе с тем прозвучавшая в работе критика «контактной» гипотезы отнюдь не означает безусловного отрицания самой идеи взаимодействия древнего населения. Она лишь подчеркивает ее декларативный характер и отсутствие доказательной базы. Легкость, с которой по Л.В. Кольцову и М.Г. Жилину происходило взаимодействие первобытных людей, создает впечатление, что разгадка проблемы генезиса археологических культур тоже лежит на поверхности. Между тем на поверхности лежит совсем другое, то, что служит основой нынешней «контактной» гипотезы, – подъемный материал. А это означает, что для доказательства взаимодействия он не годится и необходимо искать реальные признаки, подтверждающие и обосновывающие подобные факты. В качестве такого реального, а возможно, единственного показателя культурного взаимодействия в интересующее нас время могут служить находки-маркеры, отсутствующие в основной массе т.н. метисных комплексов, что подтверждает факт их естественного образования (Сорокин, 2000, 2002).

Анализ экосистем охотников на северного оленя и лося позволяет с полным правом утверждать, что нет локальных археологических культур, а есть лакуны наших знаний о них. Территория конкретной археологической культуры не может локализоваться устьем Камы, средней Вычегдой, Верхним Поднепровем и даже площадью одного речного бассейна, как бы велик он ни был, ибо такова экология человека как биологического вида. Вместе с тем она не может быть и бесконечно большой, скажем, охватывать территорию всей Европы или Азии. Поэтому устанавливать «территориальные рамки» археологической культуры следует не только по сходству каменного инвентаря, но и с помощью моделирования окружающей среды, растительного и животного мира, образа жизни и физических возможностей самого человека.

Насколько можно судить, в основе «территориального единства археологической культуры» лежит сезонно-подвижный образ жизни первобытного населения, поэтому для финального палеолита – эпохи северного оленя – минимальная протяженность ареала должна была составлять приблизительно 1000 км, а средняя – около 1500 км и соответствовать амплитуде ежегодных сезонных миграций северного оленя и перемещений этнографических охотников на него. Безусловно, конкретная практика не обязательно совпадала с нормой передвижения и определялась совокупностью обстоятельств, которые могли ускорять или, напротив, замедлять ско-

рость в каждом конкретном случае. Для нас важнее то, что расчет показывает физическую реальность человека для таких перемещений. В археологическом отношении эти вычисления, как отмечалось, позволяют объективно уточнить ареал археологических культур конца плейстоцена – начала голоцена, когда Европа оставалась Приледниковьем и экологической нишей названного животного.

Маршруты кочевий лося значительно короче, но с переориентацией древнего населения в мезолите на это животное практически не происходит сокращения «культурных ареалов». Тем не менее никакого противоречия в сказанном нет. Возросшие численность и плотность населения при общем сокращении маршрутов миграций позволяют «покрывать» то же пространство, что и в предшествующее время. Таким образом, связи теперь приобретают иное качественное содержание: сокращение маршрутов кочевий восполняется возрастанием численности и локализации групп. Таким образом, изменяется характер перемещений, но остается главное: передача традиций. Это и объединяет рессетинскую, пуллийскую и бутовскую индустрии, а не мифическая «экзогамная брачная связь… обширных территорий» (Жилин, 2000, с. 76).

Следует обратить внимание и еще на один момент. Мощность культурного слоя основной массы голоценовых памятников (точнее, «культуровмещающих отложений») составляет, как правило, около 0,25 м. Значительно меньше памятников со слоем мощностью до 0,5 м и буквально единицами насчитываются те, слои которых составляют 1 и более метров толщиной. Можно также заметить, что значительная мощность отложений сопряжена с участками шлейфов или дюнных гряд, то есть такими элементами рельефа, формирование которых по сути своей экстремально. В свою очередь, протяженность голоцена определяется примерно в 10000 лет. Если считать скорость седиментации постоянной, то легко подсчитать, какая толща отложений нарастает за условную единицу времени. В первом случае, который может с точки седиментации рассматриваться как монотонный и эталонный, 1 см отложений будет формироваться не менее чем 400 лет, во втором случае (10000 лет : 50 см) 200 лет в 1 см и в третьем (10000 лет : 100 см) – 100 лет. Поскольку усредненный образец для палинологического анализа имеет мощность 5 см, значит, эта пачка включает в первом случае 2000 лет, во втором – 1000 лет и в третьем – приблизительно 500 лет. Важно также отметить, что даже в тех случаях, когда образцы берутся «по простиранию», их толщина на практике не может составлять менее 2 см, что в результате для каждого из интервалов приводит к цифрам в 800, 400 и около 200 лет. Эти простые расчеты показывают своеобразную фактическую точность палинологического метода. Таким образом, со всей очевидностью можно утверждать, что «шаг в 200–300 лет», предложенный для возраста палинологических образцов Е.А. Спиридоновой, существенно превышает допустимый расчетный предел его точности, полученный по монотонным и эталонным данным. Тем более нельзя согласиться с цифрами в 100–150 лет (Спиридонова, Алешинская, 1996, с. 65, 67). Эти расчеты приводят и еще к трем неутешительным выводам:

1. Стандартная седиментация идет чрезвычайно медленно, и культурный слой формируется в основном после времени реального обитания на памятнике.

2. Пыльца в слое накапливается каждый сезон, но в течение длительного отрезка времени, что неизбежно должно приводить к ее смешению. К этому неизбежно приводит и зоотурбация. Таким образом «чистота» палинологических образцов, как и археологического материала скорее случайна, чем закономерна. И связана она, как правило, с катастрофическим осадконакоплением, а не с монотонным отложением слоев. Наличие разновременного археологического материала на поверхности любого памятника, звучно называемого термином «подъемный», свидетельствует как о медленной седиментации, так о стандартности разрушения культурных слоев и объективности условий для естественного смешения археологических материалов и пыльцы.

3. Медленное осадконакопление неизбежно поддерживает стандартную ситуацию, когда дневная поверхность длительное время одна и та же, и на ней долгое время сохраняются «в открытом виде» изделия разных эпох. То есть стандартно поддерживается ситуация «контактов вещей», а не людей, их изготовляющих. Это повсеместно и наблюдается на практике, когда «метисные» коллекции в массе своей доминируют над «чистыми» комплексами. Ясное осознание феномена натурации (Сорокин, 2000, 2002) позволит решить проблему культурной дифференциации любого региона.

Все вместе взятое лишний раз убеждает, что основная масса источников, которыми мы оперируем, смешана как хронологически, так и культурно. Следовательно, реальная картина культурных различий в мезолите бассейна р. Оки может быть написана только на основе притока источниковедчески надежных данных. Опыт учит, как этой цели достичь. И естественным шагом в этом направлении служит данная монография.

Литература

Абатуров А.М. Полесья Русской равнины в связи с проблемой их освоения. М. Изд-во «Мысль». 1968.

Авдеев А. М., Богачев А. Ф. Разведка в бассейне р. Сережи // АО-1975. М. 1976. С. 152.

Аверин В.А. Иеневский слой торфяникового поселения Становое 4 // ТАС. Вып. 5. Тверь. 2002. С. 123–126.

Аверин В.А. О выделении мезолитического комплекса из материалов курганного могильника Боровое на реке Которосль // Молодая наука в классическом университете. Тезисы. Иваново. 2002. С. 3, 4.

Александровский А.Л., Кренке Н.А., Чернов С.З. Средневековые пруды Радонежа как источник по изучению антропогеосистем: Археолого-почвоведческое исследование // Изучение памятников истории и культуры в гидросфере. Вып. 1. М. 1989.

Алексеев С.И. Разведочные работы в Горьковской области // Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск. 1991. С. 91, 92.

Алексеев С.И., Данилов О.В. Средневековая археологическая экспедиция Марийского государственного университета. Ижевск. 1991. С. 87–91.

Амирханов Х.А. Исследования палеолитического отряда Зарайской экспедиции // АО-1996. М. 1997.

Амирханов Х.А. Неолит и постнеолит Хадрамаута и Махры. М. Изд-во «Научный мир». 1997. 264 с.

Амирханов Х.А. Восточный граветт или граветтоидные индустрии Центральной и Восточной Европы? // Восточный граветт. М. Изд-во «Научный мир». 1998. С. 15–34.

Амирханов Х.А. Зарайская стоянка. М. Изд-во «Научный мир». 2000.

Амирханов Х.А. Восточнограветтские технологические элементы в материалах поздней поры верхнего палеолита Поочья // Верхний палеолит – верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. СПб. 2002. С. 83–88.

Андрианов Б.В., Чебоксаров Н.Н. Историко-этнографические области (проблемы историко-этнографического моделирования) // СЭ. № 3. 1975. С. 15–25.

Аникович М.В. Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от «восточного граветта» к «восточному эпиграветту» // Восточный граветт. М. «Научный мир». 1998. С. 35–66.

Антропологическая выставка 1879 г.: Описание предметов выставки. Вып. 2. М. 1879.

Анучин Д.А. Описание предметов выставки. Вып. II. Отдел доисторический. Раздел 3. Коллекции древностей из курганов и городищ различных местностей Европейской России и Сибири. М. 1879. Отд. выпуск.

Археологическая карта России. Владимирская область. М. 1995.

Археологическая карта России. Ивановская область. М. 1994.

Археологическая карта России. Калужская область. М. 1992.

Археологическая карта России. Московская область. Ч. 1. М. 1994.

Археологическая карта России. Московская область. Ч. 2. М. 1995.

Археологическая карта России. Московская область. Ч. 3. М. 1996.

Археологическая карта России. Московская область. Ч. 4. М. 1997.

Археологическая карта России. Орловская область. М. 1992.

Археологическая карта России. Очерки археологии регионов. Ч. 1. М. 2001.

Археологическая карта России. Рязанская область. Ч. 1. М. 1993.

Археологическая карта России. Рязанская область. Ч. 2. М. 1994.

Археологическая карта России. Рязанская область. Ч. 3. М. 1996.

Археологическая карта России. Смоленская область. Ч. 1. М. 1997.

Археологическая карта России. Смоленская область. Ч. 2. М. 1997.

Археологическая карта России. Тульская область. Ч. 1. М. 1999.

Археологическая карта России. Тульская область. Ч. 2. М. 2002.

Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг. М.-Л. 1941.

Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 1. Воронеж. 1980.

Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 12. Воронеж. 1998.

Археология СССР. Мезолит СССР. М. Изд-во «Наука». 1989.

Археология СССР. Палеолит СССР. М. Изд-во «Наука». 1984.
Археалогія Беларусі. Т. 1. Каменны і бронзавы вякі. Мінск. Изд-во «Буларусская навука». 1997.
Археология Республики Коми. М. Изд-во «ДиК». 1997.
Арциховский А.В. Основные вопросы археологии Москвы // МИА. Вып. 7. М. 1930.
Асеев А.А. Палеогеография Средней и Нижней Оки в четвертичный период. М. 1959.
Ашурков В.Н. Следы каменного века в пределах Тульского края // Тульский край. Вып. 1–2 (8–9). Тула. 1928.
Бадер О.Н. Краткая информация о палеоэтнологических полевых исследованиях Государственного музея Центрально-Промышленной области // Материалы к доистории Центрально-Промышленной области. М. 1927.
Бадер О.Н. Материалы о палеоэтнологических памятниках р. Пахры // Московский краевед. № 3 (11). М. 1929.
Бадер О.Н. Отчет о работах 1932–1933 гг. // ИГАИМК. Вып. 109. М.-Л. 1935а.
Бадер О.Н. Археологические исследования НИИ антропологии МГУ за 10 лет // Наука и жизнь. № 3. 1935б.
Бадер О.Н. Москва-Волга канал. 1934 г. // Археологические исследования в РСФСР. 1934–1936 гг. М.-Л. 1941.
Бадер О.Н. Материалы к археологической карте Москвы и ее окрестностей // МИА. Вып. 7. М. 1947.
Бадер О.Н. Древние городища на Верхней Волге // МИА. Вып. 13. М. 1950.
Бадер О.Н. Мезолит лесного Приуралья и некоторые общие вопросы изучения мезолита // МИА. Вып. 126. М.-Л. 1966. С. 194–205.
Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М. 1970.
Бадер О.Н. О древнейших финно-уграх на Урале и древних финнах между Уралом и Балтикой // Проблемы археологии и древней истории угров. М. 1972. С. 10–31.
Бадер О.Н. Сунгирь: верхнепалеолитическая стоянка. М. 1978.
Бадер О.Н., Воеводский М.В. Стоянки родового общества // ИГАИМК. Вып. 109. М. 1935.
Бадер О.Н., Воеводский М.В. Участок Скнятино – Молога. Стоянки родового общества // ИГАИМК. Вып. 109. М. 1935. С. 145–156.
Бадер О.Н., Кольцов Л.В. Мезолитические стоянки близ города Калинина // СА. № 1. 1974. С. 124–130.
Бадер О.Н., Талицкий М.В., Збруева А.В., Пассек Т.С., Елизарова Н.А., Бадер М.А. Археологические памятники в зоне Москва-Волгострой // Археологические работы Академии на новостройках в 1932–1933 гг. Известия ГАИМК. Вып. 109. М. 1935.
Бадер О. Н., Халиков А. Х. Памятники балановской культуры // САИ. Вып. В1-25. М. 1976. 103 с.
Бакаев А.М. Местонахождение костяных орудий Берендеево 1а и 1б // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Иваново. 1990. С. 9–11.
Барсов Н.П. Материалы для историко-географического словаря. Ч.1. Вильна. 1865.
Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии. Варшава. 1885.
Берг Л.С. Лесостепь и степь Русской равнины. М. 1956.
Береговая Н.А. Палеолитические местонахождения СССР. М.-Л. 1964.
Береговая Н.А. Палеолитические местонахождения СССР (1958–1970 гг.). Л. 1984.
Берндт Р.М., Берндт К.Х. Мир первых австралийцев. М. Изд-во «Наука». 1981.
Богоявленский С.К. Материалы к археологической карте Московского края // МИА. Вып. 7. М. 1947.
Бодунов Е.В., Воробьев В.М., Жилин М.Г. Мезолитическая стоянка Красново 1 // Археологические исследования в Верхневолжье. Калинин. 1989. С. 3–11.
Бодунов Е.В., Жилин М.Г., Воробьев В.М. Позднемезолитическая стоянка Староконстантиновская III близ Калинина // СА. № 2. 1980. С. 220–226.
Болдин И.В., Грудинкин Б.В., Ефимов А.Е., Массалитина Г.А., Прошкин О.Л., Хохлова Т.М. Археология Калужской области. Калуга. 1999.
Борисенко В.И., Бубнов В.Ю., Смирнов А.С. Программный комплекс сопровождения археологических баз данных и анализа распределения массового материала в культурном слое поселений // Компьютеры в археологии. Материалы конференции «Опыт компьютерной обработки археологических материалов». Москва, апрель 1993 года. М. 1996. С. 31–39.
Борисковский П.И. Палеолитические и эпипалеолитические местонахождения бассейна р. Оки // Труды Советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода. Вып. 1. М. 1937. С. 302–317.
Брюсов А.Я. Белевская неолитическая культура // КСИИМК. Вып. XVI. 1947.
Брюсов А.Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М. 1952.
Брюсов А.Я. Мезолитическая неурядица // Историко-археологический сборник, посвященный юбилею А.В. Арциховского. М. Изд-во МГУ. 1962. С. 24–30.
Булычов Н.И. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М. 1899а.
Булычов Н.И. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки. М. 1899б.

Булычов Н.И. Раскопки по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги. М. 1903.

Булычов Н.И. Раскопки по среднему течению р. Угры. М. 1913.

Бурых Б.Б., Колобов В.М., Скотников Ю.А., Тиханович С.С., Шаповалов Т.И. Памятные места Московской области. М. 1956.

Бутаков Г.П., Галимова М.Ш., Мозжерин В.И. Геолого-геоморфологические условия и палеогеография палеолитических памятников правобережья Средней Волги // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье. Казань. 1999. С. 3–19.

Бызова Е.Н., Кренке Н.А., Спиридонова Е.Н., Чернов С.З. Средневековый Радонеж: Археологический, палинологический и геоботанический подходы к изучению ландшафтов // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М. 1993.

Векслер А.Г., Станюкович А.К. и др. Исследования в Подмосковье // АО-1974. М. 1975.

Векслер А.Г., Двуреченский О.В., Зубарев Н.В., Коваль В.Ю. Археологические исследования Мякининского селища на северо-западе Москвы // АО-1995. М. 1996.

Векслер А.Г. Охранные археологические работы в Москве // АО-1997. М. 1998.

Виноградов К.Я. Древнейшие следы культуры славян и финнов в Воскресенском у. Московской губ. // Археологические раскопки 1923 и 1924 гг. Государственного Новоиерусалимского художественно-исторического краевого музея. Воскресенск. 1925.

Виноградов К.Я. Три этапа культуры у Ивановой горы на р. Рузе. М. 1929.

Виноградов К.Я. Новые данные о памятниках фатьяновского типа // ПИДО. № 11–12. 1934.

Виноградов К.Я. Материалы к археологической карте среднего и нижнего течения реки Протвы // Монастыри России. Материалы VII Российской научной конференции, посвященной памяти Святителя Макария. Макарьевские чтения. Вып. VII. Можайск. 2000.

Витов М.В. О классификации поселений // СА. № 3. 1953.

Вихляев В.И., Ставицкий В.В. Балахнинские поселения на Средней Мокше Шаверки 2 и Шаверки 5 // Новые материалы по археологии Среднего Поволжья. Йошкар-Ола. 1995. С. 35–49.

Вишневский В.И. Раскопки Загорского музея-заповедника // АО-1985. М. 1987.

Власьев Н. Археологические раскопки в Можайском уезде в 1927 г. // Московский краевед. № 4. 1928.

Воеводский М.В. К вопросу о ранней (свидерской) стадии эпипалеолита на территории Восточной Европы // Труды 2 Международной конференции АИЧПЕ. Вып. 5. М. 1934.

Воеводский М.В. К вопросу о развитии эпипалеолита в Восточной Европе // СА. Вып V. 1940.

Воеводский М.В. Стоянка Гремячее // МИА. Вып. 2. М. 1941.

Воеводский М.В. Мезолитические культуры Восточной Европы // КСИИМК. Вып. XXXI. 1950. С. 96–119.

Воеводский М.В., Борисковский П.И. Стоянка Елин Бор // СА. Вып. III. 1937.

Воеводский М.В., Герасимов М.М., Третьяков П.Н. Долина Оки // Археологические исследования в России в 1934–1935 гг. М. 1941.

Воеводский М.В., Формозов А.А. Стоянка Песочный Ров на реке Десне // КСИИМК. Вып. XXXV. 1950.

Воронин К.В., Кузнецова Т.М. Новые памятники Верхнего Поочья // ВАИВП. Тезисы докладов. Боровск. 1988. С. 17–19.

Воронцов А.М. Раскопки поселения Упа 2 // АО-1996. М. 1997.

Восточный граветт. М. Изд-во «Научный мир». 1998. 329 с.

Выборнов А.А., Третьяков В.П. Неолит Сурско-Мокшанского междуречья. Куйбышев. 1988.

Галибин В.А., Тимофеев В.И. Новый подход к разработке проблемы выявления источников кремневого сырья для культур каменного века Восточной Прибалтики // Археологические вести. Вып. 2. СПб. 1993.

Галимова М.Ш. Итоги исследования памятников позднего палеолита Верхней и Средней Волги // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Горький. 1990. С. 183–191.

Галимова М.Ш. Исследования на Сюкеевском Взвозе // Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск. 1991. С. 106, 107.

Галимова М.Ш. Исследования на Сюкеевском Взвозе в 1989–1990 гг. // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. Казань. 1992. С. 5–16.

Галимова М.Ш. О территории усть-камской культуры // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург. 1993. С. 34, 35.

Галимова М.Ш. О территории усть–камской культуры // Памятники древнейшей истории Волго-Камья. Казань. 1994. С. 6–16.

Галимова М.Ш. Охранные раскопки на Сюкеевском Взвозе // Археологические открытия Урала и Поволжья. Йошкар-Ола. 1994. С. 38, 39.

Галимова М.Ш. Тетюшская 3 стоянка // Новые материалы по мезолиту Волго-Уралья. Казань. 1995. С. 23–77.

Галимова М.Ш. Памятники позднего палеолита и мезолита в устье Камы. Автореф. дис... канд. ист. наук. М. 1999.

Гатцук С.А. Отчет о раскопках С.А. Гатцука 1904 г. в Смоленской и Тульской губерниях // ЗОРСА РАО. Т. VII. Вып. 1. СПб. 1905.

Гвоздовер М.Д. Кремневый инвентарь Авдеевской верхнепалеолитической стоянки // Восточный граветт. М. Изд-во «Научный мир». 1998. С. 224–278.

Гедеонов Д.Г. О древностях в Веневском и ближайших к нему уездах // Труды I АС в Москве. М. 1871.

Герасимов М.М., Воеводский М.В., Третьяков П.Н. Долина р. Оки // Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг. М.-Л. 1941.

Гонозов А.В. Раскопки и разведка в Павловском районе Нижегородской области // АО-2001. М. 2002.

Гоняный М.И. Поселение древнерусского времени Монастырщина III на Верхнем Дону // Куликово поле: материалы и исследования. Труды ГИМ. Вып. 73. М. 1990.

Гоняный М.И. Комплексные исследования в районе Куликова поля // АО-1994. М. 1995.

Гоняный М.И. Междисциплинарные исследования в районе Куликова поля и в Южном Подмосковье // АО-1996. М. 1997.

Гоняный М.И., Гриценко В.П. Поселение второй половины XII – начала XIV в. Березовка-5 на Куликовом поле // Куликово поле: Вопросы историко-культурного наследия. Тула. 2000.

Гоняный М.И., Станюкович А.К. Новые памятники Подмосковья // АО-1981. М. 1983.

Гоняный М.И., Зайцев И.К., Маркина Е.Д., Фоломеев Б.А. Куликово поле и его археологические памятники // Археологические памятники Европейской части РСФСР. М. 1985.

Гоняный М.И., Кац М.Я., Наумов А.Н. Комплексные междисциплинарные исследования на поселениях XIV в. Грязновка 1–3 на Куликовом поле // Археология Юго-востока Руси. Материалы региональной научной конференции. Елец. 1998.

Гоняный М.И., Клянин Р.В. Древнерусские поселения в верховьях р. Смолки на Куликовом поле // Елец и его окрестности. Тезисы научной конференции. Елец. 1991.

Гоняный М.И., Кокорина Н.А., Свирина А.Б. Гончарная керамика первой половины XIII в. на поселении Монастырщина 5 // Средневековые древности Восточной Европы. Труды ГИМ. Вып. 82. М. 1993.

Гоняный М.И., Мошинский А.П. Разведки и раскопки в районе Куликова поля // АО-1984. М. 1986.

Гоняный М.И., Мошинский А.П., Недошивина Н.Г. Исследования в районе Куликова поля // АО-1986. М. 1988.

Гоняный М.И., Недошивина Н.Г. К вопросу о вятичах на Верхнем Дону // СА. № 1. 1991.

Гоняный М.И., Наумов А.Н. К вопросу о металлургическом производстве XII–XIV вв. в районе Куликова поля // Тульский металл в истории российской промышленности и предпринимательства. Тула. 1992.

Гоняный М.И., Наумов А.Н. Исследования древнерусских памятников в районе Куликова поля. Разведки в Ясногорском районе Тульской области // АО-1993. М. 1994.

Гоняный М.И., Шишков А.В. К вопросу о древнерусских городищах XII–XIII вв. бассейна Верхнего Дона // Археология и история Юго-Востока Руси. Курск. 1991.

Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Белевском и Рязанском уездах в 1897 г. // АИЗ. № 7–8. 1898.

Городцов В.А. Отчет об археологических исследованиях в долине р. Ока // Древности. Т. XVIII. 1900.

Городцов В.А. Материалы для археологической карты долины и берегов реки Оки // Труды 12 Археологического съезда. Т. 1. М. 1905.

Городцов В.А. Археология. Т. I: Каменный период. М.-Пг. 1923.

Городцов В.А. Археологические раскопки в Советской России с 1919 по 1921 гг. // Древний мир. Вып. 1. М. 1924.

Горожанский Н.Н. Материалы для археологии России по губерниям и уездам. Вып. 1. М. 1884.

Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. Вып. 94. 1961.

Государственные списки памятников истории и культуры Нижегородской области по состоянию на 01. 01. 2000. Каталог. Н-Новгород. 2001. 387 с.

Граков Б.Н. Краткий отчет об археологическом обследовании по р. Тезе // Третий год деятельности Иваново-Вознесенского губернского научного общества краеведения в 1926 г. Иваново-Вознесенск. 1927.

Грехова Л.В. Памятники эпохи палеолита и мезолита // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. Труды ГИМ. Вып. 44. М. 1970.

Грехова Л.В. Место стоянок Окского бассейна в системе палеолита Русской равнины // Древности Оки. Труды ГИМ. Вып. 85. М. 1994.

Грехова Л.В., Полякова Г.Ф., Раушенбах В.М., Цветкова И.К. Карта памятников палеолита, мезолита и неолита в Окском бассейне // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. Труды ГИМ. Вып. 44. М. 1970.

Григорьев Г.П. Восстановление общественного строя палеолитических охотников и собирателей // Охотники, рыболовы, собиратели. Л. 1972. С. 11–25.

Гричук В.П., Чеботарев Н.С. Взаимодействие лесов и степи в историческом освещении // Вопросы географии. № 23. 1960.
Гричук В.П. Географические ландшафты Русской равнины ледникового периода // Природа. № 2. 1952.
Грудинкин Б.В. Исследования памятников эпохи неолита в Калужской области // АО-1985. М. 1987.
Грудинкин Б.В. Памятники эпохи камня в бассейне р. Неручь // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Тезисы докладов. Калуга. 1991.
Грудинкин Б.В. Работы Окско-Деснинской экспедиции // АО-1993. М. 1994.
Грудинкин Б.В. Разведки и раскопки Окско-Деснинской экспедиции // АО-1994. М. 1995.
Грудинкин Б.В. Поселения каменного века на левых притоках верхней Десны // Деснинские древности. Брянск. 1995.
Грудинкин Б.В. Разведки Окско-Деснинской экспедиции // АО-1995. М. 1996.
Грудинкин Б.В. Сезонное функционирование поселения Нагорное в Кировской районе // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 3. Ч. 1. Киров. 1997.
Грудинкин Б.В. Разведки Окско-Деснинской экспедиции // АО-2000. М. 2001.
Грудинкин Б.В. Разведки и раскопки в Калужской и Тульской областях // АО-2002. М. 2003.
Гусенцова Т.М. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск. 1993. Изд-во Удмуртского университета.
Гурина Н.Н. Неолит лесной и лесостепной зон Европейской части СССР // МИА. Вып. 166. Л. 1970. С. 134–156.
Гурина Н.Н. Оленеостровский могильник // МИА. Вып. 47. М.-Л. 1956.
Гурина Н.Н. Новые данные о каменном веке Северо-Западной Белоруссии // МИА. Вып. 131. М.-Л. 1965. С. 141–203.
Гурина Н.Н. К вопросу о позднепалеолитических и мезолитических памятниках Польши и возможности сопоставления с ними памятников Северо-Западной Белоруссии // МИА. Вып. 126. М. Изд-во «Наука». 1966. С. 14–34.
Гурина Н.Н. Мезолит Латвии и Эстонии // Археология СССР. Мезолит СССР. М. 1989. С. 55–62.
Гурина Н.Н. Мезолит Литвы и Белоруссии // Археология СССР. Мезолит СССР. М. 1989. С. 46–54.
Дворниченко В.В., Сидоров В.В. Новая стоянка на Туголесских озерах // АО-1972. М. 1973.
Дзенискевич Г.И. Атапаски Аляски. Л. 1987. 153 с.
Диков Е.И. Исследования памятников Владимирской области // АО-1971. М. 1972.
Долуханов П.М. Палеогеография мезолита Северной Европы // МИА. Вып. 126. М. 1966.
Долуханов П.М. История Балтики. М. 1969. 116 с.
Дополнения к Государственным спискам памятников истории и культуры Нижегородской области (по состоянию на 01. 01. 2002). Каталог. Н-Новгород. 2002. 118 с.
Доррер Г.А. Река Тулица и другие // Археологические исследования в РСФСР в 1935–1936 гг. М.-Л. 1941.
Древности // Труды МАО. Т. XXII. Вып. 1. М. 1909.
Древности. Т. XIX. Вып. 3. Протоколы. М. 1902.
Дубынин А.Ф. Результаты работ Можайской экспедиции // КСИА. Вып. 94. 1963.
Дурново Н.Н. Отчет о поездке в Волоколамский, Клинский и Рузский уезды летом 1904 г. // Труды ИМАО. Т. 21. Вып. 2. 1907.
Екимов Ю.Г. Работы экспедиции Тульского краеведческого музея // АО-1994. М. 1995.
Екимов Ю.Г. Исследования на территории Тульской области // АО-1996. М. 1997.
Екимов Ю.Г. Раскопки на Сорокином городище в Тульской области // АО-1998. М. 1999.
Есипов В.П. Археологические разведки в Жиздринском районе // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Тезисы докладов. Калуга. 1987.
Есипов В.П., Прошкин О.Л., Телеганова Е.А. Комплексный памятник «Чертово городище» // Очерки по истории и культуре Калужского края. Калуга. 1996.
Ефименко П.П. Летние работы 1920 г. в Рязанской губернии // Вестник рязанских краеведов. № 1. Рязань. 1923.
Ефименко П.П. Мелкие кремневые орудия геометрических и иных своеобразных очертаний в русских стоянках ранненеолитического возраста // РАЖ. М. 1924. Т. 13. Вып. 3–4.
Ефименко П.П. Первобытное общество. М. 1953.
Ефименко П.П. По поводу статьи А.А. Формозова «О времени и исторических условиях сложения племенной организации» // СА. № 1. 1957.
Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Яндашевская стоянка // СА. № 2. 1968.
Ефимов А.Е. Стоянка Нагорное 1 // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Тезисы докладов. Калуга. 1993.
Ефимов А.Е. Разведки в пригородной зоне г. Калуги // АО-1996. М. 1997.
Желтова М.Н. Некоторые технико-морфологические особенности свидерской индустрии // ТАС. Тверь. 2000. Вып. 4. Т. 1. С. 15–21.
Жилин М.Г. Исследование мезолита на верхней Клязьме // АО-1977. М. 1978. С. 61.
Жилин М.Г. О работах Окуловского отряда Верхневолжской экспедиции // АО-1979. М. 1980. С. 144, 145.

Жилин М.Г. О датировке и культурной принадлежности стоянки Плещеево 1 // СА. № 3. 1982. С. 219–223.
Жилин М.Г. Технолого-функциональное исследование мезолитических каменных изделий Волго-Окского бассейна // Автореф. дис.... канд. ист. наук. М. 1985.
Жилин М.Г. Про співвідношення функціонального призначення та морфології мезолітічних кам'яних знарядь лісовоі зони Східної Европи // Археологія. Киев. 1986. Вып. 55. С. 26–32.
Жилин М.Г. Обработка камня в бутовской культуре // Социально-экономическое развитие древних обществ и археология. М. 1987.
Жилин М.Г. Мезолитические памятники Нижегородского Поволжья // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Горький. 1990.
Жилин М.Г. Мезолитическая стоянка Новошино на нижней Оке // Археология Верхнего Поволжья. Нижний Новгород. 1991а.
Жилин М.Г. Археологические исследования в бассейне р. Дубны в 1987–1990 гг. // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Нижний Новгород. 1991б.
Жилин М.Г. Археологические исследования на Озерецком торфянике в 1990–1992 гг. // ТАС. Вып. I. Тверь. 1994а.
Жилин М.Г. Некоторые вопросы перехода от мезолита к неолиту на Верхней Волге // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Иваново. 1994б. С. 19–31.
Жилин М.Г. О работах Верхневолжской экспедиции // АО-1994. М. 1995а. С. 100, 101.
Жилин М.Г. Стоянка Окаемово IV на средней Дубне // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. II. Иваново. 1995б.
Жилин М.Г. Раскопки Верхневолжской экспедиции // АО-1995. М. 1996а. С. 137, 138.
Жилин М.Г. Некоторые итоги раскопок поселения Озерки 5 в 1990–1994 гг. // ТАС. Вып. 2. Тверь. 1996б.
Жилин М.Г. Многослойные торфяниковые поселения на Средней Дубне // Тезисы докладов отчетной сессии ГИМ по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995 гг. М. 1996в.
Жилин М.Г. Раскопки Верхневолжской экспедиции // АО-1995. М. 1996г.
Жилин М.Г. Памятники мезолита и раннего неолита западной части Дубненского торфяника // Древности Залесского края. Сергиев Посад. 1997.
Жилин М.Г. Многослойное поселение Ивановское VII (по раскопкам 1992–1997 годов) // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново. 1998. С. 12–25.
Жилин М.Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы // Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М. 1999.
Жилин М.Г. О работах Верхневолжской экспедиции // АО-1999. М. 2000а.
Жилин М.Г. О связях населения Прибалтики и Верхнего Поволжья в раннем мезолите // ТАС. Тверь. 2000б. Вып. 4. Т. 1. С. 72–79.
Жилин М.Г. Костяная индустрия мезолита Восточной Европы. М. Эдиториал УРСС. 2001а. 328 с.
Жилин М.Г. О работах Верхневолжской экспедиции // АО-2000. М. 2001б.
Жилин М.Г. Стратиграфия и планиграфия многослойного поселения Становое 4 в Верхнем Поволжье // ТАС. Вып. 5. Тверь. 2002. С. 106–115.
Жилин М.Г. Мезолит Волго-Окского междуречья: некоторые итоги изучения за последние годы // Проблемы каменного века Русской равнины. М. 2004а. С. 92–139.
Жилин М.Г. Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы. М. «Academia». 2004б. 146 с.
Жилин М.Г., Аверин В.А. Работы Верхневолжской экспедиции в 2001 г. // АО-2001. М. 2002.
Жилин М.Г., Костылева Е.Л., Уткин А.В., Энговатова А.В. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья. По материалам стоянки Ивановское VII. М. «Наука». 2002а. 245 с.
Жилин М.Г., Кравцов А.Е. Ранний комплекс стоянки Усть-Тудовка 1 // Археология Верхнего Поволжья. Нижний Новгород. 1991. С. 3–18.
Жилин М.Г., Кравцов А.Е. О работах Верхневолжской экспедиции // АО-1996. М. 1997.
Жилин М.Г., Кравцов А.Е., Леонова Е.В. Мезолитическая стоянка Беливо 6В // Труды ГИМ. Вып. 96. М. 2002б. С. 88–108.
Жилин М.Г., Крайнов Д.А. Стоянка Берендеево 2а // КСИА. Вып. 169. М. 1982.
Жилин М.Г., Миронос А.А. О работе Горьковской экспедиции // АО-1982. М. 1983.
Жилин М.Г., Фролов А.С. О датировке и культурной принадлежности стоянки Турынинские Дворики // КСИА. Вып. 189. М. 1987.
Жилин М.Г., Фролов А.С. Стоянка Ладыжино 3 (по материалам раскопок 1976, 1977 гг.) // СА. № 2. 1981. С. 255–260.
Жилин М.Г., Фролов А.С., Крымов Е.Ю. Мезолитическая стоянка Прислон 1 на Верхней Волге // ТАС. Вып. 2. Тверь. 1996. С. 126–133.
Жилин М.Г., Энговатова А.В. Палеоэкология и история заселения Ивановского торфяника // Не-

которые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново. 1998. С. 90–97.
Жуков Б.С. Неолитическая стоянка близ с. Льялово Московского уезда // Труды Антропологического института МГУ: Приложение к Русскому Антропологическому журналу. Т. XIV. Вып. 1, 2. М. 1925.
Забелин И.Е. История города Москвы. Ч. 1. М. 1902.
Заверняев Ф.М. Новая верхнепалеолитическая стоянка на р. Десне // СА. № 4. 1974. С. 142–161.
Загорска И.А. Ранний мезолит на территории Латвии // Известия Академии наук Латвийской ССР. Рига. № 2. 1981. С. 53–65.
Заидов О.Н. Раскопки и разведки в Тульской области // АО-1993. М. 1994.
Заидов О.Н. Исследования в с. Гремячее Новомосковского района Тульской области // АО-1994. М. 1995а.
Заидов О.Н. Раскопки древнерусского могильника у д. Исаковские Выселки в Тульской области // АО-1994. М. 1995б.
Заидов О.Н. Охранные раскопки в Новомосковском и Кимовском районах Тульской области // АО-1995. М. 1996.
Заидов О.Н. Исследования в Новомосковском и Кимовском районах Тульской области // АО-2002. М. 2003.
Зайцева И.Е. Исследования средневекового Зарайска // АО-1996. М. 1997.
Зализняк Л.Л. Мезолит Юго-Восточного полесья. Киев. Изд-во «Наукова думка».1984.
Зализняк Л.Л. Культурно-хронологическая периодизация мезолита Новгород-Северского Полесья // В.И. Неприна, Л.Л. Зализняк, А.А. Кротова. Памятники каменного века Левобережной Украины. Киев. 1986.
Зализняк Л.Л. Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. Киев. Изд-во «Наукова думка». 1989.
Зализняк Л.Л. Население Полесья в мезолите. Киев. Изд-во «Наукова думка». 1991.
Залізняк Л.Л. Фінальный палеоліт Украіни // Археологія. Вип. 1. 1995а. С. 3–21.
Залізняк Л.Л. Ранній мезоліт Украіни // Археологія. Вип. 3. 1995б. С. 3–16.
Залізняк Л.Л. Піздній мезоліт Украіни // Археологія. Вип. 4. 1995в. С. 3–16.
Залізняк Л.Л., Гавриленко І.М. Зимівниківска мезолітична культура Лівобережної Украіни // Археологія. № 1. 1996. С. 97–103.
Залізняк Л.Л. Фінальний палеоліт північного заходу Східної Европи. Киів. Изд-во «НаУКМА». 1999. 283 с.
Замятнин С.Н. Карачаровская палеолитическая стоянка // Труды ГАИМК. Вып. 1. 1929.
Замятнин С.Н. Находки межледниковой фауны и оббитых кварцитов у с. Шубное Воронежской области // Ученые записки МГУ. Вып. 158. М. 1952.
Зарецкая Н.Е., Успенская О.Н., Жилин М.Г. Возраст и генетические типы отложений двух разрезов многослойного поселения Становое 4 (Ивановская область) // ТАС. Вып. 5. Тверь. 2002. С. 117–122.
Захарук Ю.Н. Археологическая культура: категория онтологическая или гносеологическая? // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М. 1976. С. 3–10.
Зеленеев Ю.А., Шитов В.Н. Работы в Кадомской Примокшанье // АО-1977. М. 1978. С. 61.
Зимина М.П. Боровичская мезолитическая стоянка // Памятники древнейшей истории Евразии. М. 1975.
Зограф Н.Ю. Раскопки кн. Н.Ю. Зографа 1890 г. // Дневник археологического отдела. ИОЛЕАиЭ. Т. LXVIII. Вып. 8. 1890.
Зотько М.Р. Историографический очерк изучения иеневской мезолитической и песочноровской культур в свете проблемы их культурного единства // ТАС. Вып. 2. Тверь. 1996. С. 108–117.
Зотько М.Р., Нигматуллин Р.А., Смирнов А.С., Смирнова М.Е. Работы Деснинской экспедиции в 1986–1989 гг. // КСИА. Вып. 210. М. 1993. С. 63–68.
Зубков В.И. Новые сборы на Борковской мезолитической стоянке // КСИИМК. Вып. XXXI. 1950. С. 141–150.
Ефименко П.П. Костенки 1. М.-Л. Изд-во «Академии Наук СССР».1958.
Иванов А.И. Музейное дело во Владимирской губернии за время революции // Материалы по изучению Владимирской губернии. Труды Владимирского Государственного областного музея. Вып. 2. Владимир. 1926.
Иванов А.И. Краткий обзор археологических исследований во Владимирской губернии за последнее десятилетие // Материалы к доистории Центрально-Промышленной области. М. 1927. С. 59–64.
Изюмова С.А. Археологическая разведка в 1951 г. в Тульской области // КСИИМК. Вып. 52. 1953.
Изюмова С.А. Исследования в Тульской области // АО-1972. М. 1973.
Изюмова С.А. Могильник у села Монастырщина Тульской области // Куликово поле: материалы и исследования. Труды ГИМ. Вып. 73. М. 1990.
Ильин М.А. Подмосковье. М. 1965.
История первобытного общества: Эпоха первобытной родовой общины. М. 1986.
Калайдович К.Ф. Письма к А.Ф. Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии с рисунками, найденных там в 1822 г., древностей. М. 1823а.

Калайдович К.Ф. Письма к А.Ф. Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии с рисунками, найденных там в 1823 г., древностей. М. 1823б.

Каменный век Верхневолжского региона. СПб. 1997.

Карманов В.Н. Памятники с трапециями на Европейском Северо-Востоке // ТАС. Вып. 5. Тверь. 2002. С. 91–98.

Карху А.А. Остатки птиц с поселения Ивановское VII // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново. 1998. С. 84–86.

Кац Н.Я., Кац С.В. Естественная и антропохорная растительность местообитания неолитического человека на болоте Берендеево // Голоцен. М. 1969. С. 139–144.

Кашкаров В.М. К вопросу о древнейшем населении Калужской губернии // Калужская старина. Т. 1, кн. 2. Калуга. 1901.

Кашкаров В.М. Конинский удел Тарусского княжества // Калужская старина. Т. II. Кн. 1. Калуга. 1902.

Квасов Д.Д. Приледниковые озера и внутренние моря Восточной Европы. Л. 1975.

Керцелли Н.Г. Отчет о произведенной раскопке курганов Рузского и Подольского уездов Московской губернии // ИОЛЕАиЭ. Т. XXXV. Ч. 1. Вып. 1–3. Антропологическая выставка 1879 г. М. 1879.

Кириллова И.В. Охотничья добыча обитателей стоянки Ивановское VII // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново. 1998. С. 63–83.

Кириченко А.В. Итоги археологических разведок, проведенных на территории Ярославской области в 2001–2002 гг. // Археология: история и перспективы. Ярославль. 2003. С. 122–127.

Кирьянова Н.А. Фатьяновский могильник у д. Ханево // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М. 1976.

Кларк Д. Доисторическая Африка. М. Изд-во «Восточная литература». 1982.

Клянин Р.В. Локализация древнерусского города «Корнике» // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга. 1987.

Клянин Р.В. О локализации «Тульского клада» // Куликово поле: материалы и исследования. Труды ГИМ. Вып. 73. М. 1990.

Клянин Р.В. Комплексное изучение городища «Городки» Веневского района Тульской области // Теория и методика исследования археологических памятников лесостепной зоны: Тезисы докл. науч. конф. Липецк. 1992.

Клянин Р.В. Работы Веневского отряда // АО-1973. М. 1994.

Клянин Р.В. Хозяйственный комплекс летописного города Корнике // Деснинские древности. Брянск. 1995.

Клянин Р.В. Работы в Веневском районе Тульской области // АО-1995. М. 1996.

Клянин Р.В. Археологические исследования в Веневском районе Тульской области // Историко-археологические чтения памяти Н.И. Троицкого. Тула. 1997.

Клянин Р.В. Венев. Историко-археологический очерк. Тула. 2000.

Коваль В.Ю. Археологические исследования Ростиславльского стана // Древние памятники Окского бассейна. Рязань. 1993.

Коваль В.Ю. Итоги охранно-археологических работ на городище Ростиславля Рязанского / Историко-культурное наследие // памятники археологии Центральной России: Охранное изучение и музеефикация. Рязань. 1994.

Коваль В.Ю. Раскопки на Ростиславльском городище // АО-1998. М. 1999.

Коваль В.Ю., Осипов Д.О., Волков И.В., Тавлинцева Е.Ю., Русаков П.Е. Работы Ростиславльской экспедиции // АО-2002. М. 2003.

Кожевников А.Я. Раскопки нескольких курганов в Бронницком уезде Московской губернии // АИЗ. Т. II. № 3–4. 1894.

Кольцов Л.В. Стоянка Коприно на Верхней Волге // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М. Изд-во «Наука». 1963. С. 7–17.

Кольцов Л.В. Мезолит Волго-Окского междуречья // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 1965а.

Кольцов Л.В. Некоторые итоги изучения мезолита Волго-Окского междуречья // СА. № 4. 1965б.

Кольцов Л.В. Новые раскопки стоянки Елин Бор // МИА. Вып. 126. М.-Л. 1966. С. 178–184.

Кольцов Л.В. Раскопки Бутовской стоянки в 1966 г. // КСИА. Вып. 117. М. 1969.

Кольцов Л.В. Первая мезолитическая стоянка в бассейне Клязьмы // СА. № 1. 1970.

Кольцов Л.В. Мезолитическая стоянка Бутово по раскопкам 1967 г. // КСИА. Вып. 126. 1971.

Кольцов Л.В. Локальные группы волго-окского мезолита // КСИА. Вып. 137. М. 1973. С. 28–35.

Кольцов Л.В. Некоторые проблемы мезолита Волго-Окского междуречья // The Mesolithic in Europe. Warszawa. 1973. P. 275–296.

Кольцов Л.В. Культурные различия в раннем мезолите Волго-Окского бассейна // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М. Изд-во «Наука». 1976. С. 21–26.

Кольцов Л.В. Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М. Изд-во «Наука». 1977. 134 с.

Кольцов Л.В. О характере сложения раннемезолитических культур Северной Европы // СА. № 4. 1979. С. 15–25.

Кольцов Л.В. Мезолитические поселения Верхнего Поволжья // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М. 1984.
Кольцов Л.В. О сезонном функционировании мезолитических стоянок (по материалам Волго-Окского междуречья) // СА. № 3. 1985.
Кольцов Л.В. Мезолит Волго-Окского междуречья // Мезолит СССР. М. 1989. С. 68–84, 86, 247–259.
Кольцов Л.В. Мезолит Севера Сибири и Дальнего Востока // Археология СССР. Мезолит СССР. М. 1989. С. 187–194.
Кольцов Л.В. Бутовские мезолитические материалы стоянок Борки и Шумашь II (из фондов Рязанского областного музея) // Проблемы изучения древних культур Евразии. М. 1991.
Кольцов Л.В. Мезолитические культуры Волго-Окского междуречья // ТАС. Вып. 2. Тверь. 1996. С. 71–74.
Кольцов Л.В. О характере взаимоотношений соседних культур в мезолите Северной Европы // ТАС. Вып. 3. Тверь. 1998. С. 75–79.
Кольцов Л.В. Формирование мезолитических культур Северной Европы // ТАС. Вып. 5. Тверь. 2002. С. 46–53.
Кольцов Л.В. О некоторых тенденциях развития культур мезолита Северной Европы // ТАС. Вып. 5. Тверь. 2002. С. 57–59.
Кольцов Л.В., Бодунов Е.В., Воробьев В.М., Жилин М.Г., Максимов А.Д., Мирецкий А.В. Работы в Калининской области // АО-1977. М. 1978. С. 64, 65.
Кольцов Л.В., Воробьев В.М., Жилин М.Г. О работах в Калининской области // АО-1978. М. 1979. С. 63.
Кольцов Л.В., Жилин М.Г. Мезолитическая стоянка Угольново 1 // СА. № 3. 1987. С. 131–135.
Кольцов Л.В., Жилин М.Г. Мезолит Волго-Окского междуречья (памятники бутовской культуры). М. Изд-во «Наука»1999. 155 с.
Кольцов Л.В., Жилин М.Г., Черников В.Ф. Мезолитическая стоянка Старая Пустынь // Археология Верхнего Поволжья. Нижний Новгород. 1991.
Кольцов Л. В., Черников В. Ф., Жилин М. Г. Разведочные работы в Горьковской области // АО-1978. М. 1979. С. 181.
Комаров К.И. Работы Славянского отряда Верхневолжской экспедиции // АО-1971. М. 1972. С. 56, 57.
Комаров К.И. Начальный период археологического исследования Ярославской области // Археология: история и перспективы. Ярославль. 2003. С. 128–137.
Коняшин Г.М. Материалы к археологический карте среднего течения Москвы-реки // Труды НИИМКР. Т. 1. М. 1940.
Комаров К.И. Археология Ивановской области // Археологическая карта России. Очерки археологии регионов. Ч. 1. М. 2001.
Копытин В.Ф. Мезолит Юго-Восточной Белоруссии // КСИА. Вып. 149. 1977. С. 60–66.
Копытин В.Ф. Поздний мезолит Посожья // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л. Изд-во «Наука». 1983. С. 44–51.
Копытин В.Ф. Каменный век на территории Белоруссии. Минск. 1990.
Копытин В.Ф. Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья. Могилев. 1992.
Копытин В.Ф. Финальный палеолит и мезолит Верхнего Поднепровья // Tanged Points Cultures in Europe. Read at the International archaeological symposium. Aprill 1993. Lublin. 1999. Maria Curie-Sclodowska university press. P. 256–286.
Косорукова-Кандакова Н.В. Мезолитическая стоянка на Лотовой Горе в бассейне Шексны // Археология Верхнего Поволжья. Нижний Новгород. 1991.
Костылева Е.Л. Разведки в Ивановской области // АО-1981. М. 1983.
Костылева Е.Л., Уткин А.В. Волосовские погребения на стоянке Ивановское VII в центральной России // Историко-археологические изыскания. Самара. 1997. Вып. 2. С. 41–54.
Кравцов А.Е. Работы Северо-Мещерской экспедиции // АО-1979. М. 1980.
Кравцов А.Е. Работы на Цне // АО-1980. М. 1981.
Кравцов А.Е. Работы Северо-Мещерского отряда Музея истории и реконструкции г. Москвы // АО-1981. М. 1983.
Кравцов А.Е. Работы на Цне и ее притоках // АО-1982. М. 1984.
Кравцов А.Е. Работы в юго-восточном Подмосковье // АО-1983. М. 1985.
Кравцов А.Е. Работы в западной части Мещерской низменности // АО-1984. М. 1986.
Кравцов А.Е. Работы в юго-восточном Подмосковье // АО-1985. М. 1987а.
Кравцов А.Е. О хронологии мезолитических раннеолитических памятников Мещерской низменности // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга. 1987б.
Кравцов А.Е. Памятники позднего мезолита и эпохи бронзы в подмосковной Мещере // СА. № 1. 1988а.
Кравцов А.Е. Памятники эпох камня и бронзы на р. Нерская // АО-1986. М. 1988б.
Кравцов А.Е. Стоянка Беливо 4Г // Памятники каменного века бассейна р. Оки. Вып. 1. М. 1988в. С. 15–21.
Кравцов А.Е. Новые материалы к изучению иеневской мезолитических культуры в бассейне р. Оки // Археология Рязанской Земли. Тезисы докладов. Рязань. 1988г.

Кравцов А.Е. К хронологии бутовской и иеневской мезолитических культур // СА. № 2. 1991а. С. 21–34.

Кравцов А.Е. О хронологии бутовской и иеневской мезолитических культур в Волго-Окском междуречье (по данным радиоуглеродного и спорово-пыльцевого анализов) // Кравцов А.Е., Сорокин А.Н. Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита. М. 1991б. С. 38–60.

Кравцов А.Е. Работы мезолитической экспедиции ГИМ во Владимирской и Тверской областях // АО-1994. М. 1995.

Кравцов А.Е. К вопросу о генезисе иеневской культуры // ТАС. Вып. 3. Тверь. 1998.

Кравцов А.Е. Некоторые результаты изучения мезолитической иеневской культуры в Волго-Окском бассейне (по материалам середины 1980-х – 1990 гг.) // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. Труды ГИМ. Вып. 103. М. 1999. С. 79–108.

Кравцов А.Е. О подходах к изучению мезолитических стоянок с нечеткой стратиграфией (по материалам памятников иеневской культуры) // ТАС. Вып. 5. Тверь. 2002. С. 60–69.

Кравцов А.Е., Александров И.В., Днепровский К.А. Разведки по р. Цне // АО-1978. М. 1979.

Кравцов А.Е., Жилин М.Г. Опыт функционально-планиграфического анализа мезолитической стоянки Беливо 4Г – северная // РА. № 2. 1995.

Кравцов А.Е., Коннов С.Б. Раскопки стоянок финального палеолита – мезолита на Верхней Оке // АО-2001. М. 2002.

Кравцов А.Е., Коннов С.Б. Стоянка Ладыжино 3 (предварительные результаты исследований 1999 и 2000 гг.) // ТАС. Вып. 5. М. 2002. С. 127–136.

Кравцов А.Е., Коннов С.Б., Трусов А.В. Работы на стоянках Ладыжино 3 и 3А в Калужской области // АО-2002. М. 2003.

Кравцов А.Е., Леонова Е.В. Новые исследования стоянки Дальний Остров в Подмосковье // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань. 1992. С. 3–13.

Кравцов А.Е., Леонова Е.В. Структура памятников и вопрос периодизации мезолитической иеневской культуры // Каменный век европейских равнин. Сергиев-Посад. 2001. С. 133–142.

Кравцов А.Е., Лозовский В.М. Мезолитическая стоянка Черная 1 в Мещере // СА. № 4. 1989.

Кравцов А.Е., Сорокин А.Н. Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита. М. 1991.

Кравцов А.Е., Спиридонова Е.А. О возрасте и природном окружении иеневской культуры в Тверском Поволжье // ТАС. Вып. 2. Тверь. 1996. С. 99–107.

Крайнов Д.А. Памятники фатьяновской культуры: Московская группа // САИ. Вып. В1-19. М. 1963.

Крайнов Д.А. Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья // КСИА. Вып. 97. 1964. С. 4–6.

Крайнов Д.А. К вопросу о происхождении культур с ямочно-гребенчатой керамикой // Археология Верхнего Поволжья: Материалы к Своду памятников истории и культуры РСФСР. Нижний Новгород. 1991. С. 66–72.

Крайнов Д.А. Верхневолжская культура // Археология: Неолит Северной Европы. М. 1996. С. 166–173.

Крайнов Д.А., Брюсов А.Я. Проблемы северного мезолита // Материалы совещания по изучению четвертичного периода 1957 г. Т. 1. М. 1961.

Крайнов Д.А., Зайцева Г.И., Уткин А.В. Стратиграфия и абсолютная хронология стоянки Ивановское 3 // СА. № 3. 1990. С. 25–31.

Крайнов Д.А., Кольцов Л.В. Проблемы первобытной археологии Волго-Окского междуречья (по результатам работ Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР) // Советская археология в X пятилетке. Всесоюзная конференция. Тезисы пленарных докладов. Л. 1979. С. 22–26.

Крайнов Д.А., Кольцов Л.В. 25 лет (1959–1983) Верхневолжской экспедиции Института археологии Академии наук СССР // СА. № 4. 1983. С. 267–271.

Крайнов Д.А. Лозовский В.М., Костылева Е.Л. Мезолитическая стоянка Сахтыш 9 // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Иваново. 1990. С. 23–31.

Крайнов Д.А., Хотинский Н.А. Верхневолжская ранненеолитическая культура // СА. № 3. 1977. С. 42–68.

Крайнов Д.А., Хотинский Н.А. Ивановские стоянки – комплекс мезо- и неолитических озерно-болотных поселений в Волго-Окском междуречье // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М. 1984а. С. 92–109.

Крайнов Д.А., Хотинский Н.А. Хронология, периодизация и палеогеография первобытных племен центра Русской равнины в голоцене // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М. 1984б. С. 114–119.

Крайнов Д.А., Хотинский Н.А., Урбан Ю.Н., Молодцова Е.М. Древнейшая ранненеолитическая культура Верхнего Поволжья // ВАН. № 5. 1973.

Краснов Ю.А. Следы мезолита в долине Москвы-реки // СА. № 1. 1962.

Крижевская Л.Я. Новые данные о хронологии позднепалеолитических и мезолитических памятников севера ГДР и ФРГ // У истоков древних культур. МИА. Вып. 126. М.-Л. 1966. С. 47–63.

Крис Х.И., Фоломеев Б.А., Чернай И.Л. Работы Второго отряда Московской экспедиции // АО-1975. М. 1976.

Крис Х.И., Чернай И.Л. Раскопки городища Боршева-Московская // АО-1974. М. 1975.
Крис Х.И., Чернай И.Л. Работы Второго отряда Московской экспедиции // АО-1977. М. 1978.
Крис Х.И., Чернай И.Л. Раскопки Боршевского отряда Московской экспедиции // АО-1978. М. 1979.
Крис Х.И., Чернай И.Л., Фоломеев Б.А., Глазко М.П. Работы Второго отряда Московской экспедиции // АО-1976. М. 1977.
Кропачев Г.В. Исследования памятников археологии Кировского района Песоченской АЭ КИКМ в 1993–1995 гг. // Песоченский историко-археологический сборник. Вып.3. Ч. 1. Киров. 1997а.
Кропачев Г.В. Разведки и раскопки в Кировском районе Калужской области //АО-1996. М. 1997б.
Крупные хищники и копытные звери. М. Изд-во «Лесная промышленность». 1978. 295 с.
Крылова Т.Б. Классификация мезолитических наконечников стрел Валдайской возвышенности // Палеолит и неолит Л. 1986. С. 142–148.
Ксензов В.П. Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья. Минск. Изд-во «Наука и техника».1988.
Ксензов В.П. Мезолитические культуры Белорусского Подвинья и Поднепровья // Автореф. дис.... докт. ист. наук. Минск. 1994.
Ксензов В.П. Мезолитическая днепро-деснинская культура // Гістарычна археалагічны зборнік. Вып. 5. Мінск. 1994. С. 61–86.
Ксензов В.П. Мезолит Белорусского Подвинья // РА. № 3. 1996. С. 5–22.
Ксензов В.П. Финальный палеолит и мезолит Поднепровья Беларуси // РА. № 1. 1997. С. 5–20.
Ксензов В.П. Новые памятники гренской культуры в Белорусском Поднепровье // Tanged Points Cultures in Europe. Read at the International archaeological symposium. Aprill 1993. Lublin. 1999. Maria Curie-Sclodowska university press. P. 229–239.
Ксензов В.П. Культура кунда // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск. 2001. Вып. 16. С. 20–35.
Куликова Е.Д. Работы на Масловом Болоте // АО-1982. М. 1984.
Куфтин Б.А. Новая культура бронзовой эпохи в бассейне р. Оки на оз. Подборном близ Касимова Рязанской губернии // Материалы по доистории ЦПО. М. 1925.
Куфтин Б.А. Льяловская неолитическая культура на р. Клязьме в Московском уезде в ее отношении к окскому неолиту Рязанской губернии и ранненеолитическим культурам Северной Европы // Труды Общества исследователей Рязанского края. К материалам по истории Рязанского края. Вып. 5. Рязань. 1926.
Ларичева И.Б. Мезоиндейские культуры Северной Америки. Культура плано. Новосибирск. 1986.
Ластовский А.А. Мезолит Среднего Поволжья и Приуралья // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Тезисы. Екатеринбург. 1993.
Леонова Е.В. К характеристике иеневской культуры в бассейне р. Оки // ВАИВП. Вып. 3. Калуга. 1989. С. 10–12.
Леонова Е.В. Опыт планиграфического анализа иеневских мезолитических стоянок с тонким культурным слоем // ТАС. Вып. 1. Тверь. 1994. С. 30–35.
Леонова Е.В. Раскопки мезолитической стоянки на р. Нерской // АО-1994. М. 1995.
Леонова Е.В. Функционально-планиграфический анализ стоянки Беливо 6В // ТАС. Вып. 2. Тверь. 1996. С. 141–147
Леонова Е.В. Планиграфический анализ «дюнных» мезолитических стоянок Волго-Окского междуречья // Автореф. дис. … канд. ист. наук. М. 1998.
Леонова Е.В. Работы Среднеокской мезолитической экспедиции ИА РАН // АО-2001. М. 2002.
Леонтьев А.Е., Михайлова Л.А. Археология Владимирской области // Археологическая карта России. Очерки археологии регионов. Ч. 1. М. 2001.
Леонтьев А.Е., Сидоров В.В., Исланова И.В. Волго-Окская экспедиция в 1977–1983 гг. // КСИА. Вып. 188. М. 1986. С. 3–20.
Леонтьев А.Е. Сидоров В.В. Исследования Волго-Окской экспедиции // АО-1986. М. 1988. С. 74, 75.
Лисицына Г.Н. Результаты микропалеоботанического исследования образцов торфа Бисерова озера // КСИИМК. Вып. 75. 1959.
Лозе И.А. Поселения каменного века Лубанской низины: мезолит, ранний и средний неолит. Рига. 1988.
Лузгин В.Е. Древние культуры Ижмы. М. 1972.
Луньков В.Ю. Разведки в Орехово-Зуевском районе Московской области // АО-2000. М. 2001.
Любушкина С.Г. Брянско-Жиздринское полесье // Вестник МГУ. Серия V. География. № 3. 1961.
Мазуров А.Б., Высоцкий А.Л. Исследования в Старо-Голутвине монастыре г. Коломна // АО-2001. М. 2002.
Мамонова Н.Н. Новая палеоантропологическая находка на болоте Берендеево // Голоцен. М. 1969. С. 145–151.
Мартьянов В. Н. Разведка в Горьковской области // АО-1982. М. 1984.
Мартьянов В. Н. Новые материалы к археологической карте Окско-Сурского междуречья (бассейны рек Теша и Сатис) // Памятники истории и культуры Горьковской области. Горький. 1989.

Массалитина Г.А. Раскопки Воротынска и разведка в пригородной зоне г. Калуги // АО-1995. М. 1996.
Массалитина Г.А. Раскопки в г. Козельске // АО-1997. М. 1998.
Массалитина Г.А. Работы в Калужской области // АО-1998. М. 1999.
Массалитина Г.А., Смирнов А.С., Сорокин А.Н, Прошкин О.Л. Археология Калужской области // Археологическая карта России. Очерки археологии регионов. М. 2001. С. 142–180.
Милонов Н.П. Археологические исследования по р. Цне // КСИИМК. Вып. 15. 1947.
Милонов Н.П. К изучению археологических памятников и исторических сел и городов на территории Рязанской области. Рязань. 1949.
Мингалёв В.В. Разведочные работы на территории Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника и в его охранной зоне // АО-2000. М. 2001.
Мирецкий А.В. Новый памятник эпохи первобытности в бассейне р. Шоши // ТАС. Тверь. 1994. С. 70–74.
Мирецкий А.В., Фролов А.С. Мезолитическая стоянка-мастерская Дорки 4 на Верхней Волге // Археология Верхнего Поволжья. Нижний Новгород. 1991. С. 19–29.
Миронова В.Г. Разведка в Тульской области // АО-1977. М. 1978.
Миронова В.Г. Разведка в Тульской области // АО-1978. М. 1979.
Миронова В.Г. Разведки в Тульской области // АО-1979. М. 1980.
Миронова В.Г. Разведки в Тульской области // АО-1980. М. 1981.
Михайлова Л.А. Исследования Великоозерской 1 стоянки // АО-1979. М. 1980.
Молодцова Е.М. Разведки в Ивановской области // АО-1969. М. 1970.
Молодцова Е.М. Работы Шуйского отряда // АО-1972. М. 1973.
Молчанов А.А. Работы в Можайском кремле // АО-1981. М. 1983.
Монгайт А.Л. Рязанская земля. М. 1961.
Морозова Т.Д. Ископаемые почвы эпохи мустье (Микулинское межледниковье) средней части Русской равнины // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М. 1969.
Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск. 1977. 263 с.
Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Археология, палеолит северо-восточной Азии, внетропическая прародина человечества и древнейшие этапы заселения человеком Америки. Якутск. 2002.
Нарциссов П. По Тульскому краю. Тула. 1925.
Наумов А.Н. Гончарные комплексы первой половины XIII в. на поселении Монастырщина 5 // Археология и история Юго-Востока Руси. Курск. 1991.
Наумов А.Н. Охранные работы в Тульской области // АО-1994. М. 1995.
Наумов А.Н. Исследования на Куликовом поле, в г. Туле и области // АО-1995. М. 1996.
Наумова Т.В. Работы археологического музея «Тульские древности» // АО-1994. М. 1995.
Наумова Т.В. Раскопки поселения у д. Жабынь на Оке // АО-1996. М. 1997.
Наумова Т.В., Воронцов А.М. Исследования в Ясногорском и Белёвском районах Тульской области // АО-1995. М. 1996.
Нейштадт М.И. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М. 1957.
Нейштадт М.И., Завельский Ф.С., Микляев А.М., Хотинский Н.А. Комплексы стоянок мезолита и неолита на болотах Берендеево и Ивановское в Ярославской области // Голоцен. М. 1969. С. 129–138.
Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново. 1998.
Неклюдов А.Н. Археологические раскопки в Солнечногорском районе Московской области и в г. Зеленограде // АО-1993. М. 1994. С. 81.
Неклюдов А.Н. Раскопки Зеленоградского музея в верховьях р. Клязьмы // АО-1994. М. 1995.
Неклюдов А.Н. Раскопки поселения Льялово III и разведка в верховьях Клязьмы, Сходни и Истры // АО-1996. М. 1997.
Некрасов А.И. Города Московской губернии. М. 1928.
Неолит лесной полосы Восточной Европы. Антропология Сахтышских стоянок. Отв. ред. Алексеева Т.И. М. Изд-во «Научный мир». 1997.
Неприна В.И. Неолит ямочно-гребенчатой керамики на территории Украины. Киев. Изд-во «Наукова думка». 1976.
Неприна В.И., Зализняк Л.Л., Кротова А.А. Памятники каменного века Левобережной Украины. Киев. Изд-во «Наукова думка». 1986.
Нигматуллин Р.А., Прошкин О.Л. Археологические исследования в зонах новостроек Калужской области (1997–1998 гг.) // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга. 2001.
Никитин А.Л. Голубые дороги веков. М. 1968.
Никитин А.Л., Хотинский Н.А. Свайное поселение на болоте Берендеево Ярославской области // Значение палинологического анализа для стратиграфии и палеофлористики. М. 1966. С. 211–219.
Никитин В.В. Каменный век Марийского края // Труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола. 1996. Том 4.

Николаева Т.В. Новые находки на территории Загорского музея-заповедника // СА. № 3. 1957.
Обозрение раскопок, находок и приобретений древностей музеями и разные известия // АИЗ. Т. 1. М. 1893.
Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. СПб. 2002.
Отчет Императорского Российского исторического музея за 1908 г. М. 1909.
Отчет о деятельности Калужской Ученой Архивной Комиссии за 1891 год. // ИКУАК. № 2. Калуга. 1892.
Отчет в Императорскую Археологическую Комиссию товарища председателя Калужской Ученой Архивной Комиссии И.Д. Четыркина о произведенных им в 1894 г. археологических раскопках по нижнему течению речки Калужки // ИКУАК. № 4. Калуга. 1895.
Ошибкина С.В. Мезолит бассейна Сухоны и восточного Прионежья. М. Изд-во «Наука». 1983.
Ошибкина С.В. Веретье 1. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М. Изд-во «Наука». 1997.
Очеретин И. А., Очеретина С. В. Археологические исследования в Шатковском районе в 1998 году // НИКА. Сборник научных и методических трудов. Нижний Новгород. 1999. С. 99.
Палеогеография Европы за последние 100 тысяч лет. Атлас-монография. М. Изд-во «Наука». 1982.
Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. Некоторые итоги полевых исследований 1879–1979 гг. Л. «Наука». 1982.
Паничкина М.З. Мезолитическая стоянка Борки // МИА. Вып. 2. М.-Л. 1941. С. 148–157.
Панкрушев Г.А. Мезолит и неолит Карелии. Т. I: Мезолит. Л. 1978.
Патрик Г.К. Разведки в Тульской и Брянской областях // АО-1980. М. 1981.
Патрик Г.К. Работы Плавского отряда // АО-1981. М. 1982.
Патрик Г.К. Работы в Тульской и Смоленской областях // АО-1983. М. 1985а.
Патрик Г.К. Результаты обследования Одоевского района Тульской области // Археологические памятники Европейской части РСФСР. М. 1985б.
Пиотровский В.В. Неолитическая стоянка на берегу оз. Круглого (Московская область) // КСИИМК. Вып. 36. 1951.
Плетнев В.А. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. Тверь. 1903.
Полякова Г.Ф. Племена белевской культуры // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. Труды ГИМ. Вып. 44. М. 1970.
Полякова Г.Ф. Неолитические племена верхнего течения Оки // МИА. Вып. 172. М. 1973.
Попова Т.Б. Археологические коллекции Моршанского краеведческого музея // СА. № 4. 1962. С. 210–214.
Попова Т.Б. Коренецкие стоянка и могильник // СА. № 1. 1965.
Попова Т.Б. Допоздняковские памятники в Окском бассейне // Экспедиции Государственного исторического музея. М. 1969.
Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М. 1979.
Праслов Л.Н. Почвы СССР. М. 1940.
Пришвин М. Родники Берендея. М.-Л. 1926.
Протокол заседания Калужской Ученой Архивной Комиссии 12 октября 1891 года. // ИКУАК. № 2. Калуга. 1891
Протокол заседания Калужской Ученой Архивной Комиссии 6 февраля 1892 г. // ИКУАК. № 2. Калуга. 1892.
Протоколы заседаний МАО за 1893–1896 гг. // Древности. Труды МАО. Т. XVII. М. 1900.
Прошкин О.Л. 5 лет работы Калужской областной археологической экспедиции. (1984–1988 годы) // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга. 1989.
Прошкин О.Л. Археологическая карта Боровского района Калужской области. Калуга. 1990.
Прошкин О.Л. Археологическая деятельность Калужской Ученой Архивной Комиссии. (К 100-летию образования) // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Тезисы докладов. Калуга. 1991.
Прошкин О.Л. Археологический комплекс у деревни Маламахово // Боровский краевед. Вып. 4. Боровск. 1992.
Прошкин О.Л. Работы Калужской экспедиции // АО-1995. М. 1996.
Прошкин О.Л. Исследования в Калужской области. // АО-1997. М. 1999.
Прошкин О.Л. Исследования в Калужской области // АО-1999. М. 2000.
Прошкин О.Л. Исследования в Калужской области // АО-2000. М. 2001.
Прошкин О.Л. Работы Калужской экспедиции // АО-2002. М. 2003.
Прошкин О.Л., Нигматуллин Р.А. Археологические исследования в зонах новостроек Калужской области в 1999–2000 гг. // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы IX конференции. I часть. Калуга. 2001.
Разуваев Ю.Д. Разведка по р. Красивая Меча // АО-1982. М. 1984.
Разуваев Ю.Д. Исследования в бассейне р. Красивая Меча // АО-1983. М. 1985.
Разуваев Ю.Д. Работы в бассейне р. Красивая Меча // АО-1984. М. 1986.
Раушенбах В.М. Неолитическая стоянка у д. Большое Буньково // КСИИМК. Вып. 32. 1950.

Раушенбах В.М. Неолитические стоянки Верхней Клязьмы // Труды ГИМ. Вып. 22. М. 1953.
Раушенбах В.М. Древнейшая стоянка льяловской культуры // СА. № 2. 1964.
Раушенбах В.М. Стоянка Никола-Перевоз II на р. Дубне в Московской области // Экспедиции Государственного исторического музея. М. 1969.
Раушенбах В.М. Племена льяловской культуры // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. Труды ГИМ. Вып. 44. М. 1970.
Римантене Р.К. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс. 1971.
Роде А.А., Смирнов В.И. Почвоведение. М. Изд-во «Высшая школа». 1972. 480 с.
Розенфельдт И.Г. Неолитические стоянки на Тростенском озере // КСИА. Вып. 97. М. 1964.
Розенфельдт И.Г. Мышецкая стоянка // КСИА. Вып. 134. М. 1973.
Розенфельдт Р.Л. Археологические разведки в Московской области // КСИИМК. Вып. 79. 1960.
Розенфельдт Р.Л. Археологические разведки в Московской области в 1960 г. // КСИА. Вып. 90. М. 1962.
Розенфельдт Р.Л. Археологические разведки в Подмосковье // АО-1965. М. 1966.
Розенфельдт Р.Л. Археологические разведки в Подмосковье // АО-1966. М. 1967а.
Розенфельдт Р.Л. Археологические разведки в Подмосковье в 1964–1965 гг. // КСИА. Вып. 112. М. 1967б.
Розенфельдт Р.Л. Раскопки в Подмосковье // АО-1973. М. 1974.
Розенфельдт Р.Л. Разведки и раскопки в Московской области // АО-1975. М. 1976.
Розенфельдт Р.Л., Юшко А.А. Список археологических памятников Московской области. М. 1973.
Сапожникова Г.В., Сапожников И.В. О функциях геометрических микролитов (по материалам стоянки Гиржево) // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев. 1986. С. 36–41.
Сахаров И.П. Древности Московской и Тульской губерний // ЗОРСА. Т. I. СПб. 1851.
Сейбутис А.А. Проблема этногенеза балтов и славян в свете палеогеографии // Природа. № 11. 1980. С. 78–85.
Сейбутис А.А. Палеогеография, топонимика и этногенез // Известия АН СССР. Серия географическая. № 6. М. 1974. С. 40–53.
Семенов С.А. Первобытная техника // МИА. Вып. 54. М.-Л. Изд-во «Наука». 1957.
Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. М.-Л. Изд-во «Наука». 1968.
Сидоров В.В. Разведки неолита в Подмосковье // АО-1968. М. 1969.
Сидоров В.В. Раскопки и разведки памятников неолита и бронзы в Подмосковье // АО-1970. М. 1971.
Сидоров В.В. Многослойные стоянки в Подмосковье // АО-1971. М. 1972.
Сидоров В.В. Давыдковская стоянка на р. Яхроме // СА. № 2. М. 1973.
Сидоров В.В. Стоянки на оз. Святом у Шатуры // СА. № 3. М. 1975.
Сидоров В.В. Раскопки в Московской Мещере // АО-1976. М. 1977.
Сидоров В.В. Стоянки Маслова Болота // АО-1981. М. 1983.
Сидоров В.В. Работы Неолитического отряда Волго-Окской экспедиции // АО-1983. М. 1985.
Сидоров В.В. Маслово Болото 7 – поселение льяловской культуры // СА. № 4. М. 1986.
Сидоров В.В. Раскопки на Оке и Дубне // АО-1995. М. 1996.
Сидоров В.В. Трансформации и миграции культур каменного века лесной зоны Восточной Европы // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь. 1998.
Сидоров В.В. Старшее Каширское городище и Колтеск // АО-2001. М. 2002.
Сидоров В.В. Археологические памятники окрестностей Каширы // Каширский край. Археология. Вып. 1. Кашира. 2002. С. 22–45.
Сидоров В.В., Балинский И.М. Тростенская экспедиция // АО-1972. М. 1973.
Сидоров В.В., Балинский И.М. Раскопки на Тростенском озере и Масловом болоте // АО-1973. М. 1974.
Сидоров В.В., Балинский И.М. Работы Московского отряда Окской экспедиции // АО-1975. М. 1976.
Сидоров В.В., Жилин М.Г. Стоянка Дальний Остров в Подмосковье // СА. 1975. № 3. С. 244–249.
Сидоров В.В., Сорокин А.Н. Многослойное поселение Замостье 5 // Древности Залесского края. Материалы к Международной конференции «Каменный век Европейских равнин». Сергиев-Посад. 1997. С. 144–163.
Сидоров В.В., Сорокин А.Н. Раскопки многослойного поселения Замостье 5 // ТАС. Тверь. 1998. Вып. 3. С. 226–237.
Сидоров В.В., Трусов А.В. Луково озеро I – стоянка льяловской культуры // СА. № 2. 1980.
Сидоров В.В., Трусов А.В. Фатьяновцы на Круглом озере // КСИА. Вып. 185. М. 1986.
Сидоров В.В., Энговатова А.В. Волосовские погребения Маслова болота V // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 5. Иваново. 1991.
Симашко Е., Брзозовски Е. Исследовательский проект в Милуки: междисциплинарное изучение пойменной стоянки эпохи раннего мезоли-

та в Польше // Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. Екатеринбург. 2002. С. 274, 275.
Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М. 1976.
Синицына Г.В. К вопросу о генезисе валдайской культуры // ТАС. Вып. 1. Тверь. 1994. С. 36–41.
Синицына Г.В. Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. СПб. 1996.
Синицына Г.В. Ланино 1 – памятник каменного века // Каменный век Верхневолжского региона. Вып. 2. СПб. 1997.
Синицына Г.В. Финальный палеолит и ранний мезолит – этапы развития материальной культуры на Верхней Волге // ТАС. Вып.4. Тверь. 2000.
Синицына Г.В., Зарецкая Н.Е. О новой дате валдайской культуры // ТАС. Вып. 5. Тверь. 2002. С. 196–208.
Синицына Г.В., Кильдюшевский В.И. Хронологические комплексы археологического памятника Подол 3 // ТАС. Вып. 2. Тверь. 1996.
Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж. 1986.
Слободин С.Б. Археология Колымы и континентального Приохотья в позднем плейстоцене и раннем голоцене. Магадан. 1999.
Смирнов А.С. Деснинская экспедиция в 1977–1988 гг. // КСИА. Вып. 188. М. 1986а.
Смирнов А.С. Белевская культура: Проблемы неолита Верхней Оки // СА. № 4. М. 1986б.
Смирнов А.С., Сорокин А.Н. Деснинская экспедиция в 1984–1985 гг. // КСИА. Вып. 196. 1989. С. 12–19.
Смирнов К.А. Новые городища дьякова типа в бассейне Москвы-реки // КСИА. Вып. 102. М. 1964.
Смолицкая Г.П. Картографирование гидронимии Поочья // Топонимика Центральной России. М. 1974.
Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки. М. 1976.
Сорокин А.Н. Мезолитическая стоянка Петрушино во Владимирской области (Мещера) // СА. № 4. 1981а.
Сорокин А.Н. Позднемезолитическая стоянка Микулино (Мещера) // СА. № 1. 1981б.
Сорокин А.Н. Работы мезолитического отряда Деснинской экспедиции // АО-1980. М. 1981в.
Сорокин А.Н. Об орудиях на пластинах со стоянки Умиление // КСИА. Вып. 169. 1982.
Сорокин А.Н. Разведки и раскопки в Рязанской и Калужской областях // АО-1982. М. 1984.
Сорокин А.Н. Работы мезолитического отряда Деснинской экспедиции в 1983 г. // АО-1983. М. 1985. С. 84, 85.
Сорокин А.Н. Мезолит бассейнов Десны и Оки: по материалам работ Деснинской экспедиции // КСИА. Вып. 188. 1986а.
Сорокин А.Н. Рессетинская культура // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. М. 1986б.
Сорокин А.Н. Бутовская мезолитическая культура // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Вып. 2. Калуга. 1987а. С. 9–11.
Сорокин А.Н. О происхождении кундской культуры // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Вып. 2. Калуга. 1987б. С. 11–14.
Сорокин А.Н. Исследования на объектах мелиорации в Рязанской области // АО-1985. М. 1987в. С. 104, 105.
Сорокин А.Н. Культурные различия в мезолите бассейна р. Ока // КСИА. Вып. 189. 1987г. С. 41–46.
Сорокин А.Н. Опыт исследования мезолитических стоянок с неокрашенным культурным слоем // Задачи Советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов Всесоюзной конференции. М. 1987д. С. 238, 239.
Сорокин А.Н. Рессетинская культура // Социально-экономическое развитие древних обществ и археология. Сборник статей молодых ученых. М. 1987е. С. 133–140, 192, 193.
Сорокин А.Н. Коллекция нижнего слоя стоянки Исток 1 (к вопросу о памятниках с асимметричными наконечниками в Мещере) // Памятники каменного века бассейна р. Оки. М. 1988. С. 9–14.
Сорокин А.Н. Исследования на новостройках и сохранность археологических памятниках // Новое в методике археологических работ на новостройках РСФСР. Тезисы научно-практического семинара. Суздаль. 13–17 февраля 1989. М. 1989а. С. 40, 41.
Сорокин А.Н. К проблеме происхождения бутовской культуры // СА. № 2. 1989б. С. 24–34.
Сорокин А.Н. Бутовская мезолитическая культура в Мещерском и Жиздринском полесьях // Автореферат дис.... канд. ист. наук. М. 1989в.
Сорокин А.Н. Рессетинская культура (к проблеме изучения памятников рубежа плейстоцен-голоцен в центре Русской равнины) // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга. 1989г. С. 14, 15.
Сорокин А.Н. Рессетинская культура // Археология СССР. Мезолит СССР. М. 1989д. С. 84–86, 260.
Сорокин А.Н. Бутовская мезолитическая культура (по материалам Деснинской экспедиции). М. 1990.
Сорокин А.Н. Мезолитические памятники Рязанской области // Археологические памятники Среднего Поочья (материалы к Своду памятников). Рязань. 1992. С. 3–16.

Сорокин А.Н. Исследование мезолитических стоянок Поочья в 1986–1989 гг. // КСИА. Вып. 210. М. 1993. С. 45–55.

Сорокин А.Н. Еще раз о происхождении кундской культуры // Международная конференция к 100-летию В.И. Равдоникаса. Тезисы докладов. СПб. 1994. С. 66–68.

Сорокин А.Н. Стоянка Шабаево 5 // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань. 1995. Вып. 5. С. 5–12.

Сорокин А.Н. О связях населения бутовской и иеневской культур // ТАС. Вып. 2. Тверь. 1996. С. 93–98.

Сорокин А.Н. О связях населения бассейна реки Оки в раннем мезолите // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 6. Рязань. 1997. С. 10–39.

Сорокин А.Н. Стоянка Брагино и ее палинологическая датировка // ВАИВП. Калуга. 1998. С. 9–12.

Сорокин А.Н. Мезолит Жиздринского полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы // Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М. 2000а.

Сорокин А.Н. Метаморфозы источника по мезолиту Восточной Европы // Тверской археологический сборник. Тверь. 2000б. Вып. 4. Т. 1. С. 48–69.

Сорокин А.Н. Рецензия: Л.В. Кольцов, М.Г. Жилин. Мезолит Волго-Окского междуречья (памятники бутовской культуры). М. «Наука». 1999 // РА. № 3. 2001а.

Сорокин А.Н. О мезолите Жиздринского полесья // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы IX конференции. Калуга. 2001б. С. 84–90.

Сорокин А.Н. Проблемы источниковедения мезолита Восточной Европы // Практика и теория археологических исследований. Труды отдела охранных раскопок. М. 2001в. С. 4–30.

Сорокин А.Н. Мезолит Жиздринского полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы. М. Изд-во «Наука». 2002а.

Сорокин А.Н. О мезолите низовьев р. Мокши // ТАС. Вып. 5. Тверь. 2002б. С. 71–82.

Сорокин А.Н. Диалог о генезисе культуры кунда // РА. № 3. 2004. С. 79–88.

Сорокин А.Н., Фролов А.С. Мезолитическая стоянка Пенешки // СА. № 4. 1987.

Сорокин А.Н., Выборнов А.А., Королев А.И., Ставицкий В.В. Исследования на Заболотском палеоозере // АО-2001. М. 2002.

Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Особенности формирования и структуры растительного покрова Волго-Окского междуречья в эпоху мезолита // ТАС. Вып. 2. Тверь. 1996. С. 65–70.

Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Опыт применения палинологического анализа для периодизации мезолита Волго-Окского междуречья // Забелинские научные чтения 1995–1996 гг. Труды ГИМ. Вып. 103. М. 1999.

Спиридонова Е.А., Алешинская А.А. Динамика природной среды Волго-Окского междуречья в I тыс. до н. э. по II тыс. н. э. // РА. № 3. 2004. С. 33–43.

Спиридонова Е.А. Заключение по результатам палинологического анализа разреза на стоянке Куково 1 // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Труды Музея истории города Москвы. Выпуск 10. Часть 3. М. 1999. С. 15–18.

Спицын А.А. Обозрение некоторых областей и губерний России в археологическом отношении // ЗРАО. Новая серия Т. XI. Вып. 1. М. 1903.

Ставицкий В.В. Каменный век Примокшанья и Верхнего Посурья. Пенза. 1999.

Станко В.Н. Мирное. Проблема мезолита степей Северного Причерноморья. Киев. Изд-во «Наукова думка». 1982.

Станюкович А.К., Ёлкина И.И. Исследования в округе Звенигорода // АО-1998. М. 1999.

Станюкович А.К., Ёлкина И.И., Лазукин А.В., Насырова Н.Ш. Работы в округе Звенигорода // АО-2002. М. 2003.

Станюкович А.К., Черносвитов П.Ю. Работы Звенигородской экспедиции // АО-1997. М. 1998.

Сулержицкий Л.Д., Зарецкая Н.Е., Жилин М.Г. Радиоуглеродная хронология поселения Ивановское VII // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново. 1998. С. 26–28.

Сульгостовска С. Поселенческая модель финального палеолита, мазовецкие кремневые мастерские и обитаемые стоянки // Материалы международной конференции «Каменный век Европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры». Сергиев-Посад. 2001. С. 90–98.

Сыроватко А.С. Исследования Городищенского городища в г. Коломна // АО-1998. М. 1999.

Сыроватко А.С. Археологические исследования в Коломенском районе // АО-2002. М. 2003.

Сыроечковский Е.Е. Северный олень. М. 1986.

Сычевская Е.К. Остатки рыб с поселения Ивановское VII // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново. 1998. С. 87–89.

Талицкий М.В. Московская область. Коломенский район, 1936 г. // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. М.-Л. 1941.

Тавлинцева Е. Ю. Раскопки на селище Заозерье в Подмосковье // АО-1994. М. 1995. С. 141.

Тавлинцева Е. Ю. Раскопки древнерусского селища Заозерье // АО-1995. М. 1996. С. 188.
Тарасов Л.М. Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. Л. 1979. 168 с.
Тарасов Л.М. Новые раскопки на стоянке Гагарино // КСИА. Вып. 92. Л. 1962. С. 56–60.
Тарасов Л.М. Палеолитическая стоянка Гагарино (по раскопкам 1962 г.) // МИА. Вып. 131. М.-Л. 1965. С. 111–140.
Телегін Д.Я. Мезолітичні пам`ятки Україні. Київ. 1982.
Телегин Д.Я. Памятники эпохи мезолита на территории Украинской ССР. Киев. 1985.
Тимофеев В.И. Памятники мезолита и неолита региона Петербурга и их место в системе культур каменного века Балтийского региона // Древности Северо-Запада России. СПб. 1993. С. 8–34.
Третьяков В.П. К вопросу о каменных орудиях Волго-Окского междуречья // МИА. Вып. 131. М.-Л. 1965.
Третьяков В.П. Неолит междуречья Суры и Мокши // Древности Среднего Поволжья. Йошкар-Ола. 1987.
Третьяков В.П. Неолитические племена лесной зоны Восточной Европы. Л. 1990.
Третьяков П.Н. Древнейшее прошлое Верхнего Поволжья. Ярославль. 1939.
Третьяков П.Н. К вопросу об эпипалеолитических памятниках Верхнего Поволжья // СА. Вып. V. 1940а. С. 101–105.
Третьяков П.Н. Новые данные по эпипалеолиту Верхнего Поволжья // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. № 6–7. 1940б.
Третьяков П.Н. Эпипалеолитические поселения Скнятинских дюн // МИА. Вып. 13. 1950.
Третьяков П.Н. Позднемезолитические местонахождения Костромского и Ярославского Поволжья // МИА. Вып. 110. М. 1963.
Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л. 1966.
Троицкий Н.И. Село Городище – древний город Лопасня и монастырь св. Николая Чудотворца, Четырех церквей. М. 1897.
Трусов А.В. Могильник Облачинская дюна // КСИА. № 175. М. 1983.
Трусов А.В. Зарайская верхнепалеолитическая стоянка (предварительное сообщение) // СА. № 3. 1985.
Трусов А.В. Культурный слой Зарайской верхнепалеолитической стоянки // Древности Оки. Труды ГИМ. Вып. 85. М. 1994.
Трусов А.В. Куково 1 – новый памятник иеневской культуры на р. Осетр в Зарайском районе Московской области // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Труды Музея истории города Москвы. Выпуск 10. Часть 3. М. 1999. С. 7–14.
Трусов А.В. Поречье 1 – памятник иеневской мезолитической культуры на р. Москве // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Труды Музея истории города Москвы. Вып. 10. Часть 3. М. 1999. С. 19–25.
Трусов А.В. Трегубово 2 – палеолитическая мастерская по первичной обработке кремневого сырья // Проблемы каменного века Русской равнины. М. 2004. С. 218.
Тульские губернские ведомости. Тула. 1854.
Тухтина Н.В. Работы на Куликовом поле // АО-1980. М. 1981.
Уваров А.С. Археология России: Каменный период. Т. I, II. М. 1881.
Успенский С.А. Верхнеокская неолитическая стоянка Турынинские Дворики // КСИИМК. Вып. 59. 1955. С. 131–134.
Уткин А.В. Костяные изделия стоянок Берендеево IV и VIII // КСИА. Вып. 177. 1984а. С. 52–56.
Уткин А.В. Исследования на юге Ярославской области // АО-1982. М. 1984б. С. 94.
Уткин А.В. Исследования на юге Ярославской области // АО-1983. М. 1985а. С. 91.
Уткин А.В. Костяные изделия стоянок Берендеево V и IX // СА. № 1. 1985б. С. 143–150.
Уткин А.В. Мезолитическая стоянка Малая Ламна III в бассейне р. Лух // СА. № 4. 1990.
Уткин А.В. Стоянка Щербинино I на Малой Нерли // Археология Верхнего Поволжья. Н. Новгород. Вып. 1. 1991. С. 73–84.
Уткин А.В. Гравировка на камне с Ивановского болота // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Иваново. Вып. 1. 1994. С. 38–41.
Уткин А.В. Орнаментированная кирка с Ивановского болота // Археология Севера. Петрозаводск. 1997. С. 74–78.
Уткин А.В. Хроника археологических исследований Ивановского болота // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново. 1998а. С. 3–11.
Уткин А.В. Орнаментированный роговой топор с Ивановского болота // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново. 1998б. С. 58–62.
Уткин А.В., Костылева Е.Л. К вопросу о культурной принадлежности погребений на стоянке Берендеево I // РА. № 2. 1998а. С. 160–164.
Фальк И.П. Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 6. СПб. 1824.
Фехнер М.В. Шейные гривны X–XIII вв. по археологическим данным // Труды ГИМ. Вып. 43. М. 1967.
Физико-географическое районирование Нечерноземного Центра. М. Изд-во «Высшая школа».1963.

Филатова В.Ф. Кремневые наконечники стрел в мезолите Карелии // СА. № 3. 1987.

Фоломеев Б.А. Разведки Мещерской экспедиции ГИМ в Рязанской области // АО-1969. М. 1970. С. 61.

Фоломеев Б.А., Александровский А.Л., Мошинский А.П., Гоняный М.И., Гласко М.П. Древние поселения и природная среда приустьевой части Непрядвы // Куликово поле: материалы и исследования. Труды ГИМ. Вып. 73. М. 1990.

Фоломеев Б.А., Гласко М.П., Хотинский Н.А. и др. Монастырщина II – неолитическое и средневековое поселение на Куликовом поле в верховьях Дона // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М. 1984.

Фоломеев Б.А., Стогов В.Е., Трусов А.В. и др. Окская экспедиция // АО-1977. М. 1978. С. 92.

Фоломеев Б.А., Гоняный М.И., Гласко М.П. Работы Окско-Донской экспедиции // АО-1983 г. М. 1985.

Формозов А.А. Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР // СА. XXI. 1954.

Формозов А.А. О времени и исторических условиях сложения племенной организации // СА. № 1. 1957.

Формозов А.А. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М. «Наука». 1959.

Формозов А.А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М. «Наука». 1977.

Формозов А.А. Следопыты земли московской. М. 1988.

Фосс М.Е. Древнейшая история Севера Европейской части СССР // МИА. Вып. 29. М. 1952.

Фосс М.Е. Неолитическая стоянка Бисерово озеро // КСИИМК. Вып. 75. 1959.

Фрайсон Дж. Добыча бизонов и анализ каменных орудий на палеоиндейской стоянке Хорнер, Парк Каунти, Вайоминг, США // Исследования четвертичного периода. М. 1986. С. 176–183.

Фролов А.С. Новые памятники на Верхней Оке // АО-1976. М. 1977.

Фролов А.С. Работы на Верхней Оке // АО-1977. М. 1978.

Фролов А.С. Палинологическая датировка стоянки Ладыжино 3 и ее место в Окском мезолите // Человек и природная среда в древности и средневековье. М. 1984.

Фролов А.С. Иеневская позднемезолитическая культура в бассейне р. Оки // Археологические памятники Европейской части РСФСР. М. 1985. С. 135–141.

Фролов А.С. Исследования стоянки Заозерье на р. Москва // АО-1983. М. 1985.

Фролов А.С. Стоянки у с. Заозерье // АО-1984. М. 1986.

Фролов А.С. Стоянка Заозерье 1 на Москве-реке // КСИА. Вып. 189. М. 1987а. С. 75–83.

Фролов А.С. Работы в Калужской области // АО-1985. М. 1987б.

Фролов А.С. Позднемезолитическая стоянка Заозерье 2 на юге Подмосковья // СА. № 2. М. 1987в. С. 246–250.

Фролов А.С. Археологические памятники в гор. Тарусе // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Тезисы докладов. Калуга. 1987г.

Фролов А.С. Предварительные итоги работ Калужской экспедиции в 1985–1988 гг. // Материалы Боровских чтений (Археология, история, краеведение). Боровск. 1988.

Фролов А.С. О хозяйстве иеневских племен // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга. 1989. С. 7, 8.

Фролов А.С. Стоянка Трашковичи // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга. 1989.

Фролов А.С. О комплексе иеневских памятников у д. Ладыжино. // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга. 1991. С. 20–23.

Фролов А.С. Первобытные памятники на территории Тарусского района // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы VIII региональной научной конференции 17–19 марта 1999 г. Калуга. 2001а.

Фролов А.С. Таруса – история тысячелетий. М. 2001б.

Фролов А.С., Грудинкин Б.В., Прошкин О.Л., Станюкович А.К. Работы Калужской экспедиции // АО-1986. М. 1988.

Фролов А.С., Жилин М.Г. Новый памятник мезолита на Верхней Оке // СА. № 1. 1978.

Фролов А.С., Жилин М.Г. Мезолитическая стоянка Ладыжино 3 // СА. № 2. 1981.

Фролов А.С., Трусов А.В., Сорокин А.Н. Разведки в Мещере // АО-1975. М. 1976.

Фролов А.С., Сорокин А.Н., Жилин М.Г. Первые памятники мезолита в Мещере // СА. № 2. 1977. С. 142–151.

Фролов А.С., Прошкин О.Л. Археология Калужской области. Калуга. 1989.

Фролов А.С., Хайбулин Р.Ф. Раскопки и разведки на Верхней Оке // АО-1979. М. 1980.

Фролов И.К. Работы в Калужской и Орловской областях // АО-1976. М. 1977.

Фролов И.К. Работы Среднерусской экспедиции // АО-1977. М. 1978.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М. Изд-во «Наука». 1969.

Хлобыстин Л.П. Древнейшие памятники Западного Таймыра // КСИА. Вып. 137. М. 1973. С. 89–95.

Хлобыстин Л.П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии. СПб. 1998.

Ходаковский З.Я. Извлечения из бумаг Д. Ходаковского // Русский исторический сборник. Т. 1. М. 1837.

Ходаковский З.Я. Историческая система Ходаковского // Русский исторический сборник. Т. 1. Кн. 3. М. 1838.

Ходаковский З.Я. Донесение о первых успехах путешествия по России // Русский исторический сборник. Т. 7. М. 1844.

Хотинский Н.А. Трансконтинентальная корреляция этапов истории растительности и климата северной Евразии в голоцене. М. 1973.

Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии. М. 1977.

Цветкова И.К. Волосовские неолитические племена // Труды ГИМ. Вып. 22. М. 1953.

Цветкова И.К. Племена рязанской культуры // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. Труды ГИМ. Вып. 44. М. 1970.

Цветкова И.К. Работы Московской экспедиции Государственного Исторического музея // АО-1981. М. 1983.

Человек заселяет планету Земля. Глобальное расселение гоминид. М. 1997. 303 с.

Челяпов В.П., Выборнов А.А., Королев А.И., Ставицкий В.В. Многослойное поселение Городок 1 на р. Ранова // АО-2002. М. 2003.

Черепнин А.И. Местная старина // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. Т. 9. Вып. 1. Рязань. 1894.

Чернов Г.А. Мезолитическая стоянка Сандибейю 1 // СА. № 2. 1978.

Чернов С.З. Исторический ландшафт древнего Радонежа: Происхождение и семантика // Памятники культуры: Новые открытия. 1988. М. 1989.

Чернов С.З. Из двухсотлетнего забвения // Наука в России. М. 1993.

Четыркин И.Д. Дневник раскопок 1898 г. в уездах Козельском, Лихвинском и Калужском // ИКУАК. Вып. 2. Калуга. 1899.

Четыркин И.Д. Результат начальных археологических исследований по нижнему течению речки Калужки // ИКУАК. Вып. 2. Калуга. 1892.

Чистов К.В. Взаимоотношения культур контактирующих этносов: влияния, взаимообмен, апперцепция, симбиоз, непроницаемость // Археологические изыскания. Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Вып. 11. СПб. 1993. С. 3–6.

Чубур А.А. К вопросу о «мегатеории» и миграциях верхнепалеолитического человека в центре Русской равнины // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 3. Рязань. 1993.

Чубур А.А. Распределение остатков гигантских фитофагов и возможные пути заселения Среднего Поочья в осташковское время // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 5. Рязань. 1996.

Шеков А.В. Работы в Туле, Белеве, Одоевском и Белевском районах Тульской области // АО-1993. М. 1994.

Шеков А.В. Охранные исследования в г. Туле и Тульской области // АО-1994. М. 1995.

Шеков А.В. Работы в Щекинском и Дубенском районах Тульской области // АО-1995. М. 1996.

Шеков А.В. Исследования в Тульской области // АО-1996. М. 1997.

Щеглов И.Л. Следы доисторического человека в Меленковской уезде Владимирской губернии // Труды ВУАК. Кн. 3. Владимир. 1901.

Шитов В.Н. Эпоха камня и раннего металла в Примокшанье // Материалы по археологии Мордовии. Саранск. 1976. С. 24–87.

Шполянский С.В. Разведки и раскопки в Московской области // АО-1997. М. 1998.

Энговатова А.В., Коваль В.Ю. Археологические исследования в Мякининской пойме // АО-2002. М. 2003.

Энговатова А.В., Сидоров В.В. Поселение и жилище – община и семья // Социальная дифференциация общества: поиск археологических критериев. М. 1993.

Юшко А.А. Работы в Московской области // АО-1981. М. 1983.

Юшко А.А. О пределах Московского княжества Ивана Калиты // СА. № 5. 1985.

Юшко А.А. Археологические памятники Московской земли IX–XIV вв. // Депонировано. М. 1987.

Юшко А.А., Чернов С.З. Из исторической географии Московской земли // СА. № 2. 1980.

Яанитс К.Л. Кундасская культура. М. 1991. Автореф. дис.... канд. ист. наук.

Янитс Л.Ю. Новые данные по мезолиту Эстонии // МИА. Вып. 126. М.-Л. 1966. С. 114–123.

Янитс К.Л. Происхождение и развитие кундской мезолитической культуры // Шестой международный конгресс финно-угроведов. Тезисы докладов. Сыктывкар. Т. 4. 1985. С. 125.

Янитс К.Л. Мезолитическая стоянка в Лепакозе (центральная Эстония) // Известия Академии наук Эстонской ССР. Таллин. № 24/1. 1975. С. 70–73.

Brjusov A.J. Die Wanderungen der ursprunglichen Stamme und die Resultate der Archaeologie // AA. Vol. XXV. Kobenhavn. 1954.

Butrimas A., Ostrauskas T. Tanged points cultures in Lithuania // Tanged points cultures in Europe. Lublin. 1999. P. 267–271.

Clarc G.D. Seasonality and the Interpretation of lithic Assembleges // Estudios dedicados at Professor L. Pericot. Barselona. 1973.
Galinski T. Mezolit Europy. Szczecin. 1997.
Galinski T. The Mesolithic of Europe. Szczecin. 2001.
Gross H. Die Renntierjager-Kulturen Ostpreus-sens // Praehistoriske Zeitschrift. 1939–1940. T. 30–31.
Indreko R. Die mittlere Steinzeit in Estland. Stockholm. 1948.
Indreko R. Mesolitische und fruhneolitische Kulturen in Osteuropa und Westsibireen. Stockholm. 1964.
Jaanits K. Eesti mesoliitised tulekivist nooleotsikud // Известия Академии наук Эстонской ССР. Таллин. 1973. № 3. С. 305–314.
Jaanits K. Neur ausgrabungen in Lepakose // Известия Академии наук Эстонской ССР. Таллин. 1978. № 27/4. С. 323–326.
Jaanits K. Die mesolithichen Siedlungsplatze mit Feuersteininventar in Estland // Mesolithicum in Europa. 2 International Symposium. Potsdam. April, 1978. Berlin. 1981. P. 389–399.
Jaanits K. Die mesolitischen Siedlungsplatze mit Feuersteininventar in Estland // Mesolithikum in Europa. 2 International Symposium. Potsdam. April, 1978. Berlin. 1981. P. 389–399.
Jaanits L., Jaanits K. Fruhmesolithische Siedlung im Pulli // Известия АН Эстонской ССР: Общественные науки. Таллин. 1975. № 24/1. С. 64–70.
Jaanits L., Jaanits K. Ausgrabungen ger fruhmesolithishen Siedlung von Pulli // Известия Академии наук Эстонской ССР. Таллин. 1978. № 27/1. С. 56–63.
Zhilin M.G. The Western Part of Russia in the Late Palaeolithic – early Mesolithic // L. Larson (ed). Earliest Settlement of Scandinavia. Acta Archaeologies Lundensia. 1995: 80, N 24. P. 273–284.
Koltsov L.V, Zhilin M.G. Tanged points cultures in the upper Volga Basin // S. Kozlowski (ed.). Tanged Points cultures in Europe. Lublin. 1999. P. 295–310.
Kozlowski S.K. Polnocno-wschodni krag kultur mezolitycznych // Z polskich badan nad epoka kamenia. Wroclaw. 1971.
Kozlowski S.K. Pradzije ziem polskich od IX do У tysiaclecia p. n. e. Warszawa. 1972.
Kozlowski S.K. Introduction to the History of Europe in Early Holocene // Mesolithic in Europe. Warsaw. 1973.
Kozlowski S.K. Cultural Differentiation of Europe from 10th to 5th Millenium B.C. Warsaw. 1975.
Kozlowski S.K. Mesolithic in Poland. A new approach. Warszawa. 1989.
Kozlowski S.K. A Survey of early Holocene Cultures of the Western Part of Russian Plain // The Mesolithic in Europe. Edinburg. 1991.
Kozlowski J.K., Kozlowski S.K. Pradzieje Europy od XL do IV tysiaclecia p.n.e. Warszawa. 1975.
Kravtsov A.E. Concerning the Dating of the Yenevo Culture // Tanged Points Cultures in Europe. Lublin. 1999. P. 272–280.
Loze I., Liiva A. Radiocarbon datings of the Mesolithic of Eastern Baltic (after materials of habitation sites) // Latvijas zinatnu akademijas vestis. Riga. 1990. #10. P. 78–85.
Lozovski Vladimir M. Zamostje 2. Editions du Cedarc. Treignes. 1996. 97 p.
Neolithic in Turkey. The crandle of civilazation. New discoveries. Istambul. 1997. Ed. by M. Ozdogan & N. Basgelen.
Ostrauskas T. Veluvasis paleolitas ir mesolitas Pietu Lietuvoje // Lietuvos archaeologija. 1999. T. 16. P. 7–17.
Ostrauskas T. Mesolithic Kunda culture. A glimbe from Lithuania // De temporibus antiqissimis ad honorem Lembit Jaanits. Taalinn. 2000. P. 167–222.
Ostrauskas T. Kundos kulturos tyrinejimu problematika // Lietuvos arheologija. 2002. T. 23. P. 93–106.
Pavlov 1 – Northwest. The upper palaeolithic burial and its settlement context / The Dolni Vestonice Studies. Volume 4/1997. Brno.
Prahistoria ziem Polskich. Paleolit i mezolit. T. 1. Wroclaw. 1975.
Prise T.D. Redactional Approaches to human Adaptation in Mesolithic of the northen Europian Plain // Mesoliticum in Europa. Berlin. 1981. P. 217–234.
Rust A. Das Altsteinzeitliche Rentiejager lager Meiendorf. Neeumunster, 1937
Sawicki L. Materialy do znajomosci prehistorji Rosji. Poznan. 1928.
Schild R. «Swiderskie» stanowiska znad gorney Wolgi i srodkowej Oki a cykl «mazowszariski» // Archeologia Polski. T. IX. z. 1. 1964.
Shild R. Nowy przemysl cyklu madlenskiego w Posce // Archeologia Polski. Wroclav, Warszawa, Krakov. 1965. T. 10.
Shild R. Pozny paleolit // Prahistoria ziem Polskich. Paleolit i mezolit. Wroclaw. 1975. P. 159–338.
Schild R. The Formation of homogeneous Occupation Units («Kschemenitsas») in Open-Air Sandy Sites and Its Significanse for the Interpretation of Mesolithic Flint Assemblages // The Mesolithic in Europe. Edinburg. 1989.
Sorokin A.N. On the problem of influence of Volga-Oka Mesolithic to the origine of Kunda culture // L`Europe des derniers chasseurs: epipaleolithigue et mesolithique. Actes du 5-e colloque international UISPP, commission XII, Grenoble, 18–23 septembre 1995/ Edite par Andre Trevenin, sous la direction scientifique de Pierre Bints. Paris, 1999. Editions du CTHS. P. 425–428.

Sorokin A.N. Neighbours of the Butovo culture on the Upper Volga and Oka river // Tanged points cultures in Europe. Lublin. 1999. P. 311–317.

Sulgostowska S. Final Palaeolithic Masovian Cycle and Mesolithic Kunda culture Relations // Tanged Points Cultures in Europe. Read at the International archaeological symposium. Aprill, 1993. Lublin. 1999. Maria Curie-Sclodowska univercity press. P. 85–92.

Taute W. Die Stielspitzen-Gruppen in Nordlichen Mitteleuropa. Koln. 1968.

Weickowska H. Spolecznosci lowiecko-rybackie wczesnego holocenu // Prahistoria ziem Polskich. Paleolit i mezolit. Wroclaw. 1975. P. 339–434.

Zagorskis F. Zvejnieku akmens laikmeta kapulauks. Riga. 1987. 132 p.

Zagorska I. Das Fruhmesolithicum in Lettland // Veruffentlichungen des Museums fur Ur – und Fruhgeschichte Potsdam. Berlin. 1981. Bd. 14/15. P. 73–82.

Zagorska I. Akmens laikmeta harpunas Latvija (Stone Age harpoons from Latvia) // Latvijas PSR Zinatnu Akademijas Vestis, 8. Riga. 1972, p. 80–98 (in Latvian).

Zagorska I. The Mesolilhic in Latvia // Acta Archaeologica, Vol. 63. Cobenhavn. 1993. P. 97–117.

Zagorska I. Salaspils Laukskolas akmens laikmeta apmetne (Salaspils Laukskola Stone Age settlement) // Arheologija un etnografija. XVI. Riga. «Zinatne». 1994. P. 14–28. (In Latvian).

Zagorska I. Vçlâ paleolita krama kâtveida bultu gali Latvija (The Late Palaeolithic Tanged Points in Latvia) // Arheologija un etnografija. XVIII. Riga. «Zinatne». 1996. P. 181–190

Zagorska I. The Earliest Settlement of Latvia // Pact 57. Belgium, Rixensart. 1999. P. 131–166.

Архивные материалы

Архив ИА РАН (АИА). Р-1.

Акимов Н.Н. Отчет об археологических разведках, проведенных в юго-западной части Мещерской низины в пределах Шатурского и Коломенского р-нов Московской области летом 1962 г. № 2655.

Акимов А.Е. Отчет о разведках в Вачском районе Нижегородской области в 1993 г. № 18122.

Алексеев С.И. Отчет об археологических исследованиях в Нижегородской области в 1990 г. № 15562.

Аникин И.С. Отчет о работе экспедиции Нижегородского историко-археологического центра «Регион» в бассейне реки Кудьмы в пределах Богородского района Нижегородской области в 1994 г. № 18876.

Аникин И.С. Отчет о работе экспедиции Нижегородского историко-археологического центра «Регион» в бассейне реки Кудьмы в пределах Богородского района Нижегородской области в 1995 г. № 19345.

Аникин И.С. Отчет о работе экспедиции Нижегородского историко-археологического центра «Регион» в бассейне реки Кудьмы в пределах Богородского района Нижегородской области в 1996 г. № 20495.

Аникин И.С. Отчет о работе экспедиции Нижегородского историко-археологического центра «Регион» в бассейне реки Прорвы в пределах Богородского района Нижегородской области в 1997 г. № 21396.

Астахов С.Н. Отчет по обследованию стоянки Гремячее на реке Оке в 1958 г., Калужская область. № 1844.

Астахов С.Н. Отчет об археологическом обследовании левого берега р. Оки между Серпуховом и Каширой в 1958 г. № 2033.

Асташова Н.И., Абрамзон И.Я. Отчет о разведке в Можайском р-не Московской области в 1971 г. № 4618.

Балинский И.М. Археологические работы Московского областного краеведческого музея в 1977 г. № 7406.

Безухова Е.А. Отчет об археологической разведке 2 отряда Горьковской экспедиции 1959 г. // Отчет о полевых работах Горьковской археологической экспедиции 1959 г. № 1928.

Белецкий С.В. Сфрагистические находки из древнерусской Дубны в 1986 г. (по результатам осмотра Ратминского поселения в Московской области и ознакомления с частными коллекциями в г. Дубна). № 12192.

Белоцерковская И.В. Отчет о разведке в Щекинском р-не Тульской области в 1971 г. № 4714.

Блинова М.В. Отчет о работе разведочного отряда историко-филологического факультета Горьковского университета им. Н.И. Лобачевского. № 7963.

Богачев А.Ф. Отчет о работе археологической разведочной экспедиции в бассейне р. Сережи на территории Горьковской области летом 1975 г. № 5387.

Брюсов А.Я. Отчет о разведке в Ногинском р-не Московской области и на Бисеровом озере в 1945 г. № 26.

Брюсов А.Я. Отчет об археологических разведках и раскопках в районе Орехово-Зуево в 1947 г. № 124.

Брюсов А.Я. Отчет о раскопках и разведках в Ногинском р-не Московской области в 1950 г. № 499.

Брюсов А.Я. Отчет о раскопках Льяловской неолитической стоянки в 1951 г. № 588.

Буланкин В.М. Отчет о разведках на территории Рязанской области в 1989 году № 14325.

Буров В.А. Отчет об археологических исследованиях Тульского кремля. 1978 г. № 7479.

Буров В.А. Отчет об археологических раскопках на территории Тульского кремля в 1982 г. № 8956.

Варенов А.Б. Научный отчет о разведке в Ногинском р-не Московской области в 1973 г. № 5529.

Варенов А.Б. Отчет об исследованиях Тульского кремля. 1979 г. № 7833.

Варенов А.Б. Отчет об археологических исследованиях Тульского кремля в 1980 г. № 8748.

Векслер А.Г. Отчет об археологических раскопках курганов у г. Одинцово, д. Еганово и Боровского городища в Раменском р-не Московской области в 1960 г. № 2182.

Векслер А.Г. Отчет об археологических раскопках в Московской области в 1961 г. № 2342.

Векслер А.Г. Отчет об археологических раскопках селища у с. Гжель Раменского р-на Московской области в 1986 г. № 11563.

Верестова И.Н. Отчет об археологической разведке в Шацком р-не Рязанской области в 1992 г. № 17122.

Верестова И.Н. Отчет об археологической разведке в Сапожковском р-не Рязанской области в 1993 г. № 18356.

Верестова И.Н. Отчет об археологической разведке в Сараевском р-не Рязанской области в 1994 г. № 18944.

Верестова И.Н. Отчет об археологической разведке в Сапожковском р-не Рязанской области в 1995 г. № 19220.

Вишневский В.И. Отчет об археологических работах исторического отдела Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника в Загорском р-не Московской области в 1983 г. № 9972.

Вишневский В.И. Отчет об археологических работах исторического отдела Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника в Загорском и Дмитровском р-нах Московской области в 1984 г. № 9432.

Вишневский В.И. Отчет об археологических работах исторического отдела Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника в Загорском и Дмитровском р-нах Московской области в 1985 г. № 10961.

Вишневский В.И. Отчет о работе археологической экспедиции Загорского историко-художественного музея-заповедника в 1986 г. № 10979.

Вишневский В.И. Отчет об археологических наблюдениях на территории Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника в 1987 г. № 11904.

Вишневский В.И. Отчет о раскопках Кикинского городища в Дмитровском р-не и разведках в Загорском р-не Московской области археологической экспедиции Загорского гос. историко-художественного музея-заповедника в 1987 г. № 11935.

Вишневский В.И. Отчет о раскопках в Радонеже и разведках в Загорском р-не Московской области археологической экспедиции Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника в 1988 г. № 13826.

Вишневский В.И. Отчет о разведках и наблюдениях в Сергиев-Посадском р-не Московской области в 1992 г. № 17177.

Вишневский В.И. Отчет о разведках в Сергиев-Посадском и Дмитровском р-нах Московской области археологической экспедиции Сергиев-Посадского историко-художественного музея-заповедника в 1994 г. № 18954.

Воронин К.В. Отчет об археологических разведках в Серпуховском р-не Московской области в 1988. № 14035.

Воронков А.Н. Отчет о разведках археологических памятников на р. Оке и ее притоках в пределах 100 км течения от г. Алексина до г. Каширы. 1959 г. № 1890.

Воронков А.Н. Отчет об археологических разведках по Оке в 1962 г. № 2565.

Воронков А.Н. Отчет об археологических разведках у с. Бехово Заокского р-на Тульской области в 1966 г. № 3231.

Воронков А.Н. Отчет об археологических разведках на территории Серпуховского р-на Московской области 1966 г. № 3232.

Воронцов А.М. Отчет об археологических разведочных исследованиях в Киреевском р-не Тульской области в 1995 г. № 19232.

Воронцов А.М. Отчет об археологических исследованиях в Тульской области в 1998 г. № 20707.

Воронцов А.М. Отчет об археологических исследованиях в г. Туле и Тульской области в 1999 г. № 22521.

Гаврилов А.Н. Отчет об археологических разведках на территории Рязанской области (Шиловский, Путятинский районы) в 1981 г. № 8888.

Гаврилов А.Н. Отчет об археологических разведках на территории Рязанской области (Шиловский, Путятинский, Чучковский р-ны) в 1982 г. № 10656.

Гаврилов А.Н. Отчет об археологических разведках на территории Рязанской области (Шиловский, Путятинский, Чучковский р-ны), 1983 г. № 9716.

Гак Е.И. Отчет об археологической разведке в Кимовском и Богородицком р-нах в 1997 г. № 21100.

Глазов В.П. Отчет об археологических разведках в Судогодском р-не Владимирской области в 1973. № 5129.

Глазов В.П. Отчет об археологической разведке в Меленковском и Муромском р-нах Владимирской области в 1976 г. № 9673.

Глазов В.П. Отчет об археологической разведке в Вязниковском и Гороховецком р-нах Владимирской области в 1977 г. № 9671.

Глазов В.П. Отчет об археологической разведке в Киржачском и Александровском р-нах Владимирской области в 1978 г. № 7211.

Глазов В.П. Отчет об археологических разведках в Селивановском, Петушинском и Собинском р-нах Владимирской области в 1979 г. № 7835.

Глазов В.П. Отчет об археологических разведках в Камешковском, Суздальском и Юрьев-Польском р-нах Владимирской области в 1980 г. Ч. 1. № 8065.

Глазов В.П. Отчет об археологических разведках в Камешковском, Суздальском и Юрьев-Польском р-нах Владимирской области в 1980 г. Ч. 2. № 8066.

Голубева Л.А. Отчет о разведках и раскопках в г. Верее и Верейском р-не Московской области в 1946 г. № 88.

Голубева Л.А. Отчет о раскопках в г. Верее и разведках в Верейском р-не Московской области в 1947 г. № 161.

Голубева Л.А. Альбом к отчету о раскопках в г. Верее и разведках в Верейском р-не Московской области в 1947 г. № 162.

Голубева Л.А. Отчет о раскопках в г. Руза Московской области в 1948 г. № 259.

Гоняный М.И. Отчет о результатах археологических работ в Кимовском и Куркинском р-нах Тульской области (Куликово поле). 1982 г. № 9499.

Гоняный М.И. Отчет об археологических исследованиях в Подольском р-не. 1981 г. № 8873.

Гоняный М.И. Отчет об археологических работах в Подольском р-не. 1982 г. № 8598.

Гоняный М.И. Результаты археологических работ в Подольском р-не Московской области. 1990 г. № 15553.

Гоняный М.И. Отчет об археологических разведках и раскопках в Подольском районе в 1991 г. № 16082.

Гоняный М.И. Отчет о работе славянского отряда Окско-Донской археологической экспедиции в Кимовском р-не Тульской области (Куликово поле). 1983 г. № 9815.

Гоняный М.И. Отчет о работе Донского отряда Окско-Донской археологической экспедиции ГИМ в Тульской области (район Куликова поля). 1984 г. № 10456.

Гоняный М.И. Отчет о работе Донского отряда Окско-Донской археологической экспедиции ГИМ в Кимовском, Богородицком, Куркинском р-нах Тульской области 1985 г. № 11718.

Гоняный М.И. Отчет о работе Верхнедонской археологической экспедиции ГИМ в Тульской области 1986 г. № 11710.

Гоняный М.И. Отчет о работе Верхне-Донской археологической экспедиции ГИМ в районе Куликова поля в 1987 г. № 11927.

Гоняный М.И. Результаты археологических исследований, проведенных в Кимовском, Богородицком, Узловском, Новомосковском р-нах Тульской области 1988 г. № 13133.

Гоняный М.И. Отчет об археологических исследованиях в Тульской области в районе Куликова поля в 1989 г. № 14103.

Гоняный М.И. Результаты археологических работ 1990 года в Кимовском, Богородицком, Воловском р-нах Тульской области (район Куликова поля). № 15715.

Гоняный М.И. Результаты археологических исследований, проведенных Верхнедонской археологической экспедицией ГИМ в Кимовском и Куркинском р-нах Тульской области, Милославском р-не Рязанской области и Данковском р-не Липецкой области в 1991 г. № 19539.

Гоняный М.И. Результаты археологических исследований в Тульской области (район Куликова поля) в 1992 г. № 17069.

Гоняный М.И. Результаты археологических разведок и раскопок в Тульской области в 1993 г. № 18352.

Гоняный М.И. Отчет о результатах археологических разведок и раскопок, проводимых в Кимовском и Узловском р-нах Тульской области в 1994 г. № 18233.

Гоняный М.И. Отчет о результатах археологических исследований, проведенных ГИМ в исторической части г. Подольска и в Подольском р-не Московской области в 1994 г. № 18404.

Гоняный М.И. Отчет о результатах археологических исследований, проведенных ГИМ в исторической части г. Подольска на территории историко-мемориального музея-заповедника «Подолье» и в Домодедовском р-не Московской области в 1995 г. № 19111.

Гоняный М.И. Отчет о результатах археологических исследований, проведенных ГИМ в г. Подольске, Подольском, Наро-Фоминском, Серпуховском р-нах Московской области в 1997 г. № 22047.

Гоняный М.И. Отчет об археологических исследованиях ГИМ в Кимовском р-не Тульской области в 1997 г. № 19760.

Грехова Л.В. Отчет об археологических разведках в Белевском р-не Тульской области в 1962 г. № 2548.

Грибов Н.Н. Отчет о работе разведотряда Нижегородской археологической службы в бассейне реки Кудьмы в пределах Богородского района Нижегородской области в 1992 г. № 17005.

Григорьев А.В. Отчет о раскопках на территории 3-го Городищенского завода у д. Торхово Ленинского р-на Тульской области в 1997 г. № 23152.

Григорьев А.В. Отчет о работах на территории Дубенского и Ленинского р-нов Тульской области в 1998 г. № 21371.

Григорьев А.В. Отчет о работах Славянского отряда на территории Дубенского, Ленинского и Щекинского р-нов Тульской области в 1999 г. № 23258.

Гриценко В.П. Отчет об археологических исследованиях, проводившихся разведочным отрядом ТГПИ им. Л.Н. Толстого в г. Тула и Щекинском р-не Тульской области 1988 г. № 13096.

Гриценко В.П. Отчет об археологических исследованиях г. Тулы, Ленинского и Каменского р-нов Тульской области 1989 г. № 14721.

Гриценко В.П. Отчет об охранных археологических исследованиях на поселениях Березовка V, Мельгуново и в г. Туле в 1990 г. № 15612.

Гриценко В.П. Отчет об охранных археологических исследованиях в г. Тула и Тульской области в 1991 г. № 16555.
Гриценко В.П. Отчет об охранных археологических исследованиях в г. Туле и Тульской области в 1992 г. № 17116.
Гриценко В.П. Отчет об археологических исследованиях в г. Тула и Тульской области в 1993 г. № 18477.
Гриценко В.П. Отчет об исследованиях Тульской археологической экспедиции в 1994 г. № 18913.
Гриценко В.П. Отчет о работах Тульской археологической экспедиции в 1995 г. № 19208.
Грудинкин Б.В. Отчет об археологической разведке в Калужской в 1984 г. № 9473.
Грудинкин Б.В. Отчет об археологической разведке в Калужской в 1985 г. № 10939.
Грудинкин Б.В. Отчет об археологических раскопках и разведках в Калуге и Калужской области в 1986 г. № 11807.
Грудинкин Б.В. Отчет об археологических раскопках и разведках в Калужской в 1987 г. № 12227.
Грудинкин Б.В. Отчет об археологических разведках в Калужской и Тульской областях в 1988 г. № 13236.
Грудинкин Б.В. Отчет об археологических разведках в Калужской и Тульской областях в 1989 г. № 14123.
Грудинкин Б.В. Отчет об археологических разведках в Калужской и Тульской областях в 1990 г. № 15619.
Грудинкин Б.В. Отчет об археологических разведках и раскопках в Калужской и Тульской областях в 1991 г. № 16860.
Грудинкин Б.В. Отчет об археологических разведках и раскопках в Калужской и Тульской областях в 1992 г. № 17649.
Грудинкин Б.В. Отчет об археологических разведках и раскопках в 1993 г. № 17949.
Грудинкин Б.В. Отчет об археологических разведках и раскопках в Калужской и Тульской областях в 1994 г. № 19010.
Грудинкин Б.В. Отчет об археологических разведках в 1995 г. в Калужской и Тульской областях. № 19010.
Гущин Д.Д. Отчет о раскопках курганной группы у с. Михайловская Слобода Раменского р-на Московской области в 1967 г. № 3452.
Гущин Д.Д. Отчет о раскопках курганной группы у с. Михайловская Слобода Раменского р-на Московской области в 1968 г. № 3644.
Диков Е.И. Отчет о работе археологической экспедиции на территории Ногинского р-на Московской области в 1959 г. № 1896.
Диков Е.И. Отчет о работе археологической экспедиции на территории Ногинского р-на Московской области в 1959 г. № 1896.
Диков Е.И. Отчет об археологических разведках в Ногинском р-не Московской области в 1960 г. № 2141.
Диков Е.И. Отчет о работе археологической группы в 1961 г. на основе открытого листа № 95. № 2303.
Диков Е.И. Отчет об археологических разведках на территории Ногинского, Павлово-Посадского, Ореховского и Щелковского р-нов Московской области в 1962 г. № 2504.
Диков Е.И. Отчет о работе археологической группы по районам: Ногинскому, Ореховскому, Щелковскому. № 2913.
Диков Е.И. Отчет о работе археологической экспедиции в бассейне р. Клязьмы в 1967 г. № 3471.
Дресслер Н.Л. Отчет об археологической разведке на Средней Оке в 1975 г. № 5683.
Дубынин А.Ф. Отчет о работе Можайской экспедиции за 1956 г. № 1312.
Дубынин А.Ф. Отчет о работе Московской экспедиции за 1956 г. № 1338.
Дубынин А.Ф. Отчет о работе Московской экспедиции АН СССР в 1957 г. // Розенфельдт Р.Л. Отчет об археологических разведках в Рузском, Осташковском и Ново-Петровском р-нах Московской области. № 1631.
Дубынин А.Ф. Отчет об археологических раскопках Можайской археологической экспедиции за 1957 г. № 1632.
Дубынин А.Ф. Отчет по Можайской и Московской экспедициям за 1958 г. № 1745.
Дубынин А.Ф. Отчет об археологических работах Можайской экспедиции в 1959 г. № 1932.
Дубынин А.Ф. Отчет о работе Можайской археологической экспедиции в 1960 г. № 2075.
Дубынин А.Ф. Отчет Московской экспедиции ИА АН СССР за 1962 г. Т. 2. Рузский отряд. № 2495.
Екимов Ю.Г. Отчет археологической экспедиции Тульского областного краеведческого музея о работах в Щекинском и Каменском р-нах Тульской области в 1989 г. № 13999.
Екимов Ю.Г. Отчет о работах археологической экспедиции Тульского областного краеведческого музея в Щекинском р-не Тульской области в 1991 г. № 16550.
Екимов Ю.Г. Отчет о работах археологической экспедиции Тульского областного краеведческого музея по исследованию поселения и могильника Октябрьское 5 и поселения Упа 4 в 1992 г. № 17159.
Екимов Ю.Г. Отчет археологической экспедиции Тульского областного краеведческого музея об исследовании поселения Мельгуного 3 в Узловском р-не Тульской области в 1992 г. № 17161.
Екимов Ю.Г. Отчет археологической экспедиции областного краеведческого музея об исследова-

нии поселения Мельгуново 3 в Узловском р-не Тульской области в 1993 г. № 18320.

Екимов Ю.Г. Отчет археологической экспедиции Тульского краеведческого музея об исследовании археологических памятников Мельгуново 3 и Мельгуново 1 в Узловском р-не Тульской области в 1995 г. № 19125.

Екимов Ю.Г. Отчет об археологических работах в Тульской области в 1996 г. № 23134.

Еремин И.О. Отчет о разведке и раскопках на территории г. Павлово Нижегородской области в 1993 г. № 18113.

Ефимов А.Е. Отчет о проведении охранных археологических работ по теме: «Археологические разведки в пригородной зоне г. Калуга в 1996 г.». № 20303.

Жиганов М.Ф. Отчет о работе Мордовской Археологической экспедиции в 1974 г. Книга 1. № 5356.

Жилин М.Г. Отчет о разведках в Павлово-Посадском и Орехово-Зуевском р-нах Московской области в 1977 г. № 6618.

Жилин М.Г. Отчет Нижнеокского отряда Верхневолжской экспедиции о работах в Навашинском районе Горьковской области в 1981 г. № 8543.

Жилин М.Г. Отчет Горьковской экспедиции ИА АН СССР за 1982 г. № 9175.

Жилин М.Г. Отчет Горьковской экспедиции за 1983 г. № 9889.

Жилин М.Г. Отчет Горьковской экспедиции за 1984 г. № 10532.

Жилин М.Г. Отчет Горьковской экспедиции за 1985 г. № 11185.

Жилин М.Г. Отчет Горьковского отряда об археологических работах в Горьковской области в 1986 г. № 11859.

Жилин М.Г. Отчет об исследованиях в Горьковской, Калининской и Владимирской областях в 1987 г. № 12522.

Жилин М.Г. Отчет о раскопках стоянок Спас-Сердечно 2 и Позднякоово 9 в Навашинском р-не Горьковской области и о разведочных работах в Горьковской области, Ржевском р-не Калининской области и в Загорском р-не Московской области, проведенных в 1988 г. № 12551.

Жилин М.Г. Отчет Горьковского отряда за 1989 г. Разведки в Горьковской области, раскопки стоянок Окаемово 5 и разведки в Загорском и Талдомском р-нах Московской области. № 13463.

Жилин М.Г., Левина Н.В. Отчет Дубнинско-Горьковского отряда за 1990 г. о раскопках поселений каменного века у д. Окаемово и разведках в Загорском и Талдомском р-нах Московской области, разведках на торфяниках в Тверской области. № 15472.

Жилин М.Г. Отчет за 1991 г. Часть 3. Разведочные работы в Нижегородской области. № 15959.

Жилин М.Г. Отчет об исследованиях в 1992 г. Ч. 1–4. Тверская, Ярославская, Владимирская и Ивановская области. № 127287.

Жилин М.Г. Отчет о работах 1993 г. Ч. 1–2. Тверская, Ярославская, Владимирская, Ивановская и Нижегородская области. № 18523–18524.

Жилин М.Г. Отчет о работах 1994 г. Ивановская, Тверская, Ярославская и Нижегородская области. № 18067.

Жилин М.Г. Отчет о работах Верхневолжской экспедиции в 1995 г. № 19928.

Жилин М.Г. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1996 г. № 20127.

Заидов О.Н. Отчет об археологических исследованиях, проводившихся отрядом в Новомосковского дворца пионеров по поручению Тульского музея в Новомосковском р-не Тульской области в 1987 г. № 12084.

Заидов О.Н. Отчет об археологических исследованиях, проводившихся разведочным отрядом Новомосковского дворца пионеров по поручению Тульского областного краеведческого музея в Новомосковском и Узловском р-нах в 1988 г. № 13398.

Заидов О.Н. Отчет Новомосковского отряда о разведках в Новомосковском и Узловском р-нах Тульской области 1989 г. № 14774.

Заидов О.Н. Отчет об археологических раскопках древнерусского могильника XII–XIII вв. Исаковские Выселки в Кимовском р-не Тульской области в 1990 г. № 15890.

Заидов О.Н. Отчет об охранных археологических исследованиях в районе Куликова поля в 1991 г. № 17217.

Заидов О.Н. Отчет об охранных археологических исследованиях в верховьях р. Пронь на участке Гремячее – Пронь Городище в 1992 г. № 17289.

Заидов О.Н. Отчет об археологических исследованиях грунтового могильника XII–XIII вв. в районе д. Исаковские Выселки Кимовского р-на Тульской области в 1992 г. № 17328.

Заидов О.Н. Отчет об археологических исследованиях грунтовых могильников у д. Торхово и д. Исаковские Выселки в Тульской области в 1993 г. № 18515.

Заидов О.Н. Отчет об археологических исследованиях в Чернском р-не Тульской области в 1993 г. № 18514.

Заидов О.Н. Отчет об исследованиях в Новомосковском, Кимовском и Чернском р-нах Тульской области в 1994 г. № 18398.

Заидов О.Н. Отчет об археологических исследованиях в Новомосковском, Кимовском и Чернском р-нах Тульской области в 1995 г. № 19176.

Заидов О.Н. Отчет об исследованиях в Новомосковском р-не Тульской области в 1996 г. № 20522.

Заидов О.Н. Археологические исследования в Новомосковском и Кимовском р-нах Тульской области в 1997 г. № 21175.

Заидов О.Н. Отчет об археологических исследованиях в Новомосковском, Кимовском р-нах Тульской области и Михайловском р-не Рязанской области в 1998 г. № 21372.

Зубарев Н. В. Отчет об археологических исследованиях в Каширском р-не Московской области близ с. Колтово в 1993 г. № 18543.

Иванова Н.В. Отчет об археологической разведке на территории бывшего Дудина монастыря в Богородском районе Нижегородской области в 1996 г. № 19975.

Ивченков В.Л. Отчет об археологических раскопках на территории Иосифо-Волоколамского монастыря в 1983 г. № 10641.

Ивченков В.Л. Отчет об археологических работах в Волоколамском р-не Московской области в 1985 г. № 10336.

Ивченков В.Л. Отчет об археологических раскопках на территории Волоколамского городища в 1986 г. № 11953.

Ивченков В.Л. Отчет об археологических разведках близ Микулина городища в Лотошинском р-не Московской области в 1987 г. № 12098.

Ивченков В.Л. Отчет об археологических раскопках на территории Волоколамского городища в 1987 г. № 12341.

Ивченков В.Л. Отчет об археологических исследованиях на Волоколамском городище и на территории Волоколамского р-на в 1988 г. № 12531.

Ивченков В.Л. Отчет об археологических исследованиях на территории Волоколамского р-на в 1990 г. № 15820.

Ивченков В.Л. Отчет об обследовании археологических памятников Волоколамского и Лотошинского р-нов в 1993 г. № 18181.

Изюмова С.А. Отчет об археологической разведке в Косогорском, Новотульском, Щекинском, Дедиловском, Тульском и Алексинском р-нах Тульской области в 1951 г. № 609.

Изюмова С.А. Отчет о разведке в Тульской области летом 1954 г. № 1009.

Изюмова С.А. Отчет о раскопках городища у с. Супруты Крапивенского р-на Тульской области 1955 г. № 1197.

Изюмова С.А. Отчет о раскопках городища у с. Супруты. 1956 г. № 1357.

Изюмова С.А. Отчет об археологических исследованиях в Тульской области в 1957 г. № 1685.

Изюмова С.А. Отчет об археологических исследованиях в Тульской области в 1959 г. № 2011.

Изюмова С.А. Отчет об археологических исследованиях в Тульской области в 1960 г. № 2228.

Изюмова С.А. Отчет о раскопках курганов у с. Доброе Суворовского р-на Тульской области в 1964 г. № 3272.

Изюмова С.А. Отчет об археологических исследованиях в Тульской области в 1967 г. № 3488.

Изюмова С.А. Отчет об археологических исследованиях в Тульской области в 1969 г. № 4226.

Изюмова С.А. Отчет об археологических исследованиях в Тульской области в 1972 г. № 4941.

Каверзнева Е.Д. Отчет о разведках в Спасском и Шиловском р-нах в 1986 г. № 11949.

Каверзнева Е.Д., Сорокин А.Н. Отчет о раскопках стоянки Шагара 4 в Клепиковском р-не Рязанской области в 1987 г. № 13902.

Клянин Р.В. Отчет о разведке в Веневском р-не Тульской области 1984 г. № 9429.

Клянин Р.В. Отчет о разведке в Веневском р-не Тульской области 1985 г. № 10475.

Клянин Р.В. Отчет о разведке в Веневском р-не Тульской области 1986 г. № 11781.

Клянин Р.В. Отчет о разведке в Веневском р-не Тульской области и в г. Туле. 1987 г. № 12104.

Клянин Р.В. Отчет о разведке в Веневском р-не Тульской области 1988 г. № 13097.

Клянин Р.В. Отчет об охранных археологических работах (у д. Городище Веневского р-на) в Тульской области в 1989 г. № 14429.

Клянин Р.В. Отчет о работах в Веневском, Киреевском и Кимовском р-нах Тульской области 1989 г. № 14430.

Клянин Р.В. Отчет о работах в г. Веневе Тульской области в 1990 г. № 19692.

Клянин Р.В. Отчет о раскопках на поселении Веденец 1 Кимовского р-на Тульской области в 1990 г. № 16895.

Клянин Р.В. Отчет об охранных работах на археологическом комплексе у д. Городище Веневского р-на Тульской области в 1990 г. № 20484.

Клянин Р.В. Отчет о работах на поселении Веденец 1 Кимовского р-на Тульской области в 1991 г. № 16823.

Клянин Р.В. Отчет об охранных работах на курганной группе у д. Свиридово Веневского р-на Тульской области в 1991 г. № 16843.

Клянин Р.В. Отчет о раскопках на поселении Веденец 1 Кимовского р-на Тульской области в 1992 г. № 17382.

Клянин Р.В. Отчет об археологических разведках в Веневском р-не Тульской области в 1992 г. № 17429.

Клянин Р.В. Отчет об археологических работах в г. Богородицке, г. Веневе и разведках в Богородицком и Веневском р-нах Тульской области в 1993 г. № 18348.

Клянин Р.В. Отчет об археологических работах в Веневском р-не Тульской области в 1994 г. № 18743.

Клянин Р.В. Отчет об охранных археологических работах на археологическом комплексе у д. Городище Веневского р-на Тульской области и на поселении Упа 2 в г. Туле в 1995 г. № 20202.

Клянин Р.В. Отчет об археологических работах 1995 г. в Тульской области. Б/н.

Клянин Р.В. Отчет об археологических исследованиях в Веневском р-не Тульской области в 1996 г. № 19955.

Клянин Р.В. Отчет об археологических изысканиях в Веневском и Заокском р-нах Тульской области в 1998 г. № 21958.

Коваль В. Ю. Отчет об археологических разведках в Озерском р-не Московской области в 1991 г. № 16084.

Коваль В. Ю. Отчет об археологических разведках в Озерском р-не Московской области в 1992 г. № 17426.

Коваль В. Ю. Отчет об археологических разведках в Озерском и Луховицком р-нах в 1993 г. № 17732.

Коваль В. Ю. Отчет об охранных археологических раскопках на городище Ростиславль и об археологических разведках в Озерском и Зарайском р-нах Московской области в 1994 г. № 20459.

Коваль В. Ю. Отчет об археологических раскопках на городище Ростиславль и об археологических разведках в Озерском р-не Московской области в 1995 г. № 19532.

Колобов В.М. Отчет о краеведческих разведках археологических и исторических памятников на территории Московской области в 1948 г. № 241.

Кольцов Л.В. Отчет о раскопках стоянки Елин Бор в 1959 г. № 2000.

Кольцов Л.В. Отчет о раскопках стоянки Елин Бор в 1961 г. № 2325.

Кольцов Л.В. Отчет разведочного отряда Верхневолжской экспедиции о разведках в Горьковской области в 1978 г. // Отчет Верхневолжской экспедиции 1978 г. № 8301.

Кольцов Л.В. Отчет о полевых работах первого отряда Калининской экспедиции в Ржевской районе Калининской области в 1986 г. № 11750.

Колышницын Н.В. Отчет об археологических раскопках на территории памятника архитектуры XVI–XVII вв. бывш. Иосифо-Волоколамского монастыря (Московская области) в 1974 г. № 5480.

Колышницын Н.В. Памятник архитектуры XVI–XVII вв. Иосифо-Волоколамский монастырь. Успенский собор XVII в. Отчет об археологических раскопках 1975 г. № 5983.

Колышницын Н.В. Отчет о проведении археологических раскопок на территории б. Пятницкого монастыря на Подоле в г. Загорске летом 1977 г. № 6777.

Комаров К.И. Отчет о работе Ивановского отряда в 1989 г. № 14122.

Косинский В.В. Отчет о полевых исследованиях на территории Красногорского р-на Московской области в 1959 г. № 1935.

Кравцов А.Е. Отчет о работах Северо-Мещерского отряда Окской археологической экспедиции в мае – октябре 1978 г. № 6948.

Кравцов А.Е. Отчет о работе Северо-Мещерской экспедиции МИРМ на территории Егорьевского р-на Московской области в 1979 г. № 7578.

Кравцов А.Е. Отчет о работе Северо-Мещерской экспедиции на территории Егорьевского р-на Московской области в 1980 г. № 7832.

Кравцов А.Е. Отчет о работах Северо-Мещерского отряда археологической экспедиции МИРМ в 1981 г. № 8508.

Кравцов А.Е. Отчет о работах Северо-Мещерского отряда археологической экспедиции МИРМ в Егорьевском и Шатурском р-нах Московской области в 1982 г. № 9360.

Кравцов А.Е. Отчет о работах Мещерского отряда археологической экспедиции МИРМ в Егорьевском и Шатурском р-нах Московской области в 1983 г. № 9581.

Кравцов А.Е. Отчет о работах Подмосковного (Мещерского) отряда археологической экспедиции МИРМ в Егорьевском и Орехово-Зуевском р-нах Московской области в 1984 г. № 10893.

Кравцов А.Е. Альбом к отчету за 1984 г. о работах в Егорьевском и Орехово-Зуевском р-нах Московской области. № 10893а.

Кравцов А.Е. Отчет о работе Подмосковного отряда экспедиции МИРМ в Орехово-Зуевском и Раменском р-нах Московской области в 1985 г. № 10597.

Кравцов А.Е. Отчет о работах Подмосковного отряда археологической экспедиции МИРМ в Орехово-Зуевском р-не Московской области в 1986 г. № 11382.

Кравцов А.Е. Отчет о работах Подмосковного отряда археологической экспедиции МИРМ в Егорьевском, Воскресенском и Орехово-Зуевском р-нах Московской области в 1987 г. № 11878.

Кравцов А.Е. Отчет о работах Подмосковного отряда археологической экспедиции МИРМ в Воскресенском и Орехово-Зуевском р-нах Московской области в 1988 г. № 12529.

Кравцов А.Е. Отчет о раскопках стоянки Дальний остров в Рузском р-не Московской области, раскопках и разведках на р. Нерской в Орехово-Зуевском р-не Московской области в 1989 г. № 14300.

Кравцов А.Е. Отчет о работах на мезолитической стоянке Ладыжино-3 в Тарусском р-не Калужской области в 1992 г. № 17404.

Кравцов А.Е. Отчет о работах Подмосковного отряда археологической экспедиции МИГМ в Раменском и Орехово-Зуевском р-нах Московской области в 1993 г. № 17779.
Кравцов А.Е. Отчет о работах мезолитической экспедиции во Владимирской и Тверской областях в 1994 г. № 18730.
Кравцов А.Е. Отчет о полевых исследованиях Мезолитической экспедиции ГИМ в Тарусском р-не Калужской области в 2000 г. № 23670.
Крайнов Д.А. Отчет о работе Верхневолжской экспедиции в 1961 г. № 2335.
Крайнов Д.А. Отчет о работе Верхневолжской экспедиции в 1964 г. № 2918.
Крайнов Д.А. Отчет о работе Верхневолжской экспедиции в 1973 г. № 5033.
Крайнов Д.А. Отчет о работе Верхневолжской экспедиции в 1983 г. № 9784.
Крайнов Д.А. Отчет о работе Верхневолжской экспедиции в 1989 г. № 13981.
Крайнов Д.А. Отчет о работе Верхневолжской экспедиции в 1988 г. № 14379.
Краснов Ю.А. Отчет об археологических работах в Звенигородском, Рузском и Истринском р-нах Московской области в 1957 г. № 1432.
Кренке Н.А. Отчет о раскопках на территории Государственного музея-заповедника «Коломенское» и разведках в Подольском и Истринском р-нах Московской области в 1985 г. № 11073.
Кренке Н.А. Отчет об археологических исследованиях на территории заповедника «Коломенское» в 1994 г. и в бассейне р. Сукромки Мытищенского р-на Московской области. В 1993 г. № 18815.
Крис Х.И. Отчет обследования археологических памятников лесопаркового пояса г. Москвы в 1970 г. № 4260.
Крис Х.И. Отчет о работе Второго отряда Московской экспедиции в 1971 г. № 4469.
Крис Х.И. Отчет об обследовании археологических памятников, расположенных в лесопарковом защитном поясе г. Москвы в 1972 г. № 4808.
Кропачев Г.В. Отчет об археологических разведках в Кировском р-не Калужской области в 1994 г. № 18808.
Кропачев Г.В. Отчет об археологических разведках в Кировском р-не Калужской области в 1998 г. № 21836.
Кропачев Г.В. Отчет об археологических разведках в Кировском р-не Калужской области в 2000 г. № 23669.
Кузнецова Т.М. Отчет об исследовании стоянки Митино 5 в Заокском р-не Тульской области. 1987 г. № 11902.
Кузнецова Т.М. Отчет об исследованиях стоянки Митино 5 в Заокском р-не Тульской области в 1989 г. № 15474.
Куликова Е.Д. Отчет о раскопках на стоянке Маслово болото II в Московской области в 1982 г. № 11228.
Леденев Р.И. Отчет о работах Талдомского отряда археологической экспедиции МИРМ в 1982 г. № 9097.
Леонова Е.В. Отчет о раскопках стоянки Беливо 4Г в Орехово-Зуевском р-не Московской области в 1989 г. № 14425–14426.
Леонова Е.В. Отчет о работах Подмосковного отряда археологической экспедиции МИГМ в Орехово-Зуевском р-не Московской области в 1990 г. № 15710.
Леонова Е.В. Отчет о работах Подмосковного отряда археологической экспедиции МИГМ в Орехово-Зуевском и Балашихинском р-нах Московской области в 1991 г. № 15979.
Леонова Е.В. Отчет о работах Подмосковного отряда археологической экспедиции МИГМ в Орехово-Зуевском р-не Московской области в 1994 г. № 19847.
Леонтьев А.Е. Отчет о полевых исследованиях Волго-Окской экспедиции ИА РАН в 1992 г. № 17535.
Любин В.П. Отчет о работе Окского отряда в пределах Заокского, Белевского, Плавского и Мордвесского р-нов Тульской области 1960 г. № 2177.
Массалитина Г.А. Раскопки и разведки в Калужской области в 1995 г. № 19684–19685.
Массалитина Г.А. Раскопки в Перемышльском и Юхновском р-нах Калужской области в 1999 г. № 23740.
Мартьянов В.Н. Отчет об археологической разведке в Арзамасском, Первомайском и Шатковском районах Горьковской области в 1982 г. № 10048.
Медведев А.П. Отчет отряда археологической экспедиции Воронежского университета по исследованию памятников раннего железного века. 1980. № 7806.
Медведев А.П. Отчет отряда археологической экспедиции Воронежского университета по исследованию памятников сарматского времени. 1981 г. № 8499.
Медведев А.П. Отчет о раскопках Вязовского могильника. 1983 г. № 9839.
Миронова В.Г. Отчет о работе Тульского отряда ИА АН СССР. 1978 г. № 6933.
Миронова В.Г. Отчет о работе Тульского отряда ИА АН СССР. 1977 г. № 7048.
Миронова В.Г. Отчет о разведке в Валдайском р-не Новгородской области и разведке в Тульской области 1979 г. № 7494.
Миронова В.Г. Отчет о работе Тульского отряда ИА АН СССР. 1980 г. № 10074.
Миронос А.А. Отчет о работе Окского отряда археологической экспедиции Института археологии АН СССР в 1982 г. № 13374.

Михайлова Л.А. Отчет о раскопках Великоозерской 1 стоянки на оз. Великом в Вязниковском р-не Владимирской области в 1979 г. № 7943.
Молодцова Е.М. Разведки на территории Ивановской области в 1969 г. № 4007.
Молодцова Е.М. Отчет о работе Шуйского отряда Верхневолжской экспедиции в 1970 г. № 4554.
Молодцова Е.М. Отчет о работе Шуйского отряда Верхневолжской экспедиции в 1971 г. № 4590.
Молодцова Е.М. Отчет о работе Шуйского отряда Верхневолжской экспедиции в 1972 г. № 4922.
Молодцова Е.М. Отчет о работе Шуйского отряда Верхневолжской экспедиции в 1973–1974 гг. № 5814.
Молчанов А.А. Отчет об археологической разведке Городенковского городища у д. Средняя Городня Серпуховского р-на Московской области 1979 г. № 7712.
Молчанов А.А. Отчет об археологических раскопках 1980 г. Воскресенского собора в г. Волоколамске. № 8329.
Мошинский А.П. Отчет о полевых исследованиях в районе Куликова поля в 1982 г. № 9968.
Мошинский А.П. Отчет о работе группы Донского отряда Окско-Донской археологической экспедиции ГИМ. 1985 г. № 10717.
Мошинский А.П. Отчет о раскопках могильника Верняя Рутха Северо-Осетинской АССР и разведках в Тульской области 1986 г. № 11582.
Наумов А.Н. Отчет об археологических исследованиях, проводившихся разведочным отрядом Тульского областного краеведческого музея в Ясногорском р-не. 1987 г. № 11991.
Наумов А.Н. Отчет об археологических исследованиях на территории Тульского кремля. 1988 г. № 12864.
Наумов А.Н. Отчет об археологических исследованиях в кремле г. Тулы, на древнерусском поселении Монастырщина 5 и в Ясногорском р-не. 1989 г. № 13597.
Наумов А.Н. Отчет об исследованиях в Тульской области в 1990 г. № 15498.
Наумов А.Н. Отчет о раскопках на поселении Монастырщина 5 Кимовского р-на в 1991 г. № 16252.
Наумов А.Н. Отчет об археологических исследованиях в кремле г. Тула в 1991 г. № 17196.
Наумов А.Н. Отчет об археологических исследованиях в кремле г. Тула в 1992 г. № 17178.
Наумов А.Н. Отчет об археологических исследованиях на поселении Монастырщина 5 Кимовского р-на и в Ясногорском р-не в 1992 г. № 17643.
Наумов А.Н. Отчет о работах в Тульской области в 1993 г. № 17968.
Наумов А.Н. Отчет о работах в Тульской области в 1994 г. № 18595.
Наумов А.Н. Отчет о работах в г. Туле и области в 1995 г. № 19451.
Наумов А.Н. Отчет об исследованиях в г. Туле и на Куликовом поле в 1996 г. № 20421.
Наумов А.Н. Отчет о работе в г. Туле и области в 1997 г. № 21053.
Наумова Т.В. Отчет об археологических исследованиях в г. Тула и пригороде в 1993 г. № 18010.
Наумова Т.В. Отчет о раскопках на поселении Упа 2 в г. Туле. 1994 г. № 18594.
Наумова Т.В. Отчет об археологических исследованиях в Белевском и Ясногорском р-нах Тульской области в 1995 г. № 19364.
Наумова Т.В. Отчет об археологических исследованиях в Белевском и Арсеньевском р-нах Тульской области в 1996 г. № 20201.
Недошивина Н.Г. Отчет о раскопках бескурганного славянского могильника у д. Бутырки Тульской области 1986 г. № 11252.
Недошивина Н.Г. Отчет о раскопках славянского грунтового могильника у д. Бутырки в Узловском р-не Тульской области 1987 г. № 11929.
Недошивина Н.Г. Отчет о раскопках поселения и бескурганного могильника близ д. Исаковские Выселки и курганов близ д. Бельково в Тульской области в 1989 г. № 14369.
Недошивина Н.Г. Отчет о раскопках курганной группы близ д. Бельково Веневского р-на Тульской области в 1990 г. № 15577.
Неклюдов А.Н. Отчет об археологических разведках в Солнечногорском р-не Московской области и в Зеленоградском р-не г. Москвы в 1984 г. № 10443.
Неклюдов А.Н. Отчет об археологических раскопках на территории Иосифо-Волоколамского монастыря в 1984 г. № 10479.
Неклюдов А.Н. Археологический отчет о работе в Московской области и г. Зеленограде за 1985 г. № 11243.
Неклюдов А.Н. Археологический отчет о работе в Московской области за 1986 г. № 11244.
Неклюдов А.Н. Археологический отчет за 1987 г. Разведки в г. Зеленограде и в Солнечногорском р-не Московской области. № 11914.
Неклюдов А.Н. Отчет об археологических исследованиях, проводимых в Солнечногорском районе Московской области в 1988 г. № 14471.
Неклюдов А.Н. Отчет об археологических раскопках в Солнечногорском р-не Московской области за 1989 г. № 13877.
Неклюдов А.Н. Отчет об археологических исследованиях в Солнечногорском районе Московской области в 1990 г. № 15531.
Неклюдов А.Н. Отчет об археологических разведках, проведенных Зеленоградским историко-краеведческим музеем в Солнечногорском р-не Московской области и в г. Зеленограде в 1991 г. № 17218.

Неклюдов А.Н. Отчет об археологических разведках, проведенных Государственным Зеленоградским историко-краеведческим музеем в Солнечногорском р-не Московской области и в г. Зеленограде в 1993 г. № 18011.

Неклюдов А.Н. Отчет об итогах охранных археологических работ, проведенных Государственным Зеленоградским историко-краеведческим музеем на поселении каменного века «Льялово-3» в Солнечногорском р-не Московской области в 1994 г. № 18218.

Никитин А.В. Отчет об археологических разведках Засечной черты в районе Рязань – Тула за 1947–1948 гг. № 220.

Никитин А.В. Отчет о полевых исследованиях Засечной черты в районе Тула – Венев – Одоев – Лихвин – Перемышль в 1949 г. № 325.

Николаев Г.А. Отчет о раскопках поселения Чашка 1 Воскресенского р-на и поселения Беливо 2 Орехово-Зуевского р-на Московской области в 1988 г. № 13964.

Обломский А.М. Отчет о разведках, проводившихся в 1999 г. на территории Тульской области. № 23652.

Окороков А.В. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях 1986 г. на территории памятника архитектуры XV–XIX вв. Иосифо-Волоколамского монастыря в с. Теряево Волоколамского р-на Московской области. № 11312.

Ошибкина С.В. Отчет о работе I горьковского отряда ЧАЭ в низовьях р. Оки в 1969 г. № 3981.

Патрик Г.К. Отчет о работе Плавского отряда ИА АН СССР в 1979 г. № 7729.

Патрик Г.К. Отчет о работе Плавского отряда в 1980 г. № 7730.

Патрик Г.К. Отчет о работе Плавского отряда в 1981 г. № 8862.

Патрик Г.К. Отчет о работе Воронежского и Плавского отрядов ИА АН СССР. 1982 г. № 9425.

Патрик Г.К. Отчет о работе Плавского отряда. 1983 г. № 9816.

Пимакин Л.И. Предварительное сообщение о продолжении исследования городища Круглица в Раменском р-не Московской области в 1957 г. № 2144.

Пимакин Л.И. Отчет об археологических разведках и раскопках в Раменском р-не Московской области в 1956 г. № 1396.

Полюлях А.А. Отчет о разведках археологической экспедиции МИРМ в Раменском р-не Московской области в 1989 г. № 14691.

Полюлях А.А. Отчет об археологических разведках и раскопках в Раменском и Балашихинском р-нах Московской области в 1990 г. № 15805.

Полюлях А.А. Отчет об археологических разведках и раскопках в Раменском и Балашихинском р-нах Московской области в 1991 г. № 16993.

Полякова Г.Ф. Отчет об археологических работах в верховьях Оки в 1967 г. № 4345.

Попова Т.Б. Отчет о разведках в Верейском р-не Московской области в 1950 г. № 525.

Попова Т.Б. Отчет о работе археологической экспедиции ГИМ в Шатурском р-не Московской области в 1961 г. № 2279.

Попова Т.Б. Отчет о раскопках Окской археологической экспедиции ГИМ в 1962 году (Горьковская область, Навашинский район, д. Малое Окулово). № 2582.

Пронин Г.Н. Отчет о работе Тульского отряда ИА АН СССР в 1975 г. № 5912.

Прошкин О.Л Отчет о работе Калужской областной археологической экспедиции в Боровском районе Калужской области. 1986 г. № 11558.

Прошкин О.Л. Отчет об археологических разведках и раскопках в 1991 г. № 16331–16332.

Прошкин О.Л. Отчет об археологических разведках и раскопках в Брянской и Калужской областях. 1992 г. № 17028.

Прошкин О.Л. Отчет об археологических исследованиях в Калужской области в 1996 г. № 20821.

Прошкин О.Л. Отчет об археологических разведках и раскопках в Калужской области. 1999 г. № 23394.

Пряхин А.Д. Отчет об археологических разведках по р. Красивая Меча в пределах Тульской и Липецкой области 1963 г. № 2672.

Рабинович М.Г. Отчет об археологических разведках в районе г. Волоколамска в 1947 г. № 120.

Рабинович М.Г. Отчет об археологических разведках в Московской и Владимирской области в 1949 г. № 309.

Равдина Т.В. Отчет об археологических разведках в зоне будущего Верхнеупинского водохранилища, произведенных Тульским отрядом в 1969 г. № 4056.

Разуваев Ю.Д. Отчет археологического отряда Ефремовского краеведческого музея о разведке по р. Красивая Меча. 1982 г. № 9913.

Разуваев Ю.Д. Отчет археологической экспедиции Ефремовского краеведческого музея. 1983 г. № 9898.

Разуваев Ю.Д. Отчет об исследованиях в Верхнем Подонье в 1992 г. № 17035.

Разуваев Ю.Д. Отчет об исследованиях в Тульской и Воронежской области в 1993 г. № 17883.

Раушенбах В.М. Отчет о раскопках у д. Большое Буньково Ногинского р-на Московской области в 1946 г. № 62.

Раушенбах В.М. Отчет о разведке в Ногинском и Орехово-Зуевском р-нах Московской области в 1947 г. № 126.

Раушенбах В.М. Отчет о раскопках и разведках в Московской области в 1948 г. № 208.

Раушенбах В.М. Отчет о работе Талдомской археологической экспедиции ГИМ в 1958 г. № 1761.

Раушенбах В.М. Отчет о работе Талдомской археологической экспедиции ГИМ в 1959 г. № 1916.
Раушенбах В.М. Отчет о раскопках в Талдомском р-не Московской области. 1960. № 2147.
Раушенбах В.М. Отчет о работе Московской археологической экспедиции ГИМ за 1961 г. № 2283.
Раушенбах В.М. Отчет о работах Талдомской археологической экспедиции ГИМ в 1962 г. № 2545.
Раушенбах В.М. Отчет о работе Талдомской археологической экспедиции ГИМ в 1964 г. № 3063.
Раушенбах В.М. Отчет о работе Талдомской археологической экспедиции ГИМ в 1966 г. № 3986.
Рикман Э.А. Отчет о разведке на территории бывшего Тверского княжества в 1947 г. № 417.
Рогачев А.Ю. Отчет об археологических исследованиях в Горьковской области, проведенных Горьковским университетом в 1983 г. № 9351.
Рогачев А.Ю. Отчет о разведке археологического отряда Горьковского государственного университета им. Н.И. Лобачевского по правому берегу р. Оки от г. Павлова до д. Пруды Павловского района Горьковской области, проведенной в 1979 г. № 7889.
Рогачев А.Ю. Отчет о работе II (Костинского) отряда археологической экспедиции Горьковского университета в 1985 г. № 12357.
Розенфельдт Р.Л. Отчет о работе отряда Московской археологической экспедиции в 1956 г. № 1338.
Розенфельдт Р.Л. Отчет об обследовании археологических памятников на территории Московской области с целью выявления сохранности их на лето 1960 г. № 2042.
Розенфельдт Р.Л. Отчет об обследовании состояния археологических памятников на территории Московской области в 1961 г. № 2250.
Розенфельдт Р.Л. Отчет об обследовании археологических памятников на территории Московской области в 1962 г. № 2432.
Розенфельдт Р.Л. Отчет об археологических разведках Московской области в 1965 г. № 3079.
Розенфельдт Р.Л. Отчет о полевых работах в Московской области в 1967 г. № 3484.
Розенфельдт Р.Л. Отчет об археологической разведке на территории Московской области в 1970 г. № 4321.
Розенфельдт Р.Л. Отчет о раскопках курганной группы у д. Жуково Раменского р-на Московской области в 1973 г. № 5085.
Розенфельдт Р.Л. Отчет о раскопках курганов в группах у с. Федоскино Мытищинского р-на и у д. Жуково Раменского р-на в Московской области в 1975 г. № 5475.
Розенфельдт Р.Л. Отчет об обследовании состояния археологических памятников Московской области в 1974 г. № 5596.
Розенфельдт Р.Л. Отчет об обследовании состояния археологических памятников на территории Московской области в 1975 г. № 5876.
Розенфельдт Р.Л. Отчет Разведочного отряда Московской экспедиции ИА АН СССР о проведении обследования состояния археологических памятников на территории Московской области в 1976 г. № 6462.
Розенфельдт Р.Л. Отчет об обследовании состояния археологических памятников Московской области и о работе Разведочного отряда Мещерской экспедиции в 1977 г. № 6679.
Розенфельдт Р.Л. Отчет об археологических исследованиях курганной группы Шейка в Истринском р-не Московской области в 1978 г. № 7273.
Розенфельдт Р.Л. Отчет об обследовании состояния археологических памятников Московской области в 1978 г. № 7358.
Розенфельдт Р.Л. Отчет об обследовании состояния археологических памятников Московской области в 1979 г. № 7862.
Розенфельдт Р.Л. Отчет об археологических исследованиях курганной группы Шейка I и II в Истринском р-не Московской области в 1979 г. № 8035.
Розенфельдт Р.Л. Отчет об обследовании состояния археологических памятников Московской области в 1980 г. № 8116.
Розенфельдт Р.Л. Отчет об археологических исследованиях курганной группы Шейка I и Шейка II в Истринском р-не Московской области и курганной группы у с. Никитское в Домодедовском р-не Московской области в 1980 г. № 8319.
Розенфельдт Р.Л. Отчет об обследовании состояния археологических памятников Московской области в 1981 г. № 8480.
Розенфельдт Р.Л. Отчет об археологических исследованиях курганной группы Шейка I и Шейка II в Истринском р-не Московской области в 1981 г. № 10043.
Розенфельдт Р.Л. Отчет об обследовании состояния археологических памятников Московской области в 1982 г. № 9834.
Розенфельдт Р.Л. Отчет об археологических разведках на территории Московской области в 1985 г. № 11829.
Розенфельдт Р.Л. Отчет об археологических разведках на территории Московской области в 1986 г. № 11831.
Сабурова М.А. Раскопки курганной группы в Раменском р-не Московской области в 1974 г. № 5616.
Сафонов Б.А. Предварительный отчет о проведенной в 1946 г. Дзержинским городским краеведческим музеем археологической работе в пределах Волго-Окской низины (Балахнинской) и на юг от устья р. Клязьмы. № 44.

Сафонов Б.А. Отчет об археологической работе, проведенной Дзержинским краеведческим музеем в 1946 г. на южной Приокской половине Волго-Окской (Балахнинской) низине и на противоположном ей правом берегу Оки. № 67.

Сафонов Б.А. Отчет об археологических разведках в Горьковской области в 1948 г. № 250.

Сафонов Б.А. Отчет об археологических обследованиях южной, приокской части Волго-Окской (Балахнинской) низины, Горьковская область 1949 г. № 318.

Сафонов Б.А. Отчет о произведенной в 1950 году Дзержинским, Горьковской области, краеведческим музеем археологической работе археологических исследованиях. № 442.

Сафонов Б.А. Отчет о проведенной в 1951 году Дзержинским, Горьковской области Краеведческим музеем археологической работе. № 626.

Сергеева З.М. Отчет об обследовании курганных групп у д. Шустино и д. Пуриха Дмитровского р-на Московской области в 1967 г. № 3486.

Сергин В.Я. Отчет об археологической разведке в Вязниковском и Гороховецком р-нах Владимирской области в 1969 г. № 4016.

Сергин В.Я. Отчет об археологической разведке в Петушинском и Собинском р-нах Владимирской области в 1970 г. № 4206.

Сидоров В.В. Отчет о разведках в Московской области в 1968 г. № 3723.

Сидоров В.В. Отчет о полевой работе археологического отряда Московского областного краеведческого музея в 1969 г. № 4003.

Сидоров В.В. Отчет о полевой работе археологического отряда Московского областного краеведческого музея. 1970 г. № 4353.

Сидоров В.В. Отчет о разведках и раскопках в Московской области археологического отряда Московского областного краеведческого музея в 1971 г. № 4547.

Сидоров В.В. Отчет о полевой работе археологического отряда МОКМ и Московского областного отделения ВООПиК в 1972 г. № 4888.

Сидоров В.В. Альбом к отчету о полевой работе археологического отряда МОКМ и Московского областного отделения ВООПиК в 1972 г. № 4888а.

Сидоров В.В. Отчет об исследовании памятников Подмосковья Тростенской экспедицией в 1973–1974 гг. № 5431.

Сидоров В.В. Отчет о работе Московского отряда Окской экспедиции в 1975 г. № 5709.

Сидоров В.В. Отчет о полевой работе археологического отряда МОКМ в 1976 г. № 6780.

Сидоров В.В. Отчет о полевой работе Московского областного краеведческого музея в 1976 г. № 6870.

Сидоров В.В. Отчет о полевой работе Неолитического отряда Волго-Окской экспедиции в 1980 г. № 9509.

Сидоров В.В. Отчет о раскопках Неолитического отряда Волго-Окской экспедиции ИА АН СССР на стоянках Маслова болота в Ногинском р-не Московской области в 1981 г. № 8505.

Сидоров В.В. Отчет Пирютинского отряда о раскопках стоянки Ловцы 1 в Ярославской области и разведках в Московской области в 1987 г. № 14487.

Сидоров В.В. Отчет Подмосковной экспедиции ИА АН СССР о раскопках стоянки Ловцы I и разведках в Ярославской и Московской областях в 1988 г. № 17371.

Сидоров В.В. Отчет Подмосковной экспедиции. Лужковско–Ловецкий отряд в сезоне 1989 г. № 15433.

Сидоров В.В. Отчет Первого отряда Подмосковной экспедиции в 1991 г. № 15568.

Сидоров В.В., Энговатова А.В. Отчет Подмосковной экспедиции ИА РАН за 1992 г. № 17772.

Сидоров В.В. Отчет о раскопках в Каширском и Серпуховском р-нах в 1993 г. № 17981–17982.

Сидоров В.В. Раскопки селища Колтово (Каширский р-н) и стоянок Заболотского озера (Сергиев-Посадский р-н) в Московской области в 1995 г. № 20525–20526.

Смирнов А.С. Отчет об исследованиях в 1980 г. № 8297.

Смирнов А.С. Отчет о разведках в Брянской и Калужской областях в 1981 г. № 8215.

Смирнов А.С., Сорокин А.Н. Отчет о разведке Деснинской экспедиции в зоне затопления Владимирского водохранилища в 1980 г. № 8789.

Смирнов А.С., Сорокин А.Н. Отчет о работах в Калужской области в 1982 г. № 9168.

Смирнов А.С. Отчет Деснинской экспедиции за 1983 г. № 8658.

Смирнов А.С. Отчет о раскопках поселений Ново-Хотмирово 1, Ново-Хотмирово 2, курганной группы Смолино 2 в Рогнединском р-не Брянской области и зонах проектирования в 1984 г. № 10366.

Смирнов А.С. Работы Деснинской экспедиции в Калужской и Брянской областях в 1985 г. № 11003.

Смирнов А.С., Нигматуллин Р.А. Отчет о работе Деснинской экспедиции в Рогнединском р-не Брянской области и Хвастовичском р-не Калужской области в 1987 г. № 11908–11910.

Смирнов А.С., Массалитина Г.А., Нигматуллин Р.А. Отчет о работе Деснинской экспедиции в Калужской и Брянской областях в 1988 г. № 12608–12615.

Смирнов А.С. Отчет о работе Деснинской экспедиции в 1990 г. № 15454.

Смирнов К.А. Отчет о разведках в бассейне р. Москвы в 1959 г. № 1885.

Смирнов К.А. Отчет о работе Загорского, Московского Областного и Кимрского отрядов Московской экспедиции за 1968 г. № 3729.

Смирнов К.А. Разведки в Московской области в 1969 г. № 4013.

Смирнов К.А. Отчет о разведках в Талдомском и Шатурском р-нах Московской области в 1970 г. № 4231.

Смирнов К.А. Отчет о работе Третьего отряда Московской экспедиции в 1971 г. № 4417.

Смирнов К.А. Отчет об археологическом обследовании дьяковского городища у с. Митино в Заокском р-не Тульской области 1958 г. № 1706.

Смирнова М.Е. Отчет о работе Тульского отряда Донской экспедиции ИА на селище Уткино Киреевского р-на Тульской области в 1989 г. № 13613.

Смирнова М.Е. Отчет о раскопках городища Свисталовка в 1990 г. № 15436.

Сорокин А.Н. Отчет об археологических разведках в Шатурском р-не Московской области, Гусь-Хрустальном р-не Владимирской области и Спас-Клепиковском р-не Рязанской области в 1975 г. № 5681.

Сорокин А.Н. Отчет о работах в Спас-Клепиковском и Рязанском р-нах Рязанской области, Собинском и Гусевском р-нах Владимирской области в 1976 г. № 6166.

Сорокин А.Н. Отчет о работах в Гусевском р-не Владимирской области в 1977 г. № 6791.

Сорокин А.Н. Отчет о разведках и раскопках в 1980 г. № 8823.

Сорокин А.Н. Отчет о раскопках в Брянской и Владимирской областях в 1981 г. № 8456.

Сорокин А.Н. Отчет о разведках и раскопках в Рязанской области в 1982 г. № 8991.

Сорокин А.Н. Отчет об исследованиях в Рязанской области в 1983 г. № 9480.

Сорокин А.Н. Отчет о раскопках в Спас-Клепиковском р-не Рязанской области в 1984 г. № 11001.

Сорокин А.Н. Отчет об исследованиях в Рязанской области в 1985 г. № 11155.

Сорокин А.Н. Отчет об исследованиях в Рязанской области в 1986 г. № 14552.

Сорокин А.Н. Отчет об исследованиях в Рязанской и Владимирской областях в 1987 г. № 14058.

Сорокин А.Н., Кузнецова Т.М. Отчет о раскопках в Жуковском р-не Брянской области и разведках на объектах мелиорации в Рязанской и Владимирской областях в 1988 г. № 12710.

Сорокин А.Н. Отчет об исследованиях в зонах строительства автодорог и раскопках стоянки Шильцева Заводь 5 в Рязанской области в 1989 г. № 13786.

Сорокин А.Н. Отчет о разведках и раскопках в зонах проектирования автодорог Рязанской и Владимирской областей в 1991 г. № 16086.

Сорокин А.Н. Отчет о разведках в Рязанской области в зонах проектирования автодорог и газопровода-отвода в 1992 г. № 17136.

Сорокин А.Н. Отчет Окской экспедиции об исследованиях в 1993 г. № 18492.

Сорокин А.Н. Отчет о раскопках стоянки Шагара 4 в Клепиковском р-не Рязанской области в 1994 г. № 18970.

Сорокин А.Н. Отчет о работе по теме: «Памятники археологии в зоне строительства Южной системы водоснабжения г. Москвы и Московской области за счет подземных источников в 1995 г.». № 19743.

Ставицкий В.В. Отчет об исследованиях в Земетчинском и Наровчанском р-нах Пензенской области в 1992 г. № 17241.

Станюкович А.К. Отчет о проведенных в 1975 г. археофизических и археологических исследованиях в г. Москве, Московской и Смоленской области. № 5796.

Станюкович А.К. Отчет об археологических и археофизических исследованиях в Московской и Рязанской области РСФСР и Крымской области УССР в 1976 г. № 6276.

Станюкович А.К. Отчет об археологических и археофизических исследованиях в 1977 г. № 6801.

Станюкович А.К. Отчет о комплексных архео-геофизических исследованиях на территории Ленинского р-на Московской области и Анапского р-на Краснодарского края в 1978 г. № 7298.

Станюкович А.К. Отчет о комплексных архео-геофизических исследованиях на территории Ленинского р-на Московской области, Лыскинского р-на Воронежской области и Темрюкском р-не Краснодарского края в 1979 г. № 7998.

Станюкович А.К. Отчет о комплексных археолого-геофизических исследованиях в г. Москве, Московской и Псковской области и Приморском крае РСФСР, проведенных в 1980 г. № 8752.

Станюкович А.К. Отчет об археологических разведках и раскопках на территории г. Москвы, Солнечногорского, Подольского, Раменского и Ленинского р-нов Московской области в 1981 г. № 8908.

Станюкович А.К. Отчет о раскопках Никольского и Менделеевского курганных могильников и обследовании археологических памятников на территории Московской области в 1982 г. № 9083.

Станюкович А.К. Отчет об охранных раскопках древнерусских курганных могильников на территории Солнечногорского р-на Московской области в 1983 г. № 9570.

Станюкович А.К. Отчет об обследованиях Менделеевского курганного могильника в 1984 г. № 10275.

Станюкович А.К. Отчет об археологических исследованиях средневековых памятников Калужской и Московской области, проведенных в 1986 г. № 12492.

Судаков В.В. Отчет об археологических разведках на территории Рязанского и Захаровского р-нов Рязанской области в 1985 г. № 10436.

Тавлинцева Е.Ю. Отчет о работах на древнерусском селище Заозерье в Раменском р-не Московской области в 1994 г. № 18926.

Тавлинцева Е.Ю. Отчет о раскопках селища Заозерье 2 в 1995 г. № 20287.

Травкин П.Н. Отчет Ивановского разведывательного отряда в 1985 г. № 11057.

Трофимов Н.Г. Отчет об археологической разведке в Чернском р-не Тульской области 1970 г. № 4367.

Трофимов Н.Г. Отчет об археологической разведке в бассейне р. Снежеди Чернского р-на Тульской области 1971 г. № 4419.

Трофимов Н.Г. Отчет о раскопках Ташлыковских курганов и разведке по р. Снежедь. 1973 г. № 10054.

Трусов А.В. Отчет о разведке в Спас-Клепиковском и Рязанском р-нах Рязанской области Среднеозерным отрядом Окско-Мещерской экспедиции ИА АН СССР летом 1975 г. № 6025.

Трусов А.В. Отчет о разведке в Клепиковском и Спасском р-нах Рязанской области Отдельной группой Мещерского отряда Окской экспедиции летом 1976 г. № 6504.

Трусов А.В. Отчет о разведке в Клепиковском, Спасском и Шиловском р-нах Рязанской области и раскопок стоянок Совка 1 и Совка 3 (г. Клепики Рязанской области), а также о раскопках стоянки Альба 1 (Дмитровский р-н Московской области) в 1977 г. № 6565, 6565а.

Трусов А.В. Отчет о работе в Спасском р-не Рязанской области и о работах на стоянке Альба 1 в Московской области летом 1978 г. № 7021.

Трусов А.В. Отчет о разведках и раскопках в Рязанской и Московской областях в 1979 г. № 7676.

Трусов А.В. Отчет о работах Московской области в 1980 г. № 7677.

Трусов А.В. Альбом к отчету о работах в Московской области в 1980 г. № 7677а.

Трусов А.В. Отчет о разведке памятников эпохи палеолита в бассейне р. Оки. 1988 г. № 12991–12992.

Трусов А.В. Отчет о раскопках Зарайской палеолитической стоянки и обследовании местонахождения кремневых изделий у с. Поречье. 1989 г. № 14427.

Трусов А.В. Отчет о работе в Каширском, Ступинском и Зарайском р-нах Московской области в 1990 г. № 15908–15909.

Трусов А.В. Отчет о разведочных работах в Зарайском районе Московской области летом 1998 г. № 22105.

Трусов А.В. Отчет о раскопках стоянки Трегубово 2 (Московской обл., Зарайский район) и разведках в Коломенском районе Московской обл. и Шиловском районе Рязанской обл. в 1999 г. № 22485.

Успенская А.В. Отчет о раскопках на селище Ратмино близ г. Дубна Московской области в 1963 г. № 2762.

Успенская А.В. Отчет о Дубненской археологической экспедиции 1965 г. № 3116.

Фехнер М.В. Отчет о полевых археологических работах в Богородском и Павловском районах Горьковской области в 1951 г. № 561.

Фехнер М.В. Отчет о раскопках близ д. Большое Буньково Ногинского р-на Московской области в 1953 г. № 864.

Фехнер М.В. Отчет о раскопках близ д. Большое Буньково Ногинского р-на Московской области в 1954 г. № 968.

Фоломеев Б.А. Отчет об охранных и разведочных археологических работах в Рязанском районе и Спас-Клепиковском районе Рязанской области в 1968 г. № 3639.

Фоломеев Б.А. Отчет об археологических раскопках в Рязанском и Клепиковском р-нах Рязанской области в 1970 г. № 4369.

Фоломеев Б.А. Отчет о разведках в Рязанском и Рыбновском районах Рязанской области в 1975 г. № 5872.

Фоломеев Б.А. Отчет о разведках в Клепиковском районе Рязанской области в 1976 г. № 6500.

Фоломеев Б.А. Отчет Окско-Донской экспедиции ГИМа 1982 г. № 9830.

Фоломеев Б.А. Отчет о работе Окско-Донской археологической экспедиции ГИМ за 1983 г. № 9663.

Фоломеев Б.А. Отчет Окско-Донской экспедиции ГИМа 1984 г. № 10359.

Фоломеев Б.А. Отчет о работах Окской археологической экспедиции ГИМ за 1986 г. № 11562.

Фоломеев Б.А. Отчет о работе Окской археологической экспедиции ГИМ за 1987 г. № 12004.

Фоломеев Б.А. Отчет о работах Окской экспедиции ГИМ в Клепиковском и Спасском районах Рязанской области, Мичуринском р-не Тамбовской области в 1988 г. № 12557.

Фоломеев Б.А. Отчет о работе Окско-Донской археологической экспедиции ГИМ за 1991 г. № 16450.

Фоломеев Б.А. Отчет о работе Окско-Донской археологической экспедиции ГИМ за 1992 г. № 17798.

Фомин А.М. Отчет об археологической разведке в бассейне р. Теша в пределах Арзамасского р-на в 1991 г. № 16428.

Фомин А.В. Отчет об археологической разведке в бассейне р. Теша в пределах Ардатовского р-на Нижегородской области в 1993 г. № 16428.

Фомин К. Н. Отчет о разведочных археологических исследованиях в Ленинском и Киреевском р-нах Тульской области в 1994 г. № 18721.

Фомин К.Н. Отчет об археологических разведках в Ленинском и Щекинском р-нах Тульской области в 1995 г. № 19758.

Фомин К.Н. Отчет об археологической разведке в бассейне р. Синетулица Ленинского р-на Тульской области в 1997 г. № 20706.

Фомин К.Н. Отчет об археологических разведочных исследованиях в Ленинском и Ясногорском р-нах Тульской области в 1998 г. № 21373.

Формозов А.А. Отчет об археологических разведках в Калужской области в 1951 г. № 536.

Фосс М.Е. Отчет о раскопках в Ногинском р-не Московской области близ с. Бисерово в 1951 г. № 648.

Фролов А.С. Отчет о полевых исследованиях в Спас-Клепиковском р-не Рязанской области в 1975 г. № 5748

Фролов А.С. Отчет о полевых исследованиях в 1976 г. № 6503.

Фролов А.С. Отчет о полевых исследованиях в Калужской и Тульской области 1977 г. № 7219.

Фролов А.С. Отчет о сборах подъемного материала со стоянки Заозерье в Раменском р-не Московской области в 1983 г. № 9609.

Фролов А.С. Отчет о раскопках в 1984 г. стоянки Заозерье I в Раменском р-не Московской области. № 10424.

Фролов А.С. Отчет о разведках в 1985 г. № 10761.

Фролов А.С. Отчет об археологических разведках в Калужской области в 1986 г. № 11820.

Фролов И.К. Отчет о работе Среднерусской экспедиции на территории Калужской области в 1980 г. № 8788.

Фролов И.К. Отчет о разведках в Калужской и Орловской областях Среднерусской экспедиции в 1981 г. № 10655.

Цветкова И.К. Отчет о работе в Рязанской и Горьковской области за 1951 г. № 592.

Цветкова И.К. Альбом фотографий и рисунков работ 1951 г. Московская и Горьковская области. № 593.

Цветкова И.К. Отчёт о работе Нижнеокской археологической экспедиции 1956 г. № 1270.

Цветкова И.К. Отчет о работе Московской экспедиции в Ногинском р-не Московской области в 1981 г. № 8844.

Цветкова И.К. Отчет о работе Горьковской археологической экспедиции 1982 г. № 9916.

Цветкова И.К. Отчет о работе Горьковской археологической экспедиции в Горьковской области в 1983 г. № 9912.

Челяпов В.П. О разведочных работах на территории Рязанской области, проведенных в 1976 г. № 6155.

Челяпов В.П. Отчет о разведках на территории Рязанской области в 1986 г. № 11310.

Ченцов Ю.С. Отчет об археологических разведках в районе г. Пущино на Оке в 1968 г. № 3805.

Чернай И.Л. Отчет об обследовании городища дьяковской культуры и селищ XIV–XVII вв., расположенных у д. Боршева. 1971 г. № 4409.

Чернай И.Л. Отчет по археологическому обследованию памятников, расположенных у д. Боршева Раменского р-на Московской области, в 1972 г. № 4703.

Чернай И.Л. Отчет об археологических разведках в Раменском р-не Московской области в 1973 г. № 4995.

Чернай И.Л. Отчет об археологических разведках в Раменском районе Московской области в 1974 г. № 5513.

Чернай И.Л. Отчет об археологических разведках в Раменском р-не Московской области в 1975 г. № 5721.

Чернай И.Л. Отчет об археологических раскопках и разведках в Раменском р-не Московской области в 1976 г. № 6266.

Чернай И.Л. Отчет об археологических раскопках Селецкого городища в Раменском р-не Московской области в 1977 г. № 6238.

Чернай И.Л. Отчет об археологических раскопках Селецкого городища в Раменском р-не Московской области в 1978 г. № 8114.

Чернай И.Л. Отчет об археологических разведках в Захаровском, Рыбновском и Пителинском районах Рязанской области в 1984 г. № 10106.

Чернай И.Л. Отчет об археологических разведках в Щекинском р-не Тульской области 1985 г. № 10411.

Чернай И.Л. Отчет об археологической разведке на территории ряда р-нов Тульской, Рязанской и Липецкой области 1987 г. № 11925.

Чернай И.Л. Отчет об археологических разведках в Чаплинском р-не Липецкой области и Щекинском р-не Тульской области 1988 г. № 12892.

Чернай И.Л. Отчет о разведке в Щекинском р-не Тульской области 1989 г. № 14810.

Чернай И.Л. Отчет об археологической разведке в Щекинском и Одоевском р-нах Тульской области в 1990 г. № 15079.

Черников В.Ф. Отчет о работе 3-его разведочного отряда Горьковской экспедиции за 1959 г. № 1990.

Черников В.Ф. Отчет о разведке первого отряда Горьковской археологической экспедиции за 1960 г. № 2219.

Черников В.Ф. Отчет о работе Горьковского историко-архитектурного музея-заповедника за 1962 г. № 2520.

Черников В.Ф. Отчет о работе Горьковского историко-архитектурного музея-заповедника за 1961 г. № 2233.

Чернов С.З. Отчет об археологических исследованиях в бассейне р. Вори (Загорский, Пушкинский и Щелковский р-ны Московской области) в 1976 г. № 6409.

Чернов С.З. Отчет об археологических исследованиях в бассейне р. Вори (Загорский, Пушкинский и Щелковский р-ны Московской области) в 1977 г. Ч. 1–8. № 6692–6699.

Чернов С.З. Отчет об археологических исследованиях в бассейне р. Вори (Загорский, Пушкинский р-ны Московской области) в 1978 г. Ч. 1–6. № 6985–6990.

Чернов С.З. Отчет об археологических раскопках в бассейне р. Вори (Загорский р-н Московской области) и изучении Кенского волока (Плесецкий р-н Архангельской области) в 1979 г. Ч. 1–2. № 7520–7521.

Чернов С.З. Отчет об археологических разведках и раскопках в бассейне р. Вори (Загорский р-н Московской области) в 1980 г. Ч. 1–6. № 8059–8064.

Чернов С.З. Отчет об археологических раскопках в бассейне р. Вори (Загорский р-н Московской области) в 1981 г. Ч. 1–2. № 8554–8555.

Чернов С.З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори (Загорский, Пушкинский и Щелковский р-ны Московской области) в 1983 г. № 9728 а–г.

Чернов С.З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори (Загорский, Пушкинский и Щелковский р-ны Московской области) на территории проектируемой трестом «Мособлстройреставрация» зоны охраны древнего города Радонежа в 1984 г. № 11171–11172.

Чернов С.З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори (Загорский и Пушкинский р-ны Московской области) в районе музея-усадьбы Мураново и зон охраны древнего города Радонеж в 1986 г. № 11763.

Чернов С.З. Отчет Московской археологической экспедиции об археологических раскопках в Москве и Московской области в 1989 г. Раскопки на месте Шавыкина монастыря в Загорском р-не. № 14022.

Чернов С.З. Отчет Московской археологической экспедиции об археологических исследованиях в Москве и Московской области в 1990 г. Ч. 6: Отчет об археологических раскопках в с. Радонеж Загорского р-на Московской области № 15198.

Чернов С.З. Отчет Московской археологической экспедиции об археологических обследованиях в Москве и Московской области в 1990 г. Ч. 6: Альбом к отчету об археологических раскопках в с. Радонеж Загорского р-на Московской области № 15554.

Чернов С.З. Отчет Московской археологической экспедиции о разведках в Сергиев-Посадском и Можайском р-нах Московской области в 1992 г. Ч. 1–2. № 17313–17314.

Чернов С.З. Отчет Московской археологической экспедиции о разведках в Сергиев-Посадском р-не Московской области в 1994 г. Ч. 1–6. № 19701–19705.

Шакулова Л.Д. Отчет о раскопках в Навашинском районе Горьковской области в 1988 г. № 13260.

Шаталова Н.В. Отчет об археологических разведках в Рязанском р-не Рязанской области в 1992 г. № 17459.

Шаталова Н.В. Отчет об археологических разведках в Сапожковском р-не Рязанской области в 1993 г. № 17761.

Шахматова М.П. Маршрут по рекам Лух и Теза в 1961 г. № 2620.

Шебанин Г.А. Отчет об археологических разведках в Богородицком р-не Тульской области в 1994 г. № 18950.

Шебанин Г.А. Отчет об археологических разведках в Богородицком р-не Тульской области в 1995 г. № 19487.

Шебанин Г.А. Отчет об археологических исследованиях в Богородицком и Узловском р-нах Тульской области в 1996 г.. № 20315.

Шебанин Г.А. Отчет об археологических исследованиях в Богородицком и Узловском р-нах Тульской области 1997 г. № 21179.

Шебанин Г.А. Отчет об археологических исследованиях в Киреевском и Богородицком р-нах Тульской области в 1999 г. № 23485.

Шебанин Г.А. Отчет об археологических исследованиях в Узловском и Киреевском р-нах Тульской области в 2000 г. № 23132.

Шеков А.В. Отчет об археологической разведке, проводившейся Тульской археологической экспедицией в Щекинском р-не в 1991 г. № 16491.

Шеков А.В. Отчет об археологических исследованиях в Дубенском и Щекинском р-нах и на поселении Слободка 2 Ленинского р-на Тульской области в 1992 г. № 17447.

Шеков А.В. Отчет об охранных археологических исследованиях в г. Туле в 1993 г. № 17748.

Шеков А.В. Отчет об охранных археологических исследованиях на территории Тулы в 1994 г. № 18666.

Шеков А.В. Отчет об археологических исследованиях в Плавском, Белевском и Дубенском р-нах Тульской области в 1994 г. № 18910.

Шеков А.В. Отчет об охранных археологических исследованиях на территории городища и посе-

ления 1 у с. Супруты Щекинского р-на Тульской области в 1995 г. № 20226.
Шеков А.В. Отчет об археологических исследованиях в Тульской области в 1996 г. № 20271.
Шитов В. Н. Отчет об археологической экспедиции в Кадомском Примокшанье. 1977 г. № 6917.
Шполянский С. В. Отчет об археологических исследованиях в Подольском и Ленинском р-нах Московской области в 1995 г. № 19319.
Шполянский С. В. Отчет об археологических исследованиях в Подольском и Ленинском р-нах Московской области в 1996 г. № 20256.
Энговатова А.В. Отчет о раскопках в Орехово-Зуевском и Шатурском р-нах Московской области в 1988 г. № 14475, 14476.
Энговатова А.В. Отчет о разведочных работах в Подмосковье в зонах проектируемого мелиоративного строительства и проектируемых рекультивационных работ в 1989 г. № 13812.
Энговатова А.В. Отчет 2 отряда Подмосковной экспедиции за 1991 г. № 15975.
Энговатова А.В. Отчет Второго отряда Подмосковной экспедиции за 1992 г. № 17772.
Юшко А.А. Отчет о работе Подольского отряда Московской экспедиции в 1968 г. № 3707.
Юшко А.А. Отчет о работе Второго разведочного отряда Московской экспедиции в 1970 г. № 4215.
Юшко А.А. Отчет об археологических исследованиях берегов рек Лиховы, Незнайки, Десны и частично Пахры (Московская область) в 1971 г. № 4529.
Юшко А.А. Отчет о раскопках городища у с. Степаново Сычевского р-на Смоленской области, у д. Макаровка Тульской области и обследовании памятников в бассейне р. Пахры и ее притока Десны в Московской области в 1972 г. № 5077.
Юшко А.А. Отчет о работе Звенигородского отряда Московской экспедиции в 1976 г. № 6200.
Юшко А.А. Отчет о работе разведочного Подмосковного отряда в 1977 г. № 6249.
Юшко А.А. Отчет об археологических разведках на территории Московской области в 1978 г. № 7991.
Юшко А.А. Отчет об археологических исследованиях в г. Москве и Московской области в 1979 г. № 8639.
Юшко А.А. Отчет о работах в Московской области в 1980 г. № 9081.
Юшко А.А. Отчет о работе разведочного Подмосковного отряда в Московской и Владимирской области в 1981 г. № 8658.
Янишевский Б.Е. Отчет об археологических разведках в Можайском, Рузском, Одинцовском и Люберецком р-нах Московской области в 1991 г. № 17189.
Янишевский Б.Е. Отчет об археологических разведках на территории Можайского р-на Московской области в 1995 г. № 19511.
Ястржембский Л.А. Отчет о раскопках курганов у ст. Истра в 1955 г. № 1190.

* Воронцов А.М. Отчет об археологических исследованиях в г. Тула и Тульской области в 1996 г.
Воронцов А.М. Отчет об археологических исследованиях в г. Тула и Тульской области в 2000 г.
Клянин Р.В. Отчет об археологических исследованиях на поселении Вединец 1 Кимовского р-на Тульской области в 2000 г.
Фомин К.Н. Отчет об археологических исследованиях в Тульской области в 2000 г.
Шеков А.В. Отчет об исследованиях на Куликовом поле в 1998 г.

Архив ИА РАН. Р-2:

Бадер О.Н. Археологическая карта бассейна р. Учи. № 941.
Яанитс К.Л. Кремневый инвентарь стоянок кундасской культуры. Дис. … канд. ист. наук. Таллин. 1989. № 2450.

Архив ИА РАН. Р-4:

Архив К.Я. Виноградова.

Архив ИИМК РАН:

Арциховский А.В. Отчет о раскопках в Московской и Владимирской губернии // Раскопки Бородинского городища. 1926.
Арциховский А.В. Отчет о раскопках в Можайском уезде Московской губернии в 1927 г. Ф. 2. Оп. 1. 1928. № 146.
Арциховский А.В. Дневник раскопок близ д. Тихоново на левом берегу р. Москвы летом 1928 г. Ф. 2. Оп. 1. 1928. № 225.
Арциховский А.В. Дневник раскопок на правом берегу Москвы-реки (Тушков городок) в 1929 г. Ф. 2. Оп. 1. 1929. № 277.
Виноградов К.Я. Раскопки в бассейне р. Истра. Ф. 2. Оп. 1. 1926. № 111.
Виноградов К.Я. Дневники, чертежи и отчет о раскопках и разведках в Воскресенском, Можайском и Волоколамском у. Московской губ. Ф. 2. Оп. 1. 1926. № 112.

* Этот и нижеследующие отчеты еще не получили инвентарных номеров в Архиве ИА РАН на 2002 г.

Виноградов К.Я. Раскопки и разведки в Воскресенском, Можайском и Волоколамском уездах Московской губернии в 1926 г. Ф. 2. Оп. 1. 1927. № 173.

Виноградов К.Я. Дневник археологических раскопок в Звенигородском уезде Московской губернии за 1927 г. Ф. 2. Оп. 1. 1926. № 170. Ф. 2. Оп. 1. 1927. № 172.

Виноградов К.Я. Краткий отчет с фотографиями о раскопках в Московской области. Ф. 2. Оп. 1. 1931. № 801.

Байбурт Е.А. Археологическая разведка р. Маглуши, притока М. Истры. Ф. 2. Оп. 1. 1924. № 177.

Брюсов А.Я., Липеровская Е.Н., Городцов М.В. Отчет о разведках, проведенных студентами ФОН МГУ в Воскресенском и Подольском уездах в 1923 г. Ф. 2. Оп. 1. 1923. № 95.

Гендуне Ю.Г. О раскопках в Калужской, Московской и Тульской губерниях в 1901 г. Ф. 1. Оп. 1. 1901. № 39.

Городцов М.В., Смирнов А.П. Археологическая разведка верховьев р. Истры и ее притоков Ф. 2. Оп. 1. 1924. № 177.

Давидович А.В. Предварительный отчет об обследованиях по р. Оке в 1939 г. Горьковского краеведческого музея. Ф. 35. 1939. № 98.

Евтюхова Л.А., Дмитриевская А.В. Археологическая карта р. Малой Истры и р. Молодильни с притоками по разведкам, произведенным летом 1924 г. Ф. 2. Оп. 1. 1924. № 177.

Мендиаров Л.Я. Отчет о работах Горьковского областного краеведческого музея в 1940 г. Ф. 35. № 5.

Жуков Б.С. Отчет о работе в центральных областях РСФСР в 1928 и 1929 гг. Ф. 2. Оп. 1. 1929. № 128.

Гендуне Ю.Г. Отчет по изучению памятников старины Клинского и Дмитровского уездов Московской губернии в 1908 г. Р. 4. № 105.

Смирнов Н.А. Отчет о раскопках в Клинском уезде Московской губернии в 1902 г. Ф. 1. 1902. № 111.

Архив Отдела археологических сводов и карт ИА:

Розенфельдт Р.Л. Материалы к археологической карте Московской области. 1988.

ОПИ ГИМ:

Фонд В.А. Городцова. Ф. 431. Ед. хр. 60.

Архив В.А. Городцова. Ф. 431. Ед. хр. 134.

Архив МОКМ:

Архив К.Я. Виноградова (без номера).

Каталог Румянцевского музея:

№ 4046. Ед. хр. 22/2.

Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки:

Милонов Н.П. 1936. Археологические исследования некоторых раннефеодальных городов. Ф. 177. Ед. хр. 43. Картон 46.

Список сокращений

АИЧПЕ – Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы.
АО – Археологические открытия.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
АЭМК – Археология и этнография Марийского края.
ВАИВП – Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья.
ВУАК – Владимирская ученая архивная комиссия.
Вып. – Выпуск.
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры.
ГИМ – Государственный исторический музей.
ГСПИКНО – Государственные списки памятников истории и культуры Нижегородской области по состоянию на 01.01.2000. Каталог. Н-Новгород. 2001.
ДГСПКНО – Дополнения к Государственным спискам памятников истории и культуры Нижегородской области (по состоянию на 01.01.2002). Каталог. Н-Новгород. 2002.
ЗОРСА РАО – Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества.
ИКУАК – Известия Калужской ученой архивной комиссии.
КСИА – Краткие сообщения о полевых исследованиях Института археологии АН СССР.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
МАО – Московское археологическое общество.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
МИГМ – Музей истории города Москвы.
МИМ – Музей истории Москвы.
МИРМ – Музей истории и реконструкции города Москвы.
М.-Л. – Москва – Ленинград.
ПИДО – Проблемы истории докапиталистических обществ.
РА – Российская археология.
РАЖ – Русский антропологический журнал.
РАО – Русское археологическое общество.
СА – Советская археология.
СЭ – Советская этнография.
СПб – Санкт-Петербург.
ТАС – Тверской археологический сборник.

Приложение 1

Каталог мезолитических памятников бассейна р. Оки

Исток р. Оки находится на территории Орловской области, а ее устье – в Нижегородской области. Ока является самым крупным притоком главной русской реки Волги. Бассейн р. Оки занимает территорию 14 субъектов Российской Федерации – это Орловская, Тульская, Калужская, Московская, Рязанская, Владимирская, Ивановская, Нижегородская, Пензенская, Тамбовская, Смоленская, Ярославская области, Москва и Мордовская Республика. Ниже (в алфавитном порядке) приводится список мезолитических памятников Окского бассейна, известных на настоящее время.

ВЛАДИМИРСКАЯ ОБЛАСТЬ

Владимирская область разделяется на 17 районов. В 11 из них: Александровском, Вязниковском, Гороховецком, Гусь-Хрустальном, Камешковском, Меленском, Муромском, Петушинском, Селивановском, Собинском и Судогорском – обнаружены памятники с мезолитическими материалами.

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ РАЙОН

М. ВЕСКИ. СТОЯНКА 1, мезолит.

1,4 км к ЮЮЗ от д., около 0,6 км к СЗ от д. Базуново, пологий мыс левого берега р. М. Киржач (левого притока р. Киржач, левого притока р. Клязьмы). Размеры около 110×70 м, высота над поймой 4 м. Распахивается. В пахотном слое и на поверхности найдены кремневые отщепы пластины, резец, предположительно относящиеся к мезолиту.

АКР, 1995, № 26 (28), с. 67, 68;
Жилин, 1992, № 17287.

ЕЛОВКА (ЕЛОВКИ). СТОЯНКА 2, мезолит.

1,7 км к ВСВ от д., 1,5 км к С от д. Пречистино, правый берег р. М. Киржач (правый исток р. Киржач, левого притока р. Клязьмы) при впадении ручья. Стоянка приурочена к древней береговой линии Берендеевского озера и к горловине стока вод из него. Размеры памятника около 250×180 м, высота над рекой 9 м. Распахивается, прибрежная часть задернована, нарушена старой дорогой и размывами. Культурный слой – темно-серый суглинок толщиной 0,1 м. Открыта в 1992 г. М.Г. Жилиным. Найдены кремневые скребки, ножи, наконечники стрел, пластины и отщепы, отнесенные к иеневской мезолитической культуре. Дополнительно обследована в 1994 г. А.Е. Кравцовым (Кравцов, 1995), которым вскрыто 12 кв. м. Расщепленный кремень обнаружен в пахотном слое и сохранившихся на глубине 3–40 см участках погребенной почвы, отнесенной ранее, по данным споро-пыльцевого анализа, к середине пребореального периода. На пашне на расстоянии 40–50 м друг от друга отмечены два скопления расщепленных кремней площадью 60×70 и 80×200 м, вероятно, соответствующие остаткам двух обособленных стоянок. В обоих скоплениях представлены отщепы, неправильные пластины, концевые скребки, резцы с ретушированной и неподработанной площадкой, а в большем – также одно- и двухплощадочные нуклеусы от отщепов, обломки рубящих орудий с полной и частичной двухсторонней оббивкой, симметричный и асимметричные с боковой выемкой наконечники стрел, обломки треугольника (?) и обушкового ножа, позволившие отнести памятник к иеневской культуре. Возраст погребенной почвы, содержавшей каменные изделия, по данным палинологического анализа отнесен к пребореалу.

АКР, 1995, № 12 (30), с. 65;
Жилин, 1992, № 17287;
Кравцов, 1995, 1999.

ГОДУНОВО. ПОСЕЛЕНИЕ 1, мезолит, 14–17 вв.

1,4 км к СЗ от церкви с., около 1,2 км к ССВ от д. Пречистино, мыс надпойменной террасы левого берега р. М. Киржач (правый исток р. Киржач, левого притока р. Клязьмы) при впадении р. Яловки, левый берег последней. Размеры около 130×100 м, высота над рекой 9 м. Распахивается, в прибрежной части поросло лесом. Под пахотным горизонтом сохранился культурный слой в виде темно-серого, пятнистого суглинка толщиной 0,08 м. Керамика гончарная позднесредневековая, кремневые нуклеус, резец, пластины и отщепы, предположительно эпохи мезолита.

АКР, 1995, № 7 (35), с. 63, 64;
Жилин, 1992, № 17287.

ГОДУНОВО. ПОСЕЛЕНИЕ 2, мезолит, 11–13 вв.

1,5 км к ССЗ от церкви с., около 2 км к ЗЮЗ от д. Сусловка, мыс надпойменной террасы левого берега р. М. Киржач (правый исток р. Киржач, левого притока р. Клязьмы) при впадении р. Яловки, правый берег последней, напротив поселения 1. Размеры 75×60 м, высо-

та над рекой 5 м. Поверхность поросла лесом, частично нарушена старой дорогой. Культурный слой – слабо гумусированный пестрый суглинок толщиной 0,18 м. Керамика гончарная древнерусская с линейным и волнистым орнаментом, кроме того, имеются кремневые резец, отщепы и пластины мезолитического облика.

АКР, 1995, № 8 (34), с. 64;
Жилин, 1992, № 17287.

ПРЕЧИСТИНО. СТОЯНКА, мезолит (?).

0,8 км к ССВ от д., 1,3 км к СЗ от церкви с. Годуново, у излучины левого берега р. М. Киржач (правый исток р. Киржач, левого притока р. Клязьмы). Размеры около 120×110 м, высота над рекой 9 м. Распахивается. На пашне найдены кремневые отщепы и пластины, предположительно мезолитического возраста.

АКР, 1995, № 28 (36), с. 68;
Жилин, 1992, № 17287.

ЧЕРНЕЦКОЕ. ПОСЕЛЕНИЕ 1, мезолит, 11–13, 14–17 вв.

Северо-западная окраина села, мыс южного коренного берега заторфованной озерной котловины (Берендеево болото). Размеры около 500×240 м, высота над торфяником 8 м. Частично занято постройками, распахивается под огороды. Культурный слой – черная гумусированная супесь толщиной 0,5 м. Керамика гончарная древнерусская и позднесредневековая, преимущественно 15–16 вв., кремневый нуклеус, пластины и отщепы, предположительно отнесенные к мезолиту, обломок железного ножа и шиферное пряслице.

АКР, 1995, № 48 (20), с. 72;
Жилин, 1992, № 17287.

ЧЕРНЕЦКОЕ. СТОЯНКА 5, мезолит.

0,2 км к С от северной окраины с., южный низкий берег заторфованной озерной котловины (Берендеево болото) под склоном коренного берега. Размеры около 40×40 м, высота над торфяником 1 м. Поверхность памятника частично нарушена грунтовой дорогой. Культурный слой – темно-коричневый опесчаненный, сильно разложившийся торф толщиной 0,1 м. Найдены кремневые и костяные орудия, отнесенные к бутовской мезолитической культуре, кости животных.

АКР, 1995, № 47 (21), с. 72;
Жилин, 1992, № 17287.

ВЯЗНИКОВСКИЙ РАЙОН

ЗАБОРОЧЬЕ. СТОЯНКА 1, мезолит (?).

Западная окраина д., дюнообразное всхолмление в пойме левого берега р. Клязьмы, около 4 км от русла. Площадь около 0,8 га, высота над поймой 5,0–5,5 м. Северо-западная часть памятника разрушена карьером. В слое темно-серого песка с включениями отдельных угольков толщиной 0,18–0,30 м, залегающем непосредственно под дерном, найдены кремневые отщепы и пластины, предположительно мезолитического возраста.

АКР, 1995, № 64 (34), с. 77;
Глазов, 1977, № 9671.

ЗАБОРОЧЬЕ. СТОЯНКА 2, мезолит (?).

0,14 км к С от западной окраины д., склон дюнообразного всхолмления в пойме левого берега р. Клязьмы, около 4,2 км от русла, к С от стоянки 1 (см. № 64). Площадь памятника около 1 га. В слое темно-серого песка толщиной 0,15–0,18 м, залегающем под дерном, найдены кремневые отщепы и пластины, предположительно мезолитического возраста.

АКР, 1995, № 65 (35), с. 77;
Глазов, 1977, № 9671.

ЛИПОВСКАЯ УСАДЬБА. СТОЯНКА, мезолит, неолит.

0,3 км к З от д., мыс левого берега р. Клязьмы. Размеры не определены, высота над рекой 6–8 м. Территория памятника местами разрушается ветровой эрозией. Культурный слой – желтый песок толщиной до 0,3 м с серыми гумусными пятнами. Найдены кремневые пластины, в том числе микропластины мезолитического возраста, долотовидное орудие и фрагмент наконечника дротика, отнесенные к неолиту.

АКР, 1995, № 74 (65), с. 79, 80;
Сергин, 1969, № 4016.

НОВО. СТОЯНКА 1, мезолит.

0,15 км к СВ от восточной окраины д., склон дюнообразного всхолмления в пойме левого берега р. Клязьмы, около 5 км от русла, правый берег р. Юхарец, впадающей в оз. Великое. Площадь около 4800 кв. м, высота над поймой 3–4 м. Частично разрушена карьером. Культурный слой – темно-серая супесь толщиной 0,20–0,25 м с примесями угля, золы и кальцинированных костей, залегающая на глубине 0,20–0,32 м от современной поверхности, под дерном и стерильной прослойкой песка. Найдены кремневые скребок, ножевидные пластины и отщепы мезолитического облика.

АКР, 1995, № 83 (45), с. 82;
Глазов, 1977, № 9671.

НОВО (ВЕЛИКООЗЕРСКОЕ). ПОСЕЛЕНИЕ 1 мезолит, эпоха бронзы, р. ж. в., 3-я четв. I тыс. н. э., 14–17 в.

Около 1 км к Ю от д., левобережье р. Клязьмы, северо-восточный берег оз. Великое. Площадь не определена, высота над оз. 3–5 м. Исследовано (Л.А. Михайлова, 1979 г.) 224 кв. м. Культурный слой – слабо гумусированный песок мощностью более 0,5 м с включениями угля, золы кальцинированных костей и охры. Культурный слой разделяется по цвету на два горизонта: верхний (до 0,4 м) коричневатого цвета, нижний – более светлый, розоватый. В дерновом слое и непосредственно под ним обнаружены фрагменты гончарной позднесредневековой посуды, в т.ч. белоглиняной и

чернолощенной 16–17 вв., а также лепной, баночной и горшковидной формы, дьяковской культуры. Основной материал из верхнего горизонта культурного слоя – обломки лепных круглодонных плоскодонных сосудов с сетчатыми отпечатками на внешней поверхности с орнаментом в верхней части (а на круглодонных сосудах – часто на стенках в средней и нижней части и даже дне) из округлых ямчатых вдавлений, «жемчужин», оттисков гребенчатого штампа, культуры ранней сетчатой керамики. Такая керамика сопровождается находками кремневых наконечников стрел, скребков, нуклеусов, глиняных рыболовных грузил. В нижнем горизонте культурного слоя найдены кремневые резцы на углу сломанной пластины, призматические нуклеусы и пластины, отнесенные к мезолиту. Выявлен очаг, сложенный из камней, относящийся к слою с ранней сетчатой керамикой, очажные и столбовые ямы, пятно охры. Коллекция в ВСМЗ.

АКР, 1995, № 85 (46), с. 82, 83;
Михайлова, 1980, с. 65;
Глазов, 1977, № 9671; 1978, № 7211;
Михайлова, 1979, № 7943.

ЯКУШИХА. СТОЯНКА 1, мезолит.

0,34 км к СЗ от д., левобережье р. Клязьмы, около 6 км от русла, дюнообразное всхолмление на левом берегу р. Юхарец, впадающей в оз. Великое. Площадь около 0,6 га, высота над поймой 2,5–3,5 м. Культурный слой – темно-серая супесь толщиной 0,25 м с углем. Найдены обломки кремневых орудий и отщепы мезолитического облика.

АКР, 1995, № 114 (53), с. 97;
Арх. ВСНРПМ, № 16009;
Глазов, 1977, № 9671.

ЯКУШИХА. СТОЯНКА 2, мезолит (?).

Западная окраина д., левобережье р. Клязьмы, около 5,7 км от русла, южный склон дюнообразного всхолмления на древнем берегу оз. Великое. Площадь около 0,5 га, высота над поймой 4–5 м. Культурный слой – темно-серая супесь с угольками толщиной 0,10–0,15 м, залегающая непосредственно под дерном. Найдены кремневые отщепы и пластины, предположительно мезолитического возраста.

АКР, 1995, № 115 (54), с. 97;
Арх. ВСНРПМ: № 16009;
Глазов, 1977, № 9671.

ЯКУШИХА. СТОЯНКА 3, мезолит.

3 км к ССЗ от д., левобережье р. Клязьмы, южная оконечность дюнообразного всхолмления на левом берегу р. Юхарец, впадающей в оз. Великое. Площадь около 2,2 га, высота над поймой 3–4 м. Нарушена лесопосадками. Культурный слой – темно-серый гумусированный песок с угольками, кальцинированными костями животных и рыб. Найдены кремневые скребок, резец, проколки, нуклеус, ножевидные пластины, отщепы и чешуйки, предположительно отнесенные к мезолиту.

АКР, 1995, № 116 (55), с. 97, 98;
Арх. ВСНРПМ: № 16009;
Глазов, 1977, № 9671.

ЯКУШИХА. СТОЯНКА 4, мезолит (?).

3,3 км к ССВ от д., левобережье р. Клязьмы, склон дюнообразного всхолмления на левом берегу р. Юхарец, впадающей в оз. Великое. Площадь около 2,4 га, высота над поймой 3–4 м. Культурный слой – темно-серая супесь толщиной 0,10–0,12 м, с включениями угля, кальцинированных костей и обломков раковин. Найдены кремневые пластины и отщепы, предположительно мезолитического облика.

АКР, 1995, № 117 (56), с. 98;
Арх. ВСНРПМ: № 16009;
Глазов, 1977, № 9671.

ЯКУШИХА. СТОЯНКА 5, мезолит (?).

3,5 км к ССЗ от д., левобережье р. Клязьмы, склон дюнообразного всхолмления на левом берегу р. Юхарец, впадающей в оз. Великое. Площадь около 1 га, высота над поймой 3,0–3,5 м. Нарушена лесопосадками. Культурный слой – темно-серый гумусированный песок толщиной 0,35–0,40 м с включениями угля, золы, костей, залегающий на глубине 0,15–0,20 м от современной поверхности, под тонким дерновым слоем, а также прослойками песка и торфа. Найдены кремневые пластины и отщепы, предположительно мезолитического облика.

АКР, 1995, № 118 (57), с. 98;
Глазов, 1977, № 9671.

ГОРОХОВЕЦКИЙ РАЙОН

БОБЫЛКИ. СТОЯНКА 1, мезолит (?).

0,42 км к Ю от д., дюнообразное всхолмление в пойме левого берега р. Оки, берег древней озерной котловины. Площадь около 0,6 га, высота над поймой 6 м. В темно-сером гумусированном песке с примесями угля толщиной 0,14–0,30 м найдены кремневые отщепы, чешуйки, ребристые пластины, нуклевидные куски, оббитые кремневые гальки, предположительно мезолитического возраста.

АКР, 1995, № 128 (51), с. 104;
Арх. ВСНРПМ: № 16009;
Глазов, 1977, № 9671.

БОБЫЛКИ. СТОЯНКА 2, мезолит (?).

0,54 км к Ю от д., склон дюнообразного всхолмления в пойме левого берега р. Оки, около 3 км от русла. Площадь около 1 га, высота над поймой 6–7 м. Культурный слой – темно-серый гумусированный песок толщиной 0,15–0,20 м, имеющий включения угля, золы, кальцинированных костей, раковин. Найдены кремневые ножевидные пластины, призматический нуклеус, чешуйки, предположительно мезолитического возраста.

АКР, 1995, № 129 (52), с. 104;
Арх. ВСНРПМ: № 16009;
Глазов, 1977, № 9671.

БОБЫЛКИ. СТОЯНКА 3, мезолит (?).

80 м к ЮЗ от д., дюнообразное всхолмление в пойме левого берега р. Оки, около 3 км от русла. Площадь около 7000 кв. м, высота над поймой 4–5 м. Культурный слой – песок темно-охристого цвета толщиной 0,25 м, залегающий под светло-серым песком без находок толщиной 0,16 м. Найдены кремневые нуклевидные куски, отщепы и пластины, предположительно мезолитического возраста.

АКР, 1995, № 130 (53), с. 104;
Арх. ВСНРПМ: № 16009;
Глазов, 1977, № 9671.

ГУСЬ-ХРУСТАЛЬНЫЙ (ГУСЕВСКОЙ) РАЙОН

ТЮРЬВИЩИ (МИКУЛИНО). СТОЯНКА 1, мезолит.

1 км к ССЗ от северной окраины д., небольшой останец первой надпойменной террасы левого берега р. Бужи, впадающей в оз. Святое, урочище Микулино. Занимает северо-западную часть обширного останца. Площадь памятника около 200 кв. м. Высота над поймой 3 м. А.Н. Сорокиным в 1977, 1981 гг. исследовано 137 кв. м.

Песчаный культурный слой имеет толщину 0,2–0,3 м, в ямах – до 1 м. Найдено свыше 3000 кремневых предметов, среди которых – нуклеусы, концевые скребки и резцы на пластинах и отщепах, микролиты, среди которых симметричная трапеция на пластине, прямоугольники на пластинах, пластины с одним ретушированным краем и затупленным основанием, вкладыши с ретушированным краем и др., острия и сверла на пластинах. Выявлено пятно находок, окруженное по периметру столбовыми ямками, которое можно интерпретировать как остатки жилища размерами около 3×4 м, а также кострище овальной в плане формы размерами 1,8×0,8 м, толщина угольно-зольного слоя в котором достигала 0,25 м. Стоянка отнесена к позднему этапу развития бутовской мезолитической культуры, датируется 2-й пол. VII – VI тыс. до н. э. Коллекция в ВСМЗ.

АКР, 1995, № 211 (4), с. 128;
Сорокин, 1978; 1981а, б; 1984; 1990;
Сорокин, 1975, № 5681; 1977, № 6791; 1981, № 8456.

ТЮРЬВИЩИ (ПЕТРУШИНО). СТОЯНКА 2, мезолит.

0,2 км к В от д., дюнообразное всхолмление левого берега р. Бужи, впадающей в оз. Святое, урочище Петрушино. Площадь около 600 кв. м, высота над поймой 3 м. Поверхность памятника подвергается ветровой эрозии. В 1975–1977, 1981, 1983 гг. А.Н. Сорокиным исследовано 550 кв. м. Найдено более 4900 кремневых предметов, среди которых наконечник стрел из пластин с частично подправкой пера и черешка, скребки, резцы, скобели, сверла, комбинированные орудия, микролиты с ретушированным краем, резцовые сколы, нуклеусы, ножевидные пластины, отщепы. Выявлены остатки двух полуземляночных жилищ размерами 6,5×4,5 и 6,7×3,6 м с заглубленным до 0,6 м полом, несколько хозяйственных ям и кострищ. Стоянка отнесена к раннему этапу развития бутовской мезолитической культуры, датирована кон. VIII – нач. VII тыс. до н. э. Коллекция в ВСМЗ и ИА РАН.

АКР, 1995, № 212 (6), с. 128, 129;
Сорокин, 1978; 1981а, б; 1984; 1990;
Сорокин, 1975, № 5681; 1976, № 6166; 1977, № 6791; 1981, № 8456; 1983, № 9479.

ТЮРЬВИЩИ (ПЕТРУШИНО 2). СТОЯНКА 3, мезолит.

0,15 км к В от д., 50 м к З от стоянки Петрушино 1, на краю дюнообразного всхолмления левого берега р. Бужи, впадающей в оз. Святое, в урочище Петрушино. Высота над поймой 2,5 м. В центральной части памятника имеется небольшой песчаный карьер. А.Н. Сорокиным в 1983 г. вскрыто около 40 кв. м. Обнаружен развал лепного сосуда эпохи поздней бронзы и кремневые изделия мезолитического облика.

Сорокин, 1983, № 9480.

ТЮРЬВИЩИ. МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ, мезолит.

0,3 км к В от д., дюнообразное всхолмление левого берега р. Бужи, впадающей в оз. Святое, урочище Петрушино. Площадь не определена, высота над поймой 3 м. Вся поверхность памятника распахана. Исследовано А.Н. Сорокиным в 1975 г.

Сорокин, 1975, № 5681.

ТЮРЬВИЩИ (ЗОЛОТОЙ БЕРЕГ). СТОЯНКА 4, мезолит, неолит.

Около 4 км к ЮЗ от д., северо-восточный берег оз. Святое. Размеры и характер культурного слоя не определены. Культурный слой полностью размыт водой. Найдены кремневые ножи, скребок, резчики, долотовидные орудия, пластины и их фрагменты, отщепы, в т.ч. с ретушью, предположительно мезолитического или ранненеолитического возраста.

АКР, 1995, № 213 (9), с. 129;
Сорокин, 1975, № 5681.

КАМЕШКОВСКИЙ РАЙОН

ДАВЫДОВО (КРАСНОЕ). СТОЯНКА 1, мезолит (?).

4 км к ЮЮВ от с., пойма левого берега р. Клязьмы, дюнообразное всхолмление на восточном берегу оз. Красное. Площадь около 600 кв. м, высота над

поймой 4 м. Поверхность частично залесена. Культурный слой – темно-серый гумусированный песок с примесями угля и кальцинированных костей, имеющий мощность 0,5–0,6 м. Открыта В.П. Глазовым в 1980 г. Найдены кремневые отщепы и пластины, предположительно мезолитического возраста. В шурфе на уровне материка зафиксирована очажная яма.

АКР, 1995, № 226 (7), с. 133;
Арх. ВСНРПМ: № 17490;
Глазов, 1980, № 8065.

ДАВЫДОВО (ВОИХРА 2). СТОЯНКА 2, мезолит (?).

3 км к ЮВ от с., пойма левого берега р. Клязьмы, у северной оконечности оз. Вохро. Площадь около 2500 кв. м, высота над поймой 3–4 м. Культурный слой – темно-серая гумусированная супесь толщиной 0,25–0,30 м с примесями угля и кальцинированных костей, включениями обожженных камней, местами выходит на поверхность. Открыта В.П. Глазовым в 1980 г. Найдены кремневые отщепы и пластины, предположительно мезолитического возраста.

АКР, 1995, № 227 (9), с. 133, 134;
Арх. ВСНРПМ: № 17490;
Глазов, 1980, № 8065.

МЕЛЕНКОВСКИЙ РАЙОН

ГРИГОРОВО. СТОЯНКА 1, мезолит (?).

1,5 км к В от д., дюнообразное всхолмление в пойме левого берега р. Оки, близ пойменного оз. Дальние Мочилки. Размеры около 40×35 м, высота над поймой 5–6 м. Поверхность памятника подвергается ветровой эрозии. Культурный слой – черный углистый песок с включениями золы толщиной до 0,15 м – залегает на глубине 1,0–1,2 м от современной поверхности, под слоем светлого песка без находок. Найдены кремневые отщепы, пластины, чешуйки, предположительно мезолитического возраста.

АКР, 1995, № 335 (14), с. 164;
Арх. ВСНРПМ: № 16010;
Глазов, 1976, № 9673.

ГРИГОРОВО. СТОЯНКА 2, мезолит (?).

1,4 км к В от д., дюнообразное всхолмление в пойме левого берега р. Оки. Размеры около 60×40 м, высота над поймой 4–6 м. Культурный слой – черный углистый песок толщиной 0,10–0,25 м с включениями мелкой гальки. Найдены кремневые макролиты, отщепы, чешуйки, предположительно мезолитического возраста.

АКР, 1995, № 336 (13), с. 164;
Арх. ВСНРПМ: № 16010;
Глазов, 1976, № 9673.

ГРИГОРОВО. СТОЯНКА 3, мезолит (?).

2,5 км к В от д., дюнообразное всхолмление в пойме левого берега р. Оки. Площадь памятника около 400 кв. м, высота над поймой 6–7 м. Поверхность стоянки подвергается ветровой эрозии. Культурный слой – плотный темно-серый песок толщиной 0,15–0,17 м с включениями угля, золы, кальцинированных костей животных. Найдены кремневые отщепы, пластины, чешуйки, предположительно мезолитического возраста.

АКР, 1995, № 337 (15), с. 164;
Арх. ВСНРПМ: № 16010;
Глазов, 1976, № 9673.

ГРИГОРОВО. СТОЯНКА 4, мезолит (?).

3 км к ЮВ от д., около 2,1 км к В от д. Высоково, дюнообразное всхолмление в пойме левого берега р. Оки, близ западной оконечности пойменного оз. Частое. Размеры около 50×40 м, высота над поймой 3,0–3,5 м. Поверхность памятника подвергается ветровой эрозии. Культурный слой – плотный гумусированный песок толщиной 0,10–0,15 м с примесями угля, золы, кальцинированных костей животных. Найдены кремневые отщепы и ребристые пластины, предположительно отнесенные к мезолиту.

АКР, 1995, № 338 (16), с. 165;
Арх. ВСНРПМ: № 16010;
Глазов, 1976, № 9673.

ГРИГОРОВО (ВЫСОКОВСКИЙ БОР 1). СТОЯНКА 5, мезолит (?).

4,5 км к ЮВ от д., около 4 км к В от д. Высоково, дюнообразное всхолмление в пойме левого берега р. Оки, близ юго-восточной оконечности пойменного оз. Частое, уроч. Высоковский бор. Размеры около 70×45 м, высота над поймой 4,5–5,0 м. Поверхность подвергается ветровой эрозии. Культурный слой в виде черного углистого песка с примесями кальцинированных костей животных и включениями обожженных камней имеет толщину 0,15–0,20 м, залегает на глубине 0,5–0,7 м от современной поверхности, под слоем светлого песка без находок. Найдены кремневые отщепы и пластины, предположительно отнесенные к мезолиту.

АКР, 1995, № 339 (17), с. 165;
Арх. ВСНРПМ: № 16010;
Глазов, 1976, № 9673.

ГРИГОРОВО (ВЫСОКОВСКИЙ БОР 2). СТОЯНКА 6, мезолит (?).

4,6 км к ЮВ от д., около 4,1 м к В от д. Высоково, дюнообразное всхолмление в пойме левого берега р. Оки, урочище Высоковский Бор. Размеры 40×30 м, высота над поймой 4 м. Поверхность памятника подвергается ветровой эрозии. Культурный слой в виде черного гумусированного песка с включениями угля, золы, кальцинированных костей животных имеет толщину 0,12–0,16 м, залегает на глубине около 0,4 м от современной поверхности, под слоем светлого песка без находок. Найдены кремневые отщепы и пластины, предположительно отнесенные к мезолиту.

АКР, 1995, № 340 (18), с. 165;
Арх. ВСНРПМ: № 16010;
Глазов, 1976, № 9673.

ГРИГОРОВО (ВЫСОКОВСКИЙ БОР 3). СТОЯНКА 7, мезолит (?).

4,3 км к ЮВ от д., около 4,2 км к В от д. Высоково, дюнообразное всхолмление в пойме левого берега р. Оки, южный берег небольшого старичного озера, урочище Высоковский Бор. Размеры около 40×20 м, высота над поймой 3,5–5,0 м. Поверхность памятника подвергается ветровой эрозии. Культурный слой в виде темно-серого гумусированного песка с включениями угля, золы, кальцинированных костей животных имеет толщину 0,12–0,15 м, залегает на глубине 0,6–0,8 м от современной поверхности, под слоем светлого песка без находок. Найдены кремневые отщепы и пластины, предположительно отнесенные к мезолиту.

АКР, 1995, № 341 (19), с. 165, 166;
Арх. ВСНРПМ: № 16010;
Глазов, 1976, № 9673.

ЕЛИН БОР (ЕЛИНО). СТОЯНКА, мезолит, неолит.

0,5 км к Ю от д., останец первой надпойменной террасы левого берега р. Оки. Площадь около 450 кв. м, высота над поймой 5–7 м. Территория памятника размывается, нарушена ветровой эрозией. Исследовано (П.И. Борисковский, 1934 г.; Л.В. Кольцов, 1959, 1961 гг.) 308 кв. м. В 1987 г. памятник обследован М.Г. Жилиным. По сведениям П.И. Борисковского стоянка однослойная. По данным Л.В. Кольцова памятник имеет три культурных слоя, разделенных стерильными прослойками.

Проверка сведений Л.В. Кольцова и М.Г. Жилина показала, что приводимые ими данные о раскопках и стратиграфии памятника фальсифицированы (Сорокин, 2001). Он однослойный, хотя и содержит небольшую позднюю примесь, относящуюся к неолиту – бронзе.

Коллекция в Музее антропологии МГУ, ГИМ, ВСМЗ.

АКР, 1995, № 345 (10), с. 166, 167;
Воеводский, Борисковский, 1937, с. 77–100;
Кольцов, 1965, с. 17–26; 1966, с. 178–184; 1976; 1989;
Грехова, 1970, с. 30, 31;
Грехова и др., 1970, с. 242;
Кольцов, Жилин, 1999;
Кольцов, 1959, № 2000; 1961, № 2325;
Жилин, 1987, № 12522.

МУРОМСКИЙ РАЙОН

ГЛЕБОВКА (М. МОЦКОЕ). СТОЯНКА, мезолит, неолит.

Около 2,5 км к СВ от д., около км к СЗ от д. Рамень, левобережье р. Оки, северо-восточный берег оз. М. Моцкое. Размеры около 150×20–30 м, высота над рекой 2,5–4,0 м. Северо-восточная часть памятника залесена, нарушена дорогой. Культурный слой разделяется на два горизонта: верхний (рыжий песок толщиной 0,1–0,25 м с включениями угольков и кальцинированных костей), в котором найдены обломки неолитических сосудов с ямочно-гребенчатой орнаментацией, и нижний (серый слабо гумусированный песок), где обнаружены кремневые ножевидные пластины и изделия из них, предположительно мезолитического возраста.

АКР, 1995, № 410 (18), с. 192;
Леонтьев, 1992, № 17535.

ЛЯГАЛИН БОР. МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ, мезолит.

Находилось в пределах г. Мурома, обследовано Б.С. Жуковым в 1928–1929 гг.

Жуков, 1929 // Архив ИИМК РАН: Ф. 2. Оп. 1. 1929, № 128.

ПЕНЗА. ПОСЕЛЕНИЕ Б. МОЦКОЕ, мезолит, неолит, эпоха бронзы.

4 км к В от д., левобережье р. Оки, северный берег оз. Б. Моцкое, мыс при соединении последнего с заболоченным древним заливом. Площадь около 900 кв. м, высота над оз. 2,5 м. Западная часть памятника прорезана асфальтовой дорогой, при строительстве которой значительная часть поселения разрушена. Поверхность оставшейся части памятника нарушена ямами. Культурный слой разделяется на три разновременных горизонта. Верхний горизонт – плотная гумусированная супесь коричневого цвета толщиной 0,15–0,25 м с большим количеством мелких угольков. Здесь найдены фрагменты лепных сосудов с сетчатыми отпечатками на внешней поверхности, предположительно позднего этапа развития поздняковской культуры или скорее культуры ранней сетчатой керамики эпохи бронзы, а также фрагменты неолитических сосудов с ямочно-гребенчатой орнаментацией, кремневые отщепы. Средний горизонт представляет собой светлую белесоватую супесь толщиной 0,10–0,14 м, в которой найдены ножевидные пластины и отщепы мезолитического облика. В нижнем горизонте (темно-серая, местами почти черная супесь толщиной до 0,4 м, более рыхлая, чем вышележащие слои) обнаружено большое количество ножевидных пластин, также предположительно мезолитического возраста. В материке выявлена большая яма глубине до 0,46 м.

АКР, 1995, № 436 (1), с. 201, 202;
Леонтьев, 1992, № 17535.

ПЕТУШИНСКИЙ РАЙОН

ДОМАШНЕВО. СТОЯНКА 2, мезолит (?).

0,25 км к ЮЮВ от д., левый берег р. Клязьмы, у подножья дюнообразного всхолмления. Размеры не определены, высота над поймой 1,2 м. В сером песке с включениями угля найдены кремневые резцы на углу сломанной пластины, отщепы и пластины, предположительно эпохи мезолита.

АКР, 1995, № 470 (11), с. 212;
Глазов, 1979, № 7835.

ДОМАШНЕВО. СТОЯНКА 3, мезолит (?).

ЮЗ от д., западная часть дюнообразного всхолмления в пойме левого берега р. Клязьмы. Площадь около 800 кв. м, высота над поймой 1 м. Культурный слой – серый песок толщиной 0,15 м. Найдены кремневые пластины и отщепы, предположительно мезолитического возраста.

АКР, 1995, № 471 (7), с. 212;
Глазов, 1979, № 7835.

НАПУТНОВО (ПЕТХАР). СТОЯНКА 1, мезолит (?).

3 км к Ю от южной окраины д., пойма левого берега р. Клязьмы, дюнообразное всхолмление на северном берегу оз. Питкер (Петхар). Размеры всхолмления около 200×27–30 м, высота над поймой до 2 м. Культурный слой – черный песок толщиной 0,12 м с включениями угля, золы, кальцинированных костей животных. Найдены кремневые пластины и отщепы мезолитического облика.

АКР, 1995, № 480 (35), с. 214;
Глазов, 1979, № 7835.

НАПУТНОВО (ПЕТХАР). СТОЯНКА 2 мезолит (?).

Около 3,5 км к Ю от д., пойма левого берега р. Клязьмы, дюнообразное всхолмление восточного берега оз. Питкер (Петхар). Площадь около 2000 кв. м, высота над поймой 2,0–2,5 м. Культурный слой – светло-серая супесь толщиной 0,12 м с включениями мелких угольков. Найдены кремневые отщепы и резец, предположительно мезолитического возраста.

АКР, 1995, № 481 (36), с. 214;
Глазов, 1979, № 7835.

НАПУТНОВО (ПЕТХАР 4). СТОЯНКА 3, мезолит (?).

Около 3,5 км к Ю от д., пойма левого берега р. Клязьмы, дюнообразное всхолмление восточного берега оз. Питкер (Петхар), 40–50 м к Ю от стоянки 2 (см. № 481). Площадь около I м, высота над поймой 1,5 м. Культурный слой – темная супесь с включением мелких угольков. Найдены кремневые нуклеус и отщепы, предположительно мезолитического возраста.

АКР, 1995, № 482 (37), с. 214;
Глазов, 1979, № 7835.

НАПУТНОВО (ПЕТХАР 5). СТОЯНКА 4, мезолит (?).

Около 3,6 км к Ю от д., пойма левого берега р. Клязьмы, дюнообразное всхолмление восточного берега оз. Питкер (Петхар), 100 м к ЮЗ от стоянки 3 (см. № 482). Размеры не определены, высота над озером 2 м. Территория поросла смешанным лесом. Культурный слой – гумусированный темно-серый песок толщиной до 0,2 м. Найдены кремневый резец на углу сломанной пластины, пластины с ретушью, предположительно мезолитического возраста.

АКР, 1995, № 483 (38), с. 214;
Глазов, 1979, № 7835.

НАПУТНОВО (ПЕТХАР 7). СТОЯНКА 5, мезолит (?).

Около 3,8 км к Ю от д., пойма левого берега р. Клязьмы, дюнообразное всхолмление восточного берега оз. Питкер (Петхар). Площадь около 4000 кв. м, высота над поймой 2 м. Культурный слой – черная супесь толщиной 0,15–0,22 м. Найдены кремневые пластины и отщепы мезолитического облика.

АКР, 1995, № 484 (39), с. 214, 215;
Глазов, 1979, № 7835.

ПОКРОВ. СТОЯНКА, мезолит (?).

0,8 км к Ю от ст., дюнообразное всхолмление в пойме левого берега р. Клязьмы. Занимает западную часть всхолмления, размеры не определены, высота над поймой 1,5 м. Территория памятника поросла сосновым лесом. Культурный слой – гумусированный светло-серый песок толщиной 0,2 м. Найдены фрагментированный нуклеус, кремневые пластины и отщепы, предположительно мезолитического возраста.

АКР, 1995, № 486 (12), с. 215;
Глазов, 1979, № 7835.

СЕЛИВАНОВСКИЙ РАЙОН

ДУБРОВО. СТОЯНКА 1, мезолит (?).

2,5 км к СВ от д., дюнообразное всхолмление в пойме левого берега р. Колпь (левый приток р. Ушны, левого притока р. Оки). Площадь около 2400 кв. м, высота над рекой 3–4 м. Культурный слой в виде светло-серой супеси толщиной 0,20–0,22 м залегает на глубине 0,20–0,25 м от современной поверхности. Найдены кремневые призматический нуклеус, пластины и отщепы мезолитического облика.

АКР, 1995, № 496 (16), с. 219;
Арх. ВСНРПМ: № 17244;
Глазов, 1979, № 7835.

СОБИНСКИЙ РАЙОН

ЕЛХОВИЦЫ (ЛИСЬИ БОРКИ). СТОЯНКА 2, мезолит (?).

Около 1,5 км к Ю от д., левобережье р. Клязьмы, дюнообразное всхолмление на западном берегу оз. Щучье, урочище Лисьи Борки. Размеры около 60×35 м, высота над оз. 3–4 м. Культурный слой – гумусированная темно-серая супесь толщиной 0,25–0,30 м с включениями угля, золы, кальцинированных костей животных. Найдены кремневые пластины и отщепы мезолитического облика.

АКР, 1995, № 513 (16), с. 223, 224;
Арх. ВСНРПМ: № 17575;
Глазов, 1979, № 7835.

ЖОХОВО (БОРОК 2). СТОЯНКА 1, мезолит.

0,2 км к Ю от д., дюнное всхолмление в пойме левого берега р. Клязьмы. Площадь около 800 кв. м, высота над поймой 6 м. Поверхность памятника подвергается ветровой эрозии. Культурный слой – темно-серая гумусированная супесь толщиной 0,15–0,17 м с примесями угля и мелких кальцинированных костей. Найдены кремневые резец, обломки других орудий, пластины и отщепы, предположительно эпохи мезолита.

АКР, 1995, № 517 (1), с. 224, 225;
Глазов, 1979, № 7835.

ЖОХОВО (БОРОК 3). СТОЯНКА 2, мезолит (?).

0,4 км к Ю от д., дюнообразное всхолмление в пойме левого берега р. Клязьмы. Площадь около 1500 кв. м, высота над поймой 6–7 м. Территория памятника поросла лесом. Культурный слой – темно-серая гумусированная супесь с угольками толщиной около 0,2 м. Найдены кремневые нуклеус, пластины и отщепы мезолитического облика.

АКР, 1995, № 518 (2), с. 225;
Глазов, 1979, № 7835.

ЖОХОВО (БОРОК 6). СТОЯНКА 3, мезолит (?), неолит (?).

0,3 км к ЮЮЗ от д., дюнообразное всхолмление в пойме левого берега р. Клязьмы. Площадь около 1200 кв. м, высота над поймой 2–3 м. Поверхность памятника нарушена лесопосадками. Культурный слой – темно-серая гумусированная супесь толщиной до 0,25 м. Найдены кремневые пластины и отщепы.

АКР, 1995, № 519 (3), с. 225;
Глазов, 1979, № 7835.

ЖОХОВО (БОРОК 7). СТОЯНКА 4, мезолит (?).

0,5 км к ЮЮЗ от д., дюнообразное всхолмление в пойме левого берега р. Клязьмы. Площадь около 400 кв. м, высота над поймой 3 м. Поверхность памятника частично залесена. Культурный слой – темно-серая гумусированная супесь толщиной 0,15 м. Найдены кремневые отщепы и пластины мезолитического облика.

АКР, 1995, № 520 (4), с. 225;
Глазов, 1979, № 7835.

ЖОХОВО (БОРОК 9). СТОЯНКА 5, мезолит (?).

0,45 км к ЮВ от д., дюнообразное всхолмление в пойме левого берега р. Клязьмы. Площадь около 600 кв. м, высота над поймой 1,5–2,0 м. Культурный слой – темно-серая гумусированная супесь толщиной 0,2 м. Найдены кремневые отщепы и пластины мезолитического облика.

АКР, 1995, № 521 (6), с. 225;
Глазов, 1979, № 7835.

ЖОХОВО. СТОЯНКА 9, мезолит, неолит (?).

0,9 км к ЮВ от д., наиболее удаленное от деревни дюнное всхолмление в пойме левого берега р. Клязьмы. Площадь памятника не определена, высота над поймой 6–7 м. Культурный слой мощностью до 1,38 м состоит из прослоек песка коричневого цвета с угольно-зольными включениями. Найдены кремневые скребки, вкладыши, пластины и отщепы позднемезолитического или неолитического времени.

АКР, 1995, № 525 (10), с. 226;
Сергин, 1970, № 4206.

ИСИХРА 1, МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ, мезолит.

К ЮЮВ от оз. Исихра, на песчаном останце в 80 м к СВ от места пересечения грунтовой дороги Асерхово – Овечкино с узкоколейкой. Открыто А.Н. Сорокиным в 1976 г. Собрано 40 кремневых изделий. Среди них 6 орудий, 4 обломка пластин и 29 отщепов и чешуек.

Сорокин, 1976, № 6166, л. 7.

ИСИХРА 2, МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ, мезолит.

В 280 м к ССВ от места пересечения грунтовой дороги Асерхово – Овечкино с узкоколейкой, на песчаном останце. Найдено всего 15 кремневых изделий, среди них 2 концевых скребка, два осколка и 22 отщепа.

Сорокин, 1976, № 6166, л. 7.

УГОР (ЕРШИ). СТОЯНКА 1, мезолит.

1,2 км к ЮЗ от д., дюнообразное всхолмление южн. берега левобережной старицы р. Клязьмы. Всхолмление округлой в плане формы, диаметр его около 20 м, высота над поймой 2,2 м. Значительная часть территории памятника разрушена ветровой эрозией. Культурный слой – темно-серый песок толщиной 0,15 м с включениями угля, залегающий на глубине 0,8–1,2 м от современной поверхности. Найдены карандашевидный нуклеус, резец на пластине, сечения пластин, пластины и отщепы мезолитического времени.

АКР, 1995, № 537 (23), с. 229;
Сергин, 1970, № 4206.

УГОР. СТОЯНКА 2 (ЕРШИ 2), мезолит.

1,2 км к ЮЗ от д., дюнообразные всхолмления южного берега левобережной старицы р. Клязьмы, 0,25 км к З от стоянки 1 (см. № 537). Занимает два всхолмления, находящихся на расстоянии около 20 м друг от друга. Всхолмления округлой в плане формы, диаметр их около 20 м, высота над поймой 1,0–1,2 м. Культурный слой – темно-серый песок толщиной до 0,35 м с включениями угольков. Найдены кремневые концевой скребок на пластине, пластины и отщепы, предположительно мезолитического возраста.

АКР, 1995, № 538 (24), с. 229;
Сергин, 1970, № 4206.

УГОР. СТОЯНКА 3 (ЕРШИ 3), мезолит.

1,2 км к ЮЗ от д., дюнообразное всхолмление южного берега левобережной старицы р. Клязьмы, 0,25 км к З от стоянки 2 (см. № 538). Всхолмление округлой в плане формы диаметром около 50 м, высота

над поймой 2 м. Центральная его часть подвергается ветровой эрозии. Характер культурного слоя не определен. Найдены кремневые наконечники стрел из ножевидных пластин с частичной подработкой ретушью пера и черешка, пластины и отщепы мезолитического облика.

АКР, 1995, № 539 (25), с. 229, 230;
Сергин, 1970, № 4206.

СУДОГОДСКИЙ РАЙОН

ЛАВРОВО (ОСАНОВСКИЙ МОСТ). СТОЯНКА 1, мезолит (?).

1 км к ССВ от д., мыс первой надпойменной террасы противоположного от д. правого берега р. Судогды (правый приток р. Клязьмы), урочище Осановский Мост. Площадь около 1 га, высота над поймой 2,5–3,0 м. Поверхность памятника залесена. Культурный слой – черный углистый песок толщиной 0,3–0,4 м. Найдены кремневые отщепы и ножевидные пластины мезолитического облика.

АКР, 1995, № 552 (13), с. 234;
Арх. ВСНРПМ: № 17270;
Глазов, 1973, № 5129.

ЛАВРОВО (ОСАНОВСКИЙ МОСТ). СТОЯНКА 2, мезолит (?).

В 0,7 км к ССВ от д., мыс первой надпойменной террасы противоположного от берега р. Судогды (правый приток р. Клязьмы), урочище Осановский Мост. Площадь около 1 га, высота над рекой 4–5 м. Территория памятника занята лесопосадками. Культурный слой – гумусированный песок толщиной 0,3 м с примесями угольков. Найдены кремневые отщепы и пластины мезолитического облика.

АКР, 1995, № 553 (14), с. 234;
Арх. ВСНРПМ: № 17270;
Глазов, 1973, № 5129.

РАЙКИ. СТОЯНКА 5, мезолит (?).

0,5 км к ЮВ от д., дюнообразное всхолмление противоположного от деревни правого берега р. Судогды (правый приток р. Клязьмы). Площадь около 800 кв. м, высота над поймой 1,0–1,2 м. Культурный слой – гумусированный темно-серый песок толщиной 0,2–0,5 м. Найдены кремневые отщепы и ножевидные пластины мезолитического облика.

АКР, 1995, № 562 (21), с. 236;
Арх. ВСНРПМ: № 17270.

РАЙКИ. СТОЯНКА 6, мезолит(?).

0,7 км к ЮВ от д., занимает дюнообразное всхолмление на противоположном от деревни правом берегу р. Судогды (правый приток р. Клязьмы). Площадь около 1700 кв. м, высота над поймой до 2,5 м. Культурный слой – серый слабо гумусированный песок толщиной 0,2–0,3 м. Найдены нуклевидные орудия, кремневые отщепы, чешуйки, ножевидные пластины мезолитического облика.

АКР, 1995, № 563 (22), с. 236, 237;
Арх. ВСНРПМ, № 17270.

ИВАНОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Ивановская область разделена на 22 района. Из них к бассейну р. Оки принадлежат 14: Ивановский, Верхнеландеховский, Гаврило-Посадский, Ильинский, Комсомольский (частично), Лежневский, Лухский, Палехский, Родниковский, Тейковский, Шуйский, Южский, Савинский, Пестяковский. Памятники эпохи мезолита открыты всего в четырех: Комсомольском, Лухском, Тейковском и Южском районах.

ЛУХСКИЙ РАЙОН

ГОРКИ. СТОЯНКА, мезолит.

0,2 км к СЗ от д., мысовидный выступ первой правобережной террасы р. Добрицы (левый приток р. Лух), при ее устье. Обследовалась в 1985 г. П.Н. Травкиным. Площадь 40×30 м, высота над уровнем поймы 4 м. По северо-восточному краю возвышения проходит дорога в пос. Лух. Центральная часть стоянки нарушена песчаным карьером размерами 50×15 м. Стратиграфия: 1) дерн – толщина 0,3 м; 2) светло-серый песок – толщина 0,09 м; 3) темно-серый песок – толщина 0,14 м; 4) материк – серый песок. В слое 3 найдены кремневые пластины и их обломки, нож на пластине, отщепы мезолитического облика.

АКР, 1994, № 183 (4), с. 123;
Травкин, 1985, № 11057, с. 2.

КОМСОМОЛЬСКИЙ РАЙОН

ОКУЛОВО. СТОЯНКА, мезолит, неолит.

1,1 км к ВСВ от д., мыс (искусственный?) в западной части быв. площадки 13 торфоразработок, 100 м к В от магистрального канала № 3. Открыта в 1992 г. М.Г. Жилиным. Площадь памятника около 150 кв. м. Стратиграфия: 1) 0–0,1 м – дерн; 2) 0,10–0,16 м – коричневый торф; 3) 0,16–2,0 м – черный торф, опесчаненный в нижней части, где найдены кости рыб, пластины и отщепы. Коллекция в Плесском историко-художественном музее.

АКР, 1994, № 158(1), с. 115;
Жилин, 1992, № 17287.

СТАНОВОЕ 1, 3 и 4, мезолит, эпоха бронзы.

Располагаются на мысах при выходе р. Лахости из Подозерского торфяника, относятся к бассейну р. Волги, поэтому данные не приводятся.

ТЕЙКОВСКИЙ РАЙОН

САХТЫШ 2А. ПОСЕЛЕНИЕ и МОГИЛЬНИК, мезолит, неолит, эпоха бронзы, р. ж. в.

2 км к ЮВ от с., 0,4 км к З от 4-го пос. Ново-Леушинского торфопредприятия, левый берег старого сухого русла р. Койки (левый приток р. Нерли). Исследовано в 1986–1992 гг. Д.А. Крайновым и Е.Л. Костылевой на площади 690 кв. м. Дополнительно раскапывалась в 1999 г. М.Г. Жилиным.

Площадь памятника около 1500 кв. м. От поселения 2 (см. № 260) отделена ложем сухой протоки шириной до 25 м. Культурный слой мощностью 0,40–0,55 м состоит из черной супеси (0,15–0,30 м – верхний горизонт) и серой суглинистой супеси (0,10–0,20 м). В нем содержатся значительно перемешанные отложения разных культурно-хронологических периодов: верхневолжского, льяловского, волосовского, эпохи бронзы и р. ж. в. Керамика верхневолжской культуры, кремневые орудия, изготовленные в пластинчатой технике, и ножевидные пластины в основной массе залегают в предматериковой тонкой темно-коричневой супеси. Наибольшая концентрация ямочно-гребенчатой керамики различных этапов развития льяловской культуры отмечена в нижнем горизонте плотной серой супеси. С ней связан типичный набор орудий: сверленые мотыги ромбической формы, большинство шлифованных рубящих орудий из камня, разные острия, биконические наконечники стрел и орнаментированные поделки из кости. В этом же слое зафиксировано большое количество столбовых ям от жилищных и хозяйственных построек. На контакт черной и серой супеси приходится пик материалов волосовской культуры. Они представлены толстостенной орнаментированной керамикой с растительной примесью, включая развалы сосудов с округлым и плоским днищем, кремневые и каменные орудия (наконечники стрел и дротиков с двусторонней струйчатой ретушью, сверла с резцовым сколом, скребки-ложкари, шлифованные узкие желобчатые долота), кремневые фигурки (парящая птица, рыба, схематическая скульптурка человека). В слое черной супеси находится большая часть керамики эпохи бронзы. Основная масса ее относится к обломкам фатьяновских сосудов развитого и позднего типов. Здесь же были типично фатьяновские наконечники стрел с черешком, заготовка и обломки сверленых топоров, плитка-брусок из песчаника. Почти вся немногочисленная гладкостенная и текстильная керамика от плоскодонных сосудов р. ж. в. залегала в верхнем поддерновом ярусе черной супеси. В центре и западной части поселения находился могильник грунтового типа. Хронологически он делится на два могильника, льяловский и волосовский, соответствующие двум периодам жизни на поселении. В льяловском могильнике исследовано 15 трупоположений. К волосовскому могильнику относятся 50 захоронений. В расположении захоронений просматривается рядовая структура могильника.

М.Г. Жилиным в 1999 г. на торфяниковой части многослойного поселения проведено бурение и заложен рекогносцировочный раскоп площадью 16 кв. м, в котором прослежены культурные слои неолита общей мощностью до 2 м, подстилаемые мезолитическим культурным слоем. Получены данные для палеоэкологических реконструкций и анализа системы расселения на Сахтышском торфянике в мезолите и неолите. Коллекция в ИГОИКМ.

АКР, 1994, № 261 (12а, 126), с. 163, 164;

Жилин, 2000.

САХТЫШ. СТОЯНКА 9, мезолит.

2,5 км к СВ от с., 1,5 км к З от 4-го пос. Ново-Леушинского торфопредприятия. Открыта в 1972 г. Д.А. Крайновым и раскапывалась им в 1988 и 1989 гг., раскопано 124 кв. м. Культурные отложения находятся на частично размытом останце морены и береговом валу древнего оз. Сахтыш. На участке берегового вала они залегают в контактной зоне слоев пятнистого песка или серой супеси с галькой и валунами с вышележащим слоем бурого торфа, на останце морены – в контактной зоне погребенной почвы из серой супеси с торфом. Инвентарь составляют изделия из кремня и кости: скребки, резцы, вкладыши из сечений пластин, обломок наконечника стрелы, микропластины, топоровидное орудие, обломок шлифованного рубящего орудия, игловидный наконечник стрелы и их заготовки, проколка, обломок долота, роговой посредник, подвесок из зубов лося. Кремневый инвентарь характеризуется общей микролитоидностью и большим количеством мелких отщепов и чешуек. Охотничья добыча представлена костями лося бобра, медведя, благородного оленя. Палинологический анализ датирует стоянку периодом раннего бореала. По радиоуглероду время затопления стоянки и размыва берегового вала в результате трансгрессии озера датируется 9570±50 л. н. Коллекция в ИГОИКМ.

В 1995 г. Жилиным М.Г. и Кравцовым А.Е. заложен рекогносцировочный раскоп для уточнения стратиграфии памятника и определения горизонта заселения. Выяснено, что горизонт связан с самым верхом погребенной почвы, а в шлейфе находки залегают в виде очень тонкой полосы в верхней части торфа с суглинком. Взяты образцы для палинологического анализа. Образцы дерева, датированные ранее радиоуглеродным методом, были, вероятно, вымыты из материка и к культурному слою среднего мезолита отношения не имеют. Подобная древесина была встречена в рекогносцировочном раскопе в торфяных линзах в материке, отделенных от культурного слоя суглинками без находок.

АКР, 1994, № 268 (14), с. 168;

Крайнов и др., 1990, с. 23–31;

Жилин, Кравцов, 1997;

Крайнов, 1988, № 14379, л. 47–52; 1989, № 13981, л. 65–67.

САХТЫШ. СТОЯНКА 13, мезолит.

Открыта М.Г. Жилиным в 1999 г., интерпретирована как кратковременная мезолитическая стоянка.

Жилин, 2000.

САХТЫШ. СТОЯНКА 14, мезолит, неолит.

Располагается в 1,3 км к В от с. Сахтыш, у подножия пологого склона южного берега осушенного оз. Сахтыш, на левом берегу дренированного магистрального канала, впадающего в р. Койку (левый приток р. Нерли Клязьминской левого притока Оки). Памятник приурочен к погребенному мысу коренного берега Сахтышского торфяника близ древнего истока р. Койки из палеоозера, нарушен дренажной канавой. Памятник открыт М.Г. Жилиным в 1999 г. В 1999–2001 гг. раскопано 107 кв. м, выделено шесть культурных слоев, два верхних приурочены к двум погребенным торфяным почвам.

Верхний слой (Ia) относится к эпохе позднего неолита. Обнаружен развал сосуда очень плохой сохранности и несколько кремневых отщепов и костей животных. Нижние пять слоев мезолитические и относятся к бутовской культуре. Слой Iб залегает в верхней погребенной почве. Из него происходит обломок костяного наконечника с пазом.

Культурный слой II отделяется от верхнего стерильной прослойкой торфа, он залегает также в погребенной почве. В нем встречены каменные и костяные изделия: пластинки и нуклеусы, резцы, скребки, ножи, наконечники стрел, рубящие и другие орудия из камня и кости. Изделия из кости и рога включают: наконечник стрелы с пазом для вкладышей, широкий нож, струг из ребра, резцы-скобели из нижних челюстей бобра, обломки ножей, подвески из зубов животных и ажурную сверленую подвеску. Кроме того, собраны кости животных, птиц и рыб. С этим слоем связаны 4 хозяйственные ямы.

Культурный слой IIIа залегает в коричневом торфе и верхней части светлого сапропеля. Каменные изделия представлены нуклеусами, скребками, резцами, рубящими орудиями, заготовками, обломками и отходами производства. Костяной инвентарь включает наконечники стрел, проколки, ножи, рубящие орудия, обломки прямых кинжалов, в т. ч. с пазами для вкладышей, широкий нож из лопатки лося, обломок скребка, роговое тесло, желобчатое долото, подвески из зубов животных и плоскую прямоугольную подвеску. Интерес представляет находка роговой муфты для топора.

Культурный слой IIIб залегает в слое темно-коричневого торфа под сапропелем. Кремневый инвентарь включает обычные типы изделий: пластины, снятые с одно- и двуплощадочных нуклеусов, резцы, скребки, ретушер, нож на пластине и другие каменные орудия. Интересна галька с гравированным орнаментом: на одной стороне елочка, на другой – пучок расходящихся линий. Среди орудий из кости узкий плоский наконечник стрелы с пазом, в котором сохранилась микропластинка, обломки игловидных наконечников, широкие ножи, острия, шилья, резцы-скобели из нижних челюстей бобра, «лопаточки», подвеска из клыка медведя, рубящие и другие орудия. Этот слой содержал довольно много дерева, в т. ч. залегавшие горизонтально затесанные колы, обломки древков, одно заостренное.

Нижний слой IV залегает в оторфованном песке непосредственно под слоем IIIб, он дал серию пластин из высококачественного верхневолжского кремня, нуклеусы, скребки, резец, пластины с ретушью. Костяные орудия представлены игловидными наконечниками стрел, обломками рыболовного крючка, широкого ножа и ножа из осколка трубчатой кости, вставкой клевца, желобчатым долотом, резцами-скобелями из нижних челюстей бобра и заготовками орудий. В процессе работ отобраны образцы для радиоуглеродного и палинологического анализов. О культурной принадлежности всех слоев судить преждевременно, однако слои II, IIIа и IV обнаруживают, по мнению М.Г. Жилина, ряд признаков, характерных для бутовской культуры.

Жилин, 2000; 2001;

Жилин, Аверин, 2002.

ЮЖСКИЙ РАЙОН

АЛЕКСЕЕВСКАЯ (ХОЛУЙ). СТОЯНКА 1, мезолит, неолит.

3,5 км к ЮВ от пос. Холуй, первая терраса правого берега р. Тезы (левый приток р. Клязьмы), примыкающая к западному берегу оз. Алексеевское. Открыта в 1961 г. М.П. Шахматовой, обследовалась в 1964 г., Л.В. Кольцовым, раскапывалась в 1969, 1970, 1973 и 1974 гг. Е.М. Молодцовой. Культурный слой мощностью 0,4–0,8 м состоит из темно-серого, серого и темно-желтого песка. Исследована часть жилища овальной в плане формы, размерами 2,4×1,4 м, с очагом в центре и ямой от столба, а также отдельные очаги, кострища, зольники, хозяйственные ямы. В жилище рядом с очагом было множество пластин, осколков, обломков и заготовок кремневых орудий. Керамика с тычковым и накольчатым орнаментом относится к верхневолжской культуре. Вместе с ней находились кремневые скребки, скобели, ножи, наконечники стрел, резцы, вкладыши мезолитического облика, изготовленные в основном на пластинах, и обломки рубящих орудий. Коллекция в ИГОИКМ.

АКР, 1994, № 332 (18), с. 188;

Шахматова, 1961, № 2620, л. 5, 6;

Крайнов, 1964, № 2918, л. 225–228; 1973, № 5033, л. 138–140;

Молодцова, 1969, № 4007, л. 4, 5; 1970, № 4554, л. 12–15; 1974, № 5814, л. 268, 269.

АЛЕКСЕЕВСКАЯ (ХОЛУЙ). СТОЯНКА 2, мезолит, неолит.

2,3 км к ЮЗ от пос. Холуй, первая терраса правого берега р. Тезы (левый приток р. Клязьмы). Откры-

та Е.М. Молодцовой в 1969 г. и раскапывалась ею же в 1974 г.

Культурный слой в виде темно-серого и темно-желтого песка толщиной 0,2–0,4 м прослежен по краю террасы на протяжении 60 м. В нем найдены ножевидные пластины и орудия, изготовленные на пластинах: резцы, скребки, скобели, ножи, наконечник стрелы. Коллекция в ИГОИКМ.

АКР, 1994, № 333 (19), с. 189;

Молодцова, 1969, № 4007, л. 4, 5; 1974, № 5814, л. 269.

АЛЕКСЕЕВСКАЯ (ХОЛУЙ). СТОЯНКА 4, мезолит, неолит.

3,2 км к ЮВ от пос. Холуй, первая терраса правого берега р. Тезы (левый приток р. Клязьмы), в 0,15 км к В от оз. Сорокино. Открыта Е.М. Молодцовой в 1969 г. и раскапывалась ею же в 1974 г. Культурный слой в виде темно-желтого и темно-серого песка толщиной до 0,25 м содержит лепную неорнаментированную керамику, вероятно, верхневолжской культуры, кремневые скребки, резцы, вкладыши, ножевидные пластины и осколки. Коллекция в ИГОИКМ.

АКР, 1994, № 335 (21), с. 189;

Молодцова, 1969, № 4007, л. 4, 5; 1974, № 5814, л. 270.

ЛАМНА МАЛАЯ. СТОЯНКА 3, мезолит.

0,25 км к ЮВ от д., мыс юго-восточного берега оз. Ламненское при устье р. Вокши площадью 2000 кв. м. Открыта в 1981 г. Е.Л. Костылевой. Д.А. Крайновым и А.В. Уткиным в 1983 г. раскопано 128 кв. м.

Культурный слой в виде темно-серого песка толщиной 0,3 м содержит кремневые орудия мезолитического облика и отходы их производства: наконечники стрел на пластинах, низкие трапеции, вкладыши, пластины с затупленным основанием, скребки и резцы на отщепах и пластинах, отщепы и осколки. Коллекция в ИГОИКМ.

АКР, 1994, № 306 (38), с. 181, 182;

Костылева, 1982, с. 62, 63;

Уткин, 1990, с. 158–168.

Крайнов, 1983, № 9784, л. 92–105.

МОРДОВСКОЕ (ЗАВЬЯЛКА). ПОСЕЛЕНИЕ 1, мезолит (?), неолит, р. ж. в., 11–13 вв.

0,9 км к СВ от церкви, правобережная пойма р. Тезы (левый приток р. Клязьмы), мыс останца древней террасы, именуемый «Гора Завьялка». Открыта в 1926 г. Б.Н. Граковым, дополнительно обследована Л.В. Кольцовым в 1964 г. и в 1989 г. К.И. Комаровым. Е.М. Молодцовой в 1969–1973 гг. раскопано 500 кв. м. Поселение в плане имеет форму овала размерами 50×30 м, возвышается над уровнем поймы на 5 м. Культурный слой толщиной 0,5–0,8 м в среднем, местами достигает 1,5 м, состоит из темно-серого, серого и серо-коричневого песка. Основную массу находок составляет керамика, относящаяся к разным археологическим культурам. В нижних горизонтах слоя преобладают обломки круглодонных сосудов верхневолжской культуры. Им сопутствуют кремневые орудия мезолитического облика, изготовленные преимущественно на пластинах. Во всех горизонтах слоя встречаются ямочно-гребенчатая керамика и кремневые орудия, сделанные на отщепах с двусторонней обработкой. В верхних горизонтах слоя содержится небольшое количество текстильной керамики эпохи раннего железного века и славянской гончарной керамики с линейным и волнистым орнаментом, домонгольского времени. Наряду с остатками каких-то деревянных построек, очагов из камней и кострищ, частично исследованы остатки двух неолитических жилищ овальной формы со слегка заглубленным полом. В них обнаружены очаги, скопления золы, развалы сосудов, полировальные плиты, каменные орудия. Жилища, видимо, относятся к льяловской культуре. Рядом с одним из них открыто безынвентарное трупоположение в яме, вырытой в культурном слое. Ориентировка на ЮЗ. Коллекция в ИГОИКМ.

АКР, 1994, № 310 (22), с. 183;

Граков, 1927;

Кольцов, 1970;

Молодцова, 1970, с. 39; 1971, с. 44; 1972, с. 58; 1973, с. 78; 1974, с. 66, 67;

Крайнов и др., 1973, с. 80–84;

Молодцова, 1969, № 4007, л. 4, 5; 1970, № 4554, л. 15–18; 1971, № 4590, л. 10–13; 1972, № 4922, л. 11–15; 1973–1974, № 5812–5815, л. 275;

Крайнов, 1973, № 5033, л. 141–147;

Комаров, 1989, № 14122, л. 8, 9.

МОРДОВСКОЕ. СТОЯНКА 4, мезолит, неолит.

0,9 км к СВ от с., останец в пойме правого берега р. Тезы (левый приток р. Клязьмы), 100 м к Ю от поселения 1 (см. № 310) Открыта в 1926 г. Б.Н. Граковым, обследовалась в 1961 г. М.П. Шахматовой, в 1964 г. – Л.В. Кольцовым, в 1989 г. – К.И. Комаровым. Раскапывались в 1969–1973 гг. Е.М. Молодцовой, вскрыто 216 кв. м.

Площадь 25×20 м, высота над уровнем поймы 4 м. Культурный слой в виде темно-серого, серого и коричневого песка толщиной 0,3–0,4 м содержит кремневые орудия: скребки, микроскребки, скобели, резцы, ножи, проколки, сверла, наконечники стрел на ножевидных пластинах, топоровидные орудия. Обнаружено полуземляночное жилище округлой в плане формы с очагом в центре, размерами 6×5,8 м, углубленное в материк на 0,5–0,6 м. Открыты отдельные кострища, очаги из камней, хозяйственные ямы, следы деревянных сооружений. Коллекция в ИГОИКМ.

АКР, 1994, № 311 (23), с. 183, 184;

Граков, 1927, с. 39;

Молодцова, 1970; 1973, с. 77;

Крайнов, 1961, № 2335; 1964, № 2918, л. 225–228; 1969, № 4007, л. 4; 1970, № 4554, л. 11, 12; 1971, № 4590, л. 7, 8; 1972, № 4922, л. 8–11; 1973, № 5033, л. 133–135; 1974, № 5812–5815, л. 277;

Шахматова, 1961, № 2620, л. 5, 6;
Комаров, 1989, № 14122, л. 8, 9;
Арх. ИИМК: Ф. 2. Оп. 1. 1926, № 204.

МОРДОВСКОЕ. СТОЯНКА 6, мезолит, неолит.

0,8 км к ССВ от с., останец в пойме правого берега р. Тезы (левый приток р. Клязьмы). Открыта в 1926 г. Б.Н. Граковым, обследовалась в 1961 г. М.П. Шахматовой, в 1964 г. – Л.В. Кольцовым, в 1989 г. – К.И. Комаровым. В 1969–1973 гг. Е.М. Молодцовой раскопано 348 кв. м. Площадь 60×25 м, высота над поймой 5 м. Культурный слой – темно-серый, серый и коричневый песок мощностью 0,4–1,0 м. Наряду с отдельными кострищами, очагами и хозяйственными ямами, обнаружены остатки трех жилищ. В одном из них (полуземляночного типа, округлой формы, размерами 6,0×5,8 м) было два очага и три отопительных зольника. Второе – подчетырехугольное, углублено в материк на 0,4 м. У восточной его стенки – выкладка из крупных камней. В центре третьего жилища неправильной формы, размерами 12,8×6,0 м, находился очаг из крупных камней. В культурном слое и жилищах найдены отщепы и осколки кремня, различные нуклеусы и орудия. Среди них отбойники, скобели, скребки, резцы угловые, боковые и срединные, комбинированные орудия, изготовленные из пластин, а также наконечники стрел, массивные скребла, топоровидные и другие орудия из крупных отщепов, песчаниковая плитка с метрическим узором. Коллекция ИГОИКМ.

АКР, 1994, № 312 (24), с. 184;
Граков, 1927;
Молодцова, 1970, с. 39; 1973, с. 77;
Крайнов, 1961, № 2336, л. 5, 6; 1964, № 2918, л. 225–228; 1973, № 5033, л. 136, 137;
Шахматова, 1961, № 2620;
Молодцова, 1969, № 4007, л. 4, 5; 1970, № 4554, л. 9–11; 1971, № 4590, л. 8–10; 1972, № 4922, л. 15–19;
Комаров, 1989, № 14122, л. 8, 9.
Арх. ИИМК; Ф. 2. Оп. 1. 1926, № 204.

МОРДОВСКОЕ. СТОЯНКА 7, мезолит, неолит.

0,7 к ССВ от с., останец в пойме правого берега р. Тезы (левый приток р. Клязьмы), 50 м к З от стоянки 6 (см. № 312). Открыта в 1969 г. Е.М. Молодцовой. Ею же в 1971 и 1974 гг. раскопано 16 кв. м, дополнительно обследована в 1989 г. К.И. Комаровым. Площадь 25×20 м, высота относительно поймы 2–3 м. Культурный слой в виде темно-серого и светло-серого песка толщиной 0,3 м содержит кремневые изделия: скребки, резцы, пластины, отщепы, нуклеусы. Коллекция в ИГОИКМ.

АКР, 1994, № 313 (25), с. 184;
Молодцова, 1970, с. 3;
Молодцова, 1969, № 4007, л. 4, 5; 1971, № 4590, л. 6, 7;
Крайнов, 1973, № 5814, л. 278, 279;
Комаров, 1989, № 14122, л. 8, 9.

МУГРЕЕВСКИЙ (СВЯТОЕ). СТОЯНКА 1, мезолит (?), неолит.

Близ пос., в 0,7–0,9 км к Ю от оз. Святое (местное название – «Центральное»). Обследовалась в 1974 г. Е.М. Молодцовой. Культурный слой в виде темно-серого и желтого песка толщиной 0,25–0,30 м, содержит лепную гладкостенную керамику с примесью крупнозернистой дресвы в тесте, кремневые орудия (скребки, скобели, проколки, ножи на отщепах, топор, долото, наконечник дротика, вкладыши), ножевидные пластины и отщепы. Коллекция в ИГОИКМ.

АКР, 1994, № 319 (40), с. 186;
Молодцова, 1973–1974, № 5814, л. 304, 305.

МУГРЕЕВСКИЙ (СВЯТОЕ). СТОЯНКА 2, мезолит, неолит.

Близ пос. Мугреевский, 0,3–0,4 км от стоянки Святое 1 (см. № 319). Открыто в 1974 г. Е.М. Молодцовой. Культурный слой толщине 0,25–0,40 м состоит из темно-серого, серого и желтого песка. На поверхности и в обнажениях найдены нуклеусы, пластины и отщепы кремня, кремневые концевые скребки, вкладыши, резцы, скобели, наконечник стрелы и другие орудия, изготовленные преимущественно на ножевидных пластинах. Коллекция ИГОИКМ.

АКР, 1994, № 320 (41), с. 186;
Молодцова, 1974, № 5814, л. 305, 306.

ТАРАНТАЕВО. СТОЯНКА 1, мезолит, неолит.

0,3 км к ЮВ от д., всхолмление в заболоченной низине, на высоте до 2,5 м от ее уровня, в 30 м к С от узкоколейки. Обследовалась в 1971 и 1974 гг. Е.М. Молодцовой. Культурный слой в виде темно-серого и желтого песка толщиной 0,2–0,3 м содержит кремневые скребки, скобели, резцы, ножевидные пластины, отщепы и осколки. Коллекция в ИГОИКМ.

АКР, 1994, № 329 (31), с. 188;
Молодцова, 1972, с. 57;
Молодцова, 1971, № 4590, л. 3; 1974, № 5814, л. 282, 283.

ХОЛУЙ. СТОЯНКА 1, мезолит (?), неолит.

0,3–0,4 км к З от пос. Холуй, левый берег р. Тезы (левый приток р. Клязьмы), у шлюза № 4. Обследовалась в 1926 г. Б.Н. Граковым, в 1974 г. – Е.М. Молодцовой. Культурный слой в виде темно-коричневого песка толщиной 0,3–0,4 м содержит ямочно-гребенчатую керамику, кремневые орудия (скребок, тесло, нож, проколка) и отщепы. Коллекция в ИГОИКМ.

АКР, 1994, № 331 (17), с. 188;
Граков, 1927, с. 39;
Арх. ИИМК: Ф. 2. Оп. 1. 1926, № 204;
Молодцова, 1974, № 5814, л. 284, 285.

ХОЛУЙ. СТОЯНКА БОРОК 1, мезолит (?), неолит.

Территория пос. Холуй, 0,6–0,7 км к ЮЗ от Борковского детского дома, дюна в пойме левого берега р. Тезы

(левый приток р. Клязьмы), урочище Борковская пустынь. Обследовалась в 1970 и 1974 гг. Е.М. Молодцовой. Дюна имеет длину 70 м и высоту над уровнем реки около 3 м. Культурный слой в виде темно-серого, светло-серого и желтого песка толщиной 0,2–0,3 м содержит кремневые орудия, преимущественно изготовленные на пластинах (скребки, ножи, вкладыши), ножевидные пластины, отщепы и осколки. Коллекция в ИГОИКМ.

АКР, 1994, № 336 (13), с. 189;

Молодцова, 1971, с. 44;

Молодцова, 1974, № 5814, л. 270.

КАЛУЖСКАЯ ОБЛАСТЬ

Из 24 районов Калужской области к бассейну Оки не относятся всего три – Спас-Деменский, Бетлицкий и Кировский. Территория Людиновского и Жиздринского р-нов относится к Деснинскому и к Окскому бассейнам. Ниже будут приведены сведения по памятникам, относящимся к теме исследования. Они расположены в Боровском, Думиничском, Дзержинском, Износковском, Козельском, Малоярославецком, Медынском, Мещовском, Перемышльском, Тарусском, Ферзиковском, Хвастовичском и Юхновском районах, а также на территории Калуги и в ее пригородной зоне.

БОРОВСКИЙ РАЙОН

БОРОВСК (ЗЕЛЕНЫЙ БОР). СТОЯНКА, мезолит (?), неолит (?).

1,5 км к СЗ от северной окраины г., 0,4 км к ЮЗ от детского лагеря «Зеленый Бор», у моста, левый берег р. Оборенки (левый приток р. Протвы, левый приток р. Оки, левый приток р. Волги). Обследовал О.Л. Прошкин в 1986 г. Площадь около 140 кв. м, высота над рекой 2,0–2,5 м. Прибрежный край размывается. Найдены кремневые отщепы, сколы, обломки пластин с ретушью, скобель.

Прошкин, 1990, с. 20;

Прошкин, 1986, № 11558, л. 2.

МАЛАМАХОВО. СТОЯНКА 1, мезолит.

0,15 км к ЮВ от д., склон левого берега р. Исьмы (левый приток р. Протвы). Исследовали А.С. Фролов в 1988 г., О.Л. Прошкин в 1991 и 1995 гг. Размеры площадки сбора подъемного материала около 50×35 м. Высота над рекой 11–19 м. Большая часть разрушена карьером. Подъемный материал: кремневые отщепы, сколы, обломок орудия мезолитического облика.

Прошкин, 1992, с. 8; 1996;

Прошкин, 1991, № 16331–16332, л. 9–10; 1995, № 19356, л. 5–6.

МАЛАМАХОВО. СТОЯНКА 2, мезолит.

0,5 км к ЮВ от д., правый берег р. Исьмы (левый приток р. Протвы), Ю часть селища 2. Исследовал О.Л. Прошкин в 1991 и в 1995 гг. Площадь сбора подъемного материала составляет около 140×30 м. Высота над рекой 3–8 м. Памятник полностью распахан. Подъемный материал: кремневые орудия (острие на ножевидной пластине, скобель на отщепе, заготовка рубящего орудия и т.д.), отщепы.

Прошкин, 1992, с. 8, 9; 1996;

Прошкин, 1991, № 16331–16332, л. 10; 1995, № 19356, л. 8.

МАЛАМАХОВО. СТОЯНКА 3, мезолит.

0,35 км к ЮВ от д., левый берег р. Исьмы (левый приток р. Протвы). Исследовал О.Л. Прошкин в 1991, 1992 и 1995 гг. Размеры площадки сбора подъемного материала около 70×10–15 м. Высота над рекой 0,5–1,5 м. Размывается рекой. Найдены кремневые орудия (скобель, асимметричная проколка на отщепе), отщепы с ретушью и заготовки рубящих орудий мезолитического облика.

Прошкин, 1992, с. 8–9; 1996;

Прошкин, 1991, № 16331–16332, л. 11; 1992, № 17028, л. 7–8; 1995, № 19356, л. 9.

РЯБУШКИ. СТОЯНКА, мезолит.

Территория с., 30 м к ЗЮЗ от ц. Дм. Солунского, СЗ оконечность мыса между левым берегом р. Протвы и оврагом, на склоне. Исследовали А.С. Фролов в 1985 г., О.Л. Прошкин в 1991 г. Размеры площадки сбора подъемного материала около 70×40 м. Высота над рекой 29–36 м. Разрушается оползнями берега к реке. В числе подъемного материала: кремневые отщепы, в том числе с ретушью, ножевидные пластины.

Прошкин, 1990, с. 23;

Фролов, 1985, № 10761;

Прошкин, 1991, № 16331–16332, л. 8–9.

КОНДРОВСКИЙ (ДЗЕРЖИНСКИЙ) РАЙОН

ЯКШУНОВО. СТОЯНКА, мезолит.

(Болдин и др., 1999).

ДУМИНИЧСКИЙ РАЙОН

ПОЛЯКИ. СТОЯНКА 1, мезолит.

50 м к ЮВ от Ю окраины д., мыс первой надпойменной террасы правого берега р. Брынь (левый приток р. Жиздры). Исследовал А.С. Фролов в 1986–1987 гг. Размеры около 95×50 м. Высота над рекой 6–9 м. Подъемный материал: кремневые резцы, концевой скребок, вкладыши, острие, ножевидные пластины, отщепы.

АКР, 1992, № 136 (4), с. 44;

Фролов, 1986, № 11820, л. 13–14.

ПОЛЯКИ. СТОЯНКА 2, мезолит.

0,15 км к ЮВ от Ю окраины д., мыс первой надпойменной террасы правого берега р. Брынь (левый приток

р. Жиздры). Открыта и исследована А.С. Фроловым в 1986 и 1987 г. Размеры около 250×15–20 м. Высота над рекой 3–5 м. Культурный слой слабо выражен. Найдены кремневые ножевидные пластины, отщепы.

АКР, 1992, № 137 (5), с. 44;

Фролов, 1986, № 11820.

ЧЕРНЫШЕНО. СТОЯНКА, мезолит (?), неолит.

0,2 км к Ю от с., первая надпойменная терраса левого берега р. Жиздры. Обследовал А.С. Фролов в 1987 г. Размеры около 25×220 м, высота над рекой 3–6 м. Прибрежный край разрушается. Культурный слой мощностью до 0,2 м содержит фрагменты лепной ямочно-гребенчатой керамики, кремневые наконечники стрел, скребки, ножевидные пластины, отщепы.

Паспорт.

ИЗНОСКОВСКИЙ РАЙОН

ВЯЗИЩИ. СТОЯНКА, мезолит.

Мыс первой надпойменной террасы левого берега р. Изверь (левый приток р. Угры), 0,4 км к С от д. Открыта в 1986 г. А.С. Фроловым. Размеры около 50×35 м, превышение над уровнем воды в реке 4,5–6,0 м. Распахивается. Найдены кремневые концевой скребок, резец, ножевидные пластины, отщепы.

АКР, 1992, № 197 (3), с. 56;

Фролов, Прошкин, 1989, с. 50.

ШАТРИЩИ. СТОЯНКА.

По данным краеведа В.В. Егорова, стоянка располагается на ЮВ окраине деревни, на мысовидном выступе правого берега р. Ращёны. Дополнительно обследована Б.В. Грудинкиным в 2000 г., на картофельном поле им собраны обломки нуклеусов, два концевых скребка на укороченных пластинах, отщепы и обломки орудий. Все находки имеют следы бело-голубой патины, характерной для палеолитических орудий. К З от деревни, в карьере, собраны несколько зубчато-выемчатых орудий и два орудия, похожие на мустьерские остроконечники. Культурного слоя в срезе карьера не обнаружено. К ЮЗ от карьера на поле собраны нуклеусы, обломок скребка, скобели, различные отщепы и сколы.

Грудинкин, 2001.

КАЛУГА И ПРИГОРОДНАЯ ЗОНА

АННЕНКИ. СТОЯНКА 1, мезолит.

Левый берег р. Оки, 1 км к ЮЗ от д. Обследована Б.В. Грудинкиным в 1986 г. Превышение над уровнем воды в реке 4,5–6,5 м, размеры около 700×50 м. Культурный слой мощностью до 0,2 м. Найдены кремневые скребки, скобели, нуклеус, пластины и отщепы.

АКР, 1992, № 71 (15), с. 24;

Грудинкин, 1986, № 11807, л. 10.

АННЕНКИ. СТОЯНКА 2, мезолит (?), неолит.

2 км к ЮВ от д., левый берег р. Оки. Обследована Л.В. Греховой в 1970 г., Б.В. Грудинкиным в 1984 г. Размеры около 700×50 м, высота над рекой до 6 м. Культурный слой мощностью до 0,2 м. Найдены кремневые скребки, скобели, нуклеус, пластины, отщепы.

Грехова и др., 1970, с. 32;

Грудинкин, 1984, № 9473, л. 4.

АННЕНКИ. СТОЯНКИ 4, 5, финальный палеолит (?), мезолит (?).

В г. Калуге в 2002 г. Б.В. Грудинкиным в микрорайоне Анненки открыты еще две стоянки. Они расположены на первой надпойменной террасе левого берега р. Оки. Отнесены к концу верхнего палеолита или мезолиту. Собранный на пашне подъемный материал представлен нуклеусами, отщепами, концевыми скребками, резцами, наконечником стрелы, ножом – покрыты частично или полностью белой и голубоватой патиной.

Грудинкин, 2003.

БЕЛАЯ. ПОСЕЛЕНИЕ, мезолит, р. ж. в.

Мысовидный выступ первой надпойменной террасы левого берега р. Яченки (левый приток р. Оки), 500 м к СВ от д., 260 м к С от автотрассы п. Силикатный – Анненки. Обследовано А.Е. Ефимовым в 1996 г. Превышение над уровнем воды в реке 7–9 м, размеры 32×50 м. Площадка залесена, частично задернована. Найдены обломки массивных рубящих орудий и скребло из кремня, отщепы, фрагменты лепной керамики.

Ефимов, 1996, № 20303.

Кроме того, в ходе разведки 1996 г. А.Е. Ефимовым в северной части пригородной зоны г. Калуги выявлено еще одна стоянка и семь местонахождений эпохи мезолита. Они расположены на первых, изредка на верхних надпойменных террасах р. Яченки. Культурный слой выражен очень слабо. Отмечено преобладание среди орудий скребков и скобелей на отщепах.

Ефимов, 1996, № 20303, л. 5, 6.

БОРОВАЯ. СТОЯНКА 4, мезолит (?), неолит.

0,15 км к С от северо-восточной окраины д., мыс правобережной террасы р. Оки, 1,7 км от русла. Обследована Г.А. Массалитиной в 1995 г. Размеры 50×40 м, высота над поймой 10–13 м. Культурный слой переотложен. Найдены кремневые сколы, ножевидная пластина с ретушью.

Массалитина, 1995, № 19684, л. 52.

ГАЛКИНО. СТОЯНКА, мезолит.

Склон первой надпойменной террасы левого берега р. Яченки (левый приток р. Оки), западная окраина с., 50 м к З от церкви, непосредственно к С от автодороги п. Северный – п. Муратовского Щебзавода. Обследован А.Е. Ефимовым в 1996 г. Превышение над уровнем воды в реке 11–18 м, размеры 55×65 м. Площадка за-

дернована. Найдены скребок-резчик на отщепе, обломок орудия, три резчика.

Ефимов, 1996, № 20303, л. 9, 10.

ГОРОДОК. СТОЯНКА, верхний палеолит (?).

Склон левого берега р. Оки, 0,57 км к ЮВ от д., слева от дороги из д. Сокорево в с. Спас. Обследована Г.А. Массалитиной в 1995 г. Превышение над поймой 14–18 м, размеры 110×130 м. Поверхность задернована, частично облесена. Найдены кремневые сильно патинированные отщепы и пластины, нуклеус, крупные ножевидные пластины.

Массалитина, 1995, № 19684–19685, л. 28.

ЖЕЛЫБИНО. СТОЯНКА 1, мезолит (?), неолит.

1,5 км к СЗ от д., правый берег р. Оки. Обследована Б.В. Грудинкиным в 1984 г. Размеры не установлены, высота над рекой до 0,7 м. Культурный слой переотложен. Найдены кремневые ножевидные пластины, отщепы, фрагменты ромбо-ямочной керамики.

Грудинкин, 1984, № 9473, л. 6.

ЖЕЛЫБИНО. СТОЯНКА 2, мезолит (?), неолит (?).

0,5 км к ЮЗ от д., правый берег р. Оки. Обследовано Г.А. Массалитиной в 1995 г. В 2000 г. Б.В. Грудинкиным собран подъемный материал. Размеры 80×160 м. Найдены кремневые сколы, отщепы, два концевых скребка, резец, предположительно отнесенные к эпохе неолита.

Массалитина, 1995, № 19684, л. 50;

Болдин и др., 1999;

Грудинкин, 2001.

ЖЕЛЫБИНО. СТОЯНКА 3, мезолит (?), неолит (?).

0,5 км к ЗЮЗ от д., правый берег р. Оки, 0,3 км от русла. Обследовано Г.А. Массалитиной в 1995 г. В 2000 г. Б.В. Грудинкиным собран подъемный материал. Размеры 140×170 м. Поверхность повреждена мелиоративными траншеями. Найдены кремневые сколы, ножевидные пластины, нуклеус, предположительно отнесенные к эпохе неолита.

Массалитина, 1995, № 19684, л. 51;

Болдин и др., 1999;

Грудинкин, 2001.

КАЛУГА. СТОЯНКА (КРЕМНЕОБРАБАТЫВАЮЩАЯ МАСТЕРСКАЯ), мезолит.

Левый берег р. Оки, южная часть г., 30 м к Ю от пристани «Калуга». Превышение над уровнем воды в реке 3 м, площадь около 10 тыс. кв. м. Открыта в 1984 г. Б.В. Грудинкиным, раскапывалась им же в 1984–1987 гг., вскрыто 128 кв. м. Культурный слой 0,1 м, содержит разнообразные кремневые орудия, большое количество заготовок, отщепов и пластин.

АКР, 1992, № 1 (25), с. 24;

Грудинкин, 1984, № 9473, л. 2; 1985, № 10939, л. 1, 2; 1986, № 11807, л. 1–6; 1987, № 12227, л. 1–3.

КАЛУГА. СТОЯНКИ 2–5.

Стоянки открыты Г.А. Массалитиной в южной части пригородной зоны Г. Калуги в 1995 г.

Массалитина, 1996.

НЕКРАСОВО. СТОЯНКА, мезолит (?), неолит.

0,5 км к С от д., правый берег р. Оки. Обследована Б.В. Грудинкиным в 1984 г., в 2000 г. на стоянке собран подъемный материал. Площадь около 6 тыс. кв. м, высота над рекой до 3 м. Культурный слой частично переотложен. Найдены кремневые орудия, отщепы, фрагменты ямочно-гребенчатой и ромбо-ямочной керамики.

Грудинкин, 1983, № 9473, л. 3;

Болдин и др., 1999;

Грудинкин, 2001.

НИЖНЯЯ ВЫРКА. СТОЯНКА 1, мезолит (?), неолит.

0,75 км к ЗЮЗ от д., первая надпойменная терраса правого берега р. Оки, 0,5 км от устья р. Вырки (правый приток р. Оки), правый берег последней. Обследовано Г.А. Массалитиной в 1995 г. Размеры около 30×50 м, высота над рекой 14–16 м. Найдены кремневые отщепы, сколы, ножевидные пластины, в т.ч. с ретушью.

Массалитина, 1995, № 19684, л. 44.

НИЖНЯЯ ВЫРКА. СТОЯНКА 2, мезолит (?), неолит (?).

0,7 км к ЮЗ от д., первая надпойменная терраса правого берега р. Оки, близ устья р. Вырки, правый берег последней, 50 м к СЗЗ от стоянки 1 (см. № 50). Обследовано Г.А. Массалитиной в 1995 г. Размеры около 30×60 м, высота над рекой 14–16 м. Найдены кремневые отщепы, сколы, ножевидные пластины, в т.ч. с ретушью.

Массалитина, 1995, № 19684, л. 44.

НИЖНЯЯ ВЫРКА. СТОЯНКА 3, мезолит (?), неолит (?).

0,6 км к ЮЗ от д., правый берег р. Оки, близ устья р. Вырки, правый берег последней. Обследовано Г.А. Массалитиной в 1995 г. Размеры около 50×60 м, высота над рекой 7–9 м. Поверхность распахивается. Найдены кремневые отщепы, сколы, ножевидные пластины, в т.ч. с ретушью.

Массалитина, 1995, № 19684, л. 45.

НИЖНЯЯ ВЫРКА. СТОЯНКА 4, мезолит (?), неолит (?).

0,35 км к ЮЗ от д., мыс правого берега Вырки, 0,4 км от русла. Обследовано Г.А. Массалитиной в 1995 г. Размеры около 80×60 м, высота над рекой до 10 м. Поверхность частично залесена, частично распахивается. Найдены кремневые отщепы, сколы, ножевидные пластины, в т.ч. с ретушью.

Массалитина, 1995, № 19684, л. 45.

ПЛЕТЕНЕВКА, ПОСЕЛЕНИЕ 1, мезолит (?), неолит (?), 3–5 вв.

0,8 км к ЗСЗ от д., левый берег р. Угры, 0,3 км от русла, между двумя дренажными траншеями. Обследовано Г.А. Массалитиной в 1995 г. Размеры 130×250 м. Найдены кремневые отщепы и пластины, фрагмент тесла, предположительно отнесенные к эпохе мезолита-неолита, фрагменты лепной керамики мощинской культуры.

Массалитина, 1995, № 19684–19685, л. 33.

ПЛЕТЕНЕВКА, ПОСЕЛЕНИЕ 3, мезолит (?), неолит (?), 14–17.

2,8 км к ЗСЗ от д., левый берег р. Угры, 0,5 км от русла, 0,3 км к ЮВ от селища Красный Поселок 3 (см. № 71). Обследовано Г.А. Массалитиной в 1995 г. Размеры 130×180 м. Найдены кремневые сколы, ножевидные пластины, предположительно отнесенные к эпохе мезолита-неолита, фрагменты круговой позднесредневековой керамики.

Массалитина, 1995, № 19684–19685, л. 34.

ПУЧКОВО. КРЕМНЕОБРАБАТЫВАЮЩАЯ МАСТЕРСКАЯ, мезолит.

Правый берег р. Оки, восточная окраина д. Открыта Б.В. Грудинкиным в 1987 г. и дополнительно обследована им же в 2000 г. Площадь сборов около 36 тыс. кв. м. Культурный слой частично переотложен. Найдены кремневые орудия, заготовки, отщепы.

АКР, 1992, № 21 (29), с. 26;
Грудинкин, 1987, № 12227, л. 10;
Грудинкин, 2001.

РЕЗВАНЬ. СТОЯНКА 1, мезолит (?).

Левый берег р. Оки, склон берега оз. Резвань, 0,8 км к В от кладбища д. Плетеневка. Обследовано Г.А. Массалитиной в 1995 г. Превышение над уровнем воды в озере 13 м, размеры 40×90 м, на границе пахоты и луга частично залесена. Найдены кремневые сколы, нож, скребок.

Массалитина, 1995, № 19684–19685, л. 36.

РЕЗВАНЬ. ПОСЕЛЕНИЕ 1, мезолит (?), 14–17 вв.

Левый берег р. Оки, 700 м от русла, 1 км к Ю от п. Обследовано Г.А. Массалитиной в 1995 г. Размеры 70×130 м, поверхность задернована. Найдены кремневые отщепы, пластины, фрагменты круговой керамики.

Массалитина, 1995, № 19684–19685, л. 36.

РЕЗВАНЬ. ПОСЕЛЕНИЕ 2, мезолит (?), 14–17 вв.

Левый берег р. Оки, 0,3 км от русла, 0,7 км к ЮЮВ от п. Обследовано Г.А. Массалитиной в 1995 г. Размеры 60×150 м, поверхность распахивается. Северо-западная часть испорчена шоссе в пос. Анненки и ЛЭП. Найдены кремневые отщепы, пластины, фрагменты круговой керамики.

Массалитина, 1995, № 19684–19685, л. 36.

РЕЗВАНЬ. ПОСЕЛЕНИЕ 4, мезолит (?), неолит, 3–5, 14–17 вв.

1 км к ЮВ от п., склон левого берега р. Оки. Обследовано Г.А. Массалитиной в 1995 г. Размеры 30×120 м, высота над рекой 8 м. Поверхность распахивается под огороды. Найдены кремневые отщепы, сколы, ножевидные пластины, фрагменты лепной керамики мощинской культуры и круговой позднесредневековой.

Массалитина, 1995, № 19684, л. 37, 38.

СПАС. МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ, палеолит.

0,5 км к ЮВ от ц. с., склон второй надпойменной террасы левого берега р. Оки. На глубине около 0,8 м в слое бурого суглинка найдены одноплощадочный подконический нуклеус, крупная неправильная пластина, концевой скребок, отщепы. Все изделия изготовлены из мелового кремня черного цвета, покрыты голубоватой патиной, датируются верхним палеолитом.

Болдин и др., 1999, с. 64, 65.

ТИНИНО. СТОЯНКА, финальный палеолит (?), мезолит (?).

Расположена близ д., в Пригородной зоне г. Калуги, на поле, на третьей надпойменной террасе правого берега р. Оки. В 2002 г. Б.В. Грудинкиным собран материал палеолитического облика, состоящий из патинированных отщепов и пластин.

Грудинкин, 2003.

ТУРЫНИНСКИЕ ДВОРИКИ. ПОСЕЛЕНИЕ, мезолит, неолит, эпоха бронзы, 16–17 вв.

Северо-восточная окраина бывшей д., мыс первой надпойменной террасы левого берега р. Оки, при устье р. Калужки, правый берег последней. Превышение над уровнем воды в реке 5–7 м, сильно разрушается осыпями. Культурный слой до 0,5 м. В мезолитическом инвентаре (нуклеусы, наконечники стрел, микролиты, скребки, резцы) отчетливо прослеживаются постаренсбургские и постсвидерские культурные традиции. Открыта С.А. Успенским, дополнительно обследована в 1951 г. А.А. Формозовым, осмотрена в 1982 г. А.Н. Сорокиным, в 1985 г. А.С. Фроловым и в 2000 г. Б.В. Грудинкиным. В настоящее время практически уничтожена.

АКР, 1992, № 33 (31), с. 27;
Успенский, 1955, с. 131–134;
Жилин, Фролов, 1987, с. 47–50;
Грудинкин, 2001;
Формозов, 1951, № 536, л. 5, 6.

ШОПИНО. СТОЯНКА, палеолит (?).

Расположена близ д., на первой надпойменной террасе правого берега р. Оки. В 2000 и 2002 гг. Б.В. Грудинкиным на поле найдены концевой скребок на пластине, пластинчатый скол и несколько отщепов, покрытых белой патиной, палеолитического облика.

Грудинкин, 2001; 2003.

В южной части Пригородной зоны г. Калуги в 1995 г. Г.А. Массалитиной выявлено несколько новых стоянок эпохи мезолита.

Массалитина, 1996.

КОЗЕЛЬСКИЙ РАЙОН

КАМЕНКА. СТОЯНКА, мезолит.

Расположена у д., на левом берегу р. Серены (левый приток р. Жиздры, левого притока Оки). Культурный слой полностью распахан. Открыта в 1987 г. Б.В. Грудинкиным, дополнительно обследована в 2000 г. О.Л. Прошкиным. Превышение над уровнем воды в реке до 4,5 м, размеры около 100×30–50 м. Культурный слой имеет мощность до 0,2 м. В нем и подъемном материале собраны кремневые скребки, скобели, проколка и отщепы, относящиеся к эпохе мезолита, а также фрагменты круговых сосудов 16–17 вв.

АКР, 1992, № 232 (13), с. 62;

Болдин и др., 1999;

Грудинкин, 1987, № 12227, л. 6, 7;

Прошкин, 2001.

КОЗЕЛЬСК. МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ и ПОСЕЛЕНИЕ, мезолит, р. ж. в. и средневековье.

В г. Козельске (левый берег р. Жиздры, левого притока р. Оки), в исторической части города, на высоком мысу, в 200 м от устья р. Другусны (правый берег последней). Ныне это плотно застроенный центрально-административный район города. В 1997 г. Г.А. Массалитиной на территории хлебопекарни, под которую приспособлено здание ц. Вознесения 1-й четв. 17 в., в ее приалтарной части, вскрыто 20 кв. м.

Мощность культурного слоя в раскопе составила 3,2 м (с подпечной ямой, прорезавшей материк – 3,6); из них верхние 2 м – поздний строительный балласт. Нижняя часть слоя оказалась полностью разрушенной действовавшим при церкви кладбищем. Вскрыто 18 захоронений 17–18 вв. и множество костей человека, залегавших в беспорядке. В связи с этим этапы освоения мыса определяются на основе анализа материала, без опоры на стратиграфию. Выделены следующие хронологические группы находок: 1) кремневые изделия и отходы производства, предположительно эпохи мезолита; 2) лепная керамика 1-й пол. I тыс. н. э. (мощинская культура); 3) лепная керамика роменско-боршевского этапа. 4) Основная часть полученной керамической коллекции (более 7 тыс. фрагментов) принадлежит посуде, изготовленной с использованием гончарного круга. Из них 4% венчиков отнесены к 10–12 вв.; остальные – к 13–18 вв.

Массалитина, 1998.

ОПТИНА ПУСТЫНЬ. СТОЯНКА 1, мезолит, неолит.

Правый берег р. Жиздры, 1,7 км к З от дачного поселка близ с. Обследована Б.В. Грудинкиным в 1987 г. Превышение над поймой реки до 4,5 м, площадь около 1 тыс. кв. м. Культурный слой мощностью до 0,15 м содержит ямочно-гребенчатую керамику, кремневые скребки, ножевидную пластину, скобели и отщепы.

АКР, 1992, № 236 (19), с. 63;

Болдин и др., 1999;

Грудинкин, 1987, № 12227, л. 5.

ОПТИНА ПУСТЫНЬ. СТОЯНКА 2, мезолит.

Первая надпойменная терраса правого берега р. Жиздры, 1 км к Ю от монастыря. Обследована Б.В. Грудинкиным в 1987 г. Превышение над поймой реки до 3,5 м, размеры 135×20–25 м. Найдены кремневые скребки, скобели, ножевидная пластина, отщепы.

АКР, 1992, № 237 (20), с. 63;

Болдин и др., 1999;

Грудинкин, 1987, № 12227, л. 4, 5.

СОСЕНСКИЙ. СТОЯНКИ 1 и 2, мезолит.

На территории Национального парка «Угра» в районе урочища «Чертово Городище» близ пос. Сосенский в 2002 г. О.Л. Прошкиным обследованы правый и левый берега р. Чертовской (правый приток р. Жиздры, левый приток р. Оки). Открыты стоянки Сосенский 1 и 2, на которых собраны кремневые предметы эпохи мезолита.

Прошкин, 2003.

ЧЕРТОВО ГОРОДИЩЕ. СТОЯНКА, финальный палеолит (?).

Около урочища «Чертово городище» на берегу речки Песочни в 1995 г. Б.В. Грудинкиным был собран материал, относящийся к финальному палеолиту. Орудия представлены ретушером-отбойником, различными скребками, скреблом, скобелями, небольшими нуклеусами, перфораторами, комбинированными орудиями. Другие находки представлены отщепами и обломками различных орудий.

Грудинкин, 1996.

МАЛОЯРОСЛАВЕЦКИЙ РАЙОН

ТАУРОВО ПОСЕЛЕНИЕ, мезолит (?), 14–17 вв.

ЮЗ окраина д., правый берег р. Суходрев (левый приток р. Шани, левый приток р. Угры). Исследовал О.Л. Прошкин в 1996 г. Размеры по оси СВ-ЮЗ – около 115 м, СЗ-ЮВ – до 50 м. Высота над рекой 3–6 м. Распахивается. Найдены кремневые отщепы и обломки орудий, фрагменты круговой позднесредневековой посуды.

Прошкин, 1996, № 20821, л. 10–11.

МЕДЫНСКИЙ РАЙОН

КРЕМЕНСКОЕ. СТОЯНКА 1, мезолит.

0,5 км к ЮВ от с., в урочище «Черепки», мыс второй надпойменной террасы левого берега р. Лужи (правый

приток р. Протвы), образованный ее излучиной, при впадении лощины. Обследовали А.С. Фролов в 1986 г. и О.Л. Прошкин в 1991 г. Размеры около 110×60 м. Высота от реки 16–18 м. Поверхность распахивается. На пашне собраны кремневые концевые скребки, обломок рубящего орудия, вкладыши, ребристая пластина с нерегулярной ретушью на брюшке, ножевидные пластины, нуклеусы, отщепы. Находки отнесены А.С. Фроловым к иеневской культуре.

АКР, 1992, № 331 (2), с. 79;
Фролов, Прошкин, 1989, с. 15;
Фролов, 1986, № 11820, л. 10;
Прошкин, 1991, № 16331–16332, л. 26.

КРЕМЕНСКОЕ. СТОЯНКА 2, мезолит.

0,65 км к ЮВ от с. и 0,15 км к ЮВ от стоянки 1, оконечность мыса второй надпойменной террасы левого берега р. Лужи при впадении руч. Кременец. Обследовали А.С. Фролов в 1986 г. и О.Л. Прошкин в 1991 г. Размеры около 40×30 м, высота от реки 16–18 м. Распахивается. На пашне собраны кремневые ножевидные пластины, нуклеусы, отщепы, которые отнесены А.С. Фроловым к иеневской культуре.

АКР, 1992, № 332 (3), с. 79;
Фролов, Прошкин, 1989, с. 15;
Фролов, 1986, № 11820, л. 10;
Прошкин, 1991, № 16331–16332, л. 26–27.

КРЕМЕНСКОЕ. СТОЯНКА 3, мезолит.

1 км к В от с., вторая надпойменная терраса левого берега р. Лужи. Обследовал А.С. Фролов в 1986 г. Размеры около 60×40 м, высота от реки 18–20 м. Распахивается. На пашне собраны кремневые концевые скребки, резцы, ножи, вкладыши, проколки, нуклеусы и пластины. Отнесены А.С. Фроловым к иеневской культуре.

АКР, 1992, № 333 (4), с.79;
Фролов, Прошкин, 1989, с. 15;
Фролов, 1986, № 11820, л. 11–12.

КРЕМЕНСКОЕ. СТОЯНКА 4, мезолит.

1,25 км к В от с., вторая надпойменная терраса левого берега р. Лужи. Обследовал А.С. Фролов в 1986 г. Размеры около 80×40 м, высота над рекой 16–18 м. Распахивается. На пашне собраны кремневые скребки, резец, обломок асимметричного наконечника стрелы, пластины с ретушью и без нее, отщепы. Отнесены А.С. Фроловым к иеневской культуре.

АКР, 1992, № 334 (5), с.79;
Фролов, Прошкин, 1989, с. 15;
Фролов, 1986, № 11820, л. 11.

МИХЕЕВО. ПОСЕЛЕНИЕ, мезолит, 14–17 вв.

0,65 км к ВСВ от д., мыс правого берега р. Медынки. Обследовал О.Л. Прошкин в 1991 г. Размеры около 80×50 м, высота над рекой 7–10 м. Поверхность распахивается. Найдены кремневые проколка, отщепы с ретушью и без нее, нуклевидный кусок кремня, предположительно эпохи мезолита, а также фрагменты круговых позднесредневековых сосудов, кусочки глиняной обмазки.

Прошкин, 1991, № 16331, л. 27.

МЕЩОВСКИЙ РАЙОН

НИКОЛЬСКОЕ 2, СТОЯНКА и СЕЛИЩЕ, мезолит, раннее средневековье.

Памятник расположен неподалеку от центра села, на мысу левого берега р. Серены (левый приток р. Жиздры), напротив известного городища Серенск. Его общая площадь не менее 1,8 га. В 1999 г. О.Л. Прошкиным был заложен раскоп площадью 80 кв. м в центральной части селища. Толщина культурного слоя составляла в среднем 0,3–0,8 м, а в заполнении ям и построек – до 1,4 м. Выявлены остатки построек и сделан ряд находок периодов мезолита, Древней Руси и позднего средневековья. В числе находок эпохи камня – кремневые сколы, отщепы с ретушью, пластины и нуклеусы мезолитического облика.

Прошкин, 2000.

ПЕРЕМЫШЛЬСКИЙ РАЙОН

АХЛЕБИНИНО. СТОЯНКА, мезолит (?), неолит.

0,8 км к С от д., песчано-гравийный мыс правого берега р. Оки, 0,1 км к В от устья р. Ужерди. Обследована Б.В. Грудинкиным в 1991 г. Размеры 100×40 м, высота над рекой 1 м. Найдены кремневые резцы, скобель, скребок, отбойник, пластины и отщепы с ретушью.

Грудинкин, 1991, № 16860, л. 3, 4.

АХЛЕБИНИНО. ПОСЕЛЕНИЕ, мезолит, р. ж. в.

Мыс правого берега р. Оки, 0,1 км к В от устья р. Ужерди, 0,6 км к С от северной окраины д. Обследовано Б.В. Грудинкиным в 1991 г. Превышение над поймой 3,5–5 м. Площадка поросла соснами. Подъемный материал собран на площади 80×45 м, включает кремневые пластины, отщепы, фрагменты лепной керамики.

Грудинкин, 1991, № 16860, л. 3.

БРАГИНО. СТОЯНКА, мезолит.

Мыс правого берега р. Оки при впадении р. Передут, левый берег последней, 1,5 км к СВ от д. Открыта И.К. Фроловым в 1980 г., дополнительно обследована А.С. Смирновым в 1982 г. и тогда же раскопана А.Н. Сорокиным на площади около 200 кв. м. Превышение над уровнем воды в реке 21–28 м, размеры около 85×80 м. Культурный слой мощностью 0,3–0,5 м. Найден 10091 каменный предмет, среди которых около 2 тыс. орудий (резцы, скребки, скобели, черешковые симметричные и асимметричные наконечники стрел из мелких отще-

пов и пластин, рубящие орудия и т.д.). Отнесена к иеневской культуре. В 1992 г. А.Е. Кравцовым отобрана колонка образцов для спорово-пыльцевого анализа, который был выполнен Е.А. Спиридоновой. Коллекция в ИА РАН.

АКР, 1992, № 402 (8), с. 91;
Сорокин, 1982; 1986, с. 21; 1997; 1998;
Фролов. 1985, с. 138;
Кравцов, 1999;
Kravtsov, 1999;
Фролов И., 1980, № 8788, л. 12.
Смирнов, Сорокин, 1982, № 9168, л. 114–118.

ВОРОНОВО. ПОСЕЛЕНИЕ, мезолит, первая пол. I тыс. н. э., 9–10, 11–13 вв.

Первая надпойменная терраса правого берега р. Оки, 0,5 км к З от д. Открыто Б.В. Грудинкиным в 1988 г. Превышение над уровнем воды в реке 7 м, размеры около 450×40–65 м. Культурный слой мощностью до 0,25 м, найдены кремневые скребки, проколка, микропластины, обломки орудий, отщепы и сколы с нуклеусов, фрагменты лепной и круговой керамики.

АКР, 1992, № 407 (43), с. 91, 92;
Болдин и др., 1999;
Грудинкин, 1988, № 12236, л. 6, 7.

ГРЕМЯЧЕВО (ГРЕМЯЧЕЕ). СТОЯНКА 1, мезолит, неолит.

Юго-западный склон останца первой надпойменной террасы правого берега р. Оки, напротив устья р. Жиздры. Открыто Н.И. Булычовым в 1878 г., обследовалось М.В. Воеводским (раскопано около 100 кв. м) в 1941 г. и С.Н. Астаховым в 1958 г. Превышение над уровнем воды в реке 5–8 м, размеры не установлены. Культурные остатки эпохи неолита залегают непосредственно под дерном, мезолита – в слое песка на глубине 0,5–0,8 м от поверхности. К мезолиту отнесены кремневые скребки на концах сломанных пластин, пластины с выемкой, пластины с ретушью, проколки, наконечники стрел, нуклеус; к неолиту – ямочно-гребенчатая и ромбо-ямочная керамика, кремневые наконечники стрел, скребки, ножи и т.д. Коллекция в ГИМ и Музее антропологии МГУ.

АКР, 1992, № 417 (47), с. 93;
Астахов, 1958, № 1844, л. 1, 2;
Воеводский, 1941, с. 142–148;
Грехова, 1970, с. 25, 26;
Грехова и др., 1970, с. 235.

ГРЕМЯЧЕВО (ГРЕМЯЧЕЕ). СТОЯНКА 2, мезолит.

Склон останца первой надпойменной террасы правого берега р. Оки, напротив устья р. Жиздры, в непосредственной близости от стоянки 1. Открыто Н.И. Булычовым в 1878 г., обследовалось М.В. Воеводским в 1941 г. Превышение над уровнем воды в реке 5–8 м, размеры и мощность культурного слоя не установлены. Коллекция в Музее антропологии МГУ.

Воеводский, 1941, с. 142–148.

ИЛЬИНСКОЕ. СТОЯНКА, мезолит.

Правый берег р. Жиздры, 3 км к З от д. Открыта в 1988 г. Б.В. Грудинкиным. Превышение над уровнем воды в реке 15 м, размеры 130×15–20 м. Культурный слой мощностью до 0,15 м, найдены кремневые скребок, ножевидная пластина, скобель, скребло.

АКР, 1992, № 424 (38), с. 94;
Болдин и др., 1999;
Грудинкин, 1988, № 12236, л. 6, 7.

НИКОЛЬСКОЕ. СТОЯНКА и СЕЛИЩЕ 1, мезолит, средневековье.

Памятник расположен на склоне первой надпойменной террасы правого берега р. Оки, у небольшого ручья, 1,5 км к ЮЗ от д. Превышение над уровнем воды в реке до 2,5 м, размеры около 190×50–70 м. Береговая часть разрушается. Культурный слой мощностью до 0,2 м. Открыто в 1985 г. Б.В. Грудинкиным, дополнительно обследовано им же в 2000 г. Собраны кремневые орудия (скребки, скобель, резчики), ножевидные пластины, отщепы, средневековая керамика и металлические изделия. Некоторые изделия из кремня покрыты патиной.

АКР, 1992, № 433 (1), с. 95;
Болдин и др., 1999;
Грудинкин, 2001;
Грудинкин, 1985, № 10939, л. 16.

СЕМЕНОВКА. СТОЯНКА, мезолит.

Вторая надпойменная терраса правого берега р. Оки, близ устья глубокого оврага, 1,5 км к СВ от д. Открыта в 1985 г. Б.В. Грудинкиным. Превышение над уровнем воды в реке 13 м, размеры около 130×75 м. Найдены кремневые скребло, скобель, скребок, отщепы, сколы.

АКР, 1992, № 443 (6), с. 96;
Грудинкин, 1985, № 10939, л. 17.

ТАРУССКИЙ РАЙОН

ЕГНЫШЕВКА. СТОЯНКА, мезолит (?).

1-я надпойменная терраса левого берега р. Оки, у бывшей пристани «Егнышевка», напротив одноименного села Алексинского р-на Тульской области. Высота над уровнем воды 12–16 м. Размеры 80×50 м. Распахивается. Найдены ножевидные пластины, отщепы.

Фролов, 2001б, с. 6.

ИГНАТОВСКОЕ. МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ, мезолит (?).

На бечевнике левого берега р. Оки, в 0,5–0,6 км ниже устья р. Тарусы, у подножия Игнатовской горы, на бечевнике. Обнаружены крупные неправильные ножевидные пластины, отщепы.

Фролов, 2001б, с. 6.

ИСАКОВО. СТОЯНКА, мезолит.

0,5 км к ЮВ от д., на площадке 1-й надпойменной террасы правого берега р. Тарусы (левый приток

р. Оки), на высоте 11–14 м. над уровнем воды в реке. Поверхность задернована, размеры не определены. Найдены отщепы, технологические сколы, правильные ножевидные пластины, в т.ч. с ретушью.

Фролов, 2001б, с. 6, 9.

КУЗМИЩЕВО. МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ, мезолит (?).

0,5 км к ЮВ от церкви села, на склоне 2-й надпойменной террасы левого берега р. Оки. Размеры приблизительно 100×60 м. Распахивается. Обнаружены неправильные ножевидные пластины, отщепы.

Фролов, 2001б, с. 6.

ЛАДЫЖИНО. СТОЯНКА 1, мезолит.

1,4 км к СВ от д., мыс надпойменной террасы левого берега р. Оки на высоте 19–24 м. Исследовали В.В. Сидоров в 1969 г. и А.С. Фролов в 1976, 1977 и 1985 гг. Размеры около 300×250 м. Высота над рекой 8–12 м. Распахивается. Собран подъемный материал: кремневые скребки, топоровидные и тесловидные орудия, наконечники стрел, нуклеусы, ножевидные пластины. Отнесена А.С. Фроловым к иеневской культуре. На территории памятника расположен курганный могильник. Остальная часть занята садовыми участками.

АКР, 1992, № 476 (29), с. 103;
Фролов, 1977; 1985, с.135–139; 1991, с. 20–23.
Фролов, Жилин, 1978, 1981;
Сидоров, 1969, № 4003;
Фролов, 1976, № 6503, л. 4; 1978, № 10761, л. 16.

ЛАДЫЖИНО. СТОЯНКА 2, мезолит.

0,8 км к ЮВ от д., мыс первой надпойменной террасы левого берега р. Оки, к Ю от стоянки 3. Исследовал А.С. Фролов в 1976 г. и 1985 г. Размеры не установлены. Высота над рекой 20–26 м. Распахивается. Найдены кремневые нуклеусы, резцы, скребки, отбойники из округлых галек, большое число отщепов и пластин без вторичной обработки. Относится к ранним этапам иеневской культуры.

АКР, 1992, № 477 (30), с. 103, 104;
Фролов, 1976, № 6503, л. 5; 1978, № 10761, л. 16;
Фролов, 1985, с. 135–139; 1991, с. 20–23.

ЛАДЫЖИНО. СТОЯНКА 3, верхний и финальный палеолит, мезолит.

0,6 км к ВЮВ от д., на краю 26–28-метровой надпойменной террасы левого берега р. Оки на высоте 19–24 м над водой. В 1970–1980-е годы распахивалась. Открыта в 1971 г. А.С. Фроловым и раскапывалась им же в 1976–1977, 1979 и 1985 гг. Дополнительно обследована А.Е. Кравцовым в 1992 г. и раскапывается им же, начиная с 1999 г. На 2002 г. раскопано 154 кв. м. Найдены кремневые резцы, скребки, наконечники стрел, нуклеусы, отбойники и др., отнесенные к раннему этапу иеневской культуры.

В 2000 г. А.Е. Кравцовым на той же территории выделен еще один пункт находок, названный Ладыжино 3А. Ладыжино 3 и 3А приурочены к находящимся в 150 м друг от друга мысам при устьях оврагов. Общая площадь обоих памятников составляет 3000–4000 кв. м. Территория Ладыжино 3 нарушена распашкой, а в 1996–1997 гг. этот участок перешел в частную собственность. По данным А.Е. Кравцова, культурные отложения сохранились в восточной и северной частях стоянки, исследовавшихся двумя раскопами: № 1 площадью 104 кв. м (1976, 1977, 1999, 2000 гг.) и № 2 площадью 18 кв. м (1977 г.).

В 2001 г. в северной части Ладыжино 3 заложен раскоп 3, площадь которого, включая шурф 2000 г., составляет 24 кв. м. Расщепленные кремни встречаются на глубине от 3–5 до 40–50 см. Они залегают в слоях бежевой супеси (мощность – 25–35 см), нижележащей белесой супеси (до 10 см) и верхней части (1–3 см) подстилающего бурого опесчаненного гумусированного суглинка (до 20 см) погребенной почвы. До 60% находок образуют «культурный горизонт» мощностью не более 5 см, приуроченный к кровле погребенной почвы. Обнаружено всего 168 изделий из кремня, в том числе 22 грубые, преимущественно крупные пластины, 4 резца, 3 концевых скребка, усеченная ретушью пластина, 10 наконечников стрел. Среди последних – крупные асимметрично-черешковые близкие к типу лингби; с боковой выемкой; косолезвийные трапециевидные. Черешки четырех наконечников подправлены плоской вентральной ретушью. Вероятно, раскопом выявлен «охотничий лагерь», относящийся, как и прочие материалы Ладыжино 3, к иеневской культуре. Предполагаемая датировка комплекса – финальный палеолит.

В 2001 г. при прокопке материка под финальнопалеолитическим культурным слоем в суглинках на глубине 155 см от поверхности обнаружены пластинка с притупленным краем и отщеп, имеющие, вероятно, позднепалеолитический возраст.

В 2002 г. на стоянке Ладыжино 3 раскоп 3 2000–2001 гг. расширен к В и Ю. Площадь прирезок составила 21 кв. м; общая площадь раскопа достигла 45 кв. м. Расщепленные кремни финальнопалеолитического облика залегали без выраженных концентраций на глубинах от 5–10 до 40–50 см в слоях (сверху вниз) бежевой супеси, белесоватой оглеенной супеси и верхней части бурого опесчаненного гумусированного суглинка (погребенной почвы). Среди немногочисленных находок (всего 160 предметов) нуклеусы отсутствуют, морфологически выраженных орудий шесть: концевой с подработкой ретушью края скребок на отщепе; два косоретушных и один на углу сломанной заготовки резца, изделие с ретушированной выемкой и крупный асимметрично-черешковый наконечник стрелы (тип лингби) из пластин. Наконечник обнаружен вне прирезок, при зачистке стенки повторно вскрывавшегося участка 2001 г., в зоне, где ранее уже было встречено десять находок этой категории, приуроченных, в основном, к кровле погребенной почвы. Таким образом, выявленное скопление наконечников локализуется на площади, вероятно, не многим более 10 кв. м. Находки относятся к иеневской культуре.

От уровня дна повторно вскрытого участка на площади 3 кв. м была произведена шурфовка нижележащих отложений, при контрольной прокопке которых в 2001 г. в средней части подстилающей погребенную почву толщи делювиальных суглинков на глубине 155 см обнаружены фрагмент пластины с притупленным краем и отщеп. В основании этой толщи, в линзе мешаного буро-коричневого суглинка с камнями и гравием на глубине 270–300 см встречены два отщепа, отщеп с ретушью, фрагмент грубой массивной пластины, мелкие фрагменты зубов млекопитающих, возможно мамонта. Палеолитический возраст находок не вызывает сомнения. Данных для его уточнения и суждения о культурной принадлежности материала недостаточно. Ниже делювиальных суглинков залегала слоистая толща желтовато-коричневых лессовидных супесей с гравием и камнями, вероятно, водно-ледникового происхождения. В 2002 и 2003 гг. в раскопках памятника принимал участие А.В. Трусов.

АКР, 1992, № 478 (32), с. 104;
Фролов, 1985, с. 136; 1978;
Фролов, Жилин, 1978;
Кравцов, Спиридонова, 1996, с. 94–107;
Кравцов, 1999, с. 98, 99;
Кравцов, Коннов, 2002;
Кравцов и др., 2003;
Фролов, 1976, № 6503, л. 5–8; 1978, № 10761, л. 16;
Кравцов, 1992, № 17404; 2000, № 23670.

ЛАДЫЖИНО. СТОЯНКА 3А, мезолит.

0,7 км к ЮВ от д., в 0,12 км к Ю от стоянки 3 и в 80 м к С от стоянки 2, занимает приовражный мыс надпойменной террасы левого берега р. Оки. Высота над рекой 20–23 м. Территория значительно облесена, частично повреждена ямами. Распашке ранее не подвергалась. Площадь – 500–1200 м^2. Была открыта А.Е. Кравцовым в 2000 г. Культурный слой мощностью до 0,15 м содержит кремневый инвентарь: нуклеусы, отбойники, отщепы и пластины, резцы, концевые скребки, рубящие орудия из отщепов и пластин, обработанные крупной ретушью, обломок асимметричного наконечника стрелы и др.

В 2001 г. в центральной части памятника заложен раскоп площадью 30 кв. м, включающий один из шурфов 2000 г. Находки встречаются на глубине от 2–5 до 25–40 см в слое бежевой супеси, единично – в подстилающем слое рыжевато-бежевой оглеенной супеси. Насыщенный изделиями из кремня «культурный горизонт» мощностью до 10–12 см совпадает со средней и нижней частью слоя бежевой супеси. Планиграфически в раскопе выделяются три скопления находок, одно из которых имеет кольцевидную форму (диаметр внешний – 2,5 м; внутренний – 1,5 м). Обнаружено более 1100 расщепленных кремней, среди которых 8 одноплощадочных нуклеусов от пластин, до 150 пластин и около 30 орудий: 2 рубящих с частичной обработкой одного или двух фасов; 16 резцов; 4 скребка; 3 сломанных острия и др. Культуроразличающие формы отсутствуют. Предполагаемая датировка памятника – ранний мезолит.

В 2002 г. на мезолитической стоянке Ладыжино 3А раскоп 2000–2001 гг. расширен к З, В и Ю. Площадь прирезок составила 51 кв. м, общая площадь раскопа достигла 81 кв. м. Находки встречались на глубинах от 3–10 до 25–43 см в залегавшем под дерном слое бежевой супеси, в средней – нижней части которого фиксировался относительно насыщенный кремнем культурный горизонт мощностью до 10–15 см. На уровне этого горизонта в 2,5 м к ЮВ от ЮЗ угла раскопа 2001 г. выявлено округлое углистое пятно диаметром до 110 см; по его разрезам читалась яма чашевидного профиля; мощность углистого заполнения ямы – предположительно, мезолитического кострища – до 50 см. В 1 м к СВ наблюдалась концентрация продуктов расщепления кремня – более 150 предметов на 1,5 кв. м. За пределами этого скопления насыщенность культурных отложений находками оказалась почти повсеместно низкой. К мезолитическому комплексу памятника отнесено 581 изделие из кремня и кварцитовый отбойник; единичен встреченный на ЮЗ периферии раскопа обломок неолитического наконечника стрелы. Среди находок 19 пренуклеусов и нуклеусов, девять морфологически выраженных орудий. Среди последних: три резца на углу сломанной заготовки и два косоретушных (один переоформлен из трапеции), концевой скребок, выемчатое орудие, фрагмент наконечника с боковой выемкой из пластины; крупная высокая трапеция из отщепа. Культурная принадлежность материала не определена. Коллекции хранятся в ГИМ.

Кравцов, 2000, № 23670, л. 37–41.

ЛАДЫЖИНО. СТОЯНКА 4, мезолит.

0,6 км к В от д. Занимает ЮВ часть обширного мыса. Высота над уровнем воды в реке 18–20 м. Площадь распространения находок составляла около 2000 кв. м, в настоящее время частично уничтожена при строительстве пансионата. В немногочисленной коллекции кремневых предметов представлены: скребки, резцы, скобели, комбинированные орудия, пластины с краевой ретушью, крупное тесло, отщепы и пластины.

Фролов, 1991, с. 20–23.

ЛАДЫЖИНО. СТОЯНКА 5, ранний мезолит.

1,2 км к Ю от д., склон второй надпойменной террасы левого берега р. Оки, на высоте около 30 м над уровнем воды. Размеры не определены. Распахивается. Найдены срединный резец на пластине, крупные неправильные ножевидные пластины и отщепы.

Фролов, 2001, с. 7.

ЛАДЫЖИНО. СТОЯНКА 7, мезолит.

0,7 км к СВ от д., на небольшом мысу первой надпойменной террасы левого берега р. Оки, на высоте 18 м над уровнем воды. Застроена. Найдены каранда-

шевидный нуклеус, концевые скребки, резцы на пластинах, вкладыши, ножевидные пластины с параллельными гранями, отщепы. Относится к кругу памятников постсвидерской культурной традиции.

Жилин, Фролов, 1987, с. 49, 50.

ЛЫСАЯ ГОРА. СТОЯНКА, мезолит.

0,3 км к ССЗ от д. Высокая пойма правого берега р. Тарусы (левый приток р. Оки), у брода. Высота над уровнем воды около 1 м. Обследована А.С. Фроловым в 2005 г. Найдены различные нуклеусы, скребки и скобели, массивные ножевидные пластины, отщепы.

ПОЧЕВО. МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ 1, мезолит (?).

0,5 км к СЗ от д. на мысу правого берега р. Песочни (левый приток р. Оки), на высоте 14–16 м над долиной реки. Размеры не определены. Задерновано, ранее распахивалась. Найдены неправильные ножевидные пластины, аморфный нуклеус, скребок, отщепы.

Фролов, 2001б, с. 7.

СУРНЕВО. СТОЯНКА-МАСТЕРСКАЯ, мезолит.

0,25 км к В от д., на правого берега безымянного ручья (правый приток р. Тарусы). Высота над уровнем воды 8–10 м. Размеры 200×90 м. Задернована, ранее частично распахивалась. Найдены кремневые скребки, скобели, ножи, проколки на отщепах, неправильные ножевидные пластины, чешуйки, аморфные нуклеусы.

Фролов, 2001, с. 7.

СУТОРМИНО. СТОЯНКА 1, мезолит.

0,2 км к ЮВ от д., мыс правого берега р. Тарусы (левый приток р. Оки). Открыто в 1985 г. А.С. Фроловым. Размеры не установлены. Высота над рекой 10–15 м. Распахивается. Подъемный материал: кремневые резцы, скребки, пластины, отщепы, нуклеусы. Отнесена А.С. Фроловым к иеневской культуре.

АКР, 1992, № 487 (14), с. 105;
Фролов, Прошкин, 1989;
Фролов, 1985, № 10761, л. 15.

СУТОРМИНО. СТОЯНКА 2, мезолит.

0,15 км к ЮВ от д., мыс правого берега р. Тарусы (левый приток р. Оки). 0,1 км к СЗ от стоянки 1. Исследовал А.С. Фролов в 1985 г. Размеры не установлены. Высота над рекой 12–15 м. Распахивается. Подъемный материал: кремневые пластины, отщепы, нуклевидные камни.

АКР, 1992, № 488 (15), с. 105;
Фролов, Прошкин, 1989;
Фролов, 1985, № 10761, л. 15.

СУТОРМИНО. СТОЯНКА 3, мезолит.

0,1 км к С от д., склон мыса первой надпойменной террасы правого берега р. Тарусы (левый приток р. Оки). Исследовал А.С. Фролов в 1985 г. Размеры около 145×80 м. Высота над рекой 6–18 м. Распахивается. Подъемный материал: кремневые скребки, резцы, асимметричный наконечник стрелы, пластины, отщепы, нуклеусы. Отнесена А.С. Фроловым к иеневской культуре.

АКР, 1992, № 489 (16), с. 105;
Фролов, Прошкин, 1989;
Фролов, 1985, № 10761, л. 17–18.

ТАРУСА. МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ, палеолит.

Территория г., 0,1 км от ул. Кирова у подножия Воскресенской горы, склон правого берега безымянного ручья (левый приток р. Оки). Исследовал А.С. Фролов в 1980-х гг. Найдены кремневые, патинированные, крупные ножевидные пластины, отщепы.

АКР, 1992, с. 10;
Фролов, 2001, с. 7.

ТАРУСА. СТОЯНКА 1, финальный палеолит, мезолит.

ЮВ окраина г., 0,15–0,2 км от д/о им. Куйбышева, останец 1-й надпойменной террасы и склон 2-й левого берега. р. Оки, на высоте 10–18 м над уровнем воды в реке. Открыта А.С. Фроловым в 1976 г., дополнительно исследована в 1978 и 1985 гг. В обнажении на высоте 28,5 м над рекой найдены кремневые резцы, скребки на отщепах, скобели, призматические нуклеусы, заготовки тесел, пластины и отщепы. Отнесена к рессетинской культуре.

АКР, 1992, № 461 (24), с. 102;
Фролов, 1977а, с. 77;
Фролов, 1987, с. 31, 32;
Фролов, 2001а, с. 105–109;
Фролов, 1976, № 6503, л. 2–3; 1978, № 10761, л. 21; 1986, № 11820.

ТАРУСА. СТОЯНКА 2, мезолит.

СЗ окраина г., в 0,15 км к ССЗ от последних строений по ул. Луначарского, мыс правого берега р. Тарусы (левый приток р. Оки), при впадении безымянного ручья, территория городища 2. Площадка подтреугольная 86×64 м, с напольной – ЮВ – стороны укреплена валом, высотой до 0,6 м и сильно заплывшим рвом. Поросло лесом.

Исследовал А.С. Фролов в 1985–1986 гг. В СЗ части площадки городища, под культурным слоем р. ж. в., на глубине 0,5–0,6 м выявлен слой слабогумусированного суглинка, в котором найдены кремневые пластины мезолитического облика.

АКР, 1992, № 462 (25), с. 102;
Фролов, 1985, № 10761, л. 22; 1986, № 11820, л. 17–18.
Фролов, 2001б, с. 8;

ТАРУСА. СТОЯНКА 2А, ранний мезолит.

Останец 1-й надпойменной террасы у подножия Воскресенской горы, правого берега Игумнова ручья при впадении в р. Оку, на высоте 12–16 м над уровнем воды в реке. Найдены одноплощадочные нуклеусы от пластин

и отщепов, резцы на сломе заготовок, концевые скребки, скобели, крупные неправильные пластины, отщепы.

Фролов, 1987, с. 31; 2001, с. 101–104.

ТАРУСА. СТОЯНКА 3, палеолит (?).

Склон правого берега ручья, впадающего в р. Оку у подножия Воскресенской горы, в 0,1 км к В от ул. Кирова. Высота 26–28 м над уровнем воды в Оке. Задернована. Найдены крупные ножевидные пластины, отщепы. Кремень табачного цвета и светло-серый. Все предметы сильно патинированы.

Фролов, 1987, с. 31; 2001б, с. 7.

ТАРУСА. СТОЯНКА 6, мезолит, эпоха бронзы.

На площадке первой надпойменной террасы левого берега р. Оки, у подножия «Мусатовского косогора», в 0,2 км к В от ул. Ефремова. Высота 16 м над уровнем воды в реке. Задернована. Найдены кремневые отщепы и неправильные пластины, двусторонне обработанный наконечник стрелы подтреугольной формы с выемкой в основании, обломок серповидного ножа.

Фролов, 2001б, с. 8, 9.

ТАРУСА. СТОЯНКА им. М.М. ГЕРАСИМОВА, мезолит (?), неолит.

На песчано-гравийном мысу правого берега р. Оки, против Петропавловского собора города. Размеры 100×40 м. Высота над уровнем воды в реке 0,5–1,0 м. Ромбо-ямочная керамика, кремневые скребки, ножи, обломки рубящих орудий, пластины и отщепы. Материал в ГИМ и ТФКГОКМ

Брюсов, 1952, с. 52–57; 1962, с. 24–30;

Грехова и др., 1970, с. 237;

Фролов, 2001, с. 92, 93.

ТАТЬЯНИНСКОЕ. СТОЯНКА, мезолит.

В 0,8 км к ЮЗ от д. На узком мысу при впадении в р. Тарусу безымянного ручья, на правом берегу последнего. Высота над уровнем воды 7–10 м. Задернована. Обследована А.С. Фроловым в 2005 г. Найдены нуклеусы от пластин, концевые скребки, резцы, отщепы и ножевидные пластины.

Фролов, 2001.

ТРУБЕЦКОЕ. СТОЯНКА 5, мезолит (?).

В 1,0 км к ССВ от с., высокая пойма левого берега р. Оки, на высоте 5–6 м над уровнем воды в реке. Размеры не определены. Задернована. Одноплощадочный нуклеус, отщепы и неправильная пластина.

Фролов, 2001, с. 8, 9.

ФЕРЗИКОВСКИЙ РАЙОН

АВЧУРИНО. СТОЯНКА, мезолит.

0,5 км к Ю от с., левый берег р. Оки. Исследовал Б.В. Грудинкин в 1991 г. Размеры площадки сбора подъемного материала около 70×7 м. Высота над рекой до 1,5 м. Найдены кремневые комбинированные орудия, скребки, отщепы и др.

Грудинкин, 1991, № 16860, л. 10.

АВЧУРИНО. ПОСЕЛЕНИЕ, мезолит, 1-я пол. I тыс. н. э., 15–16 вв.

1,3 км к ЮВ от с., мыс левого берега р. Оки, образованный оврагом с З и ручьем с В, на правом берегу последнего. Исследовал Б.В. Грудинкин в 1991 г. Размеры около 150×110 м. Высота над рекой 6–9 м. Культурный слой мощностью 0,18–0,24 м содержит кремневые пластины с ретушью и отщепы, фрагменты грубой лепной и темно-лощеной керамики, предположительно мощинской культуры, обломки круговых позднесредневековых сосудов.

Грудинкин, 1991, № 16860, л. 10–11.

ВОРОНИНО. КРЕМНЕОБРАБАТЫВАЮЩАЯ МАСТЕРСКАЯ, мезолит, неолит.

1,5 км к З от д., левый берег р. Оки, при устье руч. Любовец, на левом берегу последнего. Открыта в 1984 г. Б.В. Грудинкиным и раскапывалась им же в 1985 г. Дополнительно обследована О.Л. Прошкиным в 1992 г. Размеры около 130×20–70 м. Высота над рекой до 3 м. Найдены: кремневые скребки, скобели, рубящее орудие, призматические нуклеусы, заготовки орудий, ножевидные пластины, отщепы с ретушью и осколки.

АКР, 1992, № 504 (12), с. 109;

Грудинкин, 1984, № 9473, л. 8; 1985, № 10939, л. 9;

Прошкин, 1992, № 17028, л. 11–12.

ЖДАМИРОВО. ПОСЕЛЕНИЕ, эпоха камня, эпоха бронзы, 1-я пол. I тыс. н. э., 9–10, 11–17 вв.

0,5 км к ЮВ от В окраины пос., 0,7 км к СВ от д. Перцево, на левом берегу руч. Ременник (левый приток р. Калужки, левый приток р. Оки), в его верховьях. Исследовал О.Л. Прошкин в 1999 г. Тянется вдоль берега ручья на расстояние до 500 м при ширине до 100 м. Высота над ручьем 8–12 м. Частично распахивается. Площадь распространения подъемного материала – более 4 га. Собранный на пашне подъемный материал состоит из кремневых ножевидных пластин, отщепов, фрагмента кремневого топора и обломков орудий мезолитического облика, фрагментов лепной посуды поздняковской культуры эпохи бронзы с гребенчатым и зубчатым орнаментом, грубоглиняных и лощеных сосудов 1-й пол. I тыс. н. э. (мощинская культура) и конца I тыс. н. э. (роменско-боршевская культура), а также многочисленных фрагментов гончарной посуды 11–17 вв. и более позднего времени. На поселении, в его прибрежной части, зафиксированы отдельные скопления железных шлаков.

Прошкин, 2000;

Павлишак, 2001, с. 111–121;

Прошкин, 1999, № 23394, л. 4–5.

ПАРАШЕНКИ. ПОСЕЛЕНИЕ, мезолит, 3–5 вв.

1,4 км к ЮЗ от д., мыс левого берега р. Оки при впадении ручья, правый берег последнего. Исследовал Б.В. Грудинкин в 1991 г. Размеры не менее чем 40×10 м. Высота над рекой 6–9 м. Культурный слой мощностью 0,17–0,22 м содержит кремневые скобели, ретушер, отщепы и сколы, фрагменты груболепных и лепных чернолощеных сосудов, предположительно мощинской культуры.

Грудинкин, 1991, № 16860, л. 11–12.

ТРОИЦКОЕ. СТОЯНКИ 1, 2.

Расположены близ д., на правом берегу р. Оки. Материал представлен нуклеусами, перфораторами, скребками, скреблами, скобелями, ретушерами, комбинированными орудиями, ножевидными пластинами, различными отщепами, сколами и чешуйками кремня. Все орудия покрыты патиной. Вероятно, стоянки существовали в период финального палеолита.

Грудинкин, 1996; 2003.

ТРОИЦКОЕ. СТОЯНКА 3.

Располагается на мысу третьей надпойменной террасы, образованном р. Окой и ее правым притоком речкой Любуткой. В 2002 г. Б.В. Грудинкиным вскрыто 60 кв. м. В слое коричневого суглинка залегали находки эпохи палеолита, среди них нуклеусы, скребло, отщепы, технологические сколы и пластины.

Грудинкин, 2003.

ХВАСТОВИЧСКИЙ РАЙОН

КРАСНОЕ (КРАСНОЕ 1 «ВАСЯ»). СТОЯНКА 1, мезолит.

1 км к ЮВ от с., дюнообразное всхолмление в пойме правого берега р. Вельи (левый приток р. Рессеты, правый приток р. Жиздры), в урочище «Вася». Размеры около 85×60 м. Высота над рекой 1–3 м. Поверхность подвергается ветровой эрозии. Открыта А.С. Смирновым в 1982 г. и исследована в том же году А.Н. Сорокиным на площади свыше 100 кв. м. Выявлены остатки культурного слоя мощностью до 0,2 м. Найден разнообразный кремневый мезолитический инвентарь (резцы, пластины, нуклеусы и отщепы). Коллекции в ИА РАН.

АКР, 1992, № 540 (34), с. 115;
Сорокин, 2001, с. 85–89; 2002;
Смирнов, Сорокин, 1982, № 9168, л. 5, 118–121.

КРАСНОЕ. СТОЯНКА 3, мезолит, неолит.

2 км к В от с., всхолмление первой надпойменной террасы левого берега р. Рессеты (правый приток р. Жиздры), западный берег ее старицы, 0,4 км к ССВ от урочища «Гребень». Размеры 150×30–60 м. Высота над рекой 5–6 м. Памятник открыт в 1981 г. И.К. Фроловым и исследован в 1982 г. А.С. Смирновым и А.Н. Сорокиным. Поверхность подвергается ветровой эрозии. Культурный слой мощностью 0,5–0,7 м содержит богатый кремневый (1400 разнообразных орудий) и керамический (фрагменты ромбо-ямочных сосудов) материал. Мезолитический инвентарь стоянки отнесен к бутовской культуре. Коллекции в ИА РАН.

АКР, 1992, № 542 (36), с. 115;
Сорокин, 2001, с. 86–89; 2002;
Смирнов, Сорокин, 1982, № 9168, л. 122–125.

КРАСНОЕ. СТОЯНКА 4, мезолит, неолит.

Около 1,5 км к ЮВ от Ю окраины с., левый берег р. Рессеты (правый приток р. Жиздры), в 0,25 км от нее к СЗ, в 0,8 км к СВ от устья р. Вельи, на небольшом дюнном всхолмлении. Размеры около 40×25 м. Высота над поймой до 1,5 м. Открыта А.С. Смирновым в 1982 г. и исследована им совместно с А.Н. Сорокиным в том же году. Найдены фрагменты лепной ямочной и ямочно-гребенчатой керамики, кремневые скребки, ножи, резец и другие орудия, а также пластины и отщепы.

АКР, 1992, № 543 (27), с. 115;
Сорокин, 2002, с. 25;
Смирнов, Сорокин, 1982, № 9168, л. 7–8.

КРАСНОЕ. ПОСЕЛЕНИЕ 6, мезолит, неолит, эпоха бронзы.

2 км к Ю от с., ЮВ часть обширного дюнообразного всхолмления в пойме левого берега р. Рессеты (правый приток р. Жиздры), 0,7 км выше устья р. Вельи, в уроч. «Пенешки», в 70 м к СВ от стоянки Красное 5. Исследовали А.С. Смирнов и А.Н. Сорокин в 1982 г., А.С. Смирнов в 1987 г. Размеры около 30×30 м. Высота над поймой 2 м. Культурный слой до 0,7 м. Исследовано раскопками 220 кв. м. Найдена лепная керамика с гребенчато-накольчатой, ямочно-гребенчатой и ромбо-ямочной орнаментацией, своеобразная ямочно-гребенчатая керамика с разреженной орнаментацией периода энеолита, многочисленные каменные орудия. Выявлены хозяйственные ямы. Коллекции в КГОКМ.

АКР, 1992, № 545 (30), с. 116;
Смирнов, 1986, с. 8–13;
Сорокин, 2002, с. 25;
Смирнов, Сорокин, 1982, № 9168, л. 9–10, 58–69;
Смирнов, 1987, № 11909, л. 19–29.

КРАСНОЕ. СТОЯНКА КРАСНОЕ 8 «ПЕНЕШКИ», мезолит.

2 км к Ю от с., СЗ часть обширного дюнообразного всхолмления в пойме левого берега р. Рессеты (правый приток р. Жиздры), 0,7 км выше устья р. Вельи, в уроч. «Пенешки». Размеры 100×30 м. Высота над поймой 2–3 м. Открыта А.С. Смирновым в 1982 г., раскапывалась А.Н. Сорокиным в 1982 г. и А.С. Фроловым в 1984 г. Исследовано 137 кв. м. Найдено более 8000 кремневых изделий, в том числе 955 орудий (резцы, скребки, скобели, вкладыши, острия, микролиты, трапеции и др.) позднемезолитического облика. Выявлено несколько ям. Коллекции в ИА РАН.

АКР, 1992, № 547 (38), с. 116;
Сорокин, Фролов, 1987, с. 228–234;
Сорокин, 2001, с. 86–88; 2002;
Смирнов, Сорокин, 1982, № 9168, л. 11, 125–131.

КРАСНОЕ. ПОСЕЛЕНИЕ 9, мезолит, неолит, эпоха бронзы.

1,4 км к Ю от с., мыс СВ оконечности обширного дюнообразного всхолмления в пойме левого берега р. Рессеты (правый приток р. Жиздры), в урочище «Пенешки». Размеры около 50×20 м. Высота над поймой до 2 м. Открыта А.С. Смирновым в 1982 г.

Культурный слой мощностью до 0,3 м содержит фрагменты неолитической с ямочно-гребенчатой, ромбо-ямочной и лапчатой орнаментацией, а также фрагменты неорнаментированной, предположительно эпохи бронзы, посуды, кремневые орудия мезолитического и неолитического облика.

АКР, 1992, № 548 (37), с.116;
Сорокин, 2002, с. 27;
Смирнов, Сорокин, 1982, № 9168, л. 11–12.

КРАСНОЕ. ПОСЕЛЕНИЕ 10, мезолит, неолит, эпоха бронзы.

1,5 км к Ю от с., мыс В части обширного дюнообразного всхолмления в пойме левого берега р. Рессеты (правый приток р. Жиздры), близ устья р. Вельи. Открыта в 1982 г. А.С. Смирновым и раскапывалась им же в 1982–1985 гг. и 1988 г. Размеры суходольной части около 50×30 м. Площадь шлейфа культурного слоя, уходящего под пойменные отложения не определена. Высота суходольной части над поймой до 1,5 м. Культурный слой до 0,5 м. Исследовано раскопками более 750 кв. м. Мезолитический комплекс находок включает кремневые, симметричные черешковые наконечники стрел, вкладыши, скребки, резцы, рубящие орудия и др.; ранненеолитический – керамика с гребенчато-накольчатой орнаментацией, кремневые орудия, близкие мезолитическим. К развитому неолиту отнесена керамика с ямочно-гребенчатой, ромбо-ямочной и лапчатой орнаментацией, к позднему – с разреженным ямочно-гребенчатым орнаментом. В числе кремневых изделий развитого и позднего неолита – двусторонне обработанные наконечники стрел и дротиков, преимущественно листовидной формы, скребки, скобели, сверла, ножи, комбинированные и топоровидные орудия и т. п. Керамика эпохи бронзы неорнаментированная или с орнаментом в верхней части сосудов из нарезок и отпечатков мелкого гребенчатого штампа. Выявлены хозяйственные ямы и очаги. Коллекции в КГОКМ.

АКР, 1992, № 549 (41), с. 116, 117;
Смирнов, 1986б, с. 13–15; 1989, с. 15–17;
Сорокин, 2002, с. 27, 28;
Смирнов, Сорокин, 1982, № 9168, л. 12–13, 132–138;
Смирнов, 1983, № 8658; 1984, № 10366; 1985, № 11003, л. 31–36; 1988, № 12608, л. 60–75.

РЕССЕТА. СТОЯНКА 1, мезолит, неолит.

0,4 км к В от д., у ЮВ окраины кладбища, на мысу первой надпойменной террасы левого берега р. Рессеты (правый приток р. Жиздры), образованного впадением безымянного ручья. Открыта И.К. Фроловым в 1973 г., обследована А.С. Смирновым в 1982 г. Площадь не установлена. Высота над рекой 4–5 м. Поверхность подвергается ветровой эрозии. Культурный слой мощностью до 0,3 м содержит фрагменты ямочно-гребенчатой керамики, кремневые орудия и отщепы.

АКР, 1992, № 564 (11), с. 119;
Сорокин, 2002, с. 19;
Фролов И., 1981, № 5213, л. 3–4;
Смирнов, Сорокин, 1982, № 9168, л. 1.

РЕССЕТА. СТОЯНКА 2, мезолит, неолит.

Близ д., на краю первой надпойменной террасы левого берега р. Рессеты (правый приток р. Жиздры), в 100 м к Ю от стоянки 1. Высота над рекой 4–7 м. Площадь памятника не определена. Открыта И.К. Фроловым в 1973 г., обследована А.С. Смирновым в 1983 г. и в том же году раскапывалась А.Н. Сорокиным. Вскрыто 110 кв. м. Культурный слой до 0,5 м содержит кремневые скребки, скребло, ножи, нуклеусы, пластины и отщепы мезолитического облика, имеется небольшая неолитическая примесь.

АКР, 1992, № 565 (14), с. 119;
Сорокин, 2002, с. 19–21;
Фролов И., 1981, № 5213, л. 4;
Смирнов, Сорокин, 1982, № 9168, л. 2.

РЕССЕТА. СТОЯНКА 3, мезолит, неолит, эпоха бронзы.

Близ д., кольцевидное дюнообразное всхолмление в пойме левого берега р. Рессеты (правый приток р. Жиздры), в 70 м к Ю от стоянки 2. Высота над рекой 4–7 м. Площадь памятника не определена. Открыта в 1983 г. А.С. Смирновым и в том же году раскапывалась А.Н. Сорокиным, вскрыто свыше 300 кв. м. Культурный слой до 0,5 м содержит мезолитические кремневые изделия, имеется небольшая неолитическая примесь. Кроме того, исследовано погребение эпохи бронзы с хорошо сохранившимся погребальным сооружением.

Дукельский, Сорокин, 1986;
Сорокин, 2002, с. 19–21;
Фролов И., 1981, № 5213, л. 4;
Смирнов, 1983, № 8658;
Сорокин, 1983, № 9479.

ЮХНОВСКИЙ РАЙОН

АЛЕКСАНДРОВКА. ПОСЕЛЕНИЕ, мезолит (?) р. ж. в., перв. пол. I тыс. н. э.

Склон левого берега р. Вори (левый приток р. Угры), 0,4 км к СЗ от д., 0,4 км к СЗ от городища. Обследовано И.К. Фроловым в 1977 г. и Г.А. Массалитиной в 1999 г.

Превышение над уровнем воды в реке 11–18 м. Размеры около 280×100 м. Частично испорчено многолетней распашкой и грунтовой дорогой, частично поросло деревьями. Г.А. Массалитиной раскопано 20 кв. м. Культурный слой мощностью до 0,5–0,7 м, найдены кремневые орудия предположительно эпохи мезолита, фрагменты лепной керамики днепро-двинской культуры и предположительно типа Заозерья.

АКР, 1992, № 591 (3), с. 123;
Фролов И., 1977, № 6714, л. 9, 10;
Массалитина, 1999, № 23740, л. 14, 15.

ЖАРЫ, ГОРОДИЩЕ, СТОЯНКА.

Памятник расположен на левом берегу р. Вори (левый приток р. Угры). Площадка поселения испорчена современными ямами и воронками времен Второй мировой войны. В 1998 г. Г.А. Массалитиной было вскрыто 20 кв. м. Стратиграфически и по характеру материала выявляются напластования нескольких исторических периодов: каменного века (предположительно эпохи мезолита), днепро-двинской культуры, первых веков н. э., культурная принадлежность которых из-за невыразительности материала, не определяется, эпохи Древней Руси (14–15 вв.).

Массалитина, 1999.

Г. МОСКВА

ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ, местонахождение.

На Театральной площади, на территории Белого города, при реконструкции сквера и фонтана у Большого театра раскрыты три яруса бревенчатых мостовых исторической Петровской дороги с прилегающей застройкой 16–18 вв. Ниже прослежен горизонт 14–15 вв. Кроме средневекового комплекса в верхней части песчаных отложений Н.Б. Леоновой открыто мезолитическое местонахождение, где обнаружены кремневые скребки, долотовидные изделия, отщепы и ножевидные пластинки.

Векслер, 1998.

МЯКИНИНО, МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ, СЕЛИЩЕ 1, мезолит, неолит, эпоха бронзы, р. ж. в., средневековье.

На северо-западной окраине г. Москвы, в течение 1992–1995 гг. проводились охранные исследования, связанные с проектированием трассы метро на участке «Митино – Строгино». Проведены раскопки селища Мякинино 1, обнаруженного А.В. Трусовым. Материалы исследований позволяют датировать основной комплекс 12–14 вв. Кроме древнерусского материала, на селище обнаружены фрагменты лепной керамики середины I тыс. н. э., относящейся к позднему этапу дьяковской культуры. Раскопки на селище Мякинино 1 дали обширную коллекцию керамики, включающую многочисленные целые формы сосудов, типологически характерных для средневековой московской керамики.

В переотложенном состоянии встречены кремневые орудия мезолита и неолита, отмечена керамика неолита и эпохи поздней бронзы. Среди находок раннего железного века из пахотного слоя необходимо назвать бронзовое умбоновидное украшение, имеющее аналогии в позднедьяковских древностях.

Векслер и др., 1996.

МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Из 39 районов области пять (Талдомский, Лотошинский, Клинский, Дмитровский и Сергиев-Посадский) относятся к бассейну р. Волги, Солнечногорский – к бассейну рек Волги и Оки. Остальные 33 района: Шаховской, Волоколамский, Истринский, Химкинский, Красногорский, Мытищинский, Пушкинский, Щелковский, Балашихинский, Ногинский, Павлово-Посадский, Можайский, Рузский, Одинцовский, Ленинский, Люберецкий, Раменский, Орехово-Зуевский, Шатурский, Наро-Фоминский, Подольский, Домодедовский, Воскресенский, Егорьевский, Чеховский, Серпуховский, Ступинский, Коломенский, Луховицкий, Озерский, Каширский, Зарайский и Серебряно-Прудский – относятся к Окскому бассейну.

Мезолитические стоянки открыты в 22 из них – Воскресенском, Егорьевском, Зарайском, Истринском, Каширском, Коломенском, Красногорском, Ленинском, Луховицком, Люберецком, Можайском, Одинцовском, Озерском, Орехово-Зуевском, Павлово-Посадском, Подольском, Раменском, Рузском, Серпуховском, Солнечногорском, Ступинском, Чеховском и Шатурском. Ниже приводится порайонный список этих памятников.

ВОСКРЕСЕНСКИЙ РАЙОН

ИСАКОВО. СТОЯНКА 1 (ЧАШКА 2), мезолит.

3,2 км к ЮЮВ от СВ окраины д., 3,6 км к ВЮВ от церкви с. Виноградово, подковообразный останец в правобережной пойме р. Нерской (левый приток р. Москвы), около 1,5 км к ЮЗ от современного русла реки, юго-восточный берег оз. Чашка, уроч. Чашка, к СВ от поселения 1. Размеры около 35×25 м, высота над озером 3,0–3,5 м. Мощность культурного слоя около 0,5 м. Найдены кремневые отщепы и пластины, в т.ч. с ретушью, обломок орудия с полукруглой ретушью.

АКР, 1997, № 1940 (11), с. 15;
Кравцов, 1988, № 12529, л. 5–7.

ИСАКОВО. СТОЯНКА 2 (ЧАШКА 3), мезолит.

3,2 км к ЮЮВ от северо-восточной окраины д., 3,6 км к ВЮВ от церкви с. Виноградово, ССВ часть внешнего склона подковообразного останца в правобережной пойме р. Нерской (левый приток р. Москвы), у оз. Чашка, около 1,5 км к ЮЗ от современного русла реки, в урочище Чашка. Культурный слой выражен

слабо. В нижней части слоя темного гумусированного песка на глубине 0,2–0,3 м и на поверхности найдены кремневые отщепы, неправильные пластины, низкая асимметричная трапеция из пластины.

АКР, 1997, № 1941 (9), с. 15;

Кравцов, 1988, № 12529, л. 7–9.

ИСАКОВО. ПОСЕЛЕНИЕ 1 (ЧАШКА 1), мезолит, эпоха бронзы.

3,2 км к ЮЮВ от СВ окраины д., 3,6 км к ВЮВ от церкви с. Виноградово, подковообразный останец в правобережной пойме р. Нерской (левый приток р. Москвы), у оз. Чашка, около 1,5 км к ЮЗ от современного русла реки, в урочище Чашка. Протянулось с З на В вдоль южного берега озера, размеры около 130–35×15 м, высота 1,5–3,5 м. А.Е. Кравцовым и Г.А. Николаевым исследовано 36 кв. м. Мощность культурного слоя от 0,25–0,40 м на периферии и до 2,25 м в центральной части памятника. Керамика лепная, с примесями песка и шамота в глиняном тесте, без орнамента или орнаментированная прочерченными горизонтальными и веерообразно расходящимися линиями, выполненными точечными наколами, треугольниками, заполненными рядами наколов, мелкозубчатым штампом и оттисками шнура, иногда подлощенная, фатьяновской культуры, с сетчатыми отпечатками на внешней поверхности эпохи поздней бронзы. Найдены кремневые концевые скребки на отщепах и пластинах, угловой многофасеточный, поперечный на сломе заготовки, двойной смешанного типа, обломок ножа из отщепа, скобель на пластине, черешковый наконечник стрелы из пластины, сверло из ребристой пластины, скошенное острие, отщепы и пластины, в т.ч. с ретушью, микропластины, вкладыши из сечения пластин, конические и подконические нуклеусы, главным образом мезолитического времени. Зафиксированы следы краски, уголь, кости, обгоревшие камни. Исследованы очаги, вероятно, обложенные крупной кремневой галькой и кварцитом, и яма, относящаяся к эпохе бронзы.

АКР, 1997, № 1942 (12), с. 15;

Кравцов, 1987, № 11878, л. 12–17; 1988, № 12529, л. 3–5;

Николаев, 1988, № 13964, л. 2–11.

ЕГОРЬЕВСКИЙ РАЙОН

КОЛИОНОВО. СТОЯНКА 1 (ЧЕРНАЯ 1), мезолит, неолит.

4 км к ССВ от д., первая надпойменная терраса левого берега р. Цны (левый приток р. Оки), 0,15 км от русла, 0,9 км от устья р. Черной (левый приток р. Цны). Протянулась с ЮЗ на СВ, размеры около 140×20 м, высота над поймой 1,5–2,5 м. Территория памятника нарушена ямами, канавами, частично поросла деревьями и кустарником. А.Е. Кравцовым исследовано 207 кв. м. Культурный слой около 0,6 м. Керамика лепная, орнаментированная мелкими наколами, верхневолжской культуры. Кремневые орудия изготовлялись преимущественно из отщепов. Наиболее многочисленная категория орудий – резцы, среди которых много грубых, массивных, в т.ч. на окончаниях и сломах заготовок, угловые, с ретушированной площадкой. Найдены также скребки концевые, угловые, полукруглые, четырехугольные, треугольные из отщепов и пластин, скобели с дугообразными выемками, скребла, скошенные острия и наконечники стрел на пластинах постсвидерского и постаренсбургского типов, ножи, в т.ч. «пуговицами», сверла, проколки, комбинированные орудия (скребки-скобели, резцы-скобели, скребки-проколки, нож-скобель), топоры, и тесла из кремня и опоки со следами шлифовки, вкладыши из пластин, в т.ч. прямоугольной формы с краевой ретушью, ретушеры из отщепов и пластин, отщепы, ножевидные пластины, нуклеусы подконические и подпризматические, шлифовальный камень из песчаника, отбойники из гальки. Исследованы многочисленные углистые пятна, с которыми связаны скопления находок. Часть их являются остатками кострищ или очагов, другие, возможно, связаны со столбовыми конструкциями наземных жилищ. Одно из предполагаемых жилищ было овальной в плане формы размерами 8,0×4,5 м, оно имело 17 углистых пятен по краям и в центре. Памятник относится к поздней стадии развития бутовской мезолитической культуры и ранней стадии ранненеолитической верхневолжской культуры. По данным радиоуглеродного и спорово-пыльцевого анализов стоянка датируется VII–VI тыс. до н. э. Коллекция в МИМ.

АКР, 1997, № 1966 (7), с. 22;

Кравцов и др., 1979, с. 64, 65; 1994, с. 117–131;

Кравцов, 1980, с. 1984, с. 61; 1985, с. 62; 1986, с. 54;

Кравцов, Лозовский, 1989, с. 162;

Кравцов, 1978, № 6948, л. 14–17; 1979, № 7578, л. 24–26; 1982, № 9360, л. 20–23; 1983, № 9581, л. 14–39; 1984, № 10893, л. 5–18; 1987, № 11878, л. 4–8.

КОЛИОНОВО. СТОЯНКА 2 (ЧЕРНАЯ 3), мезолит.

4,5 км к ССВ от д., надпойменная терраса левого берега р. Цны (левый приток р. Оки), 0,3 км к СВ от деревянного моста, 1,5 км от устья р. Черной (левый приток р. Цны). Протянулась с З на В, размеры около 50×30 м, высота над рекой 1–3 м. Северная часть памятника нарушена противопожарными канавами, поросла деревьями, центральная – повреждена раскорчевкой. Культурный слой мощностью 0,20–0,35 м. Найдены кремневые резец на сломе узкой правильной пластины, отщепы, чешуйки.

АКР, 1997, № 1967 (5), с. 23;

Кравцов, 1987, № 11878, л. 8, 9.

КОЛИОНОВО. СТОЯНКА 3 (УСТЬ-ЧЕРНАЯ), мезолит (?), неолит.

3,5 км к ССВ от д., 2,9 км от юго-восточного угла дамбы водохранилища Шалаховское, мыс первой над-

пойменной террасы левого берега р. Цны (левый приток р. Оки), 0,35 км от устья р. Черной (левый приток р. Цны), правый берег последней. Протянулась с СЗ на ЮВ, размеры около 80×60 м, высота над рекой 2,0–2,5 м. Западная часть памятника нарушена валообразной насыпью, ямами и обнажениями (следы раскорчевки леса), частично поросла деревьями и кустарником. А.Е. Кравцовым исследовано 52 кв. м. Культурный слой мощностью около 0,6 м. Керамика лепная, орнаментированная наколами, оттисками гребенчатого штампа, «отступающей палочки», веревочки, верхневолжской ранненеолитической культуры, лепная ямочно-гребенчатая, с коническими ямками и полулунными вдавлениями льяловской культуры, лепная, с орнаментацией из овально-ромбических ямок и оттисков веревочки, возможно, рязанской культуры. Найдены также кремневые скребки, в т.ч. концевые на пластинах и отщепах, подокруглые, подтреугольные и подчетырехугольные, скобели из отщепов, резцы на сломах заготовок, ножи, среди которых шлифованные, пилка, черешковые наконечники стрел на пластинах, листовидные из отщепов, а также подромбической формы, наконечник дротика, проколки, сверла, острия, вкладыши из пластин, в т.ч. с регулярной ретушью, комбинированные орудия (скребки-резцы, скребок-сверло, скребки-ножи, нож-проколка), трапециевидное долото, тесло, отщепы, в т.ч. с ретушью и со следами шлифовки, пластины, нуклеус подпризматический для снятия пластин, обломки шлифовальных плит и отбойник из кварцита. Исследованы кострище, относящееся ко времени верхневолжской культуры, и часть хозяйственной ямы. Коллекция в Егорьевском краеведческом музее.

АКР, 1997, № 1968 (8), с. 23;

Кравцов, 1984, с. 62; 1986, с. 54;

Кравцов, 1982, № 9360, л. 4–10; 1984, № 10893, л. 19–25.

КОЛИОНОВО. ПОСЕЛЕНИЕ 3 (ПАНЮШЕНКА), мезолит, неолит, р. ж. в., 3-я четв. I тыс. н. э.

Около 5 км к ССЗ от д., 0,8 км от дамбы вдхр. Шалаховское, мыс первой надпойменной террасы левого берега р. Цны (левый приток р. Оки), 0,7 км от устья р. Панюшенки (левый приток р. Цны), правый берег последней. Размеры около 30×20 м, высота над рекой 2 м. Территория памятника поросла редкими деревьями. А.Е. Кравцовым исследовано около 120 кв. м. Культурный слой около 0,6 м. Керамика лепная, с ямочно-гребенчатым орнаментом, льяловской культуры, лепная, с ямчатым орнаментом, штриховкой и оттисками веревочки по срезу венчика, «близкая неолитической керамике Посожья», лепная неорнаментированная, с примесями песка и шамота в глиняном тесте, р. ж. в. Найдены также кремневые орудия из отщепов и пластин: скребки, в т.ч. концевые, боковые, угловые, округлые, подчетырехугольные, трапециевидные, скобели с дугообразными выемками, резцы (наиболее многочисленная категория орудий), в т.ч. угловые на концах и сломах заготовок, ножи, пилка, наконечники стрел, в т.ч. постсвидерского типа, листовидные с коротким черешком, треугольно-черешковые, наконечники дротиков, в т.ч. обломок подромбического наконечника с намечающимися шипами, сверла, проколки, развертки, вкладыши из пластин с ретушью, комбинированные орудия (скребки-скобели, скребки-резцы, сверло-скребок, нож-скобель), тесла, долота, топоры из кремня и опоки с частичной шлифовкой, «клад» из четырех заготовок опоковых рубящих орудий, нуклеусы, в т.ч. аморфный одноплощадочный, призматические, подконические, отщепы, пластины, шлифовальная плита, отбойники, ретушеры, точильные камни. Среди находок – обломок кораллового колечка со следами шлифовки. По мнению А.Е. Кравцова, на поселении находилась мастерская по первичной обработке кремня. В юго-восточной части поселения сосредоточены находки развитого и позднего неолита. Здесь исследованы семь кострищ, одно из которых относится к р. ж. в., шесть других радиоуглеродным методом датируются сер. IV тыс. до н. э. Находки с чертами позднего этапа мезолитической бутовской и, возможно, ранненеолитической верхневолжской культур обнаружены на всей территории памятника. Коллекция в МИМ и Егорьевском краеведческом музее.

АКР, 1997, № 1971 (4), с. 25;

Кравцов, 1980, с. 57; 1984, с. 61, 62; 1985, с. 62; 1988а, с. 113–129;

Кравцов, 1979, № 7578, л. 26, 27; 1982, № 9360, л. 11–19; 1983, № 9581, л. 2–13; Паспорт.

КУПЛИЯМ. СТОЯНКА 1, мезолит, неолит.

0,7 км к С от северной окраины с., 1 км к ССЗ от церкви, останец первой надпойменной террасы правого берега р. Летовки, левого притока р. Цны (левый приток р. Оки), 1,2 км от устья и 0,3 км от русла. Протянулась с ЗСЗ на ВЮВ, размеры около 110×40 м, высота над поймой 1,5–2,0 м. Территория памятника нарушена противопожарной канавой. Культурный слой 0,15 м. Найдены кремневые отщепы, ножевидные пластины, одноплощадочные подконические нуклеусы для снятия пластин и отщепов, один из которых переоформлен ретушью в рубящее орудие.

АКР, 1997, № 1973 (19), с. 26;

Кравцов, 1983, с. 63;

Кравцов, 1981, № 8508, л. 4–6, 8.

КУПЛИЯМ. СТОЯНКА 2 (КУПЛИЯМ 2А), мезолит.

Около 0,7 км к С от северной окраины с., около 1 км к ССЗ от церкви, останец первой надпойменной террасы правого берега р. Летовки, левого притока р. Цны (левый приток р. Оки), около 1,3 км от устья, 0,25 км от русла, 80 м к ЮВ от стоянки 1. Протянулась с З на В, размеры около 85×65 м, высота над поймой 1–2 м. Территория памятника нарушена противопожарной канавой. Культурный слой 0,35 м. Найдены кремневые отщепы, пластины, в т.ч. с ретушью, концевой дугооб-

разный скребок из пластины, нуклеусы двуплощадочные призматические для снятия пластин и аморфные для получения отщепов. Предположительно стоянка отнесена к бутовской мезолитической культуре.

АКР, 1997, № 1974 (18), с. 26, 27;
Кравцов, 1983, с. 63;
Кравцов, 1981, № 8508, л. 6–8.

ЛЕЛЕЧИ. ПОСЕЛЕНИЕ 2, мезолит, эпоха бронзы.

Около 0,8 км к ЮЗ от юго-западной окраины с., слабовыраженный мысовидный выступ первой надпойменной террасы правого берега р. Цны (левый приток р. Оки), около 0,25 км от русла, 0,3 км к ЮЗ от поселения 1. Протянулось с С на Ю, размеры около 60×20–35 м, высота над поймой 1,5–4,0 м. Территория памятника нарушена грунтовой дорогой, западная часть распахивается. Культурный слой – супесь толщиной до 0,35 м. Керамика лепная, с орнаментом из оттисков зубчатого штампа и ямочных вдавлений, а также с глубокой штриховкой, нанесенной в разных направлениях, поздняковской культуры. Найдены также кремневые пластины и отщепы, асимметричный косолезвийный наконечник стрелы с боковой выемкой из отщепа, характерный для иеневской мезолитической культуры, и отщеп с ретушью, по форме близкий трапеции.

АКР, 1997, № 1977 (25), с. 27;
Кравцов, 1980, с. 57;
Кравцов, 1979, № 7578, л. 6, 7.

ЗАРАЙСКИЙ РАЙОН

БЕЛЫЙ КОЛОДЕЦ, мезолит.

Памятник открыт И.Е. Зайцевой в 1996 г. и раскапывался Е.В. Леоновой в 1998, 2000 и 2001 гг. Расположен на северной окраине города Зарайска в урочище «Белый колодец», на уровне второй надпойменной террасы р. Осетр (правый приток Оки), на т.н. городище. Верхний культурный слой мощностью около 20 см содержит керамику середины I тыс. н. э. дьяковской культуры (определение К.А. Смирнова) и 8–9 вв. (предположительно роменской культуры). Нижний – дал многочисленный и выразительный раннемезолитический материал, отнесенный к иеневской культуре. Всего вскрыт 121 кв. м.

По уточненным данным Е.В. Леоновой, верхний слой памятника содержит смешанные культурные остатки от рубежа эр до наших дней, в том числе материалы дьяковской культуры раннего железного века, раннеславянские и древнерусские. Кроме керамики, изделий из кости, бронзы и остеологических материалов в верхнем слое зафиксировано 17 хозяйственных ям, которые различаются по диаметру, глубине, форме и заполнению. В их заполнении обнаружены обломки костей и отдельные фрагменты лепных сосудов без орнамента. Керамическое тесто с примесью дресвы и крупнозернистого песка, поверхность сосудов или неровная из-за выступающих кварцитов, или заглажена, некоторые фрагменты несут следы лощения. Толщина фрагментов от 0,5 до 1,1 см. Керамический материал представлен горшками. Реконструируется только одна целая форма, но в коллекции большое число венчиков и донцев. Часть керамического материала относится к поздним этапам дьяковской культуры (конец 7 в.), а фрагменты толстостенных сосудов с большим количеством примеси дресвы в тесте, вероятно, можно отнести к роменско-боршевской культуре. Кроме этого в коллекции присутствует значительное число разрозненных фрагментов дьяковской сетчатой керамики первых веков н. э. Другие изделия из глины представлены пряслицами, грузилами, мелкими обломками тиглей, двумя глиняными шариками, миниатюрным лепным сосудиком без орнамента. Найдены кости с просверленными отверстиями: подвеска из клыка некрупного хищника (лисицы?), птичья кость и таранная кость овцы или козы, «бусина» из позвонка рыбы. Кроме этого из отдельных фрагментов реконструировано изделие из трубчатой кости животного, представляющее собой полую трубку длиной 6,5 см, эллипсоидную в разрезе (2×2,5 см в поперечнике) с двумя противолежащими отверстиями на одном конце и одним (может быть, тоже двумя – часть изделия утрачена) – на другом. Найдены изделия из бронзы – крестопрорезной бубенчик, датируемый кон. 10 – 1-й пол. 12 в., и две поясные накладки. Такие бронзовые накладки бытовали в кон. 7 – нач. 8 в. н. э. в ломоватовской культуре Прикамья.

Нижний культурный слой относится к эпохе мезолита и представляет собой остатки поселения иеневской культуры. Остатков сооружений не обнаружено. Зафиксировано более 4000 артефактов мезолитического времени. Находки представлены только изделиями из камня (кремень и кварцит). Органические материалы, за исключением мелких фрагментов кальцинированных костей, не сохраняются. Мезолитический культурный слой сопряжен с погребенной почвой. В плане находки залегают несколькими небольшими компактными скоплениями, площадью до 160 кв. см. Других объектов культурного слоя (пятен, остатков кострищ или очагов) не зафиксировано. Исследовано два скопления. В составе скоплений 1–2 ядрища, продукты расщепления (отщепы, пластины, технологические сколы) и единичные орудия. Вне скоплений находки немногочисленны. Полученная коллекция каменного инвентаря позволяет реконструировать технологический процесс первичного расщепления от подготовки ядрища и до стадии производства заготовок (пластин и отщепов). Своеобразие мезолитической коллекции придает серия рубящих орудий – топоров с перехватом, а также обушковый нож из пластинчатого отщепа и скребок высокой формы. Кроме них имеются разнообразные резцы – ретушные, угловые и на сломе заготовки; концевые скребки и единичные предметов охотничьего вооружения – асимметричные наконечники стрел и геометрические микролиты.

Амирханов, 1997;
Зайцева, 1997;
Леонова, 2002.

АРГУНОВО. ПОСЕЛЕНИЕ 2 (КОВЫЛИНО 1), мезолит (?), р. ж. в. (?), 3-я четв. I тыс. н. э. (?), 14–17 вв.

1,1 км к ЮЗ от д., 2,2 км к ВЮВ от СВ окраины с. Сенницы 2-е Озерского р-на, территория б. д. Ковылино (Кобылино), мыс первой надпойменной террасы левого берега р. Осетр (правый приток р. Оки), к С от уроч. Ковылкино. Протянулось с ЗСЗ на ВЮВ, размеры 190×50 м, высота над рекой 10 м. Северная оконечность памятника нарушена грунтовой дорогой, восточная поросла лесом, на западной – расположен триангуляционный знак. Культурный слой – темно-серый суглинок толщиной 0,4 м. Найдены кремневые отщепы мезолитического облика, мелкие фрагменты красноглиняных сосудов с примесью дресвы и песка в тесте, возможно лепных, а также гончарная позднесредневековая керамика, в т.ч. белоглиняная, чернолощеная и мореная. Впервые пустошь Кобылина (Ковылина) упоминается в Писцовых книгах 1594–1597 гг.

АКР, 1997, № 2010 (4), с. 40;
Коваль, 1994, № 20459.

КАРМАНОВО. СТОЯНКА 1, палеолит, мезолит.

Около 0,15 км к С от СВ окраины с., наиболее возвышенный участок правого берега р. Осетр (правый приток р. Оки), около 1 км от русла. Протянулась с С на Ю, размеры около 200×120 м, высота над рекой 48–53 м. Северо-западная часть памятника нарушена грунтовой дорогой, юго-западная – небольшим карьером, остальная территория распаивается. Мощность культурного слоя не определена. Памятник открыт А.В. Трусовым в 1990 г. Подъемный материал включает 158 изделий. Найденные кремневые изделия по степени сохранности, технике обработки и формам орудий разделены на два комплекса. К раннепалеолитическому комплексу относятся концевые и боковые скребла на отщепах, остроконечник листовидной формы на крупном пластинчатом отщепе, нуклевидное изделие из крупного желвака кремня со следами встречного скалывания грубых пластинчатых отщепов, отщепы, в т.ч. с плоской подтеской со стороны брюшка, пластины. Кремневые изделия имеют сильно патинированную поверхность, некоторые – окатанность и разломы по трещинам. Комплекс, датируемый финальным палеолитом или мезолитом, представлен топором с перехватом на крупном отщепе, нуклеусами торцевого типа скалывания от пластин, отщепами и пластинами. Кремневые изделия этого комплекса имеют лучшую сохранность, патина или отсутствует, или тоньше и покрывает не все изделие.

АКР, 1997, № 2032 (63), с. 44, 45;
Трусов, 1990, № 15908, л. 40–43.

КАРМАНОВО. ПОСЕЛЕНИЕ (КАРМАНОВО 2), палеолит, 14–17 вв.

Около 100 м к Ю от ЮЗ окраины с., склон террасы правого берега р. Осетр (правый приток р. Оки), правый берег безымянного ручья (правый приток р. Осетр), близ его устья, около 1 км к ЮЮЗ от стоянки 1. Протянулось с С на Ю, размеры около 80×30 м, высота над рекой 20–30 м. Территория памятника нарушена грунтовой дорогой. Культурный слой состоит из двух горизонтов: нижнего (буро-коричневый суглинок с камнями в нижней части толщиной 0,10–0,15 м) и верхнего (темно-серая супесь толщиной 0,35–0,37 м). В нижнем горизонте найдены латинизированные кремневые отщепы и пластины со следами естественных расколов по трещинам, отнесенные к палеолиту. Возможно, собранный материал переотложен. В верхнем горизонте встречена гончарная позднесредневековая керамика, в т.ч. белоглиняная и чернолощеная.

АКР, 1997, № 2033 (65), с. 45;
Астахов, 1958, № 2033 (65);
Трусов, 1990, № 15908, л. 43–45.

КУКОВО. СТОЯНКА 1, палеолит.

В 6,5 км к ЮЮЗ от г. Зарайск, на северной окраине д., мыс правого берега р. Осетр (правый приток р. Оки) при впадении руч. Осетрик, на левом берегу последнего. Протянулась с З на В, размеры около 100×40 м, высота над рекой около 20 м. Территория памятника используется под огороды. Культурный слой – темно-серый и буро-коричневый суглинок толщиной 0,3–0,4 м. Памятник открыт в 1990 г. А.В. Трусовым и дополнительно обследован в 1998 г. Среди кремневых изделий встречены резцы разных типов, ребристая пластина с концом, подработанным мелкой полукруглой ретушью, заготовки рубящих орудий, нуклеусы одноплощадочные торцевые, подпирамидальные, подпризматические от пластин, плоский от пластинчатых отщепов, уплощенный двуплощадочный от грубых пластин и отщепов, желвак с радиальным типом скалывания от отщепов. Кроме того, найдены отщепы, в т.ч. с ретушью, пластины, среди которых есть со скошенным ретушью концом и ребристые, ретушер на массивном отщепе, отбойник из кварцитовой гальки. Часть изделий имеет следы латинизации и известковый налет. В слое темно-серого, слоистого суглинка на глубине 2,0–2,4 м найдена трубчатая кость животного. Предварительная датировка памятника – финальный палеолит.

АКР, 1997, № 2038 (69), с. 46;
Трусов, 2000;
Спиридонова, 2000;
Трусов, 1990, № 15908, л. 46–49.

КУКОВО. СТОЯНКА 2, палеолит.

0,2 км к С от д., пологий склон правого берега р. Осетр (правый приток р. Оки), на противоположном от деревни правом берегу руч. Осетрик (правый приток р. Осетр), близ его устья. Протянулась с ЗЮЗ на ВСВ, размеры около 200×70 м, высота над рекой 12–17 м. Территория памятника распахивается. Мощность культурного слоя не определена. Найдены кремневые изделия, в т.ч. обломок крупной пластины с приостренным крутой неровной ретушью концом, нуклеусы подпризматичес-

кие для снятия грубых пластин и отщепов, аморфные, уплощенно-радиальный или дисковидный, торцевой с двумя скошенными площадками от крупных пластин, уплощенный со скошенной площадкой одностороннего скалывания от грубых пластин, отщепы, пластины и отбойники. Некоторые изделия имеют следы патины. Предварительная датировка – палеолит.

АКР, 1997, № 2039 (68), с. 46, 47;
Трусов, 1990, № 15908, л. 50.

КУКОВО. МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ (КУКОВО 3).

0,75 км к ЗЮЗ от южной окраины д., правый берег р. Осетр (правый приток р. Оки), на обоих берегах безымянного ручья, близ его устья. Протянулось с С на Ю, размеры около 40×20 м, высота над рекой 0,5–2,0 м. Культурный слой, вероятно, переотложен. Открыт А.В. Трусовым в 1990 г. Найдены кремневые рубящее орудие с перехватом на отщепе, отщепы, обломок крупной пластины. Культурная принадлежность не установлена.

АКР, 1997, № 2040 (70), с. 47;
Трусов, 1990, № 15908, л. 51.

ТРЕГУБОВО 2. СТОЯНКА, финальный палеолит.

8 км ЮЮЗ от г. Зарайска на противоположном (левом) берегу р. Осетр, на краю водораздельного склона, обращенного в сторону р. Невидимки, около 0,5 км от впадения ее в р. Осетр. Высота над р. Невидимкой около 20 м, над р. Осетр – около 50 м. Открыта А.В. Трусовым в 1998 г. Найдено более 2000 кремневых предметов: пластины, в т.ч. ребристые пластины, микропластины, пластины с ретушью, сколы и отщепы, заготовки и обломки нуклеусов, в основном торцевых, резцы, скребки, острия. Памятник отнесен к мастерским по первичному расщеплению кремневого сырья.

Трусов, 2004;
Трусов, 1998, № 22105; 1999, № 22485.

ИСТРИНСКИЙ РАЙОН

ИСТРА. ПОСЕЛЕНИЕ 1 (СЫЧЕВСКОЕ, МАЛОИСТРИНСКОЕ), мезолит, р. ж. в., 3-я четв. I тыс. н. э.

Юго-западная окраина г., мыс правого берега р. Истры (левый приток р. Москвы) при впадении в нее р. М. Истры, левый берег последней, 0,7 км к ЮЮЗ от ж. д. моста. Размеры 60×80 м, высота над рекой 10–12 м. Культурный слой мощностью 0,3–0,4 м. Керамика лепная, в т.ч. с сетчатыми отпечатками на внешней поверхности и гладкостенная, дьяковской культуры, гончарная древнерусская с линейным орнаментом, грузик «дьякова типа», медная пронизка, кремневые призматические нуклеусы и отщепы, предположительно мезолитического времени.

АКР, 1995, № 852 (34), с. 47;
Виноградов, 1925, с. 39;
Косинский, 1959, № 1935, л. 4, 5;
Сидоров, 1972, № 4888, л. 47, 48; 1973–1974, № 5431, л. 33.

ИСТРА. ПОСЕЛЕНИЕ 2 (ТРУСОВСКОЕ), мезолит, неолит, эпоха бронзы, р. ж. в., 3-я четв. I тыс. н. э.

Юго-западная окраина г., краевая часть левобережной террасы р. Истры (левый приток р. Москвы), напротив устья р. М. Истры, 0,3 км к Ю от ж. д. моста. Протяженность вдоль берега около 50 м. Большая часть поселения разрушена карьером. К.Я. Виноградовым и В.В. Сидоровым исследовано более 250 кв. м. Культурный слой мощностью 0,3–0,4 м. Найдены каменные орудия, пластины и отщепы мезолитического облика, кремневый наконечник стрелы с двусторонней ретушью, лепная керамика эпохи бронзы и дьяковской культуры, с сетчатыми отпечатками на внешней поверхности и гладкостенная (в т.ч. с насечками по венчику), подлощеная, миниатюрные лепные сосудики, «рогатые кирпичи», льячки, грузики «дьякова типа», медные пряжка и пинцет, железные сюльгама, серп, двушипный наконечник стрелы.

АКР, 1995, № 853 (36), с. 47;
Розенфельдт, 1988, с. 242, 267;
Сидоров, 1972, № 4888, л. 44, 47, 48; 1973–1974, № 5431, л. 32;
Кренке, 1985, № 11073, л. 20;
Арх. К.Я. Виноградова. Р-4.

КАШИРСКИЙ РАЙОН

ГОРОДИЩЕ 1, мезолит, р. ж. в., 3-я четв. I тыс. н. э., 11–13 вв.

Располагалось в 0,3 км к Ю от с. Размеры не определены, ранее с напольной, западной стороны имелись два вала и два рва. Разрушено карьером при строительстве а/д Кашира – Алексин. Сохранились только небольшие участки культурного слоя в обрезе карьера толщиной до 1 м. В остатках культурного слоя найдены нуклеус, отщепы, относящиеся к периоду мезолита, а также лепная неорнаментированная и гончарная древнерусская керамика. Городище интерпретируется исследователями, как остатки древнерусского г. Колтеск, упомянутого в летописи под 1146 или 1147 гг. в связи с походами Святослава.

АКР, 1997, № 2115 (19), с. 65, 66;
Бурых и др., 1956, с. 548;
Юшко, 1970, № 4215, л. 5;
Розенфельдт, 1960, № 2042, л. 19;
Сидоров, 1989, № 15433, л. 68.

КОЛТОВО. СТОЯНКА 1, мезолит.

0,3 км к Ю от с., левый коренной берег р. Мутенки (правый приток р. Оки), территория городища 1. Размеры не определены. Разрушено карьером при строительстве автодороги Кашира – Алексин. При исследовании городища найдены нуклеус, отщепы, относящиеся к периоду мезолита.

АКР, 1997, № 2111 (18), с. 64;
Сидоров, 1989, № 15433, л. 68.

КОЛТОВО. ПОСЕЛЕНИЕ 1 (КОЛТОВО 2), мезолит, р. ж. в., 3-я четв. I тыс. н. э., 11–13 вв.

СВ окраина с., склон надпойменной террасы правого берега р. Оки, 0,5 км выше устья р. Мутенки. Размеры 150×70 м, высота над рекой около 10 м. Территория памятника распахивается под огороды, размывается оврагом, застраивается дачами. Л.А. Евтюховой, В.В. Сидоровым и Н.В. Зубаревым исследовано более 200 кв. м.

Культурный слой толщиной 0,4 м. Керамика лепная, в т.ч. украшенная пальцевыми вдавлениями, насечками и защипами по венчику и отпечатками веревочки, навитой на палочку, а также подлощеная дьяковской культуры и гончарная древнерусская керамика с линейным и волнистым орнаментом. Среди других находок – кремневые скребки, резцы, проколки и нуклеусы, отнесенные к мезолиту, глиняные пряслица, железные ножи, фрагмент бронзового нательного креста и обломок браслетообразного височного кольца. Древнерусский слой поселения может интерпретироваться как остатки одного из посадов древнерусского г. Колтеск, упомянутого в летописи под 1146 или 1147 г. Часть коллекции в Каширском музее.

АКР, 1997, № 2112 (15), с. 64;
ПСРЛ. Т.II. СПб. 338;
Арх. ИИМК: Ф. 2. Оп. 1. 1930, № 173, л. 5–7;
Юшко, 1970, № 4215, л. 4;
Сидоров, 1989, № 15433, л. 67, 68;
Зубарев, 1993, № 18543, л. 8–16;
Сидоров, 1995, № 20525.

КОЛТОВО. ПОСЕЛЕНИЕ 2 (КОЛТОВО 7, МУТЕНКА), мезолит, р. ж. в., 3-я чет. I тыс. н. э, 11–13 вв.

1 км к Ю от с., 1,4 км к З от с. Корыстово, мыс левого коренного берега р. Медведки, левого притока р. Мутенки (правый приток р. Оки) при вхождении в ее долину оврага, по которому протекает ручей. В 0,5 км к Ю от городища 1 и в 0,2 км к ЮЗ от городища Корыстово 2. Размеры 80×50 м, высота над первоначальным уровнем воды р. Медведки до устройства на ней плотины 35–40 м. Селище Колтово 7 – пригород древнего Колтеска у г. Каширы – было повреждено в ходе строительства автотрассы М 7 «Москва – Дон». Поверхность памятника срезана многовековой пахотой, сохраняются только ямы и нижняя часть почвенного слоя. В.В. Сидоровым и А.В. Трусовым в 1995 и 2001 гг. исследовано свыше 500 кв. м. Культурный слой мощностью 0,2–0,3 м. Найдена керамика лепная с сетчатыми отпечатками на внешней поверхности и гладкостенная дьяковской культуры, гончарная древнерусская с линейным и волнистым орнаментом. Среди других находок – кремневые отщепы, пластины, скребла, нуклеусы, отнесенные к мезолиту, костяной стержень, относящийся к р. ж. в., обломки витого стеклянного браслета, перевитого золотой нитью, обломки железных ножей, косы-горбуши, пластинка от панциря, дужка от цилиндрического замка, бронзовый пластинчатый браслет с пуансонным орнаментом древнерусского времени. Древнерусский слой поселения, видимо, являлся посадом древнерусского г. Колтеск, упомянутого в летописи под 1146 или 1147 г. В южной части поселения вскрыт хозяйственно-бытовой комплекс первой половины 13 в. – обширный погреб с провалившейся в него печью и примыкающими к нему клетями с подпечными ямами. Прослежено два строительных периода. Обильны фаунистические остатки, гончарная керамика, железные шлаки, железные изделия. Среди индивидуальных находок – семилучевое височное кольцо, латунный крестик, серебряное навершие и серьга, бронзовый рыболовный крючок, железное писало. Датирующими находками являются стеклянные браслеты и шиферное пряслице.

Южный участок памятника дал довольно много находок раннего времени – сетчатая керамика, кресало балтийского типа, в слое рассеяны многочисленные обработанные кремни и керамика эпохи бронзы. Слой частично сохранился в основании почвы. С последней связаны 3 могильные ямы, в одной из которых обнаружен развал сосуда липчинского типа.

Исследованы многочисленные подпечные ямы и погреба – остатки по крайней мере четырех построек, не раз возобновлявшихся. В заполнении преобладает белоглиняная посуда очень высокого качества. Среди индивидуальных находок – пластинчатый бронзовый браслет, стеклянный браслет и фрагмент стеклянного сосуда, роговая фигурка-фишка, многочисленные ножи, ведерные дужки, гвозди, пряслица.

На месте селища сохранились углубленные части не долго существовавшего жилища эпохи поздней бронзы площадью около 60 кв. м. Несущие конструкции фиксируются по глубоким столбовым ямам. Немногочисленная и плохо сохранившаяся керамика определяется как сетчатая и поздняковская.

Стерильной прослойкой отделены мастерские по обработке кремня, залегавшие компактно. Техника направлена на получение микропластин. Встречены торцовые нуклеусы, среди орудий – серия срединных резцов тимоновского типа и пластин с круто ретушированным краем и торцами.

Обильны следы изготовления кремневых орудий, среди которых серпы и наконечники копий с двухсторонней обработкой, скребки, высверлина от каменного топора. Кремневая техника несет следы деградации. Доследована группа мастерских по обработке кремня, относящаяся, по-видимому, к рессетинской культуре. Они образовывали компактные скопления отходов – чешуйки, отщепы, пластины. Нуклеусы малочисленны. Из орудий здесь встречены пластины с притупленным краем, резцы с ретушной площадкой. Техника обработки кремня – это дальнейшее развитие традиции костенковской культуры, продолжает традиции Зарайской стоянки.

АКР, 1997, № 2113 (24), с. 65;
Сидоров, 1989, № 15433, л. 68, 69;

Сидоров, 1993, № 1781, л. 14, 15; 1995, № 20525;
Сидоров, 1996, 2002.

КОЛТОВО. ПОСЕЛЕНИЕ 3 (КОЛТОВО 10), мезолит, 11–13, 14–17 вв.

0,4 км к З от с., правый берег р. Оки. Размеры не определены. Территория памятника в значительной степени разрушена при строительстве автодороги. Культурный слой имеет мощность 0,4–1 м, частично сдвинут. Найдены кремневые призматические нуклеусы, срединный резец, отщепы и пластины, отнесенные к мезолиту, древнерусская гончарная керамика с линейным и волнистым орнаментом, обломки белоглиняной гончарной керамики и стекла 16–17 вв. и более позднего времени.

АКР, 1997. № 2114 (12), с. 65;
Трусов, 1990, № 15908, л. 32–35.

ПРЕЧИСТОЕ. СТОЯНКА 2, мезолит, неолит.

0,15 км к Ю от д, мысовидный выступ первой надпойменной террасы правого берега р. Болденки, правого притока р. Нудоли (правый приток р. Истры, левого притока р. Москвы). Размеры не менее 130×70 м, высота над рекой 2 м. Керамика лепная с ямочно-гребенчатым орнаментом, льяловской культуры. Найдены также кремневые орудия, часть которых отнесена к мезолиту, часть – к неолиту.

АКР, 1997, № 2588, с. 227;
Сидоров, 1995, № 20525–20526, л. 69, 70.

ПЯТНИЦА. СТОЯНКА, палеолит, мезолит.

1 км к СЗ от д., мыс коренного правого берега оврага и руч. Завальский, впадающего справа в р. Медведку, левый приток р. Мутенки (правый приток р. Оки), при вхождении в долину ручья оврага, на правом берегу последнего. Размеры около 15×50 м, высота над уровнем ручья 18–20 м. Территория памятника распахивается. Найдены кремневые патинированные отщепы, обломки нуклеусов, массивные пластины, которые могут относиться к финальному палеолиту или раннему мезолиту.

АКР, 1997. № 2133 (30), с. 70;
Трусов, 1990, № 15908, л. 15, 16.

УМРЫШЕНКИ (УМРЫШЕНКА). ПОСЕЛЕНИЕ 1, мезолит, 11–13, 16–17 вв.

0,85 м к В от с., правый берег руч. Завальский, впадающего справа в р. Медведку, левый приток р. Мутенки (правый приток р. Оки). Размеры не менее 65×15 м, высота над ручьем 16 м. Культурный слой до 1,5 м. Найдены кремневые отщепы, обломки пластин, нуклеуса раннемезолитического облика на глубине 0,5–1,5 м, а также гончарная домонгольская керамика с линейным орнаментом, белоглиняная позднесредневековая на глубине 0,1–0,5 м.

АКР, 1997, № 2141 (30), с. 72;
Трусов, 1990, № 15908, л. 18, 19.

УМРЫШЕНКИ (УМРЫШЕНКА). СТОЯНКА 3, мезолит.

0,6 км к ССВ от северной части д., мыс правого берега оврага и правого берега руч. Завальский, правого притока р. Медведки, левого притока р. Мутенки (правый приток р. Оки), на поле у леса. Размеры 75×50 м, высота над уровнем ручья 35–40 м, культурный слой толщиной 0,2–0,3 м нарушен распашкой. А.В. Трусовым и В.В. Сидоровым исследовано более 700 кв. м. Распахивается. Найдены кремневые орудия, в т.ч. топорик из массивного отщепа с округлым лезвием, пластины с торцевыми выемками, скребки на крупных пластинах, наконечники, в т.ч. с боковой выемкой, резцы и нуклеусы, характерные для иеневской мезолитической культуры, датированные на основании палинологических анализов VIII–VII тыс. до н. э.

АКР, 1997. № 2140 (34), с. 71, 72;
Трусов, 1990, № 15908, л. 20–24;
Сидоров, Энговатова, 1992, № 17772, л. 1–9;
Сидоров, 1993, № 17981–17982, л. 5–16.

На плато между ручьями В.В. Сидоровым в 1995 г. открыто еще 6 местонахождений, часть их, вероятно, финальнопалеолитические типа Умрышенки 3.

Сидоров, 1996.

ФРОЛОВСКОЕ (ГЛЕБОВО). СТОЯНКА, мезолит (?), неолит (?).

1 км к З от с., пологий склон левого берега р. Б. Смедвы (правый приток р. Оки). Размеры не менее 200×100 м, высота над рекой 5–9 м. Найдены кремневые отщепы и нуклеус.

АКР, 1997, № 2143 (36), с. 72;
Розенфельдт, 1970, № 4321, л. 2.

КОЛОМЕНСКИЙ РАЙОН

НАСТАСЬИНО 2, СТОЯНКА, мезолит.

В окрестностях с. Настасьино, в 150 м к З от городища Настасьино, на противоположном от него балочном мысу, на склоне первой надпойменной террасы высотой около 12 м над уровнем воды в р. Северки (правый приток р. Москвы, левого притока р. Оки). Памятник открыт и исследовался Подмосковной экспедицией ИА РАН в 1999–2000 гг. Площадь раскопа составила 216 м. Находки мезолитического времени залегали в культурном слое селища и подстилающем слое. Было выявлено небольшое скопление каменных изделий, которые были приурочены главным образом к прослойке светло-коричневого суглинка мощностью от 3 до 30 см, подстилавшей слой серого (темно-серого) суглинка (пахотный слой). Ниже залегала стерильная толща желтой глины. В коллекции насчитывается 106 изделий из кремня. В качестве сырья на памятнике использовался пестроцветный низкокачественный кремень. Найдены нуклевидные изделия, отщепы и осколки; пластины и

морфологически выраженные орудия. Среди них одна мелкая трапеция и 2 асимметричных наконечника с боковой выемкой из отщепов. Материалы отнесены к иеневской культуре.

Трусов, 2000, 2003.

НАСТАСЬИНО 4, СТОЯНКА, мезолит.

В окрестностях с. Настасьино, в 240 м к СЗ от городища на правом берегу р. Северки (правый приток р. Москвы – левого притока р. Оки), на уровне второй надпойменной террасы, на высоте около 20 м над уровнем воды в реке, на расстоянии около 250 м от берега. Вся площадь памятника распахивается. Открыта и исследована А.В. Трусовым на площади 60 кв. м в 2000 г. Основная часть находок происходит из пахотного слоя (темно-серого суглинка) мощностью 25–35 см, меньшая часть коллекции собрана в подстилающем слое коричневого суглинка, в котором было зафиксировано два скопления. В качестве сырья использовался коричневый желвачный кремень низкого качества, вероятно местного происхождения. Коллекция насчитывает 691 изделие из камня, в том числе нуклеусы и технологические сколы, отщепы, пластины и орудия. В группе орудий преобладают рубящие, три из которых относятся к топорам с перехватом, еще два небольших экземпляра подтрапециевидных очертаний; в составе коллекции также две целые высокие асимметричные трапеции на отщепах и обломок. Материалы относят к иеневской культуре.

Трусов, 2000, 2003.

СТАРО-ГОЛУТВИН МОНАСТЫРЬ.

В Старо-Голутвинском Богоявленском монастыре (в черте современной Коломны), расположенном на правом берегу р. Москвы при ее слиянии с р. Окой, проводились охранные раскопки к З от настоятельского корпуса. Площадь раскопа составила 340 кв. м. Площадка была включена в состав монастырской территории только в 19 в. Выявлены разновременные культурные напластования мощностью до 1,2 м, представляющие типичные периферийные участки поселений без следов жилищ или каких-либо сооружений.

На раскопанном участке обнаружены артефакты раннего мезолита, неолита (?), бронзы, раннего железного века, причем в подавляющем большинстве в переотложенном состоянии. In situ в предматериковой светло-серой супеси расчищено два скопления кремневых отщепов мезолитического времени. Для обоих скоплений характерно полное отсутствие пластин, хотя в собранной коллекции кремня пластинчатая техника представлена. Преобладают неустойчивые формы двуплощадочных со встречным скалыванием нуклеусов, часты крупные концевые скребки высоких форм с крутой ретушью и, в одном случае, галечной коркой по спинке. Предварительно комплекс можно отнести к раннему мезолиту или даже финальному палеолиту. Эпоха ранней бронзы представлена несколькими выразительными фрагментами ранней сетчатой керамики с туловом, сплошь покрытой ямочным с расчесами орнаментом или орнаментом из двустрочных поясков гребенчатого штампа, разделяемого оттисками острого угла косо поставленной палочки. Из кремневого инвентаря к эпохе развитой бронзы относится черешковый наконечник с обломанным острием, сплошь покрытый длинной пологой ретушью, в том числе мелкой приостряющей по боковым граням лезвия. Поздняя сетчатая керамика раннего железного века представлена достаточно выразительными фрагментами. Древнейшая лепная славянская керамика относится к 11 в. Большинство профилированных частей круговой посуды относится к концу 11 – 1-й половине 12 в. В основании слоя лежит пашня раннеславянского времени. В позднее средневековье отложение культурного слоя интенсифицируется с основанием монастыря в конце 14 в.

Мазуров и др., 2002.

ЩУРОВО, СТОЯНКА, СЕЛИЩЕ и МОГИЛЬНИК, мезолит, средневековье.

Расположены на правом берегу р. Оки в 1 км выше устья Москвы-реки. Оба погребальных сооружения, исследованных в 2002 г., датированы последней четв. I тыс. н. э. Погребения были совершены на селище, относящемся ко второй – третьей четв. I тыс. н. э. С этим временем связаны находки измельченной керамики – лощеной и груболепной, грузика дьякова типа, пластинчатого кресала, биконических пряслиц. Материал относится к позднему этапу дьяковской культуры. Кроме того, на памятнике обнаружены кремневые отщепы и пластины мезолитического облика.

Сыроватко, 2003.

КРАСНОГОРСКИЙ РАЙОН

МЯКИНИНО, МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ и СЕЛИЩЕ 2, мезолит, средневековье.

В 1994–1998 гг. селище Мякинино 2 изучалось Центром археологических исследований Москвы под руководством А.Г. Векслера. В 2002 г. раскапывалось Подмосковной экспедицией ИА РАН, вскрыта площадь 2402 кв. м, на которой удалось исследовать 255 древних объектов (остатки подпольев жилых домов, подпечные ямы, погреба, хозяйственные и столбовые ямы, дренажные канавы), датирующихся от 1-й пол. 13 в. до 2-й пол. 16 в. Особый интерес представляет погреб-ледник 16 в. с обкладкой стенок бутовым камнем, уложенным насухо. В перечисленных объектах обнаружены как орудия земледельческого труда (железные сошник, серп, коса, топор, каменные жернова), так и вещи, типичные для городского быта – навесные замки от дверей и сундуков, ключи к ним. Собрана представительная коллекция монет 14–16 вв. (20 шт.), анализ которой позволил сделать вывод о прекращении жизни на селище в конце второй трети 16 в. Здесь же найдены бронзовые и серебряные

перстни, щитки которых орнаментированы различными врезными изображениями, цветной эмалью, позолотой. Особую категорию находок составляет оружие и предметы, связанные с воинским бытом, – железные наконечники стрел, лошадиные удила и подковы, железная шпора, фигурные накладки из железа и бронзы на конскую упряжь и поясные ремни, свидетельствующие о пребывании на поселении представителей воинского (дворянского) сословия. О постоянном или временном проживании на поселении аристократов свидетельствует обломок золотоордынской полуфаянсовой (кашинной) глазурованной чаши с подглазурной полихромной росписью и росписью кашином, датирующейся 2-й пол. 14 в. Исключительный интерес представляет собранная коллекция предметов христианского культа – часть бронзового креста – энколпиона 14–15 вв., несколько нательных крестов из цветных металлов и один железный крестик. К числу предметов, бытовавших в домонгольскую эпоху, принадлежала половинка крученого стеклянного браслета коричневого цвета.

К еще более раннему периоду относились находки кремневого инвентаря (в том числе скребков и наконечников стрел) эпох мезолита и неолита, а также немногочисленные, но выразительные образцы керамики дьяковской культуры (2-я пол. I тыс. до н. э. – сер. I тыс. н. э.), среди которой встречена как «сетчатая», так и гладкостенная. Эти вещи свидетельствуют о периодическом посещении Мякининской поймы жителями окрестных поселений на протяжении нескольких тысячелетий.

Энговатова, Коваль, 2003.

ЛЕНИНСКИЙ РАЙОН

ДЕСНА. ПОСЕЛЕНИЕ, мезолит, неолит (?), эпоха бронзы, р. ж. в., 3-я четв. I тыс. н. э., 10–13, 14–17 вв.

0,8 км к С от центра правобережной части д., 0,3 км к С от дач, надпойменная терраса левого берега р. Незнайки, левого притока р. Десны (левый приток р. Пахры, правого притока р. Москвы), близ ее устья. Протянулось вдоль берега, размеры 80×250 м, высота над рекой 6–8 м. Вдоль южного склона террасы прослежены следы въезда. Распахивается. А.К. Станюковичем исследовано 524 кв. м в западной, центральной и восточной (приречной) частях памятника, проводилась магниторазведка. Культурный слой на основной части памятника – до 0,5 м мощности, стратиграфически не расчленяется, в приречной части достигает мощности 1,1 м, а в заполнении, входящей в пойму, древней ложбины – до 2,4 м. Здесь нижний горизонт содержал позднесредневековые материалы и был перекрыт слоем с древнерусской керамикой, смытым с более возвышенных частей памятника.

К мезолиту отнесены кремневые микропластины, резец на пластине, асимметричный наконечник стрелы из пластины с выемкой у основания, скребки на небольших отщепах и др. Неолитом датированы кремневые орудия с двухсторонней обработкой, эпохой бронзы – шлифованный клиновидный топор, а также обломки лепных сосудов, орнаментированные ямчатыми вдавлениями под горлом и защипами по краю слегка отогнутого венчика. К дьяковской культуре отнесены немногочисленные обломки лепных сосудов с сетчатыми отпечатками и гладкостенных, железный нож с горбатой спинкой. Разнообразен комплекс вещей 10–13 вв.: обломки древнерусской посуды с линейным и волнистым орнаментом, в т.ч. раннекруговой; многочисленные бытовые предметы, орудия и инструменты (железные замки, ключи, швейные иглы, костяной двусторонний гребень, крестик, коса-горбуша, серпы, острога, ножи, зубило и др.), предметы вооружения и конского снаряжения (боевой топор, наконечники стрел, сулица, удила, подковы). Выразительны украшения, среди которых семилучевые и семилопастные височные привески, сердоликовые, хрустальные и стеклянные бусы, решетчатые перстни, браслеты, привески, в т.ч. шумящие, финно-угорского типа, и др. Присутствуют отходы и полуфабрикаты бронзолитейного ювелирного, железоделательного и кузнечного производства, тигли, литейные формы. Раскопками и магниторазведкой выявлены остатки древнерусских жилых и хозяйственных построек, располагавшихся параллельно берегу реки на некотором расстоянии друг от друга. Позднесредневековый комплекс представлен в основном гончарной керамикой, главным образом красноглиняной, а также белоглиняной, чернощелочной и мореной. Выявлены плохо сохранившиеся остатки деревянных построек. Коллекция в МИМ.

АКР, 1994, № 190 (66), с. 105, 106;

Станюкович и др., 1978, с. 86, 87; 1979, с. 94;

Станюкович, 1980, с. 79;

Станюкович, 1976, № 6276, л. 49–52; 1977, № 6679, л. 1–29; 1978, № 7298, л. 1–30; 1979, № 7998, л. 3–19; 1981, № 8908, л. 20;

Розенфельдт, 1977, № 6679, л. 34.

ЛУХОВИЦКИЙ РАЙОН

БЕРХИНО, СТОЯНКА и СЕЛИЩЕ 2.

Находится на р. Осетр, правом притоке Оки, представляет собой многослойный памятник. На нем встречены следы мезолитической стоянки, поселений эпохи бронзы, дьяковского времени и средневековья. Культурный слой памятника поврежден многолетней распашкой, вся найденная керамика сильно измельчена, отнесена к дьяковской культуре.

Сыроватко, 1999.

ЛЮБЕРЕЦКИЙ РАЙОН

КОСИНО (МЕДВЕЖЬЕ ОЗЕРО), СТОЯНКИ 1 и 2.

В 0,2 км к Ю от МКАД, напротив с. Косино, на мысу северного берега оз. Долгое (Медвежье). Открыты в

1975 г. В.Ю. Дукельским и А.С. Фроловым. Материал в МИМ.

Фролов, 1985.

МОЖАЙСКИЙ РАЙОН

МАЛОЕ. Комплекс археологических памятников.

Историко-культурный комплекс «Малое» открыт в 2000 г. В.В. Мингалёвым. Располагается на территории Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника, на р. Колочи, правого притока р. Москвы, напротив городища Горки, на правом берегу р. Колочи. В его состав входят 8 объектов: поселение 11 – кон. 19 в., на площадке которого также найдена кремневая ножевидная пластина с ретушью, что позволяет предполагать существование на памятнике слоя эпохи мезолита; селище 14–19 вв.; остатки усадьбы М.И. Власьева, сожженной в 1812 г.; вал от плотины водяной мельницы 19 в.; искусственные старичные озера для рыбной ловли 18–19 вв.; остатки ГЭС 30-х гг. 20 в.; водяная мельница нач. 20 в. в Новом Селе; населенный пункт Новое Село, основание которого датируется 16 в.

Мингалёв, 2001.

НОГИНСКИЙ РАЙОН

БУЛГАКОВО. СТОЯНКА 1, мезолит (?).

1,7 км к С от северо-восточной окраины д., около 3 км к ЮВ от с. Кудиново, 0,35 км к З от забора дачного пос. «Горьковское болото», к С от дороги в пос., к В от небольшого пруда, правобережье р. Кудиновки (правый приток р. Шаловки, правого притока р. Клязьмы), склон песчаного суходола, замыкающего с С торфяник. Размеры 50×35 м, высота над торфяником 2,5–3,5 м. Берег сильно поврежден при торфодобыче, частично распахан, находится в зоне строительства мелиоративной системы. Стратиграфия слоя: дерн, серая супесь с включениями торфа толщиной 8–15 см (переотложена), светло-серая супесь толщиной 12–25 см. Находки найдены во всех в слоях. Среди них – кремневые отщепы, скребки, ножевидные пластины, резец на отщепе, предварительно отнесенные к позднему мезолиту.

АКР, 1997, № 2653, с. 243;

Сидоров, 1988, № 17371, л. 56, 57.

БУЛГАКОВО. СТОЯНКА 2, мезолит (?).

1,7 км к С от северо-восточной окраины д., около 3,1 км к ЮВ от с. Кудиново, 0,25 км к З от забора дачного пос. «Горьковское болото», к С от дороги в пос., к ЮВ от небольшого пруда, правобережье р. Кудиновки (правый приток р. Шаловки, правого притока р. Клязьмы), склон песчаного суходола, замыкающего с С торфяник, 100 м от стоянки 1. Размеры 25×20 м, высота над торфяником 2–3 м. Территория памятника частично распахивается, находится в зоне мелиоративного строительства. Культурный слой толщиной 0,10–0,12 м перекрыт переотложенным слоем толщиной 0,20 м. Найдены кремневые отщепы, скребок на отщепе, пластина, предварительно отнесенные к позднему мезолиту.

АКР, 1997, № 2654, с. 243, 244;

Сидоров, 1988, № 12710, л. 57.

ОДИНЦОВСКИЙ РАЙОН

УСТЬЕ. СТОЯНКА, мезолит.

Располагается в окрестностях г. Звенигорода на Москве-реке, 0,25 км к Ю от д., на всхолмлении в пойме левого берега р. Москвы. Открыта Ю.А. Красновым (Краснов, 1962). Размеры около 30×75 м, высота над поймой 1,0–1,5 м. Распахивается. В супесчаном пахотном слое найдены кремневые наконечники стрел из пластин с намеченным ретушью черешком и частичной обработкой пера, скребки из пластин, резцы на углу заготовки, миниатюрный нуклеус карандашевидной формы, отщепы и пластины, иногда с подправкой ретушью, осколки кремня.

АКР, 1994, № 406 (25), с. 166;

Краснов, 1962б, с. 262, 263.

РЫБУШКИНО, СТОЯНКА и СЕЛИЩЕ.

В округе Звенигорода в 1997 г. открыты мезолитическая стоянка и селище 13 – 1-й пол. 13 в. у д. Рыбушкино. Выявлен насыщенный культурный слой на возвышенной части береговой террасы левого берега р. Москвы. Находки представлены кремневым скребком мезолитического облика, немногочисленными фрагментами сосудов домонгольского времени, в т. ч. донцами с клеймом «крест в круге», пуговицами-гирьками 17 в. (одна выполнена в технике перегородчатой эмали), свинцовыми пулями, прекрасно сохранившимся медным окладом иконы «Никола Можайский» 18 в., серией крестов-тельников 17–18 вв., железным топором, пуговицами и торговыми пломбами 19 в. и керамикой 17–19 вв. Нумизматический материал представлен серебряными копейками Михаила Федоровича (Москва, 1624–1637 гг.) и Петра I (Москва, 1701 г.), медными монетами Анны Иоанновны, Екатерины II и Николая I. Редкой для Подмосковья находкой является медная шведская монета 1668 г. (Карл I, 1/6 эре) с пробитым отверстием для ношения. На картах и планах округи Звенигорода 17–19 вв. никакого постоянного поселения здесь не значится. Вероятно, культурный слой соответствует месту рыболовецкого и плотогонного промыслов крестьян д. Рыбушкино, отраженных в письменных источниках.

Станюкович, Черносвитов, 1998;

Станюкович, 1981;

Станюкович и др., 2003;

Станюкович, Ёлкина, 1999.

САВВИНСКАЯ СЛОБОДА II, СТОЯНКА и СЕЛИЩЕ, мезолит (?), средневековье.

В центральной части поселения (правый берег р. Разводни близ устья) в 1997–1998 гг. выявлены остатки славянского полуземляночного жилища с развалом печи-каменки, рядом с которой стояло днище грубого лепного сосуда.

Керамика в заполнении жилища преимущественно лепная, в т. ч. фрагменты «сковородок» роменского облика. Из находок в заполнении жилища характерны калачевидное кресало, половинка железного пластинчатого браслета, клык медведя с отверстием для ношения, шиферное пряслице (в развале очага), медный перстень с гнездом для камня, весовая бочонковидная гирька, костяная проколка, фрагменты железных ножей и различные железные подковки. Дата жилища по керамике и весовой гирьке – кон. 9–10 вв. За пределами жилища впервые выявлен непотревоженный слой раннего железного века с сетчатой керамикой и найдены кремневые орудия мезолитического или ранненеолитического облика.

Станюкович, Ёлкина, 1999.

САВВИНСКИЙ СКИТ, СТОЯНКА и МОГИЛЬНИК, мезолит (?), средневековье.

На правом берегу р. Разводни, в 2 км к С от ее впадения в р. Москву, близ Саввинского скита продолжены исследования разрушенного древнерусского курганного могильника. Прирезка к раскопу 2001 г. площадью 28 кв. м вновь выявила под остатками курганных насыпей следы более древнего культурного слоя с круговой керамикой 11 – 1-й пол. 12 в. и отдельными мезолитическими кремневыми орудиями, отщепами и сколами. Погребений не обнаружено.

Станюкович и др., 2003.

ОЗЕРСКИЙ РАЙОН

РОСТИСЛАВЛЬ, ГОРОДИЩЕ, СТОЯНКА.

В 1997 г. на мысовой части городища выявлены три ямы с материалом 14–15 вв. и участок со стратифицированным культурным слоем дославянской эпохи, мощность которого достигает 1,5 м. Верхняя часть этого слоя содержит немногочисленную керамику и вещи (шиферное пряслице) эпохи русского средневековья (12–16 вв.), а также раннесредневековый материал: лепную лощеную керамику, лощеные битрапециевидные пряслица. Основную массу материала из этого слоя составляли лепная керамика (гладкостенная и сетчатая) и вещи эпохи раннего железа, датируемые периодом от 2 в. до н. э. до 5–7 вв. н. э. Находки грузиков «дьякова типа» позволили впервые определить культурную принадлежность этого городища, находящегося в контактной зоне дьяковской и городецкой культур. Теперь его связь с дьяковской культурой не вызывает сомнений. Дополнительным аргументом в пользу подобной атрибуции является почти полное отсутствие здесь «рогожной» керамики, характерной для городецкой культуры.

Нижний горизонт культурного слоя раннего железного века составлял относительно чистый комплекс, свободный от средневекового материала и датировавшийся 5–2 вв. до н. э. Здесь также была встречена лепная сетчатая и гладкостенная керамика, обломки грузиков «дьякова типа», костяной наконечник стрелы, умбоновидное навершие железной булавки, обломок костяного ножа, костяная рукоять ножа и другие орудия из кости.

Интересны находки венчика сосуда эпохи бронзы, энеолитического кремневого ножа, кремневого наконечника стрелы эпохи раннего мезолита или финального палеолита (определение А.В. Трусова). Культурный слой ранее 5–2 вв. до н. э. на раскопах отсутствовал, однако более ранний материал эпохи раннего железа был встречен в предматериковой прослойке и отложениях на склоне мысовой площадки (раскоп VI); он представлен обломками лепной «штрихованной» керамики с орнаментацией гребенчатым штампом (8–6 вв. до н. э.).

В 2002 г. в центре площадки детинца средневекового города в пахотном слое и заполнении средневековых ям встречены обломки лепной раннеславянской керамики с шамотной примесью и орнаментацией штампом «веревочка на палочке». В предматериковой прослойке (остатках лесного подзола) здесь обнаружены многочисленные кремневые отщепы, относящиеся к эпохе мезолита или финального палеолита (заключение А.В. Трусова). На площади раскопа выявлены заглубленные в материк объекты (ямы подполий и подклетов), датирующиеся от сер. 12 до 15 в. В ямах 14 в. найдены две костяные шахматные фигурки (ферзь и пешка) и обломки поливной керамики, в том числе причерноморского происхождения. В яме 15 в. найден деревянный резной нательный крест (рис. 13). В одной из ям 14 в. встречена двучастная стеклянная бусина – пронизка, относящаяся к древностям 9–11 вв.

На раскопе II выявлены 46 могильных ям христианского кладбища 16–17 вв. Среди расчищенных погребений лишь в одном сохранились остатки древесного тлена от колоды или гроба, скрепленного без помощи железных гвоздей, в других могильных ямах никаких следов погребальных сооружений не прослеживалось. Все погребения безынвентарные. Положение рук погребенных было различным (в большинстве погребений их укладывали на животе, согнутыми в локтях). В переотложенном грунте раскопа встречены многочисленные кремневые отщепы и орудия эпохи мезолита или финального палеолита. В 2002 и 2003 гг. раскопки памятника проводились совместно с А.В. Трусовым.

Коваль, 1999;

Коваль и др., 2003.

СМЕДОВО. ПОСЕЛЕНИЕ 2 (СМЕДОВО 1), мезолит (?), р. ж. в., 3-я четв. I тыс. н. э.

К В от СВ окраины д., мысовидный выступ первой надпойменной террасы правого берега р. Оки, близ ус-

тья р. Б. Смедвы (правый приток р. Оки). Протянулось с З на В, размеры около 140×30 м, высота над рекой 12 м. Нарушено карьером, грунтовой дорогой, частично поросло кустарником. Культурный слой – темно-серый гумусированный песок толщиной 0,15–0,35 м. Керамика лепная, с сетчатыми отпечатками на внешней поверхности и гладкостенная, с примесями шамота в глиняном тесте, предположительно дьяковской или городецкой культуры. Найдены также кремневые изделия – концевой скребок и острие на пластине мезолитического облика.

АКР, 1997, № 2312 (8), с. 131;
Коваль, 1993, с. 72, 73;
Коваль, 1992, № 17426, л. 20, 21.

СМЕДОВО. ПОСЕЛЕНИЕ 3 (СМЕДОВО 2), мезолит (?), кон. I тыс. н. э. (?), 11–13, 14–17 вв.

Западная окраина д. и к З от нее, пологий склон правого берега р. Оки. Протянулось с ЗЮЗ на ВСВ, размеры около 270×30–100 м, высота над рекой 14–32 м. Поверхность частично поросла лесом, северная оконечность разрушается рекой, восточная часть нарушена постройками д. и распашкой под огороды, юго-западная – остатками фундамента, ямой. На территории поселения выделены два сектора находок – западный и восточный. Восточный расположен вдоль реки, его размеры 170×30 м. Здесь найдены: лепная керамика с венчиками, украшенными пальцевыми вдавлениями, роменско-боршевского облика; гончарная керамика, в т.ч. толстостенная с примесями крупной дресвы или шамота в глиняном тесте, с линейным, волнистым и штампованным «в елочку» орнаментом, датированная 11 – 1-й пол. 12 в.; двучастная синяя стеклянная бусина из тянутой трубочки ближневосточного производства 10–11 вв.; кремневые пластины и отщепы мезолитического облика. Западный сектор размерами 120×50–100 м расположен выше по склону. Культурный слой – темно-серая супесь толщиной 0,25 м. Здесь найдены: ранняя гончарная керамика 11 – 1-й пол 12 в., аналогичная встреченной в восточном секторе; керамика «ростиславльского типа», датированная 12–14 вв.; обломки позднесредневековой посуды, в т.ч. белоглиняной и чернолощеной. В центральной части сектора находится заплывшая яма – следы шурфа краеведа С.С. Тихачева, исследовавшего здесь древнерусское, по-видимому, грунтовое погребение, в котором найдены бронзовое семилопастное височное кольцо, железный серп, обломок каменного оселка, остатки кожаной обуви.

АКР, 1997, № 2313 (6), с. 131, 132;
Коваль, 1993, с. 72, 73, 79;
Коваль, 1992, № 17426, л. 21–25.

СМЕДОВО. ПОСЕЛЕНИЕ 4 (СМЕДОВО 3), мезолит (?), р. ж. в., 11–13, 14–17 вв.

Около 1,5 км к ЗСЗ от западной окраины д., к ССЗ от кладбища и фермерских домов, краевая часть и склон плато правого коренного берега р. Оки, урочище Люблин-город. Состоит из двух «секторов», разделенных оврагом. Западный «сектор А» расположен на склоне, на высоте 24–40 м над рекой, протянулся с С на Ю, его размеры около 100×80 м. Поверхность нарушена сосновыми посадками, северная оконечность – оползнем. Культурный слой достигает толщины 0,4 м. Восточный «сектор Б» занимает край плато на высоте 26–32 м над рекой. Протянулся с З на В, его размеры около 100×30–70 м. Эта часть памятника частично нарушена распашкой. Мощность культурного слоя здесь не определена. На поселении найдены фрагмент лепного сосуда с сетчатыми отпечатками на внешней поверхности, эпохи р. ж. в., керамика «ростиславльского типа» с линейным орнаментом, датированная 12–14 вв., обломки позднесредневековой посуды, в т.ч. красноглиняной ангобированной и белоглиняной, а также кремневые пластины мезолитического облика. Древнерусский и позднесредневековый слои поселения являются, вероятно, остатками погоста Люблин (Любвинский) с ц. Успения Пречистыя Богородицы и еженедельным торгом, упомянутого в письменных источниках 1578 г.

АКР, 1997. № 2314 (5), с. 132;
Коваль, 1993, с. 72, 73;
Коваль, 1992, № 17426.

СОСНОВКА. СТОЯНКА, мезолит.

2,5 км к ЮЗ от с., около 2,9 км к СЗ от с. Полуряденки, мыс правого коренного берега р. Оки при вхождении в ее долину оврага Городищев, территория городища Ростиславль. Размеры памятника не определены. Высота над рекой около 40 м. В.Ю. Ковалем исследовано раскопками около 300 кв. м. В пахотном слое и подстилающих его слоях позднесредневекового времени в переотложенном состоянии найдены кремневые концевые скребки на пластинах, наконечник стрелы аренсбургского типа, острие на отщепе, орудие с шипообразным выступом, обломки наконечника с двусторонней ретушью и ножевидных пластин, в т.ч. с мелкой крутой ретушью, резцовый скол, пластины и отщепы, в т.ч. с ретушью.

АКР, 1997, № 2316 (28), с. 132, 133;
Коваль, 1993, с. 73;
Коваль, 1992, № 17426; 1994, № 20459; 1995, № 19532.

СОСНОВКА (РОСТИСЛАВЛЬСКОЕ). ПОСЕЛЕНИЕ 1, мезолит, эпоха бронзы (?), р. ж. в., 11–13, 14–17 вв.

Около 2,5 км к ЮЗ от с., около 2,9 км к СЗ от с. Полуряденки, мыс правого коренного берега р. Оки, образованный оврагом Городищев и впадающим в него с В оврагом, к В от городища Ростиславль. Протянулось с С на Ю, размеры около 330×125 м, высота над рекой около 40 м. Поверхность нарушена земляными работами, распахивается. Культурный слой – темно-серая супесь толщиной 0,2–0,4 м.

Керамика лепная, с сетчатыми отпечатками на внешней поверхности, вероятно, дьяковской культуры, гончарная древнерусская с линейным и волнистым орна-

ментом, среди которой встречен фрагмент с клеймом на днище, «ростиславльского типа», датированный 12–14 вв. Найдены также обломки кремневых орудий, заготовка рубящего орудия и отщепы эпохи мезолита. Находка каменного сверленого топора 2-й пол. II тыс. до н. э. указывает, возможно, на существование здесь поселения эпохи бронзы. Среди других находок – обломки красноглиняного граненого грузика 13–14 вв., серебряного вятичского височного кольца 2-й пол. 12–13 в., крученого браслета из синего стекла 12 в., возможно византийского производства, костяного орнаментированного наборного гребня 12–13 вв. Скопления обожженной глины и железного шлака свидетельствуют о существовании здесь металлообработки. В обнажениях оврага зафиксированы западины культурного слоя, вероятно остатки землянок. В.Ю. Ковалем исследована хозяйственная или предпечная яма 2-й пол. 12 – 1-й пол. 13 в. Топография и состав находок позволяют рассматривать древнерусский и позднесредневековый слои поселения как остатки неукрепленного посада древнерусского г. Ростиславль.

АКР, 1997, № 2317 (26), с. 133;

Талицкий, 1941, с. 61;

Успенская, Фехнер, 1956, с. 168;

Коваль, 1993, с. 73, 78; 1994, с. 131–133;

Коваль, 1991, № 16084, л. 43, 44, 49, 50, 62–67; 1992, № 17426, л. 42–44; 1993, № 17732, л. 51–58;

Розенфельдт, 1988, л. 625–627.

СОСНОВКА (РОСТИСЛАВЛЬСКОЕ). ПОСЕЛЕНИЕ 2, мезолит, 11–13, 14–17 вв.

Около 2,7 км к ЮЗ от села, около 2,7 км к СЗ от с. Полуряденки, близ края обрывистого склона правого берега р. Оки, к Ю от городища Ростиславль. Протянулось вдоль реки с С на Ю, площадь около 8000 кв. м, высота над рекой 44 м. Северная часть памятника поросла лесом, южная распахивается. Культурный слой – серая или светло-коричневая супесь толщиной 0,1–0,4 м. Керамика гончарная, «ростиславльского типа», с линейным и волнистым орнаментом, датированная 12–14 вв., среди которой встречены фрагменты днищ с клеймами. Находки обломков кремневых орудий, ножевидных пластин и отщепов свидетельствуют о существовании здесь мезолитической стоянки. Найдены также железные ножи, костяное пряслице усеченно-конической формы, точильный камень, кости животных. На существование железоделательного производства указывают обломки печины и железные шлаки. В.Ю. Ковалем исследована предпечная яма или подполье жилой наземной постройки 2-й пол. 13 – 14 в. Топография поселения и состав находок позволяют рассматривать древнерусский и позднесредневековый слои памятника как остатки неукрепленного посада древнерусского г. Ростиславль.

АКР, 1997, № 2318 (23), с. 133, 134;

Коваль, 1993, с. 72, 73, 78; 1994, с. 131–133;

Коваль, 1991, № 16084, л. 50, 51; 1993, № 17732, л. 58–69.

СОСНОВКА (РОСТИСЛАВЛЬСКОЕ). ПОСЕЛЕНИЕ 3, мезолит (?), р. ж. в., 3-я четв. I тыс. н. э., 11–13, 14–17 вв.

Около 2,3 км к ЮЗ от с. Сосновка, около 3,2 км к СЗ от с. Полуряденки, краевая часть обрывистого склона правого берега р. Оки, к ССВ от городища Ростиславль. Протянулось вдоль реки с С на Ю, размеры 160×150 м, высота над рекой 40 м. Территория памятника распахивается. Культурный слой – темно-серая супесь толщиной 0,2–0,4 м. Керамика лепная гладкостенная, орнаментированная зубчатым штампом, дьяковской или городецкой культуры, гончарная «ростиславльского типа» с линейным и волнистым орнаментом, датированная 12–14 вв. Находки обломка кремневой ножевидной пластины и отщепов указывают на существование здесь мезолитической стоянки. Найдены также бронзовые решетчатый перстень 12–13 вв. и фрагмент подковообразной фибулы, украшенной растительным орнаментом, с подтреугольным сечением дуги и многогранной полой головкой, кон. 12 – 1-й пол. 13 в., зеленая стеклянная зонная кольцевидная бусина, вероятно, киевского производства (до 1240 г.), железные шлаки, свидетельствующие о развитии металлообработки. Топография поселения и состав находок позволяют рассматривать древнерусский и позднесредневековый слои памятника как остатки неукрепленного посада древнерусского г. Ростиславль.

АКР, 1997, № 2319 (27), с. 134;

Коваль, 1993, с. 72, 73, 78; 1994, с. 131–133;

Коваль, 1991, № 16084, л. 51, 67–73.

СОСНОВКА (РОСТИСЛАВЛЬСКОЕ IV). ПОСЕЛЕНИЕ 4, мезолит, 11–13, 14–17 вв.

Около 3 км к ЮЗ от с., около 2,4 км к СЗ от с. Полуряденки, краевая часть обрывистого склона правого берега р. Оки, около 0,5 км к Ю от городища Ростиславль. Размеры и мощность культурного слоя не определены, высота над рекой около 40 м. Северная часть памятника поросла лесом, южный участок размерами 65×10 м распахивается. Найдены гончарная керамика «ростиславльского типа», датированная 12–14 вв., обломки кремневых орудий мезолитического облика, отщепы. Топография поселения и состав находок позволяют рассматривать древнерусский и позднесредневековый слои памятника как остатки неукрепленного посада древнерусского г. Ростиславль.

АКР, 1997, № 2320 (20), с. 134;

Коваль, 1993, с. 72, 73, 78; 1994, с. 131–133;

Коваль, 1991, № 16084, л. 51, 74.

ФРОЛОВСКОЕ. СТОЯНКА (СМЕДОВСКАЯ), мезолит.

Около 0,8 км к ВЮВ от юго-восточная окраины с. (в источниках ошибочно названо с. Глебово), полого понижающийся участок правого берега р. Б. Смедвы (правый приток р. Оки), близ устья р. М. Песочни, на ее левом берегу. Протянулась вдоль берега р. Б. Смедвы с СЗ

на ЮВ, размеры около 200×50–100 м, высота над рекой 5–9 м. Территория памятника распахивается. Культурный слой выражен плохо, мощность его не определена. Найдены кремневые изделия, в т.ч. нуклеус, отщепы со следами обработки, сколы мезолитического облика.

АКР, 1997, № 2338 (67), с. 142.

ОРЕХОВО-ЗУЕВСКИЙ РАЙОН

В середине 1990 гг. А.Е. Кравцовым в окрестностях г. Куровское на р. Нерской открыты и исследованы стоянки Беливо 4А-Г, Беливо 6, Усть-Вольная, Чашка и др.

БЕЛИВО. СТОЯНКА 2 (БЕЛИВО 1Б), мезолит.

1,7 км к ЮЮЗ от ЮЗ окраины д., 2,2 км к ЮЗ от ее ЮВ окраины, первая надпойменная терраса левого берега р. Нерской (левый приток р. Москвы), около 80 м от русла. Протянулась вдоль берега, размеры 120×30 м, высота над рекой 1–2 м. Территория памятника нарушена грунтовой дорогой, водной и ветровой эрозией. Стоянка открыта в 1984 г. А.Е. Кравцовым. Заложен шурф 2×2 м, из которого происходят 19 отщепов и 9 предметов со вторичной обработкой. Находки приурочены к слоям коричневато-желтого слабооподзоленного и серо-желтого песка толщиной до 0,3 м. Найдены кремневые резцы, скобели, асимметричный наконечник стрелы с боковой выемкой, отщепы и пластины. Памятник отнесен к иеневской мезолитической культуре. Коллекция в МИМ.

АКР, 1996, № 1383 (44), с. 30;

Кравцов, 1986, с. 55;

Кравцов, 1984, № 10893, л. 97.

БЕЛИВО. СТОЯНКА 3 (БЕЛИВО 1В), мезолит, неолит.

1,5 км к ЮЮЗ от юго-западной окраины д., около 2 км к ЮЗ от ее юго-восточной окраины, мысовидный выступ и прилегающая часть первой надпойменной террасы левого берега р. Нерской (левый приток р. Москвы). Протянулась вдоль берега, размеры 250×50–60 м, высота над рекой 1,5–2,5 м. Территория памятника нарушена грунтовой дорогой и отдельными ямами. А.Е. Кравцовым исследовано 8 кв. м. Коллекция насчитывает 63 каменных предмета. Находки залегали в сером почвенном слое и подстилающем его желто-коричневом песке общей толщиной до 0,4 м. Среди находок – кремневые скребки, скобели, резец, асимметричный наконечник стрелы с боковой выемкой, обломок трапеции (?), отщепы и пластины. Большая часть находок отнесена к иеневской мезолитической культуре, отдельные предметы – к раннему неолиту. Коллекция в МИМ.

АКР, 1996, № 1384 (45), с. 30;

Кравцов, 1986, с. 55;

Кравцов, 1984, № 10893, л. 97–99.

БЕЛИВО. СТОЯНКА 4 (БЕЛИВО 1Г), мезолит, неолит.

Около 1,4 км к ЮЮЗ от юго-западной окраины д., склон первой надпойменной террасы левого берега р. Нерской (левый приток р. Москвы) напротив устья р. Понори, 100 м к СЗ от стоянки 3 (см. № 1384). Протянулась вдоль берега, размеры 90×25–30 м, высота над рекой 0,2–1,2 м. Культурный слой до 0,4 м. Найдены кремневые концевой скребок, скобели, отщепы и пластины мезолитического и ранненеолитического облика, обломок шлифованного тесла. Коллекция в МИМ.

АКР, 1996, № 1385 (40), с. 31;

Кравцов, 1984, № 10893а, л. 3; 1986, № 11382, л. 9–12.

БЕЛИВО. СТОЯНКА 5 (БЕЛИВО 1Д), мезолит.

Около 1,2 км к ЮЮЗ от юго-западной окраины д., возвышенный участок первой надпойменной террасы левого берега р. Нерской (левый приток р. Москвы), 60 м от русла, около 0,2 км к С от стоянки 3. Протянулась вдоль берега, размеры 45×30 м, высота над рекой 2,5–3,0 м. Территория памятника распахивается. Культурный слой толщиной до 0,2 м залегает на глубине 0,2 м от современной поверхности. А.Е. Кравцовым исследовано 8 кв. м. Найдены кремневые скобель, нуклеус, отщепы и пластины, предположительно мезолитического облика. Коллекция в МИМ.

АКР, 1996, № 1386 (41), с. 31;

Кравцов, 1984, № 10893а, л. 3; 1986, № 11382, л. 8, 9.

БЕЛИВО. СТОЯНКА 6 (БЕЛИВО 1Е), мезолит, неолит.

Около 0,9 км к ЮЮЗ от юго-западной окраины д., склон надпойменной террасы левого берега р. Нерской (левый приток р. Москвы), 0,22 км к Ю от устья ее левого притока р. Радомки, 0,22 км к ССВ от стоянки 4. Протянулась вдоль берега, размеры 70–75×20–25 м, высота над рекой 1–2 м. Культурный слой до 0,2 м. Найдены кремневые отщепы, чешуйки, пластина мезолитического или ранненеолитического времени.

АКР, 1996, № 1387 (42), с. 31;

Кравцов, 1984, № 10893, л. 3; 1986, № 11382, л. 12.

БЕЛИВО. СТОЯНКА 7 (БЕЛИВО 2), мезолит, неолит.

Около 1 км к ЮЗ от юго-западной окраины д., мысовидный выступ первой надпойменной террасы правого берега р. Нерской (левый приток р. Москвы), 0,35 км к С от устья ее правого притока р. Понори. Размеры 20–25×20–25 м, высота над рекой до 1,5 м. Территория памятника поросла лесом. А.Е. Кравцовым исследовано 123 кв. м. Культурный слой до 0,55 м. Найдены кремневые скобели, резцы, ножи, вкладыши, высокие трапеции, скошенные острия с частичной двухсторонней плоской ретушью, отщепы и пластины мезолитического и ранненеолитического облика. Выявлены 12 кострищ, из которых 10 – мезолитического времени, два – ранненеолитических. Рядом с последними най-

дены мелкие обломки лепной керамики ранненеолитической верхневолжской культуры. С одним из ранненеолитических кострищ связан «клад», насчитывающий более 40 предметов: желваков кремня с пробными сколами, заготовок нуклеусов, крупных отщепов, отбойников, микросверл, проколок, скребков, трех вкладышей. Неолитический материал локализуется только на части памятника (до 30 кв. м). Коллекция в МИМ.

АКР, 1996, № 1388 (29), 31, 32;

Кравцов, 1986, с. 55; 1987, с. 72, 73;

Кравцов, 1985, № 10597, л. 7–22; 1984, № 10893, л. 100–107.

БЕЛИВО. СТОЯНКА 9 (БЕЛИВО 4А), мезолит.

0,55 км к ЮЗ от юго-западной окраины д., мыс первой надпойменной террасы левого берега р. Нерской (левый приток р. Москвы) при впадении в нее речки Радомки, спрямленной дренажной канавой, на высоте 3,5 м над меженным уровне воды. Протянулась вдоль берега с С на Ю, размеры 80×12–20 м, высота над заболоченной поймой 1,5–3,0 м. В 1984–1985, 1987 гг. А.Е. Кравцовым исследовано 215 кв. м. В 1994 г. раскопки проводились Е.В. Леоновой, вскрыто 36 кв. м. Культурный слой до 0,5 м.

Найдены кремневые скребки, преимущественно концевые, резцы, ножи на пластинах, микролиты с затупленным краем и скошенным основанием, наконечники стрел симметричные и асимметричные с боковой выемкой, отщепы, пластины, нуклеусы, обломок костяного стержня, возможно, – наконечника стрелы. Выявлены четыре кострища, к которым тяготели находки. Три из них находились в яме размерами 3,7×2,6 м и глубиной до 0,35 м, которая может интерпретироваться как остатки котлована жилой постройки. Получены радиоуглеродные даты: 8840±110; 9550±100; 9940±300 лет назад. Стоянка отнесена к иеневской мезолитической культуре с элементами бутовской мезолитической культуры, но, вероятней всего, она смешана механически. Коллекция в МИМ.

АКР, 1996, № 1390 (34), с. 32, 33;

Кравцов, 1986, с. 55; 1987, с. 72, 73; 1999;

Кравцов, Луньков, 1994;

Леонова, 1995; 1998;

Кравцов, Леонова, 2001;

Kravtsov, 1999;

Кравцов, 1985, № 10597, л. 23–45; 1984, № 10893, л. 110–118; 1987, № 11878, л. 28–32;

Леонова, 1994, № 19847.

БЕЛИВО. СТОЯНКА 10 (БЕЛИВО 4Б), мезолит, неолит.

0,4 км к ЮЗ от ЮЗ окраины д., мысовидный выступ первой надпойменной террасы левого берега р. Нерской (левый приток р. Москвы), 0,15 км от русла. Протянулась вдоль берега с СВ на ЮЗ, размеры 60×25–30 м, высота над заболоченной поймой 2,5–3,0 м. Поверхность ранее распахивалась. Открыта А.Е. Кравцовым в 1984 г. и раскопана в 1986 г. на площади 95 кв. м. Находки приурочены к серому почвенному слою со следами распашки и подстилающим его слоям белесого оподзоленного и желто-коричневого песка общей мощностью до 0,5 м. Находки эпох мезолита и неолита стратиграфически не разделяются. Найдено небольшое количество обломков лепных сосудов с ямочно-гребенчатой орнаментацией, льяловской культуры, кремневые скребки, скобели, резцы на сломах заготовок, вкладыши, острия из пластин, асимметричный ланцетовидный наконечник стрелы, обломки симметричных наконечников стрел, отщепы, сколы со шлифованных орудий, нуклеусы. Большая часть находок относится к позднему мезолиту. Коллекция в МИМ.

АКР, 1996, № 1391 (35), с. 33;

Кравцов, 1986, с. 55; 1988б, с. 69;

Леонова, 1989;

Кравцов, 1984, № 10893, л. 119–121; 1986, № 11382, л. 18–32.

БЕЛИВО. СТОЯНКА 11 (БЕЛИВО 4В), мезолит, неолит.

0,3 км к ЮЗ от юго-западной окраины д., мысовидный выступ первой надпойменной террасы левого берега р. Нерской (левый приток р. Москвы), 0,2 км от русла. Протянулась вдоль берега с С на Ю, размеры 55–60×20–25 м, высота над заболоченной поймой 2–3 м. Территория памятника ранее распахивалась. Находки залегают в сером почвенном слое и подстилающих его слоях желто-коричневого и светло-желтого песка общей мощностью до 0,5 м. Найдены концевые скребки округлой формы, нож из пластины, резцы на углах сломанной пластины, вкладыши, нуклеусы, отщепы и пластины, а также обломок грубо обработанного сколами рубящего орудия. Выявлено кострище с угольным слоем толщиной до 0,4 м, в котором обнаружены кальцинированные кости. Памятник отнесен к позднему мезолиту или раннему неолиту.

АКР, 1996, № 1392 (36), с. 33;

Кравцов, 1986, с. 55;

Кравцов, 1984, № 10893, л. 122,123;

Николаев, 1988, № 13964.

БЕЛИВО. СТОЯНКА 12 (БЕЛИВО 5Б), мезолит.

Около 1 км к ЮЗ от ЮЗ окраины д., край первой надпойменной террасы правого берега р. Нерской (левый приток р. Москвы), 100 м от русла, между стоянкой 1 и поселением 1. Протянулась вдоль берега с С на Ю, размеры 50–55×7–20 м, высота над рекой 1–2 м. Территория памятника поросла редким лесом. Находки залегали под дерном, в песке разной цветности толщиной до 0,3 м. Среди находок – кремневые нож из пластины, концевой скребок, обломок скребка, резец на сломе отщепа, вкладыши, отщепы.

АКР, 1996, № 1393 (30), с. 33, 34;

Кравцов, 1986, с. 55;

Кравцов, 1986, № 11382, л. 7.

БЕЛИВО. СТОЯНКА 13 (БЕЛИВО 6, 6А), мезолит, неолит.

Около 0,7 км к ЮЮЗ от юго-западной окраины д., мысовидный выступ первой надпойменной террасы левого берега р. Нерской (левый приток р. Москвы), 0,25 км от русла, правый берег р. Радомки (левый приток р. Нерской), спрямленной дренажной канавой, около 0,3 км от ее устья. Протянулась вдоль берега Радомки с СВ на ЮЗ, размеры 180×30–50 м, высота над заболоченной поймой 0,5–2,0 м. Территория памятника ранее распахивалась. А.Е. Кравцовым исследовано 10 кв. м. Находки залегали в серо-коричневом слое со следами распашки и подстилающем его коричневато-желтом песке общей мощностью до 0,45 м. Найдены кремневые резцы, вкладыши, нуклеус для снятия микропластин, отщепы и пластины. Стоянка отнесена к позднему мезолиту и раннему неолиту. Коллекция в МИМ.

АКР, 1996, № 1394 (38), с. 34;
Кравцов, 1986, с. 55;
Кравцов, 1984, № 10893, л. 127, 128.

БЕЛИВО. СТОЯНКА 14 (БЕЛИВО 6В), мезолит, неолит.

0,7 км к ЮЮЗ от юго-западной окраины д., склон первой надпойменной террасы левого берега р. Нерской (левый приток р. Москвы), при впадении в нее р. Радомки, на высоте 2–2,5 м над уровнем заболоченной поймы, в 0,13–0,15 км от русла, у ЮЗ границы стоянки 13. Размеры 120×10–12 м, высота над заболоченной поймой 2,0–2,5 м. Территория памятника ранее распахивалась. Памятник открыт А.Е. Кравцовым в 1988 г., раскапывался А.Е. Кравцовым и Е.В. Леоновой в 1989–1994 гг., всего исследовано 344 кв. м.

Находки залегали в слоях песка разной цветности общей мощностью около 0,5 м. Среди находок: керамика лепная, украшенная оттисками т. н. лапчатого штампа, один фрагмент – с орнаментом из оттисков тонкой веревочки, кремневые резцы, изготовленные преимущественно из отщепов, концевые скребки на пластинах, скобели, комбинированные орудия, сверло, острия, нож, наконечник дротика, асимметричные наконечники стрел, в т.ч. косолезвийные с боковой выемкой, долотовидное орудие, отщепы, пластины, чешуйки. Выявлены остатки кострища в яме, дата которого по древесному углю 8750±100 лет (ГИН-7026). Не исключена возможность, что стоянки 13 и 14 являются частями одного поселения. Коллекция в МИМ.

АКР, 1996, № 1395 (39), с. 34;
Жилин и др., 1998;
Кравцов, 1999;
Кравцов, Спиридонова, 1996;
Леонова, 1994; 1995; 1996;
Kravtsov, 1999;
Кравцов, 1989, № 14300, л. 35–45;
Леонова, 1990, № 15710, л. 3–15; 1991, № 15979, л. 3–16; 1994, № 19847.

БЕЛИВО. СТОЯНКА 16 (БЕЛИВО 8), мезолит, неолит.

Около 0,4 км к ЗСЗ от западной окраины д., мысовидный выступ первой надпойменной террасы правого берега р. Нерской (левый приток р. Москвы), 50–70 м от русла. Протянулась вдоль берега, размеры 30–35×7–10 м, высота над заболоченной поймой 1,5 м. Территория памятника поросла сосновым лесом. А.Е. Кравцовым исследовано 6 кв. м. Находки залегали в почвенном слое песчанистой структуры и подстилающем его светло-желтом песке до глубины 0,3 м от поверхности. Найдены кремневые концевой скребок, пластины и отщепы позднемезолитического или ранненеолитического возраста. Коллекция в МИМ.

АКР, 1996, № 1397 (24), с. 35;
Кравцов, 1987, с. 73;
Кравцов, 1985, № 10597, л. 47, 48.

БЕЛИВО. СТОЯНКА 19 (БЕЛИВО 12), мезолит.

0,7 км к ЮЮЗ от ЮЗ окраины д., слабовыраженный мысовидный выступ правого берега р. Радомки (левый приток р. Нерской, левого притока р. Москвы), 0,4 км от ее устья. Размеры 25–30×20–25 м, высота над рекой 2–3 м. Территория памятника ранее распахивалась, нарушена грунтовой дорогой. А.Е. Кравцовым исследовано 6 кв. м. Находки залегают в нарушенном распашкой почвенном слое и подстилающем его песке. Найдены кремневые скобель, отщепы, пластины, микропластины, вкладыш мезолитического облика. Коллекция в МИМ.

АКР, 1996, № 1400 (37), с. 36;
Кравцов, 1987, № 11878, л. 23–25.

БЕЛИВО. СТОЯНКА 21 (РАДОМКА 1), мезолит, неолит.

1,5 км к Ю от ЮЗ окраины д., мысовидный выступ первой надпойменной террасы левого берега почти полностью заторфованной р. Радомки (левый приток р. Нерской, левого притока р. Москвы), 40–50 м от русла, около 1,5 км от устья. Протянулась вдоль берега, размеры около 140×10–20 м, высота над поймой до 1,5 м. Территория памятника ранее распахивалась. Е.В. Леоновой исследовано 6 кв. м. Находки залегали в пахотном слое до глубины 0,45 м от поверхности, двумя скоплениями, располагающимися в 50 м друг от друга. В одном из скоплений найдены обломки лепных сосудов позднего этапа развития верхневолжской ранненеолитической культуры и кремневый отщеп, во втором – обломки лепных сосудов позднего этапа развития неолитического льяловской культуры, а также обломок ножевидной пластины с нерегулярной ретушью, отнесенный к мезолиту. Выявлены остатки кострища и яма. Коллекция в МИМ.

АКР, 1996, № 1402 (46), с. 36;
Леонова, 1990, № 15710, л. 15–20.

БЕЛИВО. СТОЯНКА 22 (БЕЛИВСКОЕ ОЗ. 1), мезолит, неолит.

Около 2,5 км к ЮВ от ЮВ окраины д., СВ берег оз. Белое (Беливское). Размеры 130×130 м, высота над

озером 2 м. Территория памятника распахивается. На пашне найдены обломки лепных сосудов, отнесенные к раннему неолиту, кремневые наконечники дротика и стрел, резец, отщепы и пластины мезолитического и неолитического возраста.

АКР, 1996, № 1403 (52), с. 37;
Кравцов, 1984, № 10893, л. 129, 130.

БЕЛИВО. СТОЯНКА 23 (БЕЛИВО, БЕЛИВСКОЕ ОЗ. 1), мезолит.

Около 2,5 км к ЮВ от д., южный берег оз. Белое (Беливское). Протянулась с С на Ю, размеры 50×15–20 м. Толщина культурного слоя не определена. Найдены кремневые ножевидные пластины, угловой резец и скребок на отщепах, предположительно отнесенные к мезолиту.

АКР, 1996, № 1404 (51), с. 37;
Сидоров, 1975, № 5709, л. 45;
Розенфельдт, 1988, л. 641;
Кравцов, 1984, № 10893, л. 129, 130.

БЕЛИВО. СТОЯНКА 24 (БЕЛИВСКОЕ ОЗ. 2), мезолит.

Около 2,5 км к ЮЮВ от ЮВ окраины д., всхолмление древнего ЮЗ берега оз. Белое (Беливское), 0,4 км к ЮЗ от кромки современного берега. Протянулась с ЗЮЗ на ВСВ, размеры 140–150×20–25 м, высота над болотом, прилегающим к озеру, 2,5 м. Находки залегают в почвенном слое толщиной до 0,25 м. Найдены кремневые вкладыши, резцовые сколы, отщепы и пластины, в т.ч. с ретушью, концевой скребок.

АКР, 1996, № 1405 (49), с. 37;
Кравцов, 1985, № 10597, л. 49, 51, 52.

БЕЛИВО. СТОЯНКА 25 (БЕЛИВСКОЕ ОЗ. 3), мезолит, неолит.

Около 2,5 км к ЮЮВ от ЮВ окраины д., всхолмление древнего юго-западного берега оз. Белое (Беливское), 0,5 км к ЮЗ от кромки современного берега, 70–100 м к ЮЗ от стоянки 24 (см. № 1405). Протянулась с СВ на ЮЗ, размеры 70×30–35 м, высота над болотом, прилегающим к озеру, 3 м. Территория памятника ранее распахивалась. Находки залегают в нарушенном распашкой почвенном слое до глубины 0,15 м от поверхности. Найдены кремневые отщепы, в т.ч. с ретушью, пластины неправильной формы, резцовый скол, резец на пластине, ножи из пластин и отщепов, концевой скребок на отщепе, отнесенные к финальному мезолиту или раннему неолиту.

АКР, 1996, № 1406 (50), с. 37;
Кравцов, 1985, № 10597, л. 49, 50, 52, 53.

БЕЛИВО. СТОЯНКА 26 (БЕЛИВСКОЕ ОЗ. 4), мезолит, неолит.

Около 2 км к ЮЮВ от ЮЗ окраины д., всхолмление древнего западного берега оз. Белое (Беливское), 1,1–1,3 км к З от его современного северного берега. Протянулась с СЗ на ЮВ, размеры 80–90×20–35 м, высота над окружающей местностью 1,5–2,0 м. А.Е. Кравцовым исследовано 9 кв. м. Находки залегали в почвенном слое толщиной до 0,25 м. Найдены кремневые отщепы, пластины, резцовый скол, скребок – резец на пластине, концевые скребки из пластин и отщепов, отнесенные к мезолиту и раннему неолиту. Коллекция в МИМ.

АКР, 1996, № 1407 (48), с. 37, 38;
Кравцов, 1985, № 10597, л. 50, 53, 54.

БЕЛИВО. ПОСЕЛЕНИЕ 3 (БЕЛИВО 13), палеолит (?), мезолит, эпоха бронзы.

100 м к Ю от юго-западной окраины д., 0,12 км к ССВ от фермы, пологий склон возвышенного участка первой надпойменной террасы левого берега р. Невской (левый приток р. Москвы), 0,2 км от заболоченной поймы. Территория памятника ранее распахивалась, почти полностью огорожена забором, нарушена при строительстве водонапорной башни и хозяйственных сооружений, по ней проходит грунтовая дорога. А.Е. Кравцовым исследовано 8 кв. м. Находки залегали в нарушенном распашкой почвенном слое и подстилающем его коричневато-желтом песке до 0,4 м. Керамика лепная без орнамента, отнесенная к эпохе бронзы, кремневые резец и пластины, датированные мезолитом. Найден также микролит с притупленным краем из правильной массивной узкой пластины, обработанный крутой ретушью по спинке, с плотной бело-голубой патиной, предположительно позднепалеолитического возраста. Коллекция в МИМ.

АКР, 1996, № 1407 (48), с. 38.

ДРЕЗНА (ЯЗВИЦКАЯ ГОРА). СТОЯНКА 1, мезолит, неолит.

1,3 км к ССВ от СВ окраины пос., сниженный участок песчаного всхолмления Язвицкая гора на правом берегу р. Дрезны (правый приток р. Клязьмы), 0,2 км к В от старицы, 1 км к Ю от русла Клязьмы, 1 км к В от русла Дрезны. Протянулась с С на Ю, размеры около 95×45 м, высота над старицей 4–6 м. Территория памятника нарушена грунтовой дорогой. Находки залегают в слоях серого золистого и светло-серого песка на глубине 0,11–0,62 м от поверхности. Найдены кремневые концевой скребок-нож, резцы, отщепы и пластины, отнесенные к позднему мезолиту и раннему неолиту.

АКР, 1996, № 1415 (11), с. 40;
Жилин, 1978, с. 61;
Сидоров, 1975, № 5709, л. 56, 57.

ДРЕЗНА (ЯЗВИЦКАЯ ГОРА), СТОЯНКА 4, мезолит.

Около 1,4 км к ССВ от СВ окраины пос., северная вершина песчаного всхолмления Язвицкая гора на правом берегу р. Дрезны (правый приток р. Клязьмы), 0,25 км к В от старицы, 80 м к СВ от стоянки 1, 100 м к Ю от стоянки 3. Большая часть памятника разрушена карьером. Культурный слой толщиной до 0,3 м залегает

на глубине 0,1 м от современной поверхности. Найдены кремневые боковые и угловые резцы, вкладыши на пластинах, отщепы и пластины, предположительно мезолитического возраста.

АКР, 1996, № 1418 (14), с. 41;
Жилин, 1978, с. 61;
Жилин, 1977, № 6618, л. 58.

ЗАВОЛЕНЬЕ. СТОЯНКА УСТЬ-ВОЛЬНАЯ, мезолит, неолит.

Напротив д., 0,3 км к СЗ от СЗ ее окраины, у ЮЗ угла старообрядческого кладбища 18–19 вв., южный склон мыса первой надпойменной террасы правого берега р. Нерской (левый приток р. Москвы) при впадении в нее р. Вольной. Протянулась вдоль берега, размеры 50–55×20–35 м, высота над рекой 1,0–3,5 м. Прибрежная часть памятника разрушается рекой, СВ часть нарушена кладбищем. В.В. Сидоровым и А.Е. Кравцовым исследовано 108 кв. м. Находки залегают преимущественно в слое коричневато-желтого песка толщиной до 0,45 м на глубине 0,26–0,48 м от современной поверхности. Отдельные находки отмечены ниже этого уровня. Керамика лепная, с накольчато-гребенчатой орнаментацией, ранненеолитической верхневолжской культуры, лепная с ямочно-гребенчатой орнаментацией раннего этапа развития неолитической льяловской культуры, лепная волосовской культуры того же времени, кремневые резцы, скребки, скобели, наконечники стрел из пластин, вкладыши, наконечники дротиков и их заготовки, комбинированные и др. орудия. Часть кремневых орудий отнесена к бутовской мезолитической культуре. Исследованы остатки кострищ, датированных мезолитом, ранним и развитым неолитом. Коллекция в МОКМ и Егорьевском краеведческом музее.

АКР, 1996, № 1419 (64), с. 41;
Сидоров, 1973–1974, № 5431, л. 87, 88; 1975, № 5709, л. 45, 46;
Розенфельдт, 1982, № 9834, л. 16;
Кравцов, 1984, № 10893, л. 26–48.

ЗАГРЯЖСКАЯ. СТОЯНКА 1, мезолит, неолит.

Около 2,3 км к СВ от сев. окраины д., мысовидный выступ первой надпойменной террасы правого берега р. Нерской (левый приток р. Москвы), около 0,2 км к ССЗ от деревянного моста через нее. Протянулась вдоль берега, размеры 25–30×10–20 м, высота над рекой 0,5–1,0 м. Территория памятника поросла деревьями и кустарником. Находки залегают в сером почвенном слое и подстилающем его белесоватом оподзоленном песке толщиной до 0,25 м. Найдены кремневые ножи, скребки, в т.ч. концевой, резец на сломе заготовки, отщепы и пластины (иногда с ретушью), датированные финальным мезолитом и ранним неолитом.

АКР, 1996, № 1420 (21), с. 41, 42;
Кравцов, 1984, № 10893а, л. 3; 1986, № 11382, л. 16.

КРАСНАЯ ДУБРАВА (ДЕМИДОВО). СТОЯНКА 3, мезолит, неолит.

0,8 км к ЮВ от южной окраины д., 3 км к В от южной окраины д. Демидово, мысовидный выступ первой надпойменной террасы левого берега р. Клязьмы. Протянулась с ВСВ на ЗЮЗ, размеры 110×50 м, высота над рекой 4 м. Территория памятника нарушена грунтовой дорогой. Находки залегают в слое светло-серого песка толщиной до 0,2 м на глубине 0,2 м от поверхности. Найдены кремневые отщепы, скребок на отщепе, аморфный нуклеус, отнесенные к позднему мезолиту или раннему неолиту.

АКР, 1996, № 1423 (3), с. 42;
Жилин, 1977, № 6618, л. 43, 44;
Розенфельдт, 1988, л. 662.

ПИРЮТИНО. СТОЯНКА 1 (ПИРЮТИНО 6), мезолит, неолит.

Около 0,6 км к З от ЮЗ окраины пос., ЮЗ склон западной оконечности песчаного всхолмления, обращенного к заторфованному оз. Пирютино (ныне торфяные карьеры), около 0,15 км к З от поселения 2. Размеры 30×20 м. Территория памятника распахивается под огороды, нарушена дренажной канавой. Керамика лепная, с ямочно-гребенчатой орнаментацией, позднего этапа развития неолитической льяловской культуры, кремневые нуклевидный резец, пластины, отщепы, в т.ч. мезолитического облика.

АКР, 1996, № 1429 (16), с. 44;
Сидоров, Энговатова, 1992, № 17767, л. 45–49.

ПИРЮТИНО. СТОЯНКА 2 (5), мезолит, неолит.

Около 1,5 км к ВЮВ от ЮВ окраины пос., песчаное всхолмление к СВ от заторфованного оз. Пирютино, правый (западный) берег дренированного русла р. Сеньги, впадающей в оз. Сеньга. Территория памятника нарушена мелиоративными работами и торфоразработками, размеры сохранившейся части около 25×25 м. Культурный слой до 0,3 м. Керамика лепная, очень плохой сохранности, отнесенная к раннему и развитому неолиту, кремневые резцы, ножевидные пластины, отщепы, обломки орудий и наконечника копья. Некоторые кремни, по мнению В.В. Сидорова, могут быть отнесены к мезолиту.

АКР, 1996, № 1430 (20), с. 44;
Сидоров, Энговатова, 1992, № 17772, л. 45–49.

ПИРЮТИНО. МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ 4, мезолит, неолит.

Около 1 км к ЮВ от ЮВ окраины пос., мысовидный выступ террасы заторфованного оз. Пирютино, к СВ от него, 0,5 км к З от стоянки 2. При зачистке обнажения культурного слоя в дренажной канаве найдены кремневые отщепы, предположительно отнесенные к мезолиту или раннему неолиту.

АКР, 1996, № 1433 (19), с. 45;
Сидоров, Энговатова, 1992, № 17772, л. 45–49.

СЛОБОДИЩЕ. СТОЯНКА 1, мезолит, неолит.

3 км к С от северной окраины д., мысовидный выступ первой надпойменной террасы правого берега р. Нерской (левый приток р. Москвы), около 1,5 км вверх по течению от дамбы разрушенного моста. Протянулась вдоль берега, размеры 30–35×20–25 м, высота над рекой 1,5–2,0 м. Находки залегают в песке разной цветности толщиной до 0,5 м. Керамика лепная, с ямочно-гребенчатой орнаментацией, неолитической льяловской культуры, кремневые отщепы, в т.ч. с ретушью, а также микролит с затупленным краем и резцы на отщепах, отнесенные к мезолиту.

АКР, 1996, № 1438 (82), с. 46;

Кравцов, 1993, № 17779, л. 8–10.

СЛОБОДИЩЕ. СТОЯНКА 2 (ЛУПИЛОВКА 1), мезолит, неолит.

1,6 км к С от северной окраины д., мыс первой надпойменной террасы левого берега р. Нерской (левый приток р. Москвы), у ее излучины, 0,5 км вверх по течению от места поворота реки на З, у дороги на б. д. Лупиловка. Протянулась вдоль берега, размеры 130×70 м, высота над рекой до 4 м. Находки залегают в почвенном слое толщиной до 0,1 м. Найдены кремневые отщепы и чешуйки, предположительно мезолитического или раннеолитического возраста.

АКР, 1996, № 1439 (84), с. 46;

Сидоров, 1971, № 4547, л. 26; 1975, № 5709, л. 47, 48.

СЛОБОДИЩЕ. СТОЯНКА 5 (3), мезолит.

3 км к СЗ от С окраины д., первая надпойменная терраса правого берега р. Нерской (левый приток р. Москвы). Протянулась вдоль берега, размеры около 35–40×12–20 м, высота над рекой до 6 м. Территория памятника поросла лесом. Найдены кремневые отщепы и резец, предположительно отнесенные к мезолиту.

АКР, 1996, № 1442 (86), с. 47;

Кравцов, 1993, № 17779, л. 12–14.

СОБОЛЕВО. СТОЯНКА 1, мезолит, неолит.

Восточная часть д., к Ю от домов № 225 и № 227, склон мыса первой надпойменной террасы правого берега р. Нерской (левый приток р. Москвы) при впадении в нее р. Ходынки, левый берег последней. Размеры 45–50×20–30 м, высота над рекой 0,5–1,0 м. Территория памятника частично застроена, распахивается под огороды. Находки залегают в нижней части почвенного слоя и в верхней части подстилающего его песка толщиной до 0,35 м. Керамика лепная, верхневолжской ранненеолитической культуры, кремневые скобель, пластины и отщепы, предположительно отнесенные к мезолиту и раннему неолиту.

АКР, 1996, № 1444 (88), с. 47;

Кравцов, 1987, № 11878, л. 17, 18.

СОБОЛЕВО. СТОЯНКА 2 (СОБОЛЕВО 3), мезолит.

0,7 км к ЮЮВ от ЮВ окраины д., мысовидный выступ первой надпойменной террасы левого берега р. Нерской (левый приток р. Москвы) в месте ее излучины, 0,7–0,8 км вверх по течению от моста на шоссе Москва – Егорьевск, 100 м к С от последнего. Протянулась вдоль берега, размеры 40×25 м, высота над рекой 1–2 м. В почвенном слое на глубине 0,15–0,20 м найдены кремневые отщепы и резец на сломе правильной пластины, предположительно отнесенные к мезолиту.

АКР, 1996, № 1445 (89), с. 48;

Кравцов, 1987, № 11878, л. 20.

ТЕРЕНЬКОВО. СТОЯНКА 1 (ТЕРЕНЬКОВО 4), мезолит, неолит.

Около 0,4 км к СВ от ЮВ окраины д., первая надпойменная терраса левого берега р. Нерской (левый приток р. Москвы). Протянулась вдоль берега, размеры 120–130×12–20 м, высота над рекой 2,5–3,5 м. Территория памятника поросла молодым лесом, нарушена грунтовой дорогой. А.Е. Кравцовым исследовано 20 кв. м.

Находки залегали в почвенном слое и подстилающем его песке общей толщиной до 0,6 м. Керамика лепная, плохого обжига, верхневолжской ранненеолитической культуры, лепная с ямочно-гребенчатой орнаментацией, неолитической льяловской культуры, кремневые орудия, отщепы и пластины. Выделяется группа орудий (резцы на сломах заготовок, вкладыши, наконечники стрел постсвидерского типа и др.), отнесенных к бутовской мезолитической культуре. Коллекция в МИМ.

АКР, 1996, № 1448 (57), с. 48, 49;

Кравцов, 1986, с. 55;

Кравцов, 1984, № 10893, л. 83–88.

ТЕРЕНЬКОВО. СТОЯНКА 2 (ТЕРЕНЬКОВО 4Б), мезолит, неолит.

0,45 км к СВ от ЮВ окраины д., край первой надпойменной террасы левого берега р. Нерской (левый приток р. Москвы), 90 м к СЗ от стоянки 1. Протянулась вдоль берега, размеры 55×15–25 м, высота над рекой 2,5–3,5 м. Территория памятника поросла молодым лесом, нарушена грунтовой дорогой. Находки обнаружены в почвенном слое и подстилающем его песке общей мощностью до 0,3 м. Найдены кремневые нуклеусы, пластины, вкладыши, скобель, отнесенные к позднему мезолиту или раннему неолиту.

АКР, 1996. № 1449 (58), с. 49;

Кравцов, 1986, с. 55;

Кравцов, 1986, № 11382, л. 6, 7.

ТЕРЕНЬКОВО. СТОЯНКА 3 (ТЕРЕНЬКОВО 7), мезолит (?), неолит.

Около 0,9 км к ВСВ от ЮВ окраины д., мысовидный выступ первой надпойменной террасы левого берега р. Нерской (левый приток р. Москвы), между стоянками 2 и 4. Протянулась вдоль берега, размеры 40–45×10–15, высота над рекой 3,0–3,5 м. Территория памятника нарушена ямами и при устройстве съезда к реке. Находки залегают в почвенном слое и подстила-

ющем его песке различной цветности общей мощностью до 0,6 м. Керамика лепная, с ямочно-гребенчатой орнаментацией, неолитической льяловской культуры, кремневые орудия, часть из которых относится к развитому неолиту, часть – предположительно к мезолиту или раннему неолиту. Выявлены остатки кострища.

АКР, 1996, № 1450 (56), с. 49;
Кравцов, 1987, № 11878, л. 32, 33.

ТЕРЕНЬКОВО. СТОЯНКА 4 (5Б), мезолит, неолит.

1 км к СВ от ЮВ окраины д., первая надпойменная терраса левого берега р. Нерской (левый приток р. Москвы). Протянулась вдоль берега, размеры 50×35 м, высота над рекой 2,5–4,0 м. Территория памятника поросла лесом, нарушена ямой. Находки залегают в почвенном слое и подстилающем его песке разной цветности общей мощностью до 0,45 м. Найдены кремневые отщепы, пластины, концевой скребок, нож из пластины, вкладыши, отнесенные к позднему мезолиту и раннему неолиту, а также один фрагмент лепного сосуда, предположительно верхневолжской ранненеолитической культуры.

АКР, 1996. 1451 (54), с. 49, 50;
Кравцов, 1986, с. 55;
Кравцов, 1984, № 10893, л. 90, 91.

ТЕРЕНЬКОВО. СТОЯНКА 5 (5А), мезолит, неолит.

Около 1,1 км к СВ от ЮВ окраины д., первая надпойменная терраса левого берега р. Нерской (левый приток р. Москвы), 30–50 м к СВ от стоянки 3. Протянулась вдоль берега, размеры 45–50×25–35 м, высота над рекой 2–3 м. Территория памятника поросла лесом, нарушена ямой, по ней проходит грунтовая дорога. Находки залегают в нижнем горизонте почвенного слоя и подстилающем его песке разной цветности общей мощностью до 0,6 м. Найдены кремневые отщепы, пластины, нуклеусы, скребок, скобели, пластины с ретушью, резцы, предположительно отнесенные к позднему мезолиту или раннему неолиту. Выявлены остатки кострища, вокруг которого концентрировались находки.

АКР, 1996, № 1452 (55), с. 50;
Кравцов, 1986, с. 55;
Кравцов, 1984, № 10893, л. 89, 90.

ТЕРЕНЬКОВО. СТОЯНКА 7 (ТЕРЕНЬКОВСКОЕ КЛАДБИЩЕ 1), мезолит.

0,9 км к ЮЗ от южной окраины д., 0,16 км к Ю от кладбища, первая надпойменная терраса правого берега р. Нерской (левый приток р. Москвы), 70–80 м вниз по течению от стоянки 6. Протянулась вдоль берега, размеры 100–120×50–75 м, высота над рекой 1–2 м. Территория памятника частично распахивается. Найдены кремневые скребки, обломки орудий, пластины и отщепы предположительно мезолитического возраста.

АКР, 1996, № 1454 (63), с. 50;
Кравцов, 1986, с. 55;
Кравцов, 1984, № 10893, л. 71.

ТЕРЕНЬКОВО. ПОСЕЛЕНИЕ 4 (ТЕРЕНЬКОВО 6), мезолит, неолит, эпоха бронзы.

Около 1,8 км к ВСВ от СВ окраины д., мысовидный выступ первой надпойменной террасы левого берега р. Нерской (левый приток р. Москвы), около 0,14 км от русла, 50 м к Ю от впадающей в реку дренажной канавы. Протянулось вдоль берега, размеры 50–55×15–25 м, высота над рекой 1,5–3,0 м. Территория памятника нарушена дренажной канавой и грунтовой дорогой, в северной его части установлен геодезический знак. А.Е. Кравцовым исследовано 48 кв. м. Находки залегали в слоях поддернового песка различной цветности со слабыми углистыми включениями общей мощностью до 0,8 м с глубины 0,2 м от поверхности. Керамика лепная с гребенчато-накольчатой орнаментацией ранненеолитической верхневолжской культуры; с ямочно-гребенчатой орнаментацией неолитической льяловской культуры; с отпечатками зубчатого штампа, перемежающимися рядами кружковых вдавлений, отнесенная к позднему неолиту или энеолиту; с сетчатыми отпечатками на внешней поверхности, украшенная горизонтальным зигзагом из оттисков зубчатого штампа между горизонтальными линиями, образованными таким же штампом или нарезками, поздняковской культуры эпохи бронзы. Среди кремневых орудий выделяется группа, представленная скошенными остриями, постсвидерскими наконечниками стрел, прямоугольной пластиной и т.п., отнесенная к позднему этапу развития бутовской мезолитической культуры и раннему неолиту. Много кремневых скребков, скобелей, наконечников стрел и др. орудий с двухсторонней обработкой, относящихся к развитому и позднему неолиту, а также эпохе бронзы. Выявлено 19 углистых пятен, которые в своем большинстве связываются с материалами льяловской культуры. Исследовано погребение по обряду трупосожжения в могильной яме размерами 2,7×2,5 м, глубиной до 1,03 м. Близ могильной ямы найдены обломки сосудов, датированных автором раскопок энеолитом. Коллекция в МИМ.

АКР, 1996, № 1458 (53), с. 52;
Кравцов, 1986, с. 55;
Кравцов, 1984, № 10893, л. 49–70.

ХОТЕИЧИ. СТОЯНКА 1 (ХОТЕИЧИ 2), мезолит, неолит.

Около 1 км к ССВ от СВ окраины с., мыс боровой террасы левого берега р. Нерской (левый приток р. Москвы) при впадении в нее р. Гуслицы, правый берег последней, 0,25 км к С от русла, около 0,6 км к В от устья. Размеры 40×35 м, высота над уровнем воды в р. Нерской 2,5–3,0 м. Территория памятника поросла лесом, нарушена ямами. Находки залегают в слоях поддернового песка общей мощностью до 0,4 м.

Встречена керамика лепная, с ямочно-гребенчатой орнаментацией, неолитической льяловской культуры, кремневые отщепы, ребристые пластины, микропластины, ножевидные пластины, резцы на сломе отщепов,

предположительно отнесенные к позднему мезолиту, а также двухсторонне обработанные орудия, включая обломок наконечника дротика, развитого неолита.

АКР, 1996, № 1459 (93), с. 53;
Кравцов, 1987, № 11878, л. 22.

БЕЛИВО. СТОЯНКА 1 (БЕЛИВО 4Г – северная), мезолит.

Около 0,9 км к ЮЗ от южной окраины д., мыс первой надпойменной террасы левого берега р. Нерской (левый приток р. Москвы) при впадении в нее р. Радомки, правый берег последней. Размеры около 25×15 м, высота над рекой 3,5–4,5 м. Поверхность памятника не задернована и развеивается, слой нарушен ямами скотомогильника. А.Е. Кравцовым в 1986 и 1987 гг. исследовано 420 кв. м. Находки залегали в слое слабо гумусированного песка и подстилающих его слоях беловатого оподзоленного и желто-рыжего песка до глубины 0,45 м. Изучено четыре микроскопления находок.

Всего собрано 496 предметов, среди которых кремневые отщепы, сколы, пластины, резцы, концевые скребки, вкладыши, сверла и наконечники стрел с боковой выемкой, в т.ч. один аренсбургского типа. Нуклеусы отсутствуют. Исследованы остатки наземной постройки с очагом внутри и столбовыми ямками по периметру, отдельные кострища. Стоянка отнесена к иеневской мезолитической культуре. Практически полностью исчерпана раскопками.

АКР, 1996, № 20, с. 209;
Кравцов, 1988а, с. 69; 1988б, с. 15–21;
Кравцов, Жилин, 1995;
Кравцов, Леонова, 2001;
Леонова, 1994; 1998;
Кравцов, 1987, № 11878, л. 34–45; 1988, № 12529, л. 2, 11–20;
Леонова, 1989, № 14425, л. 1.

БЕЛИВО. СТОЯНКА 2 (БЕЛИВО 4Г – южная), мезолит.

Около 0,9 км к ЮЗ от южной окраины д., мыс первой надпойменной террасы левого берега р. Нерской (левый приток р. Москвы) близ места впадения в нее р. Радомки, 20–25 м к Ю от полностью раскопанной стоянки 1. Размеры, по первоначальным данным, 15×7 м, высота над рекой 3,5–4,5 м. Поверхность не задернована и развеивается, нарушена ямами. А.Е. Кравцовым в 1986–1988 и в 1989 гг. совместно с Е.В. Леоновой исследовано 347 кв. м. Находки залегали в песке на глубину до 0,3 м от поверхности, преимущественно в переотложенном состоянии. Зафиксировано три микроскопления находок. Найдены кремневые нуклеус, отщепы, пластины, микропластины, резцы, концевые скребки, острия, четыре наконечника стрел, в т.ч. с боковой выемкой, три высоких трапеции, треугольник и комбинированные орудия. Стоянка отнесена к иеневской мезолитической культуре. Полностью исчерпана раскопками.

АКР, 1996, № 21, с. 209, 210;
Кравцов, 1988б, с. 15–21;
Кравцов, Леонова, 2001;
Леонова, 1988; 1994;
Кравцов, 1987, № 11878, л. 34–45; 1988, № 12529, л. 2, 11–20;
Леонова, 1989, № 14425.

БЕЛИВО. СТОЯНКА 3 (БЕЛИВО 6Б), мезолит.

Около 0,75 км к ЮЮЗ от ЮЗ окраины д., первая надпойменная терраса левого берега р. Нерской (левый приток р. Москвы), 0,15 км от русла. Площадь около 1500–1700 кв. м, высота над рекой 2,5 м, над заболоченной поймой – 2,0 м. Открыта и исследована А.Е. Кравцовым в 1986–1988 гг., вскрыто 224 кв. м. Находки залегали на глубине 0,05–0,30 м от поверхности. Найдено 745 предметов, в т.ч. кремневые отщепы, пластины, вкладыши, резцы, скребки, скобели, четыре асимметричных наконечника стрел с боковыми выемками, две трапеции, обломок обушкового ножа, рубящие орудия и нуклеус. Стоянка отнесена к иеневской мезолитической культуре. Полностью исчерпана раскопками.

АКР, 1996, № 22, с. 210;
Леонова, 1998;
Кравцов, 1986, № 11382, л. 13; 1987, № 11878, л. 45–47; 1988, № 12529, л. 22–23; 1989, № 14300, л. 26–31.

ПИРЮТИНО. СТОЯНКА 2, мезолит, неолит.

0,3 км к ЗЮЗ от западной окраины пос., склон суходольной возвышенности у северного берега заторфованного оз. Пирютино. Размеры около 60×45 м. Найдены кремневые отщепы, осколки, пластины, предположительно отнесенные к позднему мезолиту и раннему неолиту. Стоянка уничтожена строительными работами и распашкой.

АКР, 1996, № 23, с. 210;
Сидоров, Энговатова, 1992, № 17772, л. 45–49.

ХОТЕИЧИ 4.

В 1 км к С от СВ окраины с. Хотеичи, на надпойменном мысу левого берега р. Гуслицы (левый приток р. Нерской), примерно в 1 км от ее устья. Высота мыса над меженным уровнем составляет 1,5–2,5 м. Поверхность слабо задернована, но не распахивается. Общая площадь распространения подъемного материала достигает 400 кв. м, планиграфически выделяются два скопления, между которыми обработанных кремней практически нет.

Поверхность памятника в нескольких местах нарушена ямами для добычи песка. При зачистке их стенок установлено, что артефакты залегают сразу под дерном, в слое темно-бурого песка с линзами белесого оподзоленного песка. Мощность горизонта залегания находок 0,1–0,25 м. Среди находок фрагмент пластинки с затупленным краем; резец с неподработанной площадкой на отщепе; пластинки, снятые в отжимной технике, и их фрагменты. Полученные материалы немногочисленны.

Их анализ позволяет предварительно отнести памятник к бутовской культуре.

Луньков, 2001.

ПАВЛОВО-ПОСАДСКИЙ РАЙОН

ПАВЛОВСКИЙ ПОСАД. СТОЯНКА 1, мезолит (?), неолит (?).

0,5 км к СВ от СЗ окраины г., останец первой надпойменной террасы правого берега р. Клязьмы. Протянулась с ЗСЗ на ВЮВ, размеры 40×25 м, высота над рекой 5–6 м. Большая часть памятника распахивается, юго-восточная оконечность задернована. Мощность культурного слоя не определена. Найдены кремневые ножевидные пластины и отщепы.

АКР, 1996, № 1466 (6), с. 56;

Жилин, 1977, № 6618, л. 44.

Б. ДВОРЫ. СТОЯНКА, мезолит.

1 км к З от ЮЗ окраины пос., южная оконечность останца первой надпойменной террасы левого берега р. Клязьмы. Протянулась с СЗ на ЮВ, размеры 70×30 м, высота над рекой 4–6 м. Северная часть памятника нарушена кладбищем, береговая разрушается рекой. Культурный слой мощностью 0,6 м состоит из двух прослоек: темно-серого песка с углями (0,25 м) и светло-серого песка (0,35 м). Найдены кремневые отщепы и нуклевидные куски, предположительно мезолитического времени.

АКР, 1996, № 1471 (5), с. 57;

Жилин, 1977, № 6618, л. 41, 42;

Розенфельдт, 1988, л. 660.

ДЕМИДОВО. СТОЯНКА 1, мезолит (?), неолит (?).

0,2 км к ЮВ от южной окраины д., 100 м к Ю от скотного двора, край первой надпойменной террасы левого берега р. Клязьмы, восточный берег старицы. Протянулась с З на В, размеры 80×60 м, высота над рекой 2–4 м. Культурный слой 0,15 м. Найдены кремневые скребки на отщепах и отщепы, предположительно датированные мезолитом или ранним неолитом.

АКР, 1996, № 1476 (27), с. 58;

Жилин, 1977, № 6618, л. 43;

Розенфельдт, 1988, л. 661, 662.

ДЕМИДОВО. СТОЯНКА 2, мезолит (?), неолит (?).

1,5 км к ЮВ от южной окраины д., край первой надпойменной террасы левого берега р. Клязьмы. Протянулась с З на В, размеры 110×40 м, высота над рекой 2–4 м. Мощность культурного слоя не определена. Найдены кремневые отщепы, концевой скребок на пластине и пластина с ретушью, предположительно датированные мезолитом или ранним неолитом.

АКР, 1996, № 1477 (28), с. 58;

Жилин, 1977, № 6618, л. 43.

КОВРИГИНО. СТОЯНКА, мезолит (?), неолит (?).

ЮЗ окраина д., мыс первой надпойменной террасы левого берега р. Клязьмы близ устья безымянного ручья, правый берег последнего. Протянулась с З на В, размеры 80×40 м, высота над рекой 4 м. Северная часть памятника нарушена застройкой, ямами, распахивается. Мощность культурного слоя не определена. Найдены кремневые вкладыши из сечений пластин, отщепы, в т.ч. с ретушью, пластины, резец на углу сломанной пластины, одноплощадочный нуклеус, предположительно датированные мезолитом или ранним неолитом.

АКР, 1996, № 1489 (16), с. 61;

Жилин, 1977, № 6618, л. 42, 43.

КУРОВО. СТОЯНКА 1, мезолит (?), неолит.

0,2 км к ВЮВ от д., к С от дороги в д. Назарьево, первая надпойменная терраса правого берега р. Клязьмы, южный берег старицы, к В от оврага, 0,3 км к ЗСЗ от стоянки 2. Протянулась с ЗЮЗ на ВСВ, размеры 140×20–40 м, высота над старицей 4 м. СЗ часть памятника нарушена карьером. Культурный слой мощностью до 0,3 м. Найдены кремневые отщепы и пластины, в т.ч. с ретушью, двуплощадочные и одноплощадочные нуклеусы, концевой скребок, скобель и скребло на отщепах, скол со шлифованного орудия, предположительно датированные концом мезолита или началом неолита.

АКР, 1996, № 1490 (20), с. 61;

Жилин, 1977, № 6618, л. 54, 55.

КУРОВО. СТОЯНКА 2, мезолит (?), неолит (?).

0,5 км к ВЮВ от д., к С от дороги в д. Назарьево, дюнообразное всхолмление первой надпойменной террасы правого берега р. Клязьмы, южный берег старицы, 0,3 км к ВЮВ от стоянки 1. Протянулась с З на В, размеры 75×35 м, высота над старицей 2–3 м. Культурный слой толщиной 0,4 м состоит из двух прослоек: темно-серого оторфованного песка (0,16 м) и серо-желтого песка (0,24 м). Найдены кремневые отщепы, в т.ч. с ретушью, и пластины, предположительно датированные мезолитом или ранним неолитом.

АКР, 1996, № 1491 (21), с. 61;

Жилин, 1977, № 6618, л. 55;

Розенфельдт, 1988, л. 668.

САУРОВО. СТОЯНКА 2 (САУРОВО 3), мезолит (?).

0,65 км к ЮЮЗ от церкви с., склон первой надпойменной террасы правого берега р. Клязьмы, восточный берег старицы, к Ю от небольшого оврага, 50 м к ЮЮВ от поселения. Протянулась с С на Ю, размеры 60×40 м, высота над старицей 2–5 м. Культурный слой мощностью до 0,15 м. Найдены кремневые пластины с ретушью, вкладыш с зубчатым краем, пластины и отщепы мезолитического облика.

АКР, 1996, № 1495 (19), с. 62, 63;

Жилин, 1977, № 6618, л. 47, 48.

САУРОВО. СТОЯНКА 3 (САУРОВО 4), мезолит.

0,8 км к В от южной окраины с., к Ю от грунтовой дороги в с., дюнообразное всхолмление правого берега р. Клязьмы, северный берег старицы. Протянулась с ЮЗ на СВ, размеры 35×20 м, высота над старицей 6 м. М.Г. Жилиным исследовано 24 кв. м. Культурный слой толщиной около 0,2 м состоит из двух прослоек: темно-серого песка (0,11 м) и серо-желтого песка с углями (0,10 м). Найдены кремневые концевые скребки, микроскребок, угловой резец и проколка на отщепах, вкладыши из фрагментов пластин, пластина со скошенными мелкой ретушью концами, обломки ножей, обработанных с двух сторон некрупной ретушью, клиновидный и подконический нуклеусы, сколы с площадок нуклеусов, пластины и отщепы, в т.ч. с ретушью. Зафиксированы две хозяйственные ямы. Стоянка отнесена к позднему мезолиту.

АКР, 1996, № 1496 (22), с. 63;
Жилин, 1977, № 6618, л. 48, 49.

САУРОВО. СТОЯНКА 4 (САУРОВО 5), мезолит.

0,9 км к ВСВ от южной окраины с., к С от грунтовой дороги в с., дюнообразное всхолмление правого берега р. Клязьмы, северный берег старицы, 100 м к ССВ от стоянки 3 (см. № 1496). Протянулась с ЗЮЗ на ВСВ, размеры 60×25 м, высота над старицей 6 м. Территория памятника поросла деревьями. Культурный слой 0,17 м. Найдены кремневые ребристые пластины и отщепы мезолитического облика.

АКР, 1996, № 1497 (23), с. 63;
Жилин, 1977, № 6618, л. 50.

САУРОВО. СТОЯНКА 7 (СТОЯНКА 8), мезолит.

1 км к В от Ю оконечности с., первая надпойменная терраса правого берега р. Клязьмы, северный берег старицы, 20 м к В от стоянки 5. Протянулась с З на В, размеры 110×40 м, высота над старицей 5 м. Поверхность нарушена опорами ЛЭП, грунтовой дорогой. М.Г. Жилиным исследовано 36 кв. м. Культурный слой толщиной 0,34 м состоит из двух прослоек: темно-серого песка (0,12 м) и серо-желтого песка (0,22 м). Найдены кремневые концевые скребки, резцы, сверло, проколка, вкладыши, микролит, подконический нуклеус, выпрямитель древков стрел из песчаника и обломок отбойника. Зафиксированы две хозяйственные ямы и зольное пятно. Отнесена к позднему мезолиту.

АКР, 1996, № 1500 (26), с. 64;
Жилин, 1977, № 6618, л. 51–54.

ПОДОЛЬСКИЙ РАЙОН

ДУБРОВИЦЫ. СТОЯНКА, мезолит, неолит.

Занимает северную часть селища 2. В нижнем горизонте культурного слоя найдены кремневые скребки, ножевидные пластины с ретушью и без нее, рубящие орудия, резец, заготовка листовидного наконечника стрелы, отщепы, отнесенные к позднему мезолиту и неолиту.

АКР, 1994, № 446 (59), с. 175, 176;
Гоняный, Станюкович, 1983, с. 54;
Юшко, 1968, № 3707, л. 21; 1971, № 4529, л. 3.
Гоняный, 1981, № 8873, л. 3; 1982, № 8598, л. 5–18; 1990, № 15553, л. 10–15; 1991, № 16082, л. 22–30.

ДУБРОВИЦЫ. ПОСЕЛЕНИЕ, мезолит, р. ж. в., 11–13, 14–17 вв.

Территория с., 0,45 км к ЮЮЗ от ц., первая надпойменная терраса левого берега р. Пахры (правый приток р. Москвы), напротив селища Беляево. Протянулось вдоль берега, размеры 40×75 м, высота над рекой 2–6 м. Поверхность частично распахивается, через памятник проходит асфальтированная дорога. Культурный слой до 0,6 м. Керамика лепная с сетчатыми и текстильными отпечатками, гладкостенная, дьяковской культуры, гончарная древнерусская с линейным и волнистым орнаментом, а также позднесредневековая, в т.ч. белоглиняная. Обнаружены также кремневые отщепы, по форме и характеру сколов предположительно отнесенные к эпохе мезолита.

АКР, 1994, № 447 (60), с. 176;
Гоняный, 1981, № 8873, л. 2; 1990, № 15553, л. 8;
Кренке, 1985, № 11073, л. 17.

ЗАХАРЬИНО. ПОСЕЛЕНИЕ (ЗАХАРЬИНО 3), мезолит (?), 10–13 вв.

0,75 км к ЮВ от центра села, 0,12 км к В от автобазы, правый берег ручья Висенской, левого притока р. Лопенки (левый приток р. Пахры, правого притока р. Москвы). Протянулось вдоль берега ручья, размеры не определены, высота над ручьем 11 м. Исследовано (А.В. Трусов) 40 кв. м. Культурный слой толщиной 0,1–0,2 м. Найдены кремневая пластина, пластинчатый отщеп, обломок обожженного отщепа или пластины, обломок скребка, предположительно отнесенные к концу палеолита или мезолиту. Культурный слой содержит также отдельные камни, фрагменты печины, керамику раннегончарную (?), гончарную древнерусскую, украшения, отнесенные к византийскому импорту.

АКР, 1997, № 2692, с. 253;
Трусов, 1990, № 15908, л. 7–12, № 15909, л. 3–6.

ОЗНОБИШИНО 5. СЕЛИЩЕ, сер. 13 – нач. 14 в.

Расположено на склоне первой надпойменной террасы правого берега р. Мочи (правый приток р. Пахры, правого притока р. Москвы), в зоне затопления строящегося Пахринского гидроузла. Открыто в 1987 г. М.И. Гоняным. Подвергаются распашке. В 1995–1997 гг. С.В Шполянским вскрыто более 600 кв. м. Материал представлен средневековой керамикой и кремневыми изделиями мезолитического облика.

Шполянский, 1998;
Шполянский, 1995, № 19319; 1996, № 20256.

ПОДОЛЬСК. ПОДОЛ 1, поселение, мезолит (?), неолит, эпоха бронзы, р. ж. в., 11–13, 14–17 вв.

СЗ часть г., территория историко-мемориального музея-заповедника «Подолье», 100 м к С от зданий музейного комплекса, к Ю от его северной границы, пологий склон и краевая часть первой надпойменной террасы левого берега р. Пахры (правый приток р. Москвы), приустьевая часть правого берега спланированного оврага, входящего в долину реки, к ЮВ от коллективных садов и приусадебных участков. Протянулось вдоль берега, размеры около 300×30–70 м, высота над рекой 3–6 м. М.И. Гоняным исследовано 230 кв. м раскопом (около 190 кв. м) в северной части поселения и 36 шурфами по всей площади. На северном участке размерами около 100×30 м (шурфы 1–11) сосредоточены разновременные находки. Южный участок размерами около 175×45–70 м представляет собой, очевидно, разросшееся к Ю позднесредневековое селище. Культурный слой северного участка мощностью до 1,8 м переотложен и в значительной степени разрушен. Условно разделен на два горизонта: верхний, мощностью до 0,6 м, содержащий строительный мусор и разновременные находки, и нижний, мощностью 0,6–1,2 м, с включениями угольков, прокаленной глины, глиняной обмазки, не содержащий строительного мусора и позднесредневекового материала. В шурфах средняя мощность верхнего горизонта составляет 0,2–0,4 м, нижнего – 0,9–1,1 м.

Среди находок: керамика лепная, с ямочно-гребенчатой орнаментацией, льяловской культуры, с ямочным узором, иногда в сочетании с треугольными, овальными и другими вдавлениями, с оттисками гребенчатого штампа, иногда – со сквозными отверстиями, эпохи бронзы, датированная рубежом II–I тыс. до н. э., с сетчатыми отпечатками, раннего этапа развития дьяковской культуры, отнесенная ко 2-й четв. – сер. I тыс. до н. э., гончарная древнерусская, датированная 13 в., и позднесредневековая, в т.ч. сероглиняная, красноглиняная, белоглиняная, мореная, чернолощеная. Среди находок – грузики «дьякова типа», заготовки пряслиц из фрагментов керамики, обломок точильного бруска, обломки железных ножей, кованые гвозди.

Кремневый инвентарь представлен нуклеусами, отщепами и пластинами, в т.ч. с ретушью, орудиями, среди которых – скребки концевые на отщепах и пластинах, резцы, черешковый наконечник стрелы, обломки рубящих орудий, заготовка тесла, обломок сверла, отнесенные в основном к неолиту, частично – к эпохе финальной бронзы. Часть из них, возможно, относится к мезолиту. На глубине 1,65 м выявлено углистое пятно размерами 1,7–1,2 м. Для этого уровня получена радиоуглеродная дата 2840±70 (ГИН 5209), для уровня 1,2–1,3 м – 2710±80 (ГИН 5208). В шурфе 25 расчищена вымостка из белого камня. Позднесредневековый культурный слой памятника М.И. Гоняный отождествляет с остатками с. Подол, известного по письменным источникам с 16 в.

АКР, 1997, № 2679, с. 249;

Гоняный, 1994, № 18404, л. 2–14, 21–48; 1995, № 19111, л. 1–19, 27–53; 1997, № 22047.

ПОСЕЛОК № 3, СТОЯНКА, мезолит.

В 0,6 км к югу от автобусной остановки «Поселок № 3» в г. Подольск, в 20–30 м южнее селища 1, на возвышении правого коренного берега р. Мочи (левый приток р. Пахры, правого притока р. Москвы – левый приток р. Оки), на высоте 3–4 м над уровнем воды в реке. Площадь памятника 90×30 м, поверхность распахивается. В подъемном материале кремневые одноплощадочный нуклеус, отщепы, пластины, три концевых скребка, асимметричный наконечник с боковой выемкой и обломок. Материалы отнесены к иеневской культуре.

Шполянский, 1998.

РАМЕНСКИЙ РАЙОН

ЗАОЗЕРЬЕ. СТОЯНКА 1, мезолит.

Около 1 км к ЮЮЗ от д., на территории дачных участков, СЗ часть останца второй надпойменной террасы левого берега р. Москвы, 0,2–0,3 км от русла, напротив городища Боровский (Мячковский) курган. Протянулась с СВ на ЮЗ, размеры около 75×45 м, высота над рекой 10 м, над поймой – 4 м. Территория памятника застроена, распахивается, поверхность нарушена мелиоративными сооружениями. Стоянка открыта в 1981 г. А.К. Станюковичем и В.Ю. Дукельским, раскапывалась А.С. Фроловым в 1982 и 1983 гг., исследовано 42 кв. м. Культурный слой имеет мощность до 0,6 м. Кремневые орудия типологически разделены на два комплекса. К более древнему относятся орудия, изготовленные из мелового кремня сиреневого цвета с белой патиной. Основной заготовкой для них служили крупные неправильной формы ножевидные пластины. Более 70% орудий составляют резцы разных типов. Найдены также концевые скребки, скобели, скребки-резцы, нуклеусы призматические и клиновидные с одной, реже – с двумя площадками скалывания. Этот комплекс, отнесенный к раннему этапу бутовской мезолитической культуры, имеет черты сходства с деснинской позднепалеолитической культурой. К позднему этапу иеневской мезолитической культуры отнесены орудия, найденные в переотложенном состоянии и в небольшой яме: асимметричные наконечники стрел на пластинах неправильной формы, резцы на отщепах и пластинах, концевые скребки, скобели, вкладыши, рубящие орудия, нуклеусы. Материал хранится в МИМ.

АКР, 1996, № 1556 (31), с. 87;

Фролов, 1985, с. 92; 1986, с. 79; 1987;

Фролов, 1983, № 9609, л. 1–3; 1984, № 10424, л. 1–9;

Сидоров, 1991, № 15568, л. 2;

Розенфельдт, 1988, л. 777, 778.

ЗАОЗЕРЬЕ. ПОСЕЛЕНИЕ (ЗАОЗЕРЬЕ 2), мезолит, эпоха бронзы, р. ж. в., 2-я пол. I тыс. н. э., 11–13 вв., 14–17 вв.

Около 1 км к ЮЮЗ от д., В склон останца второй надпойменной террасы левого берега р. Москвы, у б. Боровского перевоза, 100 м к В от стоянки 1, напротив городища Боровский (Мячковский) курган. Протянулось вдоль берега с ССВ на ЮЮЗ, размеры около 280×90 м, высота над рекой около 6 м. Территория памятника застроена, распахивается, поверхность нарушена мелиоративными сооружениями. Стоянка открыта в 1981 г. А.К. Станюковичем и В.Ю. Дукельским, раскапывалась А.С. Фроловым в 1982 и 1983 гг. Культурный слой мощностью 0,2–0,7 м. В центральной части памятника на площади около 75×25–30 м обнаружены находки, относящиеся к иеневской мезолитической культуре. Среди них: кремневые скребки на пластинах и отщепах (наиболее многочисленная группа орудий), концевой скребок-развертка на неправильной пластине, скобели, резцы, наконечник стрелы на отщепе, ножевидные пластины, вкладыши, проколка, макросверло, тесла, отщепы с ретушью. К фатьяновской культуре эпохи бронзы относятся фрагменты лепных тонкостенных сосудов с прямым горлом и орнаментом, нанесенным зубчатым штампом, кремневый двусторонне обработанный серп, крупные мотыгообразные орудия из кремня и кварцита, подвеска из клыка медведя. В 0,4 км к З от поселения найден каменный сверленый боевой топор. Для дьяковской культуры р. ж. в. характерны фрагменты лепной гладкостенной керамики с защипами по тулову и обрезу венчика, грузики «дьякова типа». Лепная керамика, близкая посуде роменско-боршевской культуры, и раннегончарная керамика с линейным и грубым волнистым орнаментом свидетельствуют о приходе около 10 в. на территорию поселения славянского населения. К этому и более позднему времени относятся гончарная древнерусская керамика с линейным и волнистым орнаментом, серебряный брактеат саманидского дирхема кон. 10 – нач. 11 в., железные ромбовидный черешковый (10–13 вв.) и долотовидный наконечники стрел, ножи, ледоходные шипы, височные семилопастные кольца, бронзовый литой пластинчатый перстень, грушевидные крестопрорезные бубенчики кон. 10 – нач. 12 в., шиферные пряслица. Коллекция в МИМ.

АКР, 1996, № 1558 (32), с. 87, 88;

АКР, 1997, № 1558, с. 273, 274;

Векслер, Станюкович и др., 1975, с. 52, 53;

Гоняный, Станюкович, 1983, с. 54, 55;

Кравцов, 1993, № 17779, л. 2–8;

Тавлинцева, 1994, № 18926, л. 1–11; 1995, № 20287, л. 1–11;

Розенфельдт, 1974, № 5596, л. 61;

Розенфельдт, 1988, л. 776–778;

Сидоров, 1991, № 15568;

Станюкович, 1975, № 5796, л. 43–45; 1981, № 8908, л. 19, 20;

Тавлинцева, 1995, с. 141; 1996, с. 188;

Фролов, 1983, № 9609, л. 1, 3–6; 1984, № 10424, л. 4, 9–11;

Фролов, 1985, с. 92; 1986, с. 79.

РЕДЬКИНО. ПОСЕЛЕНИЕ, мезолит, неолит, р. ж. в. (?), 11–13 вв.

Около 1 км к СВ от д., мыс левого берега р. Пахры (правый приток р. Москвы), образованный оврагом, идущим от д. Протянулось вдоль реки с С на Ю на расстояние около 150 м, высота над рекой 12 м. Восточная оконечность памятника размывается. Культурный слой толщиной около 0,5 м содержит разновременные материалы. В нижнем и среднем горизонтах культурного слоя, отнесенных к мезолиту и неолиту, найдены фрагмент лепного сосуда, орнаментированного в технике «отступающей лопаточки», вероятно, ранненеолитической верхневолжской культуры, кремневые скребки, резцы, ножевидные пластины, нуклеусы, отщепы и пластины, отнесенные к позднему мезолиту и раннему неолиту. На поселении найдены также несколько фрагментов лепной керамики с сетчатыми отпечатками на внешней поверхности, вероятно, дьяковской культуры. Гончарная древнерусская керамика встречена только в верхнем горизонте. Зафиксированы ямы 11–13 вв.

АКР, 1996, № 1610 (46), с. 102;

Коняшин, 1940, с. 176, 177;

Бадер, 1947, с. 155;

Сидоров, 1968, № 3723, л. 508; 1969, № 4003, л. 3–5; 1975, № 5709, л. 62, 63;

Розенфельдт, 1988, л. 796, 797.

РЕДЬКИНО. ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК, мезолит (?).

Около 1 км к СВ от д., мыс левого берега р. Пахры (правый приток р. Москвы), образованный оврагом, идущим от д., на территории поселения. В.В. Сидоровым исследовано погребение, представлявшее собой трупоположение с ЮЗЗ ориентировкой в могильной яме глубиной 0,88 м. Рядом с черепом, располагавшимся на песчаном уступе высотой 5–10 см, находился грубый массивный отщеп. Заполнением могильной ямы был материковый грунт, что, по мнению В.В. Сидорова, позволяет связывать погребение с ранней порой существования поселения «до образования культурного слоя над могилой».

АКР, 1996, № 1611 (45), с. 102;

Сидоров, 1968, № 3723, л. 7, 8.

РУЗСКИЙ РАЙОН

В Рузском р-не на Тростенском озере В.В. Сидоровым в 1969–1972 гг. открыты стоянки: Дальний Остров (Сидоров, Жилин, 1975), Тростенское 3 Гора, Тростенское 3 Северная, Тростенское 3 Южная, Тростенское 7, 8, 10, Никольское, Озерна 2, Тростенское городище и др. Некоторые из них раскапывались им вплоть до

1976 г. Дальний Остров дополнительно исследован в 1989 г. А.Е. Кравцовым и Е.В. Леоновой (Кравцов, Леонова, 1992).

БРИКЕТ. СТОЯНКА 1, палеолит, мезолит.

0,3 км к ЮЮЗ от юго-западной окраины поселка, к З от шоссе Руза – Новопетровское, вершина моренного всхолмления на восточном коренном берегу ныне заторфованной древней озерной котловины (Буланинский торфяник). На пашне, на высоте около 30 м над уровнем торфяника, на площади 120×80 м собрано около 900 обработанных камней: трапеция, макролитический топор с перехватом, асимметричные наконечники из пластин и отщепов, резцы, скребки, рубящие орудия, пластины, крупные отщепы, нуклеусы. Культурный слой до 0,4 м, в верхней части нарушен распашкой. Основная часть находок отнесена к раннему мезолиту, часть – к позднему палеолиту.

АКР, 1995, № 1093 (16), с. 115, 116;

Сидоров, 1975, № 5709, л. 35, 36; 1976, № 6780, л. 50.

БРИКЕТ. СТОЯНКА 2, палеолит, мезолит.

0,2 км к ЮЮЗ от юго-западной окраины поселка, коренной берег древней озерной котловины, ныне заторфованной (Буланинский торфяник), 50 м к СЗ от стоянки 1. На пашне, на высоте 15–20 м над уровнем торфяника, на площади около 50×50 м собраны кремневые скребки, скребла, грубо оббитые рубящие орудия, нуклеусы, массивные боковые резцы, отщепы. Материал близок к находкам на стоянке 1, с которой памятник, возможно, составляет одно целое. Основная часть находок отнесена к раннему мезолиту, часть – к позднему палеолиту.

АКР, 1995, № 1094 (17), с. 116;

Сидоров, 1975, № 5709, л. 36; 1976, № 6780, л. 50.

БРИКЕТ. СТОЯНКА 3, мезолит.

0,4 км к ЮЮЗ от юго-западной окраины поселка, коренной берег древней озерной котловины, ныне заторфованной (Буланинский торфяник), 100 м к Ю от стоянки 1. На пашне, на высоте 6–8 м над уровнем торфяника, двумя скоплениями размерами около 25×15 м, находящимися на расстоянии 40 м друг от друга, собраны кремневые скребки, нуклеусы, пластины и отщепы, отнесенные к мезолиту.

АКР, 1995, № 1095 (18), с. 116;

Сидоров, 1975, № 5709, л. 36; 1976, № 6780, л. 50.

БРИКЕТ. СТОЯНКА 4, мезолит, неолит.

0,4 км к ЮЮЗ от юго-западной окраины поселка, сниженная часть коренного берега древней озерной котловины, ныне заторфованной (Буланинский торфяник), 20–30 м к З от стоянки 3. Площадь не определена. Распахивается под огороды. Культурный слой до 0,4 м, залегает под более чем полуметровым слоем делювиального суглинка. В верхних горизонтах слоя найдены обломки лепных сосудов ранненеолитической верхневолжской культуры с накольчатым орнаментом, в нижних – кремневые изделия мезолитического облика. На пашне собраны обломки аналогичных сосудов, кремневые заготовки наконечников копий неолитического времени.

АКР, 1995, № 1096 (19), с. 116;

Сидоров, 1975, № 5709, л. 36; 1976, № 6780, л. 50.

БРИКЕТ. СТОЯНКА 5, мезолит.

Северная окраина поселка, юго-восточный берег древней озерной котловины, ныне заторфованной (Буланинский торфяник). Размеры около 40×40 м, высота над торфяником 5 м. Распахивается под огороды. Культурный слой 0,15 м. Среди находок – кремневые ножевидные пластины, отщепы, нуклеус. Вероятная дата памятника – мезолит.

АКР, 1995, № 1097 (20), с. 116;

Сидоров, 1976, № 6780, л. 50.

БРИКЕТ. СТОЯНКА 6, мезолит.

Северная окраина поселка, ЮВ берег древней озерной котловины, ныне заторфованной (Буланинский торфяник), 50 м от стоянки 5. Площадь памятника около 1300 кв. м. Распахивается под огороды. На пашне найдены кремневые орудия, предположительно отнесенные к мезолиту.

АКР, 1995, № 1098 (21), с. 116;

Сидоров, 1976, № 6780, л. 50–52.

БРИКЕТ. СТОЯНКА 7, мезолит.

50 м к СВ от С окраины поселка, склон ЮВ берега древней озерной котловины, ныне заторфованной (Буланинский торфяник), урочище Воробьиная горка, между стоянками 6 и 8. Площадь памятника 30×30 м, высота над уровнем торфяника около 6 м. Распахивается под огороды, повреждена при строительстве ныне ликвидированной узкоколейной железной дороги, ямами для выемки торфа. Кремневые орудия, отщепы, пластины, нуклеусы мезолитического облика.

АКР, 1995, № 1099 (22), с. 117;

Сидоров, 1976, № 6780, л. 50, 51.

БРИКЕТ. СТОЯНКА 8, мезолит, неолит.

100 м к СВ от поселка, СЗ склон холма, на котором располагается поселок. Размеры около 130×20 м, высота над уровнем торфяника 1,5–5,0 м. Культурный слой в южной части памятника распахан на всю глубину, в северной части под пахотным слоем залегает непотревоженный культурный слой толщиной до 0,2 м. Найдено более 300 кремневых орудий и 1300 отщепов, в т.ч. относящиеся к мезолиту тесловидный макролит, скребки на пластинах, а также обломки неолитических кремневых наконечников стрел, их заготовки, сланцевое шлифованное тесло, керамика с ямочно-гребенчатой орнаментацией, льяловской культуры.

АКР, 1995, № 1100 (23), с. 117;

Сидоров, 1976, № 6780, л. 51, 52.

ГЛИНЬКОВО (ДАЛЬНИЙ ОСТРОВ). СТОЯНКА, мезолит, неолит.

0,8 км к ВСВ от д., озовое всхолмление среди древней заторфованной котловины оз. Тростенское, 0,3 км к В от ее коренного берега, 0,15 км от современного уреза воды в оз. Протянулась вдоль всхолмления с С на Ю, размеры острова около 100×50 м, высота над торфяником до 5 м. Частично нарушена карьером и дренажной канавой. В наиболее возвышенной части всхолмления В.В. Сидоровым в 1972 г. и А.Е. Кравцовым в 1989 и 1997 гг. исследовано 106 кв. м. Культурный слой мощностью до 0,4 м. Верхний горизонт содержит лепную керамику с ямочно-гребенчатым орнаментом позднего этапа льяловской культуры, шлифованные кремневые топоры, отщепы и осколки кремня, нижний – кремневые изделия мезолитического облика. Среди них боковые резцы, скребки на пластинах, обушковый нож из крупной пластины, черешковые наконечники стрел, в т.ч. с боковой выемкой, серия трапеций, нуклеусы. Коллекция в МОКМ, МИМ и ГИМ.

АКР, 1995, № 1124 (49), с. 121;
Сидоров, 1972, № 4888, л. 35–37;
Сидоров, Жилин, 1975;
Кравцов, Леонова, 1992.

ГЛИНИЩИ. СТОЯНКА 1, мезолит.

Расположена между д. Глинищи и с. Никольское, на невысоком участке берега длиной около 300 м. Открыта В.В. Сидоровым в 1969 г.

Сидоров, 1969, № 4003.

ГОРОДИЩЕ (ТРОСТЕНСКАЯ ГОРА). СТОЯНКА 1, палеолит, мезолит.

0,2 км к ЮЮВ от южной окраины д., вершина моренного всхолмления северного берега древней котловины оз. Тростенское, ныне частично заторфованного (Тростенский торфяник), ограниченного с Ю торфяником, с В протокой, соединяющей Буланинский торфяник с оз. Тростенское. Площадь памятника, толщина и сохранность культурного слоя не определены, высота 12–15 м над уровнем торфяника. Распахивается. На пашне, на площади 80×10 м собрано около 1000 значительно патинированных кремней, среди которых рубящие орудия овальной формы с перехватом, боковые и угловые резцы, скребки на пластинах и отщепах, крупные ножевидные пластины, нуклеусы. Некоторые резцы и рубящие орудия могут быть отнесены к позднему палеолиту, основная часть находок – к мезолиту. Коллекция в ИА РАН.

АКР, 1995, № 1128 (37), с. 122;
Сидоров, 1969, № 4003, л. 26.

ГОРОДИЩЕ. СТОЯНКА 2, палеолит, мезолит.

0,2 км к Ю от южной окраины д., западный склон моренного всхолмления северного берега древней котловины оз. Тростенское, ныне частично заторфованной (Тростенский торфяник), на вершине которого находится стоянка 1. Размеры около 60×40 м, высота над уровнем торфяника 4–7 м. Распахивается, нарушена дренажной канавой и дорогой. Под пахотным горизонтом толщиной 0,3 м выявлен культурный слой толщиной 0,25–0,35 м. Найдены крупные скребла из широких пластинчатых отщепов, отнесенные к позднему палеолиту. На пашне собраны мезолитические кремневые изделия, аналогичные материалу стоянки 1.

АКР, 1995, № 1129 (38), с. 122;
Сидоров, 1969, № 4003, л. 39, 40.

ГОРОДИЩЕ. СТОЯНКА 3 (ТРОСТЕНСКАЯ 7), палеолит, мезолит.

0,3 км к ЮЮВ от южной окраины д., южный склон моренного всхолмления северного берега древней котловины оз. Тростенское, ныне частично заторфованной (Тростенский торфяник), на вершине которого находится стоянка 1, около 100 м к Ю от последней. Размеры около 200×120 м, высота над уровнем торфяника 6–8 м. Распахивается. Культурный слой толщиной 0,2 м в непотревоженном виде сохранился под пахотным горизонтом лишь в центральной части памятника. Найдено более 3500 обработанных кремней, среди которых крупные рубящие орудия, в т.ч. тесла и топоры овальной формы и с перехватом, концевые и округлые скребки из отщепов, боковые и угловые резцы, симметричные и асимметричные наконечники из отщепов, вкладыши с притупленной спинкой, трапеция, разнообразные по форме нуклеусы. Комплекс находок включает как палеолитические, так и мезолитические формы орудий. Коллекция в ИА РАН.

АКР, 1995, № 1130 (39), с. 122;
Сидоров, 1969, № 4003, л. 26; 1970, № 4353, л. 4, 5; 1972, № 4888, л. 37; 1973–1974, № 5431, л. 85, 86.

ГОРОДИЩЕ. СТОЯНКА 5 (ТРОСТЕНСКАЯ 10), палеолит, мезолит.

1,5 км к ВЮВ от южной окраины д., небольшое моренное всхолмление северного берега древней котловины оз. Тростенское, ныне частично заторфованной (Тростенский торфяник), около 100 м к В от стоянки 4. Протянулась вдоль края берегового ската, размеры около 80×45 м, высота над уровнем торфяника 10–12 м. Распахивается, в прибрежной части задернована. Культурные остатки залегают в слое лессовидного суглинка на глубине 0,4–0,8 м от поверхности. Найдены кремневые тесла овальной формы и с перехватом, скребки из пластин и отщепов, резцы разных форм, нуклеусы, пластины. Большая часть находок датируется мезолитом, отдельные орудия – поздним палеолитом. Коллекция в МОКМ.

АКР, 1995, № 1132 (41), с. 123;
Сидоров, 1969, № 4003, л. 34.

ГОРОДИЩЕ. МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ, мезолит, неолит, эпоха бронзы.

На западной и южной окраинах д., на левом берегу протоки, соединяющей Буланинский торфяник с

оз. Тростенское, и на левом берегу руч. Семеновский, близ места впадения его в протоку, а также в 0,5–1,5 км к ЮВ и ВЮВ от д., на краю северного коренного берега древней котловины оз. Тростенское. В.В. Сидоровым в 1968–1970 гг. в нескольких пунктах без явных признаков культурного слоя обнаружены каменные орудия, отнесенные к мезолиту и неолиту, а также фрагменты лепной посуды эпох неолита и бронзы. Среди мезолитических орудий – концевые скребки, угловые, боковые, срединные и нуклевидные резцы, массивное скребло, топоровидные макролиты. К неолиту отнесены обломки лепной посуды льяловской культуры с ямочно-гребенчатым орнаментом, кремневые и сланцевые топоры, кремневые наконечники копий, скребки на отщепах, пластины, нуклеусы. Находки эпохи бронзы представлены обломками лепной посуды с елочным орнаментом в верхней части. Некоторые из этих пунктов могут быть остатками древних поселений. Коллекции в МОКМ.

АКР, 1995, № 1135 (34), с. 124;

Сидоров, 1968, № 3723, л. 34–36, 42–44; 1969, № 4003, л. 23, 24, 30–32; 1970, № 4353, л. 1, 5.

ГОРОДИЩЕ. ПОСЕЛЕНИЕ 1 (ТРОСТЕНСКАЯ 3 СЕВЕРНАЯ), мезолит, неолит, эпоха бронзы, р. ж. в., 3-я четв. I тыс. н. э., 11–13, 14–17 вв.

0,15 км к ЮЮЗ от южной окраины д., левый берег руч. Семеновский, впадающего в протоку, соединяющую Буланинский торфяник с оз. Тростенское, СЗ склон моренного всхолмления, на вершине которого располагается стоянка 1 (см.). Размеры около 150×150 м, высота над ручьем 4–8 м. Северная часть памятника повреждена бульдозером, через поселение проходит грунтовая дорога. В.В. Сидоровым исследовано около 100 кв. м. Под пахотным горизонтом выявлен культурный слой толщиной до 0,4 м. В раскопе и на поверхности обнаружены разновременные материалы, стратиграфическое положение которых не установлено из-за значительной перемешанности слоя. Наиболее ранний комплекс находок представлен разнообразными кремневыми орудиями, отнесенными к мезолиту и раннему неолиту. Найдены обломки неолитической посуды с «лапчатыми» отпечатками, датированные началом IV тыс. до н. э., керамика эпохи поздней бронзы с сетчатыми отпечатками на внешней поверхности. Материалы р. ж. в. и 3-й четв. I тыс. н. э. представлены обломками лепной сетчатой и гладкостенной (в т.ч. с насечками по венчику) посуды дьяковской культуры, железным пластинчатым кресалом. К средневековью относятся обломки гончарной древнерусской и позднесредневековой керамики, железный нож, граненое шило, наконечник копья ромбической формы, пружинные ножницы. Исследованы остатки наземной постройки дьяковской культуры с развалом очага из камней и позднесредневековая хозяйственная яма. Коллекция в МОКМ.

АКР, 1995, № 1136 (35), с. 124;

Сидоров, 1968, № 3723, л. 36–41; 1969, № 4003, л. 26–29; 1971, № 4547, л. 16–19.

НИКОЛЬСКОЕ (КУБА). СТОЯНКА 1, мезолит.

0,4 км к В от южной окраины с., южная часть острова – останца «Куба» среди торфяника, в который превратилась СЗ часть оз. Тростенское (Тростенский торфяник), 0,3 км от коренного берега. Размеры около 60×40 м, высота над уровнем торфяника 2–3 м.

Находки встречаются в лессовидной супеси, верхняя часть которой распахана до глубины 0,35 м. Памятник открыт в 1969 г. В.В. Сидоровым и дополнительно обследован в 1970 г. Найдено около 150 обработанных кремней, среди которых имеются крупный асимметричный наконечник с широким пером аренсбургского типа, концевые скребки, микропластины, нуклеусы мезолитического облика. Коллекция в ИА РАН.

АКР, 1995, № 1173 (137), с. 134;

Сидоров, 1969, № 4003, л. 18; 1970, № 4353, л. 5.

НИКОЛЬСКОЕ. ПОСЕЛЕНИЕ 1, мезолит, неолит, р. ж. в., 3-я четв. I тыс. н. э., 11–13 вв.

0,2 км к ЮВ от южной окраины с., коренной СЗ берег древней котловины оз. Тростенское, ныне частично заторфованного (Тростенский торфяник), на левом берегу р. Озерны (левый приток р. Рузы, левого притока р. Москвы) в ее верхнем течении. Размеры около 150×80 м, высота над уровнем торфяника около 20 м. Длительное время распахивалось, в настоящее время занято дачными участками, повреждена опорами ЛЭП. Культурный слой, кроме углубленных в материк частей сооружений, нарушен распашкой. Основная часть находок (около 1700 кремней) относится к мезолиту. Среди них – симметричные и асимметричные черешковые наконечники стрел из пластинчатых отщепов, разнообразные резцы, скребки, макролиты, ножевидные пластины с ретушью и без нее. Некоторые орудия могут датироваться поздним палеолитом – ранним мезолитом. К неолиту относятся кремневый наконечник дротика с двусторонней обработкой, некоторые типы скребков. Комплекс р. ж. в. и 3-й четв. I тыс. н. э. представлен обломками лепной посуды дьяковской культуры, с сетчатыми отпечатками и гладкостенной. 11–13 вв. датированы обломки гончарных древнерусских сосудов с линейным орнаментом, фрагменты семилопастных височных колец вятического типа, а также неопределенные железные предметы. Мезолитические находки встречены на всей площади памятника, дьяковская керамика – в юго-западной его части. Материалы древнерусского времени приурочены к восьми зафиксированным на пашне в южной части поселения гумусным пятнам, которые можно интерпретировать как остатки построек. Коллекция в МОКМ.

АКР, 1995, № 1175 (28), с. 134, 135;

Сидоров, 1968, № 3723, л. 32, 33; 1969, № 4003, л. 19; 1970, № 4353, л. 5; 1971, № 4547, л. 19.

НИКОЛЬСКОЕ. ПОСЕЛЕНИЕ 2, мезолит, неолит, эпоха бронзы, р. ж. в., 3-я четв. I тыс. н. э., 11–13 вв.

0,5 км к С от центра с., 0,2 км к ЮВ от моста на шоссе г. Руза – с. Новопетровское, склон северо-западного бе-

рега древней котловины оз. Тростенское, ныне частично заторфованного (Тростенский торфяник), на левом берегу р. Озерны (левый приток р. Рузы, левого притока р. Москвы) в ее верхнем течении. Протянулось вдоль берега с СЗ на ЮВ, размеры около 120×30–40 м, высота над уровнем торфяника 2–5 м. Возвышенная часть памятника распахивается, ЮВ повреждена опорами ЛЭП. В.В. Сидоровым исследовано 156 кв. м. Культурный слой на возвышенной части поселения выходит на поверхность, имеет толщину 0,25 м, сильно нарушен распашкой. В пониженной части культурные отложения залегают на глубине 0,7–0,8 м от современной поверхности, они перекрыты делювиальными отложениями. Общая мощность культурных отложений составляет 1,40–1,52 м. Наиболее ранние находки представлены кремнями мезолитического облика, среди которых – асимметричные черешковые наконечники стрел из отщепов, ножевидные пластины, топоровидные орудия. Мезолитические орудия обнаружены в переотложенном виде в нарушенном культурном слое на возвышенной части поселения. Здесь же найдены обломки лепной ранненеолитической посуды с накольчатой орнаментацией, верхневолжской культуры, небольшое количество посуды с ямочной и ямочно-гребенчатой орнаментацией раннего этапа льяловской культуры. В раскопе в пониженной части памятника находки, отнесенные к различным этапам льяловской культуры, залегали в слое вязкого суглинка на глубине 2,25–2,30 м от поверхности. Выше, на глубине 1,9–2,2 м, в этом раскопе выявлен сильно гумусированный слой волосовской культуры, среди находок из которого – обломки лепных сосудов с примесями раковины в тесте, украшенные гребенчатым орнаментом, разнообразные кремневые и костяные орудия. Отложения волосовской культуры отмечены и на возвышенной части поселения, где, в частности, обнаружены детское погребение и клад крупных кремневых ножей и заготовок для них, помещенный в специально вырытой яме. Комплекс находок эпохи бронзы представлен обломками лепных сосудов, близких керамике фатьяновской культуры, а также с сетчатыми отпечатками на внешней поверхности, медными шилом и стержнем. Находки этого времени в раскопе, расположенном в пониженной части памятника, приурочены к слою черного суглинка на глубине 1,62–1,90 м от поверхности. В делювиальных отложениях выше слоя эпохи бронзы найдены значительное количество лепной гладкостенной керамики дьяковской культуры, бронзовая кольцевая застежка – сюльгама, датированная 7–8 вв., сильно коррозированные железные предметы, а также фрагменты гончарного древнерусского сосуда с линейно-волнистым орнаментом. Коллекция в МОКМ.

АКР, 1995, № 1176 (29), с. 135, 136;

Сидоров, 1968, № 3723, л. 33; 1969, № 4003, л. 19, 20; 1970, № 4353, л. 6; 1971, № 4547, л. 19–25; 1972, № 4888, л. 15–31.

НИКОЛЬСКОЕ. ПОСЕЛЕНИЕ 4, мезолит, 14–17 вв.

Южная окраина с., близ сооружений скотного двора, СЗ коренной берег древней котловины оз. Тростенское, ныне частично заторфованного (Тростенский торфяник). Размеры около 50×50 м, высота над уровнем торфяника 20–22 м. Распахивается, часть поселения разрушена карьером. Культурный слой 0,2–0,7 м. В пахотном слое найдены нуклеус и отщепы мезолитического облика, при зачистке стенки карьера обнаружена хозяйственная яма с обломками гончарной позднесредневековой посуды.

АКР, 1995, № 1178 (31), с. 137;

Сидоров, 1968, № 3723, л. 33; 1969, № 4003, л. 17, 18.

НИКОЛЬСКОЕ. ПОСЕЛЕНИЕ 5 (КРАПИВЕЦ), мезолит, неолит, эпоха бронзы.

1 км к ССЗ от центра с., 0,15 км к СЗ от моста на шоссе г. Руза – с. Новопетровское, у подножья южного коренного берега древней озерной котловины, ныне заторфованной (Буланинский торфяник), на левом берегу р. Озерны (левый приток р. Рузы, левого притока р. Москвы), около 0,2 км к СЗ от поселения 3. Протянулось вдоль берега с З на В, размеры около 100×40 м, высота до 3,5 м над рекой. Частично распахивается. В возвышенной части памятника культурные отложения залегают в делювиальном суглинке на глубине до 0,6 м. Ниже по склону они перекрыты делювиальными отложениями и торфом толщиной до 1,3–1,4 м. Общая мощность культурных отложений достигает 0,5 м. Древнейший комплекс находок обнаружен в слое делювиального суглинка в южной части памятника и представлен кремнями мезолитического облика, залегающими в переотложенном состоянии вместе с неолитической керамикой. Находки эпохи неолита встречены также в северной, прибрежной части поселения на глубине 1,4–1,9 м от поверхности, представлены обломками лепных сосудов волосовского типа и льяловских с ямочно-гребенчатой орнаментацией, разнообразными кремневыми орудиями. Здесь же обнаружены немногочисленные обломки керамики фатьяновской культуры эпохи бронзы. Коллекция в МОКМ.

АКР, 1995, № 1179 (32), с. 137;

Сидоров, 1969, № 4003, л. 21, 22; 1970, № 4353, л. 7–9; 1972, № 4888, л. 31, 32.

ПОРЕЧЬЕ. СТОЯНКА, СЕЛИЩЕ, мезолит, 11–13, 14–17 вв.

В 0,2 км к В от с. Поречье Рузского района Московской области. Расположен на левом берегу р. Москвы (левый приток р. Оки), на уровне второй надпойменной террасы, около 24 м над уровнем воды в реке, и на берегу левого притока р. Москвы, в 120–140 м от реки. Памятник открыт в 1988 г. и исследовался в 1989 г. А.В. Трусовым. Размеры памятника не определены. Территория памятника распахивается. Площадь раскопа 2×5 м. Культурный слой мощностью 0,3–0,6 м. Под дерном, в верхнем гумусированном слое были зафиксированы находки домонгольского времени и расщепленные кремни, меньшая часть кремней залегала в верхней

части подстилающего покровного суглинка на глубине до 0,45 м от поверхности. В коллекции из раскопа 392 изделия из камня. Еще 17 предметов найдено на поверхности. В качестве сырья на памятнике использовался коричневый желвачный кремень и пестрый моренный кремень. Представлены нуклевидные изделия, орудия, в том числе скребки (преобладают концевые), среди резцов доминируют ретушные, семь наконечников стрел по преимуществу асимметричных с боковой выемкой; рубящее орудие подовальных очертаний, пластины и отщепы. Найдены также гончарная древнерусская и позднесредневековая керамика, обломок бронзового решетчатого перстня, керамическое пряслице.

АКР, 1997, № 2751, с. 275;
Трусов, 2000;
Трусов, 1988, № 12991–12992; 1989, № 14427.

СКИРМАНОВО (УСТЬ-РАССОХА, АГАФИДОВО). ПОСЕЛЕНИЕ 1, мезолит, неолит, эпоха бронзы, сер. – 3-я четв. I тыс. н. э.

1,75 км к Ю от восточной окраины с., 0,6–0,7 км к Ю от бывш. д. Агафидово, мыс правого коренного берега р. Озерны (левый приток р. Рузы, левого притока р. Москвы), к З от ЛЭП. Протянулось вдоль берега с З на В, размеры около 200×80 м, высота над рекой 5–15 м. Распахивается. Кремневые орудия мезолитического облика, в т.ч. топор с перехватом, обработанный сколами с двух сторон, обломки лепных сосудов верхневолжской, льяловской, волосовской и абашевской культур, а также позднего этапа дьяковской культуры.

АКР, 1995, № 1199 (6), с. 143;
Сидоров, 1970, № 4353, л. 9, 10; 1976, № 6780, л. 59, 60;
Розенфельдт, 1980, № 8116, л. 23.

СЕРПУХОВСКИЙ РАЙОН

ДРАКИНО. СТОЯНКА 1 (ДРАКИНО 2), мезолит.

0,2 км к ЮВ от с., 1 левобережная терраса р. Оки, в СВ части примыкает к ЛЭП и проселочной дороге, 65 м к ЮЗ от поселения 1. Размеры не определены, но не менее 65×40 м. Поверхность задернована, прибрежная часть размывается при разливах реки. В обнажениях культурного слоя и в размывах найдены кремневая ножевидная пластина правильной формы, кубовидный нуклеус и отщепы, датированные мезолитом.

АКР, 1997, № 2371 (35), с. 154;
Воронин, 1988, № 14035, л. 6.

ДРАКИНО. ПОСЕЛЕНИЕ 2 (ДРАКИНО 1), мезолит, неолит, эпоха бронзы.

0,3 км к ЮВ от с., 1 левобережная терраса р. Оки, 80 м к СВ от ЛЭП. Размеры 270×100 м. Более половины территории распахивается, однако из-за того что стоянка перекрыта наносами толщиной до 0,5 м, культурный слой поврежден незначительно. Находки периода мезолита представлены правильными ножевидными пластинами, клиновидными, кубовидными, торцевыми нуклеусами, а также нуклеусами с круговой оббивкой, скребками на пластинах, ножевидными пластинами и угловым резцом. К периоду неолита относятся кремневые, в т.ч. листовидные наконечники копья с двусторонней ретушью, фрагмент двустороннего рубящего орудия, скребки с дуговидными лезвиями, отщепы. К эпохе бронзы относится кремневый топор-клин линзовидного сечения.

АКР, 1997, № 2375 (31), с. 154, 155;
Розенфельдт, 1961, № 2250, л. 36;
Воронков, 1966, № 3232;
Воронин, 1988, № 14035, л. 4–6.

ДРАКИНО. ПОСЕЛЕНИЕ 3, мезолит, неолит, р. ж. в.

0,17 км к ЮВ от с., мыс 2 левобережной террасы р. Оки, у опоры ЛЭП и на территории дачного участка. Размеры не определены, но не менее 60×30 м. Культурный слой толщиной 0,3–0,4 м в значительной степени разрушен при установке опоры ЛЭП и строительстве дачи. В обнажениях и на распашке найдены кремневые орудия, датированные ранним мезолитом, в т.ч. торцевой нуклеус, сверло, рубящее орудие, а также фрагменты лепной неолитической керамики верхневолжской культуры с зигзагообразными отпечатками мелкозубчатого штампа и кремневые отщепы, относящиеся к этому же периоду. Находки раннего железного века представлены фрагментами лепной неорнаментированной керамики со слабо отогнутым венчиком.

АКР, 1997, № 2376 (32), с. 155, 156;
Воронин, 1988, № 14035, л. 6, 7.

ДРАКИНО. МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ (ДРАКИНО 4–8), мезолит, неолит.

0,3 км к ЮВ от с., краевая часть левобережных 1 и 2 террас р. Оки. На протяжении 300 м вдоль берега реки собраны кремневые изделия, относящиеся к мезолиту и неолиту, причем на первой террасе найдены преимущественно мезолитические орудия, а на второй – неолитические. Пункт Дракино 7 обследован К.В. Ворониным и Т.М. Кузнецовой в 1987 г.

АКР, 1997, № 2373 (33), с. 154;
Воронков, 1966, № 3232, л. 13–14;
Воронин, 1988, № 14035, л. 7, 8;
Воронин, Кузнецова, 1988.

ЛУЖКИ. КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ.

Комплекс памятников представлен практически единым культурным слоем, который протянулся узкой полосой шириной до 200 м по коренному берегу р. Оки, заходя также на его склон. Длина участка берега, где расположен комплекс памятников, более 3 км – от террасы с западной стороны автодороги Москва – Симферополь до д. Лужки. Впервые исследования памятника у с. Лужки были произведены А.В. Арциховским в 1925 г.

Исследовано около 270 кв. м. Найдены бронзовая булавка, спиральный проволочный перстень, серебряный бубенчик с прорезью, остатки столбовой конструкции в виде треугольника со стороной размером 3,5 м, в которой располагался очаг (?), размером 2,35×1,0 м из белокаменных плит, другие очаги диаметром от 1 до 2 м.

Памятник неоднократно обследовался Н.Н. Воронковым и другими подмосковными краеведами. На этой территории найдены каменные орудия эпохи мезолита, керамика и каменные орудия неолита и эпохи бронзы, керамика, изделия из металлов раннего железного века и 3–4 четверти н. э., 11–13 вв. и позднего средневековья. В число этих памятников входят также уникальные для Подмосковья два грунтовых могильника: с трупосожжениями и трупоположениями р. ж. в. 3-й чет. I тыс. н. э.

АКР, 1997, № 2388 (36), с. 157;

Бурых и др., 1956, с. 561;

Арциховский, 1925 // Арх. ИИМК: Ф. 2. Оп. 1. Д. 199. л. 3–23;

Розенфельдт, 1961, № 2250, л. 33, 34;

Воронков, 1966, № 3232, л. 43, 44.

Современными исследователями этот комплекс разделен на отдельные памятники, которые рассматриваются ниже.

ЛУЖКИ. ПОСЕЛЕНИЕ 1, мезолит, неолит, р. ж. в.

0,2 км к ЮЗ от с., 2-я левобережная терраса р. Оки, у пристани, пересечено ЛЭП. Размеры около 110×50 м. Поверхность нарушена промоиной, компостохранилищем и ямами. Культурный слой на склоне террасы достигает толщины 1,5 м. В нижней части культурного слоя, перекрытого слоем речных отложений толщиной более 0,5 м, найдены кремневые изделия периода мезолита, в т. ч. концевые скребки с дуговидными лезвиями, кубовидный нуклеус, ножевидные пластины. В верхней части культурного слоя найдена лепная керамика льяловской неолитической культуры и дьяковской культуры р. ж. в. с сетчатыми отпечатками на внешней поверхности, гребенчатым штампом, а также неорнаментированная слабопрофилированная, в т.ч. тонкостенная, обломок железного браслета. Выявлены остатки полуземляночного жилища округлой в плане формы диаметром 2,3 м с очагом внутри, отнесенного к р. ж. в. Диаметр очага – 0,35 м. В яме найдены фрагменты лепной неорнаментированной керамики.

АКР, 1997, № 2388б (36б), с. 158;

Воронин, 1988, № 14035, л. 8–10;

Сидоров, 1989, № 15433, л. 4.

ЛУЖКИ. ПОСЕЛЕНИЕ 2 (ЛУЖКИ А), мезолит, неолит, р. ж. в., 3-я чет. I тыс. н. э., 9–10, 14–17 вв.

1,1 км к З от с., 1-я левобережная терраса р. Оки, левый берег ручья (левого притока р. Оки) 50 м к ЮВ от поселения Лужки Б. Размеры 100×80 м, высота над уровнем реки 5–8 м. Поверхность сильно нарушена при строительных работах. В.В. Сидоровым исследовано около 60 кв. м. Найдены кремневые орудия, в т.ч. ножевидные пластины, скребки на пластинах, резцы на отщепах. Керамика лепная неорнаментированная дьяковской культуры с пальцевыми вдавлениями по венчику, орнаментированная «расчесами», подлощеная, а также лепная керамика роменской культуры с шнуровым зигзагообразным орнаментом, гончарная чернолощеная керамика 16–18 вв., фрагмент конуса от бронзовой шумящей подвески, предположительно, р. ж. в. Коллекция в ИА РАН.

АКР, 1997, № 2388в (36в), с. 158, 159;

Сидоров, 1989, № 15433, л. 6–18.

ЛУЖКИ. ПОСЕЛЕНИЕ 3 (ЛУЖКИ Б), мезолит, неолит, эпоха бронзы, р. ж. в., 3-я и 4-я четв. I тыс. н. э., 11–13, 14–17 вв.

1,2 км к З от с., мысовидный выступ первой террасы левого берега р. Оки, и правого берега безымянного ручья, к Ю от территории б. п/л «Ока», (ныне – территория водозабора Южной системы водоснабжения Московской обл.). Размеры не определены, высота над уровнем реки 3–6 м. Поверхность задернована, культурный слой толщиной 1,15 м перекрыт слоем наносов толщиной до 0,5–1 м. В.В. Сидоровым и А.Н. Сорокиным исследовано 56 кв. м. Найдено около 2,8 тыс. кремневых изделий и керамических фрагментов. Среди мезолитических изделий присутствуют концевые, концевые-боковые и подокруглые скребки, резцы со сломанной или ретушированной площадками и двухгранные, скобели с мелкими и глубокими выемками, плечиковое и стрельчатое сверла, комбинированные и рубящие орудия. Среди предметов охотничьего вооружения – асимметричные наконечники стрел, а также несколько обломков наконечников с двусторонней обработкой. Большая часть материала может быть отнесена к рессетинской раннемезолитической культуре. Неолитическая керамика включает фрагменты верхневолжской (с геометрический орнаментом выполненный гребенчатым штампом) и льяловской (с ямчатым орнаментом, в т.ч. зигзагообразным), фрагменты сосуда волосовской энеолитической культуры, орнаментированного зигзагом из зубчатого штампа с рядами неглубоко вдавленных ямок. Лепная керамика эпохи бронзы с сетчатыми отпечатками на внешней поверхности, выполненными шнуром, навитым на палочку и наколами. Лепная керамика раннего железного века с включениями крупной дресвы и сетчатыми отпечатками на внешней поверхности, а также подлощеная и лощеная неорнаментированная керамика с примесью песка дьяковской культуры, а также, гончарная домонгольская керамика 11–13 вв. с линейным орнаментом. Присутствует гончарная белоглиняная и мореная керамика 16–17 вв. и более позднего времени.

АКР, 1997, № 2388г (36г), с. 159;

Сидоров, 1989, № 15433, л. 6–8; 1993, № 18492, л. 26–32.

ЛУЖКИ. ПОСЕЛЕНИЕ 4 (ЛУЖКИ В), мезолит, р. ж. в.

1,35 км к З от с., пологое расширение 1 левобережной террасы р. Оки, с З и В стороны ограничена склонами 2 террасы, к З от стадиона бывшего п/л «Ока». Размеры около 60×60 м. Поверхность задернована, ранее была нарушена траншеями и укреплениями военного времени. Культурный слой мощностью 0,5–0,8 м. Найдены кремневые отщепы и пластины, резец на массивном отщепе и нуклевидный резец периода мезолита, а также лепная керамика дьяковской культуры гладкостенная и с сетчатыми отпечатками на внешней поверхности.

АКР, 1997, № 2388д (36д), с. 159;

Сидоров, 1989, № 15433, л. 18–23.

ЛУЖКИ. ПОСЕЛЕНИЕ 5 (ЛУЖКИ Г), мезолит, р. ж. в., 2-я пол. I тыс. н. э.

1,6 км к СЗЗ от с., краевая часть второй левобережной террасы р. Оки, территория б. пионерского лагеря «Ока» (ныне – территория водозабора Южной системы водоснабжения Московской обл.), в сосновом лесу, 80 м к В от поселения Лужки Д. Размеры 150×80 м. Поверхность задернована, нарушена постройками п/л и водозабора. Найдены ножевидная пластина, нуклеус, чешуйки, отщепы мезолитического облика, а также лепная керамика дьяковской культуры гладкостенная и подлощенная, глиняное пряслице большого диаметра.

АКР, 1997, № 2388е (36е), с. 159, 160;

Сидоров, 1989, № 15433, л. 23–27.

ЛУЖКИ. ПОСЕЛЕНИЕ 6 (ЛУЖКИ Д), мезолит, р. ж. в., 2-я пол. I тыс. н. э.

1,7 км к СЗЗ от с., краевая часть второй террасы левого берега р. Оки, территория сада б. пионерского лагеря (ныне – территория водозабора Южной системы водоснабжения Московской обл.). Размеры 70×50 м, высота над уровнем реки 8–10 м. Поверхность задернована, культурный слой толщиной 0,4–1,5 м. В.В. Сидоровым и К.В. Ворониным исследовано более 200 кв. м. Среди находок, относящихся к периоду мезолита, кремневые пластины, отщепы, концевой скребок на неправильной пластине. К р. ж. в. относится керамика лепная неорнаментированная и с ямочным орнаментом под венчиком 1–4 вв. н. э. Лепная керамика с волной под венчиком и пальцевыми вдавлениями по краю принадлежит роменской культуре 9–10 вв. н. э. К этому же периоду относятся железные ножи с прямой спинкой и яма от землянки (?) диаметром до 4 м, глубиной до 1,2 м, на дне которой найдены фрагменты черепной крышки и берцовые кости, связанные, видимо, с грунтовым могильником.

АКР, 1997, № 2388ж (36ж), с. 160;

Сидоров, 1989, № 15433, л. 27–29.

ЛУЖКИ. ПОСЕЛЕНИЕ 7 (ЛУЖКИ Е), мезолит, неолит, р. ж. в., 2-я пол. I тыс. н. э.

1,8 км к СЗЗ от с., между территорией б. пионерского лагеря (ныне – территория водозабора Южной системы водоснабжения Московской обл.) и территорией д/о, краевая часть второй террасы левого берега р. Оки, в сосновом лесу, территория одноименного грунтового могильника. Размеры 140×40 м, высота над уровнем реки 8–10 м. Поверхность задернована, культурный слой толщиной до 0,9 м. В.В. Сидоровым исследовано 240 кв. м. Найдены следы мезолитической кремнеобрабатывающей мастерской, в т.ч. плоский нуклеус, вкладышевые орудия, тесла с ретушью. В заполнении погребений и в ямах под погребениями грунтового могильника найдены фрагменты неолитической керамики верхневолжской культуры, орнаментированные оттисками зубчатого штампа, наколами, нитяными отпечатками (последние – со сквозными отверстиями под венчиком), один фрагмент керамики раннего этапа льяловской неолитической культуры с ямочно-гребенчатым орнаментом. Среди кремневых изделий имеются острообушковый шлифованный топор, наконечники стрел, сверла, скребки, резцы на пластинах, на отщепах и срединные, нуклеусы. Фрагменты сосуда с органикой в тесте или с расчесами по внутренней стороне, обломок кремневого наконечника дротика с двусторонней обработкой эпохи бронзы. К периоду р. ж. в. относятся фрагменты лепной слабопрофилированной неорнаментированной керамики, фрагмент «рогатого» кирпича, железная черешковая стрела и фрагмент железной фибулы. Последняя, впрочем, может быть связана с погребениями могильника 3-я четв. I тыс. н. э, в которых представлена лощеная керамика позднего этапа дьяковской культуры. К 9–10 вв. относится лепной миниатюрный сосуд роменской культуры с волнистым шнуровым орнаментом под венчиком. Коллекция в ИА РАН и Каширском музее.

АКР, 1997, № 2388з (36з), с. 160, 161;

Сидоров, 1989, № 15433, л. 41–45; 1993, № 17981–17982.

ЛУЖКИ. СТОЯНКА (ЛУЖКИ 13), мезолит.

1,5 км к СЗЗ от с., территория б. пионерского лагеря (ныне – территория водозабора Южной системы водоснабжения Московской обл.), краевая часть второй террасы левого берега р. Оки, в сосновом лесу, 80 м к В от поселения Лужки Г. Размеры 140×60 м, высота над уровнем реки 8–10 м. Поверхность задернована, культурный слой переотложен распашкой, толщина его до 0,4 м. А.Н. Сорокиным исследовано 40 кв. м. Найдено около 100 каменных изделий, среди которых асимметричный наконечник с боковой выемкой, поствидерский наконечник стрелы, высокая трапеция, несколько скребков, резцов и ножевидных пластинок, прочие предметы являются отщепами. Собранный материал может быть отнесен к иеневской мезолитической культуре.

АКР, 1997, № 2388а (36а), с. 157, 158;

Сорокин, 1993, № 18492, л. 32.

РЕСПУБЛИКА. ПОСЕЛЕНИЕ КОРДОН 1, мезолит, р. ж. в.

2 км к В от д., низкая надпойменная левобережная терраса р. Оки, территория Приокско-Террасного запо-

ведника, в 1 км к В от лесничества, на поле между лесом и рекой. Размеры не менее 80×50 м. Размывается при разливах реки, культурный слой мощностью 0,4–0,7 м.

Найдены кремневые орудия, в т.ч. нуклеусы и ножевидные пластины мезолитического облика, керамика лепная дьяковской культуры раннего железного века с сетчатыми отпечатками на внешней поверхности и без отпечатков, орнаментированная одним или двумя рядами ямок, сквозными отверстиями, насечками по венчику, пересекающимися прямыми линиями, имеется один миниатюрный неорнаментированный сосуд.

АКР, 1997, № 2413 (37), с. 170;
Астахов, 1958, № 2033, л. 2–3;
Ченцов, 1968, № 3805, л. 7–8.

СКНИГА. ПОСЕЛЕНИЕ ЛЕОНОВО, мезолит, неолит, 11–13 вв.

0,05 км к С от д., правый берег р. Оки, 1 км выше устья р. Скниги. Протяженность вдоль берега р. Оки 150 м, высота над уровнем реки 4–6 м. Культурный слой перекрыт наносами, которые распахиваются, толщина культурного слоя не определена. Кремневые скребки, проколки, тесла, наконечники стрел, ножевидные пластины каменные топоры периода неолита, а также лепная и гончарная домонгольская керамика с линейным и волнистым орнаментом, бронзовое семилопастное височное кольцо. Находки поступили в СИХМ.

АКР, 1997, № 2421 (48), с. 172;
Бурых и др., 1956, с. 330;
Воронков, 1966, № 3232, л. 35, 36;
Воронин, 1988, № 14035.

СОЛНЕЧНОГОРСКИЙ РАЙОН

ЛЬЯЛОВО. ПОСЕЛЕНИЕ, мезолит, неолит, эпоха бронзы.

0,8 км к ЮЮВ от церкви с., 0,35 км к СЗ от моста на шоссе Менделеево – Льялово, первая надпойменная терраса левого берега старого русла р. Клязьмы, 0,7 км к ЮВ от стоянки 2. Протянулась вдоль берега, размеры около 20×10 м, высота над рекой 2,5 м. Поверхность нарушена многочисленными ямами, поросла деревьями и кустарником. А.Н. Неклюдовым исследовано около 112 кв. м. Культурный слой мощностью 0,85 м. В нижних его горизонтах преобладают кремневые орудия, характерные для позднего периода иеневской мезолитической культуры: концевые скребки на пластинах и отщепах, ножевидные пластины с затупливающей ретушью или скошенным концом, вкладыши, асимметричные черешковые наконечники стрел постаренсбургского типа, скобели, тесла, орудия с перехватом. Интересны «кремневые поделки с изображением рыб», сланцевая «чуринга» со схематическим изображением жилищ типа шалашей, заготовка шлифованной подвески из сланца в виде миниатюрного топорика с незавершенным двусторонним сверлением. Среди кремневого материала значительную часть составляют нуклеусы в различной степени расщепления, ребристые пластины, отщепы, сколы, чешуйки отбойники, ретушеры и заготовки орудий. Это приводит автора раскопок к заключению, что в неолите поселение являлось специализированным по обработке кремня и изготовлению из него орудий. Найдены также обломки лепной посуды с ямочно-гребенчатым орнаментом, льяловской культуры, кремневые отщепы, ножевидные пластины, ножи, наконечники стрел и дротиков, сверла, проколки, фигурные кремни, долота, нуклеусы, отбойник из гранита, выпрямитель древков стрел из песчаника. Отдельные находки лепной керамики с накольчатой орнаментацией, возможно, должны быть отнесены к ранненеолитической верхневолжской культуре.

На материке прослежены следы деревянных конструкций, угольных пятен, обожженного грунта. Зафиксированы также остатки очажных ям. В юго-западной части раскопа в непотревоженном слое обнаружено два производственных комплекса. Орудия представлены в основном рубящими типа тесел или долот, что подтверждает ранее выявленную особенность специализации поселения как камнеобрабатывающей мастерской по производству рубящих орудий. Дата памятника – середина VIII – вторая половина III тыс. до н. э.

АКР, 1995, № 1243 (37), с.153, 154;
АКР, 1997, № 1243, с. 288;
Неклюдов, 1984, № 10443, л. 5, 6; 1985, № 11243, л. 2–6; 1986, № 11244, л. 1, 3–11; 1987, № 11914, л. 14; 1989, № 13877, л. 3–11; 1988, № 14471, л. 24–35; 1990, № 15531, л. 16–27; 1991, № 17218, л. 18–24; 1993, № 18011, л. 22–35; 1994, № 18218, л. 3–25; 1994, с. 81; 1995, с. 127.

ЛЬЯЛОВО. СТОЯНКА 4, мезолит, неолит.

0,95 км к ЮЮВ от центра села, 0,2 км к ЗСЗ от моста на шоссе Менделеево – Льялово, первая надпойменная терраса левого берега р. Клязьмы, левый берег ее старого русла, 0,15 км к ЮЮВ от стоянки 3. Исследовалась А.Н. Неклюдовым в 1988, 1989, 1993, 1994 гг. Южная и восточная части памятника нарушены вспашкой, через центр проходит грунтовая дорога, в юго-восточной части прокладывается ЛЭП, на территории памятника заложен фундамент жилого дома. Площадь стоянки, по данным 1989 г., около 180 кв. м, высота над рекой 1,2 м от современной поверхности. Всего исследовано 20 кв. м.

Культурный слой – светлая супесь с углями толщиной 0,04–0,20 м. Найдены кремневые концевые скребки на отщепах, а также боковые и угловой, скобели, резцы разных типов, серповидный нож на пластине, боковой скребок-нож, проколки, обломок двусторонне обработанного листовидного наконечника стрелы, ножевидные пластины, вкладыши, заготовки рубящих орудий. На территории, примыкающей к стоянке с С, обнаружена керамика с ямочно-гребенчатым орнаментом и лепная тонкостенная с примесями дресвы в глиняном тесте, без орнамента.

АКР, 1995, № 1244 (37), с. 154;
АКР, 1997, № 1244, с. 287;
Неклюдов, 1994, с. 81;
Неклюдов, 1984, № 10443, л. 6, 7; 1989, № 13877, л. 14, 15, 25–31; 1988, № 14471, л. 35–37; 1993, № 18011, л. 22–35; 1994, № 18218, л. 3–25.

ЛЬЯЛОВО. СТОЯНКА 5, мезолит, неолит.

1,1 км к Ю от церкви с., 0,24 км к ЗЮЗ от моста на шоссе Менделеево – Льялово, первая надпойменная терраса левого берега р. Клязьмы, 0,2 км к Ю от стоянки 4. Территория памятника распахивается под огороды. Площадь стоянки, по данным 1993 г., около 50 кв. м, высота над рекой 2,5 м. Найдены кремневые скребок на отщепе, пластины, концевые скребки на пластинах, фрагмент нуклеуса.

АКР, 1995, № 1245 (39), с. 154;
АКР, 1997, № 1245, с. 287;
Неклюдов, 1994, с. 81;
Неклюдов, 1984, № 10443, л. 7, 8; 1989, № 13877, л. 15; 1988, № 14471, л. 40–43; 1993, № 18011, л. 14, 15.

ЛЬЯЛОВО. СТОЯНКА 6, мезолит, неолит.

1,1 км к ЮЮВ от церкви с., 0,14 км к ЗЮЗ от моста на шоссе Менделеево – Льялово, первая надпойменная терраса левого берега р. Клязьмы, 100 м к ВСВ от стоянки 5. Территория памятника распахивается под огороды. Площадь стоянки, по данным 1993 г., около 70 кв. м. Культурный слой толщиной 0,1–0,2 м, выявлен на глубине 0,3 от современной поверхности, высота над рекой 3 м. Встречены кремневые скребки на отщепах, резцы, обломок двустороннего обработанного наконечника стрелы, ножевидные пластины, отщепы, заготовка рубящего орудия, нуклеус, а также лепная тонкостенная керамика с примесями дресвы в глиняном тесте.

АКР, 1995, № 1246 (40), с. 154;
АКР, 1997, № 1246, с. 287, 288;
Неклюдов, 1994, с. 81;
Неклюдов, 1984, № 10443, л. 8; 1989, № 13877, л. 15; 1988, № 14471, л. 44–46; 1993, № 18011, л. 15.

МЕНДЕЛЕЕВО. СТОЯНКА 2, мезолит.

Северная окраина пос., мыс первой надпойменной террасы левого берега старого русла р. Клязьмы, 0,2 км к СВ от стоянки 1. Размеры не определены, высота над рекой 1,5 м. Поверхность нарушена при строительстве жилого дома, перекрыта слоем земли и строительного мусора. Стоянку с ЮВ на СЗ пересекает пешеходная дорожка в с. Льялово. Доступна для исследования лишь юго-восточная часть памятника. Культурный слой до 0,1 м. Кремневые концевые скребки на отщепах, ножевидные и ребристые пластины мезолитического облика.

АКР, 1995, № 1250 (42), с. 155;
АКР, 1997, № 1250, с. 288, 289;
Неклюдов, 1994, с. 81;
Неклюдов, 1984, № 10443, л. 10, 11; 1989, № 13877, л. 16; 1988, № 14471, л. 51–54; 1990, № 15531, л. 12; 1993, № 18011, л. 16.

СТУПИНСКИЙ РАЙОН

ГРЫЗЛОВО. СТОЯНКА ХАТУНЬ, мезолит.

0,3 км к ЮВ от южной окраины д., 0,6 км к СЗ от северной окраины с. Хатунь, левый берег руч. Аночинка, левого притока р. Лопасни (левый приток р. Оки), близ его устья, 60 м от русла реки, к З от шоссе из с. Хатунь в лагерь отдыха «Лесная сказка». Размеры около 50×40 м, высота над ручьем 4–6 м. Поверхность поросла деревьями, нарушена грунтовыми дорогами, идущими вдоль реки, и при строительстве шоссе и моста через ручей. Культурный слой 0,3–0,4 м. Открыта в 1979 г. Р.Л. Розенфельдтом. Найдены кремневые орудия и заготовки из валунного камня, отщепы и осколки, отнесенные к мезолиту.

АКР, 1997, № 2441 (31), с. 178;
Розенфельдт, 1979, № 7862, л. 11, 12; 1981, № 8480, л. 100, 102;
Розенфельдт, Юшко, 1973, с. 195;
Фролов, 1985.

ЧЕХОВСКИЙ РАЙОН

КАРЬКОВО. СТОЯНКА (СТАРЫЙ СПАС 3), мезолит, неолит (?), 14–17 вв.

Открыта в 1995 г. А.Н. Сорокиным. Расположена в 0,75 км к СВ от северной окраины д., в 0,9 км к ЗСЗ от церкви б. с. Старый Спас, на останце и пойменной гриве левого берега р. Лопасни (левый приток р. Оки), у моста на Симферопольском шоссе. Размеры не определены, высота над рекой 2–3 и 5–9 м (двумя уступами). Западная часть памятника разрушена при строительстве шоссе. Культурный слой около 0,2 м. Керамика гончарная позднесредневековая, кремневые орудия, отщепы и пластины.

АКР, 1997, № 2487 (29), с. 191;
Сорокин, 1995, № 19743.

НОВЫЙ БЫТ. ПОСЕЛЕНИЕ, мезолит – неолит, 14–17 вв.

1,4 км к СЗ от северной окраины пос., территория бывшего с. Старый Спас, высокий останец правого берега р. Лопасни (левый приток р. Оки), 0,3 км от русла. Останец вытянут с З на В, размеры его 400×100 м. Сохранились церковь Спаса и несколько домов. При обследовании отмечен культурный слой мощностью не менее 0,2 м с керамикой 16–17 вв. В западной части останца в небольшом обнажении найдены кремневые орудия, отщепы и пластины.

АКР, 1997, № 2502 (31), с. 194;
Юшко, 1972, № 5077, л. 16;
Сорокин, 1995, № 19743.

ШАТУРСКИЙ РАЙОН

АЛЕШИНО. СТОЯНКА 3 (ЖАБКИ 3), мезолит, неолит.

Около 2,4 км к ССЗ от д., к ССВ от с. Жабки Егорьевского р-на, останец надпойменной террасы левого берега р. Цны (левый приток р. Оки), около 0,5 км от русла, 2,7 км к С от моста на шоссе Москва – Касимов, 0,4 км к ССВ от стоянки 2. Протянулась с СЗ на ЮВ, размеры около 350×30–40 м, высота над поймой 1,5–3,5 м. Территория памятника частично поросла деревьями и кустарником, нарушена проселочными дорогами. А.Е. Кравцовым раскопано 269 кв. м. Культурный слой имеет мощность 0,5–0,7 м. На западном склоне останца, под торфом толщиной до 0,8 м, зафиксированы два горизонта культурного слоя, разделенные стерильной прослойкой: верхний – с ранненеолитическим материалом, нижний – с мезолитическим. Керамика лепная, с примесями песка и охры в глиняном тесте, без орнамента, а также украшенная треугольными и каплевидными наколами, выполненными в технике «отступающей лопаточки», пунктирными оттисками гребенчатого штампа, насечками по краю венчика, ранненеолитической верхневолжской культуры. Среди каменных орудий, изготовлявшихся на отщепах и пластинах, присутствуют концевые скребки, резцы, ножи, сверла, проколки, асимметричные и постсвидерские наконечники стрел, комбинированные орудия. Рубящие орудия изготовлены из кремня и опоки, иногда со шлифовкой, найдены также отбойники, грузило, шлифовальная плита, нуклеусы различных форм, отщепы и пластины. Обнаружены фрагменты обожженной кости, обломки дерева со следами обработки, в т.ч. фрагменты вкладышевых орудий. Исследованы остатки наземного жилища мезолитического времени, которое было овальной в плане формы, столбовой конструкции, размерами 2,5×5,0 м, с заглубленным в материк на 0,15–0,25 м полом. Зафиксировано около 50 кострищ и хозяйственных ям, а также группа ям, расположенных двумя параллельными рядами, являвшихся, возможно, следами ограды или двойной стены. Расчищена яма размерами 1,14×0,76 м и глубиной 0,13–0,15 м, вытянутая с С на Ю, с большим количеством охры в заполнении, очевидно, остатки погребения. Мезолитический слой стоянки датирован VII–VI тыс. до н. э., отнесен к позднему этапу развития бутовской культуры. Ранненеолитический слой памятника отнесен к V тыс. до н. э. Серия радиоуглеродных дат подтверждает эти выводы. Коллекция в МИМ.

АКР, 1996, № 1876 (28), с. 187;

Кравцов и др., 1979, с. 65;

Кравцов, 1980, с. 57, 58; 1981, с. 57, 58; 1983, с. 63; 1984, с. 61; 1985, с. 61, 62;

Кравцов, 1978, № 6948, л. 11–14; 1979, № 7578, л. 13–24; 1980, № 7832, л. 3–42; 1981, № 8508, л. 11–47; 1982, № 9360, л. 24–47; 1983, № 9581, л. 39–43.

МИТИНСКАЯ. СТОЯНКА (СОСЕНКИ, СВЯТОЕ ОЗ. 6), мезолит, неолит.

Около 0,5 км к В от д., мыс западного берега оз. Святое, уроч. Сосенки. Протянулась вдоль берега, размеры около 40×30 м, высота над озером до 2 м. Территория памятника поросла редкими соснами. Культурный слой – темный песок мощностью до 0,75 м с углем и прослойками белого песка. Найдены кремневые ножевидные пластины и отщепы мезолитического облика, листовидно-черешковый наконечник копья и скребок с зубчатым лезвием.

АКР, 1996, № 1907 (11), с. 199;

Сидоров, 1975, с. 108;

Сидоров, Балинский, 1976, с. 88;

Сидоров, 1975, № 5709, л. 50–52.

СЕВЕРНАЯ ГРИВА. ПОСЕЛЕНИЕ 3 (М. РАСШИРЕНИЕ 3), мезолит, неолит, эпоха бронзы.

2,9 км к ЗСЗ от СЗ окраины пос., территория торфоразработок Малое Расширение, к ЮЗ от железной дороги и канала Морозовский, около 0,2 км к СЗ от поселения 2. Протянулось с СЗ на ЮВ, размеры 50×25 м. Нарушено опорами ЛЭП и грунтовой дорогой. Культурный слой 0,40–0,55 м. Керамика лепная, отнесенная к позднему этапу развития волосовской культуры и к эпохе бронзы, в т.ч. с сетчатыми отпечатками на внешней поверхности. К позднемезолитическому комплексу относятся кремневые сверло на ребристой пластине, угловые резцы на обломках пластин, обломок ножа на отщепе, долотце из отщепа со шлифовкой. Более поздним временем датируются кремневые двухсторонне обработанные наконечники стрел, скребки на отщепах, сверло.

АКР, 1996, № 1921 (5), с. 203, 204.

ШМЕЛИ. СТОЯНКА (ШМЕЛИ 1), мезолит.

1,3 км к ВЮВ от юго-восточной окраины д., юго-восточный склон мыса правого берега р. Ялмы, правого притока р. Пры (левый приток р. Оки), к Ю от грунтовой дороги из д. в пойму, в еловом лесу. Размеры около 30×25 м, высота над рекой 4 м. Территория памятника нарушена грунтовой дорогой и канавой. Культурный слой – светло-желтый песок мощностью 0,3–0,6 м. Найдены кремневые правильная ножевидная пластина и отщепы.

АКР, 1997, № 2809, с. 296;

Сидоров, 1988, № 17371, л. 65, рис. 139–141.

НИЖЕГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ

Большая часть территории области принадлежит к бассейну р. Волги, к бассейну Оки относятся лишь 16 западных и юго-западных ее районов. Среди них: Выксунский, Кулебакский, Навашинский, Вачский, Сосновский, Павловский, Богородский, Дзержинский, Балахнинский (частично), Арзамасский, Вадский, Пе-

ревозский (частично), Ардатовский, Шатковский, Лукояновский (частично) и Нижнего Новгорода (частично). Мезолитические стоянки зафиксированы лишь в десяти из них – Ардатовском, Арзамасском, Балахнинском, Богородском, Вачском, Выксунском, Дзержинском, Навашинском, Павловском и Шатковском районах.

АРДАТОВСКИЙ РАЙОН

КРАСНАЯ РЕЧКА. СТОЯНКА (МЕДВЕЖЬЕ ЛОГОВО), мезолит.

0,8 км к ВСВ от восточной окраины д., останец первой надпойменной террасы правого берега р. Теши, правого притока р. Оки, уроч. Медвежье Логово. Обследовалась М.Г. Жилиным в 1986 г. Протянулась с З на В, размеры 75×25 м, высота 3 м над торфяником. Нарушена ямами, поросла деревьями и кустарником. Культурный слой – белесый песок, толщиной 0,23–0,25 м. Найдены кремневые отщепы, пластины, в т.ч. неправильная и с ретушью; поперечный скол с нуклеуса, аморфный нуклеус. Отнесена к позднему мезолиту.

АКР, 2004, № 7 (17), с. 83;
Жилин, 1986, № 11859, л. 14–16.

КРАСНАЯ РЕЧКА (ПЯТНИЦЫ). ПОСЕЛЕНИЕ 5, мезолит (?), эпоха бронзы.

Около 1,3 км к В от ЮВ окраины д., около 2,3 км к СЗ от с. Пятницы Арзамасского р-на, мыс правого берега р. Теши, правого притока р. Оки, 0,2 км к ЮВ от поселения 4 (№ 11). Обследовалось В.Н. Мартьяновым в 1982 г. Размеры и мощность культурного слоя не определены. Высота 5 м над рекой. Восточный и южный склоны нарушены рекой и старицей. Найдены обломки лепной посуды с гладкой и бугристой поверхностью, в т.ч. с ямочным орнаментом, отнесенной к эпохе бронзы; кремневые скребок на отщепе с высокой спинкой, микроскребок, микропластина, фрагмент пластины с ретушью по одному краю, заготовка рубящего орудия на отщепе, отщепы, фрагмент нуклеуса.

АКР, 2004, № 12 (19), с. 85;
Мартьянов, 1989, с. 39;
Мартьянов, 1989, № 10048, л. 7, 8.

ЛИПОВКА. СТОЯНКА 2, мезолит (?), неолит (?).

0,8 км к ЗСЗ от западной окраины с., 40 м от шоссе Липовка – Саконы, мыс первой надпойменной террасы левого берега р. Теши, правого притока р. Оки. Обследовалась А.В. Фоминым в 1993 г. Протянулась с С на Ю, размеры около 35×10–20 м, высота до 6 м над поймой. Нарушена карьером. Стратиграфия: дерн, желтый песок (0,08 м), желто-коричневый песок (0,2 м), черный песок (0,09 м), материк. Найдены: фрагмент лепной керамики с примесями песка и опоки в глиняном тесте, кремневые ножевидные пластины, нож на пластине, трапеция, острие, резцы, скребок, нуклеус, отщепы.

АКР, 2004, № 22 (11), с. 89;
Фомин, 1993, № 23070, л. 3.

ЛИЧАДЕЕВО. ПОСЕЛЕНИЕ 1, мезолит (?), эпоха бронзы, 2-я пол. I тыс. н. э., 10–13 вв.

Около 1,5 км к СВ от с., к З от соснового леса Борушка, дюнное всхолмление прав. берега безымянного ручья, левого притока р. Теши (правый приток р. Оки), около 1 км к Ю от реки. Обследовалось В.Н. Мартьяновым в 1982 г. Протянулось с З на В, размеры 105×70 м, высота 2 м над ручьем. Нарушено распашкой. Мощность культурного слоя не определена. Найдены кремневые вкладыш на узкой пластине и пластины, предположительно позднего мезолита; обломки посуды: лепной с примесями песка, дресвы и опоки в глиняном тесте, заглаженной внешней и внутренней поверхностью; с примесями песка и дресвы, реже толченой раковины в глиняном тесте, некоторые с сетчатыми отпечатками или крупной штриховкой на внешней поверхности, прямым или слегка отогнутым наружу венчиком, в т. ч. с насечками по краю; орнаментированной ямками с плоским дном, горизонтальными прочерченными линиями, оттисками веревочки и овального крупнозубчатого штампа, фатьяновской и поздняковской культур; с примесями песка и опоки, реже дресвы и шамота в глиняном тесте, горшкообразной формы, прямым или слегка отогнутым наружу венчиком, древнемордовской культуры, датированной кон. I – нач. II тыс. н. э.; гончарной – красноглиняной булгарской и древнерусской; кремневые скребок, отщепы, в т.ч. с ретушью; глиняная обмазка со следами прутьев.

АКР, 2004, № 30 (24), с. 91;
Мартьянов, 1984, с. 69; 1989, с. 39;
Мартьянов, 1989, № 10048, л. 5, 6.

САКОНЫ. СТОЯНКА 1 (САКОНСКАЯ 3), мезолит.

Около 1,7 км к СВ от церкви с., первая надпойменная терраса правого берега р. Теши, правого притока р. Оки и правого берега безымянного ручья, протекающего у подножья террасы, около 1,6 км к ВСВ от моста на шоссе Саконы – Мухтолово, 50 м к СВ от поселения 1. Обследовалась М.Г. Жилиным в 1985 г. Размеры 35×35 м, высота 9 м над рекой. Нарушена распашкой и грунтовой дорогой. Культурный слой – светло-серый песок, толщиной 0,07 м. Найдены кремневые вкладыши из пластин с мельчайшей ретушью по краю, резцы с очень узким сколом на пластинах и отщепе, обломок пластины с ретушью, микропластины, пластины, отщепы, обломок карандашевидного нуклеуса, отнесенные к позднему мезолиту.

АКР, 2004, № 49 (3), с. 98, 99;
Жилин, 1985, № 11185, л. 5, 6.

АРЗАМАССКИЙ РАЙОН

МЕДВЕЖЬЕ ЛОГОВО, СТОЯНКА.

В 0,8 км к ВСВ от восточной окраины пос. Красная Речка.

ГСПИКНО, 2001, с. 102; ДГСПИКНО, 2002.

НАУМОВКА. ПОСЕЛЕНИЕ 1, мезолит, эпоха бронзы, р. ж. в., 2-я пол. I тыс. н. э.

Около 2,1 км к ССВ от СВ окраины д., дюнообразное всхолмление южного берега оз. Долгое, через которое протекает р. Сережа (правый приток р. Теши, правого притока р. Оки). Обследовалось В.Ф. Черниковым в 1961 и 1965 гг., А.Ф. Богачевым в 1975 г., М.Г. Жилиным в 1986, 1988 гг. Протянулось вдоль берега озера с З на В, размеры 300×80 м (по данным 1988 г.), высота 5–8 м над озером. Нарушено грунтовой дорогой, поросло соснами, западная часть разрушена карьером. Исследовано 124 кв. м. Культурный слой состоит из двух прослоек: верхней – черной супеси, толщиной 0,1 м и нижней – темно-серого песка с углем, толщиной 0,2–0,4 м. Стратиграфически разновременный материал не разделяется. В центральной части памятника обнаружены каменные изделия позднемезолитического облика, датированные VI тыс. до н. э. На поселении найдены также обломки лепной посуды плоскодонной с примесями песка, дресвы и шамота в глиняном тесте; внутренней, часто и внешней поверхностью, обработанной крупным гребенчатым штампом; баночной, горшкообразной и остроребериой формы, в виде миниатюрных чашек и неглубоких тарелок; орнаментированной по горлу, в верхней части тулова, иногда по дну ямочными вдавлениями с округлым и плоским дном, оттисками крупного и мелкого зубчатого штампов, клиновидными насечками, резными линиями, «жемчужинами», образующими горизонтальные ряды, зигзаги, «елочку», заштрихованные ромбы и треугольники, поздняковской культуры; с растительной примесью в глиняном тесте, хорошо заглаженной поверхностью, цилиндрическим или расширяющимся кверху горлом, вероятно, округлым или уплощенным дном, орнаментированной оттисками мелкозубчатого штампа, резными линиями, клиновидными вдавлениями, «жемчужинами», «змейкой», чирковской культуры; с сетчатыми отпечатками на внешней поверхности, городецкой культуры; неорнаментированной с бугристой поверхностью, датированной 8 в. н. э.; обломок тигля, кремневые скребки, резцы и ножи на отщепах и пластинах, в т.ч. крупных; наконечники стрел, копья, заготовка наконечника дротика, провертки, проверткаскобель, ножевидные пластины, шлифованные орудия, в т. ч. долото; фрагмент каменной булавы, железный шлак, кости животных. По определению О.Н. Бадера и А.Х. Халикова, некоторые обломки лепной посуды относятся к балановской культуре, ошпандинского периода. Исследовано заглубленное в материк жилище, поздняковской культуры, прямоугольной в плане формы, размерами 14,5×10,0 м, ориентированное с СЗ на ЮВ, вдоль берега озера. Близ его западного угла находился наклонный вход шириной 1,2 м. Перекрытие (вероятно, двускатная крыша) опиралось на четыре ряда столбов (по шесть в каждом ряду), располагавшихся вдоль длинных стен и в центральной части жилища. Внутри жилища находились три кострища: округлой в плане формы напротив входа, вытянутое вдоль юго-восточной стены и в центральной части, возможно, ритуального назначения: края и дно его были выложены белым речным песком, вокруг зафиксированы девять ямок от столбиков. В жилище находилась также прямоугольная в плане яма размерами 1,9×0,8 м, глубина 0,4–0,5 м с уступами вдоль длинных сторон, вероятно, для хранения пищи. Коллекция в НИАМЗ.

АКР, 2004, № 155 (3), с. 140, 141;

Авдеев и др., 1976б, с. 152;

Бадер, Халиков, 1976, с. 103;

Кольцов, Жилин, 1999;

Черников, 1961, № 2233, л. 13–15; 1965, № 3080, л. 1–14;

Богачев, 1975, № 5387, л. 3–10;

Жилин, 1986, № 11859, л. 18; 1988, № 12551, л. 9.

ПУСТЫНЬ (СТАРАЯ ПУСТЫНЬ) 1, мезолит.

0,4 км к ЮЮВ от южной окраины с. (бывшее с. Старая Пустынь), к ЮЗ от турбазы, мыс первой надпойменной террасы правого берега р. Сережи, правого притока р. Теши (правый приток р. Оки), образованный двумя оврагами. Открыта В.Ф. Черниковым в 1961 г. и дополнительно обследована им же в 1974 г. В 1978 г. обследована В.Ф. Черниковым совместно с Л.В. Кольцовым и М.Г. Жилиным, в 1982 и 1986 гг. раскапывалась М.Г. Жилиным.

Протянулась с ССЗ на ЮЮВ, размеры около 80×40 м, высота 4–6 м над поймой. Нарушена ветровой эрозией, траншеей нефтепровода, нивелировкой. Исследовано 100 кв. м. Культурный слой, по данным 1982 г., – розовато-белый песок, толщиной 0,05–0,35 м, перекрыт погребенной почвой с подзолом (0,18–0,33 м) и навеянным песком (0,35–0,90 м). Разрушен в древности в результате эоловых процессов. Материал переотложен. Орудия изготовлены из мелового кремня и мелкозернистого кварцита. Большая их часть выполнена на пластинах. Наиболее многочисленная категория орудий – резцы, среди которых преобладают на сломе пластин с узкими сколами. Найдены также скребки разных типов, в т.ч. концевые с дугообразным лезвием и скошенные с дугообразным и прямым лезвием, микроскребки; скобели, острия со скошенным концом, обломок сверла, топор с двусторонней оббивкой по всей поверхности, комбинированные изделия – главным образом резцы на различных орудиях; отбойники из кварцитовой гальки. Среди нуклеусов преобладают одноплощадочные, в т.ч. подконические и подпризматические. Встречены главным образом правильные пластины средних размеров и микропластины, в т. ч. с ретушью, преимущественно нерегулярной. В центральной части стоянки зафиксировано скопление кремня, возможно, – место его расщепления и дальнейшей обработки. По технике обработки камня и типам орудий памятник отнесен ко второй половине развития бутовской культуры. Стоянка расположена на юго-восточной окраине территории распространения этой культуры. Коллекция в НИАМЗ.

АКР, 2004, № 172 (10), с. 143, 144;

Кольцов и др., 1979в, с. 181;
Жилин, Миронос, 1984, с. 54, 55;
Жилин, 1990, с. 198;
Кольцов и др., 1991, с. 42–51;
Кольцов, Жилин, 1999;
Черников, 1961, № 2233, л. 17, 18; 1974, № 6070, л. 22, 23;
Кольцов, 1978, № 8301, л. 130, 131;
Жилин, 1982, № 9175, л. 5, 6.

ПУСТЫНЬ (СТАРАЯ ПУСТЫНЬ). ПОСЕЛЕНИЕ 3, мезолит, эпоха бронзы (?).

Около 1 км к ЮЮЗ от центральной части южной окраины с. (бывш. с. Старая Пустынь), к СЗ от шоссе в с. Наумовка, дюнное всхолмление в пойме левого берега р. Сережи, правого притока р. Теши (правый приток р. Оки), 0,9 км к ЮЮЗ от моста, к ЮВ от старичного озера. Обследовалось А.В. Фоминым в 1991 г. Размеры не определены. Северо-восточная часть нарушена карьером, вдоль юго-западного края проходит ЛЭП. Культурный слой состоит из двух прослоек: верхней – серого песка, толщиной 0,18 м и нижней – пестрого песка, толщиной 0,11 м. Найдены кремневые резцы на сколах, концевые скребки, в т. ч. на пластинах; нож, сверло, вкладыш, удлиненная пластина с двумя выемками, отщепы, отнесенные к мезолиту. Встречены также обломки лепной посуды с примесями песка и шамота в глиняном тесте, предположительно, эпохи бронзы.

АКР, 2004, № 174 (8), с. 145;
Фомин, 1991, № 16428, л. 19, 20.

ЯСНАЯ ПОЛЯНА. СТОЯНКА 3 (ЯСНАЯ ПОЛЯНА 4), мезолит.

2,6 км к ЮЗ от д. (по другим данным: 1,1 км к ЮЗ от пос. Ясные Поляны), вокруг южной калитки бывш. п/л «Колосок», первая надпойменная терраса правого берега р. Теши, правого притока р. Оки, около 100 м к ЗЮЗ от стоянки 2. Обследовалась М.Г. Жилиным в 1986 г. Протянулась вдоль края террасы с ЗЮЗ на ВСВ, размеры 70×40 м, высота 10 м над рекой. Нарушена тропой, забором. Культурный слой – светло-серый песок, толщиной 0,3 м. Найдены правильные кремневые пластины и отщепы, предположительно, позднего мезолита.

АКР, 2004, № 193 (36), с. 149, 150;
Жилин, 1986, № 11859, л. 17, 18;
ГСПИКНО, 2001, с. 102;
ДГСПИКНО, 2002.

БАЛАХНИНСКИЙ РАЙОН

На территории Балахнинской низины в 1987 г. М.Г. Жилин раскопал две стоянки на оз. Боровском – БОРОВСКОЕ 3 и 18 (Кольцов, Жилин, 1999, с. 53). По его мнению, они дали инвентарь, напоминающий коллекцию Угольново 1 (Жилин, 1990).

БОГОРОДСКИЙ РАЙОН

ГОЛОСОВСКОЕ. СТОЯНКА IV-2.

Расположена на песчаной дюне на восточном берегу того же торфяного болота, на котором расположена стоянка Голосовское VI-1, на расстоянии 60 м к З от последней. Подъемный материал с дюны состоит из кремневых орудий.

Сафонов, 1951, № 626, с. 3;
Черников, 1959, № 1990, с. 67–69.

ЛАКША. СТОЯНКА 1, мезолит, р. ж. в.

Правый берег р. Кудьмы у моста на боровой террасе водораздела между р. Кудьмой и правым безымянным притоком на дюнах. Большая часть памятника поросла сосновым лесом. Находки: мелкие отщепы кремня, нуклеусы, ножевидные пластины и три фрагмента керамики – 3–4 вв. н. э.

Черников, 1959, № 1990, с. 102–104.

ЛАКША. СТОЯНКА 2, мезолит.

Расположена на склоне боровой террасы правого коренного берега р. Кудьмы на двух останцах дюны высотой до 1,5 м, в 900 м к востоку от д. Лакша и в 25 м к югу от восточного конца дороги-гати через широкую заболоченную пойму. Разрушена. Найдены кремневые отщепы мезолитического облика и кости.

Грибов, 1992, № 17005, с. 12;
Аникин, 1994, № 18876, с. 34, 35; 1995, № 19345, с. 31.

НОВОПАВЛОВКА. ПОСЕЛЕНИЕ 2, мезолит, р. ж. в. и средневековье.

На мысу правого коренного берега р. Кудьмы в месте, где русло реки вплотную подходит к береговой террасе, в 700 м к ЗЮЗ от ж/д моста через р. Кудьму, в 2,5 км к ЮЗ от д. Новопавловка и в 3,5 км к СВ от д. Ушаково и в 40 м к СВ от селища Новопавловка 3 на верхней площадке возвышенного обрывистого берега на высоте 6 м над поймой. Задерновано, построек нет, грунтовка, микрооползни. Площадь 75×35 м. Находки: микролит, кремневые пластины, текстильная керамика конца II тыс. до н. э. и древнерусская лепная керамика 12–17 вв.

Грибов, 1992, № 17005, с. 5, 6;
Аникин, 1994, № 18876, с. 14–18.

ПОГОРЕЛКА. СТОЯНКА, мезолит, р. ж. в.

На восточной окраине села на одном из песчаных бугров поймы правого берега Оки. Почти полностью разрушена жилыми и хозяйственными постройками Погорельского колхоза. Находки: кремневые отщепы, скребок, ножевидная пластина, керамика с сетчатым орнаментом и ямками.

Сафонов, 1948, № 250.

ВАЧСКИЙ РАЙОН

ЗИМЕНКИ. СТОЯНКА 4, мезолит или ранний неолит.

В 60 м к югу от ЮЗ окраины д. Зименка на мысу западного края первой надпойменной террасы левого берега Оки, на восточном берегу пруда, через который протекает р. Юг. Высота 3 м над рекой. Площадь 85×55 м. Поверхность задернована, западная часть нарушена грунтовой дорогой и промоиной. Находки: фрагмент кремневого скребка, отщепы, пластины, резец и скобель.

Жилин, 1989, № 13462, с. 9;
Акимов, 1993, № 18122, с. 19, 20;
ГСПИКНО, 2001;
ДГСПИКНО, 2002, с. 32.

ВЫКСУНСКИЙ РАЙОН

ВНУТРЕННИЙ. СТОЯНКА 1, мезолит.

В 2 км к ЮЗ от пос. Внутренний, на Ю конце останца первой надпойменной террасы правого берега р. Оки, на левом берегу ее старицы, в урочище «Внутреннее болото».

ГСПИКНО, 2001, с. 193;
ДГСПИКНО, 2002.

СВЯТО. СТОЯНКА 1, мезолит.

В 3 км к ЮЗ от с. Нижняя Верея на берегу оз. Свято.

ГСПИКНО, 2001, с. 196;
ДГСПИКНО, 2002.

СТРЕЛКА. СТОЯНКА 3, мезолит.

В 0,25 км к З от пос. Стрелка, на дюне на краю первой надпойменной террасы правого берега р. Оки, на южном берегу старицы Рожон.

ГСПИКНО, 2001, с. 199;
ДГСПИКНО, 2002.

СТРЕЛКА. СТОЯНКА 5, мезолит.

На территории кладбища в пос. Стрелка, на дюне первой надпойменной террасы правого берега р. Оки, на южном берегу старицы Рожон.

ГСПИКНО, 2001, с. 200;
ДГСПИКНО, 2002.

ДЗЕРЖИНСКИЙ РАЙОН

ГАВРИЛОВКА Д. СТОЯНКА 12, мезолит, неолит.

На территории г. Дзержинска, в 3 км к СЗ от пос. Гавриловка. Открыта и исследована С.В. Ошибкиной в 1969 г.

ГСПИКНО, 2001, с. 221;
ДГСПИКНО, 2002.

ГАВРИЛОВКА. СТОЯНКА 13, мезолит, неолит.

На территории г. Дзержинска, в 2,8 км к СЗЗ от пос. Гавриловка.

ГСПИКНО, 2001, с. 221;
ДГСПИКНО, 2002.

УТРЕХ 3. СТОЯНКА, мезолит.

В 40 км к З от п. Утрех Дзержинского района Нижегородской области. Располагается на мысу ЮВ берега торфяника, из которого вытекает р. Утрех, на ее правом берегу, в 40 м З от впадения в реку валовой канавы. Открыта М.Г. Жилиным в 1986 г. и раскапывалась им в 1987 г. Площадь раскопа 94 кв. м. В коллекции 3224 каменных изделия, в том числе обломок трапеции из отщепа. Материалы отнесены к бутовской мезолитической культуре.

Кольцов, Жилин, 1999.

НАВАШИНСКИЙ РАЙОН

БОЛЬШАЯ ПОЛЯНА. СТОЯНКА 2, поздний мезолит.

Расположена в 1,9 км к ЮЗ от с. Позднякoво, в восточной части того же останца, что и стоянка 1, у старичного озера. Поверхность памятника задернована и поросла соснами. Площадь свыше 1800 кв. м. В слое 2 обнаружены кремневые изделия.

Кольцов, 1978, № 8301, с. 116;
ГСПИКНО, 2001, с. 275.

ВЕЛЕТЬМИНСКАЯ. СТОЯНКА 4, поздний мезолит, VI–V тыс. до н. э.

В 200 м на северо-восток от стоянки Велетьминская 2 на останце первой надпойменной террасы правого берега р. Велетьмы. Полностью развеяна. Подъемный материал на площади 3600 кв. м. Обнаружены только кремневые изделия.

Кольцов, 1978, № 8301, с. 111.

ВЕЛЕТЬМИНСКАЯ. СТОЯНКА 7, поздний мезолит, VI–V тыс. до н. э.

Расположена в 2,5 км к СВ от д. Волосово и в 300 м на ЮВВ от Велетьминской 6 на довольно пологом склоне первой надпойменной террасе правого берега Оки, у подножия которого имеется небольшое старичное озеро. Поверхность памятника задернована, частью нарушена канавой. Площадь около 3700 кв. м. В 5 слое обнаружены кремневые изделия.

Кольцов, 1978, № 8301, с. 112;
ГСПИКНО, 2001, с. 264.

ВЕЛЕТЬМИНСКАЯ. СТОЯНКА 9, мезолит, поздняя бронза.

Расположена в 1 км к северо-западу от д. Угольново и в 300 м к западу от стоянки Угольново 1 и в 50 м к юго-западу от стоянки Велетьминская 8 на возвышении края первой надпойменной террасы правого берега р. Оки. Раскапывалась М.Г. Жилиным в 1979, 1981 и 1982 гг., вскрыто 204 кв. м. Обнаружено много камен-

ного инвентаря, а также несколько ям с сетчатой керамикой поздняковской культуры.

Жилин, 1981, № 8543, с. 8; 1982, № 9175, с. 1–4; 1983, № 9889, с. 1–4.

ВОЛОСОВО. СТОЯНКА 12, мезолит.

В 1,1 км к ЮЮЗ от д. Волосово, в 1,6 км к СВ от д. Малое Окулово и в 10 м к востоку от шоссе М. Окулово – Покров на пологом мысу восточного края останца первой надпойменной террасы правого берега Оки, на ЮЗ краю заторфованной старицы, на высоте 2 м над ней. Поверхность памятника задернована, по памятнику проходит грунтовая дорога. Площадь 30×20 м. Находки: отщепы, пластины, скребок, топор с пришлифовкой.

Жилин, 1989, № 13462, с. 37;
ГСПИКНО, 2001, с. 266.

ГОРИЦЫ. СТОЯНКА 1, поздний мезолит.

Расположена на дюне в нескольких десятках метрах от устья правого притока (р. Леть) р. Теши к востоку от деревни. Дюна овальной в плане формы размерами 100×40 м и высотой 4–5 м над уровнем воды в реке. Мощность культурного слоя до 40 см. Обнаружены многочисленные кремневые изделия.

Богачев, 1975, № 5387, с. 11–15.

ГОРИЦЫ (ГОРИЦИНСКОЕ). МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ 1, мезолит (?).

В 1,5 км к юго-востоку от окраины д. Горица, на склоне дюны вблизи русла речки Леть, которая впадает в р. Тешу. Найдены кремневые изделия.

Черников, 1961, № 2233, с. 8.

ГОРИЦЫ (ГОРИЦИНСКОЕ). МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ 2, мезолит (?).

На дюне в 150 м вверх по течению р. Лети от места впадения ее в р. Тешу. Обнаружены кремневые изделия.

Черников, 1961, № 2233, с. 8, 9.

ЕФАНОВО (ЕФАНОВСКАЯ). СТОЯНКА 3, поздний мезолит.

В 1 км к СЗЗ от с. Ефаново, в 500 м к Ю от пос. Судострой и в 100 м от стоянки Ефановская 2 на мысу первой надпойменной террасы левого берега р. Муромки и восточного берега Седченского затона. Поверхность памятника задернована. Площадь свыше 6000 кв. м. Обнаружены кремневые изделия.

Кольцов, 1978, № 8301, с. 118, 119;
ГСПИКНО, 2001, с. 268.

МАЛОЕ ОКУЛОВО (МАЛООКУЛОВСКАЯ). СТОЯНКА 11, мезолит.

В 1,2 км к СВ от северного конца д. Малое Окулово, в 1,2 км к ЮЗ от д. Волосово на мысу западного края останца первой надпойменной террасы правого берега Оки, на правом берегу р. Велетьмы и долины сухого ручья, вытекающего из заболоченной котловины в глубине останца. Высота над поймой 4 м. Поверхность памятника задернована, редкие сосны, площадь 75×50 м. Найдены отщепы и пластины мезолитического облика.

Жилин, 1989, № 13462, с. 31, 32;
ГСПИКНО, 2001, с. 271.

МАЛОЕ ОКУЛОВО (МАЛООКУЛОВСКАЯ). СТОЯНКА 13, поздний мезолит.

В 1 км к СВ от д. Малое Окулово и в 75 м к СЗ от шоссе М. Окулово – Покров на северном конце останца первой надпойменной террасы правого берега р. Оки, на правом берегу р. Велетьмы, высота 2 м над поймой. Большая часть разрушена карьером, конец мыса и края задернованы, площадь 120×60 м. Найдены отщепы, скребок и обломок шлифованного орудия;

Жилин, 1989, № 13462, с. 32, 33;
ГСПИКНО, 2001, с. 271.

МАЛОЕ ОКУЛОВО (МАЛООКУЛОВСКАЯ). СТОЯНКА 14, поздний мезолит.

В 1,1 км к СВВ от Малого Окулово и в 0,5 км к СВ от моста через р. Велетьму на южном краю останца первой надпойменной террасы правого берега Оки, на правом берегу ручья (правого притока р. Велетьмы). Высота 3 м. Большая часть разрушена карьером, прибрежная часть памятника задернована, склон порос лесом и кустами. Площадь 180×90 м. Находки: отщепы, пластины, скребки, резцы, вкладыши, нуклеусы, и обломок шлифованного топора.

Жилин, 1989, № 13462, с. 33;
ГСПИКНО, 2001, с. 271.

МАЛОЕ ОКУЛОВО (МАЛООКУЛОВСКАЯ). СТОЯНКА 16, мезолит.

В 1,9 км к СВВ от Малого Окулово и в 1,9 км к ЮЮВ от д. Волосово на восточном конце останца первой надпойменной террасы правого берега р. Оки, на правом берегу р. Велетьмы, при слиянии двух ручьев, высота 4 м над ними. Поверхность памятника задернована, нарушена старой грунтовой дорогой, площадь 40×25 м. Найдены отщепы, пластины, и резец.

Жилин, 1989, № 13462, с. 34;
ГСПИКНО, 2001, с. 271.

МАЛОЕ ОКУЛОВО (МАЛООКУЛОВСКАЯ). СТОЯНКА 17, поздний мезолит.

В 1,8 км к СВВ от Малого Окулово и в 1,9 км ЮЮВ от д. Волосово на возвышении южного края останца первой надпойменной террасы правого берега Оки, на правом берегу ручья правого притока р. Велетьмы, высота 5 м над поймой. Поверхность памятника задернована, имеется небольшая яма, площадь 60×30 м. В слое 4 найдены отщепы и кальцинированные кости.

Жилин, 1989, № 13462, с. 34;
ГСПИКНО, 2001, с. 272.

НАВАШИНО-ТЕША. СТОЯНКА 1, мезолит (?).

Расположена на левом берегу р. Теши в 1,5 км к востоку от с. Навашино на верхней площадке дюны в месте крутого поворота реки с юга на север. Материал происходит с несколько развеянных останцов, самый большой из которых размером 25×30 м. Обнаружены кремневые изделия.

Черников, 1961, № 2233, с. 5–8.

НОВОШИНО. СТОЯНКА, поздний мезолит, поздний неолит.

В 2 км к Ю от д. Новошино на останце первой надпойменной террасы левого берега р. Теши. С запада и востока стоянка ограничена руслами пересохших ручьев. Сильно разрушена и развеяна. Северный край стоянки разрыт р. Тешей, с запада и востока проходят старицы, которые четко прослеживаются в береговом обрыве и в современном рельефе р. Теши. Площадь распространения подъемного материала около 10000 кв. м. Находки: обнаружены кремневые изделия. Открыта В.Ф. Черниковым в 1961 г., осмотрена в 1978 г., Л.В. Кольцовым. В 1984 г. М.Г. Жилиным раскопано 104 кв. м. Находки: кремневые изделия и немногочисленная керамика.

Черников, 1961, № 2233;
Кольцов, 1978, № 8301, с. 115, 116;
Жилин, 1984, № 10532, с. 1–5.

ПОЗДНЯКОВО. СТОЯНКА 8, мезолит.

В 2 км к ССВ от северной оконечности с. Поздняково на первой надпойменной террасе правого берега р. Оки, на восточном крае старичного торфяника на высоте 2 м над ним. Поверхность памятника задернована, по памятнику проходит грунтовая дорога, и имеются небольшие мелкие карьеры. Площадь около 60×20 м. Найдены кремневые изделия мезолитического облика.

Жилин, 1988, № 1255, с. 28, 29;
ГСПИКНО, 2001, с. 274.

ПОЗДНЯКОВО. СТОЯНКА 9, поздний мезолит.

В 2,2 км к ССВ от северной окраины с. Поздняково на низком мысу восточного края старичного торфяника правого берега р. Оки на первой надпойменной террасе. Высота 1 м над болотом. Наполовину разрушена карьером, по памятнику идет грунтовая дорога. Площадь сохранившейся части 45×15 м. В 1988 г. М.Г. Жилиным вскрыто 52 кв. м. В основном слое 3 обнаружены кремневые изделия.

Жилин, 1988, № 12551, с. 29, 30;
ГСПИКНО, 2001, с. 274.

ПОКРОВ. СТОЯНКА 4, мезолит.

В 1,1 км к ЮЗ (1,4 км к СВВ – ?) от д. Волосово на дюне на краю первой надпойменной террасы северного берега оз. Ольховое на высоте 2 м над ним. Поверхность памятника задернована, но нарушена старой грунтовой дорогой, площадь 45×30 м. В слоях 2 и 3 найдены кремневые отщепы мезолитического облика.

Жилин, 1989, № 13462, с. 38;
ГСПИКНО, 2001, с. 276.

ПОКРОВ. СТОЯНКА 5, мезолит.

В 1 км к ЮЗ от д. Покров и в 1,4 км к СВВ от д. Волосово на дюне на краю первой надпойменной террасы северного берега оз. Ольховое, на высоте 2 м над ним. Поверхность памятника задернована, прибрежная часть слегка спланирована, площадь 65×30 м. В слоях 2 и 4 обнаружены отщепы мезолитического облика.

Жилин, 1989, № 13462, с. 38;
ГСПИКНО, 2001, с. 276.

ПОКРОВ. СТОЯНКА 6, мезолит.

В 0,9 км к югу от д. Покров и в 150 м от шоссе Н. Новгород – Навашино, на вершине дюны первой надпойменной террасы восточного берега старичного оз. Ольховое, на высоте 4 м над поймой. Поверхность памятника задернована, но нарушена грунтовой дорогой и мелкими ямами, площадь 50×25 м. В слое 4 найдены отщепы и поперечный скол с нуклеуса, в подъемном материале – концевой скребок мезолитического облика.

Жилин, 1989, № 13462, с. 38, 39;
ГСПИКНО, 2001, с. 276.

ПОКРОВ. СТОЯНКА 7, мезолит.

В 0,8 км к югу от д. Покров и в 100 м к западу от шоссе Н. Новгород – Навашино, на восточном конце невысокой дюны или берегового вала, также на восточном конце оз. Ольховое, в 150 м к востоку от него, на высоте 2 м над озером. ЮВ часть разрушена карьером, сохранившаяся площадь – 60×30 м. Находки: отщепы, пластины, микропластины, долотовидное орудие.

Жилин, 1989, № 13462, с. 39;
ГСПИКНО, 2001, с. 276.

ПОКРОВ. СТОЯНКА 8, мезолит (?).

Расположена в 0,9 км к ЮЗ (З –?) от д. Покров и в 0,5 км к западу от шоссе Н. Новгород – Навашино, на небольшом возвышении дюнной гряды или берегового вала, на ЮВ берегу оз. Ольховое, на высоте 1 м над ним. Поверхность памятника задернована, нарушена грунтовой дорогой и ямами, площадь 40×20 м. Находки и дата: в слое 4 найдены кремневые отщепы, вероятно мезолит.

Жилин, 1989, № 13462, с. 39, 40;
ГСПИКНО, 2001, с. 277.

ПУСТЫНЬ. СТОЯНКА и СЕЛИЩЕ.

На южной окраине с. Пустынь, справа от дороги на д. Балтово. Находки: кремневый резец и керамика 18–19 веков.

Богачев, 1975, № 5387, с. 11.

РУМАСОВО (РУМАСОВСКОЕ). МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ 1, мезолит.

Недалеко от с. Румасово, ниже его по течению р. Сережи, при впадении в нее р. Рохны, на левом высоком

берегу. Поверхность сильно разрушена. Обнаружены кремневые изделия мезолитического облика.

Черников, 1961, № 2233, с. 11.

СПАС-СЕДЧЕНО. СТОЯНКА 2, мезолит, неолит.

В 1 (1,5 – ?) км к ЮЗЗ от с. Спас-Седчено на дюнообразном возвышении края первой надпойменной террасы правого берега р. Оки, высотою 6 м над поймой. Поверхность памятника задернована, пересекается грунтовой дорогой, имеются посадки сосны. Открыта в 1978 г. и раскопана в 1988 г. на площади в 100 кв. м. Стратиграфия – выделено семь литологических слоев, включая дерн и материк. Основные находки в 5 и 6 слоях. В основном, это кремневый инвентарь, реже керамика волосовского типа. Три ямы относятся к мезолитическому слою, одна волосовского времени. Дата: мезолит (бутовская культура), отдельные находки волосовской культуры, а также белоглиняная керамика 19 века.

Жилин, 1988, № 12551, с. 1–8;

ГСПИКНО, 2001, с. 277.

СРЕДНЯЯ ПОЛЯНА. СТОЯНКА, мезолит.

В 1,2 км к юго-западу от с. Поздняково на останце первой надпойменной террасы правого берега р. Теши (у местного населения – Средняя Поляна). Поверхность памятника частично развеяна. Площадь около 4500 кв. м. Находки: в слое и подъемном материале встречены немногочисленные кремневые изделия мезолитического облика.

Кольцов, 1978, № 8301, с. 116, 117;

ГСПИКНО, 2001, с. 275.

УГОЛЬНОВО. СТОЯНКА 1, мезолит.

Расположена в 0,8 км к северо-западу от д. Угольново и в 150 м к востоку от стоянки Велетьминская 7 на останце первой надпойменной террасы правого берега Оки, примерно в 1 км от реки. Западная часть стоянки разрушена котловиной выдува, остальная часть задернована. Площадь около 2900 кв. м. Открыта В.Ф. Черниковым в 1961 г. Дополнительно обследована в 1978 г. Л.В. Кольцовым. В 1981 г. М.Г. Жилиным вскрыто 106 кв. м. Находки: в слоях 4 и 5 обнаружены кремневые изделия мезолитического облика, VI–V тыс. до н. э.

Черников, 1961, № 2233, с. 17, 18;

Кольцов, 1978, № 8301, с. 113, 114;

Жилин, 1981, № 8543, с. 1–3.

УГОЛЬНОВО. СТОЯНКА 2, мезолит.

Расположена в 100 м к востоку от стоянки Угольново 1 и 200 м к западу от д. Угольново на останце первой надпойменной террасы правого берега Оки. Стоянка приурочена к старице р. Оки. Поверхность памятника задернована. Площадь около 4000 кв. м. Обнаружены только кремневые изделия.

Кольцов, 1978, № 8301, с. 114.

ЯРИСТЫЙ БУГОР. СТОЯНКА, мезолит.

В 0,1 км к ЮЗ от д. Петряево.

ГСПИКНО, 2001, с. 273.

ПАВЛОВСКИЙ РАЙОН

ВЕНЕЦ. СТОЯНКА 4, мезолит, неолит.

Находится на юго-западной окраине д. Венец, между деревней и огородами на берегу оз. Кусторка. Располагается на узкой полосе слабовыраженной первой надпойменной террасы левого берега р. Оки, под второй надпойменной террасой, на юго-восточном конце старичного оз. Кусторка, севернее устья небольшого овражка, прорезающего вторую террасу, высота до 2 м над поймой. Поверхность частично задернована, частично раздута, западный край нарушен грунтовой дорогой и огородами, площадь 65×35 м.

В слое серого пятнистого песка встречены отщепы, пластины, нуклеус, фрагмент неорнаментированной керамики, вероятно, эпохи неолита. Стратиграфия: 1) надув – 0,10 м; 2) погребенный дерн – 0,08 м; 3) серо-желтый песок – 0,25 м; 4) серый песок – 0,17 м; 5) светлый песок – материк.

Жилин, 1989, № 13462.

ВЕНЕЦ. СТОЯНКА 6, мезолит.

Находится в 150 м к северо-западу от северного конца д. Венец, в 0,8 км к югу от турбазы «Кусторка». Располагается на узкой площадке первой надпойменной террасы левого берега р. Оки, у подошвы второй надпойменной террасы, на восточном берегу старичного оз. Кусторка, высота 4 м над ним. Поверхность задернована, западный край подмыт, площадь 80×30 м. В слое серо-желтого песка и подъемном материале встречены отщепы, пластины, два скребка, резец, отбойник, шлифованное тесло из опоки позднемезолитического облика. Памятник относится к позднему мезолиту. Стратиграфия: 1) дерн – 0,05 м; 2) светло-серый, слоистый песок – 0,13 м; 3) погребенный дерн – 0,09 м; 4) светло-серый песок – 0,07 м; 5) серо-желтый песок – 0,28 м; 6) светлый песок – материк.

Жилин, 1989, № 13462;

ГСПИКНО, 2001, с. 374; ДГСПИКНО, 2002, с. 51.

ВЕНЕЦ. СТОЯНКА 9, мезолит, р. ж. в.

Находится в 0,6 км к ССЗ от северного конца д. Венец, в 0,4 км к югу от турбазы «Кусторка». Располагается на узкой полосе первой надпойменной террасы левого берега р. Оки, под второй надпойменной террасой, на восточном берегу старичного оз. Кусторка, высота 3 м над ним. Поверхность задернована, западный край слегка подмыт, площадь 75×40 м. В слое темно-серого песка встречен развал грубого лепного сосуда с шамотом и дресвой без орнамента I тыс. до н. э., в слое белесого и серо-желтого пятнистого песка, а также в подъемном материале собраны отщепы, пластины, скребки и

резцы. Видимо, поселение перекрыло мезолитическую стоянку. Стратиграфия: 1) дерн – 0,06 м; 2) темно-серый песок – 0,09 м; 3) белесый песок – 0,15 м; 4) серо-желтый пятнистый песок – 0,27 м; 5) светлый песок с ортзандами – материк.

Жилин, 1989, № 13462;

ГСПИКНО, 2001, с. 375; ДГСПИКНО, 2002, с. 52.

ВЕНЕЦ (КУСТОРКА). СТОЯНКА 2, мезолит, неолит, эпоха бронзы.

В 3,5 км от деревни Новое Щербинино находится оз. Кусторка. Восточный берег озера достигает 15–18 м высоты. Высокий берег образует мысы и заливы. В 2 км от деревни Венец на восточном берегу озера находится три мыса, расположенные в 300 м друг от друга. В.Ф. Черниковым был собран богатый подъемный материал, большая часть которого собрана из воды (до 10–15 м от берега). Очевидно, мыс размывался. Среди находок множество обломков лепной керамики, два сломанных наконечника копий, один дротик, одна заготовка стрелы, две провертки, одна проколка, 9 скребков, 4 ножевидных пластины со следами ретуши и два обломка ножевидных пластин. Был зачищен береговой склон на оконечности мыса и выявлена следующая стратиграфия: 1) дерн – 0,06 м, 2) темно-коричневый слой – 0,35–0,40 м, 3) слой серого цвета – 0,3–0,4 м, 4) суглинок темного цвета (культурный слой) – 0,8–0,9 м, 5) светлый песок – материк. В зачистке встречена керамика третьего этапа балахнинской культуры. Памятник в основной своей части разрушен размывом мыса. Этот мыс использовался в конце эпохи бронзы населением сетчатой керамики.

Черников, 1960, № 2219, с. 14–16.

ВЕНЕЦ (КУСТОРКА). ПОСЕЛЕНИЕ 3, мезолит, неолит, эпоха бронзы.

Находится в 2 км к ССЗ от д. Венец, в 300 м к СЗЗ от п/л «Солнечный». Располагается на мысу первой надпойменной террасы левого берега р. Оки, на северном берегу старичного оз. Кусторка, высота 2 м над ним. Открыта В.Ф. Черниковым в 1960 г. Осматривалась в 1989 г. М.Г. Жилиным. Поверхность задернована, нарушена котловиной выдува, площадь 90×45 м. В слое серого песка встречены отщепы и фрагменты сетчатой керамики эпохи бронзы, в подъемном материале, помимо этого, фрагмент сильно окатанной балахнинской керамики. Стратиграфия: 1) дерн – 0,09 м, 2) серый песок – 0,35 м, 3) рыжий песок – материк.

Черников, 1960, № 2219, с. 14–16;

Жилин, 1989, № 13462.

ГРУЗДЕВО, СТОЯНКА 1, мезолит.

Открыта М.Г. Жилиным в 1988 г. Находится в 30 м к северо-востоку от дачных участков, слившихся с восточной окраиной пос. Груздево (последний уже входит во Владимирскую область, граница проходит по его восточной окраине и протекающей за поселком р. Суворощь). Располагается на дюне на северном коренном берегу восточного участка торфяника Большое 2, на второй надпойменной эрозионной террасе р. Суворощи. Высота 11 м над рекой, 6 м над торфяником, площадь 50×20 м. Прослежен культурный слой эпохи мезолита. Поверхность нарушена грунтовой дорогой.

Жилин, 1988, № 12551; 1993, № 18524, с. 10, 11;

ГСПИКНО, 2001, с. 376; ДГСПИКНО, 2002, с. 55.

ГРУЗДЕВО, СТОЯНКА 2, мезолит.

Открыта М.Г. Жилиным в 1988 г. Находится в 0,4 км к востоку от восточной окраины пос. Груздево (от дачных участков). Располагается на дюне на северном берегу восточного участка торфяника Большое 2, на второй надпойменной эрозионной террасе р. Суворощи. Высота 12 м над рекой, 7 м над торфяником, площадь 65×20 м. Дюна обращена к болоту и подрезана с севера молодой петлей реки, рост излучины продолжается. Выявлен культурный слой эпохи мезолита. Поверхность нарушена грунтовой дорогой. Остальная часть задернована и поросла лесом.

Жилин, 1988, № 12551; 1993, № 18524, с. 11;

ГСПИКНО, 2001, с. 376; ДГСПИКНО, 2002, с. 56.

ГРУЗДЕВО. СТОЯНКА 3, мезолит.

Находится в 1,3 км к ЮЮВ от пос. Груздево. Располагается на южном берегу восточного участка торфяника Большое 2, на дюне, в 0,3 км к северо-востоку от озера Татарское. Высота 3 м над болотом, площадь 70×55 м. Стоянка открыта М.Г. Жилиным в 1988 г. Выявлен культурный слой эпохи мезолита. Поверхность задернована, нарушена несколькими старыми ямами. Остальная часть задернована и поросла лесом.

Жилин, 1988, № 12551; 1993, № 18524, с. 11, 12;

ГСПИКНО, 2001, с. 376;

ДГСПИКНО, 2002, с. 56.

ЗИМЕНКИ. ПОСЕЛЕНИЕ 4, мезолит.

Находится в 60 м к югу от юго-западной окраины д. Зименки. Располагается на мысу западного края останца первой надпойменной террасы левого берега р. Оки, на восточном берегу пруда, через который протекает р. Юг, на ее левом берегу. Высота 3 м над рекой. Поверхность задернована, нарушена грунтовой дорогой и промоиной, площадь 85×55 м. В слое серо-желтого песка – отщепы, в подъемном материале – отщепы, пластины, резец и скобель. Поселение относится к мезолиту или раннему неолиту. Стратиграфия: 1) дерн – 0,08 м, 2) серый песок – 0,11 м, 3) серо-желтый песок – 0.10 м, 4) светлый песок – материк.

Жилин, 1989, № 13462.

МЕДВЕЖЬЕ. ПОСЕЛЕНИЕ 3, мезолит.

Находится в 1,6 км к ССЗ от деревни, в 2 км к северо-востоку от п. Молодежный. Располагается на западном конце останца высокой поймы правого берега р. Оки (для Кишмы это уровень первой надпойменной терра-

сы) и левого берега р. Кишмы, высота 5 м над поймой. Поверхность задернована, площадь 100×55 м. В слое светло-серой супеси встречены пластины и подконический нуклеус от пластин. Поселение датируется мезолитом. Стратиграфия: 1) дерн – 0,07 м, 2) серо-коричневая супесь – 0,10 м, 3) светло-серая супесь – 0,15 м, 4) коричневая глина – материк.

Жилин, Левина, 1990, № 15472;
ГСПИКНО, 2001, с. 378;
ДГСПИКНО, 2002, с. 59.

МУНЬКИНО. СТОЯНКА 4, мезолит, неолит.

Находится в 2 км к югу от деревни, в 2.3 км к западу от д. Борок. Располагается на западном мысу останца высокой поймы правого берега р. Оки и р. Кишмы, высота над рекой – 3 м. Поверхность задернована, поросла кустами и лиственным лесом, площадь – 70×40 м. Найден концевой скребок на массивной пластине, вероятно, эпохи мезолита или раннего неолита.

Жилин, 1991, № 15959.

НОВОЕ ЩЕРБИНИНО 5. СТОЯНКА, мезолит, неолит.

Примыкает к южной окраине д. Новое Щербинино, Она располагается на краю первой надпойменной террасы левого берега р. Подборицы (левобережный приток р. Оки). В 2001 г. А.В. Гонозовым вскрыто 20 кв. м. Прослежено два культурных слоя. В первом абсолютно преобладают находки верхневолжской ранненеолитической культуры. Инокультурные предметы единичны (фрагменты керамики балахнинской культуры и эпохи бронзы). Стратиграфические наблюдения и планиграфия находок позволяет рассматривать верхневолжский слой в качестве относительно «чистого». В нем встречены фрагменты керамики, развалы отдельных частей сосудов, изделия из камня. Преобладает керамика, украшенная под венчиком только разреженной строчкой сквозных отверстий. Вместе с ней встречается неорнаментированная и «ложношнуровая». Ложношнуровой орнамент выполнен наколами в технике отступающей лопаточки. У большей части фрагментов венчиков данной керамики под верхним срезом идет ряд сквозных отверстий. Все сосуды изготавливались по единой технологии. В качестве примесей к тесту использованы шамот и органика. Внешняя поверхность заглажена и подлощена. Среди изделий со вторичной обработкой встречены: иволистные и черешковые наконечники стрел и их обломки, ножи, скребки (концевые, боковые, аморфные), скошенные концевые скребки – ножи (ложкари), нож-сверло, лезвие шлифованного тесла с желобком. Несколько доминируют орудия, изготовленные на пластинах. Датировать стоянку верхневолжской культуры предварительно можно пер. пол. V тыс. до н. э.

Во втором культурном слое, прослеженном на локальном участке размерами 2×1 м в северной части раскопа, обнаружены: двулезвийный нож на пластине (длина 10 см), нож на пластине с коротким лезвием и выделенной рукояточной частью, сверло на пластине, концевой скребок-нож на отщепе и отщеп. Все предметы изготовлены из однородного материала – темно-коричневого кремня. Изделий из данного кремня в верхневолжском слое не встречено. Слой отнесен к эпохе мезолита, предварительно датирован бореальным периодом. Стратиграфически он четко отделен от верхневолжского.

Гонозов, 2002.

СТАРОЕ ЩЕРБИНИНО. ПОСЕЛЕНИЕ 1, мезолит, эпоха бронзы.

Открыто В.Ф. Черниковым в 1960 г. Находится в 0,5 км к востоку от юго-восточного конца деревни, в 0,8 км к ЮЗЗ от д. Новое Щербинино. Располагается на низкой дюне на мысу высокой поймы правого берега старицы Оки, по которой течет р. Подборица, высота 3 м над поймой. Большая часть разрушена карьером и шоссе из Старого в Новое Щербинино, узкая полоса по краю карьера задернована, остальное распахано. Площадь сохранившейся части 50×15 м. Зачистка края карьера дала такую стратиграфию: 1) дерн, 2) темно-серая супесь – 0,45 м, 3) светлая супесь – материк.

В верхней части слоя 2 встречен железный шлак и фрагменты лепной керамики эпохи железа, в нижней части слоя – керамика поздняковской культуры, пластины, отщепы.

Черников, 1960, № 2219, с. 13;
Жилин, 1991, № 15959;
ГСПИКНО, 2001, с. 381.

СТАРОЕ ЩЕРБИНИНО, ПОСЕЛЕНИЕ 2, мезолит.

Открыто В.Ф. Черниковым в 1960 г. Находится в 0,8 км к ССЗ от северного конца деревни, в 1,1 км к ЮВВ от восточного конца д. Щелково. Располагается на мысу западного края останца первой надпойменной террасы восточного берега старицы левого берега р. Оки и правого берега русла ручья, высота 4 м над болотом. Поверхность задернована, нарушена грунтовой дорогой, растут отдельные сосны, частично выбита скотом. Площадь 90×65 м. Зачистка края выбитого участка дала такую стратиграфию: 1) надув – 0,05 м, 2) погребенный дерн – 0,09 м, 3) серый пятнистый песок – 0,17 м, 4) светлый песок – материк. В слое 3 и подъемном материале найдены отщепы, пластины, скребок, резец.

Черников, 1960, № 2219, с. 13;
Жилин, 1991, № 15959;
ГСПИКНО, 2001, с. 382;
ДГСПИКНО, 2002, с. 64.

СТАРОЕ ЩЕРБИНИНО. ПОСЕЛЕНИЕ 3, мезолит.

Находится в 350 м к ССЗ от северного конца деревни, в 1,4 км к ЮВ от д. Щелково. Располагается на краю пологого ската западного края останца первой надпойменной террасы, на восточном берегу заболоченной левобережной старицы р. Оки, высота 1 м над болотом. Поверхность задернована, нарушена грунтовой доро-

гой, площадь 70×25 м. Зачистка края дороги дала такую стратиграфию: 1) дерн – 0,05 м, 2) желтый слоистый песок – 0,03 м, 3) темно-серый песок – 0,09 м, 4) светло-серый, пятнистый песок – 0,07 м, 5) светло-желтый песок с ортштейнами – материк. В слое 4 найдены отщепы, пластины, резец на пластине эпохи мезолита.

Жилин, 1991, № 15959;
ГСПИКНО, 2001, с. 382;
ДГСПИКНО, 2002, с. 65.

СТАРОЕ ЩЕРБИНИНО. ПОСЕЛЕНИЕ 4, мезолит.

Находится в 0,6 км к ССЗ от северного конца деревни, в 1,3 км к ЮВ от д. Щелково. Располагается на пологом скате мыса западного края останца первой надпойменной террасы восточного берега левобережной старицы Оки и левого берега русла ручья, высота 2 м над болотом. Поверхность задернована, редкие дубы, нарушена грунтовой дорогой, местами выбита скотом, площадь 80×25 м. Зачистка края выбитого участка дала такую стратиграфию: 1) надувной песок – 0,05 м, 2) погребенный дерн – 0,08 м, 3) серый песок – 0,10 м, 4) светло-серый пятнистый песок – 0,15 м, 5) светлый песок с ортштейнами – материк. В слое 4 и подъемном материале встречены скребки, пластины и отщепы эпохи мезолита.

Жилин, 1991, № 15959;
ГСПИКНО, 2001, с. 382;
ДГСПИКНО, 2002, с. 65.

СТАРОЕ ЩЕРБИНИНО. ПОСЕЛЕНИЕ 7, мезолит.

Находится в 2,2 км к ССВ от северного конца деревни, в 2 км к СВВ от д. Щелково. Располагается на мысу первой надпойменной террасы южного берега старичного оз. Кусторка и левого берега сухого русла ручья, высота 4 м. Поверхность задернована, нарушена грунтовой дорогой и лесопосадочными бороздами, площадь 70×40 м.

Зачистка края дороги дала такую стратиграфию: 1) дерн – 0,07 м, 2) серый песок – 0,08 м, 3) темно-серый пятнистый песок – 0,07 м, 4) светло-серый пятнистый песок – 0,07 м, 5) желтый песок с ортштейнами – материк. В слое 3 и 4 встречены пластины и отщепы кремня эпохи мезолита.

Жилин, 1991, № 15959;
ГСПИКНО, 2001, с. 382;
ДГСПИКНО, 2002, с. 65.

СТАРОЕ ЩЕРБИНИНО. МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ 1, мезолит, р. ж. в.

В 250 м к северо-востоку от деревни Старая Щербиновка на осыпях первой надпойменной террасы В.Ф. Черниковым был собран подъемный материал из одного фрагмента лепной керамики, обломка наконечника стрелы, одной ножевидной пластинки с ретушью, одного скребка, двух нуклеусов и четырнадцати отщепов кремня.

Черников, 1960, № 2219, с. 13.

СТАРОЕ ЩЕРБИНИНО. СТОЯНКА 15, мезолит, неолит, эпоха бронзы.

Располагается на ЮЗ берегу оз. Кусторка, в 1,8 км к ССВ от д. Старое Щербинино. В 2000, 2001 гг. А.В. Гонозовым, вскрыто около 30 кв. м. Встречены обломки посуды эпохи бронзы и верхневолжской культуры, изделия из камня. Стратиграфически и планиграфически материалы не разделяются. Фрагменты керамики эпохи бронзы мелкие и сильно окатаны. Керамика верхневолжской культуры не орнаментирована, в тесте примесь шамота и органики, внешняя поверхность подлощена. Большая часть каменного инвентаря типологически сопоставима с верхневолжскими материалами. Интересна находка кремневой микропластинки с притупленным ретушью краем. Верхневолжская стоянка может быть датирована нач. V тыс. до н. э. Связана с непродолжительным по времени посещением.

Гонозов, 2002.

ШУЛЬГИНО. ПОСЕЛЕНИЕ 1, мезолит.

Находится в 4,2 км к ССВ от деревни, в 1,3 км к ЮЗ от д. Окулово, в 100 м к востоку от пасеки. Располагается на краю первой надпойменной террасы левого берега Оки, на дюне, высота 6 м над поймой. Поверхность задернована, поросла сосняком, нарушена глубоко врезанной грунтовой дорогой. Площадь 50×40 м.

Зачистка края дорожного обрыва дала такую стратиграфию: 1) дерн – 0,02 м, 2) темно-серый песок – 0,08 м, 3) светло-серый песок – 0,02 м, 4) темно-желтый песок – 0,18 м, 5) светло-желтый песок – материк. В слое 4 и подъемном материале встречены отщепы и пластины эпохи мезолита.

Жилин, 1991, № 15959;
ГСПИКНО, 2001, с. 383;
ГСПИКНО, 2002, с. 67.

ШУЛЬГИНО. ПОСЕЛЕНИЕ 4, мезолит.

Находится в 2,7 км к ССВ от деревни, в 2,7 км к ЮЮЗ от д. Окулово. Располагается на низком мысу первой надпойменной террасы левого берега Оки, между двух заболоченных стариц, высота 4 м над болотом. Поверхность задернована, частично поросла сосняком, нарушена грунтовой дорогой, площадь 55×35 м.

Зачистка края дороги дала такую стратиграфию: 1) дерн – 0,05 м, 2) темно-серый песок – 0,07 м, 3) светло-серый песок – 0,05 м, 4) темно-желтый песок – 0,04 м, 5) светлый песок с ортзандами – материк. В слоях 3, 4 и подъемном материале найдены отщепы кремня, пластины, резец, острие. Памятник относится к мезолиту.

Жилин, 1991, № 15959;
ГСПИКНО, 2001, с. 383;
ДГСПИКНО, 2002, с. 67.

ШАТКОВСКИЙ РАЙОН

ШАТКИ. ПОСЕЛЕНИЕ 1 (ШАТКИ III), мезолит, р. ж. в.

Около 0,8 км к ССВ от стадиона пос., 0,15 км к ВЮВ от б. Шатковского лесничества, первая надпойменная терраса правого берега р. Теши, прав. притока р. Оки, к С от пойменного озера. Обследовалось В.Ф. Черниковым в 1962 г., Л.В. Кольцовым в 1978 г. Размеры около 30×15 м, высота 10 м над поймой. Нарушено ветровой и водной эрозией, поросло соснами. Культурный слой состоит из двух прослоек: верхней – серого песка, толщиной 0,17 м и нижней – серо-желтого песка, толщиной 0,22 м. Найдены кремневые орудия, отщепы и пластины позднемезолитического облика, датированные V тыс. до н. э., обломки лепной гладкостенной посуды, городецкой культуры.

АКР, 2004, № 700 (42), с. 319;
ГСПИКНО, 2001, с. 325;
ДГСПИКНО, 2002;
Черников, 1962, № 2520, л. 5, 6;
Кольцов, 1978, № 8301, л. 131.

ШАТКИ. ПОСЕЛЕНИЕ 2, мезолит (?), р. ж. в.

Около 0,9 км к ССВ от стадиона пос., мыс первой надпойменной террасы прав. берега р. Теши, правого притока р. Оки, образованный ее поворотом с СЗ на С, около 0,2 км к ЗСЗ от поселения 1. Обследовалось В.Ф. Черниковым в 1962 г., как селище Шатки. Размеры около 50×40 м. Нарушено грунтовой дорогой. Культурный слой темно-серого цвета, толщиной 0,05–0,10 м. Найдены обломки лепной гладкостенной посуды, городецкой культуры; кремневые отщепы, ножевидные пластины. Возможно, было связано с поселением 1.

АКР, 2004, № 701 (41), с. 319;
Черников, 1962, № 2520, л. 6, 7.

КРАСНЫЙ БОР. СТОЯНКА 5 (11), мезолит.

Около 1,2 км к СВ от с. (бывш. с. Собакино), мыс правого берега р. Теши, правого притока р. Оки, образованный оврагом, около 0,5 км к СВ от моста, уроч. Маркоськина гора. Обследовалась С.И. Алексеевым в 1990 г. Размеры не определены, высота 18–20 м над поймой. Нарушена грунтовой дорогой. Культурный слой – серый гумусированный суглинок, мощностью около 0,5 м. Найдены кремневые ножевидные пластины, скобель, резец-скобель, тесло, отщепы, в т.ч. с ретушью.

АКР, 2004, № 728 (4), с. 328;
Алексеев, 1991, с. 91, 92;
Алексеев и др., 1991, с. 87–91;
Алексеев, 1990, № 15562, л. 17.

СОСНОВЫЙ БОР. СТОЯНКА 1, мезолит (?).

2,6 км к СЗ от северной окраины д., 1,4 км к ЗСЗ от б. п/л, мыс первой надпойменной террасы левого берега р. Теши правого притока р. Оки, образованном небольшой ложбиной, прорезающей край террасы. Обследовалась С.В. Очеретиной в 1998 г. Протянулась с З на В, размеры 70×50 м, высота 3 м над поймой. Нарушена грунтовой дорогой, противопожарными бороздами, поросла хвойным лесом; центральная часть разрушена карьером. Культурный слой – серая супесь, толщиной 0,15 м. Найдены кремневые отщепы, предположительно мезолитического времени.

АКР, 2004, № 754 (54), с. 332;
ГСПИКНО, 2001, с. 72;
ДГСПИКНО, 2002;
Очеретин, Очеретина, 1999, с. 99;
Очеретина, 1998, № 21473, л. 4.

СОСНОВЫЙ БОР. СТОЯНКА 2, мезолит (?).

2,7 км к СЗ от сев. окраины д., 1,5 км к СЗЗ от б. п/л, первая надпойменная терраса левого берега р. Теши, правого притока р. Оки, 70 м к З от стоянки 1, в северной части мыса при впадении р. Нимцы в р. Тешу. Обследовалась С.В. Очеретиной в 1998 г. Протянулась с З на В, размеры 40×20 м, высота 2 м над поймой. Нарушена грунтовыми дорогами. Мощность культурного слоя не определена. Найдены кремневые отщепы, предположительно, мезолитического времени.

АКР, 2004, № 755 (55), с. 332;
ГСПИКНО, 2001, с. 72, 73;
ДГСПИКНО, 2002;
Очеретин, Очеретина, 1999, с. 99;
Очеретина, 1998, № 21473, л. 4.

СОСНОВЫЙ БОР. СТОЯНКА 3, мезолит (?).

2,7 км к СЗ от сев. окраины д., 1,5 км к ЗСЗ от б. п/л, первая надпойменная терраса левого берега р. Теши, правого притока р. Оки, 30 м к ЮЗ от стоянки 2 (№ 755). Обследовалась С.В. Очеретиной в 1998 г. Размеры 20×20 м, высота 4 м над поймой. Нарушена грунтовой дорогой. Мощность культурного слоя не определена. Найдены кремневые отщепы, предположительно мезолитического времени.

АКР, 2004, № 756 (56), с. 332, 333;
Очеретин, Очеретина, 1999, с. 99;
Очеретина, 1998, № 21473, л. 4, 5.

СОСНОВЫЙ БОР. СТОЯНКА 4, мезолит (?).

Около 2,8 км к СЗ от сев. окраины д., 1,6 км к ЗСЗ от бывш. п/л, западная часть дюнного всхолмления первой надпойменной террасы правого берега р. Нацмы, левого притока р. Теши (правый приток р. Оки) и к З от его подошвы, 100 м к ЮЮЗ от стоянки 3 (№ 756). Обследовалась С.В. Очеретиной в 1998 г. Размеры 45×45 м, высота 2–3 м над поймой. Нарушена грунтовой дорогой, поросла лесом. Мощность культурного слоя не определена. Найдены кремневые отщепы и фрагмент ножевидной пластины, предположительно мезолитического времени.

АКР, 2004, № 757 (57), с. 333;
Очеретин, Очеретина, 1999, с. 99;
Очеретина, 1998, № 21473, л. 5.

ОРЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

На территории области находится исток р. Оки. Из 23 районов к Окскому бассейну относятся 15, среди

них: Болховский, Верховский Глазуновский, Залегощенский, Знаменский, Кромский, Мценский, Новодеревеньковский, Новосильский, Орловский, Свердловский, Сосновский, Троснянский, Урицкий и Хотынецкий. Мезолитические памятники выявлены всего в одном из них – Мценском.

МЦЕНСКИЙ РАЙОН

СПАС 1–4, МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ, мезолит.

Расположены на правом берегу р. Оки, на огородах д. Спас. Открыты А.Н. Сорокиным в 1970 г. Дополнительно обследованы им же в 1980 г.

БУРАВЛЕНКА (БУРАВЛЕНКИ), СТОЯНКА, мезолит.

Располагается на СВ окраине одноименной деревни, на мысу первой надпойменной террасы правого берега р. Оки при устье р. Лисицы, на высоте 2–6 м над уровнем воды в реке. Открыта в 1980 г. А.С. Смирновым, тогда же осмотрена А.Н. Сорокиным. Поверхность распахивается. Собранный материал относится к иеневской культуре.

Сорокин, 1981в;

Фролов, 1985а.

ПЕНЗЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Из 27 районов области лишь девять Башмаковский, Беднодемьянский, Вадинский, Земетчинский, Каменский (частично), Мокшанский, Наровчатский, Нижнеломовский и Пачелмский (частично) относятся к бассейну Оки. Единственная мезолитическая стоянка, известная на настоящее время, – это СЯДЕМКА 1. Помимо нее в 1990-е годы на территории области были открыты и исследованы Пензенские стоянки, но они не относятся к Окскому бассейну (Ставицкий, 1999).

ЗЕМЕТЧИНСКИЙ РАЙОН

СЯДЕМКА. СТОЯНКА 1.

В 1,2 км к ЮЗ от с., в 0,3 км к СВ от русла р. Выши, на ее правом берегу, на склоне первой террасы высотой 1–4 м. Размер 60×15 м. Поверхность развеивается, культурный слой не обнаружен. Открыта в 1992 г. В.В. Ставицким. Собрано около 100 кремневых изделий, среди которых много микропластин.

Ставицкий, 1992, № 17241.

РЕСПУБЛИКА МОРДОВИЯ

Из 22 районов республики к бассейну р. Оки относятся 11, в их числе: Атюрьевский, Ельниковский, Зубово-Полянский, Инсарский, Кадошкинский, Ковылкинский, Краснослободский, Старошайговский, Темниковский, Теньгушевский и Торбеевский, расположенные в западной части Мордовии.

В 1970–1980 гг. наиболее активно изучались Верхнее и Среднее Примокшанье, причем исследованию подвергались по преимуществу стоянки эпохи неолита и энеолита (Халиков, 1969; Третьяков, 1990). Мезолитические материалы встречались эпизодически при раскопках этих, более поздних памятников (Халиков, 1969; Шитов, 1976; Третьяков, 1987, 1990; Выборнов, Третьяков, 1988). Они выделены типологически в следующих пунктах: ИМЕРКА 2 и 4, БАЕВО, ТАРВАСМОЛОТ, СТАРОКОЧЕЕВСКАЯ 1 и 2, ВИНДРЕЙСКАЯ, ШАВЕРКИ 5 и БЕРЕЗОВСКАЯ 1.

В 1990-е гг. на территории Мордовии были исследованы стоянки ЗАРЕКА и КЛЮКВЕННОЕ (Ставицкий, 1999). Лишь первая из них не имеет «примазки» поздних материалов, но и в ней было собрано лишь 318 кремневых предметов (Ставицкий, 1999, с. 24). Кроме того, мезолитические изделия найдены при раскопках ТЕНЬГУШСКОГО МОГИЛЬНИКА (Аксенов, 1982).

РЯЗАНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Мезолитические памятники известны в 17 из 25 районов области: Ермишинском, Кадомском, Касимовском, Клепиковском, Михайловском, Пителинском, Пронском, Путятинском, Ряжском, Рязанском, Сапожковском, Сараевском, Сасовском, Спасском, Старожиловском, Шацком и Шиловском.

ЕРМИШИНСКИЙ РАЙОН

ЛЕБЯЖИЙ БОР. СТОЯНКА 4, мезолит, неолит (?).

1,5 км к ЮЗ от д., пойма правого берега р. Оки, правый берег р. Савватемки (правый приток р. Оки). Площадь распространения находок около 450×225 м, высота над уровнем воды в Савватемке 1,5 м. Открыта А.Н. Сорокиным в 1989 г. Среди находок кремневые орудия, в т.ч. двойной нуклевидный резец, аморфный скребок на отщепе, резцовые сколы и др., имеющие мезолитический или ранненеолитический облик.

Сорокин, 1989, № 13786, л. 40;

АКР, 1994, № 756 (14), с. 16.

КАДОМСКИЙ РАЙОН

БЕЛОЕ ОЗЕРО. СТОЯНКА, мезолит.

Располагается в окрестностях с. Теньгушево. Обследована В. Гришаковым (Саранск).

Гришаков, 1996.

ЗАУЛКИ. СТОЯНКА, мезолит, эпоха бронзы.

3 км к СЗ от с., дюнообразное всхолмление Петрушкин бугор в пойме левого берега р. Мокши, 0,15 км от края коренного берега. Размеры всхолмления 62×30 м, высота над поймой до 2,5 м. Культурный слой до 0,25 м. Керамика лепная без орнамента, предположительно бронзового века, кремневые скребки, пластины, отщепы. Аналогичные находки зафиксированы на безымянном всхолмлении, располагающемся в 40 м к СВ от Петрушина бугра.

АКР, 1994, № 807 (1), с. 29;
Зеленеев, Шитов, 1978;
Шитов, 1977, № 6917, л. 29, 30.

КОТЕЛИНО. СТОЯНКА 2, мезолит, неолит.

0,5 км к ССВ от восточной окраины с., первая надпойменная терраса левого берега р. Урзевы (Юрзы), левый притока р. Мокши (правый приток р. Оки), 0,6 км к СЗ от железобетонного моста. Размеры не определены, высота над поймой до 3 м. Территория памятника частично распахивается, нарушена выемкой песка. Открыта в 1993 г. А.Н. Сорокиным. Найдены кремневые скребки, отщепы и пластины, предположительно отнесенные к концу мезолита или началу неолита.

АКР, 1996, № 1902, с. 150;
Сорокин, 1993, № 18492, л. 39.

ПУРГАСОВО. СТОЯНКА 3, мезолит.

0,7–0,8 км к Ю от юго-западной окраины д., всхолмление в пойме правого берега р. Мокши, 0,8–0,9 км к С от устья р. Ермишь. Всхолмление протянулось с З на В между руслами р. Мокши и р. Ермишь, размеры его около 120×60 м, высота над поймой до 1,5 м. Открыта Б.А. Фоломеевым в 1983 г. и дополнительно исследована на площади 60 кв. м А.Н. Сорокиным в 1985 г.

Находки приурочены к слою белесовато-серого песка на глубине 0,67–0,85 м от современной поверхности. Более 3000 кремней мезолитического облика, среди которых резцы, скребки, наконечники стрел иволистной формы и с намеченным черешком, миниатюрные тесловидные, нуклевидные и др. орудия, пластины и отщепы. Коллекция в ИА РАН.

АКР, 1994, № 809 (9), с. 30;
Сорокин, 1992, с. 6;
Фоломеев, 1983, № 9663, л. 14;
Сорокин, 1985, № 11155, л. 12–34.

ПУРГАСОВО. СТОЯНКА 4, мезолит.

0,7–0,8 км к Ю от юго-западной окраины д., невысокая (до 0,5 м) пойменная грива правого берега р. Мокши, 0,15 км к ЮЮВ от стоянки 3. Открыта А.Н. Сорокиным в 1985 г. Найдены кремневые изделия мезолитического облика.

АКР, 1994, № 810 (10), с. 30;
Сорокин, 1992, с. 6;
Сорокин, 1985, № 11155, л. 35.

ПУРГАСОВО. СТОЯНКА 5, мезолит.

Около 0,5 км к ЮЗ от д., пойменная грива, протянувшаяся вдоль правобережной старицы р. Мокши, 0,5 км к ССЗ от стоянки 3. Открыта А.Н. Сорокиным в 1985 г. Найдены кремневые изделия мезолитического облика.

АКР, 1994, № 811 (11), с. 30;
Сорокин, 1992, с. 6;
Сорокин, 1985, № 11155, л. 35.

ПУРГАСОВО. СТОЯНКА 6, мезолит.

Близ д., 0,55 км к СЗЗ от стоянки 5, на распаханных участках пойменных грив правового берега р. Мокши. Открыта А.Н. Сорокиным в 1985 г. Найдены кремневые изделия мезолитического облика.

АКР, 1994, № 812 (12), с. 30;
Сорокин, 1992, с. 6;
Сорокин, 1985, № 11155, л. 35.

ПУРГАСОВО. СТОЯНКА 7, мезолит.

Открыта А.Н. Сорокиным в 1985 г. Найдены кремневые изделия мезолитического облика.

Сорокин, 1992;
Сорокин, 1985, № 11155.

ПУРГАСОВО 8, 9, мезолит.

Располагаются в пойме на правобережье р. Мокши и левом берегу р. Ермишь недалеко от западной оконечности д. Пургасово, на низких дюнах по обеим сторонам проселочной дороги из с. Енкаево в д. Пургасово. Открыты в 1989 г. А.Н. Сорокиным, собраны пластины и отщепы.

Сорокин, 1989, № 13786.

КАСИМОВСКИЙ РАЙОН

ДОЛГОВСКИЙ. СТОЯНКА, мезолит, неолит.

2,7 км к ЗСЗ от пос., склон первой надпойменной террасы лев. берега р. Оки, 0,25 км к С от пойменного оз. Широкое, 0,4 км к ССЗ от моста через протоку, соединяющую оз. Широкое и Долгое. Размеры около 50×50 м, высота над уровнем воды в оз. Долгое 6–8 м. Открыта в 1992 г. Б.А. Фоломеевым. В слое песка разной цветности до глубины 1,18 м были найдены единичные фрагменты лепных сосудов с органическими примесями в глиняном тесте, без орнамента, отнесенные к позднему неолиту, кремневые изделия, в т.ч. мезолитического облика.

АКР, 1996, № 1903, с. 150;
Фоломеев, 1992, № 17798, л. 55, 56.

ИБЕРДУС. СТОЯНКА 2, мезолит, неолит.

2 км к ЮЮЗ от окраины с., левобережье р. Оки, около 5 км от русла, урочище Гаево болото, юго-восточная часть мелиоративного объекта, к З от мостового перехода через мелиоративный канал. Занимает слабо выраженную пойменную гриву, размеры около 100×50 м,

высота над поймой 1 м. Территория памятника нарушена мелиоративным каналом. Открыта в 1986 г. А.Н. Сорокиным. В слое серо-коричневой ожелезненной супеси на глубине до 0,3 м от поверхности найдены кремневые пластины и отщепы позднемезолитического или ранненеолитического возраста.

АКР, 1996, № 1908, с. 151;
Сорокин, 1986, № 14552, л. 5.

ИБЕРДУС. СТОЯНКА 3, мезолит, неолит.

Около 2 км к ЮЮЗ от западной окраины с., левобережье р. Оки, около 5 км от русла, урочище Гаево болото, юго-восточная часть мелиоративного объекта, в месте поворота магистрального канала, 60 м к СВ от стоянки 2. Территория памятника нарушена в ходе мелиоративных работ. Открыта в 1986 г. А.Н. Сорокиным. В слое серо-коричневой ожелезненной супеси на глубине до 0,4 м от поверхности найдены кремневые скребки, отщепы и пластины, отнесенные к позднему мезолиту или раннему неолиту.

АКР, 1996, № 1909, с. 151;
Сорокин, 1986, № 14552, л. 6.

ПОПОВКА. СТОЯНКА, мезолит, неолит.

1,2 км к Ю от южная окраины д., пойменная грива левого берега р. Оки, восточный берег старичного оз. Кривое. Размеры около 300×40 м, высота над озером до 5 м. Открыта в 1987 г. А.Н. Сорокиным. В слабо гумусированном песке на глубине 0,3–0,4 м от поверхности найдены кремневые изделия, отнесенные к финалу мезолита или началу неолита.

АКР, 1996, № 1918, с. 153;
Сорокин, Кузнецова, 1988, № 12710, л. 19, 20.

КЛЕПИКОВСКИЙ РАЙОН

БЕЛЯКОВО 3, 4, СТОЯНКИ, мезолит.

Открыты в 1975 г. А.С. Фроловым.
Фролов, 1975, № 5748.

БАРСКОЕ. ПОСЕЛЕНИЕ ШАГАРА 4, мезолит, неолит, эпоха бронзы, 14–17 вв.

Около 0,6 км к СЗ от северной окраины д., юго-восточный берег оз. Шагара, к ЮЗ от поселения 3. Протяженность вдоль берега не менее 100 м, высота над озером 2–3 м. Открыта в 1975 г. А.В. Трусовым. Исследована Е.Д. Каверзневой и А.Н. Сорокиным в 1987 г. и А.Н. Сорокиным в 1994 гг. на площади около 400 кв. м. Культурный слой до 0,6 см толщиной. Собрано более 8000 кремневых изделий и около 350 фрагментов керамики. Мезолитический комплекс представлен кремневыми нуклеусами, резцами, скребками, скобелями, вкладышами, наконечниками стрел и другими орудиями, изготовленными на пластинах и отщепах, имеет сходство с материалами бутовской и пургасовской культур. К неолиту относятся обломки лепных тонкостенных сосудов, украшенных наколами, оттисками мелкозубчатого штампа и отпечатками «отступающей лопаточки». К развитому неолиту отнесены фрагменты лепных сосудов ямочно-гребенчатым орнаментом раннего этапа рязанской культуры, кремневые наконечники стрел с двухсторонней обработкой и другие орудия. В небольшом количестве встречены обломки лепных сосудов эпохи бронзы с сетчатыми отпечатками на внешней поверхности и гончарных позднесредневековых. Исследованы два слабо углубленных в землю жилища мезолитического времени и наземной позднесредневековой постройки. Коллекция в ИА РАН и РИАМ.

АКР, 1993, № 288 (13), с. 108, 109;
Кравцов, Сорокин, 1991;
Трусов, 1975, № 6025; 1976, № 6504;
Каверзнева, Сорокин, 1987, № 13902;
Сорокин, 1994, № 18970.

БОЛОНЬ. СТОЯНКА МИТЬКИНО ОЗЕРО 1, мезолит.

1,2 к ЮЮЗ от пос., восточный берег оз. Митькино. Размеры не определены, высота над озером 3–4 м. Открыто А.Н. Сорокиным в 1976 г. В слое светло-желтого песка, залегающего непосредственно под дерном, найдены призматические нуклеусы, концевой скребок на отщепе, пластины и отщепы мезолитического облика.

АКР, 1993, № 303 (82), с. 112;
Сорокин, 1986, № 6166.

БОЛОНЬ. МИТЬКИНО ОЗЕРО 3, мезолит.

1 км к ЮЗ от пос., в 50 м к З от берега оз. Митькино, 150 к СВ от стоянки 1. Размеры не определены, высота над озером 3 м. Среди подъемного материала кремневые скребки, резцы, нуклеус, пластины и отщепы.

Сорокин, 1986, № 6166.

БОРИСОВО. СТОЯНКА 1, мезолит, неолит.

Южная часть д., дюнообразное всхолмление первой надпойменной террасы левого берега р. Пры. Размеры не определены, высота над рекой 4 м. Частично распахивается под огороды. Открыто А.Н. Сорокиным в 1982 г. и раскопано на площади 161 кв. м. Находки встречены в дерне, поддерновом светло-сером и залегающем ниже коричневатом песке. Материал представлен главным образом каменными изделиями, среди них кремневые концевые, подокруглые и боковые скребки, микролиты с затупленным ретушью краем, вкладыши из фрагментированных пластин, наконечники стрел постсвидерского и пургасовского типов и т.п. В небольшом числе встречена керамика лепная ранненеолитическая с накольчато-гребенчатой орнаментацией, лепная развитого неолита с ямочно-гребенчатым орнаментом. Исследованы остатки двух жилищ мезолитического времени и несколько хозяйственных ям. Коллекция в ИА РАН.

АКР, 1993, № 305 (84), с. 113;
Сорокин, 1990;
Сорокин, 1982, № 9480.

БОРИСОВО. СТОЯНКА 2, мезолит (?), неолит.

1 км к ЮЮВ от д., 0,5 км к ЮЗ от д. Сергеево (Печурино), небольшой останец в торфянике Ширьево болото. Размеры не определены, высота над окружающей местностью до 0,5 м. Керамика лепная с ямочно-гребенчатой орнаментацией, кремневые резчик, пластины с ретушью и без нее, обломок шлифовальной плиты, отщепы.

АКР, 1993, № 306 (85);
Сорокин, 1982, № 9480.

ВЗВОЗ. СТОЯНКА 1, мезолит, неолит.

1,2 км к СВ от д., первая надпойменная терраса левого берега р. Пры, лев. берег ее протоки. Размеры не определены, высота над протокой до 4 м. Культурный слой 0,15 м. Керамика лепная волосовской культуры с органическими примесями в тесте, фрагментированный черешковый наконечник стрелы, пластины и отщепы.

АКР, 1993, № 310 (99);
Сорокин, 1983, № 9480.

ВЗВОЗ. СТОЯНКА 2 (ШИЛЬЦЕВА ЗАВОДЬ 1), мезолит, неолит.

2 км к ЮВ от д., мыс надпойменной террасы левого берега р. Пры, образованный впадением в ее пойму пересыхающего ручья, 0,25 км от русла р. Пры, образующей здесь озеровидное расширение (Шильцева Заводь). Размеры не определены, высота над поймой до 7,5 м. Открыта А.Н. Сорокиным в 1976 г. В поддерновом оподзоленном и лежащем ниже желтом песке мощностью до 0,7 м – кремневые изделия мезолитического или ранненеолитического возраста. Исследованы остатки кострища и зольного пятна.

АКР, 1993, № 311 (95), с. 113, 114;
Сорокин, 1976, № 6166.

ВЗВОЗ. СТОЯНКА 3 (ШИЛЬЦЕВА ЗАВОДЬ 2), мезолит, неолит.

2 км к ЮВ от д., первая надпойменная терраса левого берега р. Пры, 0,6 км к СВ от стоянки 2. Размеры не определены, высота над поймой 2 м. Открыта А.Н. Сорокиным в 1982 г. В поддерновом слое желтого песка – кремневые орудия, отщепы и пластины мезолитического или ранненеолитического времени.

АКР, 1993, № 312 (96), с. 114;
Сорокин, 1982, № 8991.

ВЗВОЗ. СТОЯНКА 4 (ШИЛЬЦЕВА ЗАВОДЬ 3), неолит.

2 км к ВЮВ от д., мыс второй надпойменной террасы левого берега р. Пры, 1,1 км к СВ от стоянки 3. Размеры не определены, высота над поймой 7–8 м. В поддерновом слое и нижележащем коричневатом песке общей мощностью до 0,5 м – кремневые орудия и отщепы мезолитического или ранненеолитического облика, керамика лепная волосовской культуры с растительными примесями в глиняном тесте и орнаментом из оттисков крупнозубчатого и рамчатого штампов.

АКР, 1993, № 313 (98);
Сорокин, 1982, № 8991.

ВЗВОЗ. СТОЯНКА 6 (ШИЛЬЦЕВА ЗАВОДЬ 5), мезолит, неолит.

2,2 км к В от д., мыс левого берега р. Пры при впадении безымянного ручья, у старого русла реки, 1,1 км к СВ от стоянки 5. Нарушена дорогой. Размеры не определены, высота над рекой 5–6 м. Открыта А.Н. Сорокиным в 1982 г., раскапывалась им же в 1982, 1984 и 1989 гг., вскрыто 63 кв. м.

Инвентарь представлен преимущественно каменными изделиями, среди них кремневые наконечники стрел асимметричные и симметричные черешковые, резцы, скребки, острия, нуклеусы, в т.ч. карандашевидные, пластины с ретушью, отщепы. В небольшом количестве присутствует керамика лепная ранненеолитическая с гребенчато-накольчатой орнаментацией.

АКР, 1993, № 315 (97а), с. 114;
Кравцов, Сорокин, 1991;
Сорокин, 1982, № 8991; 1987, № 14058; 1989, № 13786.

ДУНИНО. СТОЯНКА, мезолит.

0,4 км к В от д., мыс первой надпойменной террасы правого берега р. Пры. Размеры не установлены, высота над поймой 3,0–3,5 м. Открыта А.С. Фроловым в 1975 г. и дополнительно обследована им же в 1976 г. На поверхности и в поддерновом песке – кремневые призматические нуклеусы, резцы, скребки, скобели, микропластины, отщепы мезолитического облика.

АКР, 1993, № 324 (46), с. 117;
Фролов и др., 1977, с. 142–151;
Фролов, 1975, № 5748; 1976, № 6503.

ЗАВОДСКАЯ СЛОБОДА 1, мезолит (?).

Располагается на восточной оконечности одноименной деревни, на левом берегу р. Пры. Открыта в 1983 г. А.Н. Сорокиным. Собрано 15 кремней, в том числе 10 отщепов, из которых 5 с коркой, один резцовый отщеп и три предмета со вторичной обработкой: концевой скребок со спускающейся ретушью по левому краю, микроскребок по краю отщепа, скребок на отщепе с заломом. Памятник предположительно может быть датирован эпохой мезолита – раннего неолита.

Сорокин, 1983, № 9480, л. 18.

ЗАДНЕ-ПИЛЕВО. СТОЯНКА 1, мезолит.

4 км к ЮЗ от с., 4 км к ВЮВ от пос. Болонь, дюнообразное всхолмление в пойме правого берега р. Пры, северный берег ныне заторфованной ее протоки, западная часть болота Медвежье. Размеры не установлены, высота над поймой до 4 м. Открыта и раскопана А.Н. Сорокиным в 1982 г. на площади 130 кв. м. Культурный слой не выражен, находки встречены в слабогумусированном сером и темно-желтом песке до глубины 0,4–0,5 м от современной поверхности. Собрано около 1500 крем-

невых изделий, среди которых более 500 орудий, в т. ч. резцы, скребки, сверла, скобели, иволистные и черешковые наконечники стрел, рубящие орудия, косые острия, микролиты, вкладыши и т.п. Материал отнесен к раннему этапу бутовской мезолитической культуры. Коллекция в ИА РАН.

АКР, 1993, № 327 (94), с. 118;
Сорокин, 1990;
Сорокин, 1982, № 8991.

ЗАДНЕ-ПИЛЕВО. СТОЯНКА 2, мезолит.

3 км к ЮЮЗ от с., 5,5 км к СВВ от пос. Болонь, останец первой надпойменной террасы правого берега р. Пры, западная часть болота Медвежье, 1 км к СВ от стоянки 1. Размеры не определены, высота над заторфованной поймой до 2 м. Открыта в 1982 г. А.Н. Сорокиным, в 1984 г. им же раскопано 256 кв. м. Культурный слой по цвету не выражен, находки встречены в песчанистом почвенном слое до глубины 0,30–0,35 м от поверхности. Среди находок – кремневые иволистные наконечники стрел постсвидерского типа, микропластины со скошенным ретушью концом, резцы на углу сломанной пластинки, тесла, вкладыши, отщепы и пластины. Стоянка отнесена к позднему этапу бутовской мезолитической культуры. Коллекция в ИА РАН.

АКР, 1993, № 328 (92);
Сорокин, 1990;
Сорокин, 1982, № 8991; 1984, № 11001.

ЗАДНЕ-ПИЛЕВО. СТОЯНКА 3, мезолит, неолит.

2,8 км к ЮЮЗ от с., 5,7 км к ВСВ от пос. Болонь, останец первой надпойменной террасы правого берега р. Пры, западная часть болота Медвежье. Площадь около 300 кв. м, высота над заболоченной поймой 2 м. Открыта А.Н. Сорокиным в 1982 г. В почвенном слое до глубины 0,3–0,4 м встречены кремневые орудия, отщепы и пластины мезолитического или ранненеолитического облика.

АКР, 1993, № 329 (93), с. 118;
Сорокин, 1990;
Сорокин, 1982, № 8991.

ЗАДНЕ-ПИЛЕВО. СТОЯНКА 4, мезолит.

4,5 км к ЮЗ от с., дюнообразное всхолмление в пойме правого берега р. Пры, и берег ее заторфованной протоки, западная часть болота Медвежье. Занимает центральную часть всхолмления, размер около 150×75 м, высота над заторфованной поймой около 6 м. Открыта А.Н. Сорокиным в 1982 г. В оподзоленном дерновом песке до глубины 0,4 м от поверхности собраны кремневые скребки, резцы, вкладыши, отщепы и пластины. Отнесена к бутовской мезолитической культуре.

АКР, 1993, № 330 (86), с. 118;
Сорокин, 1990;
Сорокин, 1982, № 8991.

ЗАДНЕ-ПИЛЕВО. СТОЯНКА 5, мезолит.

4,3 км ЮЗ от с., 4,3 км к ЮЮВ от Болонь, у дороги между с. Задне-Пилево и пос. Болонь, дюнообразное всхолмление в пойме правого берега р. Пры, западная часть болота Медвежье, к З от стоянки 4. Занимает западную, наиболее возвышенную часть всхолмления, площадь около 500 кв. м, высота над заторфованной поймой до 9 м. Открыта А.Н. Сорокиным в 1982 г. В поддерновом слое – кремневые резец, отщепы и пластины мезолитического облика.

АКР, 1993, № 331 (87), с. 118;
Сорокин, 1990;
Сорокин, 1982, № 8991.

ЗАДНЕ-ПИЛЕВО. СТОЯНКА 6, мезолит.

4,3 км к ЮЗ от с., 4,5 км к ВЮВ от пос. Болонь, дюнообразное всхолмление в пойме правого берега р. Пры, западная часть болота Медвежье. Занимает западную часть всхолмления, площадь 1200 кв. м, высота над заторфованной поймой до 6 м. Открыта А.Н. Сорокиным в 1982 г. В поддерновом песке – кремневые орудия, отщепы и пластины мезолитического облика.

АКР, 1993, № 332 (88), с. 119;
Сорокин, 1990;
Сорокин, 1982, № 8991.

ЗАДНЕ-ПИЛЕВО. СТОЯНКА 7, мезолит.

4,2 км к ЮЗ от с., 4,3 км к ВЮВ от пос. Болонь, дюнообразное всхолмление правого берега р. Пры, западная часть болота Медвежье, к З от стоянки 1. Площадь не более 100 кв. м, высота над поймой 2 м. Открыта А.Н. Сорокиным в 1982 г. В оподзоленном поддерновом песке до глубины 0,4 м – кремневые резцы на сломе пластин, пластины и отщепы мезолитического облика.

АКР, 1993, № 333 (89), с. 119;
Сорокин, 1990;
Сорокин, 1982, № 8991.

ЗАДНЕ-ПИЛЕВО. СТОЯНКА 8, мезолит.

4 км к ЮЗ от с., дюнообразное всхолмление первой надпойменной террасы правого берега р. Пры, южный берег протоки, соединяющей болота Медвежье и Жулевский Бор, 0,25 км к З от дороги в пос. Болонь. Размеры не установлены, высота над поймой 5–6 м. Открыта А.Н. Сорокиным в 1982 г., раскопана в 1984 г. на площади 235 кв. м. Найдены кремневые концевые скребки, резцы на сломе пластины, трапеция, отщепы и пластины мезолитического облика.

АКР, 1993, № 334 (90), с. 119;
Сорокин, 1990;
Сорокин, 1982, № 8991; 1983, № 9480; 1984, № 11001.

ЗАДНЕ-ПИЛЕВО. СТОЯНКА 9, мезолит.

5 км к ЮЗ от с., 2,5 км к В от пос. Болонь, дюнообразное всхолмление первой надпойменной террасы правого берега р. Пры. Площадь около 200 кв. м, высота над поймой до 8 м. Открыта А.Н. Сорокиным в 1982 г. В слое поддернового песка до глубины 0,5 м – кремневые нуклеусы, скребки, резцы, вкладыши из пластин,

ножевидные пластины и отщепы. Отнесена к позднему этапу бутовской мезолитической культуры.

АКР, 1993, № 335 (91), с. 119;
Сорокин, 1990;
Сорокин, 1982, № 8991.

ЗАДНЕ-ПИЛЕВО. СТОЯНКА 10, мезолит.

Открыта А.Н. Сорокиным в 1983 г. и дополнительно обследована в 1984 г.

Сорокин, 1984, № 11001.

ЗАДНЕ-ПИЛЕВО. СТОЯНКА 11, мезолит.

К ЮЗ от с., посередине между стоянками Задне-Пилево 4 и 9 на южном берегу протока, соединяющего болота Медвежье и Жулевский Бор. Занимает дюну первой террасы высотой 5–6 м. Открыта А.Н. Сорокиным в 1983 г. Найдено 11 кремней, включая концевой скребок, резец на сломе заготовки, три пластины и шесть отщепов. Отнесена к позднему мезолиту.

Сорокин, 1983, № 9480.

ИСТОК. СТОЯНКА 1, мезолит.

0,25 км к З от западной окраины д., мыс второй надпойменной террасы левого берега р. Пры. Размеры не определены, высота над рекой 10–12 м. Открыт А.Н. Сорокиным в 1983 г., раскопан на площади свыше 300 кв. м в 1983, 1984 и 1987 гг. Выявлены два горизонта залегания культурных остатков. Верхний – в коричневатом песке до глубины около 0,6 м от поверхности, и нижний – в серовато-черном песке (погребенная почва) на глубине около 1–1,2 м. В верхнем горизонте собраны кремневые нуклеусы конической формы, резцы, ножи, скребки, сверла, скобели, наконечники стрел постсвидерского типа, вкладыши из обломков пластин, равнобедренная трапеция, фрагмент косолезвийного наконечника, многочисленные пластины и отщепы, отнесенные к позднему этапу бутовской мезолитической культуры. В этом же горизонте выявлено несколько углистых пятен. Коллекция нижнего слоя малочисленна, представлена кремневыми, асимметричными наконечниками стрел аренсбургского типа, резцами, скребками, скобелями, отщепами и пластинами. Коллекция в ИА РАН.

АКР, 1993, № 343 (103), с. 121;
Сорокин, 1988, 1990, 1993;
Кравцов, Сорокин, 1991;
Сорокин, 1983, № 9480; 1984, № 11001.

ИСТОК 2, МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ, мезолит (?).

0,1 км к СЗЗ от д., на дюне первой террасы левого берега р. Пры. Обнаружено А.Н. Сорокиным в 1983 г. На склоне в обнажении на глубине 2 м найдены ножевидная пластина и два отщепа.

Сорокин, 1983, № 9480.

ИСТОК 3, МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ, мезолит (?).

0,5 км к ЮЮЗ от д., на небольшом мысу первой надпойменной террасы левого берега р. Пры. Обнаружено А.Н. Сорокиным в 1983 г. В осыпи берега под слоем дерна на глубине 25–30 см собран подъемный материал: пластина и пять отщепов.

Сорокин, 1983, № 9480.

КУЗИНО. СТОЯНКА, мезолит, неолит.

0,5 км к З от д., левый берег р. Пры. Размеры около 250×20 м, высота над рекой около 2 м. Культурный слой толщиной 0,3–0,4 м, слабо выражен. Открыта в 1975 г. А.С. Фроловым. Мелкие фрагменты лепной ранненеолитической керамики с гребенчато-накольчатой орнаментацией, кремневые резцы, вкладыши, резцовый скол, отщепы и пластины мезолитического и ранненеолитического облика.

АКР, 1993, № 345 (66), с. 121;
Фролов, 1975, № 5748;
Сорокин, 1989, № 13786.

ЛЕБЕДИНОЕ. СТОЯНКА, мезолит.

Открыта и обследована в 1975 г. А.С. Фроловым.

Фролов и др., 1975;
Фролов, 1975, № 5748.

ЛОСЕВО. СТОЯНКА, мезолит (?), неолит.

У юго-восточной окраины д., 0,20–0,25 км к ЮЗ от шоссе Егорьевск – Спас-Клепики, правый берег р. Совки (левый приток р. Пры), урочище Лосевский Лес. Размеры не определены, высота над рекой 4–5 м. Нарушена карьером. Культурный слой до 0,35 м. Керамика лепная ранненеолитическая с гребенчато-накольчатой орнаментацией, кремневые скребки, резец, отщепы с ретушью, пластины и отщепы.

АКР, 1993, № 349 (68), с. 121;
Фролов, 1975, № 5748; 1976, № 6503.

МАКАРОВО. СТОЯНКА ОСТРОВКИ, мезолит.

0,2 км к Ю от д., полуостров южного берега оз. Ивановское. Занимает дюнообразное всхолмление площадью 1500 кв. м, возвышающееся над озером на 3–5 м. Открыта в 1975 г. А.С. Фроловым. Собраны кремневые резцы пластинах, скребки, микроскребки, вкладыши, призматические нуклеусы, отщепы и пластины.

АКР, 1993, № 350 (19), с. 122;
Фролов и др., 1977, с. 142–151;
Фролов, 1975, № 5748.

НЕНАШКИНО. СТОЯНКА 171-й км, мезолит, неолит.

1,2 км к ЮВ от д., у отметки 171-й км на шоссе Егорьевск – Спас-Клепики, в месте ответвления от шоссе грунтовой дороги на д., у подножья дюннообразного всхолмления южного берега оз. Белое (расположено к Ю от оз. Великое), 1 км к Ю от современной береговой линии. Размеры около 100×20 м, высота над окружающей низиной 1–3 м. Нарушена при дорожном строительстве и мелиоративной канавой. Памятник открыт А.В. Трусовым в 1975 г. Дополнительно обследован им же в 1976 и А.Н. Сорокиным в 1989 г.

Культурный слой имеет мощность до 0,2 м. Керамика лепная ранненеолитическая с накольчато-гребенчатой и ямочно-гребенчатой (рязанская культура) орнаментацией, а также толстостенная, волосовской культуры, кремневые орудия мезолитического и неолитического облика.

АКР, 1993, № 356 (35);
Трусов, 1975, № 6025; 1976, № 6504;
Сорокин, 1989, № 13786.

ПОДЛИПКИ. СТОЯНКА 1, мезолит.

Около северо-западной окраины д., первая надпойменная терраса правого берега р. Пры. Протянулась вдоль края террасы, размеры 100×30–40 м, высота над рекой 3,5 м. Распахивается. Открыта в 1975 г. А.С. Фроловым. Под пахотным горизонтом сохранился культурный слой толщиной 0,3–0,4 м. Найдены кремневые концевые скребки на пластинах, резцы, призматический нуклеус, пластины и отщепы. Стоянка отнесена к финальному мезолиту.

АКР, 1993, № 360 (54), с. 124;
Фролов и др., 1976;
Фролов, 1975, № 5748; 1976, № 6503.

ПОДСВЯТЬЕ. СТОЯНКА 1, мезолит, неолит.

0,8 км к Ю от д., северо-восточный берег оз. Шагара. Протяженность вдоль заболоченного берега – не менее 200 м, высота над озером – до 3 м. Открыта в 1976 г. А.В. Трусовым. Культурные остатки, среди которых кремневые пластины с подправкой ретушью, отщепы, скребловидное орудие и обломок наконечника стрелы из ножевидной пластины с односторонней ретушью, залегают в поддерновом оподзоленном и нижележащем красно-желтом песке до глубины 0,15–0,40 м от поверхности. Датирована финальным мезолитом или ранним неолитом.

АКР, 1993, № 362 (2), с. 125;
Трусов, 1976, № 6504.

ПОЛУШКИНО. СТОЯНКА 2, мезолит.

Около 1 км к З от д., на территории турбазы «Мещера» и к З от нее, высокая терраса правого берега р. Пры. Размеры не определены, высота над поймой 10–13 м. Открыта в 1976 г. Б.А. Фоломеевым, раскапывалась в 1989 г. А.Н. Сорокиным. В слое желтого песка до глубины 0,45–0,65 м найдены кремневые пластины и отщепы мезолитического облика.

АКР, 1993, № 369 (706), с. 126;
Фоломеев, 1976, № 6500;
Сорокин, 1989, № 13786.

ПОЛУШКИНО. СТОЯНКА 3, мезолит, неолит.

Северо-восточная окраина д., мысовидный выступ первой надпойменной террасы правого берега р. Пры и прилегающая часть края террасы. Размеры около 450×40–50 м, высота над поймой до 1 м, над рекой – до 2 м. Открыта в 1989 г. А.Н. Сорокиным. В коричневатом, слабо ожелезненном песке на глубине 0,2–0,9 м встречена лепная керамика рязанской и волосовской культур, кремневые скребла, резцы, вкладыши, отщепы с ретушью и отщепы.

АКР, 1993, № 370 (69);
Сорокин, 1989, № 13786.

ПОЛУШКИНО. СТОЯНКА 4, мезолит.

0,5 км к СВ от д., слабо выраженные пойменные гривы, протянувшиеся перпендикулярно правому берегу р. Пры. Размеры около 250×130 м, высота над поймой 1 м. Открыта в 1989 г. А.Н. Сорокиным, раскапывались в 1992 г. А.И. Королевым и А.А. Ластовским. Культурный слой до 0,3 перекрыт тонким слоем поддернового ожелезненного песка. Найдены кремневые пластины с ретушью, скребки, резцы, обломок скребловидного орудия, пластины и отщепы. Отнесена к финальному мезолиту.

АКР, 1993, № 371 (70а), с. 126, 127;
Сорокин, 1989, № 13786.

ПОЛУШКИНО. СТОЯНКА 5, мезолит.

Юго-восточная окраина д., мыс и прилегающая часть первой надпойменной террасы правого берега р. Пры. Размеры около 310×130 м, высота над поймой 1–2 м. Частично распахивается под огороды. Открыта в 1989 г. А.Н. Сорокиным. В слое коричневатого песка на глубине 0,1–0,4 м собраны кремневые орудия, отщепы и пластины, датированные финальным мезолитом.

АКР, 1993, № 372 (70в), с. 126;
Сорокин, 1989, № 13786.

РУСАНОВО. СТОЯНКА 1, мезолит.

Расположена в окрестностях д. Русаново и д. Фомино, на правом берегу р. Пры, в 100 м к С от известной стоянки Черная Гора. Открыта в 1969 г. А.Н. Сорокиным и А.С. Фроловым. Обследовалась А.С. Фроловым в 1975 и 1976 гг., в 1982 г. – А.Н. Сорокиным. Находки эпохи мезолита немногочисленны. Отнесены к бутовской культуре.

Фролов и др., 1976, с. 94;
Фоломеев и др., 1977;
Фролов, 1975, № 5748; 1976, № 6503;
Сорокин, 1982, № 8991.

РУСАНОВО. СТОЯНКА 2, мезолит.

Расположена в окрестностях д. Русаново и д. Фомино, на правом берегу р. Пры, в 150 м к С от известной стоянки Черная Гора. Открыта в 1975 г. А.С. Фроловым. Вторично обследована им же в 1976 г. Собраны каменные изделия мезолитического облика.

Фролов, 1975, № 5748; 1976, № 6503.

СПАС-КЛЕПИКИ (КЛЕПИКИ 4, ГОРОДСКОЙ ПАРК). СТОЯНКА 1, мезолит.

К ЮЗ от г., территория городского парка, 0,5 км выше моста на шоссе Владимир – Рязань, первая надпоймен-

ная терраса правого берега р. Пры, берег ее старицы, 50–60 м от русла последней. Протяженность вдоль берега около 50 м, высота над старицей 8–9 м. Открыта в 1969 г. С.П. Поскряковым, исследовалась в 1970 и 1976 гг. Б.А. Фоломеевым. На глубине 0,55–0,90 м от современной поверхности, в слое желтого песка с вкраплениями угля и ортштейнов встречены кремни мезолитического облика: концевые скребки на пластинах, ножевидные пластины, отщепы.

АКР, 1993, № 280 (72), с. 104;
Фоломеев, 1970, с. 61;
Фоломеев, 1970, № 4369; 1976, № 6500.

СОВКА. СТОЯНКА 3, мезолит.

Территория г., 0,25 км к СЗ от электростанции, мыс первой надпойменной террасы правого берега р. Совки (левый приток р. Пры). Размеры не определены, высота над поймой 3–5 м. Нарушена ямами. Обнаружена А.В. Трусовым в 1977 г. и раскопана на площади 39 кв. м. В 1980-е гг. уничтожена при строительстве микрорайона «Московский».

Фоломеев и др., 1978, с. 92;
Трусов, 1977, № 6565.

ШАБАЕВО. СТОЯНКИ 1, 3, 4, мезолит.

Располагаются в окрестностях одноименной деревни на окраине г. Спас-Клепики. Открыты А.Н. Сорокиным в 1991 г.

АКР, 1993, № 391 (78), с. 131;
Сорокин, 1995;
Сорокин, 1991, № 16086.

ШАБАЕВО, СТОЯНКА 5, мезолит.

1,2 км к ЮВВ от школы в одноименной деревне (окраина г. Спас-Клепики), 75 м от боровой террасы левого берега р. Совки. Высота над поймой около 1 м. Памятник со всех сторон окружен болотом. Был заложен 1 раскоп, в пределах которого собрано свыше 3000 артефактов. Памятник был открыт и исследован А.Н. Сорокиным в 1991 г. Материал представлен преимущественно изделиями из камня и немногочисленными фрагментами позднесредневековой керамики. Мезолитические находки автор разделил на пять групп: нуклевидные, сколы – заготовки, орудия для первичной и вторичной обработки, предметы со вторичной обработкой, отходы вторичного производства. Группа орудий представлена резцами, скребками, сверла, скобели, ножи, наконечники стрел, топоры, тесла, а также комбинированные орудия.

Сорокин, 1991, № 16086.

МИХАЙЛОВСКИЙ РАЙОН

ЛУБЯНКА. СТОЯНКА РОЖДЕСТВЕНСКАЯ, мезолит.

2 км к ЗЮЗ от западной окраины д., левый высокий берег р. Прони (правый приток р. Оки), 1 км выше устья р. Жраки. Размеры памятника не определены, высота над рекой 20 м. Открыта И.Л. Чернаем в 1987 г. Территория распахивается. На пашне найдено большое количество кремневых отщепов и пластин мезолитического облика.

АКР, 1996, № 1476 (23), с. 42;
Чернай, 1987, № 11925.

ПИТЕЛИНСКИЙ РАЙОН

ВЫСОКИЕ ПОЛЯНЫ. ПОСЕЛЕНИЕ БОР (ВЕРХНЕПОЛЯНСКОЕ) 1, мезолит, эпоха бронзы.

Близ с., 2 км к СВ от церкви, западная оконечность песчаной гряды в пойме правого берега р. Оки, около 1,5 км от русла, урочище Бор. Протянулось по северо-западному склону гряды, размер около 180×50 м, высота над поймой 3–4 м. Нарушено скотомогильником. Открыто в 1975 г. Н.Л. Дресслер, обследовано в 1984 г. И.Л. Чернаем. Керамика лепная плоскодонная, с орнаментом из нарезок и оттисков мелкозубчатого штампа, предположительно поздняковской культуры, кремневые скребки и отщепы, в т.ч. мезолитического облика.

АКР, 1994, № 825 (7), с. 38;
Сорокин, 1992, с. 11;
Дресслер, 1975, № 5683, л. 7, 8;
Чернай, 1984, № 10106, л. 3.

ВЫСОКИЕ ПОЛЯНЫ (ВЕРХНЕПОЛЯНСКОЕ). ПОСЕЛЕНИЕ 6 (СУХАРЕВ ЛЕСОК), мезолит, неолит, эпоха бронзы.

Близ с., 3,5 км к от церкви, северный склон залесенного песчаного всхолмления в пойме правого берега р. Оки, около 0,7 км от русла, в урочище Сухарев Лесок. Протянулось вдоль всхолмления с СЗ на ЮВ, размеры около 110×50 м, высота над поймой 6–8 м. Культурный слой 0,3–0,4 м. Открыто в 1975 г. Н.Л. Дресслер, обследовано в 1985 г. И.Л. Чернаем. Керамика лепная округлодонная, с ямочно-гребенчатой орнаментацией, предположительно рязанской культуры, лепная плоскодонная баночной и горшковидной форм, с орнаментом из «жемчужин», ямчатых вдавлений неправильной формы, нарезок, поздняковской культуры, кремневые орудия и отщепы, в т.ч. мезолитического облика.

АКР, 1994, № 829 (9), с. 38, 39;
Сорокин, 1992, с. 11;
Дресслер, 1975, № 5683, л. 9, 10;
Чернай, 1985, № 10411, л. 43.

ТЕМИРЕВО. ПОСЕЛЕНИЕ, эпохи мезолита и бронзы.

4 км к СВ от с., высокая пойма левого берега р. Мокши (правый приток р. Оки), 2,7 км к ЮЮЗ от русла, южный берег пойменного оз. Кулома. Размеры не определены, высота над озером до 5 м. Открыто в 1992 г. Б.А. Фоломеевым. В белесоватом суглинке на глубине 0,12–0,30 м от поверхности найдены фрагменты леп-

ных неорнаментированных сосудов с примесями шамота в глиняном тесте, отнесенные к эпохе бронзы, и кремневые поделки, предположительно датированные мезолитом.

АКР, 1996, № 1931, с. 157;
Фоломеев, 1992, № 17798, л. 69,70.

ПРОНСКИЙ РАЙОН

НАБОКОВО. СТОЯНКА, мезолит, неолит.

0,5 км к СВ от д., мыс правого берега р. Прони, правый притока р. Оки (ныне – берег Новомичуринского водохранилища), при устье р. Галины, на правом берегу последней. Размер 300×25 м, высота над водохранилищем около 2 м. Открыто А.Н. Сорокиным в 1985 г. Территория памятника распахивается. Среди находок – кремневые скребки, ребристые отщепы, пластины и осколки позднемезолитического или ранненеолитического облика.

АКР, 1996, № 1584 (42), с. 70;
Сорокин, 1985, № 11155, л. 4.

ПУТЯТИНСКИЙ РАЙОН

АЛЕКСАНДР-НЕТРОШ. СТОЯНКА 1, мезолит, неолит.

2 км к СВ от д., останец в пойме левого берега р. Тырницы (правый приток р. Оки), правый берег р. Нетрош (левый приток р. Тырницы). Протянулась вдоль останца СЗ на ЮВ не менее чем на 300 м, высота над поймой 4–5 м. Открыта в 1981 году А.Н. Гавриловым. Находки залегают в серо-каштановом песке до глубины 0,2 м от современной поверхности, без выраженных признаков культурного слоя. Среди них кремневые концевые скребки пластинах, вкладыш прямоугольной формы из обломка пластины, резец, ножевидные пластины и отщепы, которые могут быть отнесены к мезолиту или раннему неолиту.

АКР, 1994, № 853 (2), с. 46;
Сорокин, 1992, с. 11, 12;
Гаврилов, 1981, № 8888, л. 46, 47.

АЛЕКСАНДР-НЕТРОШ. СТОЯНКА 2, мезолит, неолит.

2 км к СВ от первая надпойменная терраса берега р. Тырницы (правый приток р. Оки), левый берег р. Нетрош (приток р. Тырницы). Протянулась вдоль края террасы с С на Ю, размеры около 220×110 м, высота над поймой 1–5 м. Открыта в 1981 году А.Н. Гавриловым. Культурный слой до 0,5 м слабо гумусирован. Среди находок имеются кремневые концевые скребки на пластинах, наконечник стрелы из ножевидной пластины с подправкой односторонней ретушью у черешка и на острие, ножевидные пластины с мелкой ретушью, пластины и отщепы без ретуши, которые могут быть отнесены к позднему мезолиту и раннему неолиту.

АКР, 1994, № 854 (3), с. 46, 47;
Сорокин, 1992, с. 12;
Гаврилов, 1981, № 8888, л. 48, 49.

СЫСОИ-ДНО. МЕСТОНОХОЖДЕНИЕ 1, мезолит.

Располагается в окрестностях одноименного села на р. Паре. Затоплена водами пруда. Открыта в 1987 г. А.Н. Сорокиным. Найдено свыше 300 каменных предметов. Среди них две заготовки одноплощадочных нуклеусов, четыре отбойника из продолговатых галек. Абразивная плитка с желобками, около 100 орудий и их обломков, отщепы и пластины. Численно преобладают резцы на сломе заготовки, как правило, с широкими кромками. Скребки преимущественно концевые на пластинах или отщепах. Обнаружены также комбинированные орудия, косые острия, вкладыши из фрагментированных пластин, постсвидерский черешковый наконечник стрелы, три трапеции, микрорезцы. Материал датирован мезолитическим временем.

Сорокин, 1987, № 14058, л. 10.

СЫСОИ-ДНО. МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ 2, мезолит.

Располагается в окрестностях одноименного села на р. Паре. Затоплена водами пруда. Открыта в 1987 г. А.Н. Сорокиным. Собрано 26 предметов из камня. Среди них два нуклеуса, отбойник, пять обломков абразивных плиток, резцы, скребок, вкладыши, два тесла подтрапециевидной формы, пластинки, отщепы и технологические сколы. Памятник отнесен к мезолиту.

Сорокин, 1987, № 14058, л. 10, 11.

РЯЖСКИЙ РАЙОН

ГОРОДОК. ПОСЕЛЕНИЕ 1, мезолит, неолит, эпоха бронзы, раннее средневековье.

Расположено к СВ от с. Александровка, на ЮВ склоне надпойменной террасы правого берега р. Рановы. К западной части поселения примыкает заболоченная старица. Высота поселения над уровнем старицы 5–10 м. Вскрыто около 280 кв. м. В южной пониженной части памятника исследованы котлованы двух жилищных сооружений подквадратной формы, размерами 5х5 м. Расстояние между жилищами составляло около 4 м. Их глубина от материкового уровня колебалась в пределах 20–40 см. Стенки ям отвесные со слабым наклоном вовнутрь. В заполнении первого котлована обнаружены развалы сосудов и отдельные фрагменты керамики, большинство которых не имело орнамента. Днища сосудов конические, венчики прямые или слабо отогнутые вовнутрь. Несложными орнаментальными мотивами, состоящими из горизонтальных рядов треугольных наколов, украшена только верхняя часть некоторых венчиков. Отдельные фрагменты подобной керамики найдены и в заполнении второго жилища, но в меньшем количестве. На околожилищном пространстве, кроме неорнаментированной керамики, собрана посуда, украшенная наколами или оттисками

зубчатого штампа. С данным комплексом керамики, вероятно, связана основная масса находок кремневых орудий (около 2000). Часть орудий выполнена на ножевидных пластинах. Выразительные серии образуют ножи, скребки и перфораторы на пластинах. В меньшей мере представлены резцы. Весьма архаично выглядят наконечники стрел постсвидерского облика. Среди изделий на отщепах преобладают концевые скребки с округлым и прямым лезвием. В нижних слоях поселения обнаружены кости лося, бобра и медведя. Описанные артефакты следует датировать ранним неолитом. По ряду параметров данная керамика сопоставима как с посудой елшанской, так и верхневолжской культур.

К неолитическому времени относятся и фрагменты керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом, которые находят аналоги в ранней и развитой посуде рязанского варианта льяловской культуры. Подобной посуды собрано сравнительно немного. Находками отдельных развалов представлена керамика долговского типа. Также найдено небольшое количество керамики среднестоговского облика, содержащей в тесте примесь ракушки. К северной части поселения тяготели находки отдельных фрагментов керамики фатьяновской, катакомбной и воронежской культур. Здесь же сосредоточена основная масса находок, связанных с серо-глиняной гончарной керамикой 13 века. Кроме посуды здесь найдено два обломка стеклянных браслетов, фрагменты железных и бронзовых предметов, керамические грузила.

В южной части памятника обнаружено четыре ямы, имеющих овально-удлиненную форму. Глубина их различна (от 40 см до 1 м). Три ямы ориентированы по линии ССЗ-ЮЮВ, четвертая – по линии ВВС-ЗЗЮ. Наибольший интерес представляет яма, имеющая длину 6,6 м (длина остальных около 2 м). В ее верхней части обнаружено густое углистое заполнение, видимо, представляющее собой следы сожженного над ямой настила. Такое же заполнение обнаружено в еще одной из ям. Кроме остатков мелких фрагментов костей и кремневых отщепов, другие находки в заполнении этих ям отсутствовали, хотя все они были перекрыты культурным слоем, интенсивно насыщенным фрагментами керамики различных эпох. Одна из ям была перекрыта непотревоженным развалом сосуда льяловской керамики, относящегося к архаичному этапу развития данной культуры. Следовательно, данные ямы могут быть связаны с ранненеолитическим комплексом поселения, либо относятся к еще более раннему времени. Две подобные ямы, расположенные поблизости, попали в шурф при разведочных исследованиях В.П. Челяпова и в одной из них обнаружена человеческая челюсть.

Челяпов и др., 2003.

РЯЗАНЬ и РЯЗАНСКИЙ РАЙОН

БОРКИ. СТОЯНКА, мезолит.

Открыта А.И. Черепниным в 1878 г. В 1878, 1879 гг. В.В. Докучаевым произведены сборы подъемного материала. В 1891, 1892 гг. раскапывалась В.А. Городцовым. Позднее сборы на стоянке производил В.И. Зубков, В.П. Фролов и др. Расположена близ с., на правом берегу р. Оки, на Борковской дюне, на левом берегу р. Трубеж (правый приток р. Оки). Собраны орудия, пластины и отщепы мезолитического времени. В настоящее время вошел в черту г. Рязани (м-р Канищево) и уничтожен в ходе строительных работ. Коллекция в Санкт-Петербургском ун-те и РИАМ.

АКР, 1993, № 21 (33), с. 44;
Черепнин, 1894;
Городцов, 1905, 1923;
Воеводский, 1950;
Паничкина, 1941, с. 149–157;
Зубков, 1950;
Береговая, 1960;
Грехова, 1970, с. 25, 31;
Грехова и др., 1970, с. 238;
Кольцов, 1973.

ВЫШЕТРАВИНО. КРЕМНЕОБРАБАТЫВАЮЩАЯ МАСТЕРСКАЯ (СТОЯНКА) 1, поздний палеолит, мезолит (?).

0,3 км к ЮВ от юго-восточной окраины с., южная оконечность мыса первой надпойменной террасы левого берега р. Раки (правый приток р. Оки) при впадении безымянного ручья, на левом берегу последнего. Открыта В.В. Судаковым в 1985 г., дополнительно исследована А.Н. Сорокиным в 1987 и 1989 гг. В обнажениях на высоте 6 м над рекой в слое покровного суглинка найдены кремневые нуклеусы, фрагментированные орудия, отщепы, чешуйки, пластины и заготовки.

АКР, 1993, № 28 (148), с. 46;
Судаков, 1985, № 10436; 1987, № 14058; 1989, № 13768.

ВЫШЕТРАВИНО. КРЕМНЕОБРАБАТЫВАЮЩАЯ МАСТЕРСКАЯ (СТОЯНКА) 2, поздний палеолит, мезолит (?).

0,4 км к ЮВ от юго-восточной окраины с., склон первой надпойменной террасы левого берега р. Раки (правый приток р. Оки), около 0,2 км к СВВ от кремнеобрабатывающей мастерской 1. Открыта В.В. Судаковым в 1985 г., дополнительно исследована А.Н. Сорокиным в 1987 и 1989 гг. В обнажениях берега на высоте 5–8 м над рекой в слое покровного суглинка найдены кремневые нуклеусы, отщепы, пластины, заготовки орудий и чешуйки.

АКР, 1993, № 29 (149), с. 46, 47;
Судаков, 1985, № 10436; 1987, № 14058; 1989, № 13768.

ВЫШЕТРАВИНО, СТОЯНКИ 3–8, мезолит (?).

Открыты А.Н. Сорокиным в 1987 г. Занимают левый и правый берега р. Раки в месте озеровидного расширения.

Сорокин, 1987, № 14058.

ДУБРОВИЧИ. СТОЯНКА, мезолит, неолит.

Располагается на левом берегу Оки в окрестностях с., в урочище Черепки, между двумя старичными озерами Долгое и Велья. Памятник открыт В.А. Городцовым в 1895 г., дополнительно обследован Б.А. Фоломеевым в 1986 г. Материал представлен в основном неолитическими изделиями рязанской культуры, но имеется и несколько асимметричных наконечников с боковой выемкой.

АКР, 1993, № 36;
Городцов, 1905;
Грехова и др., 1970.

ЗАБОРЬЕ. СТОЯНКА КОЛОМЦЫ, мезолит, неолит.

1,5 км к ССЗ от северной окраины с., левый берег р. Солотчи (левый приток р. Оки), северная оконечность дюны Коломцы. Размеры около 130×25 м. Открыта в конце XIX в. В.А. Городцовым. Дополнительно обследована Б.А. Фоломеевым в 1975 г. Культурный слой подвергается водной и ветровой эрозии. Кремневые резцы на конце сломанной пластинки, наконечник стрелы из пластины с подработкой черешка и пера ретушью со стороны брюшка, пластины и отщепы мезолитического облика, наконечники копья и стрел с двухсторонней обработкой, скребки неолитического времени. Выявлены остатки трех кострищ. Коллекция в ГИМ и РИАМ.

АКР, 1993, № 59 (3), с. 53;
Городцов, 1905, с. 607–609;
Грехова, 1970, с. 33;
Грехова и др., 1970, с. 239;
Фоломеев, 1975, № 5872.

КАНИЩЕВО. ПОСЕЛЕНИЕ ЛОГИНОВ ХУТОР 4, мезолит, 14–17 вв.

4,5 км к С от сев. окраины с., пойма правого берега р. Оки, северо-западная часть Логиновской дюны, протянувшейся вдоль левого берега р. Быстрицы (протока р. Вожи, правого притока р. Оки), 0,2 км к СВ от поселения 3. Размеры около 130×40 м, высота над поймой 4–6 м. Памятник открыт в 1890 г. В.А. Городцовым (Городцов, 1905, Т. 1, с. 578), дополнительно обследован в 1929–1930 гг. Н.В. Говоровым, в 1940 г. – О.Н. Бадером, в 1949 г. – В.И. Зубковым, в 1967 и 1975 гг. – Б.А. Фоломеевым. Культурный слой до 0,2 м, нарушен ветровой эрозией. Большое количество кремневых ножевидных пластин и орудий мезолитического облика, керамика гончарная позднесредневековая, в т.ч. серо-глиняная и чернолощеная. Коллекция в ГИМ и РИАМ.

АКР, 1993, № 85 (16), с. 59;
Городцов, 1905, с. 578;
Фоломеев, 1975, № 5872.

КОРОСТОВО. ПОСЕЛЕНИЕ 1, мезолит, р. ж. в., 11–13, 14–17 вв.

К С от с., обширное дюнообразное всхолмление в пойме левого берега р. Оки. Размеры не определены, высота над поймой до 12 м, поверхность нарушена ветровой эрозией. Открыто в 1895 г. В.А. Городцовым, обследовано в 1923 г. П.П. Ефименко, в 1934 г. – П.И. Борисковским, в 1950 г. – Н.В. Говоровым, в 1968 г. – Б.А. Фоломеевым, в 1988 В.М. Буланкиным и в 1989 г. А.Н. Сорокиным. Культурный слой до 0,2 м. Керамика лепная неолитическая с ямочно-гребенчатой орнаментацией, лепная с рогожными и сетчатыми отпечатками, а также гладкостенная городецкой культуры, гончарная древнерусская и позднесредневековая, многочисленные кремневые орудия на пластинах мезолитического облика, наконечник дротика и скребки, относящиеся к неолиту. Коллекция в ГИМ.

АКР, 1993, № 108 (12);
Городцов, 1905, Т. 1, с. 617, 618;
Ефименко, 1923, с. 2;
Борисковский, 1937, с. 302–317;
Фоломеев, 1968, № 3639;
Буланкин, 1988, № 13379;
Сорокин, 1989, № 13786.

КОРОСТОВО. МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ 1, мезолит (?).

В 0,25 м к СВ от водонапорной башни. Подъемный материал включает 30 кремневых предметов, в основном отщепы.

Сорокин, 1983, № 9480; 1989, № 13786.

КОРОСТОВО. СТОЯНКА 2, мезолит.

0,3 км к СВ от МТФ и к В от Коростово 1. Открыты в 1983 г. А.Н. Сорокиным. Материал представлен кремневыми изделиями мезолитического облика.

Сорокин, 1983, № 9480; 1989, № 13786.

КОРОСТОВО. СТОЯНКА 3. мезолит.

В 0,1 м от к ЮВ от местонахождения 1. Найдены пластины и их обломки, отщепы.

Сорокин, 1983, № 9480; 1989, № 13786.

КОРОСТОВО 4. МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ, мезолит, эпоха бронзы.

0,5 км к В от местонахождения 1. Обнаружены отщепы, пластины и их обломки, а также фрагменты керамики.

Сорокин, 1983, № 9480; 1989, № 13786.

КОРОСТОВО 5. МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ, мезолит (?).

0,8 км к В от местонахождения 1. Собран кремневый материал, в том числе нуклеус, пластины и отщепы.

Сорокин, 1983, № 9480; 1989, № 13786.

ШУМАШЬ. СТОЯНКА 1, мезолит.

К З от с., 0,5 км к З от церкви, к З от шоссе Рязань – Поляны, пойма левого берега р. Оки, у северо-западной оконечности оз. Маринка (левобережная старица р. Оки). Размеры около 100×25 м, высота над озером

3 м. Частично разрушена выемкой песка. Памятник открыт В.А. Городцовым в 1889 г., дополнительно обследован А.А. Мансуровым в 1927 г., В.И. Зубковым в 1946–1950 гг. и Б.А. Фоломеевым в 1975 г.

Коллекция включает кремневые концевые и подокруглые скребки, наконечники стрел на пластинах с выделенным ретушью черешком и подработанным мелкой ретушью пером, резцы на углу сломанной пластины, ножевидные пластины мезолитического облика. Коллекция в ГИМ и РИАМ.

АКР, 1993, № 155 (38), с. 73;
Городцов, 1905, Т. 1, с. 619, 620;
Грехова, 1970, с. 31, 32;
Грехова и др., 1970, с. 239;
Фоломеев, 1975, № 5872.

ШУМАШЬ. СТОЯНКА 2, мезолит, неолит.

Западная окраина с., 0,28 км к З от церкви, к В от шоссе Рязань – Поляны, пойма левого берега р. Оки, к З от СЗ оконечности оз. Маринка (левобережная старица р. Оки). Размеры не установлены, высота над озером 3–6 м. Памятник открыт В.А. Городцовым в 1889 г., обследован А.А. Мансуровым в 1927 г., В.И. Зубковым в 1946–1950 гг. и Б.А. Фоломеевым в 1975 г. Частично разрушен выемкой песка. Керамика лепная с ямочно-гребенчатой орнаментацией рязанской культуры, кремневые скребки на отщепах и пластинах, заготовки рубящих орудий, пластины и отщепы.

АКР, 1993, № 156 (39);
Городцов, 1905, Т. 1, с. 619, 620;
Брюсов, 1952, с. 52;
Грехова, 1970, с. 32, 33;
Грехова и др., 1970, с. 239;
Цветкова, 1970, с. 100–103;
Фоломеев, 1975, № 5872.

САПОЖКОВСКИЙ РАЙОН

МОРОЗОВЫ-БОРКИ. СТОЯНКА 2, мезолит (?), неолит (?).

1,4 км к ССВ от церкви с., 1,2 км к ЮЗ от западной окраины д. Дмитриевка, первая надпойменная терраса левого берега р. Пары (правый приток р. Оки), 0,8 км к ЗСЗ от деревянного моста. Размеры около 75×50 м, высота над рекой до 5 м. Открыта Н.В. Шаталовой в 1993 г. В коричневатом суглинке на глубине до 0,62 м найдено большое количество кремневых отщепов и пластин.

АКР, 1996, № 1970, с. 165;
Шаталова, 1993, № 17761, л. 15.

САРАЕВСКИЙ РАЙОН

ЗАРЯ СВОБОДЫ. СТОЯНКА 1, мезолит.

1 км к ЮЮЗ от д., вторая надпойменная терраса левого берега р. Пары (правый приток р. Оки). Открыта в 1987 г. А.Н. Сорокиным. В пределах обширной котловины выдувания на высоте 30 м над рекой собраны кремневые изделия мезолитического облика, среди которых черешковый наконечник стрелы с подработкой мелкой ретушью на спинке, высокая асимметричная трапеция, микролиты с притупленным ретушью краем, резцы, косое острие и др.

АКР, 1994, № 881 (1), с. 53;
Сорокин, 1987, № 14508, л. 9, 10.

ЗАРЯ СВОБОДЫ. СТОЯНКА 2, мезолит.

1,3 км к ЮЮЗ от д., вторая надпойменная терраса левого берега р. Пары (правый приток р. Оки). Открыта в 1987 г. А.Н. Сорокиным. На осыпи, на высоте 30 м над рекой, найдены кремни позднемезолитического облика, в т.ч. резцы, скребки, пластины и отщепы.

Сорокин, 1987, № 14058, л. 9, 10.

САСОВСКИЙ РАЙОН

БАРАШЕВО. СТОЯНКА 1, мезолит, эпоха бронзы, 2-я пол. I тыс. н. э.

Около 0,75–1,0 км к СЗ от с., дюнообразное всхолмление в пойме левого берега р. Мокши. Размеры не определены, высота над поймой до 6 м. Всхолмление разрушается ветровой эрозией, нарушено несколькими небольшими карьерами. Открыта В.П. Челяповым в 1986 г., дополнительно исследована А.Н. Сорокиным в 1987 и 1989 г. Культурный слой до 0,35 м, слабо гумусирован, содержит обломки лепных неорнаментированных сосудов, отнесенных к финалу эпохи бронзы и к середине и второй половине I тыс. н. э. Подъемный материал включает около 7000 кремневых изделий мезолитического облика, в т.ч. нуклеусы, косые острия, скребки, резцы, скобели, сверло, обломки рубящих орудий, вкладыши из фрагментированных пластин, ретушированные и неретушированные пластины и отщепы. А.Н. Сорокиным мезолитический комплекс отнесен к памятникам култинской культуры. Коллекция в ИА РАН и РИАМ.

АКР, 1994, № 900 (33), с. 59;
Челяпов, 1986, № 11310, л. 15, 16;
Сорокин, 1987, № 14058, л. 11; 1989, № 13786, л. 42, 43.

БАРАШЕВО. СТОЯНКА 2, мезолит.

В 1 км к ССЗ от д., располагается на дюне высотой до 2 м левого берега р. Мокши. Открыта А.Н. Сорокиным в 1987 году. Всего собрано немногим менее 3000 каменных предметов. Среди них резцы, изготовленные главным образом на отщепах, пластины и микропластины, в основном без приостряющей ретуши, обломки рубящих орудий. Скребки малочисленны и часто фрагментарны, в основном концевые и округлые формы, нуклеусы отсутствуют, доля орудий невелика.

Сорокин, 1987, № 14058, л. 11.

БЕРЕСТЯНКИ. СТОЯНКА, мезолит.

1,2 км к Ю от д., левый берег р. Цны (левый приток р. Мокши), 0,4 км к Ю от железнодорожного подорожного моста. Размеры 300–350×100 м, высота над поймой 2,0–2,5 м. Распахивается. Памятник открыт А.Н. Сорокиным в 1986 г. В пахотном горизонте и под ним в слое светло-коричневого песка до глубины 0,4 м от современной поверхности найдены кремневые орудия мезолитического облика, в т.ч. наконечник стрелы из ножевидной пластины с частичной подправкой ретушью на черешке и пере, резцы на углу сломанной пластины, микролиты, пластинки и отщепы.

АКР, 1994, № 905 (62), с. 60, 61;
Сорокин, 1986, № 14552, л. 15.

КАЛИНОВЕЦ. СТОЯНКА, мезолит, неолит.

Близ д., 2,5 км к СВВ от здания школы, 1,1 км к ЮЗ от пос. Лосиноостровский, песчаная грива в пойме берега р. Цны (левый приток р. Мокши). Размеры 150×30 м, высота над рекой 2 м. Открыта А.Н. Сорокиным в 1987 г. Культурные остатки приурочены к слою светло-желтого песка толщиной до 0,3 м, перекрытому дерном и белым оподзоленным песком. Найдены кремневые скребки, плечиковые сверла, резцы на сломе пластин, пластины и отщепы, которые могут быть отнесены к мезолиту и раннему неолиту.

АКР, 1994, № 923 (78), с. 64;
Сорокин, 1987, № 14508, л. 7. 8.

СПАССКИЙ РАЙОН

ГОРОДЕЦ. ПОСЕЛЕНИЕ 5, мезолит (?), неолит, эпоха бронзы.

1,5 км к ЮЮВ от с., восточная часть гряды песчаных всхолмлений в пойме левого берега р. Оки, близ правого берега р. Кишни (левый приток р. Оки), к В от стоянки 1. Размеры около 160×60 м, высота над рекой до 6 м. Разрушается ветровой эрозией. Культурный слой до 0,55 м. Керамика лепная с ямочно-гребенчатой орнаментацией рязанской культуры, и с орнаментом из оттисков гребенчатого штампа, образующих узор в виде горизонтальной «елочки», вероятно, бронзового века, кремневые отщепы и пластины. В нижних горизонтах культурного слоя найдены кремни предположительно мезолитического возраста.

АКР, 1993, № 518 (122), с. 162;
Фоломеев, 1992, № 17798.

ДЕГТЯНОЕ. ОБЛАЧИНСКОЕ (ОБЛАЧИНСКАЯ ДЮНА), СТОЯНКА, СЕЛИЩЕ и МОГИЛЬНИК, мезолит, сер. – 3-я четв. I тыс. н. э., 11–13 вв.

5 км к З от с., Облачинская дюна в пойме левого берега р. Оки, 0,5 км к Ю от ее рукава, восточный берег пойменного оз. Боровое. Занимает северную часть дюны. Размеры не определены. Поверхность разрушается водной и ветровой эрозией, находится в движении. Памятник открыт в 1895 г. В.А. Городцовым, в 1975 и 1976 г. дополнительно обследован А.В. Трусовым. Коллекция, собранная на памятнике, довольно разнообразна и выразительна. Это керамика лепная, горшковидных форм, без орнамента или с насечками по краю венчика, иногда с лощением, гончарная древнерусская с линейным и волнистым орнаментом, датированная 12–13 вв., железные ножи, гвозди, пластины, обломки неопределенных железных предметов. В конце 19 в. на дюне были найдены 12 серебряных денежных гривен. По мнению А.Л. Монгайта, древнерусский слой селища может связываться с остатками с. Исады, упомянутого в летописи под 1217 г. По преданию, с. служило резиденцией рязанских князей. Частично на территории селища располагается грунтовый могильник 1. В.А. Городцовым выявлено несколько разрушенных погребений, А.В. Трусовым – погребение девочки-подростка, совершенное по обряду трупоположения в могильной яме размерами 1,7×0,7 м и глубиной 0,75 м, с СЗЗ ориентировкой. Найдены круглопроволочные височные кольца небольшого диаметра, колокольчиковидные привески, по-видимому от накосника, ожерелье из крупных пастовых бус, бронзовых пронизок и бутылковидных привесок, спиральные перстни, браслет из круглого дрота с раскованными в лопасти концами, обломки двух лепных горшковидных сосудов, один из которых украшен насечками по краю венчика. Среди находок из разрушенных погребений – красные пастовые бусы и бисер, бронзовые конические и трапециевидные привести, обломки других украшений. Может датироваться 5–7 вв. н. э., относится к группе рязаноокских. А.В. Трусовым одновременно собрана на развеянных участках дюны и в раскопе выразительная коллекция каменных изделий эпохи мезолита. Коллекция в ГИМ и РИАМ.

АКР, 1993, № 543 (141) и № 544 (142);
Городцов, 1905, Т. 1, с. 652–657;
Успенская, Фехнер, 1956, с. 179;
Монгайт, 1961, с. 152;
Трусов, 1983;
Трусов, 1975, № 6025; 1976, № 6504; 1977, № 6565.

ЖОЛОБОВО-СЛОБОДА. СТОЯНКА, мезолит.

1,5 км к ЮВ от д., первая надпойменная терраса левого берега р. Оки, 1,5 км от русла. Протяженность вдоль края террасы около 150 м, высота над поймой 2–3 м. Нарушена грунтовой дорогой. Культурный слой до 0,4 м, слабо выражен. Кремневые скребки, ножевидные пластины, отщепы мезолитического облика.

АКР, 1993, № 551 (110), с. 168.

ЗАРЕЧЬЕ. СТОЯНКА 1 и ПОСЕЛЕНИЕ 2, мезолит, р. ж. в.

Южная окраина с., невысокая песчаная грива правого берега р. Прони (правый приток р. Оки). Размеры около 280×190 м, высота над поймой до 1 м. Восточная и центральная части памятника разрушены дорожным

строительством. Памятник открыт А.Н. Сорокиным в 1991 г. Керамика лепная, с рогожными и сетчатыми печатками на внешней поверхности, городецкой культуры, кремневые орудия, нуклеусы и отщепы мезолитического облика.

АКР, 1996, № 1981, с. 167;
Сорокин, 1991, № 16086.

КИРИЦЫ. СТОЯНКА 1, мезолит, неолит.

1,5 км к СЗ от сев. окраины с., 1,5 км к СВ от сооружений скотного двора в пос. совх. «Кирицы», всхолмление в пойме правого берега р. Прони (правый приток р. Оки), около 1 км от русла. Размеры памятника не определены, высота над поймой до 5 м. Открыта А.Н. Сорокиным в 1987 г. и дополнительно обследована в 1989 г. Территория стоянки подвергается ветровой эрозии, нарушена старой силосной ямой. В песке различного цвета до глубины 0,5 м от современной поверхности найдено около 2000 кремневых изделий, преимущественно мезолитического возраста. Среди них – кремневые скребки, резцы на сломе пластин и ретушные, ножи на пластинах с приостряющей ретушью, рубящие орудия и т.п. К неолиту могут быть отнесены три двухсторонне обработанных наконечника стрел треугольно-черешковой формы.

АКР, 1996, № 1983, с. 167;
Сорокин, Кузнецова, 1988, № 12710, л. 18, 19;
Кравцов, Сорокин, 1991.

КИРИЦЫ. СТОЯНКА 2, мезолит.

1,7 км к СЗ от сев. окраины с., 1,7 км к СВ от сооружений скотного двора в пос. совх. «Кирицы», на том же всхолмлении, что и стоянка 1, в 200 м к С от нее, в пойме правого берега р. Прони (правый приток р. Оки), около 1 км от русла. Размеры памятника не определены, высота над поймой до 5 м. Открыта и обследована А.Н. Сорокиным в 1987 г. Собраны каменные изделия мезолитического возраста.

Сорокин, Кузнецова, 1988, № 12710, л. 18, 19.

ЛАКАШ (ГРИШИНСКИЙ ИСТОК). СТОЯНКА 2, мезолит, неолит.

Около 4,2 км к СВ от южной окраины с., 3,8 км к В от центр, части д. Папушево, небольшое всхолмление в пойме левого берега р. Оки, у северной оконечности оз. Лакаш, при выходе из него ручья Гришинский Исток (правый приток р. Пры), 0,3 км к С от стоянки 1. Размеры около 75×45 м, высота над поймой до 3 м. Нарушено карьером. Памятник открыт Б.А. Фоломеевым в 1988 г. Культурный слой до 0,4 м. Керамика лепная толстостенная, с растительными примесями в тесте, предположительно волосовской культуры, кремневые скребки и другие орудия, отщепы и пластины. Часть кремневых орудий и пластин имеет мезолитический облик.

АКР, 1993, № 602 (172), с. 179;
Фоломеев, 1988, № 12557.

ЛАКАШ (ГРИШИНСКИЙ ИСТОК). ПОСЕЛЕНИЕ 2, мезолит, эпоха бронзы.

3 км к СВ от южной окраины с., пойма левого берега р. Оки, небольшое всхолмление западного берега оз. Лакаш. Протянулось вдоль берега озера, размеры около 330×40 м, высота над озером 4–5 м, над поймой – 2–3 м. Южная часть нарушена карьером. Памятник открыт Б.А. Фоломеевым в 1988 г. Культурный слой до 0,5 м. Керамика лепная, с орнаментацией из оттисков зубчатого штампа и веревочки, предположительно бронзового века, большое количество кремней, среди которых – миниатюрные скребки с округлым рабочим краем и ножевидные пластины мезолитического облика.

АКР, 1993, № 604 (173).
Фоломеев, 1988, № 12557.

ЛАКАШ (ГРИШКИНСКИЙ ИСТОК 3). ПОСЕЛЕНИЕ 6, мезолит, эпоха бронзы, р. ж. в., 14–17 вв.

4 км к СВ от южной окраины с., 3,85 км к В от центральной части д. Папушево, небольшое всхолмление в пойме левого берега р. Оки, около северной оконечности оз. Лакаш при выходе из него ручья Гришинский Исток, в 250 м от берега. Размеры около 80×40 м, высота над поймой до 3 м, мощность культурного слоя до 1 м.

Памятник открыт и исследован Б.А. Фоломеевым в 1989 и 1990 гг. Вскрыта площадь 491 кв. м. Керамика лепная, эпохи бронзы, в т.ч. с сетчатыми отпечатками на внешней поверхности и полосами ямчатых вдавлений под горлом, более толстостенная, с рогожными и сетчатыми отпечатками на внешней поверхности и гладкостенная, отнесенная к р. ж. в. (городецкая культура), гончарная позднесредневековая, в т.ч. чернолощеная 16–17 вв. Среди кремневых орудий выделяются миниатюрные ножи на пластинах, резцы на углу сломанной пластины, нуклеусы и пластины, датированные мезолитом. Выявлены остатки восьми жилых построек подпрямоугольной формы, с остатками очагов в одном из углов, отнесенных к эпохе бронзы, а также позднесредневековой постройки с кирпичной печью. Коллекция в ГИМ.

АКР, 1993, № 608 (176), с. 180;
АКР, 1996, № 608, с. 168;
Фоломеев, 1989, № 14847, л. 1–18.

ОДОЕВСКОЙ ФЕРМЫ ПОСЕЛОК. СТОЯНКА 9 (ПИЩЕРГА), мезолит.

К ЮВ от пос., 3,5 км к ЮВ от водонапорной башни, пойма левого берега р. Оки, западная часть песчаного всхолмления на южном берегу оз. Пищерга. Размеры около 125×15 м, высота над озером 4 м. Открыта Е.Д. Каверзневой в 1986 г. Культурный слой около 0,1 м. Кремневые скребки на пластинах, пластины с ретушью и без нее, отщепы мезолитического облика.

АКР, 1993, № 642 (234), с. 187;
Каверзнева, 1986, № 11949.

ОРЕХОВО. СТОЯНКА, мезолит.

Около 4 км к С от северной окраины с., останец первой надпойменной террасы правого берега р. Пры, 1 км от русла. Размеры около 60×40 м, высота над поймой 2 м. Подвергается ветровой эрозии. В песке до глубины 0,5 м без выраженного культурного слоя собраны кремневые отщепы, ножевидные пластины и их фрагменты.

АКР, 1993. № 656 (145), с. 190;
Фоломеев, 1988, № 12557.

ПАНИНО, МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ, мезолит (?).

К ЮЗ от с. на мысу второй террасы левого берега р. Оки обнаружено местонахождение кремней. Склон мыса поврежден эрозией, слой не обнаружен. Найдены двойной скребок на правильной пластине, скобель на пластине, микропластинки и отщепы.

Сорокин, 1982, № 8991, л. 3.

ПАПУШЕВО (БЕРЕЗОВЫЙ РОГ). СТОЯНКА 3, мезолит.

Около 5,7 км к В от северной окраины д., 2 км к ЮЗ от кордона Красный Холм, пойма левого берега р. Оки, 4,3 км к В от северной оконечности оз. Лакаш, северо-восточная часть останца Березовый Рог. Размеры около 100×40 м, высота над поймой 2 м. Открыта Б.А. Фоломеевым в 1988 г. В серо-коричневом песке на глубине 0,15–0,45 м – кремневые ножевидные пластины и их фрагменты, мелкие отщепы мезолитического облика.

АКР, 1993, № 667 (159), с. 192;
Фоломеев, 1988, № 12557.

УЖАЛЬЕ. СТОЯНКА, мезолит, неолит.

В 0,5 км к В от восточной окраины д. Ужалье, у подножья дюнообразного всхолмления в пойме левого берега р. Оки, протянувшегося от с. Старый Киструс к д. Ужалье, на высоте над поймой 5–6 м. Протяженность вдоль всхолмления около 400 м. Культурный слой 0,4–0,5 м, перекрыт полуметровой толщей наносного песка. Выделяются два горизонта культурного слоя: верхний содержит материалы эпохи неолита с ямочно-гребенчатой керамикой, нижний – кремневые орудия на пластинах.

АКР, 1993, № 718 (137), с. 207;
Городцов, 1905;
Грехова и др., 1970;
Кольцов, 1965, 1973.

УРОДОВО (ПАНИНО) 2. СТОЯНКА, мезолит, неолит, бронза.

Открыта в 1976 г. В.П. Челяповым. В 1982 г. обследована А.Н. Сорокиным. Собран подъемный материал: кремневые отщепы, а также керамика эпохи неолита, бронзы.

Челяпов, 1976, № 6155;
Сорокин, 1982, № 8991.

УРОДОВО (ПАНИНО). СТОЯНКИ 3–5, мезолит.

Открыты А.Н. Сорокиным в 1989 г. Собраны кремневые изделия мезолитического облика.

Сорокин, 1989, № 13786.

СТАРОЖИЛОВСКИЙ РАЙОН

МЕДВЕЖЬЕ. СТОЯНКА 1, мезолит.

В 1 км к СВ от д., на мысу левого берега р. Польки (левый приток р. Истья, правого притока р. Оки). Открыта в 1983 г. А.Н. Сорокиным. На поверхности и в шурфе собрано около 40 кремней, среди которых отщепы, пластины, заготовки нуклеусов и нуклеус.

Сорокин, 1983, № 9480.

МЕДВЕЖЬЕ. СТОЯНКА 2, мезолит.

0,4 км к ССВ от д., в 0,15 км от Медвежье 1, на небольшом мысу левого берега р. Польки. Стоянка открыта А.Н. Сорокиным в 1983 г. Мыс частично распахивается, прибрежная часть задернована. Собраны кремневые изделия мезолитического облика.

Сорокин, 1983, № 9480.

МЕДВЕЖЬЕ. СТОЯНКА 3, мезолит.

0,6 км к СВВ от д., на второй террасе левого берега р. Польки. Открыта А.Н. Сорокиным в 1983 г. Поверхность памятника распахивается. Культурный слой не выявлен. Собран подъемный материал: отщепы, массивная пластина.

Сорокин, 1983, № 9480.

ШАЦКИЙ РАЙОН

ЛЕСНОЕ. СТОЯНКА 1, мезолит, неолит.

По сведениям Н.П. Милонова 1940-х гг., расположена у с., на правом берегу р. Цны (левый приток р. Мокши), на дюне. Найдены обломки лепных сосудов с ямочно-гребенчатой орнаментацией, предположительно рязанской культуры, кремневые скребки, ножевидные пластины, нуклеусы. Стоянка дополнительно обследована в 1986 г. А.Н. Сорокиным.

АКР, 1994, № 1068 (35), с. 106;
Милонов, 1947, с. 90; 1949, с. 18;
Сорокин, 1986, № 14552.

ЛЕСНОЕ КОНОБЕЕВО. СТОЯНКА 2 (ШАВКА 7), мезолит, неолит.

1,5 км к В от с., 2 км к СЗ от кордона Шавка, склон первой надпойменной террасы правого берега р. Цны (левый приток р. Мокши). Протянулась вдоль края террасы с З на В, размеры около 150×30 м, высота над поймой 1,5–2,0 м. Местами подвергается ветровой эрозии. Открыта А.Н. Сорокиным в 1986 г., дополнительно обследована В.М. Буланкиным в 1989 г. Культурный слой слабо выражен. На поверхности и в сером песке до

глубины 0,25 м от современной поверхности найдены кремневые скребки, резцы, пластины и отщепы мезолитического и неолитического облика.

АКР, 1994, № 1069 (45), с. 106;
Сорокин, 1986, № 14552;
Буланкин, 1989, № 14325, л. 24. 25.

ЛЕСНОЕ КОНОБЕЕВО. СТОЯНКА 3 (ШАВКА 6), мезолит, неолит.

2.2 км к ВЮВ от с., 1,4 км к СЗ от кордона Шавка, мыс первой надпойменной террасы правого берега р. Цны. Размеры около 110×35 м, высота над поймой 1,5 м. Нарушено ямами и промоинами. Открыта А.Н. Сорокиным в 1986 г., дополнительно обследована В.М. Буланкиным в 1989 г. Культурный слой до 0,3 м. Кремневые ножевидные пластины и отщепы неолитического облика.

АКР, 1994, № 1070 (46), с. 106;
Сорокин, 1986, № 14552;
Буланкин, 1989, № 14325, л. 16. 17.

ЛЕСНОЕ КОНОБЕЕВО. СТОЯНКА 4 (ШАВКА 13), мезолит, неолит.

2,4 км к ЮВ от с., 1,5 км к ЗСЗ от кордона Шавка, мысовидный выступ первой надпойменной террасы правого берега р. Цны (левый приток р. Мокши). Размеры около 100×80 м, высота над поймой 1–4 м. Открыта А.Н. Сорокиным в 1986 г., дополнительно обследована В.М. Буланкиным в 1989 г. Культурный слой до 0,25 м. Кремневые отщепы и пластины мезолитического и неолитического облика.

АКР, 1994, № 1071 (47), с. 106;
Сорокин, 1986, № 14552;
Буланкин, 1989, № 14325, л. 18, 19.

ЛЕСНОЕ КОНОБЕЕВО. СТОЯНКА 6, мезолит, неолит.

1,8 км к В от восточной окраины с., 0,25 км к В от оврага Песчаный, 50 м к С от репера № 27 РГВХ, склон первой надпойменной террасы правого берега р. Цны (левый приток р. Мокши), между мостовыми переходами через магистральный канал Н-1. Размеры не определены, высота над поймой 1–5 м. Открыта А.Н. Сорокиным в 1986 г. Культурные остатки залегают в слое темно-серого песка на глубине 0,35–0,40 м от современной поверхности. Представлены орудиями мезолитического или ранненеолитического облика, отщепами и пластинами.

АКР, 1994, № 1073 (48), с. 106;
Сорокин, 1986, № 14552, л. 6.

ЛЕСНОЕ КОНОБЕЕВО. СТОЯНКА 7, неолит.

Около 2 км к В от восточной окраины с., склон первой надпойменной террасы правого берега р. Цны (левый приток р. Мокши), 100 м к В от стоянки 6. Размеры не определены, высота над поймой 1–4 м. Нарушена грунтовой дорогой. Открыта А.Н. Сорокиным в 1986 г. Культурные остатки залегают в слое коричневатой супеси на глубине 0,15–0,4 м от современной поверхности. Представлены кремневыми скребками, желобчатым теслом, отщепами.

АКР, 1994, № 1074 (49), с. 107;
Сорокин, 1986, № 14552, л. 7.

ЛЕСНОЕ КОНОБЕЕВО. СТОЯНКА 8, мезолит.

2,5 км к В от восточной окраины (пойма правого берега р. Цны (левый приток р. Мокши), мыс, образованный руслом древней, ныне заторфованной протоки и болотом Шустиха. Размеры не определены, высота над торфяником до 1,5 м. Нарушена при строительстве мелиоративного магистрального канала, подвергается ветровой эрозии. Открыта А.Н. Сорокиным в 1986 г., дополнительно обследована В.М. Буланкиным в 1989 г. Культурные остатки залегают в слое коричневатого песка на глубине 0,25–0,30 м от современной поверхности. Среди находок – кремневые резцы на углу сломанной пластины, комбинированное орудие (резец-скребок), нуклевидное орудие, пластины, в т.ч. с ретушью, и отщепы мезолитического облика.

АКР, 1994, № 1075 (50), с. 107;
Сорокин, 1986, № 14552, л. 7.

ЛЕСНОЕ КОНОБЕЕВО. СТОЯНКА 9, мезолит, неолит.

2,63 км к В от восточной окраины с., на дюнообразном всхолмлении, окруженном торфяником, в пойме правого берега р. Цны (левый приток р. Мокши), к Ю от мелиоративного канала. Размеры не определены, высота над торфяником до 2,5 м. Юго-восточная часть всхолмления разрушена. Открыта А.Н. Сорокиным в 1986 г., дополнительно обследована В.М. Буланкиным в 1989 г. Культурные отложения залегают в слое коричневатого песка на глубине до 0,3 м от современной поверхности. Представлены мелкими обломками лепных сосудов предположительно ранненеолитической верхневолжской культуры, кремневыми резцами на углу сломанной пластины, отщепами, пластинами и обломками орудий, преимущественно изготовленными из пластин.

АКР, 1994, № 1076 (51), с. 107;
Сорокин, 1986, № 14552, л. 7, 8.

ЛЕСНОЕ КОНОБЕЕВО. СТОЯНКА 10, мезолит.

Около 2,6 км к ЮВВ от восточной окраины с., всхолмление в пойме правого берега р. Цны (левый приток р. Мокши), суходольный мыс, вдающийся в торфяник, к ЮВВ от стоянки 9. Размеры не определены, высота над торфяником до 4 м. Восточная часть памятника залесена, западная – нарушена грунтовой дорогой, поверхность местами подвергается ветровой эрозии. Открыта А.Н. Сорокиным в 1986 г. Среди находок – кремневые нуклеус со скошенной площадкой, скребок на отщепе, пластины с нерегулярной ретушью, обломок орудия, пластины и отщепы мезолитического облика.

АКР, 1994, № 1077 (52), с. 107;
Сорокин, 1986, № 14552, л. 8.

ЛЕСНОЕ КОНОБЕЕВО. СТОЯНКА 11, мезолит, неолит.

Около 2,6 км к ЮВВ от восточной окраины с., всхолмление в пойме правого берега р. Цны (левый приток р. Мокши), суходольный мыс, вдающийся в торфяник, 100 м к Ю от стоянки 10. Размеры не определены, высота над торфяником до 4 м. Частично занята лесопосадками, нарушена грунтовой дорогой, местами подвергается ветровой эрозии. Культурные остатки залегают под слоем наносного песка на глубине 0,55–0,60 м от современной поверхности. Открыта А.Н. Сорокиным в 1986 г. Среди находок – обломки лепных сосудов с ямочно-гребенчатой орнаментацией, предположительно рязанской культуры, кремневые нуклеусы, обломки наконечника дротика, пластины, отщепы.

АКР, 1994, № 1078 (53), с. 107;
Сорокин, 1986, № 14552, л. 8, 9.

ЛЕСНОЕ КОНОБЕЕВО. СТОЯНКА 12, мезолит, неолит.

Около 2,6 км к ВЮВ от восточной окраины с., дюнообразное всхолмление в пойме правого берега р. Цны (левый приток р. Мокши), суходольный мыс, вдающийся в торфяник, 100 м к Ю от стоянки 11. Размеры не определены, высота над торфяником до 4 м. Всхолмление частично засажено лесом, нарушено грунтовой дорогой, местами подвергается ветровой эрозии. Открыта А.Н. Сорокиным в 1986 г. Культурный слой до 0,3 м, перекрыт наносным песком. Среди находок – обломки лепных сосудов с ямочно-гребенчатой орнаментацией, предположительно рязанской культуры, кремневые наконечники дротика, нуклеусы, нуклевидные орудия, отщепы и пластины.

АКР, 1994, № 1079 (54), с. 108;
Сорокин, 1986, № 14552, л. 9.

ЛЕСНОЕ КОНОБЕЕВО. СТОЯНКА 13, мезолит, неолит.

Около 3 км к ЮЮВ от с., первая надпойменная терраса правого берега р. Цны (левый приток р. Мокши), к С от репера № 7 РГВХ, 0,4 км к ЮЮВ от стоянки 12. Размеры не определены, высота над поймой 4–7 м. Нарушена грунтовой дорогой. Открыта А.Н. Сорокиным в 1986 г. Керамика лепная, с ямочно-гребенчатой орнаментацией, рязанской культуры, кремневые отщепы и пластины.

АКР, 1994, № 1080 (55), с. 108;
Сорокин, 1986, № 14552, л. 9.

ЛЕСНОЕ КОНОБЕЕВО. СТОЯНКА 14, мезолит, неолит.

3,2 км к ЮЮВ от с., краевая часть первой надпойменной террасы правого берега р. Цны (левый приток р. Мокши), у северо-восточной окраины болота Шустиха, 0,2 км к Ю от стоянки 13. Размеры не определены, высота над поймой 6–8 м. Подвергается ветровой эрозии. Открыта А.Н. Сорокиным в 1986 г. Мелкие невыразительные обломки лепных сосудов, предположительно неолитического возраста, кремневые наконечник копья, скребок, нуклевидное орудие, отщепы и пластины.

АКР, 1994, № 1081 (56), с. 108;
Сорокин, 1986, № 14552, л. 9.

ЛЕСНОЕ КОНОБЕЕВО. СТОЯНКА 15, мезолит, неолит.

80 м к Ю от юго-восточной окраины с., склон первой надпойменной террасы правого берега р. Цны (левый приток р. Мокши), к С от заводи. Протяженность вдоль края террасы около 300 м, высота над поймой 3 м. Открыта А.Н. Сорокиным в 1986 г. Культурные остатки залегают в слое коричневатой супеси до глубины 0,4 м от современной поверхности. Среди находок – обломки лепных сосудов с ямочной орнаментацией, предположительно раннего этапа рязанской культуры, кремневые отщепы и пластины, обломки орудий.

АКР, 1994, № 1082 (57), с. 108;
Сорокин, 1986, № 14552, л. 9, 10.

ЛЕСНОЕ КОНОБЕЕВО. СТОЯНКА 16, мезолит, неолит.

Около юго-западной окраины с., склон первой надпойменной террасы правого берега р. Цны (левый приток р. Мокши), между с. и заводью. Размеры не определены, высота над поймой до 5 м. Нарушена грунтовой дорогой. Открыта А.Н. Сорокиным в 1986 г. Культурный слой до 0,3 м, слабо гумусирован. Мелкие, маловыразительные обломки лепных сосудов, кремневые нуклеус, обломки орудий, пластины и отщепы.

АКР, 1994, № 1083 (37), с. 108;
Сорокин, 1986, № 14552, л. 10.

ЛЕСНОЕ КОНОБЕЕВО. СТОЯНКА 17, мезолит, неолит.

Около юго-западной окраины с., пойменная грива правого берега р. Цны (левый приток р. Мокши), северный берег протоки, 50 м к Ю от стоянки 16. Размеры не определены, высота над рекой до 2,5 м. Открыта А.Н. Сорокиным в 1986 г. Культурные остатки залегают в слое серо-коричневой оторфованной супеси на глубине 0,40–0,45 м от современной поверхности, представлены невыразительными обломками лепных сосудов, кремневыми отщепами и пластинами. Найден также зуб животного.

АКР, 1994, № 1084 (38), с. 109;
Сорокин, 1986, № 14552, л. 10.

ЛЕСНОЕ КОНОБЕЕВО. СТОЯНКА 18, мезолит, неолит.

Около 1 км к ЮВ от с., мысовидный выступ северо-восточной части останца первой надпойменной террасы правого берега р. Цны (левый приток р. Мокши). Размеры не определены, высота над поймой 3–5 м. Открыта А.Н. Сорокиным в 1986 г. Культурные остатки

залегают в слое оторфованного и сильно ожелезненного песка на глубине 0,3–1,1 м от современной поверхности. Среди находок – обломки лепных сосудов с гребенчато-накольчатой орнаментацией, относящиеся к ранненеолитической верхневолжской культуре, кремневые скребки на отщепах и пластинах, резцы, скобели, топоровидное орудие, черешковые наконечники стрел на пластинах с частичной обработкой пера и черешка, пластины и отщепы.

АКР, 1994, № 1085 (58), с. 109;
Сорокин, 1986, № 14552, л. 11, 12.

ЛЕСНОЕ КОНОБЕЕВО. СТОЯНКА 19, мезолит, неолит.

1,2 км к ВЮВ от с., южный склон останца первой надпойменной террасы правого берега р. Цны (левый приток р. Мокши), 0,2 км к ЮВВ от стоянки 18. Размеры не определены, высота над поймой до 4 м. Подвергается ветровой эрозии. Открыта А.Н. Сорокиным в 1986 г. Среди находок – маловыразительные обломки лепных сосудов, кремневые наконечники стрел с двухсторонней обработкой, обломок наконечника копья, скребло, отщепы и пластины.

АКР, 1994, № 1086 (59), с. 109;
Сорокин, 1986, № 14552, л. 12, 13.

ЛЕСНОЕ КОНОБЕЕВО. СТОЯНКА 20, мезолит, неолит.

Около 1,8 км к ЮВ от с., южная часть останца первой надпойменной террасы правого берега р. Цны (левый приток р. Мокши), около 0,6 км к ЮВ от стоянки 18. Размеры не определены, высота над поймой 3–4 м. Местами подвергается ветровой эрозии. Открыта А.Н. Сорокиным в 1986 г. Среди находок – кремневые двухсторонне обработанный наконечник дротика треугольно-черешковой формы, резец, обломок орудия, отщепы и пластины.

АКР, 1994, № 1087 (60), с. 110;
Сорокин, 1986, № 14552, л. 13.

ЛЕСНОЕ КОНОБЕЕВО. СТОЯНКА 21, мезолит, неолит.

Около 1,5 км к ЮВ от с., склон останца первой надпойменной террасы правого берега р. Цны (левый приток р. Мокши). Размеры не определены, высота над поймой 3–4 м. Подвергается ветровой эрозии. Открыта А.Н. Сорокиным в 1986 г., дополнительно обследована В.М. Буланкиным в 1989 г. Среди находок – кремневые наконечник копья, скребки, отщепы и пластины.

АКР, 1994, № 1088 (61), с. 110;
Сорокин, 1986, № 14552, л. 14. 15;
Буланкин, 1989, № 14325.

СЯВЕЛЬ. СТОЯНКА 1 (ШАМОРГА 20), мезолит, неолит.

2,3 км к СЗ от д., 1,9 км к ЮВ от Борковской ГЭС, юго-восточная часть обширного всхолмления в пойме правого берега р. Цны (левый приток р. Мокши). Протянулась вдоль края всхолмления с З на В, размеры около 100×30 м, высота над поймой до 1,5 м. Местами подвергается ветровой эрозии. Культурный слой до 0,25 м. Стоянка открыта в 1989 г. В.М. Буланкиным. Собраны кремневые микролиты, ножевидные пластины и отщепы мезолитического или ранненеолитического облика.

АКР, 1994, № 1164 (136), с. 131;
Буланкин, 1989, № 14325, л. 11, 12.

ПЕНЬКОЗАВОД. СТОЯНКА, мезолит, неолит.

1,2 км к С от пос., 3 км к ЮВ от юго-восточная окраины г. Шацк, левый коренной берег р. Шачи, левый притока р. Цны (левый приток р. Мокши, правый притока р. Оки), берег древнего заболоченного оз. Размеры около 100×35 м, высота над поймой до 30 м. Территория памятника распахивается, нарушена строительством дороги г. Шацк – пос. Пенькозавод. Открыта в 1992 г. И.Н. Верестовой. В сером суглинке на глубине 0,44 м от поверхности найдены кремневые концевой скребок, обломок скребла, ножевидные пластины, обломки нуклеусов, многочисленные отщепы, отнесенные к концу мезолита или началу неолита.

АКР, 1996, № 2025, с. 177;
Верестова, 1992, № 17122, л. 1, 2.

ШИЛОВСКИЙ РАЙОН

КУЗЕМКИНО. ПОСЕЛЕНИЕ 3, мезолит, неолит, р. ж. в., 14–17 вв.

2,3 км к СЗ от северной окраины с., западная часть дюнообразного всхолмления Волчья Гора в пойме правого берега р. Оки, северный берег оз. Румка, представляющего собой старицу р. Оки. Протянулись вдоль южного склона всхолмлении с З на В, размеры около 100×60 м, высота над поймой 12 м. Культурный слой до 0,5 м. Стоянка открыта А.Н. Гавриловым в 1983 г. Керамика лепная, с рогожными и сетчатыми отпечатками на внешней поверхности городецкой культуры, гончарная позднесредневековая, кремневые орудия мезолитического и неолитического облика (скребки, резцы и др., пластины, и отщепы). Кремневые орудия приурочены к нижним горизонтам слоя, керамика – к верхним.

АКР, 1994, № 1264 (2), с. 160;
Сорокин, 1992, с. 14;
Гаврилов, 1982, № 10656, л. 20–22.

ПРИБРЕЖНЫЙ. СТОЯНКА, мезолит, неолит.

Северо-восточная окраина пос., 0,5 км к СВ от силосной башни, северо-западный склон дюнообразного всхолмления в пойме правого берега р. Оки. Размеры около 300×45 м, высота над поймой до 3 м. Нарушена лесопосадками. Культурный слой до 0,5 м, слабо выражен. Стоянка открыта в 1981 г. А.Н. Гавриловым. Среди находок кремневые скребки, нож на отщепе, ножевидные пластины, иногда с ретушью, нуклеус, заготовка

топора позднемезолитического или ранненеолитического облика.

АКР, 1994, № 1291 (70), с. 167;
Сорокин, 1992, с. 14;
Гаврилов, 1981, № 8888, л. 57–59.

САНСКОЕ. ПОСЕЛЕНИЕ, мезолит, неолит, эпоха бронзы, 11–13 вв.

1,2 км к ЮЗ от церкви с., всхолмление в пойме левого берега р. Оки, протянувшееся от южного берега оз. Ратное (левобережная старица р. Оки) до северо-восточного берега пойменного оз. Долгое. Протянулось вдоль берега оз. Долгое в направлении ССВ-ЮЮЗ, размеры около 17×60 м, высота над озером 1–3 м. Культурный слой до 0,5 м, слабо гумусирован. Открыто и обследовано в 1983 г. А.Н. Гавриловым. Среди находок керамика лепная, с орнаментом из ямчатых вдавлений неправильной формы и «жемчужин», предположительно поздняковской культуры эпохи бронзы, гончарная древнерусская с линейным и волнистым орнаментом, а также кремневые орудия мезолитического или ранненеолитического облика. В их числе – наконечник стрелы из ножевидной пластины с частичной подработкой ретушью пера и черешка, резцы на сломе пластины, микролиты, пластины, отщепы и др.

АКР, 1994, № 1299 (107), с. 169, 170;
Сорокин, 1992, с. 14;
Гаврилов, 1983, № 9716, л. 6–8.

СМОЛЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ

К бассейну Оки относятся территория трех районов области – Угранского, Темкинского и Вяземского, по которым протекает р. Угра и ее притоки. Мезолитических памятников здесь пока не обнаружено (АКР, 1997, Т. 1, 2).

ТАМБОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Из 22 районов Тамбовской области лишь восемь относятся к Окскому бассейну – это Бондарский, Знаменский, Моршанский, Пичаевский, Рассказовский, Сампурский, Сосновский и Тамбовский. Мезолитические стоянки выявлены лишь в одном из них – Моршанском.

МОРШАНСКИЙ РАЙОН

ВОСКРЕСЕНСКАЯ ГОРА (ВОСКРЕСЕНСКИЙ БУГОР) (Попова, 1962).

ЦИГУНОВ БУГОР (Будин, 1992).

ТУЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ

На территории Тульской области находится 23 района, из них 17 относятся к бассейну р. Оки: Алексинский, Арсеньевский, Белевский, Веневский, Воловский, Дубенский, Заокский, Киреевский, Ленинский, Новомосковский, Одоевский, Плавский, Суворовский, Теплоогаревский, Чернский, Щекинский, Ясногорский. Мезолитические памятники известны в семи из них: Алексинском, Белевском, Заокском, Ленинском, Новомосковском, Суворовском и Ясногорском.

АЛЕКСИНСКИЙ РАЙОН

КАРТАШОВО. СТОЯНКА, мезолит (?), неолит (?).

0,5 км к ССВ от д., надпойменная терраса противоположного от д. правого берега р. Вашаны (правый приток р. Оки). Размер около 270×80 м, высота над рекой 8–10 м. Территория памятника распахивается. На пашне найдены кремневые отщепы, датировка которых точно не установлена.

Патрик, 1981, № 8862;
АКР, 2001, № 47 (26).

СОРОКИНО, СТОЯНКА И ГОРОДИЩЕ, финальный палеолит, эпоха средневековья.

Расположено на правом берегу р. Оки, на южной окраине г. Алексин, в его исторической части. Выявленные в раскопе сооружения образуют два стратиграфических горизонта. Более ранний включает остатки сгоревших конструкций, в т. ч. двух построек. В основании одной из них (М 3) найдены бронзовый крест – энколпион с квадрифолийной центральной частью и округлыми лопастями (типологически близок изделиям кон. 14 – 15 в.), орнаментированная бронзовая накладка сердцевидной формы с арабским текстом и медная монета – тверское «пуло» кон. 15 – нач. 16 в. Этот горизонт, с учетом находок и характера керамики, близкой по ряду показателей московской красноглиняной гладкой ранней керамике, может быть датирован 2-й пол. 15 – 1-й пол. 16 в. Слой пожара перекрыт более поздним горизонтом сооружений (отмечены четыре случая прямой стратиграфии.). Керамический комплекс (сосуды с короткой вертикальной шейкой, украшенной рифлением, или без орнамента, и утяжеленным венчиком) характерен для конца 16 – начала 17 в. Датировка подтверждается находкой 5 серебряных монет, чеканенных в правление Ивана IV и Бориса Годунова, во 2-й пол. 16 – нач. 17 в.

Небольшой серией в переотложенном состоянии представлены лепная и раннегончарная керамика 11 в. с манжетовидными венчиками, а также группа кремневых изделий с патинированной поверхностью (нуклеусы, скребла, отщепы и др.), предположительно палеолитического облика.

Екимов, 1999.

БЕЛЕВСКИЙ РАЙОН

БЕЛЕВ. СТОЯНКА СЕСТРИНСКИЙ ХРЯЩ, мезолит, неолит.

Остров около правого берега р. Оки на расстоянии около 5 км выше г. Основной комплекс находок относится к неолиту. Неолитическая керамика лепная, остродонная или круглодонная, с ямочно-гребенчатой и ромбо-ямочной орнаментацией. Найдены кремневые скребки, резчики, долото, костяной гарпун и проколка, которые также следует относить к неолиту. Небольшое количество орудий (резцы на углу сломанной пластины, пластины со скошенным ретушью концом, концевые скребки на пластинах и некоторые др.) имеет мезолитический облик. Коллекция в ГИМ.

Грехова, 1970, с. 30;
Грехова и др., 1970, с. 233;
Полякова, 1970;
Полякова, 1967, № 4345;
АКР, 2001, № 82 (13).

ВОРОНЕЦ. ПОСЕЛЕНИЕ, мезолит (?), неолит, эпоха бронзы.

0,3 км к ЮВ от д., правый высокий берег р. Оки. Исследовалось в 1897 г. В.А. Городцовым, сбор подъемного материала проводили в кон. 19 в. Н. Преображенский, в 1920–е гг. – Ф.Ф. Руднев. Территория памятника распахивается. Культурный слой имел толщину до 0,3 м, ныне полностью распахан. Основной комплекс находок относится к неолиту. Неолитическая керамика лепная, сосуды остродонные и круглодонные, с открытым горлом, с ямочно-гребенчатой, ромбо-ямочной и гребенчатой орнаментацией. Среди других находок – кремневые наконечники стрел ромбовидные, листовидные и черешковые, наконечники копий и дротиков ромбовидной и листовидной формы, скребки, скребла, ножи, резчики, резцы, тесла, долота и т. п. Кремневые орудия изготовлены из массивных отщепов и крупных ножевидных пластин. Единичны орудия из мелового кремня, которые можно отнести к мезолиту (правильные пластины со следами употребления, резцы на углу сломанной пластины и др.). Найдено небольшое количество фрагментов лепной тонкостенной керамики с зубчатым орнаментом или без орнаментации, предположительно отнесенной к эпохе бронзы. Основные коллекции в ГИМ.

Городцов, 1905, с. 542, 543;
Брюсов, 1947;
Грехова, 1970, с. 30;
Грехова и др., 1970, с. 231;
Полякова, 1970;
Миронова, 1980, № 10074, л. 19;
Шеков, 1994, № 18666, л. 34, 35;
АКР, 2001, № 89 (57).

ЖАБЫНЬ. ПОСЕЛЕНИЕ, мезолит, неолит, эпоха бронзы, р. ж. в., 3-я четв. I тыс. н. э., 11–13, 14–17 вв.

0,5 км к С от д., всхолмление надпойменной террасы правого берега р. Оки. Сборы подъемного материала производились здесь в конца 19 в. Н. Бурцевым и В.А. Городцовым, в 1945–1935 гг. П.Н. Третьяковым, в 1950-е и 1960-е гг. – И.И. Петраковым. Поселение исследовалось в 1994–1996 гг. Т.В. Наумовой, вскрыто более 260 кв. м. Размеры памятника не установлены, территория сильно нарушена карьером. Культурный слой мощностью до 1 м сохранился у СЗ части карьера, он сильно перемешан. Находки разных эпох стратиграфически не расчленяются. К мезолиту относятся кремневые наконечники стрел на пластинах, в т.ч. постсвидерского типа, концевые скребки из пластин, резцы на углу сломанной пластины и боковые, грубо оббитые рубящие орудия, пластины и микропластины, часть из которых имеют ретушь, и т.п. Комплекс находок неолитического времени представлен обломками лепных сосудов с ямочной, ямочно-гребенчатой, ромбо-ямочной и гребенчатой орнаментацией, кремневыми листовидными наконечниками копий и дротиков, ромбовидными, листовидными и черешковыми наконечниками стрел, скребками, скобелями, проколками, комбинированными орудиями, теслами и т.п., относящимися, по мнению Т.В. Наумовой, ко второй стадии развития деснинской неолитической культуры. К эпохе бронзы отнесена лепная тонкостенная керамика, украшенная оттисками веревочки, зубчатого штампа и нарезками, образующими узор в виде «галочки», а также ямчатыми вдавлениями разной формы. Вероятно, к тому же комплексу относится и часть кремневых орудий с двухсторонней обработкой. Обломки лепных сосудов с сетчатыми отпечатками на внешней поверхности, а также гладкостенных, с защипами по краю венчика, ногтевыми вдавлениями и нарезками в верхней части датированы 2-й пол. I тыс. до н. э., должны быть отнесены к дьяковской или городецкой культурам. Встречены единичные обломки сосудов мощинского типа. Найдены также фрагменты гончарной посуды 12–14 вв. Среди других находок – глиняные шарики, куски железных шлаков и руды, кости животных. Выявлены остатки жилых построек неолитического и древнерусского времени, а также хозяйственных ямы, относящиеся к разным периодам функционирования поселения. Коллекция в ГИМ, ТОКМ и ТАМ.

Городцов, 1905, с. 520–524;
Герасимов и др., 1941, с. 42;
Брюсов, 1947;
Успенская, Фехнер, 1956, с. 183;
Грехова, 1970, с. 28, 29;
Грехова и др., 1970, с. 234;
Полякова, 1970;
Наумова, 1995, с. 125, 126; 1997, с. 150, 151;
Наумова, Воронцов, 1996, с. 166;
Грехова, 1962, № 2548, л. 4;
Миронова, 1979, № 7494, л. 56;
Наумова, 1994, № 18594, л. 13–45; 1995, № 19364, л. 3–50;
АКР, 2001, № 96 (8).

МИШЕНСКОЕ. ПОСЕЛЕНИЕ, палеолит (?), мезолит, р. ж. в., 2-я пол. I тыс. н. э.

0,3 км к В от д., правобережье р. Вырки (левый приток р. Оки), между автодорогой и городищем. Размер

около 650×200 м, высота над рекой 10–21 м. Территория памятника распахивается. На пашне найдены многочисленные кремни, в т.ч. односторонние одноплощадочные и торцевые, двухплощадочные и дисковидные нуклеусы, отбойники, концевые скребки на пластинах, наконечники стрел из пластин с частичной подработкой пера и черешка, резцы на углу сломанной пластины и др. Кремни датированы мезолитом, некоторые из них, возможно, могут относиться к верхнему палеолиту. Найдены также фрагменты лепных сосудов с примесями в глиняном тесте дресвы и шамота, без орнамента, датированные в широких пределах I тыс. н. э.

Шеков, 1993, № 17747, л. 45–48;
Наумова, 1995, № 19364, л. 50–53;
АКР, 2001, № 107 (22).

ФЕДЯШЕВО. ПОСЕЛЕНИЕ 1, мезолит (?), неолит, эпоха бронзы.

Близ д., правый берег р. Оки. Исследовалось в 1895 и 1897 гг. В.А. Городцовым, сборы подъемного материала производились в конце 19 в. Н. Преображенским, в 1920-е гг. – Ф.Ф. Рудневым. Большинство находок относится к неолиту. Неолитическая керамика лепная, остродонная и круглодонная, с открытым горлом, с ромбо-ямочной, ямочно-гребенчатой и гребенчатой орнаментацией. Среди других находок – кремневые листовидный наконечник стрелы, листовидные наконечники копий и дротиков, скребки, скобели, проколка, долотовидные орудия, нуклеусы. Отдельные находки кремневых орудий (резцы на углу сломанной пластины, концевые скребки на правильных укороченных пластинах, пластины со скошенным ретушью концом и др.) могут свидетельствовать о наличии на памятнике мезолитического комплекса. Найдены также единичные обломки лепных сосудов с орнаментацией из оттисков узкого гребенчатого штампа и веревочки, отнесенные к эпохе бронзы. Основные коллекции в ГИМ.

Городцов, 1905, с. 544, 545;
Брюсов, 1947;
Грехова, 1970, с. 30;
Грехова и др., 1970, с. 231, 232;
Полякова, 1970;
АКР, 2001, № 133 (51).

ЗАОКСКИЙ РАЙОН

МИТИНО. СТОЯНКА 5, СЕЛИЩЕ.

В 0,5 км от д. Митино, в 0,05 км к СВ от дома отдыха «Михаил Пришвин». Расположен на высокой 2 или 3-й надпойменной террасе правого берега р. Оки, на высоте 22 м над уровнем воды в реке. Стоянка частично уничтожена карьером. Открыта в 1987 году А.В. Трусовым и К.В. Ворониным. Исследовалась Т.М. Кузнецовой в 1987 и 1989 гг. Раскопом площадью 60 кв. м полностью исчерпан сохранившийся участок памятника. Памятник многослойный. Верхний слой содержал материалы раннего железного века. Находки мезолитического времени были приурочены к погребенной почве, перекрытой слоем стерильной супеси и вулканического пепла, относящегося по времени к эпохе бронзы. Материалы эпохи мезолита залегали несколькими небольшими скоплениями. В коллекции наконечники с боковой выемкой и топор с перехватом. Материалы отнесены к иеневской культуре. По данным спорово-пыльцевого анализа погребенная почва, вероятно, сформировалась во второй половине бореала.

Воронин, Кузнецова, 1988;
Зотько и др., 1993;
Кравцов, 1999;
Кузнецова, 1987, № 11902;
Кузнецова, 1989, № 15474.

ЛЕНИНСКИЙ РАЙОН

ТУЛА. ПОСЕЛЕНИЕ УПА 4, мезолит, 4–7, 11–13, 14–17 вв.

Около восточной окраины г. Тулы, 1,1 км к ЮВ от дома 21 по ул. Новомосковская, мысовидный выступ первой надпойменной террасы левого берега р. Упы (правый приток р. Оки). Размер около 150×90 м, высота над рекой 5–11 м. Территория памятника распахивается. Исследовано (Т.В. Наумова, 1994 г.) 392 кв. м. Культурный слой имеет толщину около 0,25 м, нарушен распашкой. К мезолитическому комплексу относятся кремневые асимметричные наконечники с выемкой в основании, скребки, резцы на углу сломанной заготовки, нуклеусы различных видов, отнесенные к иеневской культуре и датированные VI тыс. до н. э. Найдены также обломки лепных сосудов, в т.ч. с черным и коричневатым лощением, мощинской культуры, и гончарная керамика, датированная 12–14 вв., железные ножи, кресало, ножницы и др. предметы того же времени. Зафиксированы остатки постройки 13–14 вв. и несколько хозяйственных ям с гончарной керамикой. Коллекция в Музее «Тульские древности».

Наумова, 1995, с. 125;
Клянин, 1987, № 12104, л. 16, 17;
Гриценко, 1990, № 15612, л. 83;
Екимов, 1992, № 17159, л. 18–50;
АКР, 2001, № 5 (30).

СЛОБОДКА (ГОРОДИЩЕ). ПОСЕЛЕНИЕ (СЛОБОДКА 2), мезолит (?), 4–7, 11–13, 14–17 вв.

100 м к Ю от западной окраины д., мыс правого берега р. Синетулицы (левый приток р. Тулицы, правого притока р. Упы, правого притока р. Оки). Размер около 220×100 м, высота над рекой 7–20 м. Исследовано (А.В. Шеков, 1992 г.) 496 кв. м в центральной части памятника. Культурный слой толщиной около 0,2 м. Среди находок – кремневые орудия предположительно эпохи мезолита. Керамика лепная, тонкостенная, в т.ч. с лощением, мощинской культуры, гончарная древнерус-

ская и позднесредневековая. В северной части раскопа зафиксированы остатки части наземной постройки столбовой конструкции размером 7,6×5,4–7,4 м, относящейся к позднему этапу мощинской культуры.

АКР, 2002, № 1440 (49), с. 159;

Шеков, 1992, № 17447, л. 1–13.

НОВОМОСКОВСКИЙ РАЙОН

БЕЛОМЕСТНОЕ. ПОСЕЛЕНИЕ, мезолит, 11–13, 14–17 вв.

Южная часть с., около 100 м к Ю от ц., левый высокий берег р. Прони (правый приток р. Оки). Размер около 400×100 м, высота над рекой 20–35 м. Культурный слой толщиной до 0,3 м, нарушен распашкой. Найдены кремневые пластины и отщепы, тесловидное орудие, отнесенные к мезолиту, гончарная древнерусская керамика с линейным и волнистым орнаментом, датированная 12–13 вв., а также фрагменты позднесредневековой посуды, в т.ч. сероглиняной, чернолощеной и мореной 16–17 вв.

АКР, 2002, № 1456 (66), с. 167;

Фоломеев, 1987, № 12004, л. 8;

Заидов, 1992, № 17289, л. 5.

НИЖНЕЕ ГОРОДИЩЕ, мезолит, эпоха средневековья.

В окрестностях бывшей д. Нижнее Городище, на берегу Пронского водохранилища, на мысовидном всхолмлении высотой до 5 м над уровнем воды. В прибрежной части памятник интенсивно разрушается. На отмели собран подъемный материал эпохи мезолита и выявлены следы посада древнерусского времени, а в 300 м от берега, на глубине 3,5–4 м зафиксировано местонахождение человеческих костей – вероятно, следы посадского могильника.

Заидов, 2003.

ОСАНОВО. ПОСЕЛЕНИЕ (ОСАНОВО 4), мезолит, 11–13 вв.

1 км к Ю от с., между двумя грунтовыми дорогами, левый коренной берег р. Прони (правый приток р. Оки). Размер около 100×75 м, высота над рекой 15–20 м. На пашне найдены кремневые миниатюрные вкладыши, наконечник стрелы с частичной обработкой ретушью пера и черешка, скребок, резец, пластины, отнесенные к эпохе мезолита, а также фрагменты гончарной древнерусской керамики, с линейным и волнистым орнаментом, датированной 12–13 вв.

Заидов, 1992, № 17289, л. 4;

АКР, 2002, № 1491 (70), с. 173.

ПЛОСКОЕ. ПОСЕЛЕНИЕ, мезолит, 11–13, 14–17 вв.

Центр. часть д., около 40 м к СВ от здания магазина, высокая надпойменная терраса лев. берега р. Прони (правый приток р. Оки). Протянулось вдоль террасы, Размер около 200×40 м, высота над рекой 12–17 м. Территория памятника частично занята строениями, распахивается под огороды. Культурный слой толщиной до 0,3 м. Найдены кремневые орудия (в т.ч. миниатюрные вкладыши, концевые скребки, резцы на углу сломанной заготовки и др.), отнесенные к мезолиту, а также фрагменты гончарной керамики, древнерусской и позднесредневековой, в т.ч. сероглиняной и чернолощеной.

АКР, 2002, № 1504 (86), с. 175;

Фоломеев, 1987, № 12004, л. 46, 47;

Заидов, 1996, № 20522, л. 4.

ТЕТЯКОВКА. ПОСЕЛЕНИЕ 1 (КОБЯКОВО 1), мезолит, неолит, эпоха бронзы, р. ж. в., 11–13, 14–17 вв.

3,2 км к ЮВ от д., левый берег р. Прони, правый притока р. Оки (ныне – западный берег Пронского водохранилища), к С от устья р. Тетяковки. Протянулось вдоль реки. Размер около 530×80 м, высота над современным уровнем воды в водохранилище 1–2 м. Территория памятника распахивается. В его центральной части на площади около 160×40 м найдены кремневые, миниатюрные ножевидные пластины и микролиты, отнесенные к эпохе мезолита, лепная керамика с ямочно-гребенчатой, ромбо-ямочной и гребенчатой орнаментацией, кремневые резцы, пластины и отщепы неолитического времени. В северной части памятника на площади около 60×50 м обнаружены фрагменты лепной керамики, украшенной отпечатками веревочки и оттисками гребенчатого штампа, а также ранней сетчатой, отнесенные к эпохе бронзы. Отдельные фрагменты сосудов с сетчатыми отпечатками на внешней поверхности и гладкостенных, отнесенные к р. ж. в., найдены на южном краю поселения. На всей территории памятника встречены фрагменты гончарных белоглиняных сосудов, с линейным и волнистым орнаментом, датированных 12–14 вв.

АКР, 2002, № 1526 (13), с. 179;

Заидов, 1987, № 12084, л. 3; 1989, № 14774, л. 11, 12; 1996, № 20522, л. 22.

ТЕТЯКОВКА (КИКИНА ПРОТОКА) 3, мезолит, эпоха бронзы, 11–13, 14–17 вв.

4,4 км к ЮВ от д., левый берег р. Прони, правого притока р. Оки (ныне – западный берег Пронского водохранилища), 0,4 км к ЮВ от устья р. Тетяковки, 0,2 км к С от затопленного устья р. Марковки (Кикина протока). Протянулась вдоль берега р. Прони, размером около 300×40 м, высота над современным уровнем воды в водохранилище 1,0–2,5 м. Культурный слой толщиной 0,2–0,3 м размывается при сезонных колебаниях уровня водохранилища. Среди находок – кремневые ножевидные пластины, заготовка наконечника стрелы на пластине, рубящие орудия, отнесенные к мезолиту, лепная керамика с орнаментацией из прочерченных линий и овальных вдавлений, эпохи бронзы (в т.ч. абашевской культуры), гончарная белоглиняная керамика с линейным и волнистым орнаментом, датированная 12–14 вв.

Найдены также фрагменты железной косы-горбуши и керамические сопла. На терр. поселения обнаружен также грунтовый могильник (см. № 1538).

АКР, 2002, № 1528 (15), с. 179, 180;

Заидов, 1987, № 12084, л. 4, 5; 1988, № 13398, л. 4–6; 1989, № 14774, л. 12, 13.

СУВОРОВСКИЙ РАЙОН

БЕЛОЕ (БЕЛЕНЬКАЯ, КУЛЕШОВО). СТОЯНКА, мезолит.

Около 1 км к ЮЗ от д., около 1,2 км к СЗ от СЗ окраины с. Кулешово, широкий мыс первой надпойменной террасы правого берега р. Оки при впадении в нее р. Березовки (Белой, Беленькой), правый берег последней. В источниках именуется также: стоянка у с. Кулешово. Найдены кремни мезолитического облика.

АКР, 2001, № 447 (26а);

Герасимов и др., 1941;

Фролов, 1985, с. 137.

БОЛОТО, стоянка.

В 1994 г. Б.В. Грудинкиным близ д. Болото собран материал палеолитического облика.

Грудинкин, 1995.

ДОБРОЕ (ДОБРОПОКРОВСКОЕ). СТОЯНКА 1, мезолит, неолит.

0,45 км к З от с., 0,12 км к Ю от бывш. Добропокровского монастыря, первая надпойменная терраса правого берега р. Оки, у пруда. Размер около 50×40 м, высота над поймой 3–6 м. Культурный слой имеет толщину до 0,18 м. Поверхность распахивается. Открыта М.М. Герасимовым в 1935 г., в 1980 г. обследована А.С. Смирновым, в 1992 г. – Б.В. Грудинкиным. Найдены кремневые скребки на пластинах, комбинированные орудия, отщепы и пластины, предположительно отнесенные к финалу мезолита.

АКР, 2001, № 455 (7);

Герасимов и др., 1941;

Грехова и др., 1970;

Фролов, 1985, с. 138;

Грудинкин, 1992, № 17649.

ДОБРОЕ (ДОБРОПОКРОВСКОЕ). СТОЯНКА 2, мезолит, неолит.

Около 0,5 км к СЗ от СЗ окраины с., 0,2 км к С от б. Добропокровского монастыря, правый берег р. Оки к Ю от устья р. Добрянки. Размеры около 115×75 м, высота над рекой 5–7 м. Территория памятника распахивается. Культурный слой имеет толщину до 0,15 м, нарушен распашкой. Найдены фрагменты лепных сосудов с ямочно-гребенчатой орнаментацией, кремневые скребки на пластинах и отщепах, вкладыши, резцы на углу сломанной пластины, отщепы, пластины, сколы и др. орудия, относящиеся к позднему мезолиту и неолиту.

АКР, 2001, № 456 (6);

Герасимов и др., 1941;

Грехова и др., 1970, с. 285;

Фролов, 1985, с. 138;

Грудинкин, 1992, № 17649.

ЧЕКАЛИН. МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ 1, палеолит (?).

0,27 км к СВ от СВ окраины г., левый берег р. Оки при устье р. Лихвинки. На площади около 230×130 м на высоте 1–3 м над рекой найдены кремневые перфораторы, отщепы, бифас, скобель и резец верхнепалеолитического облика.

Грудинкин, 1992, № 17649;

АКР, 2001, № 477 (17).

ЧЕКАЛИН. МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ 2, палеолит (?).

0,55 км к ЮВ от ЮВ окраины г., левый берег р. Оки, около 100 м выше устья р. Б. Речицы. На площади около 220×140 м на высоте 1–3 м над рекой найдены кремневые скребок, скобель, комбинированные орудия, отщепы, предположительно верхнепалеолитического облика.

АКР, 2001, № 478 (20);

Грудинкин, 1992, № 17649.

ЧЕКАЛИН. МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ 3, мезолит.

0,25 км к ЮВ от юго-восточной окраины г., у шоссе Р-92 Белев – Чекалин, левобережье р. Оки, около 1,2 км от русла. На огородах, на площади около 150×65 м, найдены кремневые скобели, резец, нуклеус, отщепы и пластины мезолитического облика.

Грудинкин, 1992, № 17649;

АКР, 2001, № 479 (21).

ЯСНОГОРСКИЙ РАЙОН

МОКРАЯ КОРЬ. МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ, мезолит (?), неолит (?).

В 1,4 км к З от д., на правом берегу р. Беспуты (правый приток р. Оки), в 0,15 км к Ю от устья безымянного ручья. На пашне, на площади около 30×30 м найдены кремневые желваки, отщепы с ретушью, заготовка рубящего орудия, относящиеся либо к позднему мезолиту, либо к раннему неолиту.

АКР, 2002, № 1656 (17), с. 207;

Наумов, 1992, № 17643.

ЯРОСЛАВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Основные реки области относятся к бассейну р. Волги. К бассейну Оки на территории области принадлежат Нерль Клязьминская и Киржач, берущие начало в торфяниках Переславского района. Здесь располага-

ются стоянки ИВАНОВСКОЕ 3 и 7 (Крайнов, Хотинский, 1984; Жилин и др., 2002) и БЕРЕНДЕЕВО 3 (Мезолит СССР, с. 73, 252).

ПЕРЕСЛАВСКИЙ РАЙОН

ИВАНОВСКОЕ. Комплекс стоянок и поселений.

Стоянки и поселения расположены на древних берегах и суходолах Ивановского болота, раскинувшегося у южной окраины пос. в широтном направлении по течению р. Нерли (левый приток р. Клязьмы, левого притока р. Оки, правого притока р. Волги) на площади длиной около 1 км и шириной до 3 км. Памятники выявлены в ходе торфоразработок. Ивановское 1, 6, 8, 9 полностью разрушены торфодобычей.

ИВАНОВСКОЕ. ПОСЕЛЕНИЕ 3, мезолит, ранний и поздний неолит, эпоха бронзы.

Около 4 км к ЮВ от пос., в восточной части торфяника, ЮВ мыс суходола высотой до 3 м от уровня торфа в болоте. Исследовалось в 1972 г. Д.А. Крайновым и Н.А. Хотинским, в 1973–1974 гг. Д.А. Крайновым, в 1984, 1986 и 1990 гг. Д.А. Крайновым и А.В. Уткиным. Всего раскопано 360 кв. м. Площадь памятника определена в пределах 4,0–4,5 тыс. кв. м. Северо-восточная часть стоянки уничтожена валовой канавой шириной 10 м. Отводная канава шириной до 5 м, проложенная вдоль юго-восточного склона суходола, делит стоянку по длинной оси на суходольную и болотную половины. Стратиграфия болотного участка: 1) 0–0,30–0,58 м – светло-рыжий торф; в основании торфа залегает 1-й культурный слой толщиной около 0,05 м; 2) 0,58–1,16 м – темно-рыжий древесный торф с переходом в светло-коричневый; в последнем на глубине от 1,04 до 1,16 залегает 2-й культурный слой толщиной 0,1–0,2 м; 3) 1,16–1,40 м – ольхово-тростниковый темно-коричневый торф с примесью сапропеля; в нем на глубине от 1,30 до 1,48 м залегает 3-й культурный слой толщиной 0,15–0,40 м; 4) 1,48–1,77 м – древесно-тростниковый темно-серый торф с песком; в нем на глубине от 1,62 до 1,77 залегает 4-й культурный слой толщиной на присуходольном участке 0,1 м, на болотном – до 0,25 м. В слое 1 найдено небольшое количество ложнотекстильной керамики эпохи поздней бронзы, кремневых орудий и отщепов. По радиоуглероду слой 1 датируется 1370±40 г. до н. э., т.е. около 2-й пол. и конца II тыс. до н. э. В слое 2 в перемешанном виде найдена керамика трех культурно-хронологических групп: поздняя волосовская, протоволосовская и поздняя льяловская. Образец из поздневолосовской прослойки датирован 1770±50 г. до н. э. Образцы из позднего льяловского горизонта датируются 2780±70, 2850±250 и 3150±60 г. до н. э., т.е. от конца IV до 1-ой пол. III тыс. до н. э. В слое 3 найдена керамика верхневолжской культуры с гребенчатым и тычково-накольчатым орнаментом, костяные и кремневые (на отщепах и пластинах) орудия. По радиоуглероду слой датируется от 4590±70 до 3890±40 гг. до н. э., т.е. от 2-й пол. V до нач. IV тыс. до н. э. В слое 4 найдены миниатюрные скребки на отщепах и пластинах, резцы, ножевидные пластины с подработкой, костяные игловидные и веретенообразные наконечники стрел, гарпуны, роговые топорики и пр. По радиоуглероду слой в целом датируется от 5680±40 по 4950±80 гг. до н. э. На суходольном участке слой из слабогумусированного песка содержит немногочисленные находки всех перечисленных выше культур. Коллекция в ЯГИАХМЗ.

Нейштадт и др., 1969, с. 129–138;
Крайнов, 1973, с. 68, 69;
Крайнов и др., 1973, с. 80–84; 1990, с. 25–31;
Крайнов, Хотинский, 1974, с. 272–275;
Крайнов, 1974, с. 59, 60; 1978; 1983, с. 64;
Крайнов, Хотинский, 1977; 1984а, с. 92–109;
Уткин, 1986, с. 79; 1998, с. 3–11;
Жилин, Энговатова, 1998, с. 90–97.

ИВАНОВСКОЕ. ПОСЕЛЕНИЕ 7, мезолит, неолит, эпоха бронзы.

2 км к ЮВ от пос., мыс суходола северного берега торфяника. Исследовалось в 1973–1975 гг. Д.А. Крайновым, в 1982 г. Ю.Б. Цетлиным, в 1987–1990 гг. Д.А. Крайновым и А.В. Уткиным, в 1992–1997 гг. М.Г. Жилиным. Раскопано 1240 кв. м. Выявлено четыре культурных слоя (по данным М.Г. Жилина – пять). Нижний, четвертый в порядке исследования культурный слой залегает в верхнем горизонте оторфованного песка и лежащем на нем слое рыже-бурого торфа. Слой отражает ранний этап освоения человеком побережья Ивановского водоема. Оно началось в период бореала с влажным и прохладным климатом и высоким стоянием грунтовых вод. В растительном покрове преобладали березовые и березово-сосновые леса и заболоченные разнотравные луга. В слое содержатся материалы среднего этапа бутовской культуры. Орудия из кремня и кости отличались большим разнообразием с развитой вкладышевой техникой. Кремневые вкладыши в пазах костяных наконечников стрел, гарпунов, кинжалов крепились с помощью хвойной смолы и пчелиного воска. По костным остаткам основную долю в охотничьей добыче составляли пушные – бобр и куница – и мясные – лось, отчасти северный олень. Значительное место в добыче занимали медведь, лисица, заяц, выхухоль. В охоте широко применялась собака. В костном материале среди птиц преобладают водные и болотные виды, а из боровых – глухарь. В уловах преобладала щука (более 99 % общей массы) с некоторой примесью судака и незначительной долей карася, плотвы, окуня. По пыльце слой датируется 1-й половиной пребореала, около 9600 л. н., по радиоуглероду контакт верхнего горизонта слоя с перекрывающим сапропелем – 9690±120 л. н., 9500±110 л. н., 9500±100 л. н., а сам слой – 9700–9600 л. н. Третий культурный слой лежит непосредственно над нижним, но отделяется от него прослойкой линзовидных включений чистого крупнозернистого песка толщиной до 0,02 м,

который отложился в результате озерной трансгрессии. Орудия из кремня и кости продолжают традиции бутовской культуры переходного типа от среднего этапа к позднему. Увеличивается роль рубящих орудий из кости и рога, встречены фигурки птиц: костяная подвеска в виде головки водоплавающей птицы, деревянная фигурка лебедя. По пыльце слой отложился в период бореального оптимума, который характеризовался некоторым потеплением климата и повышенным уровнем воды. В лесостое отмечено преобладание сосны с небольшой примесью березы. Видовой состав охотничьей добычи практически не изменился. Добыча птиц и рыбный улов по сравнению с предшествующим периодом в количественном отношении сокращается. По радиоуглероду для слоя получены датировки: 8780±120, 8550±100, 8530±50, 8290±160, 8200±300 л.н. Перекрывающий сапропель датируется 8630±160, 8540±110, 8530±100, 8360±160, 8080±100, 8020±160 л. н. Поэтому переход от среднего этапа бутовской культуры к позднему датируется 8700–8500 л. н. В конце бореального периода наблюдается максимальный подъем уровня воды, в течение которого происходит отложение темно-оливкового и светлого сапропеля, перекрывающего третий культурный слой. В начале атлантического периода происходит озерная регрессия, климат становится суше, на прибрежных участках прогрессирует торфообразование. В верхнем горизонте торфа находится культурный слой 2А с материалами финального этапа бутовской культуры. Основной заготовкой для кремневых орудий служил отщеп, отмечается использование некремневых пород для изготовления рубящих орудий, в т.ч. шлифованных тесел из сланца. Есть и кремневые грубо оббитые топоры с подшлифованным лезвием. Среди каменных изделий встречена галька с гравированным геометрическим орнаментом – «чуринга». По-прежнему разнообразны костяные изделия: наконечники стрел, гарпуны, наконечник рогатины из трубчатой кости, небольшой кинжал с навершием в виде стилизованной головы птицы. Первое место в охотничьей добыче занимает бобр, за ним следуют куница и лось, появляется кабан. Качественный состав улова остается прежним. Переход от мезолита к неолиту отмечен кратковременным подъемом уровня воды в озере. В это время в верхнем горизонте слоя 2А образуется тонкая прослойка торфа с сапропелем, отмечающая некоторый перерыв жизни на поселении. Выше лежит слой темного структурированного торфа – погребенная почва, в котором отложился культурный слой 2 с керамикой верхневолжской культуры. В его нижнем горизонте и зольно-углистой прослойке на участке контакта с прослойкой сапропеля встречена ранняя верхневолжская керамика с примесью органики в тесте. Здесь она датируется нач. V тыс. до н. э. В атлантикуме – около сер. V тыс. до н. э. началось повышение уровня воды в озере. В лесостое появляется значительная примесь широколиственных пород. К этому времени относится развитый этап верхневолжской культуры, материалы которого стратиграфически четко не вычленяются от материалов последующих фаз неолита: льяловской, протоволосовской и волосовской культур. Средний этап верхневолжской культуры представлен фрагментами остродонных сосудов с примесью органики и шамота в тесте, орнаментированных гребенчатым штампом и наколами. Отличительным признаком поздней керамики является примесь в тесте крупной дресвы, орнаментация длинным гребенчатым штампом и редкими ямочными вдавлениями. Ее датировка не выходит за пределы V тыс. до н. э. Льяловская культура по типологии керамики подразделяется на три этапа. Ранняя керамика с примесью дресвы в тесте орнаментирована рядами вертикально наклонных и горизонтальных гребенчатых штампов, перемежающихся строчками ямок. В керамическом материале отмечено наличие архаичных северных типов и переходных форм к среднему этапу. Керамика развитого этапа орнаментирована плотно уложенными в шахматном порядке коническими ямками, разделенными поясами различных штампов. Обжиг качественный, в тесте примесь дресвы. Поздняя льяловская керамика орнаментирована густо расположенными ямками неправильной формы, в разделительных зонах сохраняется прежний орнамент. В редкоямочной керамике наряду с традиционной примесью в тесте дресвы или песка встречается раковинная примесь. В целом льяловская культура датируется от начала до конца IV тыс. до н. э. Поздний неолит представлен небольшим количеством протоволосовской и ранней волосовской керамикой. Протоволосовская керамика вся круглодонная, в примесях содержит дресву и песок. Поверхность снаружи и внутри грубо заглажена, часто с расчесами. Орнамент состоит из оттисков гребенчатого штампа, образующих зигзаги, наклонные пояса, ромбические решетки в сочетании с поясами ямчатых вдавлений. Изредка встречается короткий рамчатый штамп. По ее распространению в северо-западном регионе она связана с Валдаем и датируется нач. III тыс. до н. э. В протоволосовском комплексе выделено небольшое количество прибалтийской керамики с раковинной примесью. Взаимодействие пришлого восточно-прибалтийского населения с поздним льяловским при участии протоволосовского привело к образованию волосовской культуры, на поселении представленной ранним вариантом. Керамика отличается рыхлостью, в примесях содержится раковина и органика. Как и прибалтийская, она орнаментирована гребенчатыми, гребенчато-ямочными и редкоямочными узорами. На поселении волосовская керамика датируется 2-й пол. III тыс. до н. э. Этот слой был срезан торфодобычей. Орудия из кремня и кости периода среднего и позднего неолита типологически не различаются и лишь в некоторых случаях делятся стратиграфически. Кремневый инвентарь изготовлен на отщепах с двусторонней ретушью и большей частью относится к развитому этапу льяловской культуры. Некоторые изделия со струйчатой ретушью принадлежат к волосовской культуре. Каменные мотыги со сверлиной в центре типичны для льяловской культуры. Среди шлифован-

ных топоров и тесел с заточенным лезвием один клиновидный топор относится к фатьяновскому типу. Костяных орудий (наконечники стрел, гарпуны, копье и др.) сравнительно мало. К позднему неолиту принадлежат изделия из дерева: лопасть весла, ковш в форме утки с ручкой в виде утиной головки. В числе украшений были подвески из зубов лося, медведя, клыки хищного животного и кабана и пластины из кости и сланца. К предметам искусства относится галька с контурной гравировкой сцены охоты с луком на крупного животного, глиняная фигурка птицы (куропатка?), скульптурный фаллос из рога с навершием в виде головы лебедя, плитка с гравированной решеткой на плоскости. Оружие, орудия труда, остатки флоры и фауны свидетельствуют о комплексном типе хозяйства лесных охотников и рыболовов. В охотничьей добыче заметной становится доля кабана, резко возрастает доля лесной куницы, увеличивается добыча выдры, барсука при значительном сокращении доли бобра. Другие виды, как и качественный состав птицы и рыб, оставались на прежнем уровне. На территории поселения существовал небольшой могильник. Погребения с З, В и СЗ ориентировкой находились в неглубоких могильных ямах. В одной могиле было парное погребение ярусом. Инвентарь отсутствовал. Два мужских черепа и один женский относятся к европеоидному типу. По аналогии с погребениями в могильнике Сахтыш 2 они относятся к волосовской культуре и датируются кон. III – нач. II тыс. до н. э. Единичные фрагменты керамики эпохи бронзы кон. II тыс. до н. э. отложились во время кратковременных остановок ее носителей. Керамика 17 в. по некоторым предположениям могла появиться в тревожной обстановке Смутного времени.

Нейштадт и др., 1969, с. 129–138;

Крайнов, 1973, с. 68, 69; 1974, с. 59, 60; 1978; 1983, с. 64.

Крайнов и др., 1973, с. 80–84; 1990а, с. 25–31.

Крайнов, Хотинский, 1974, с. 272–275; 1977а, с. 42–68; 1977б, с. 146–153; 1984а, с. 92–109;

Уткин, 1986, с. 79; 1998, с. 3–11;

Костылева, Уткин, 1997, с. 41–54;

Жилин, Энговатова, 1998, с. 90–97;

Жилин, 1995б; 1996б;

Жилин, Кравцов, 1997;

Жилин и др., 2002.

КУПАНСКОЕ. СТОЯНКА ДОМ ОХОТНИКА, мезолит.

3 км к ЮЮВ от пос., первая терраса северо-западного берега оз. Плещеево, правый берег безымянного ручья, в 250 м выше его впадения в озеро. Обследована в 1989 г. К.И. Комаровым. Площадь 35×20 м, высота до 3 м от озера. Поверхность поросла сосной. Стратиграфия: 1) 0–0,05 м – дерн; 2) 0,05–0,20 м – темно-серый песок; 3) 0,20–0,35 м – серый песок. В слое 3 найдены кремневые отщепы и ножевидные пластины.

Комаров, 1989, № 14122, л. 18.

БЕРЕНДЕЕВО. КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКОВ, мезолит, неолит, эпоха бронзы.

Приурочена к прибрежным суходолам и островным образованиям Берендеевского болота, простирающегося к югу от пос. Берендеевское болото является остатком древнего палеоозера, сформировавшегося в окраинной зоне московского оледенения не позднее пребореального периода. Около 6000 л. н. отмечается начало сокращения размеров водоема и заболачивания его периферийной зоны. К этому времени относятся стоянки раннего неолита и появление стоянок с ямочно-гребенчатой керамикой. На рубеже атлантического и суббореального периодов около 4500 л. н. начинается процесс дальнейшего сокращения водоема и заболачивания его центральной части, сопровождавшийся более интенсивным освоением озерной котловины человеком. Памятники получили известность в конце 1950–х – нач. 1960-х гг. по случайным находкам неолитических изделий при торфоразработках и сборам на торфяных полях (А.М. Бакаев). Всего было зафиксировано не менее 25 местонахождений. Большинство из них было уничтожено при добыче торфа. Безвозвратно утрачены несомненно существовавшие здесь памятники эпохи позднего неолита и бронзы. По результатам ограниченных раскопок и коллекционным сборам более или менее достоверно изучено 10 стоянок. В настоящее время остатки стоянок уничтожены выгоранием торфяных залежей в пожарах конца 20 – начала 21 вв.

Никитин, Хотинский, 1966;

Нейштадт и др., 1969, с. 129–138;

Никитин, 1976, с. 191–202.

Кольцов, 1980, с. 55, 56;

Крайнов, 1980, с. 58, 59;

Жилин, Крайнов, 1982, с. 67–73;

Уткин, 1983, с. 95; 1984, с. 52–56; 1985, с. 143–150.

БЕРЕНДЕЕВО. СТОЯНКА 3, мезолит.

Около 3 км к ЮЮЗ от ст. Берендеево, песчаный остров близ СЗ побережья древнего озера. Обследовано в 1966 г. А.М. Микляевым и Н.А. Хотинским. В 1979 г. Л.В. Кольцовым раскопано 28 кв. м. Исследована часть деревянного помоста размерами 6,0×3,2 м. Он был сооружен из сосновых плах, уложенных на слое бересты, усиленной настилом из тростника и подновлен укладкой другого настила на втором слое бересты. В восточной части на прослойке тростника, уложенной на помосте, был овальный в плане очаг размерами 1,30×1,15 м, толщиной 0,10 м. Кремневые орудия (скребки концевые и подокруглые, резцы, ножи, вкладыши) и отходы производства отнесены к позднему этапу бутовской культуры. Осоковый торф непосредственно под слоем с находками по радиоуглероду датируется 8800±100 л. н. Торфообразование происходило в бореальном периоде с господством березы и сосны в лесном покрове. На этом основании саму стоянку считается возможным датировать 8500 л.н. Коллекция в ЯИАМЗ.

Хотинский, 1967;

Нейштадт и др., 1969, с. 129–138;
Кольцов, 1980, с. 55, 56.

БЕРЕНДЕЕВО. СТОЯНКА 9, поздний мезолит (?).

Около 3 км к Ю от западной окраины пос., ЮЗ зона торфяника, южный заторфованный берег древнего озера. Известна по коллекции костяных орудий, собранных А.М. Бакаевым и сданных им на хранение в музей г. Переславль-Залесский. Четыре биконических наконечника стрел с ободком-«ограничителем» на головке и длинным цилиндрическим цевьем-насадом аналогичны веретенообразным наконечникам из мезолитического слоя стоянки Ивановское 3. От пятого наконечника слегка утолщенное острие с продольным пазом для вкладышей. На одной плоскости подтреугольного в сечении большого наконечника копья по всей длине прорезан глубокий паз для вкладышей. Массивный гарпун с просверленным отверстием на основании и двусторонними крупными клювовидными зубцами не имеет близких аналогий. Несколько орудий сохранились в обломках: насад небольшого гарпуна или наконечника стрелы с мелкими нарезками по двум граням, обломок острия киркообразного орудия, обломок рыболовного крючка из жаберной крышки крупной рыбы с двумя зубчиками на острие.

Уткин, 1985, с. 143–150.

Приложение 2

Иллюстрации

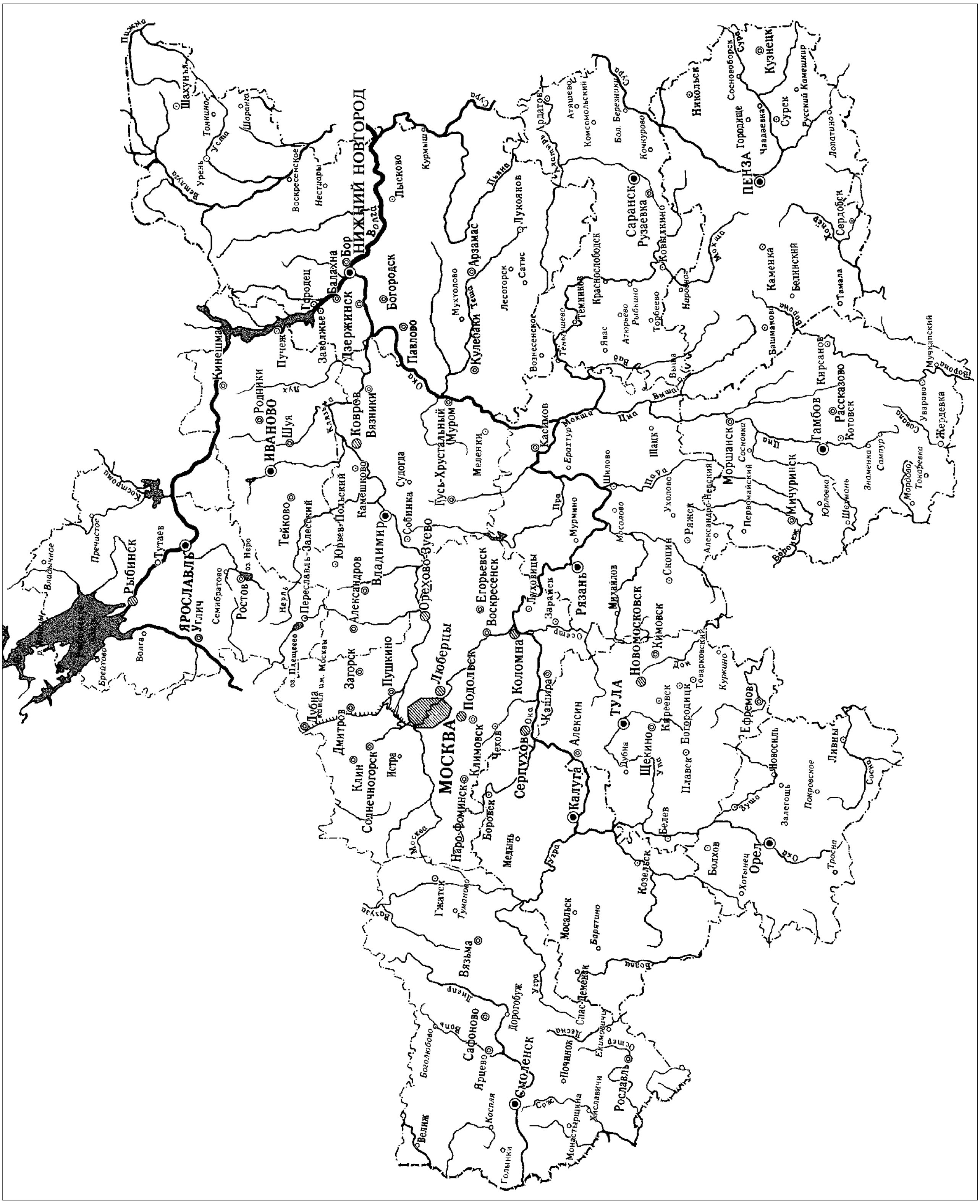

Рис. 1: Бассейн р. Оки в системе административно-территориального устройства России.

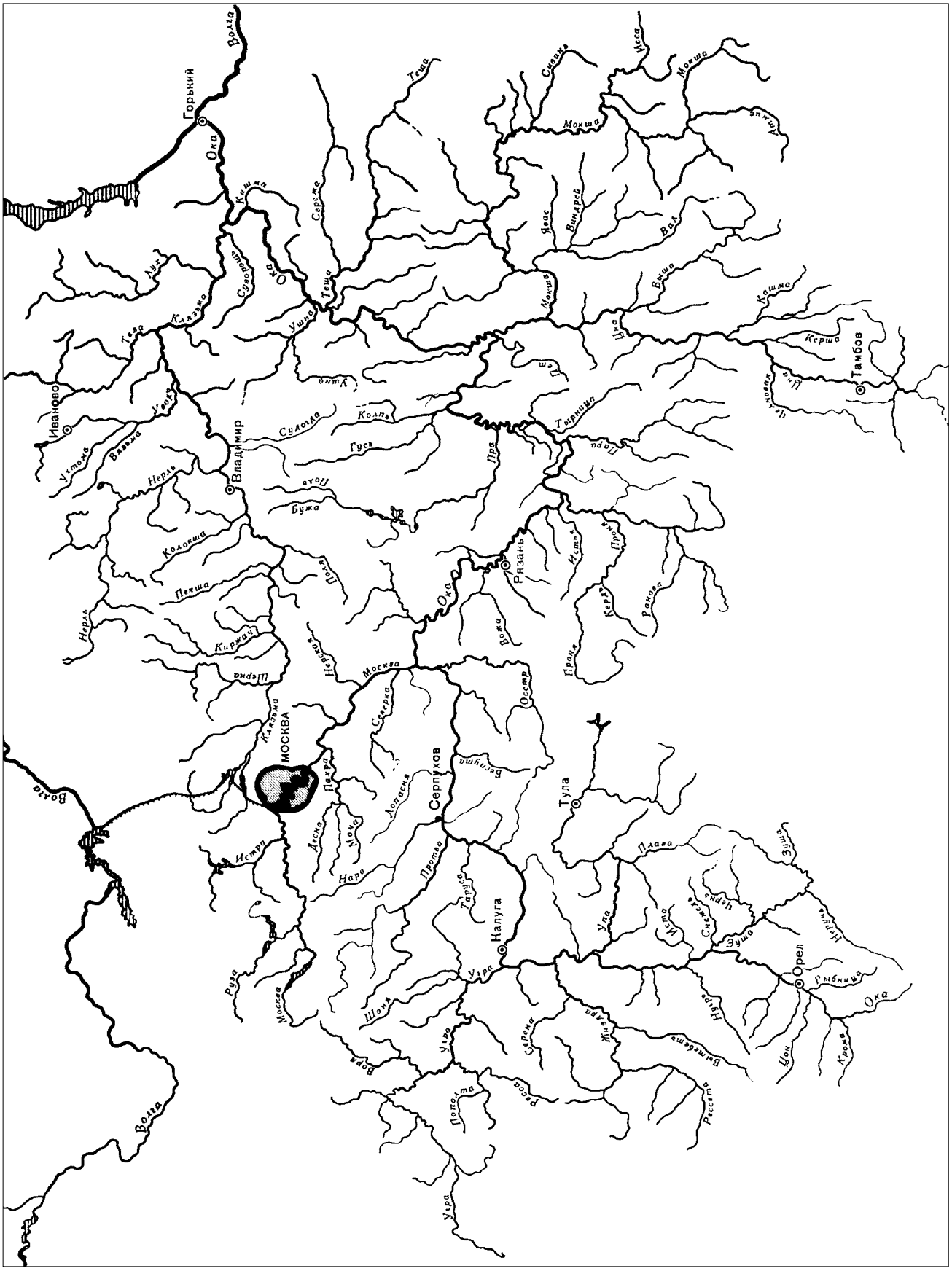

Рис. 2: Гидрография бассейна р. Оки (по Г.П. Смолицкой, 1976).

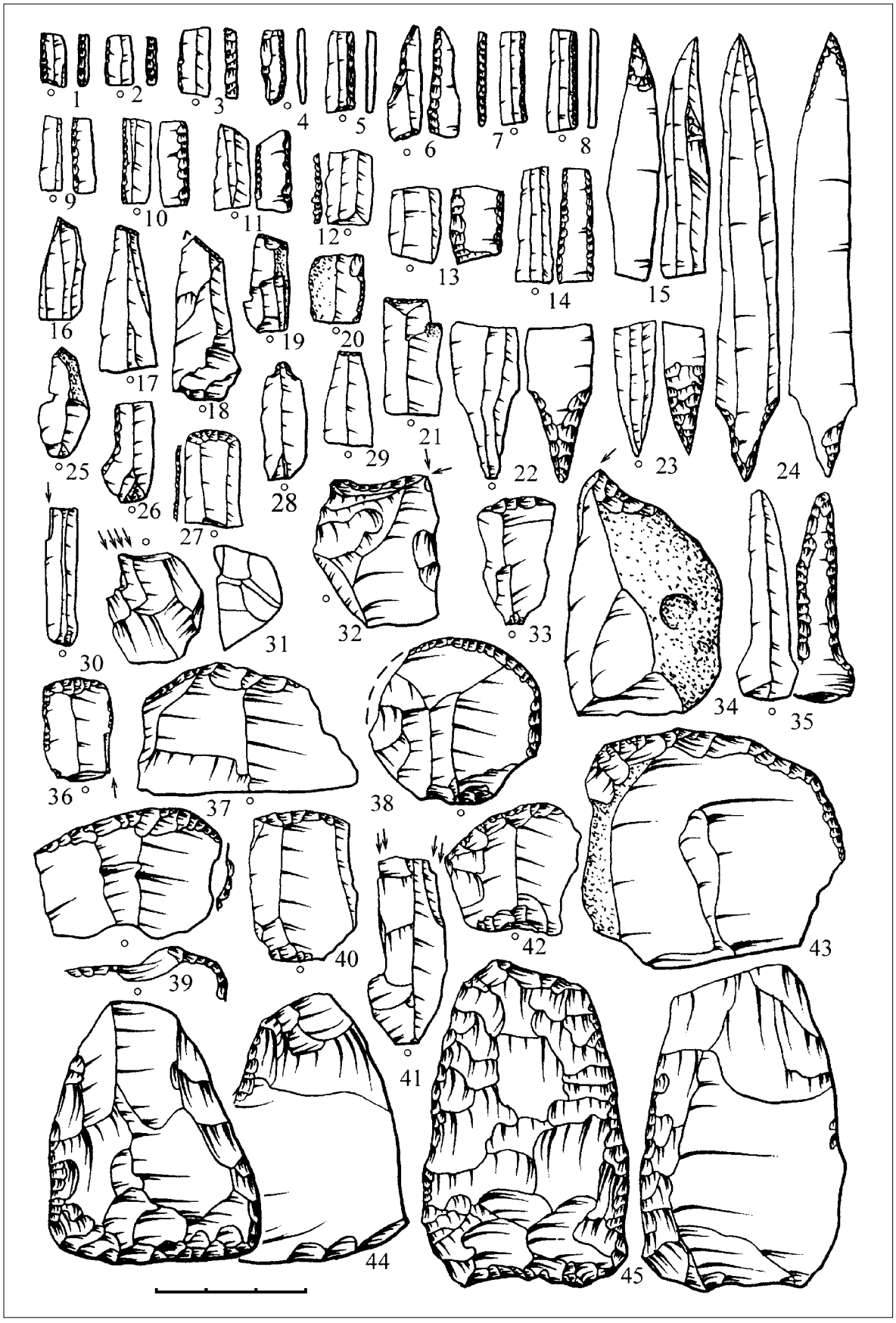

Рис. 3: Бутовская культура. Стоянка Задне-Пилево 1. Сводная таблица.

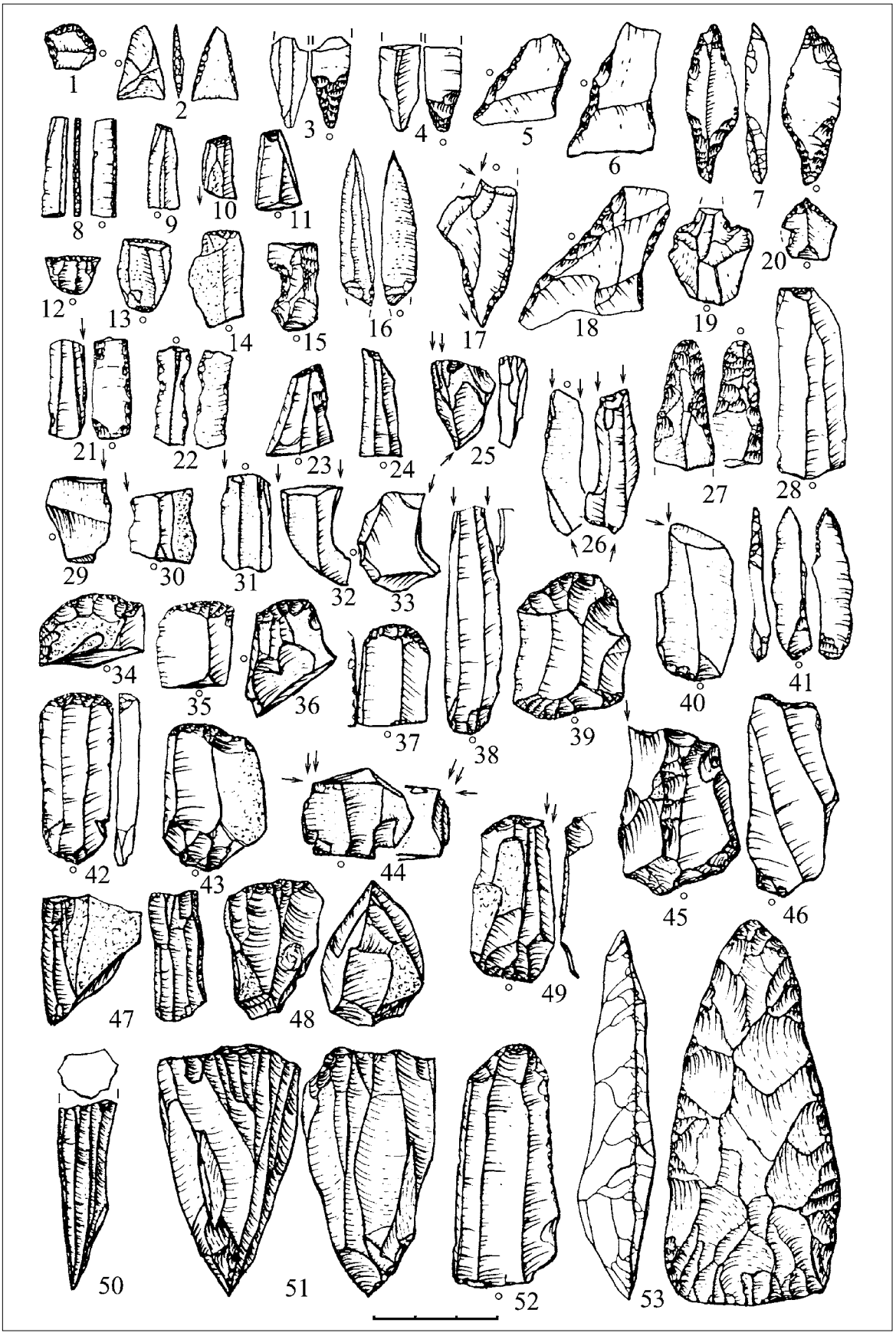

Рис. 4: Бутовская культура. Стоянка Исток 1. Сводная таблица.

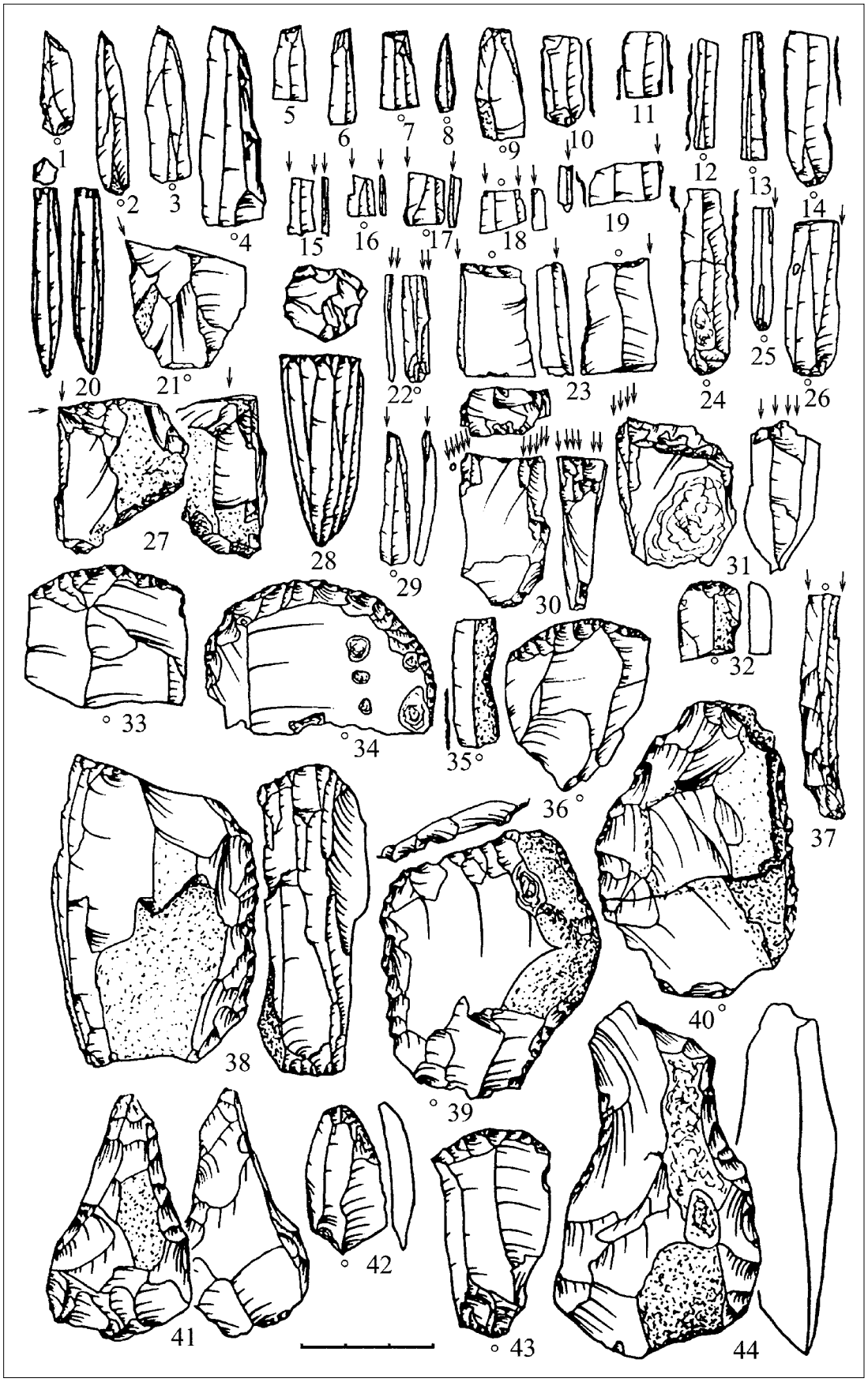

Рис. 5: Култинская культура. Стоянка Култино 1. Сводная таблица.

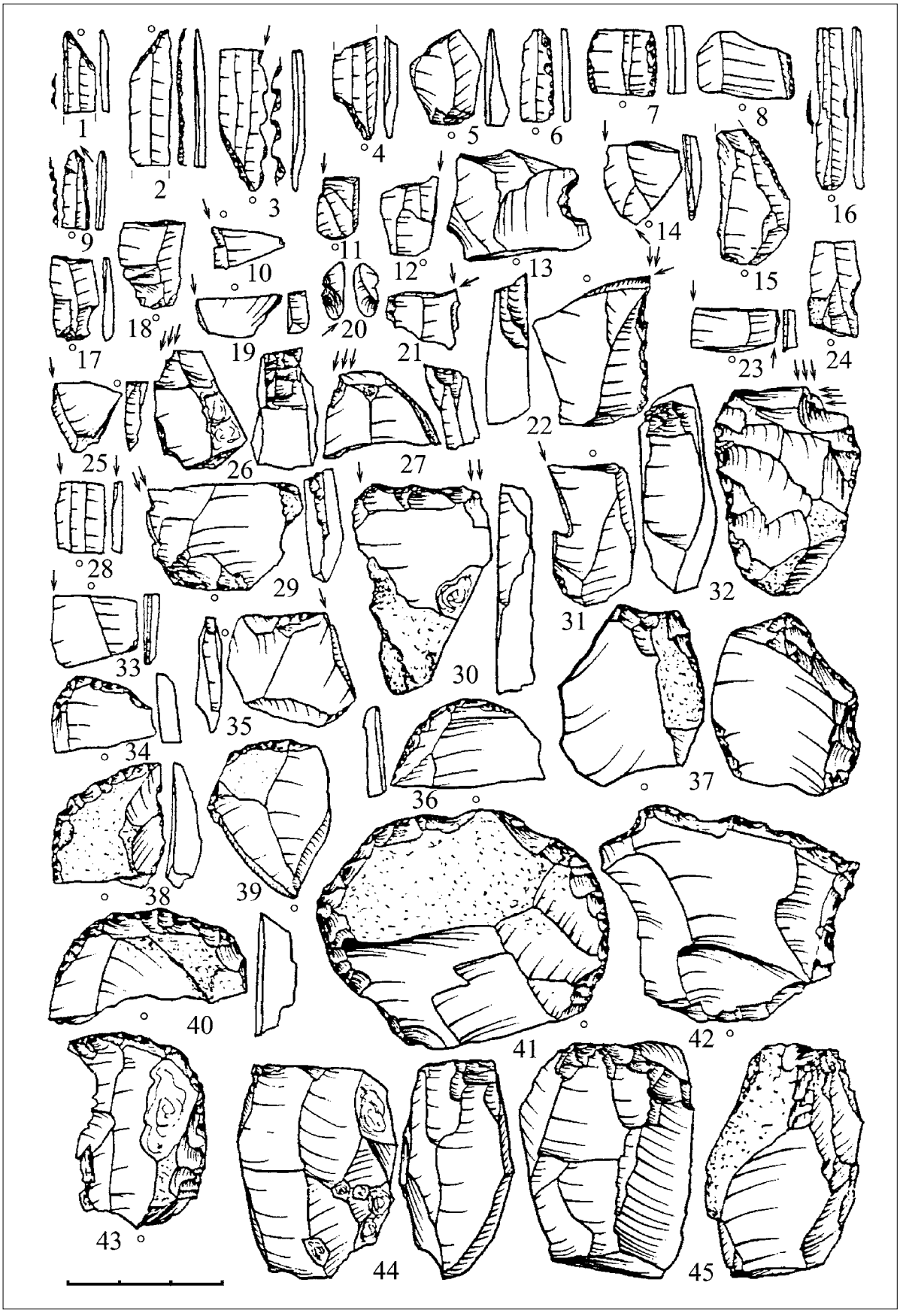

Рис. 6: Култинская культура. Стоянка Барашево 1. Сводная таблица.

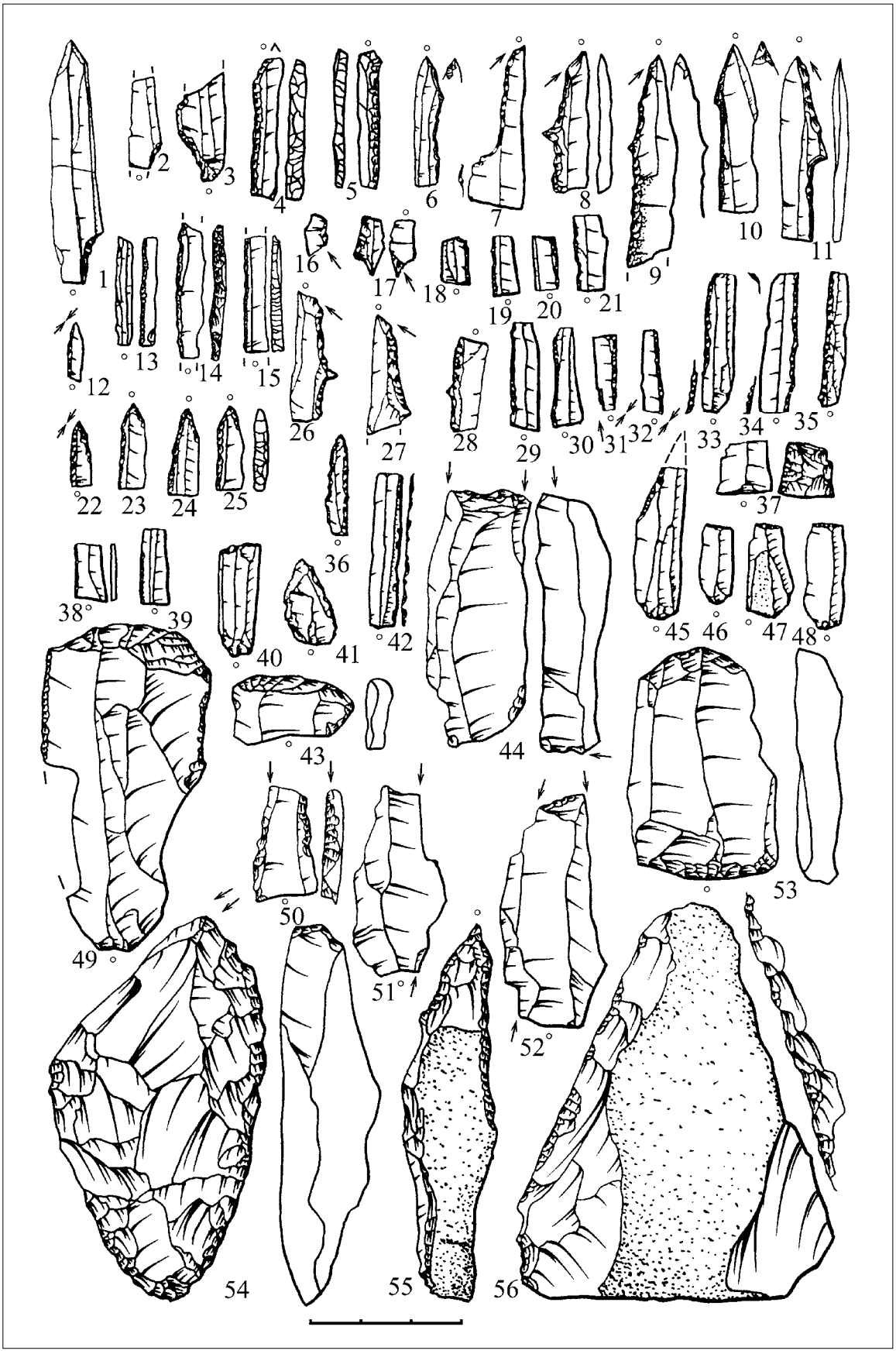

Рис. 7: Рессетинская культура. Стоянки Суконцево 8, 9. Сводная таблица.

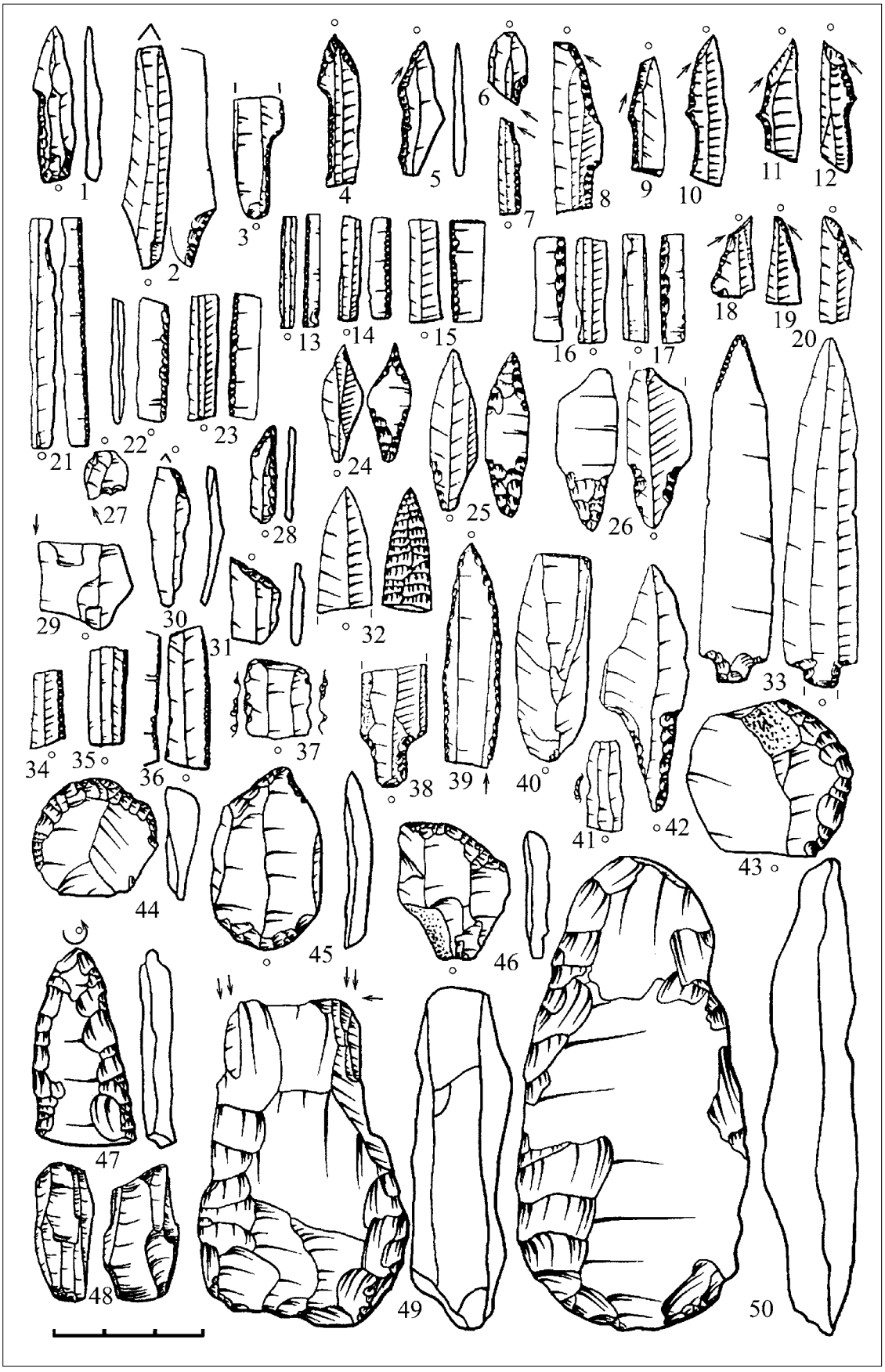

Рис. 8: Рессетинская культура. Стоянка Рессета 3. Сводная таблица.

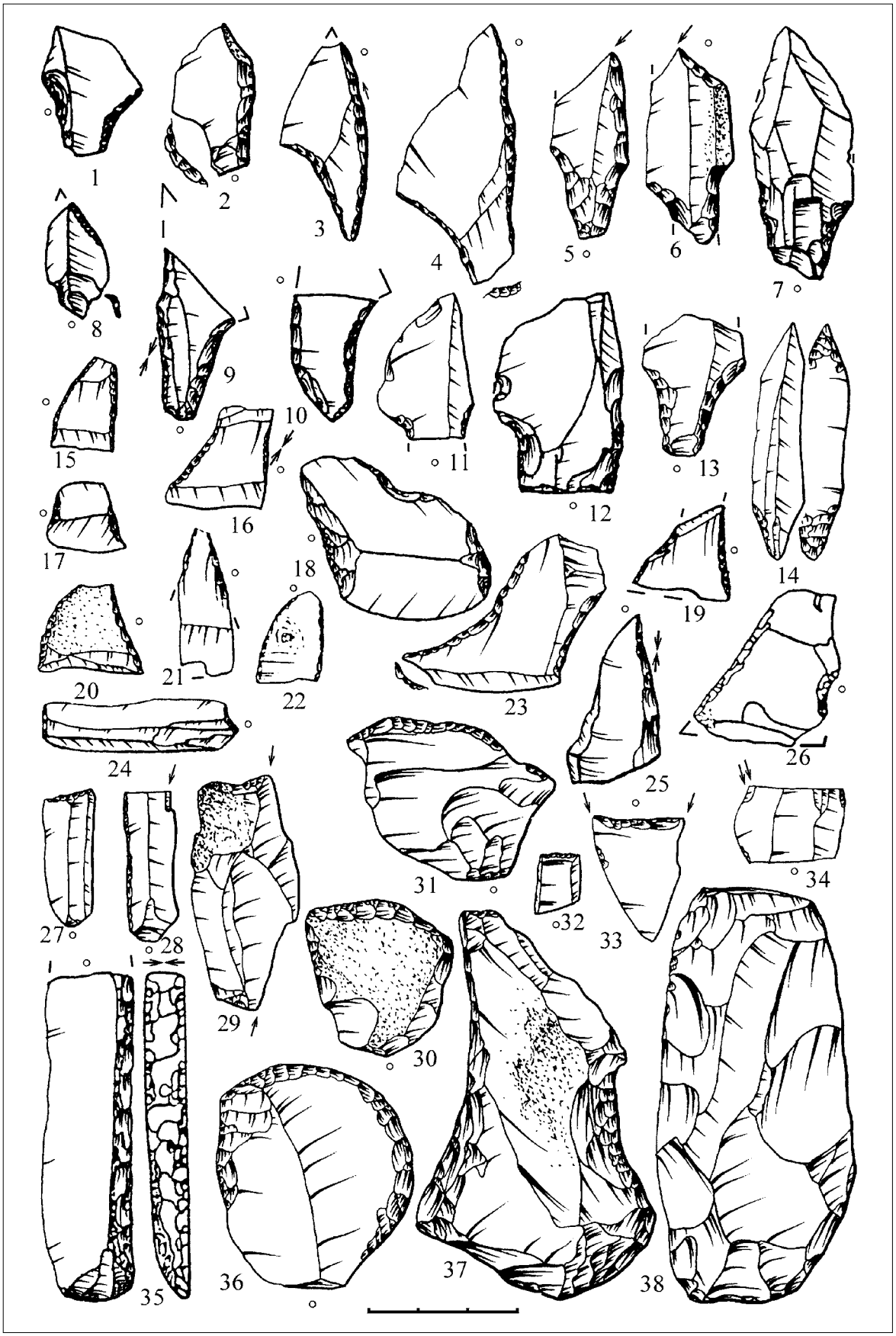

Рис. 9: Иеневская культура. Стоянка Брагино. Сводная таблица.

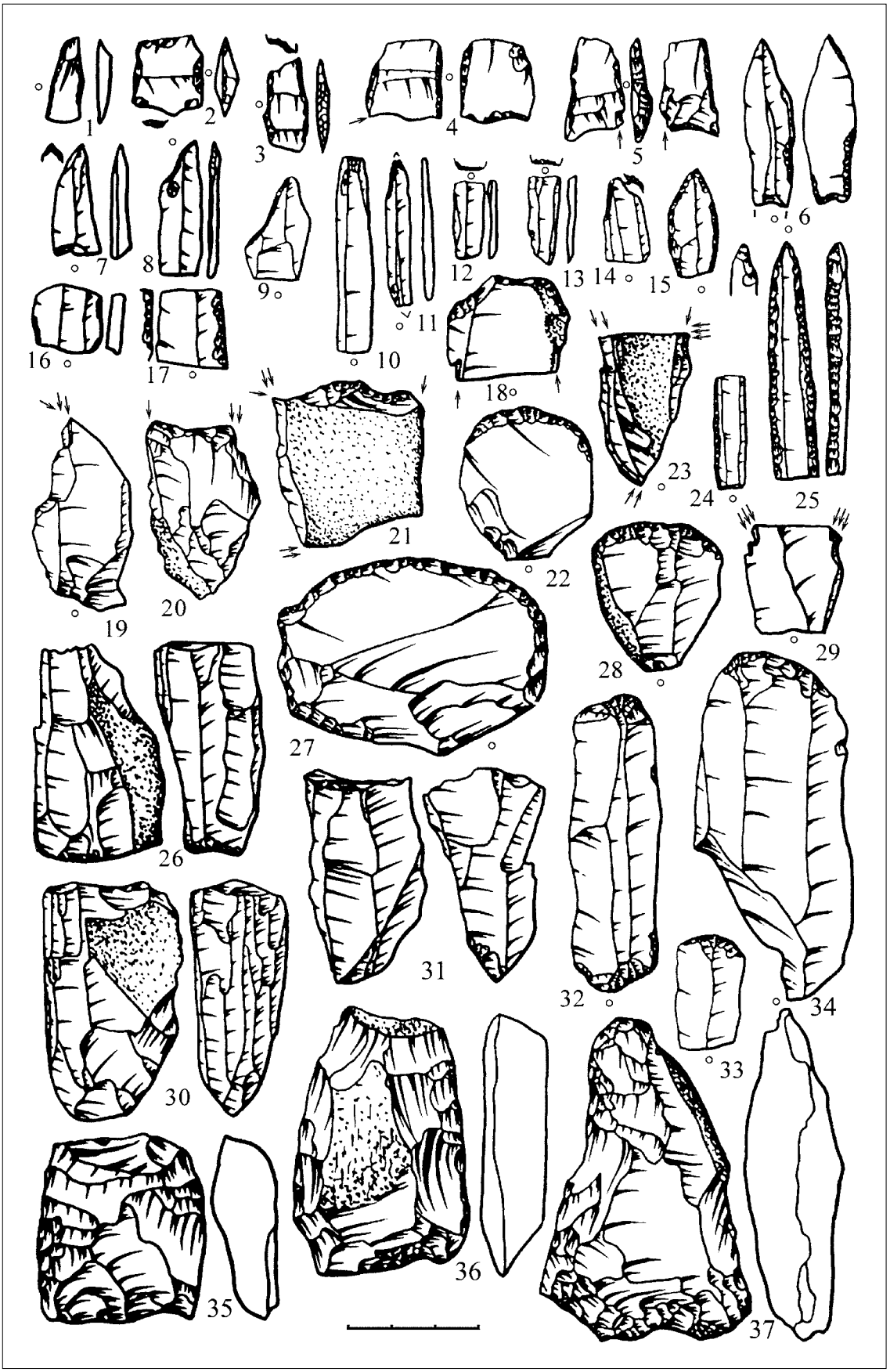

Рис. 10: Иеневская культура. Стоянка Красное 8 «Пенешки». Сводная таблица.

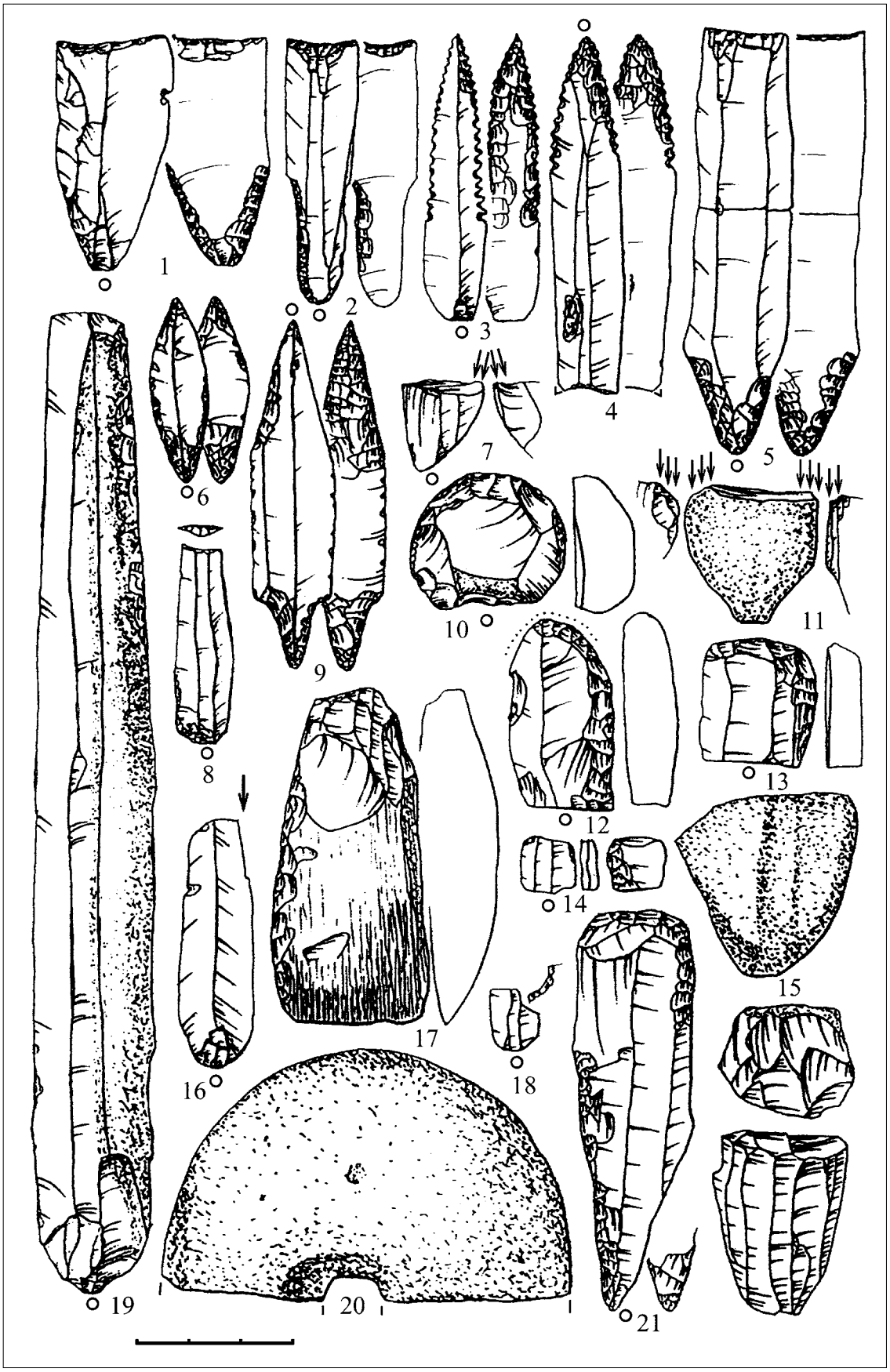

Рис. 11: Пургасовская культура. Стоянка Пургасово 3. Сводная таблица.

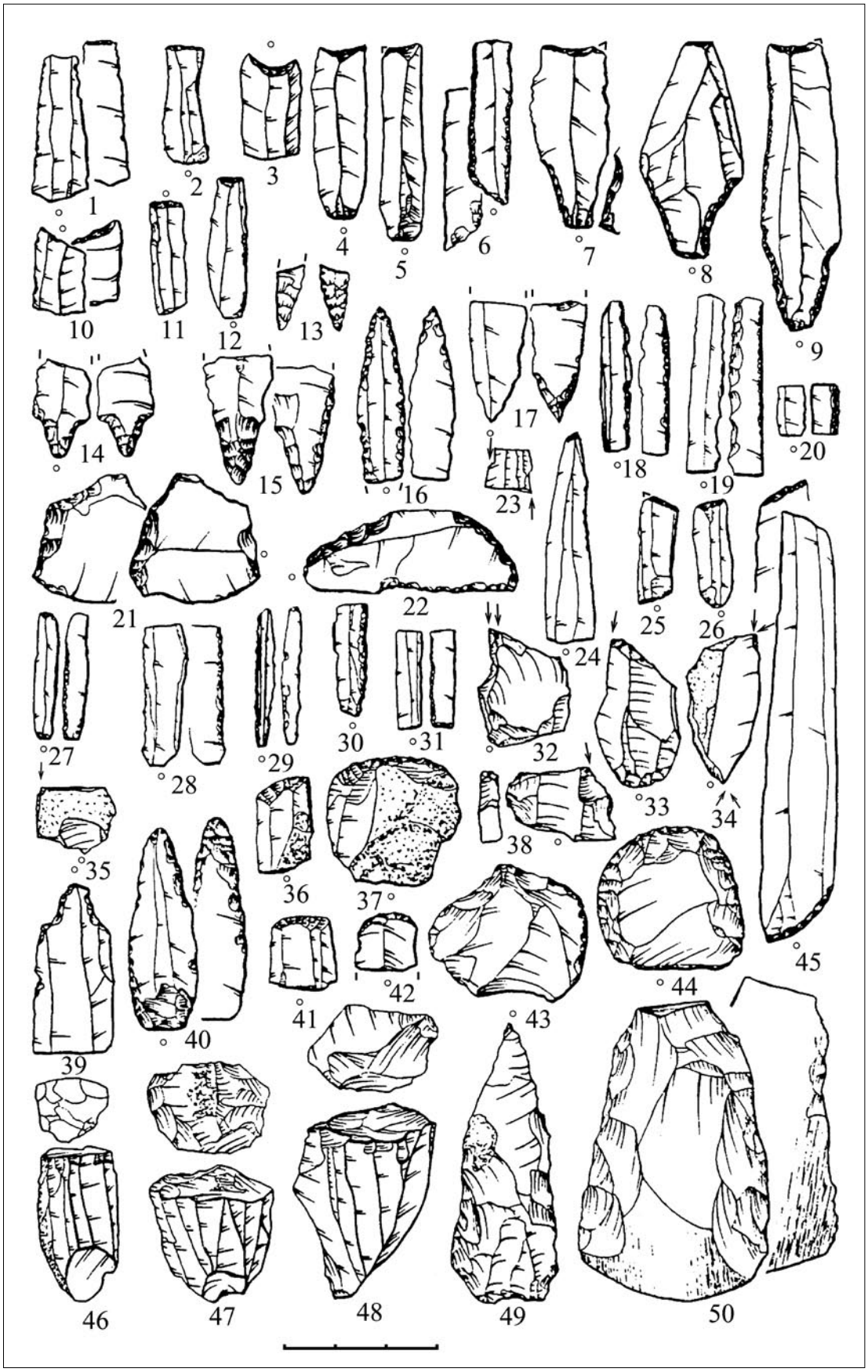

Рис. 12: Пургасовская культура. Стоянка Шагара 4. Сводная таблица.

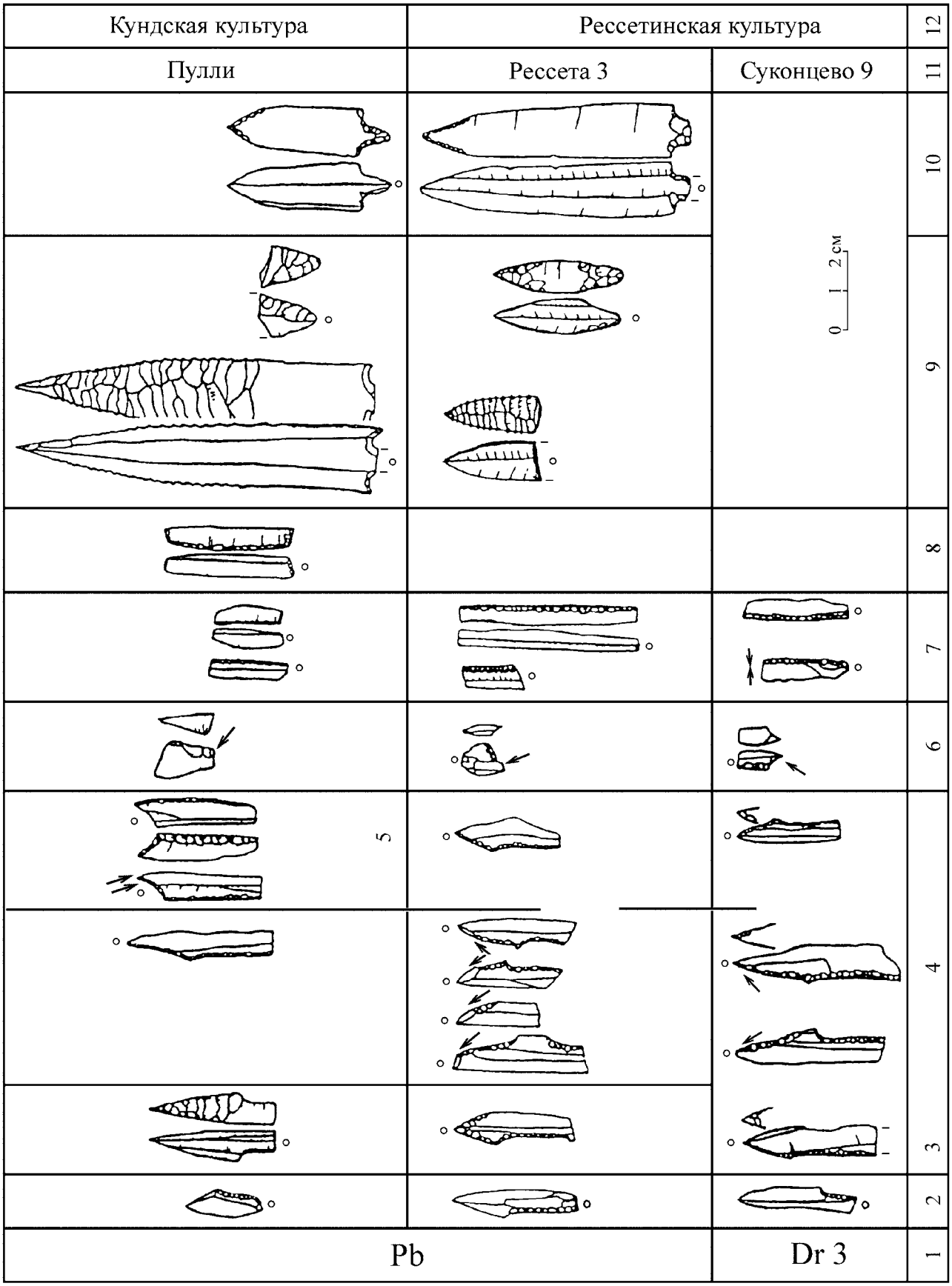

Рис. 13: Рессетинская и кундская культуры. Корреляционная таблица предметов охотничьего вооружения.

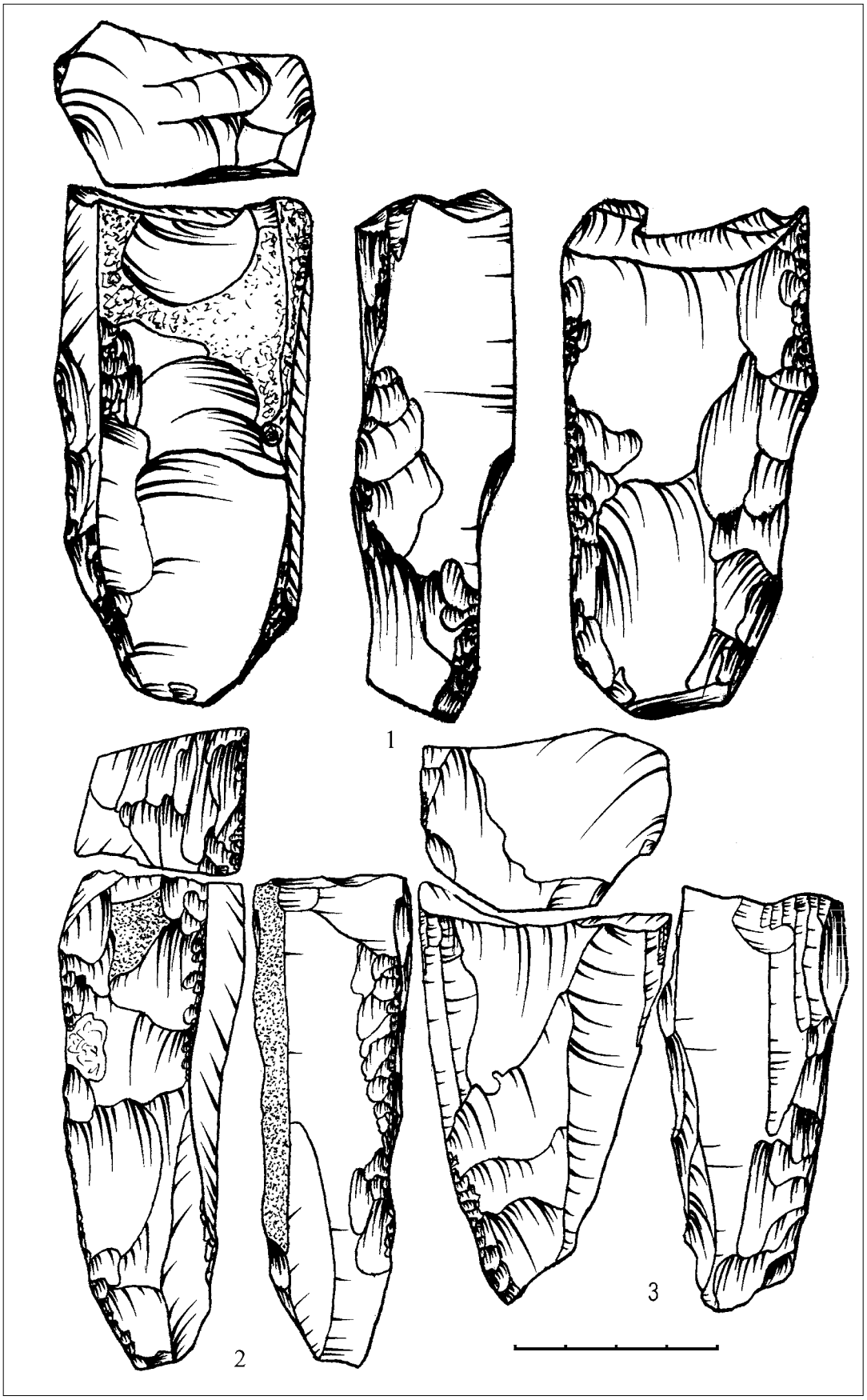

Рис. 14: Бутовская культура. Стоянка Задне-Пилево 1. Каменный инвентарь.

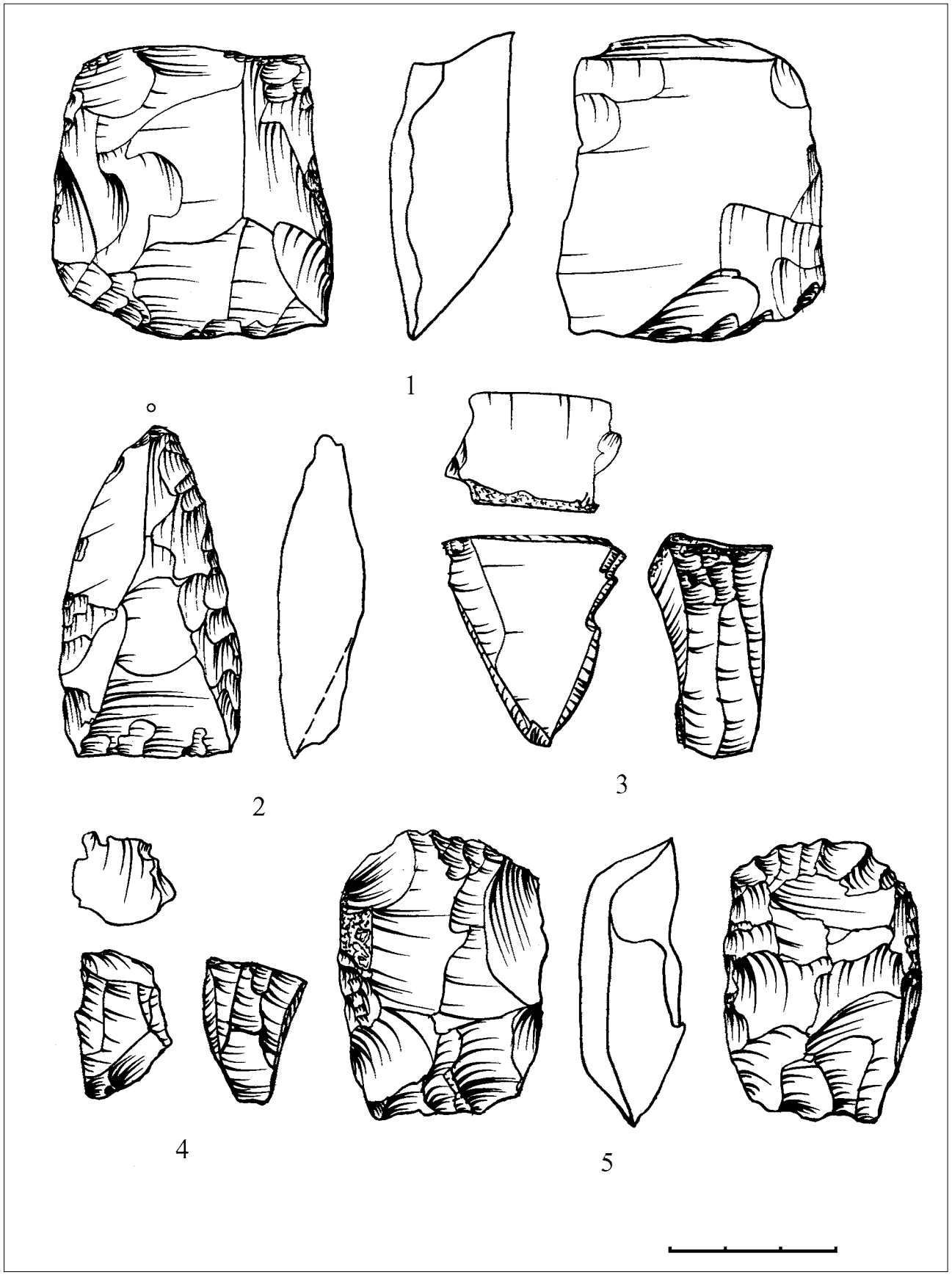

Рис. 15: Бутовская культура. Стоянка Задне-Пилево 1. Каменный инвентарь.

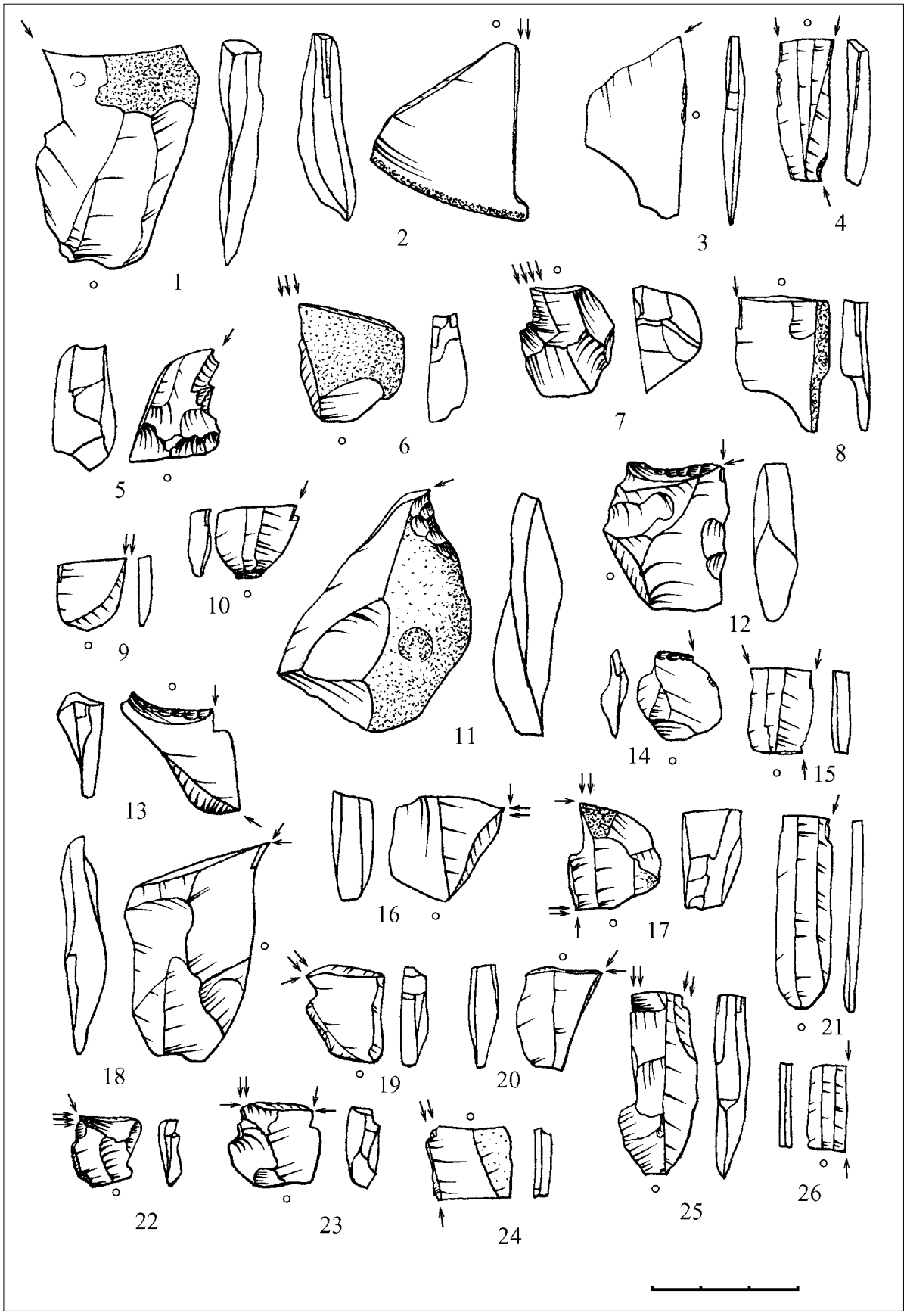

Рис. 16: Бутовская культура. Стоянка Задне-Пилево 1. Каменный инвентарь.

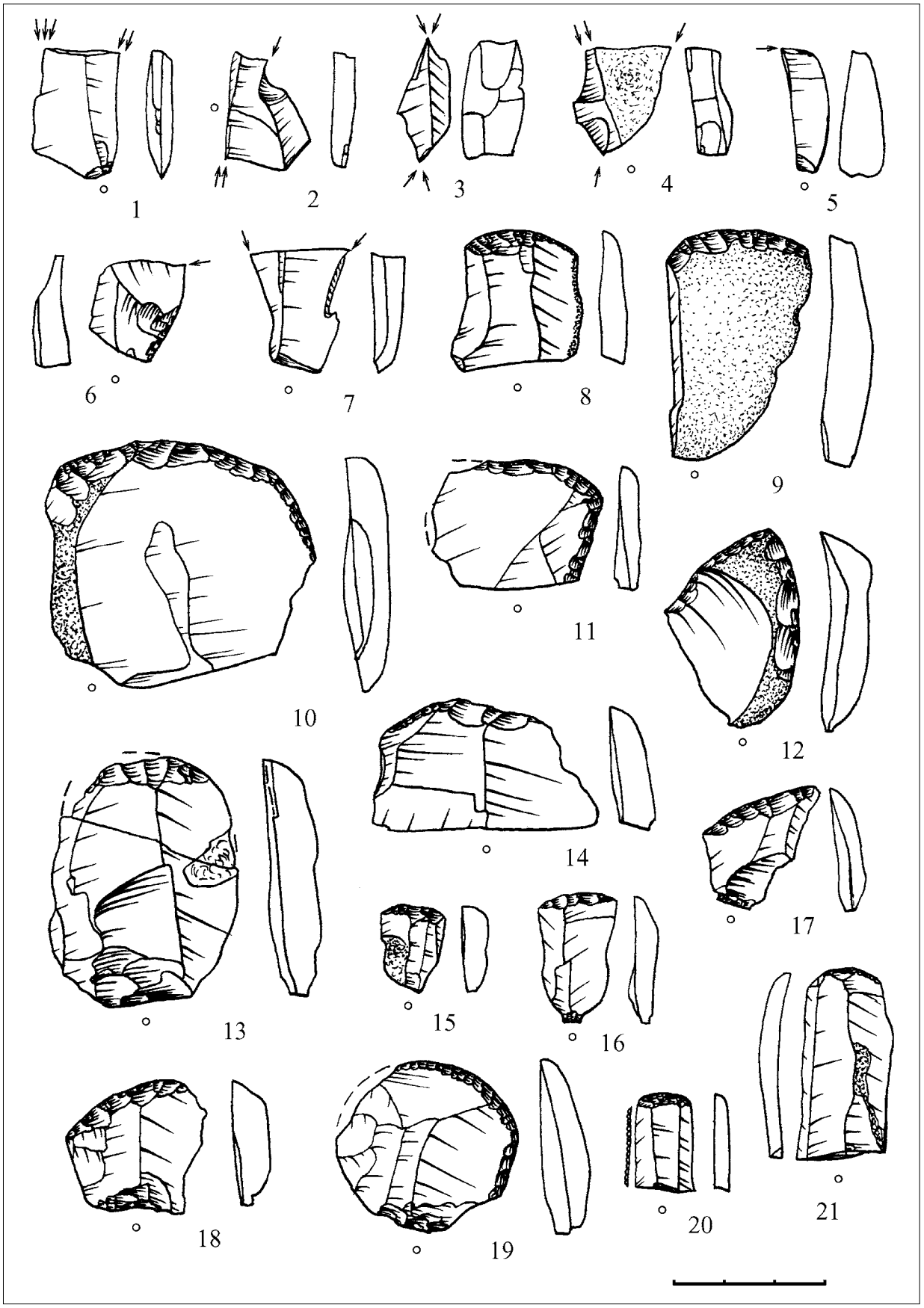

Рис. 17: Бутовская культура. Стоянка Задне-Пилево 1. Каменный инвентарь.

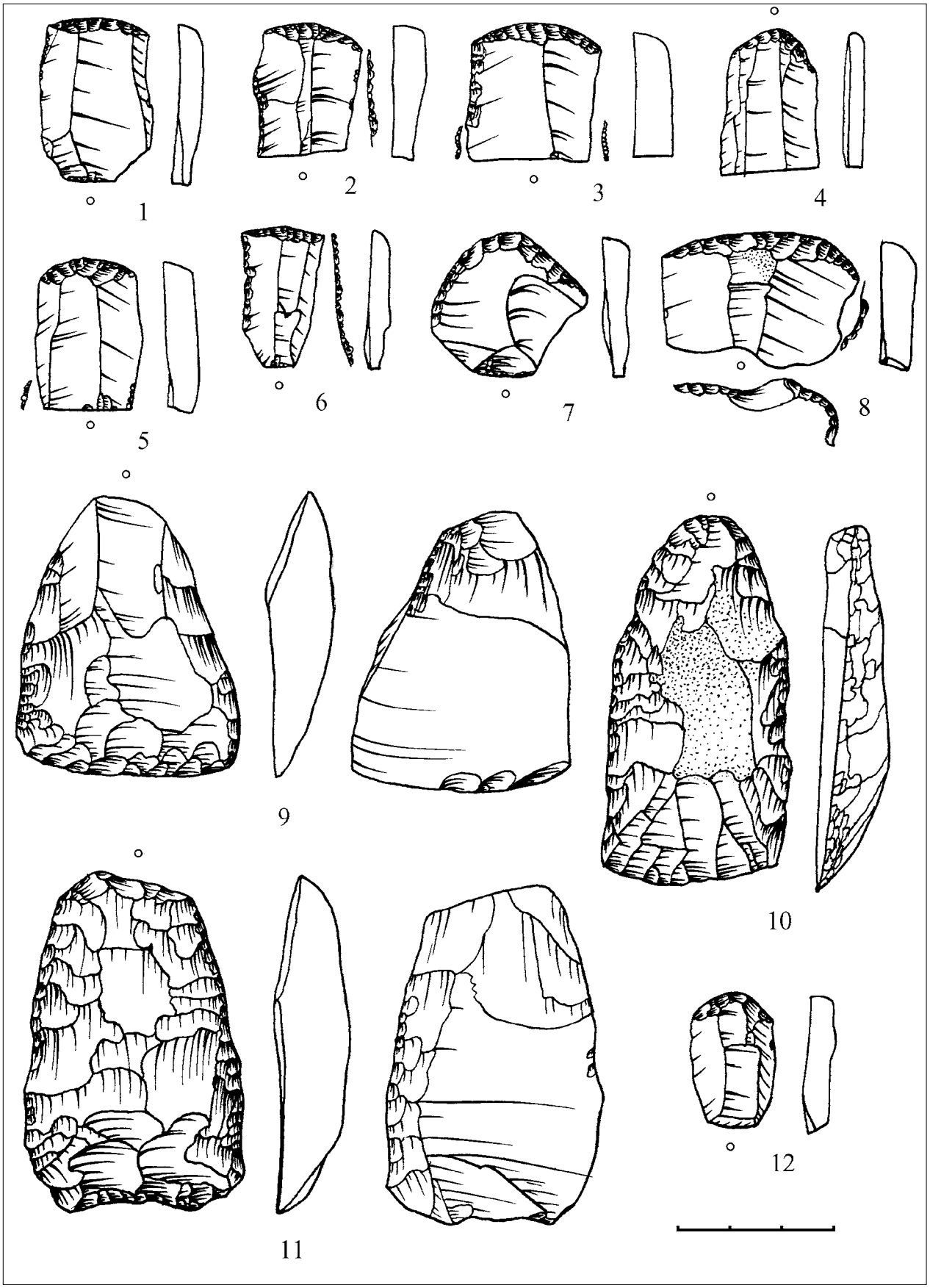

Рис. 18: Бутовская культура. Стоянка Задне-Пилево 1. Каменный инвентарь.

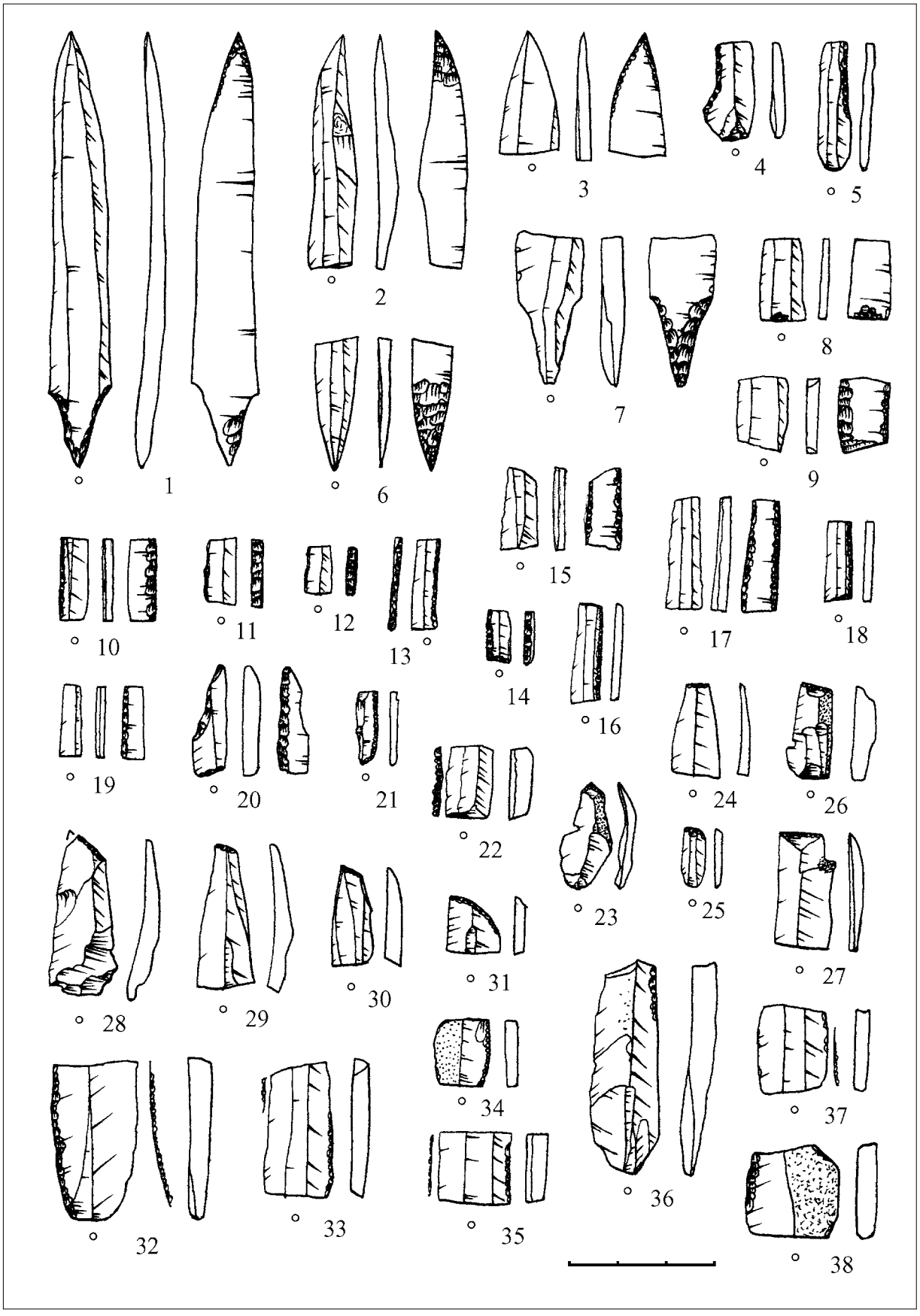

Рис. 19: Бутовская культура. Стоянка Задне-Пилево 1. Каменный инвентарь.

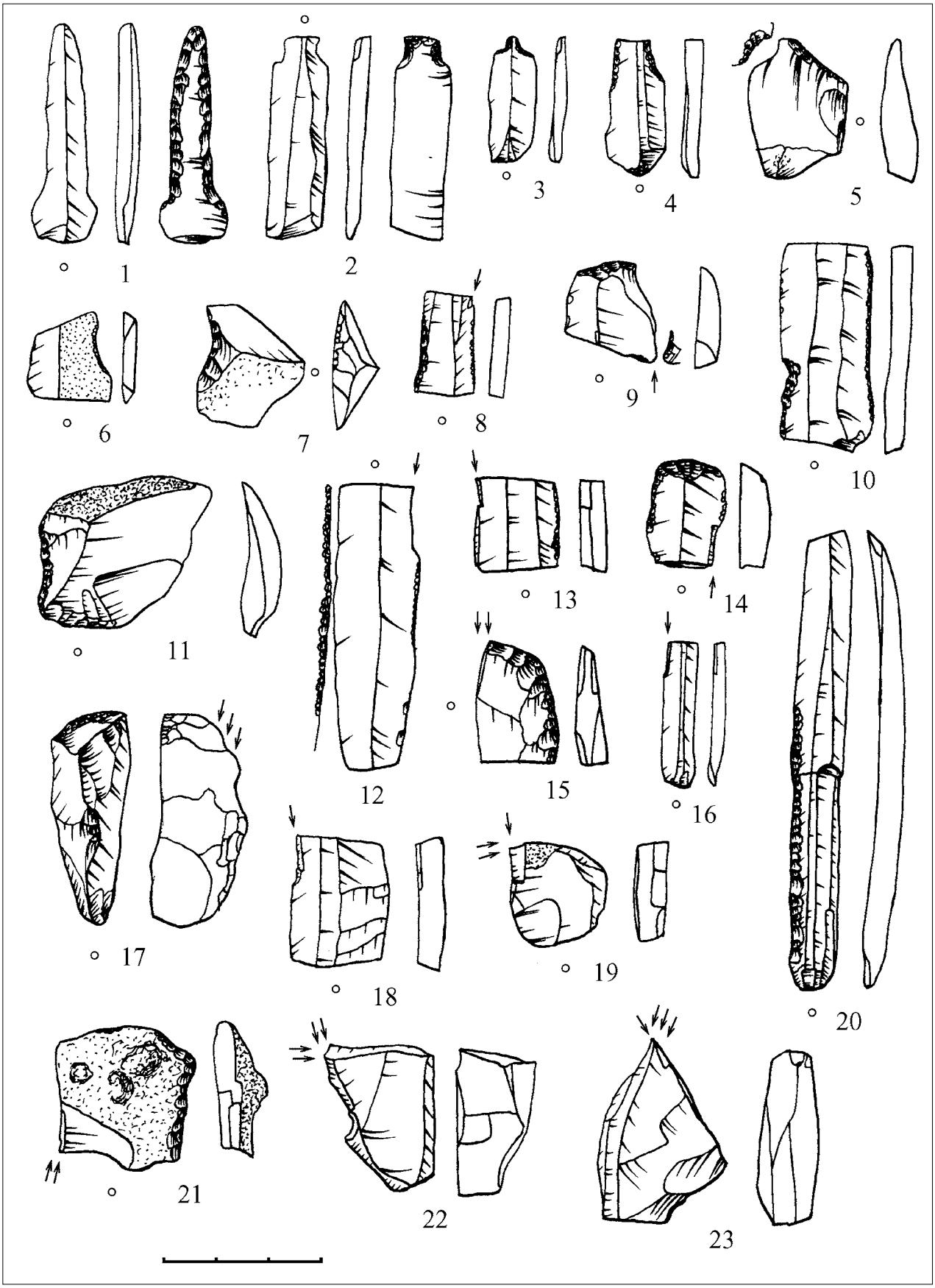

Рис. 20: Бутовская культура. Стоянка Задне-Пилево 1. Каменный инвентарь.

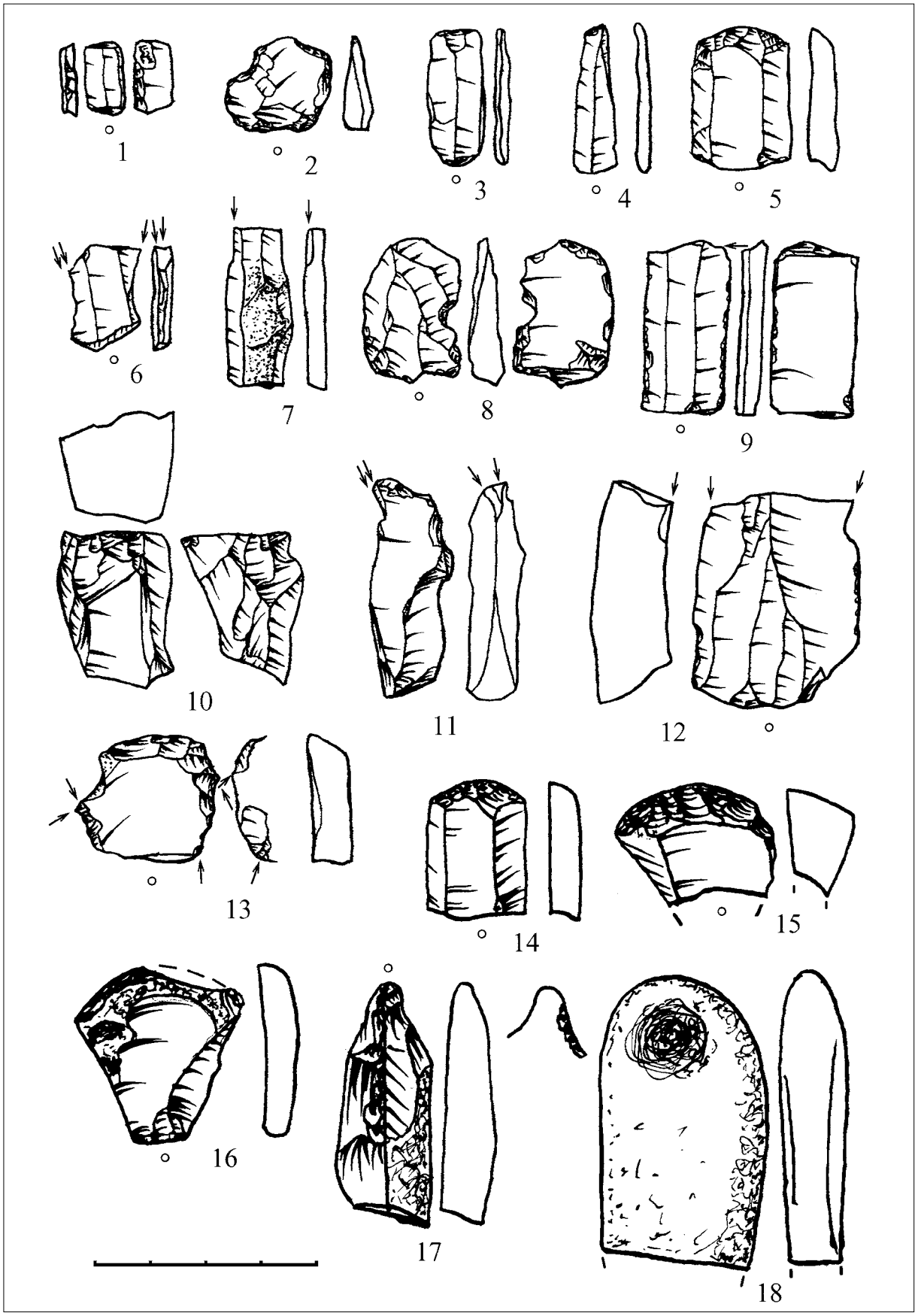

Рис. 21: Бутовская культура. Стоянка Задне-Пилево 1. Каменный инвентарь.

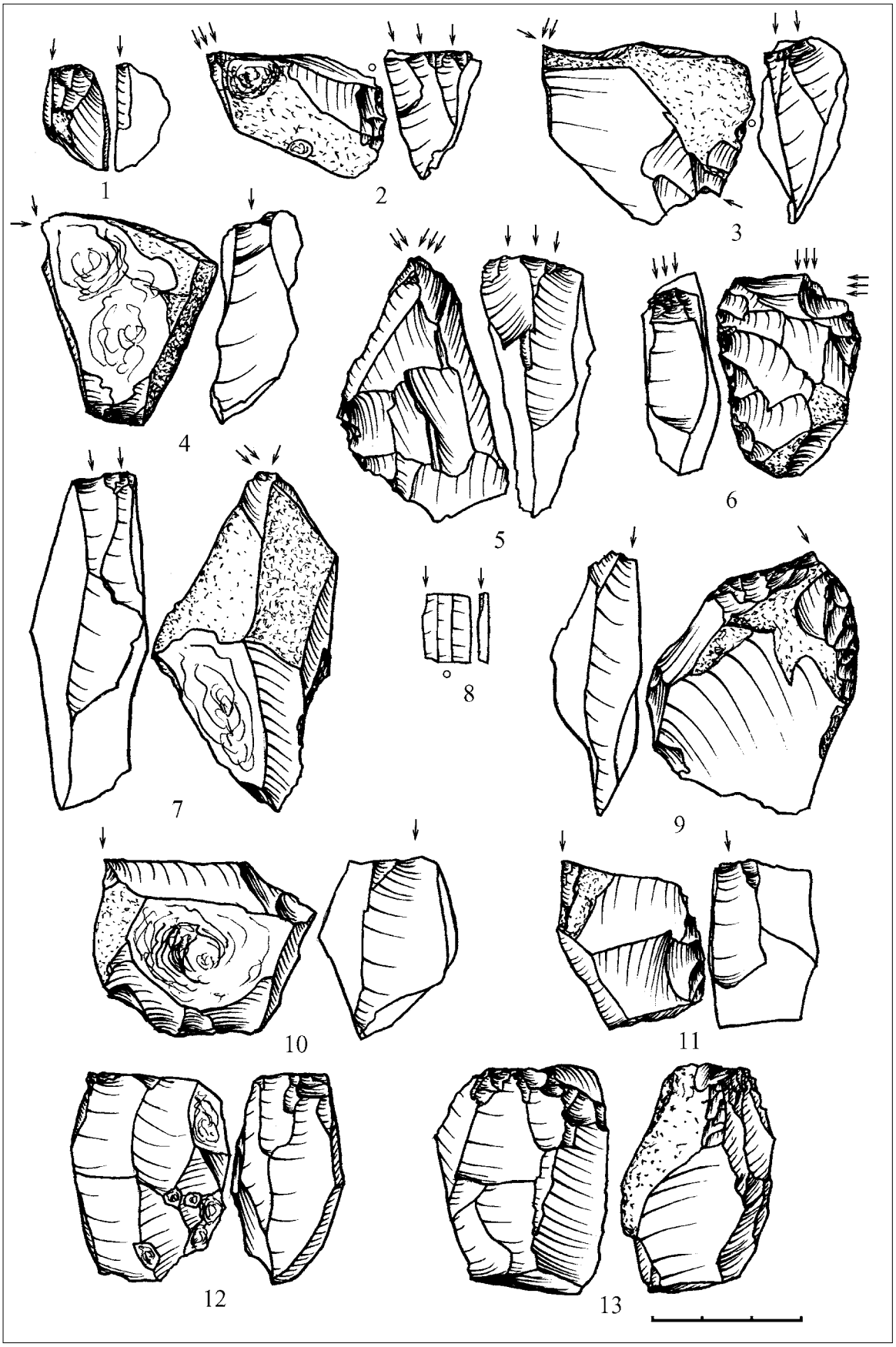

Рис. 22: Култинская культура. Стоянка Барашево 1. Каменный инвентарь.

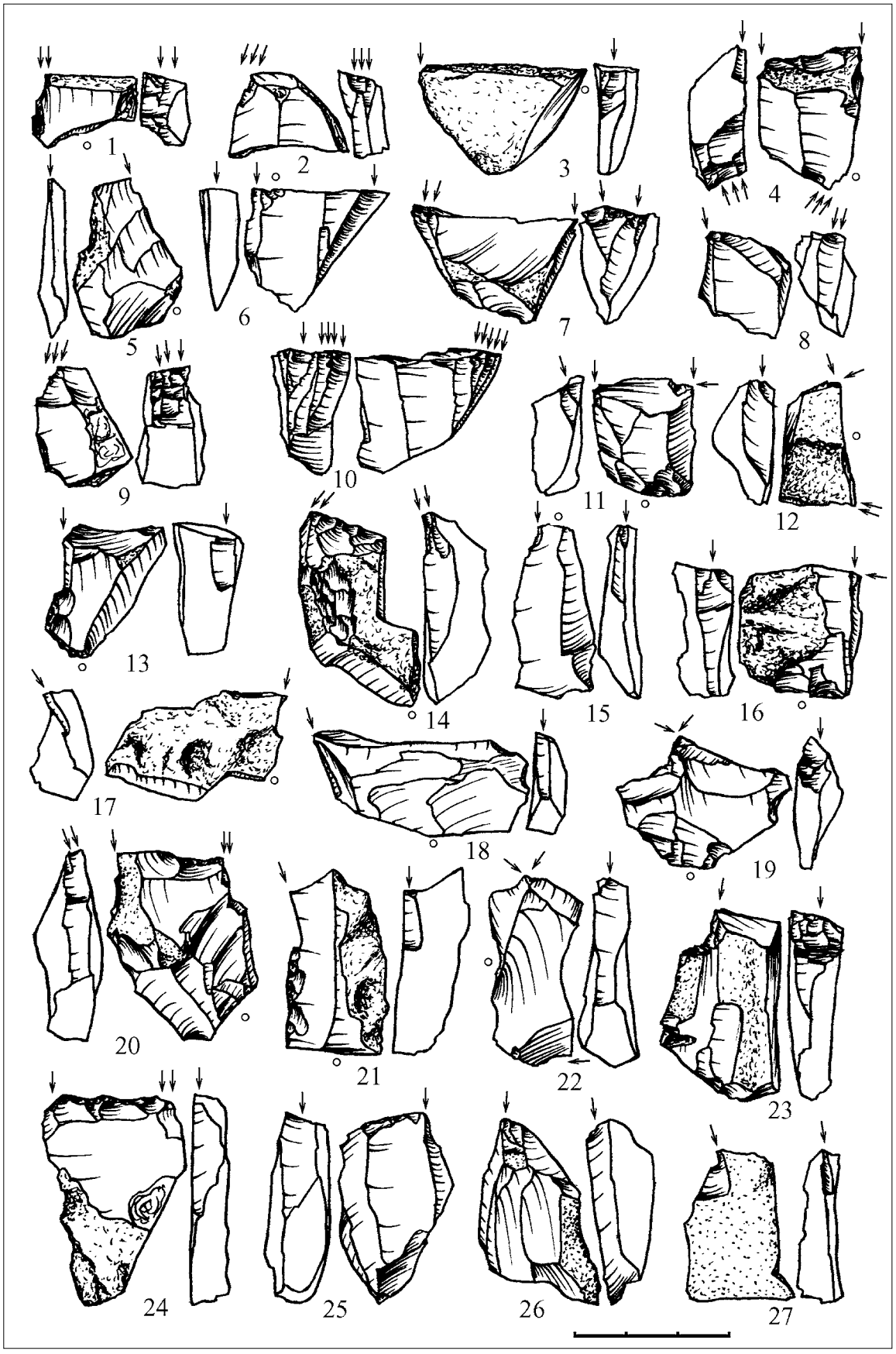

Рис. 23: Култинская культура. Стоянка Барашево 1. Каменный инвентарь.

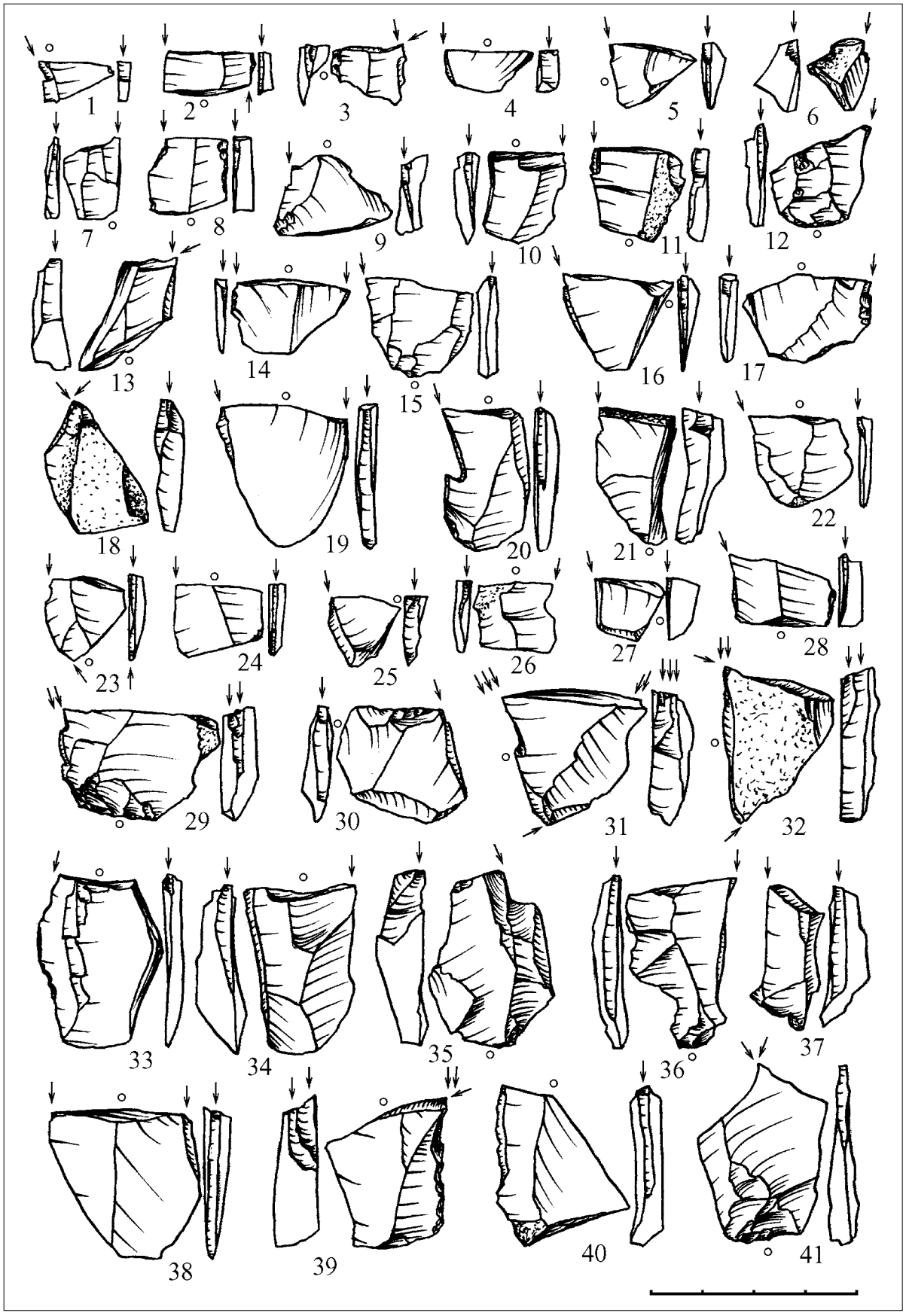

Рис. 24: Култинская культура. Стоянка Барашево 1. Каменный инвентарь.

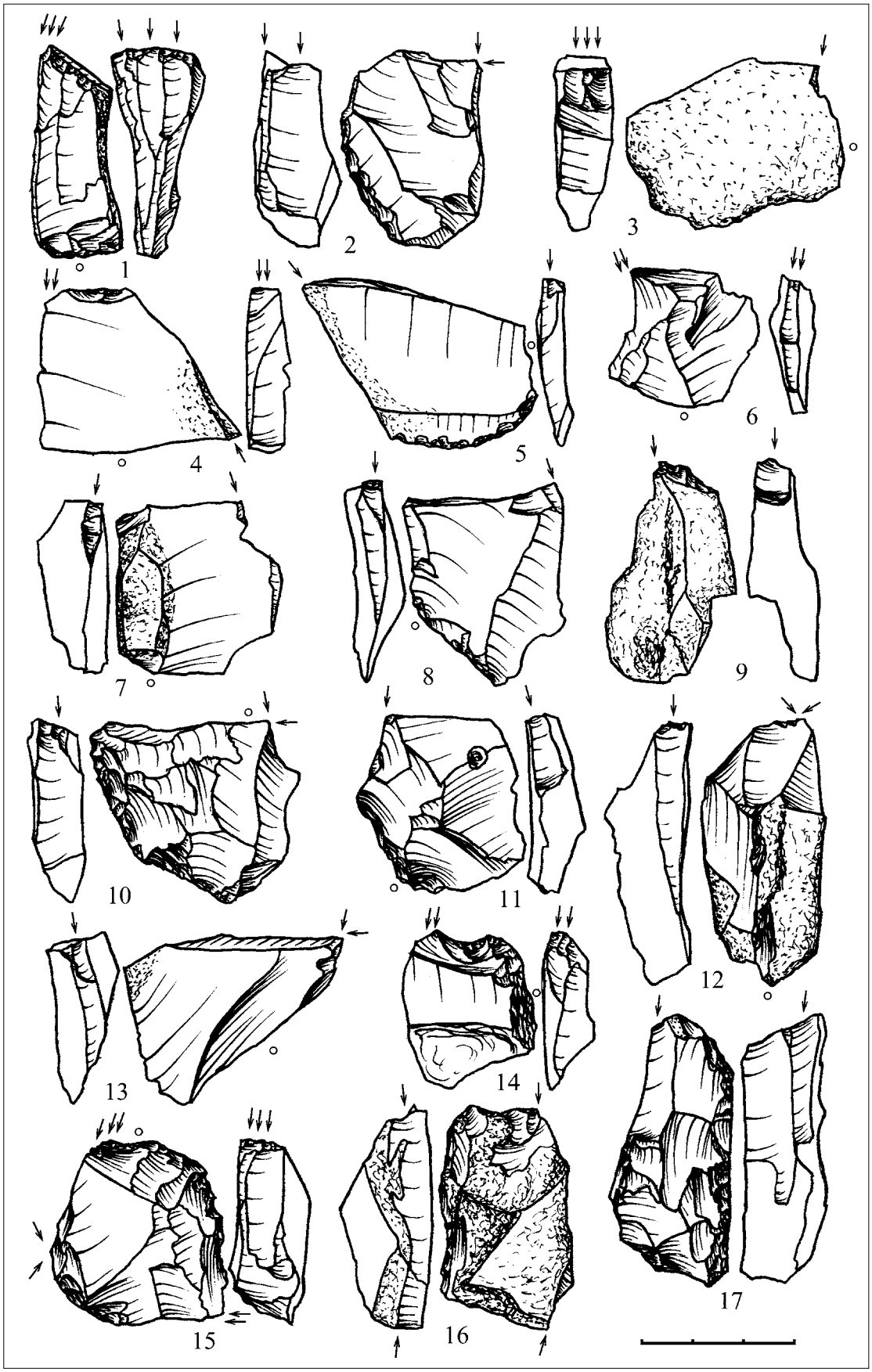

Рис. 25: Култинская культура. Стоянка Барашево 1. Каменный инвентарь.

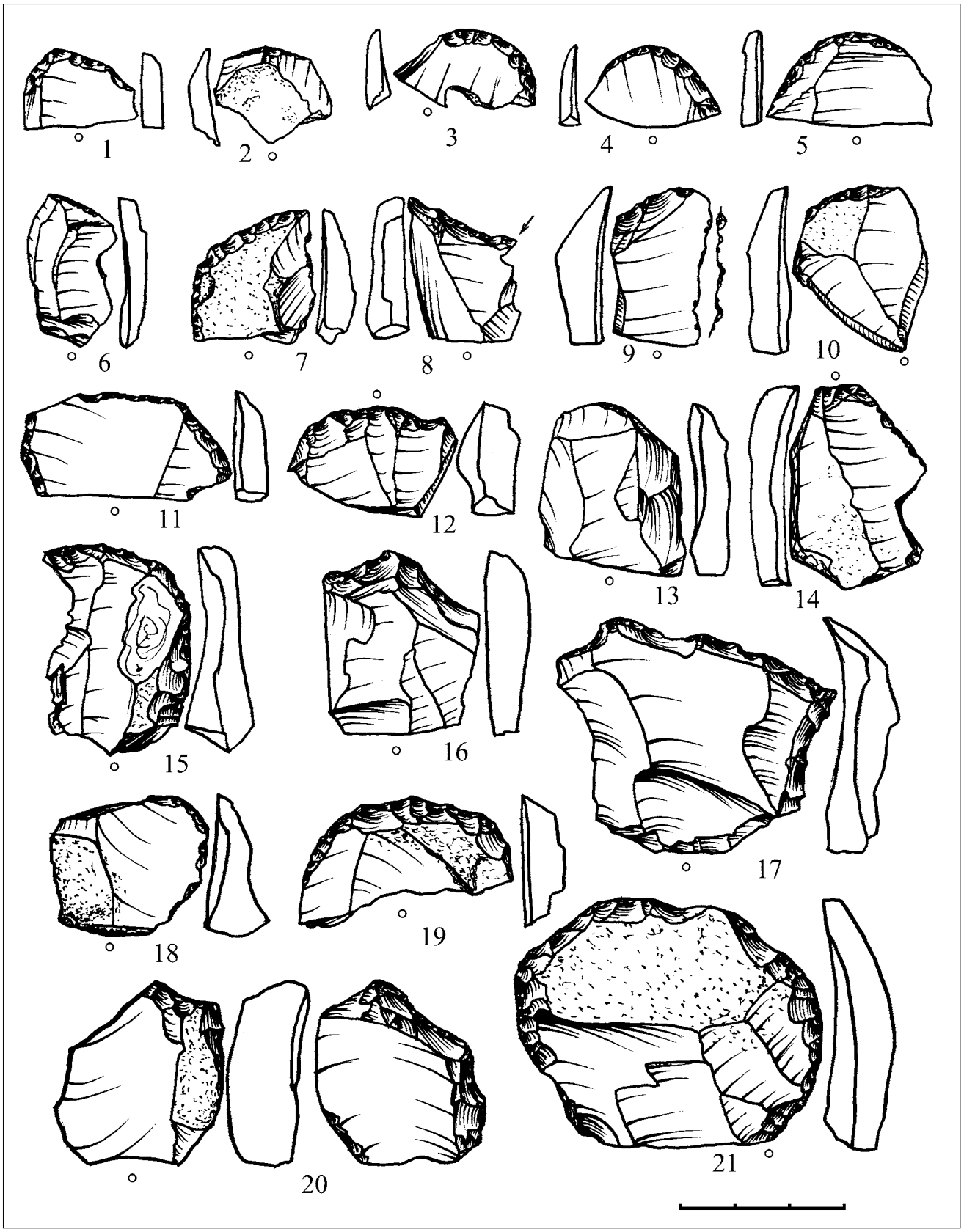

Рис. 26: Култинская культура. Стоянка Барашево 1. Каменный инвентарь.

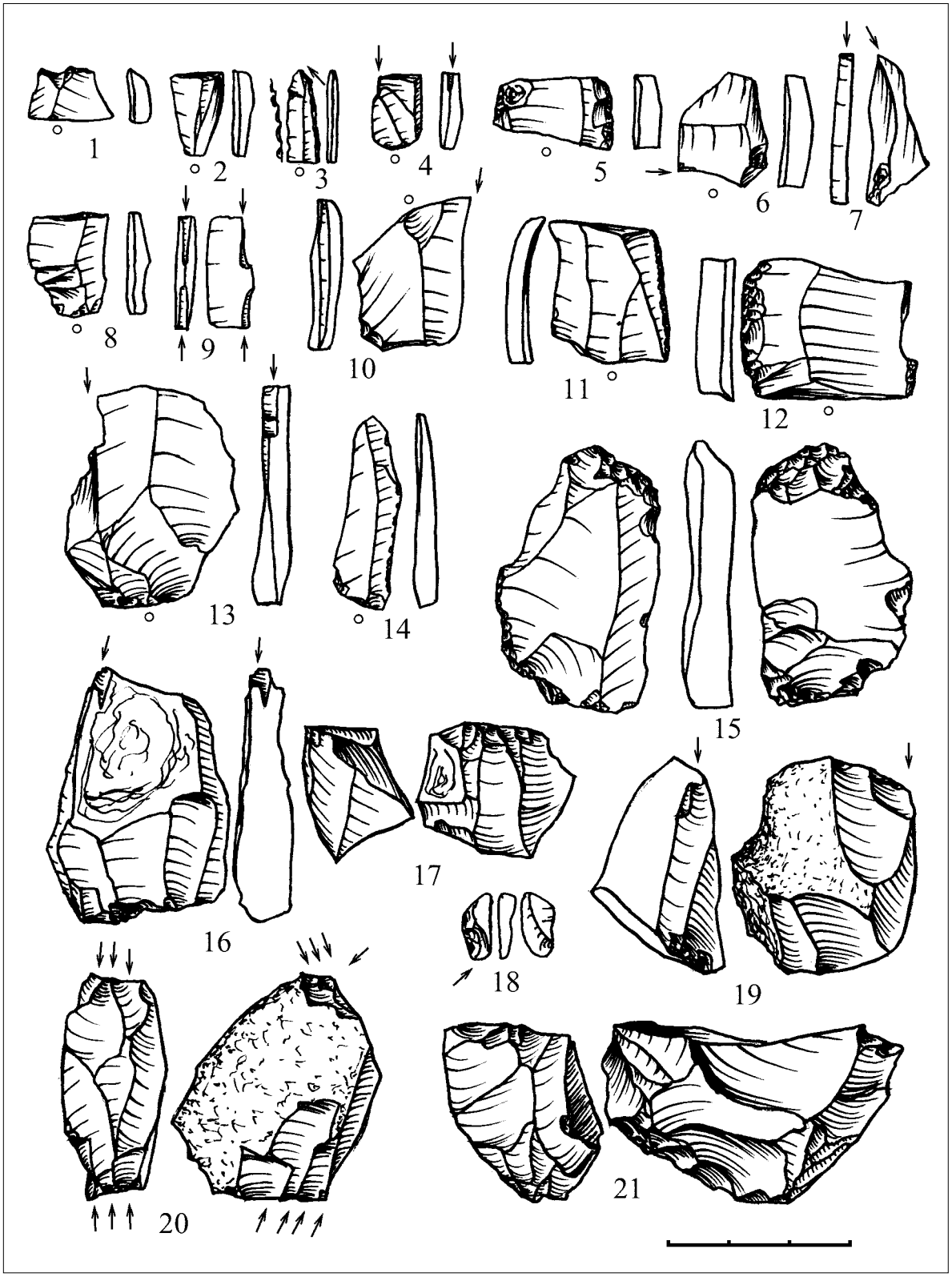

Рис. 27: Култинская культура. Стоянка Барашево 1. Каменный инвентарь.

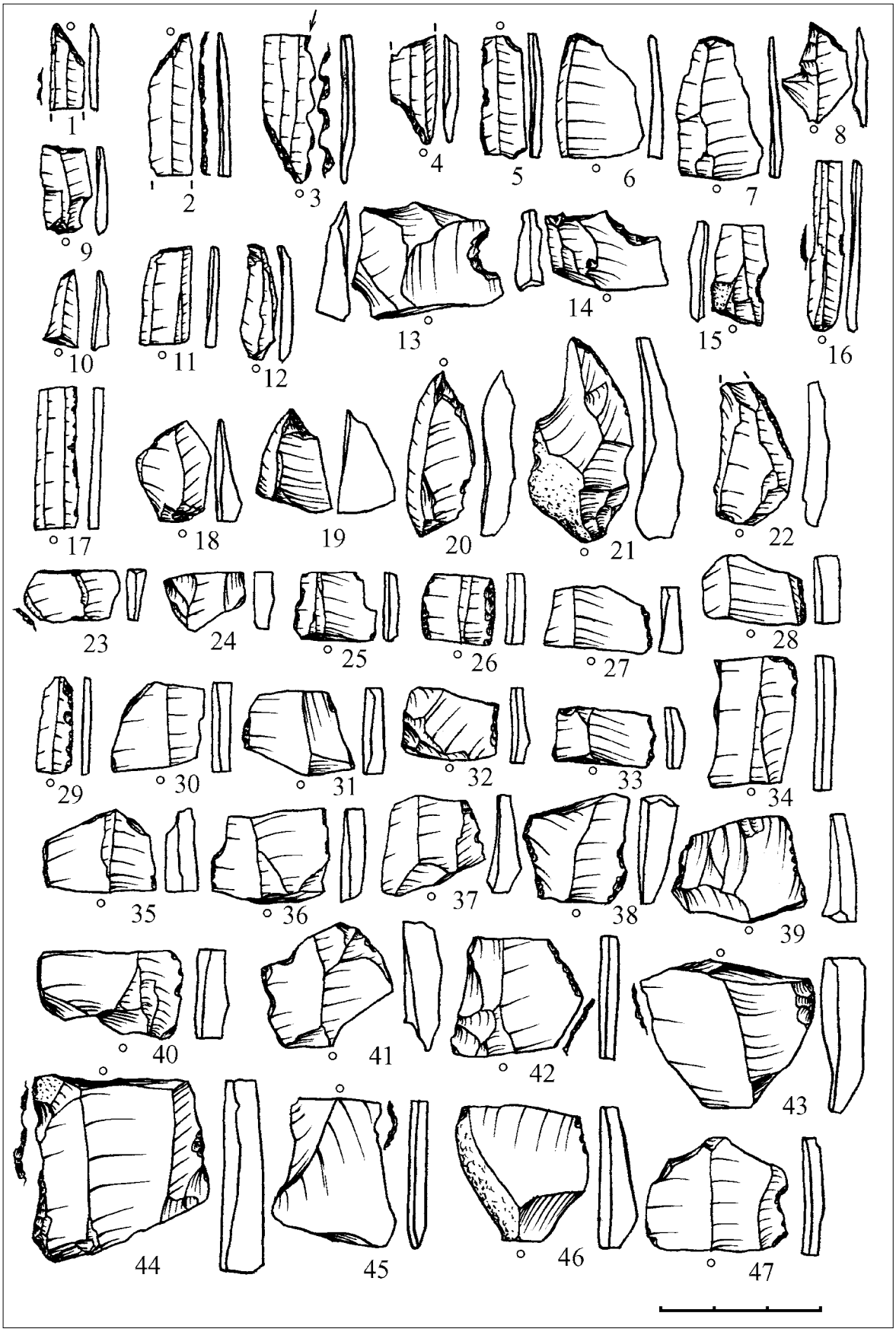

Рис. 28: Култинская культура. Стоянка Барашево 1. Каменный инвентарь.

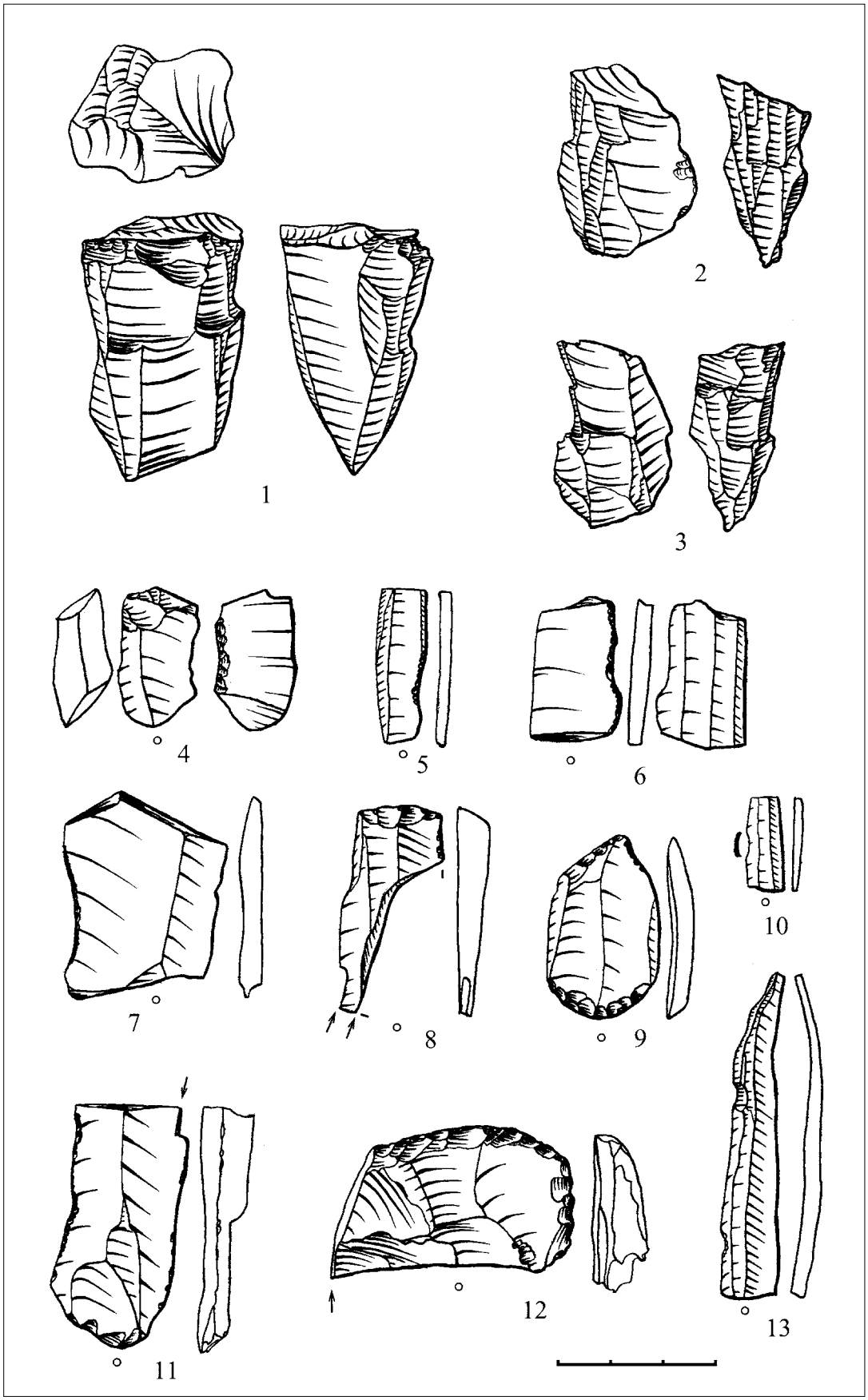

Рис. 29: Рессетинская культура. Стоянка Рессета 3. Каменный инвентарь.

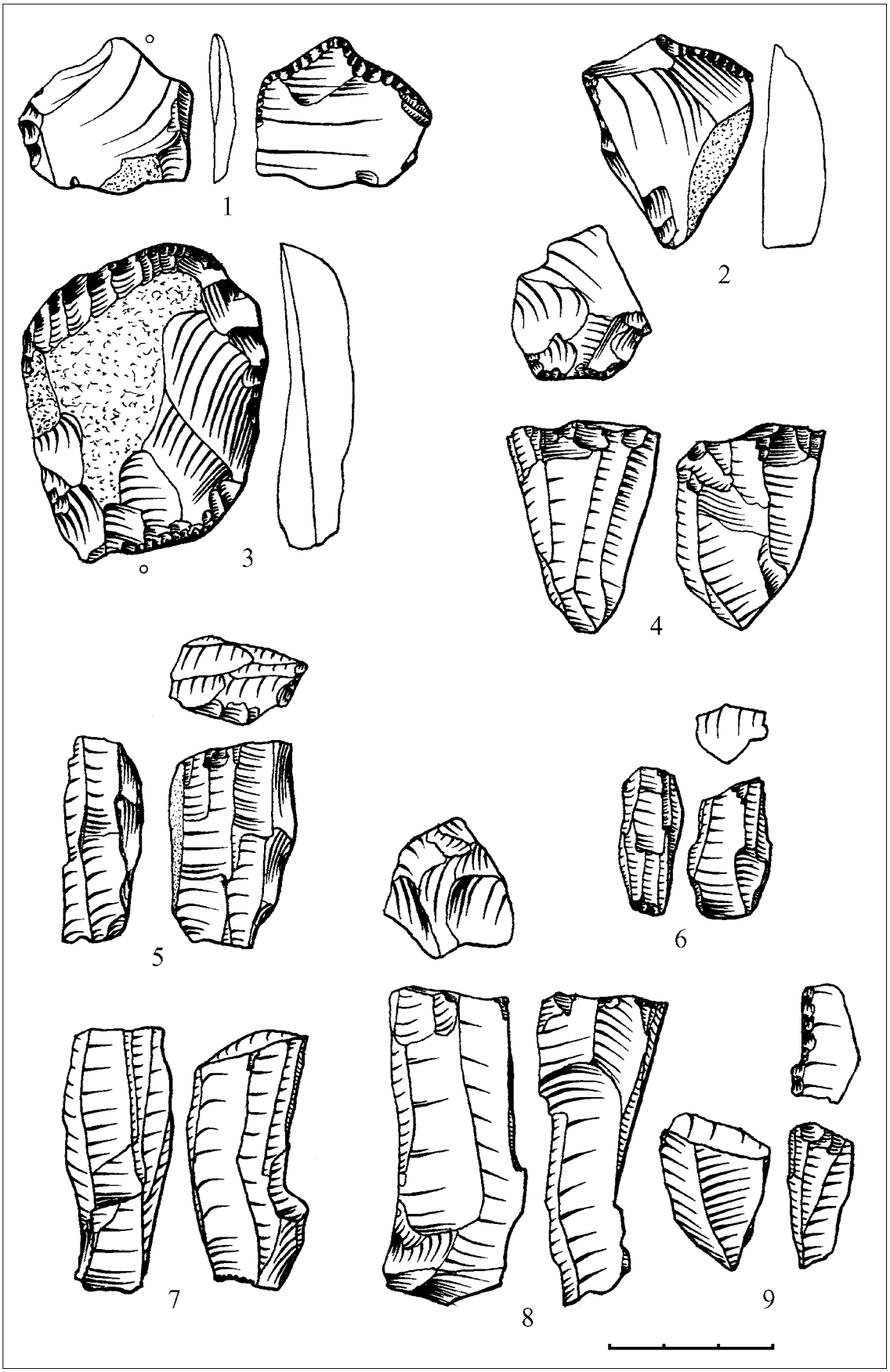

Рис. 30: Рессетинская культура. Стоянка Рессета 3. Каменный инвентарь.

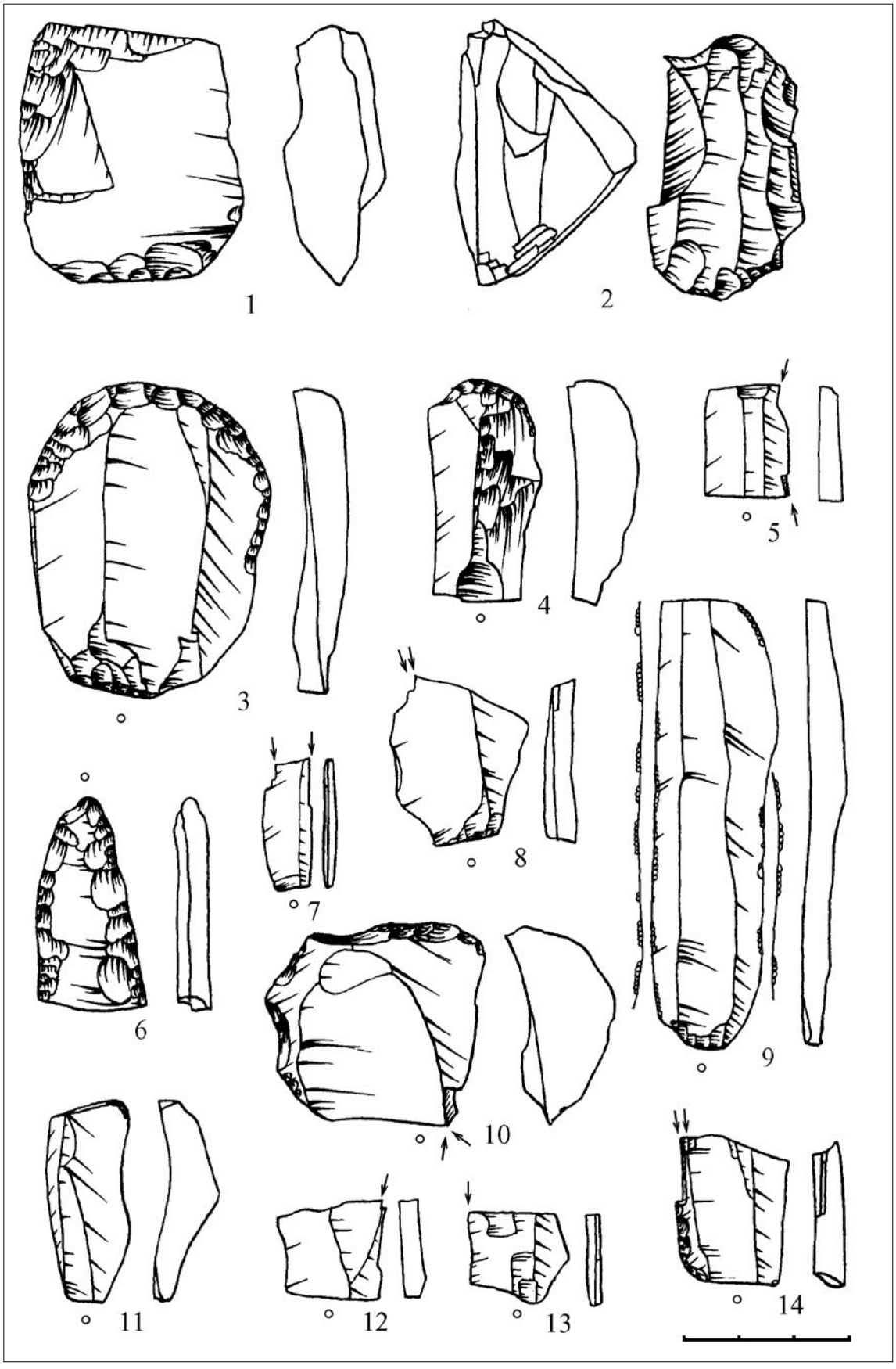

Рис. 31: Рессетинская культура. Стоянка Рессета 3. Каменный инвентарь.

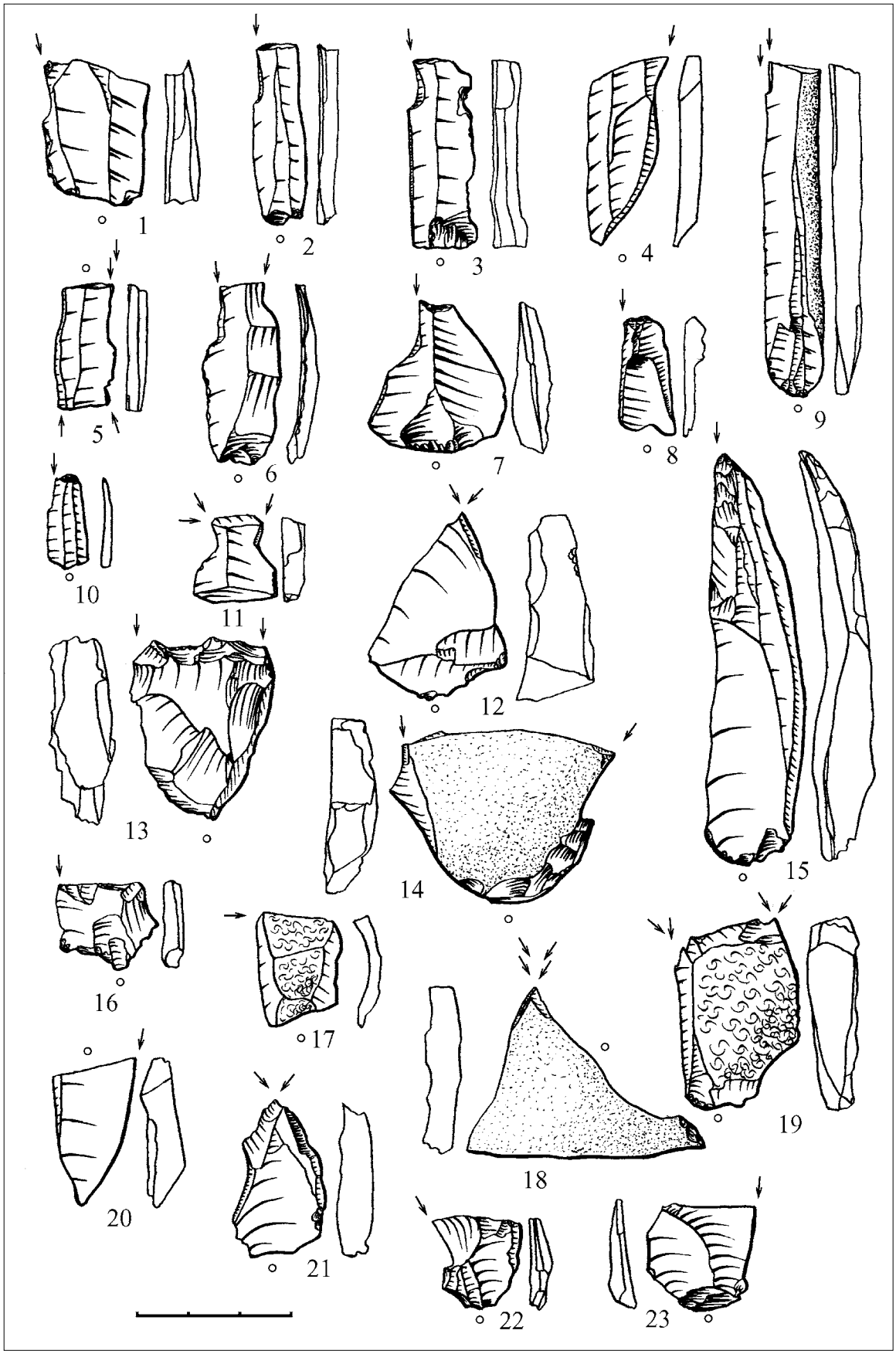

Рис. 32: Рессетинская культура. Стоянка Рессета 3. Каменный инвентарь.

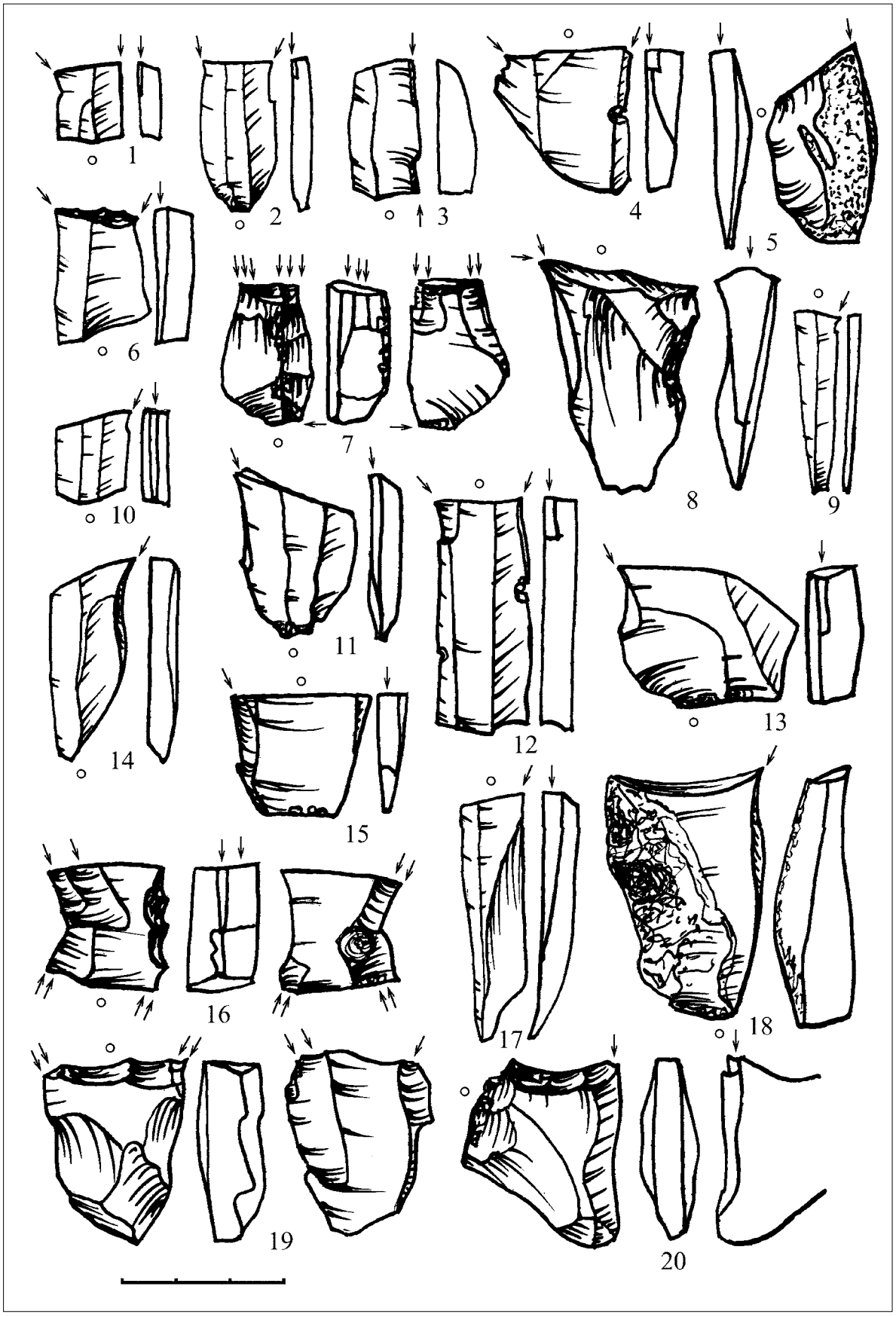

Рис. 33: Рессетинская культура. Стоянка Рессета 3. Каменный инвентарь.

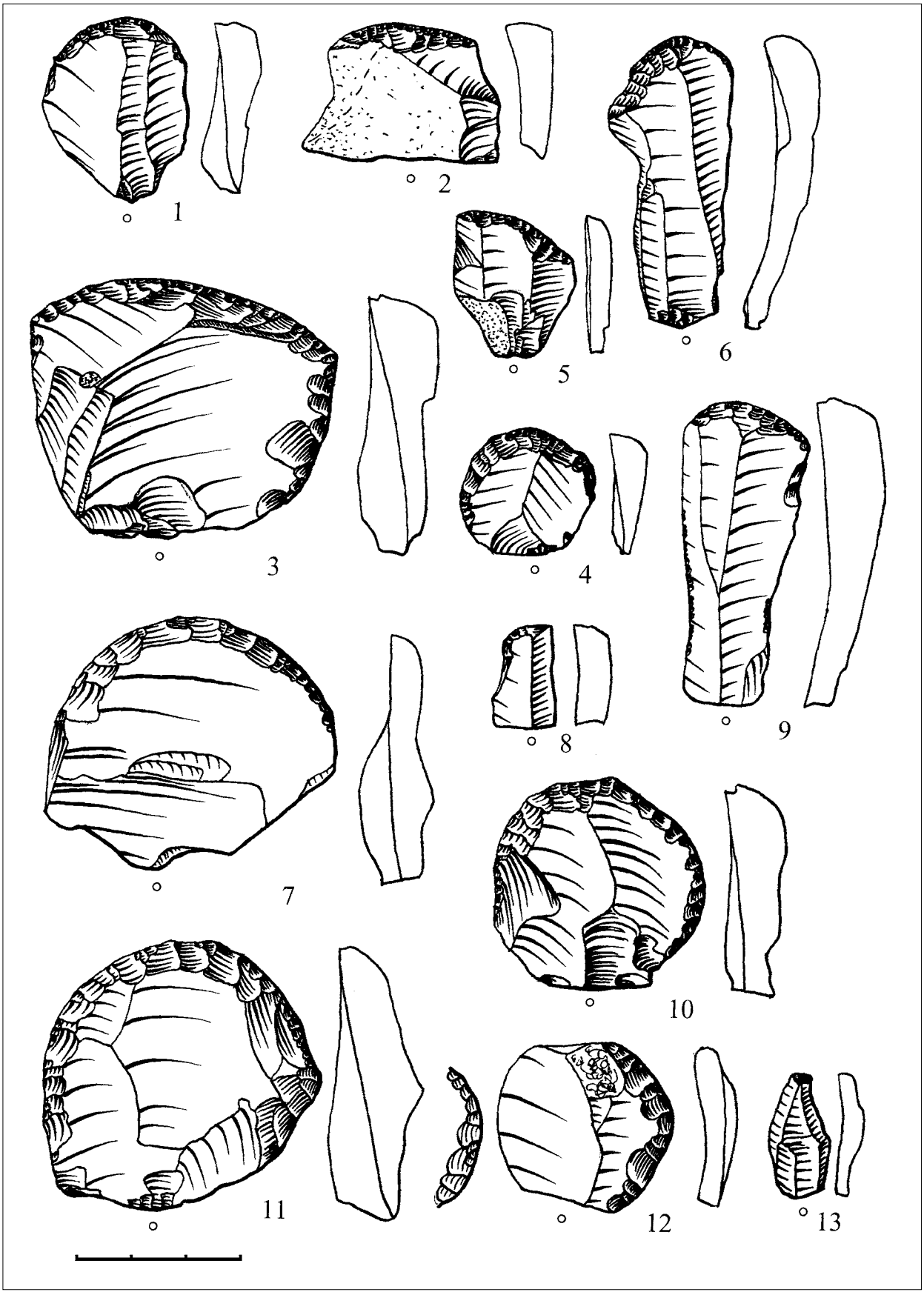

Рис. 34: Рессетинская культура. Стоянка Рессета 3. Каменный инвентарь.

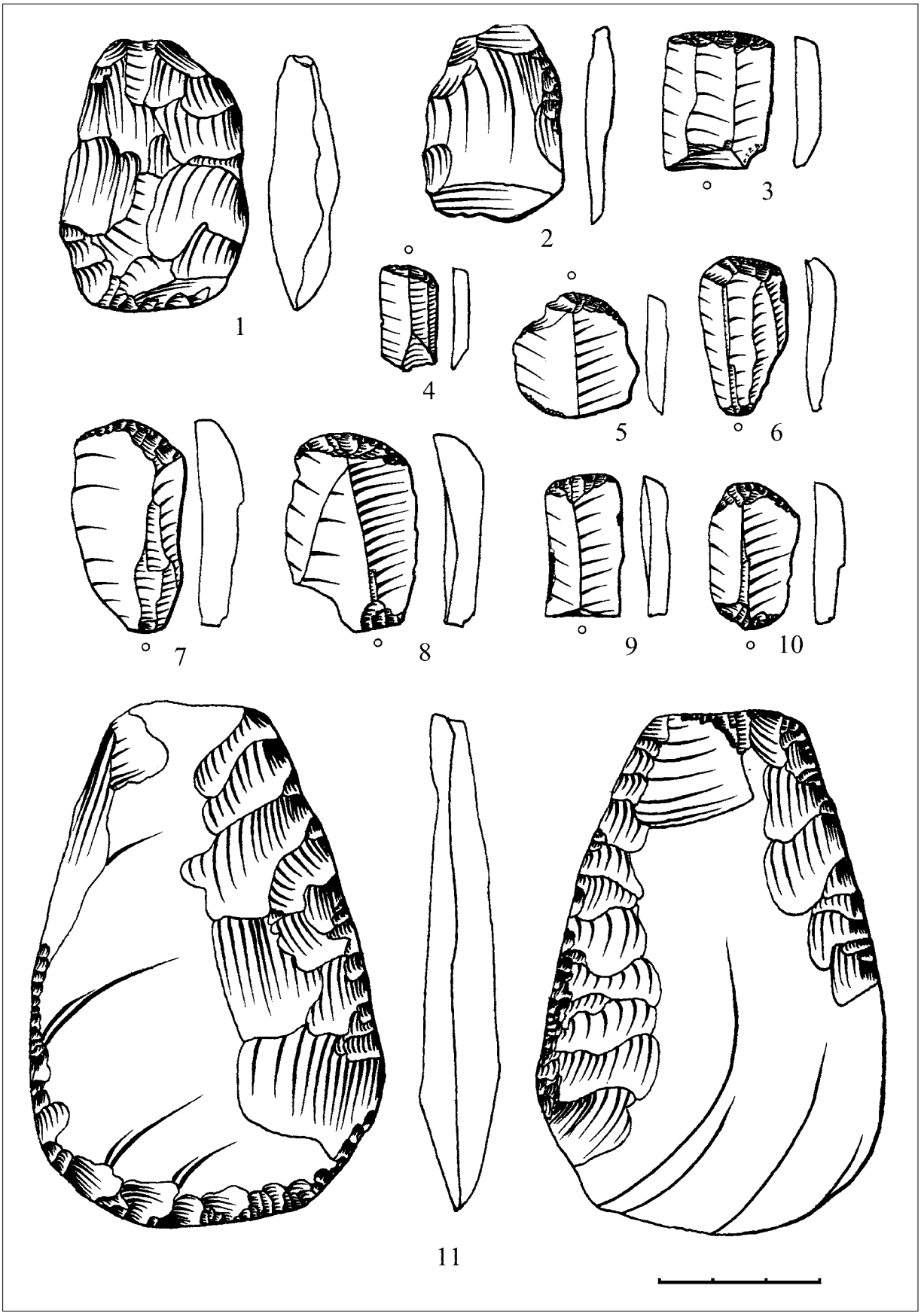

Рис. 35: Рессетинская культура. Стоянка Рессета 3. Каменный инвентарь.

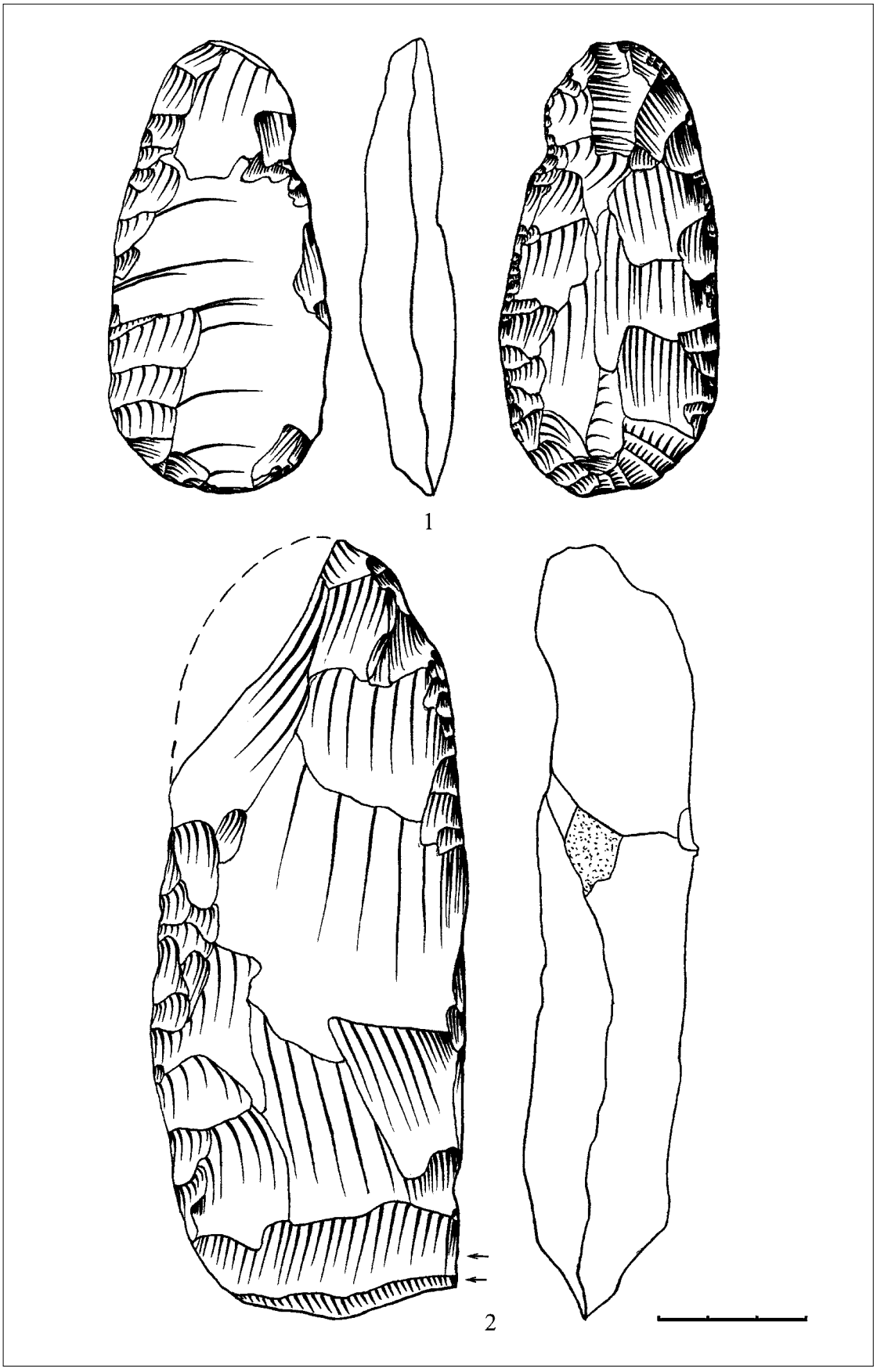

Рис. 36: Рессетинская культура. Стоянка Рессета 3. Каменный инвентарь.

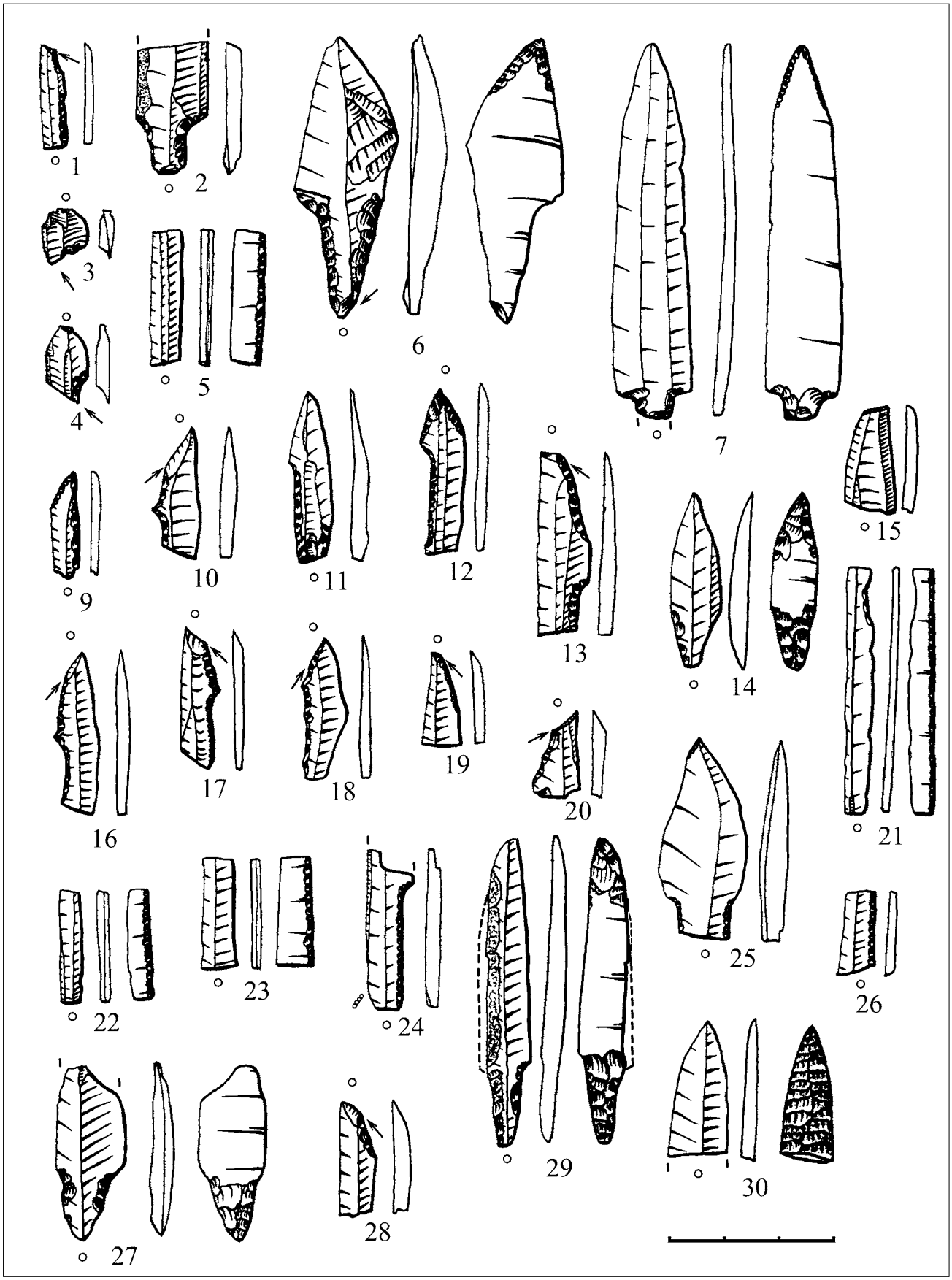

Рис. 37: Рессетинская культура. Стоянка Рессета 3. Каменный инвентарь.

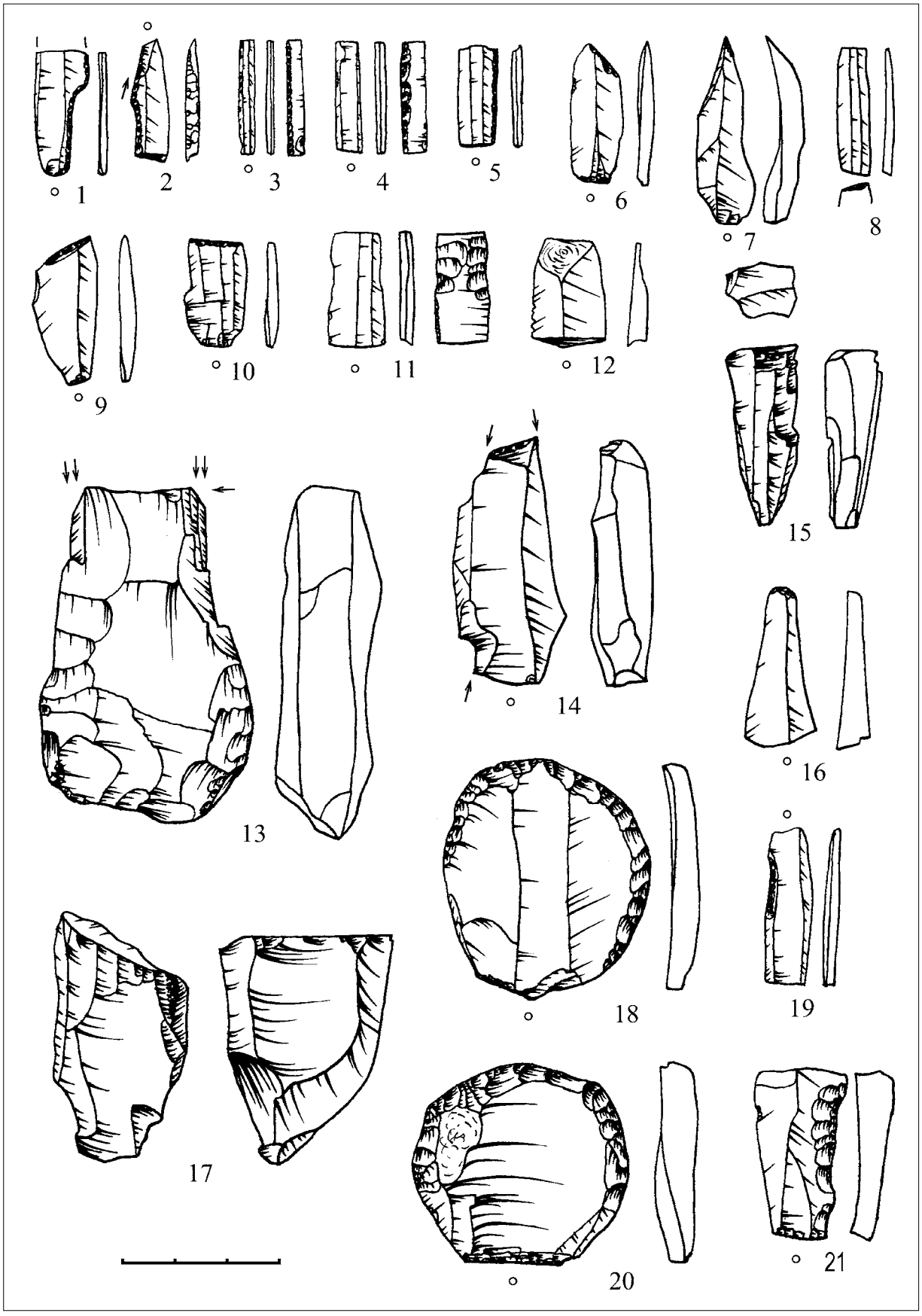

Рис. 38: Рессетинская культура. Стоянка Рессета 3. Каменный инвентарь.

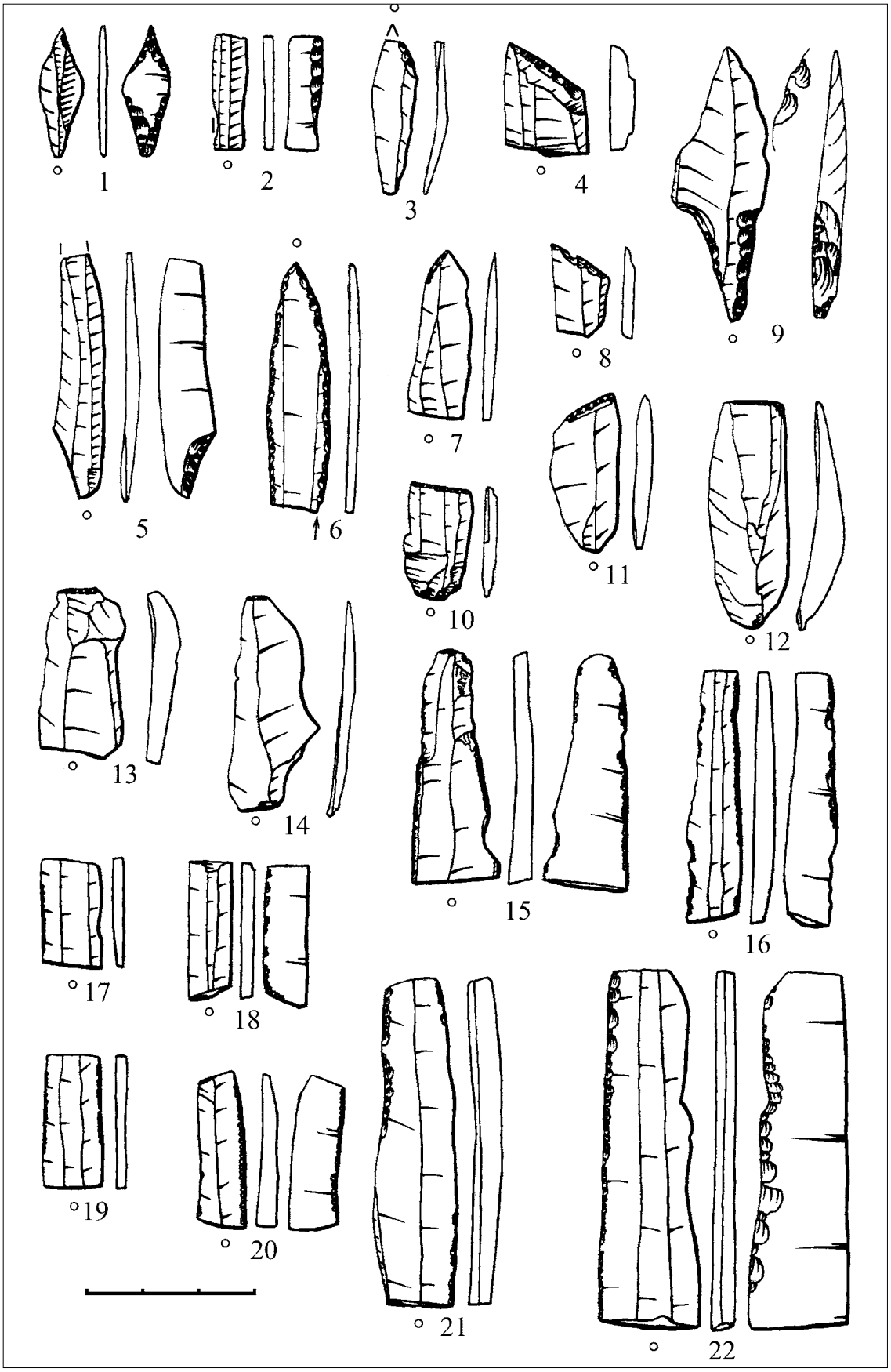

Рис. 39: Рессетинская культура. Стоянка Рессета 3. Каменный инвентарь.

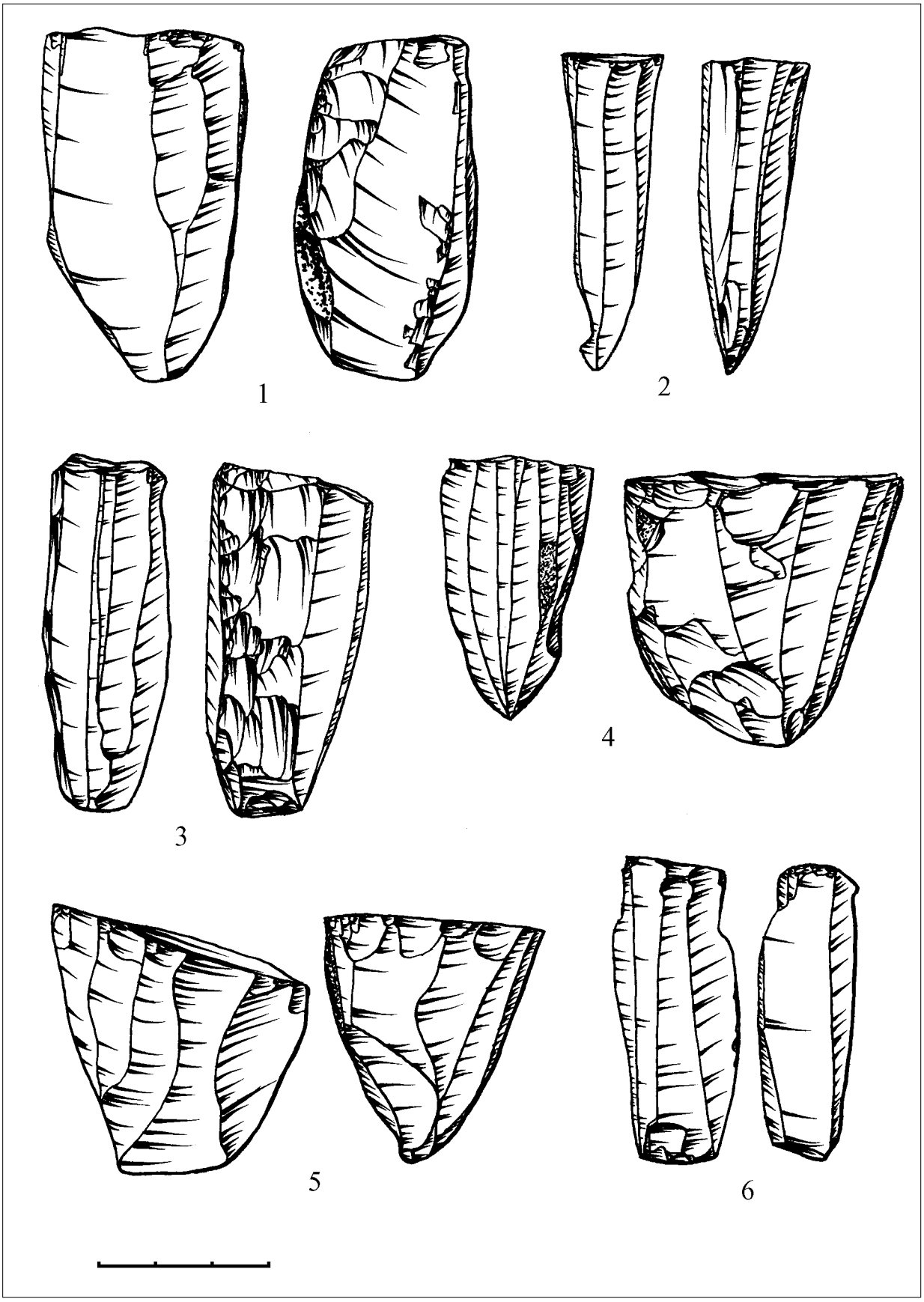

Рис. 40: Иеневская культура. Стоянка Брагино. Каменный инвентарь.

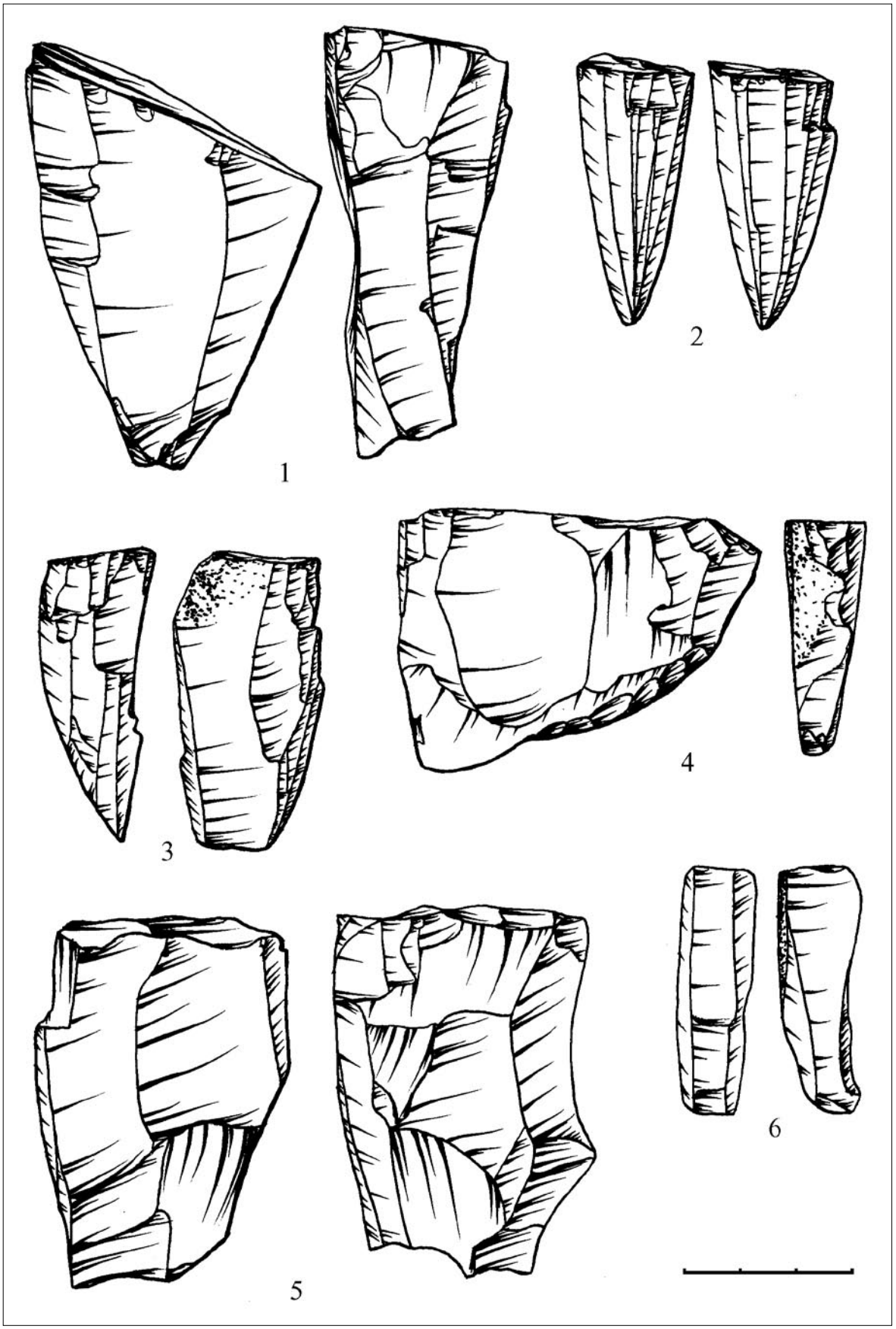

Рис. 41: Иеневская культура. Стоянка Брагино. Каменный инвентарь.

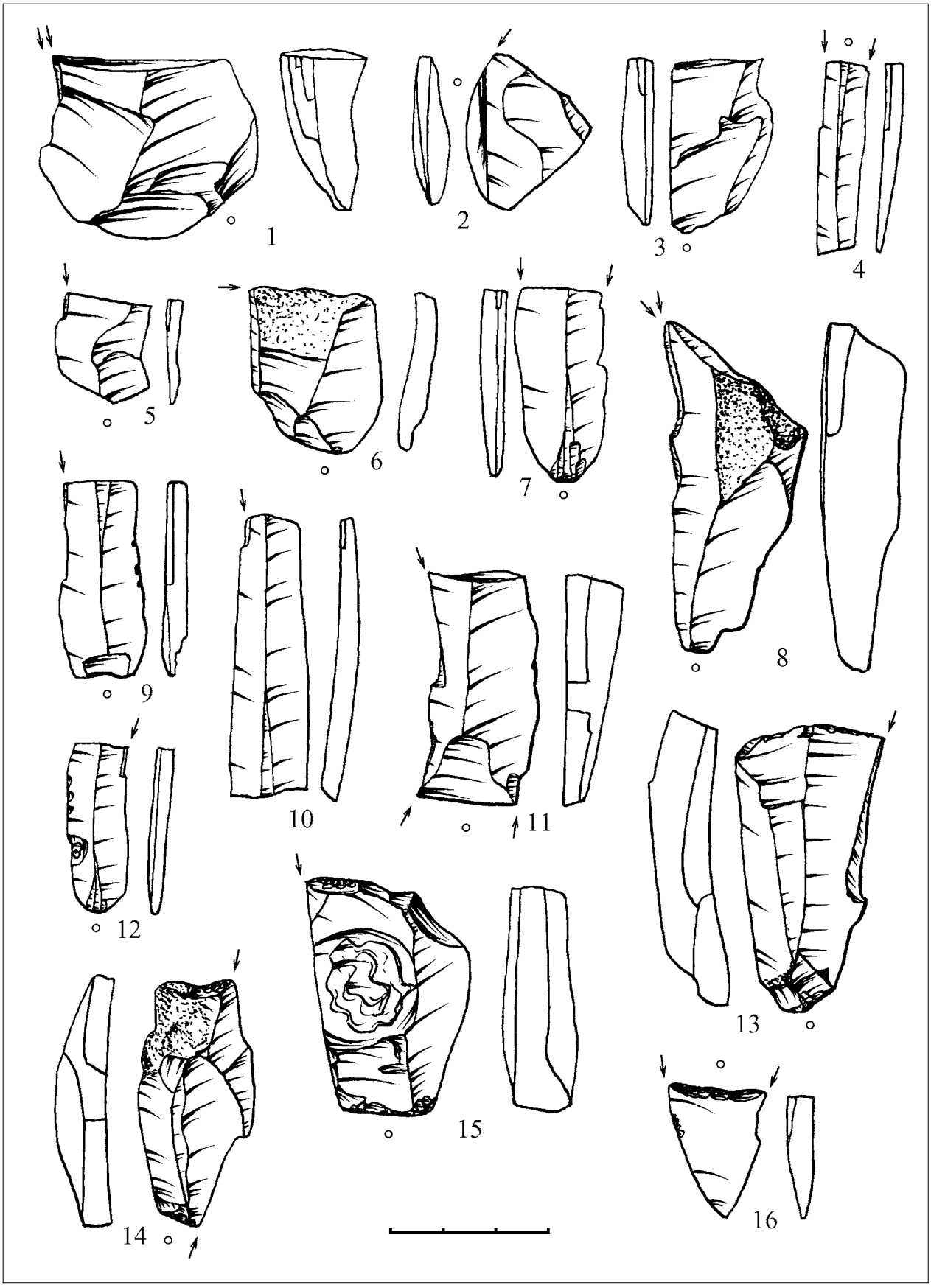

Рис. 42: Иеневская культура. Стоянка Брагино. Каменный инвентарь.

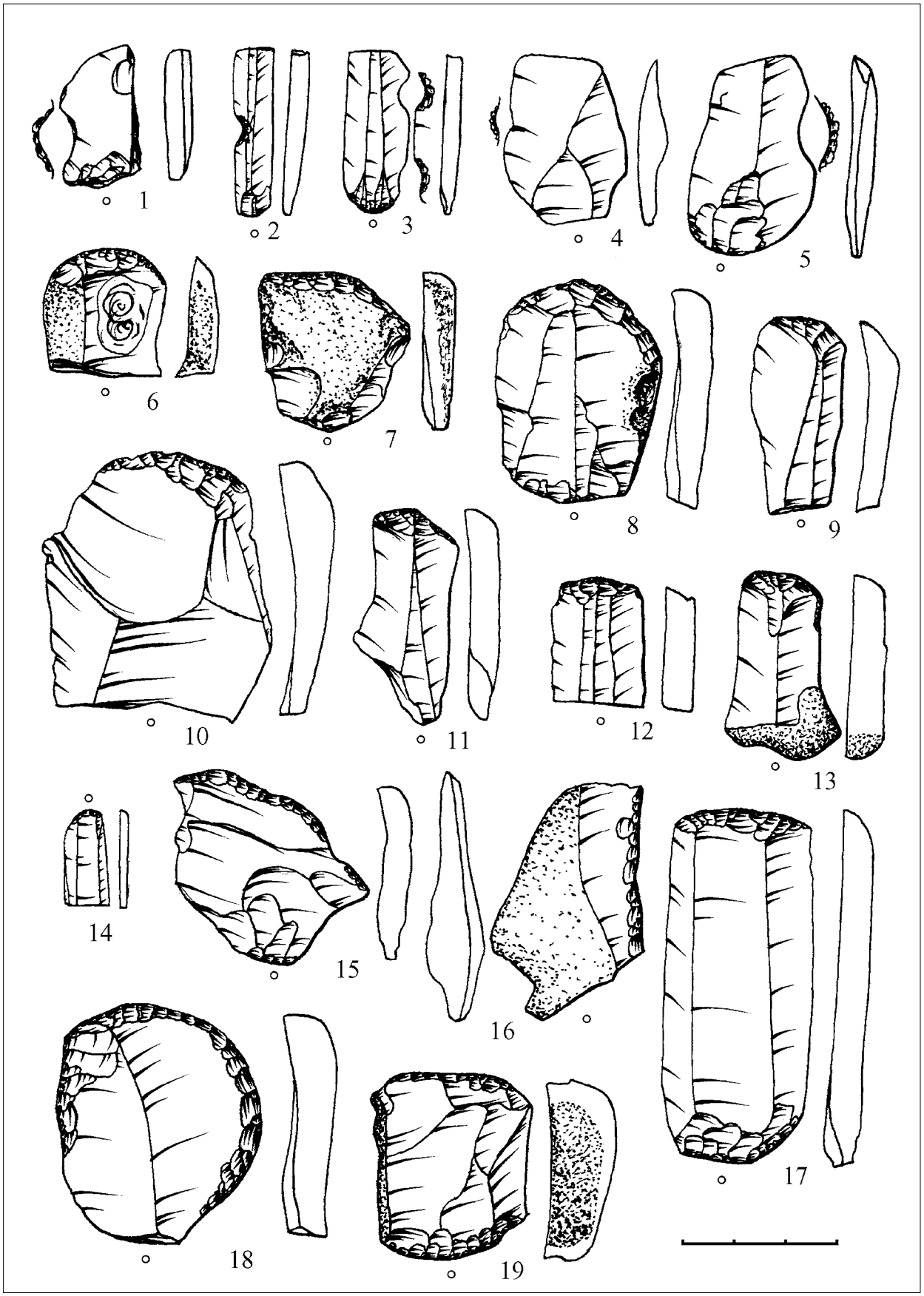

Рис. 43: Иеневская культура. Стоянка Брагино. Каменный инвентарь.

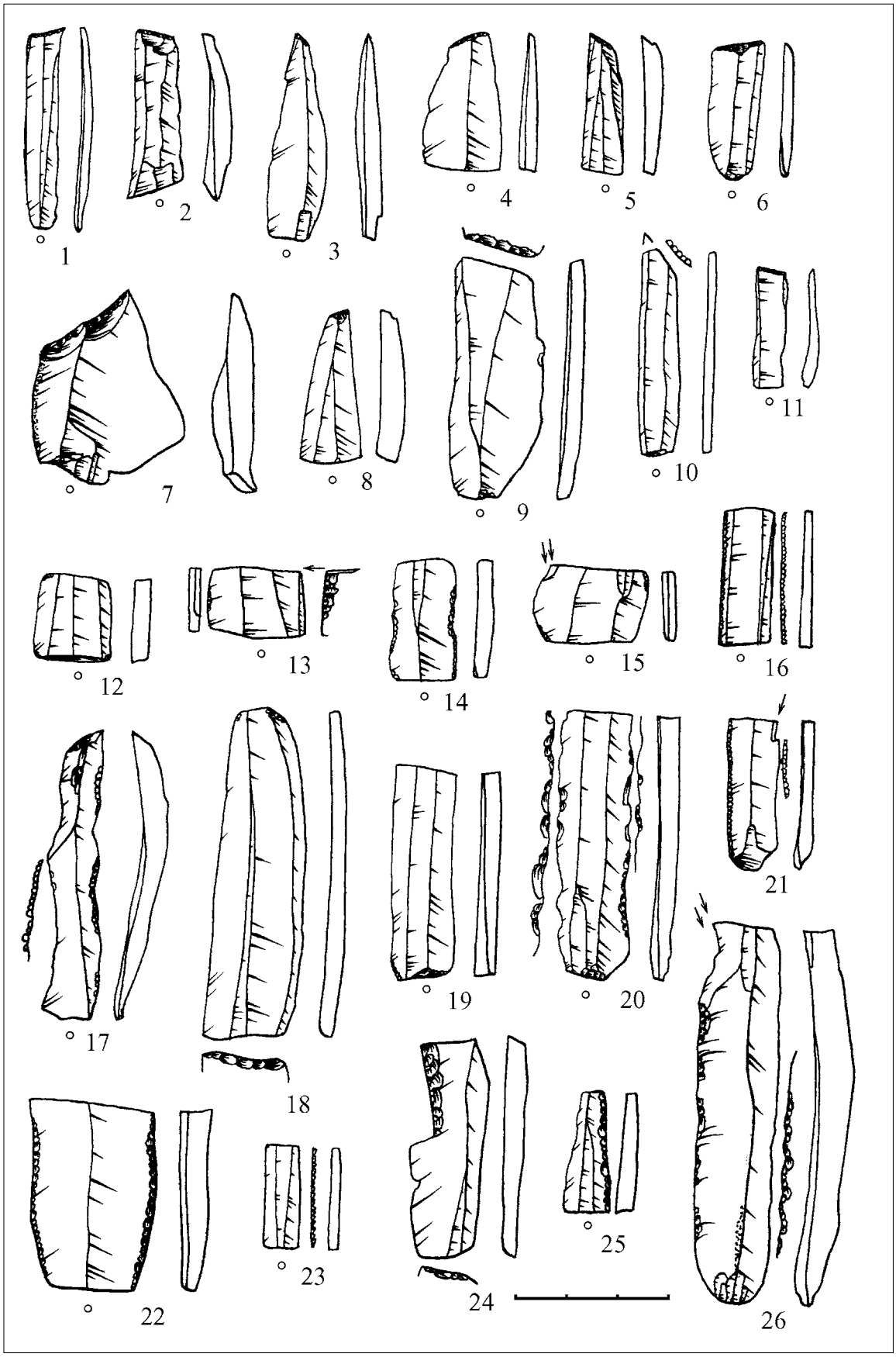

Рис. 44: Иеневская культура. Стоянка Брагино. Каменный инвентарь.

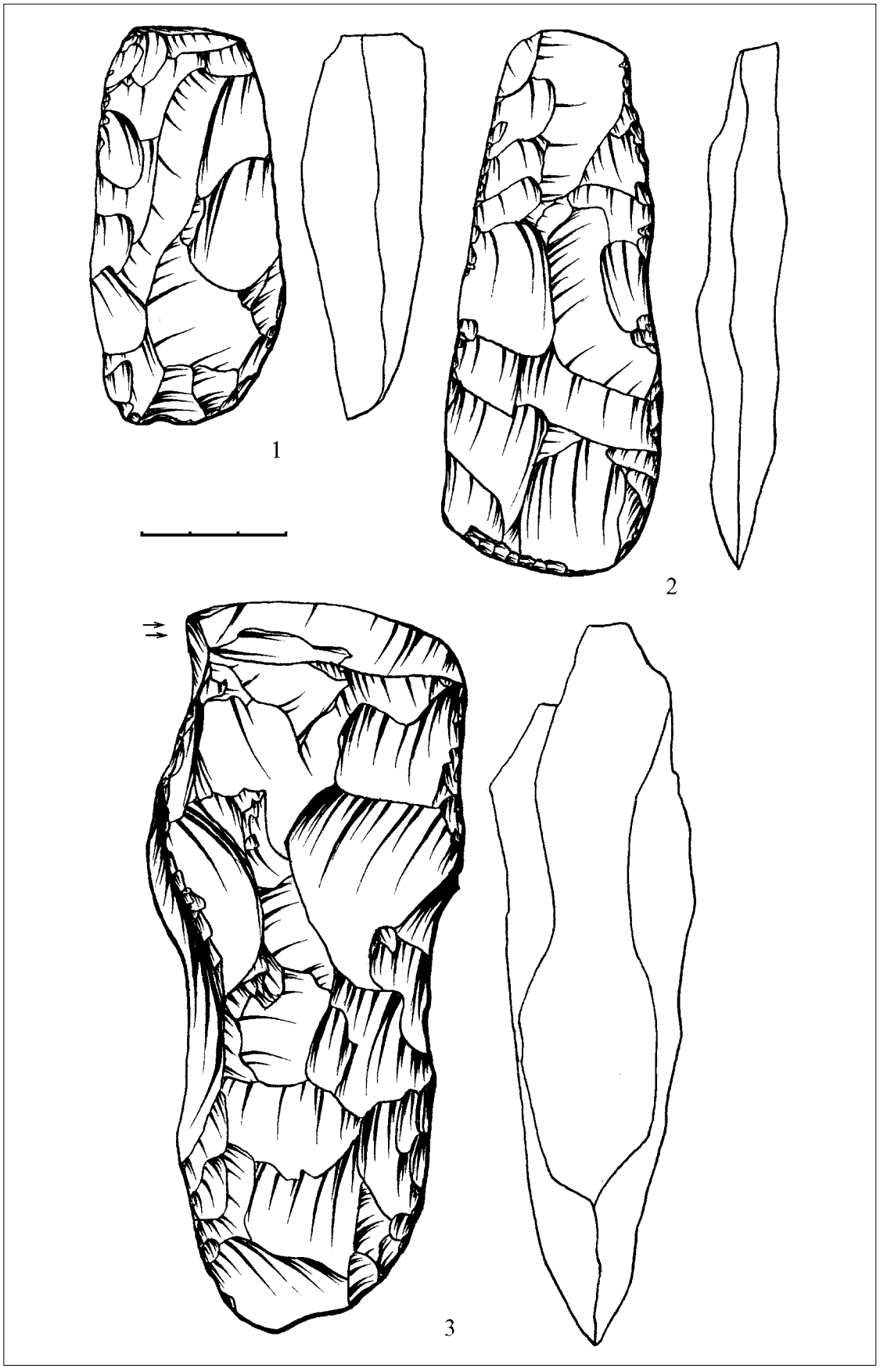

Рис. 45: Иеневская культура. Стоянка Брагино. Каменный инвентарь.

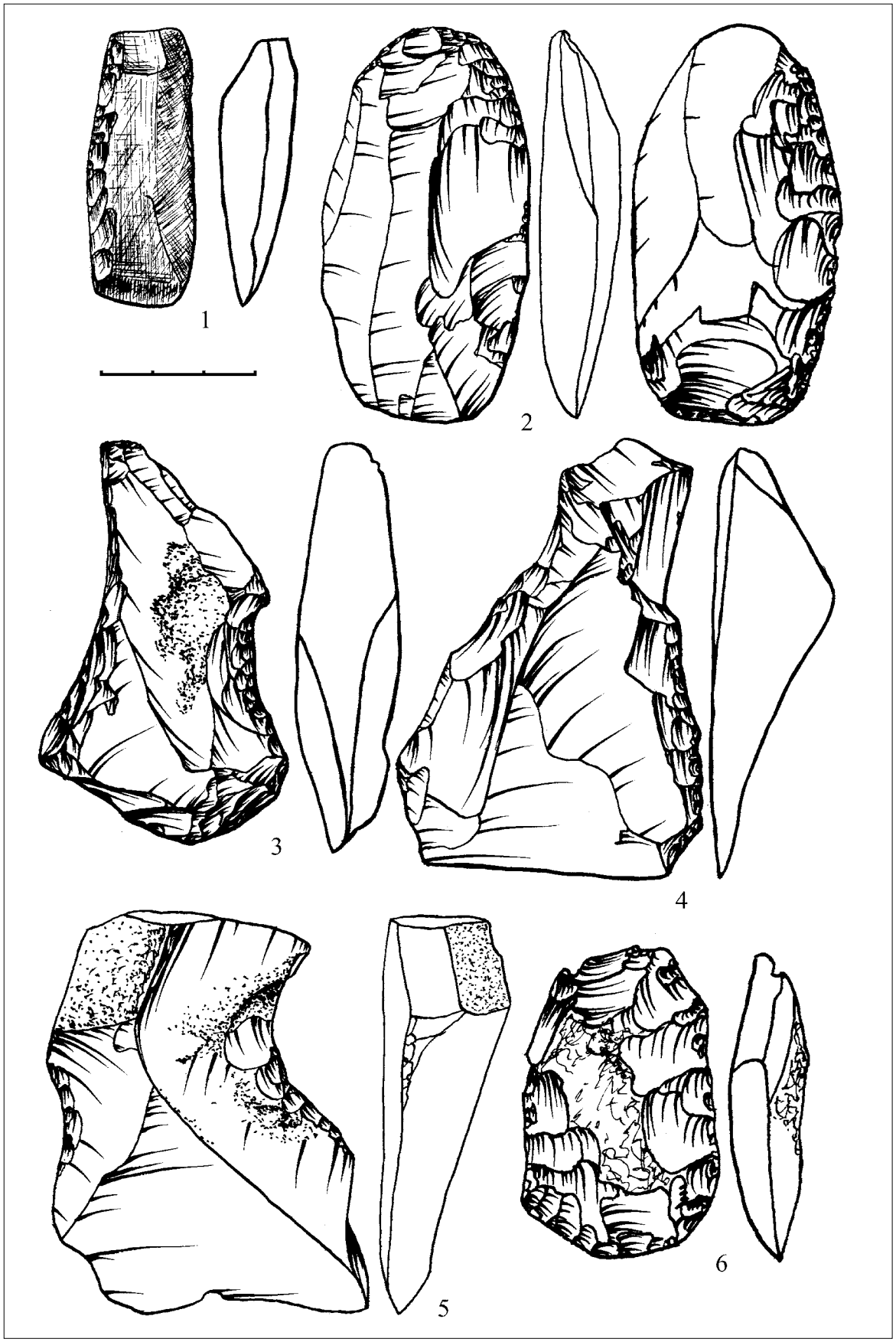

Рис. 46: Иеневская культура. Стоянка Брагино. Каменный инвентарь.

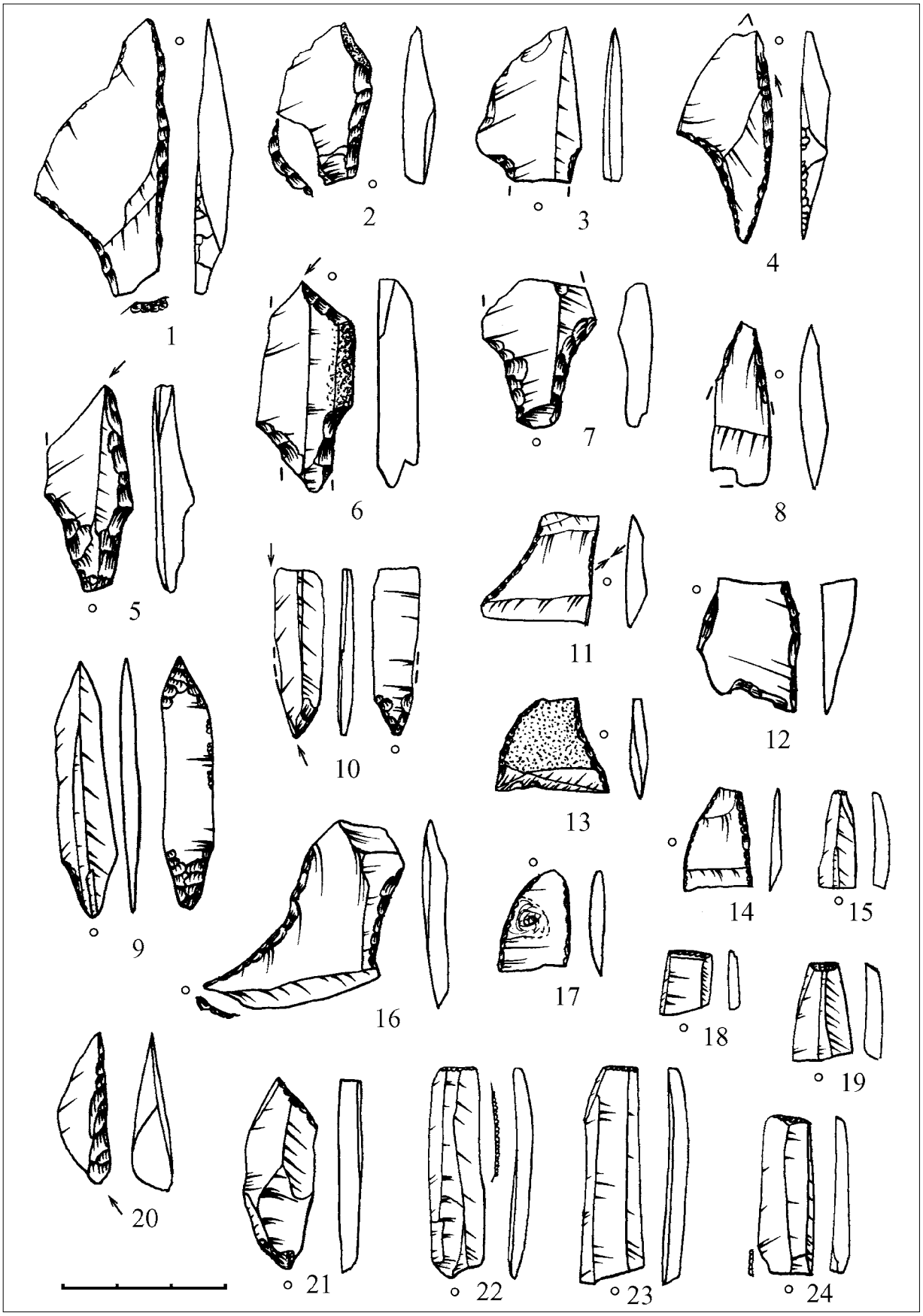

Рис. 47: Иеневская культура. Стоянка Брагино. Каменный инвентарь.

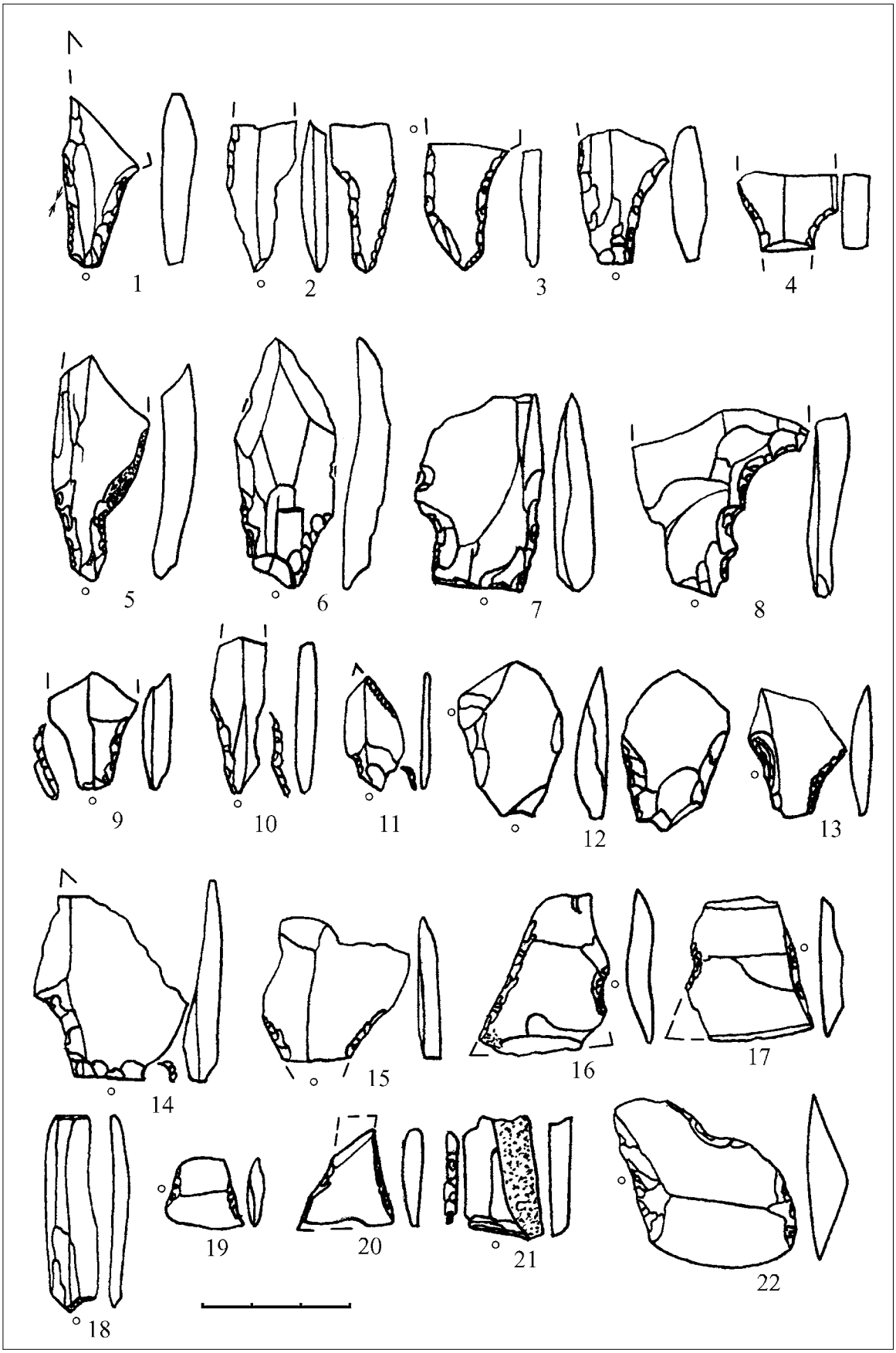

Рис. 48: Иеневская культура. Стоянка Брагино. Каменный инвентарь.

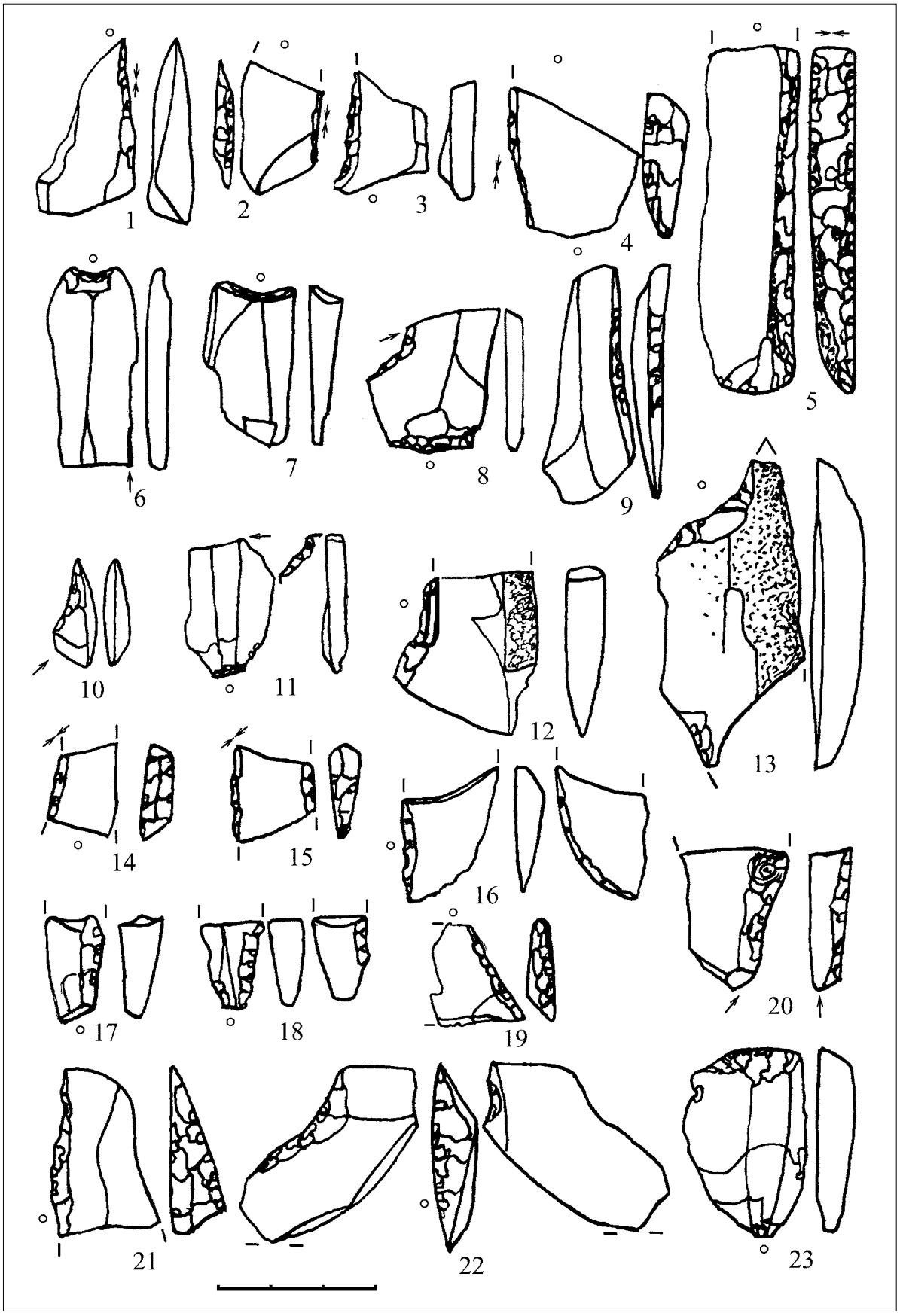

Рис. 49: Иеневская культура. Стоянка Брагино. Каменный инвентарь.

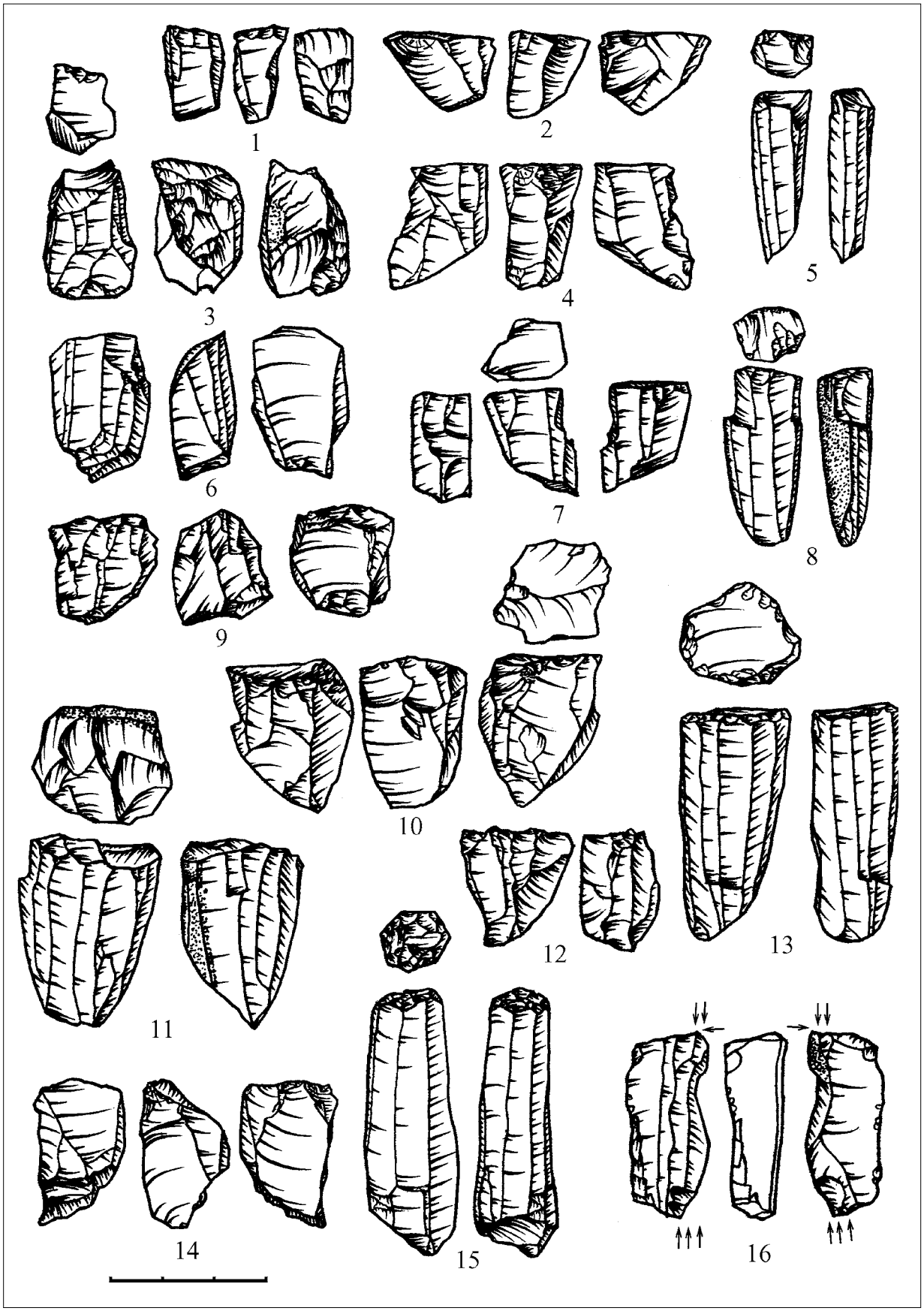

Рис. 50: Пургасовская культура. Стоянка Пургасово 3. Каменный инвентарь.

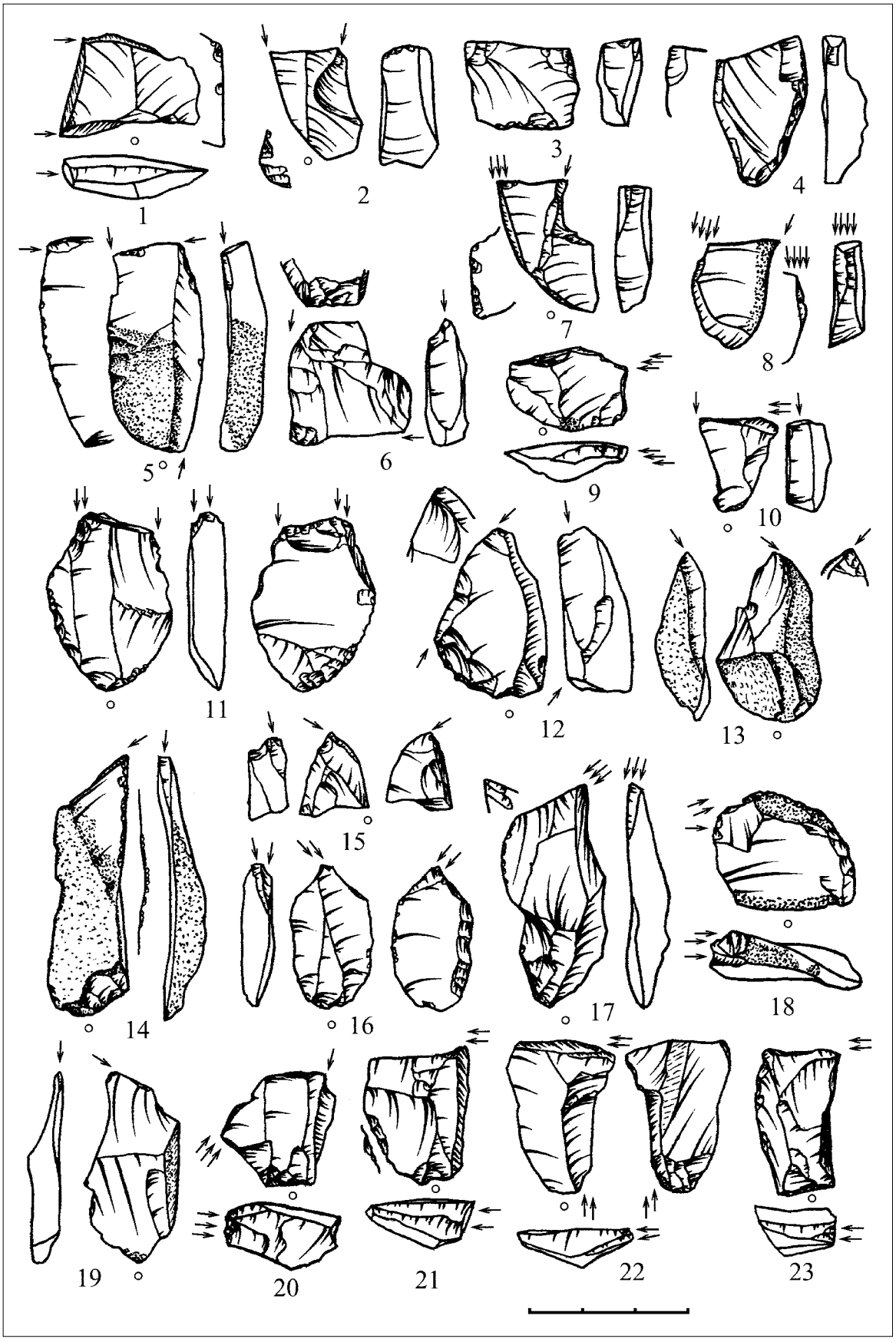

Рис. 51: Пургасовская культура. Стоянка Пургасово 3. Каменный инвентарь.

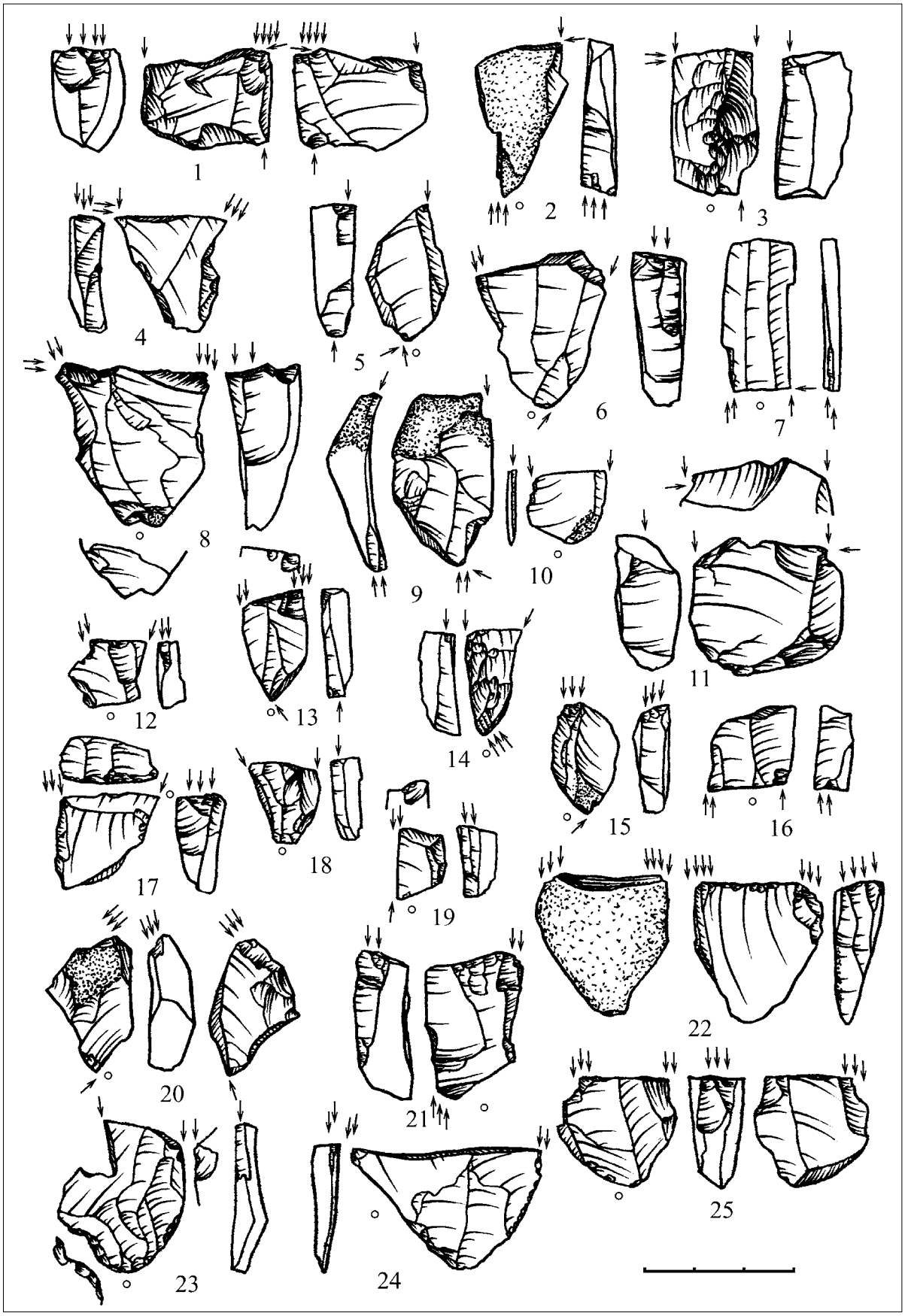

Рис. 52: Пургасовская культура. Стоянка Пургасово 3. Каменный инвентарь.

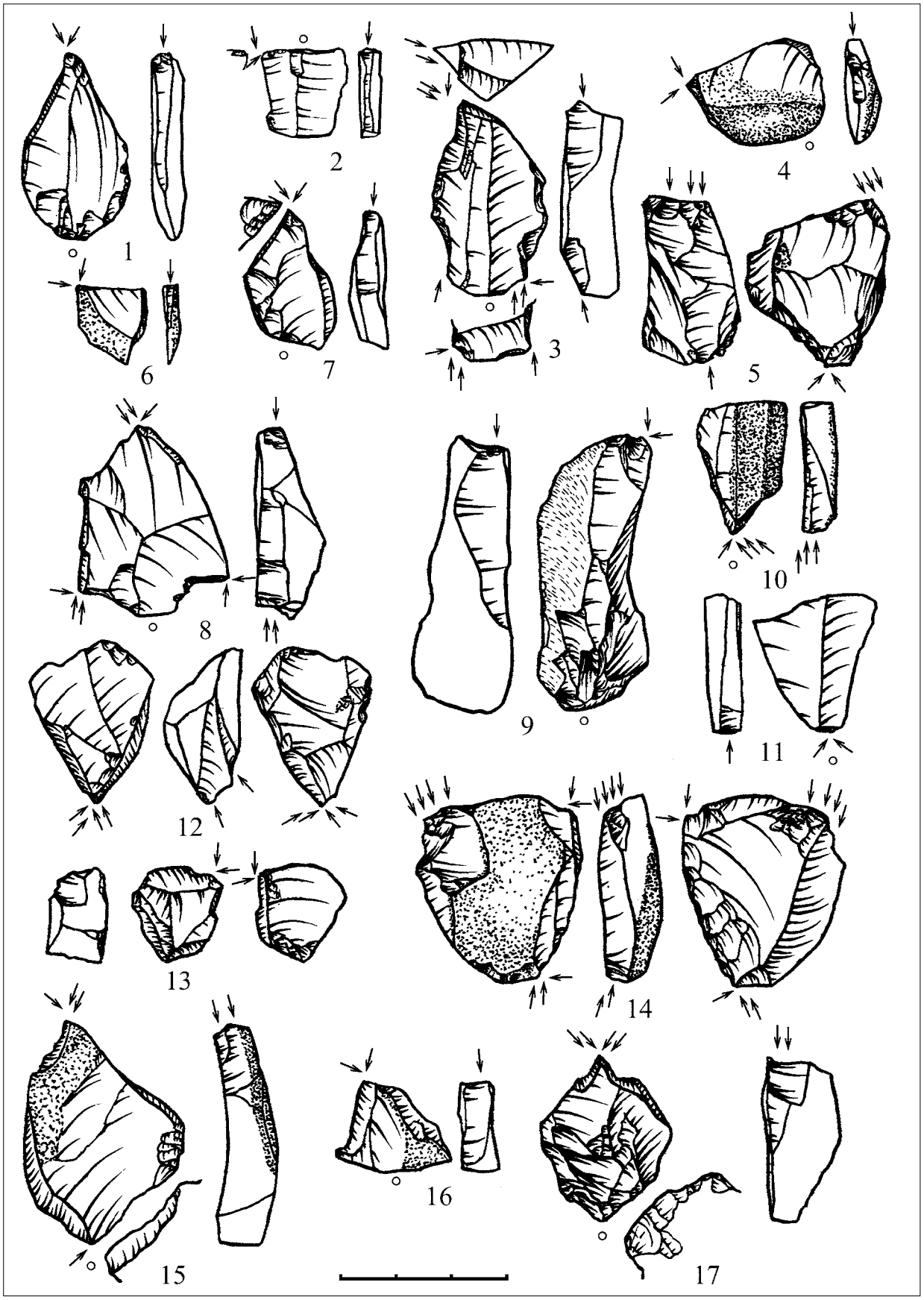

Рис. 53: Пургасовская культура. Стоянка Пургасово 3. Каменный инвентарь.

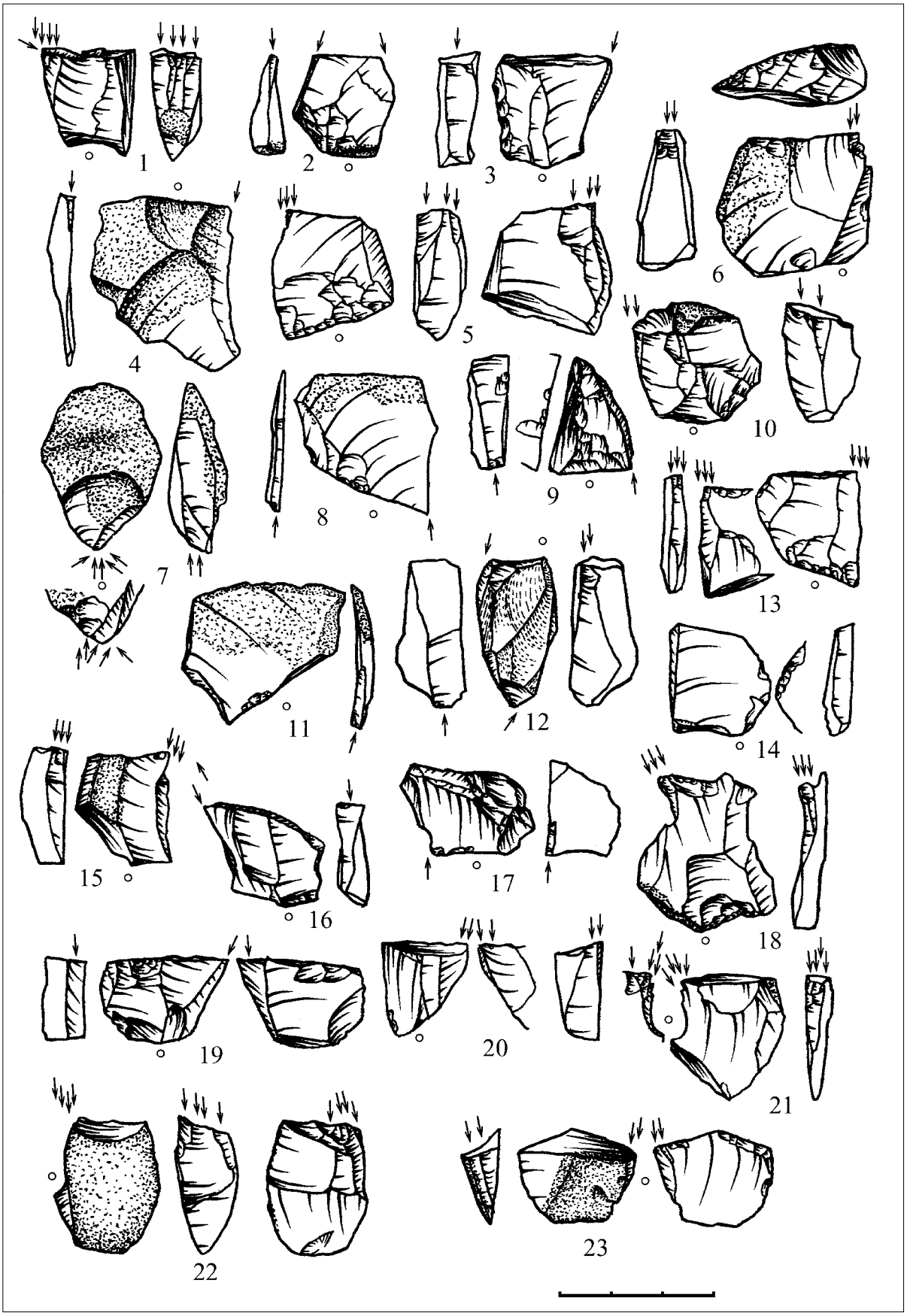

Рис. 54: Пургасовская культура. Стоянка Пургасово 3. Каменный инвентарь.

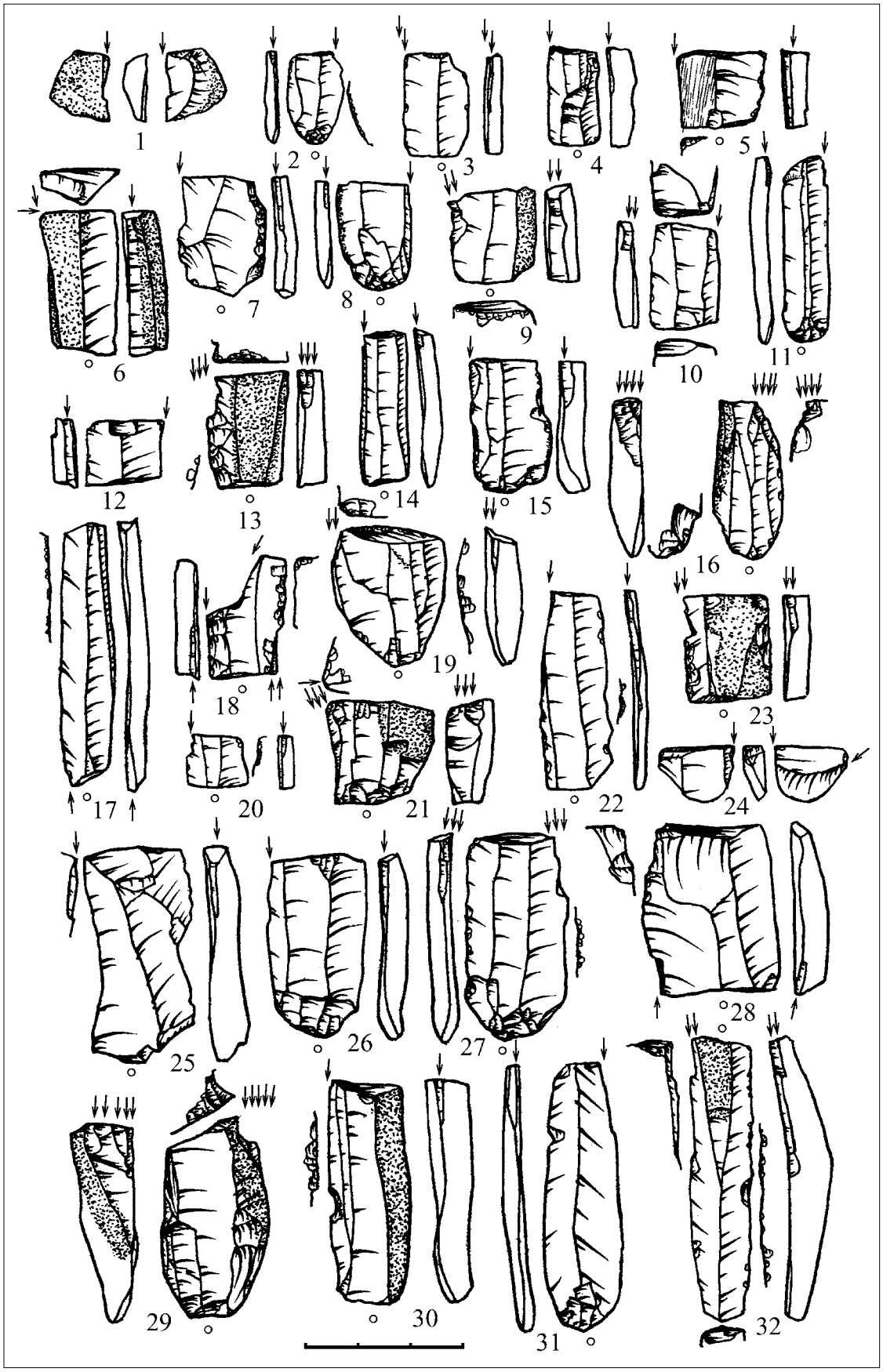

Рис. 55: Пургасовская культура. Стоянка Пургасово 3. Каменный инвентарь.

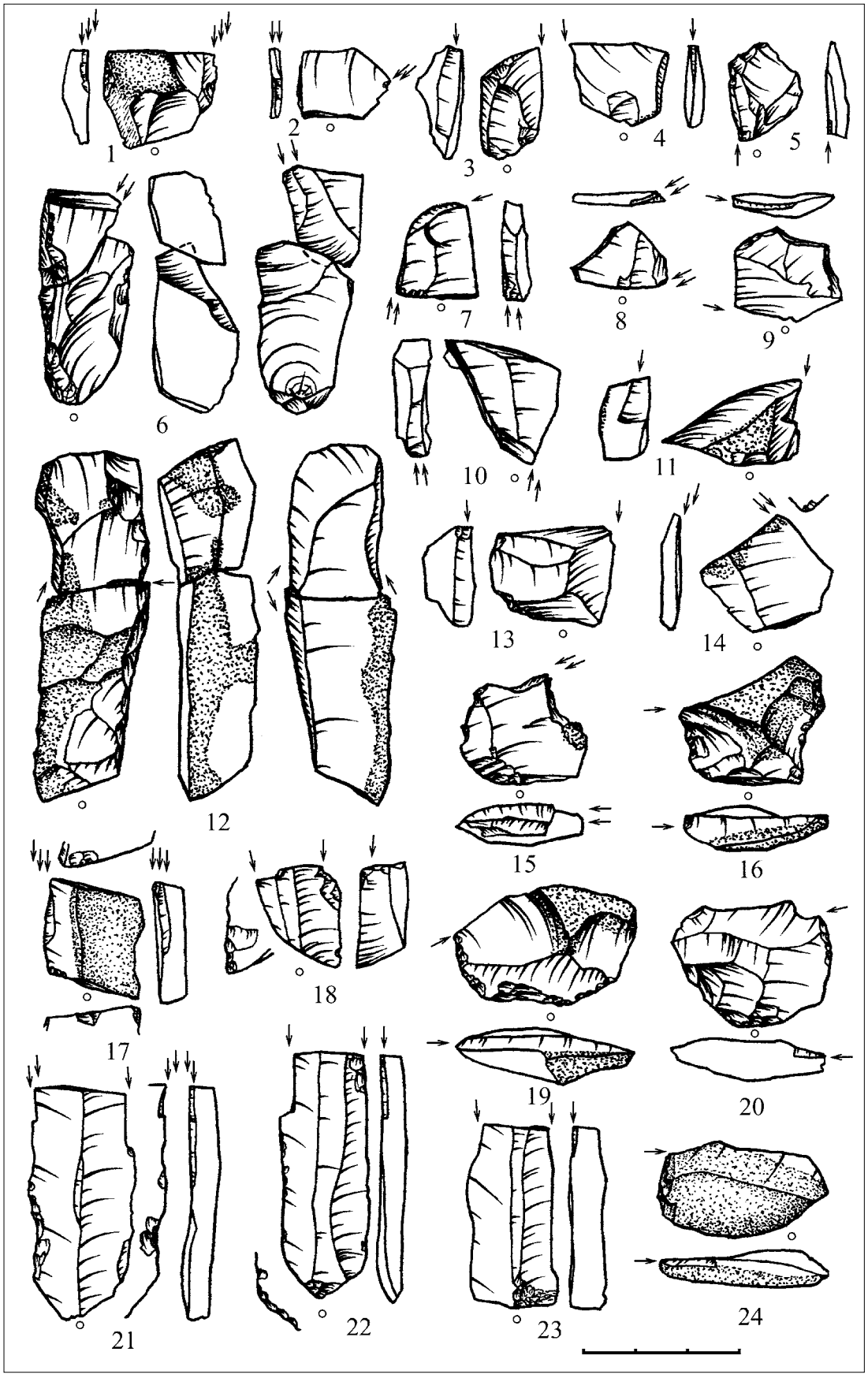

Рис. 56: Пургасовская культура. Стоянка Пургасово 3. Каменный инвентарь.

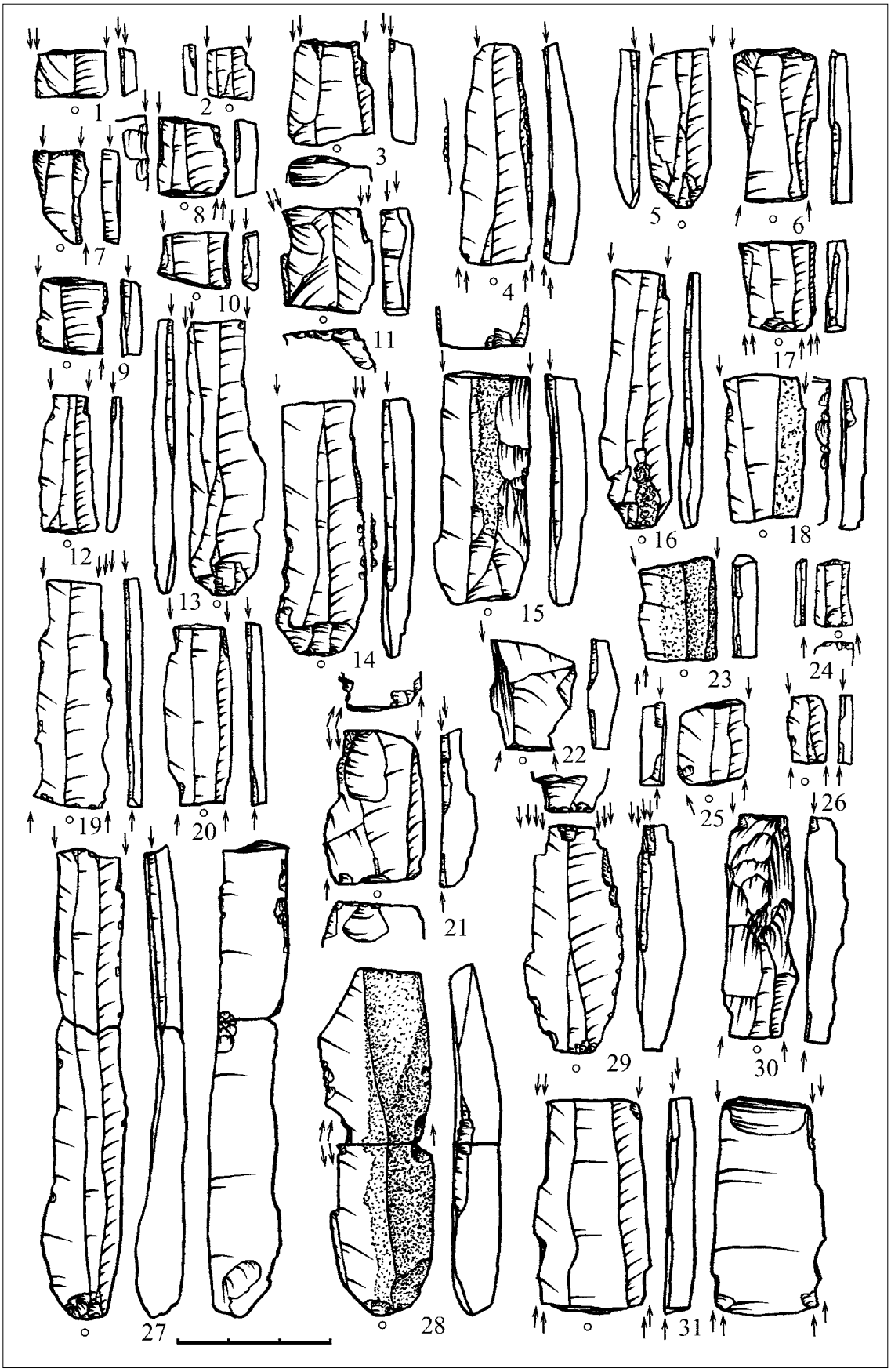

Рис. 57: Пургасовская культура. Стоянка Пургасово 3. Каменный инвентарь.

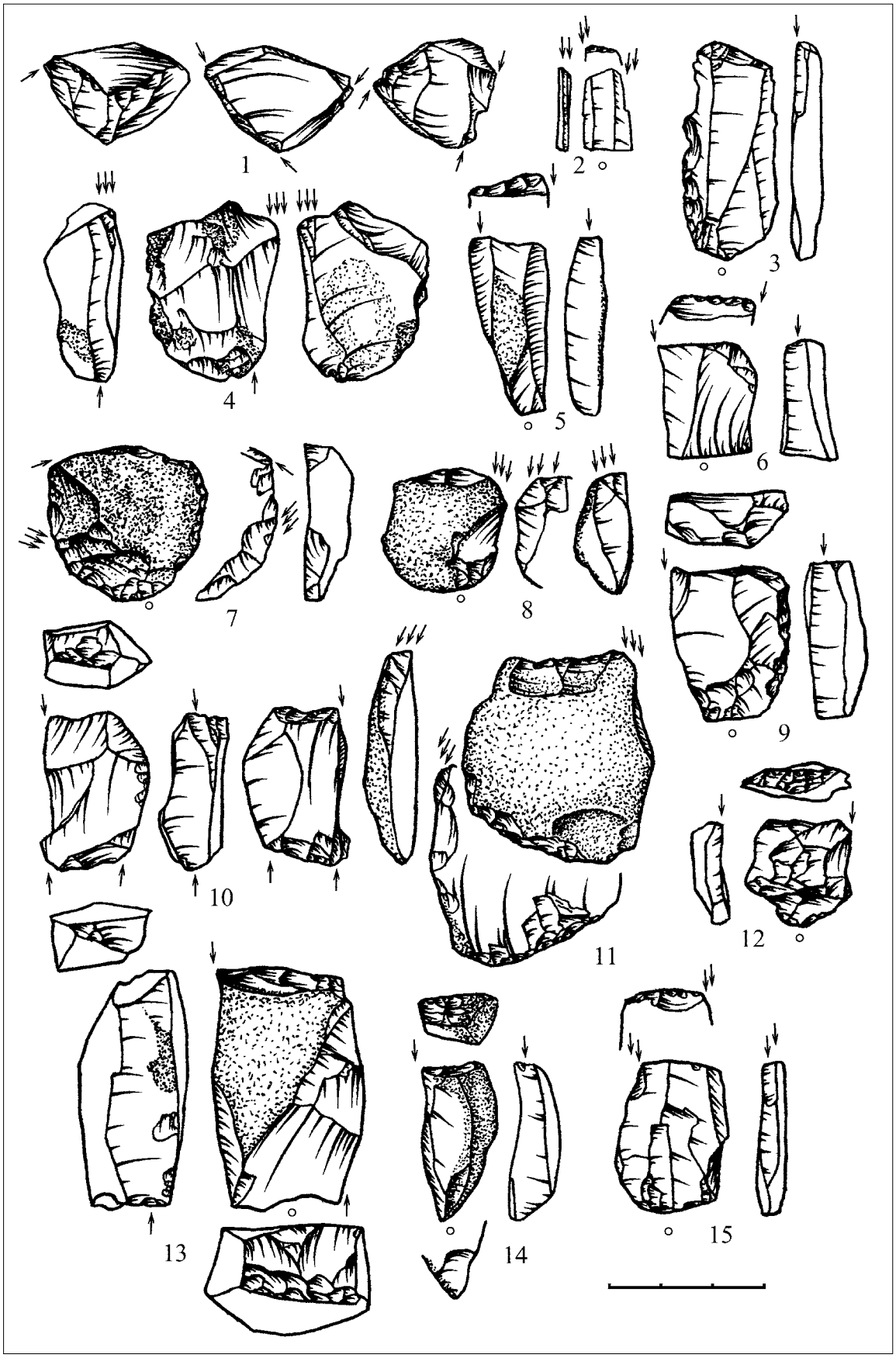

Рис. 58: Пургасовская культура. Стоянка Пургасово 3. Каменный инвентарь.

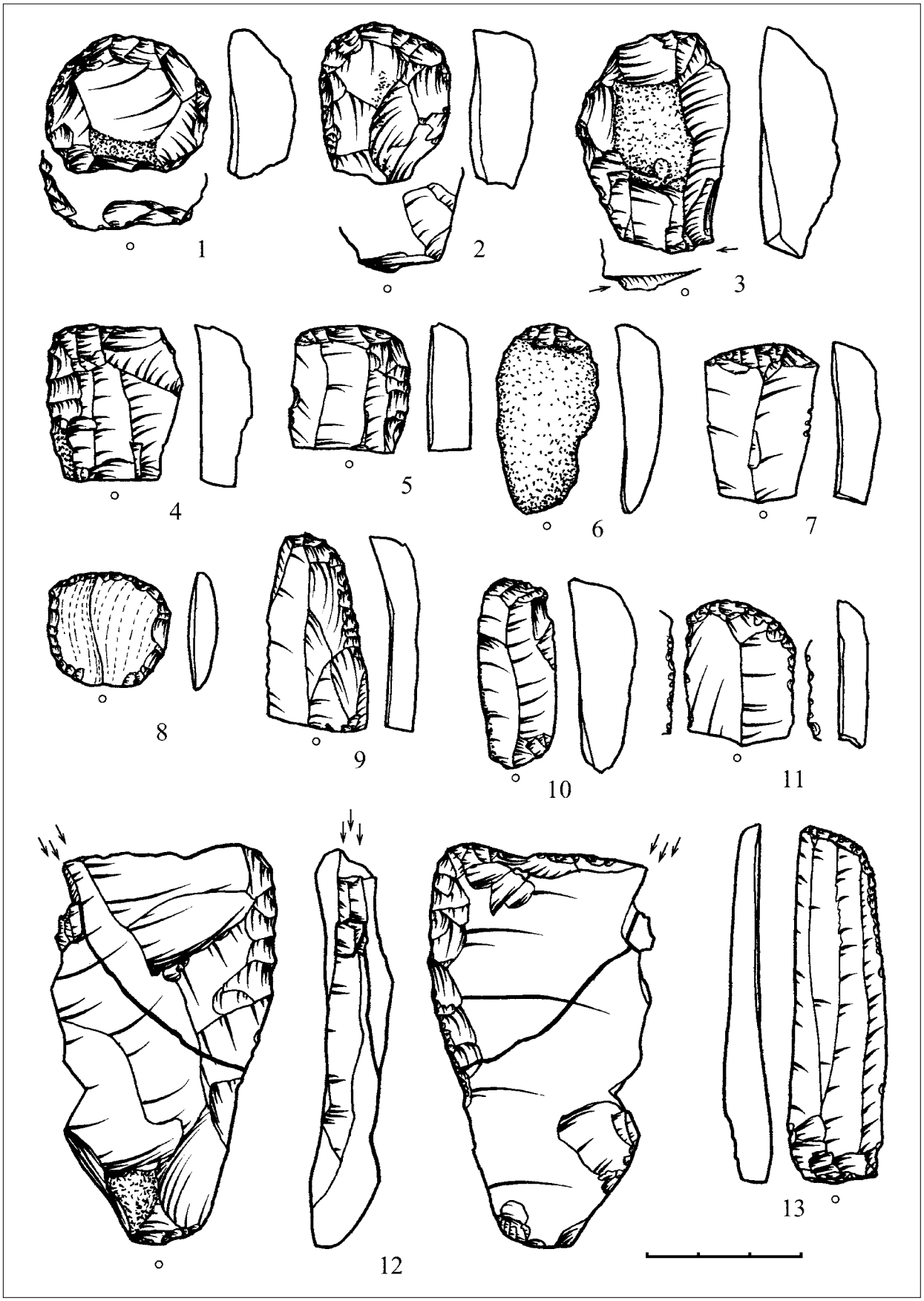

Рис. 59: Пургасовская культура. Стоянка Пургасово 3. Каменный инвентарь.

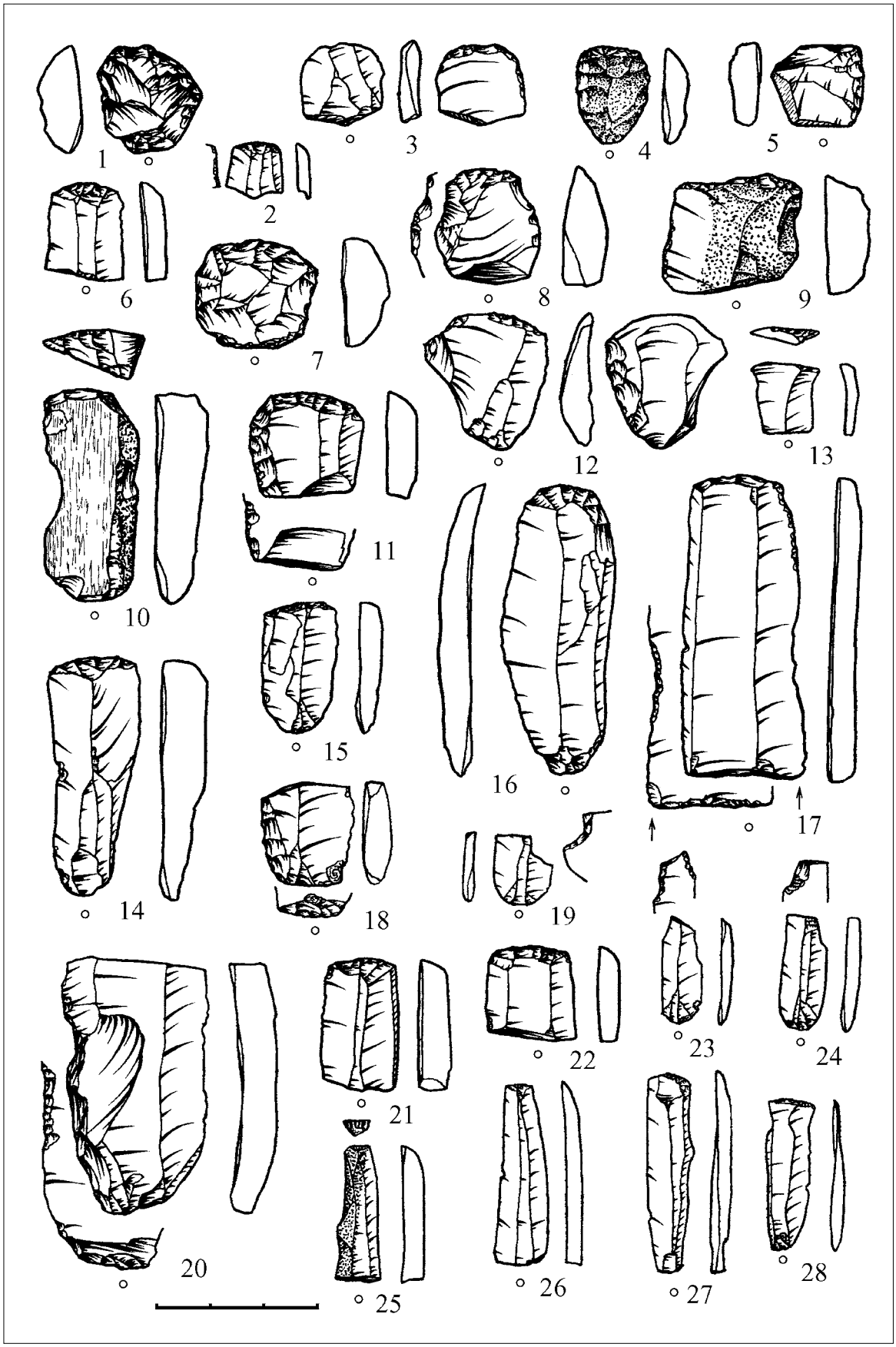

Рис. 60: Пургасовская культура. Стоянка Пургасово 3. Каменный инвентарь.

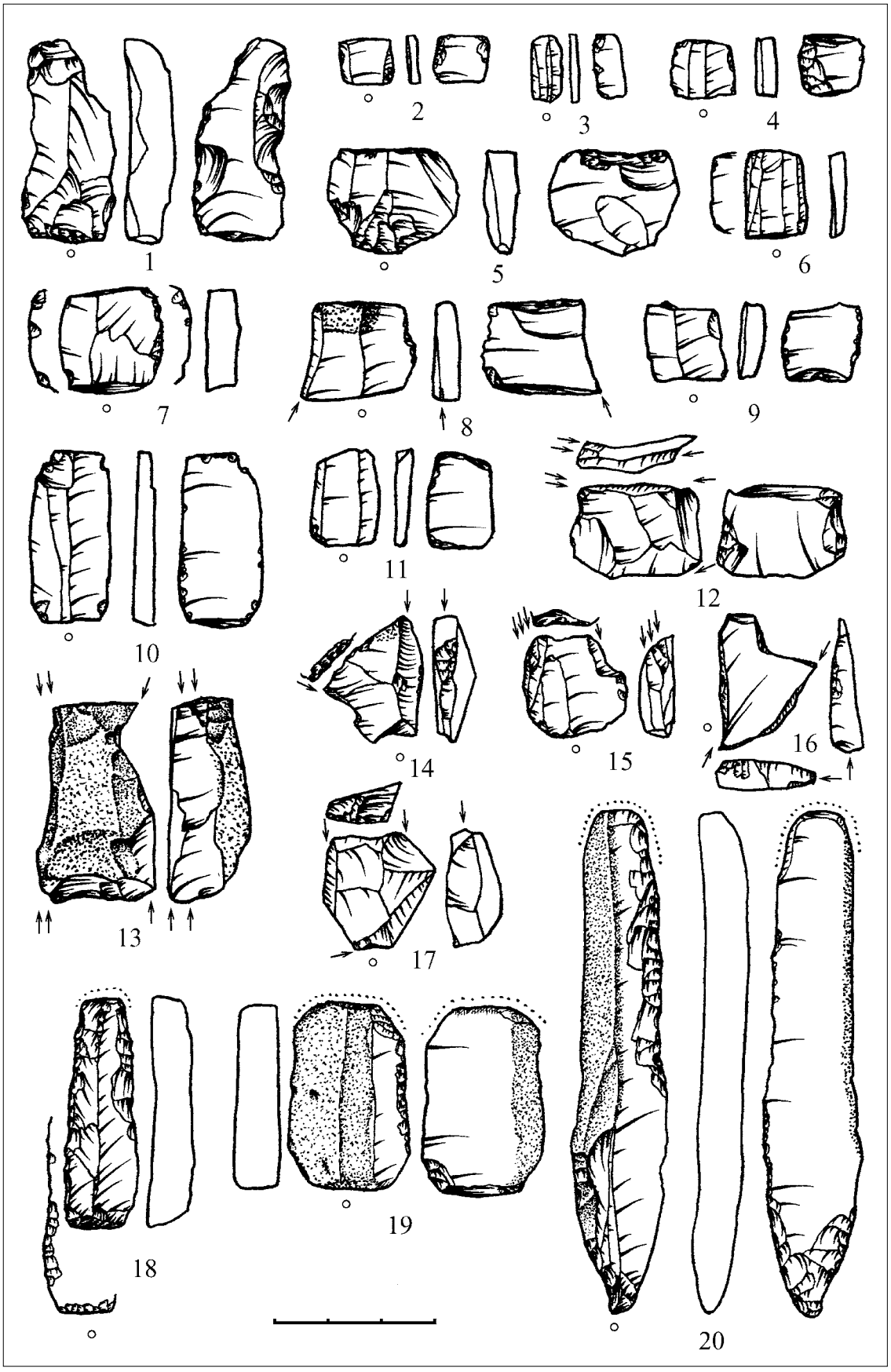

Рис. 61: Пургасовская культура. Стоянка Пургасово 3. Каменный инвентарь.

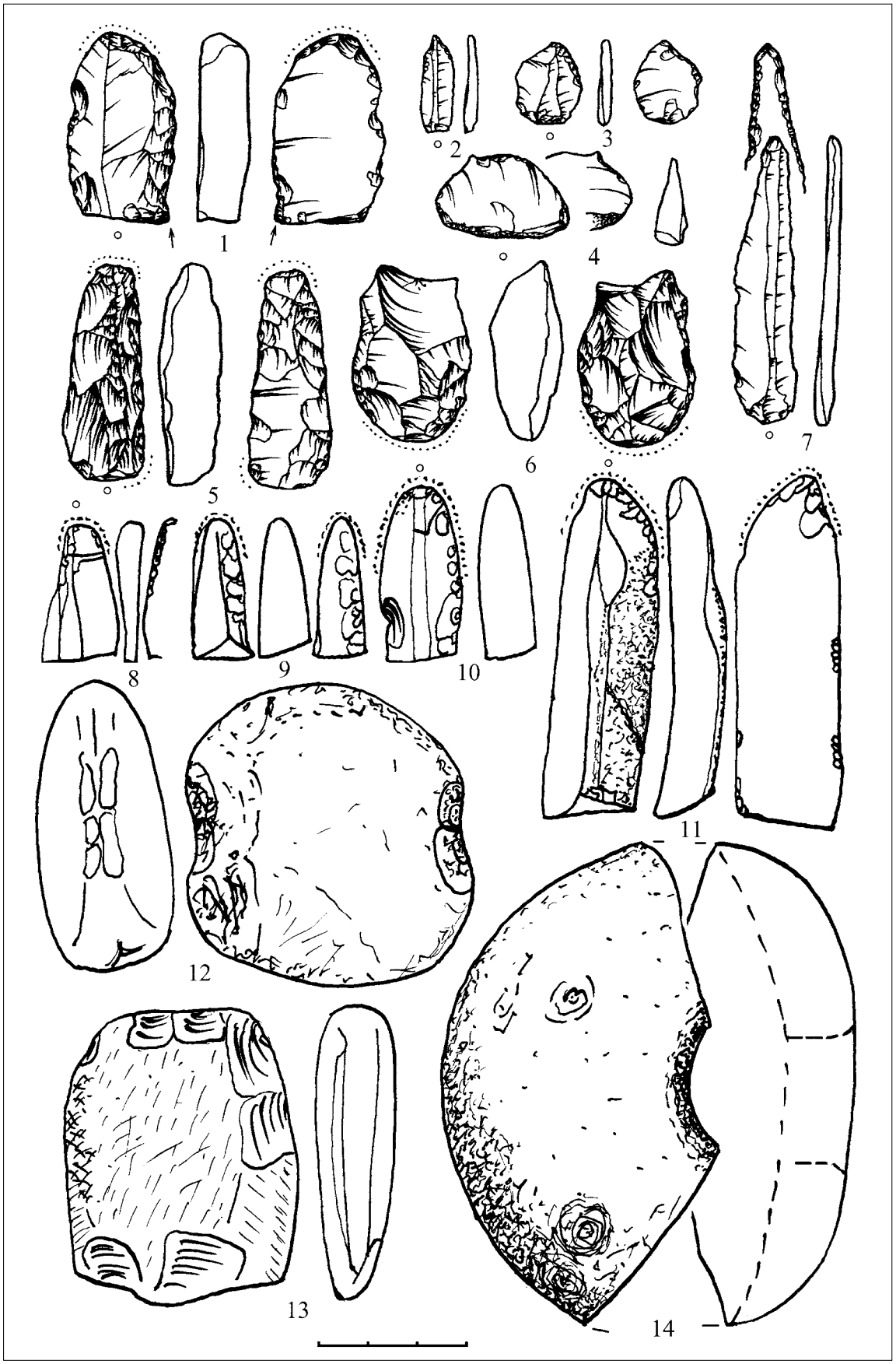

Рис. 62: Пургасовская культура. Стоянка Пургасово 3. Каменный инвентарь.

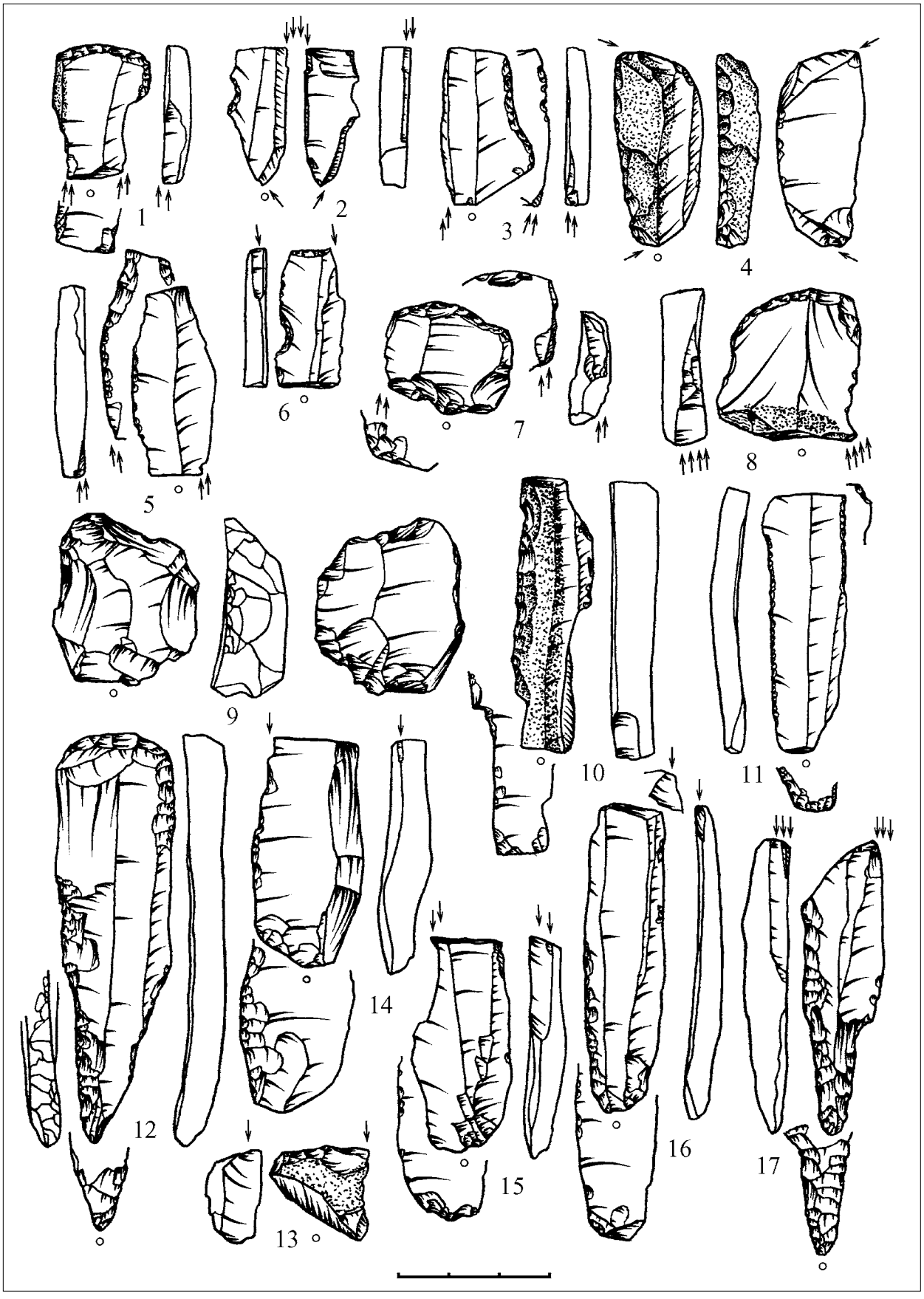

Рис. 63: Пургасовская культура. Стоянка Пургасово 3. Каменный инвентарь.

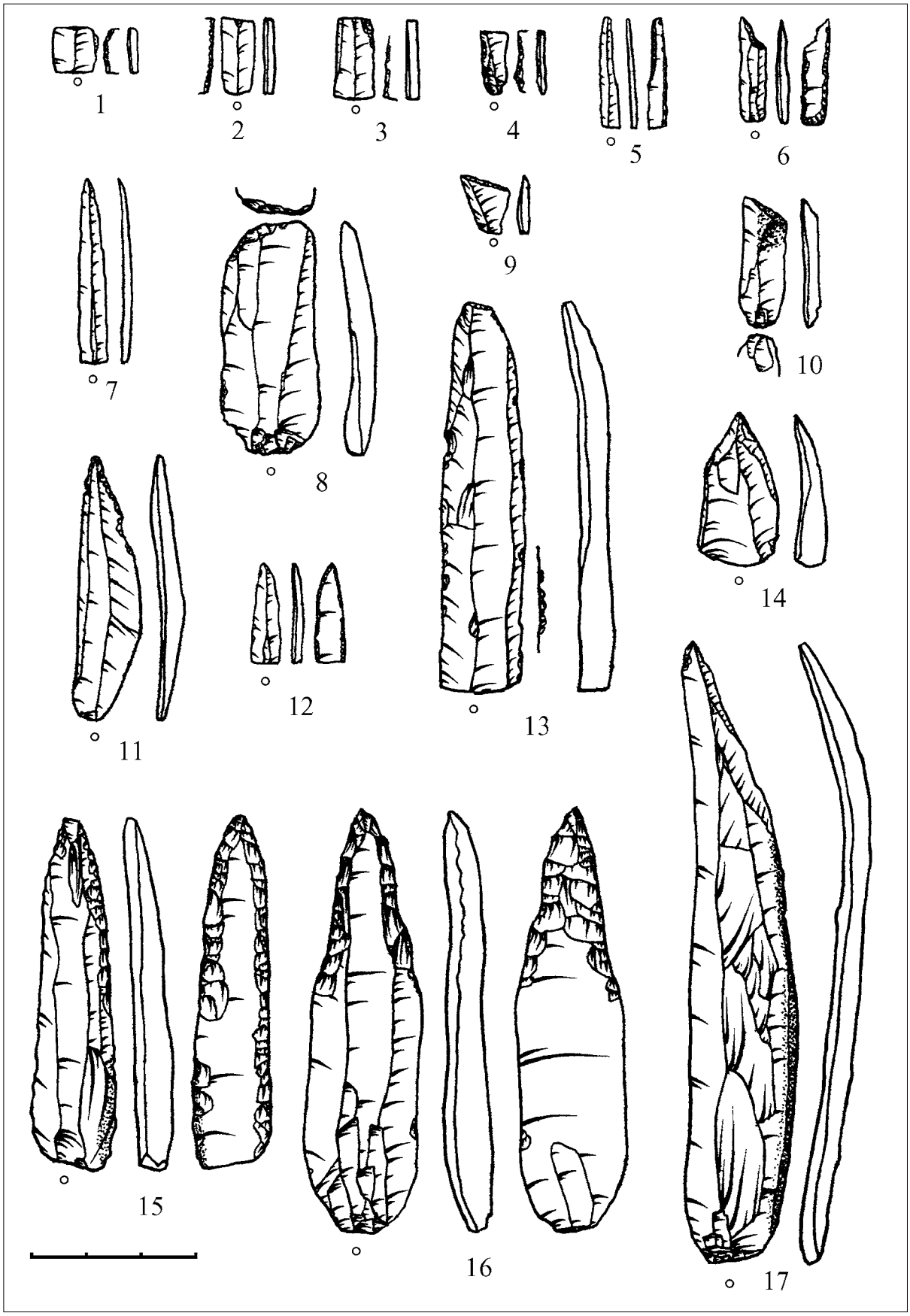

Рис. 64: Пургасовская культура. Стоянка Пургасово 3. Каменный инвентарь.

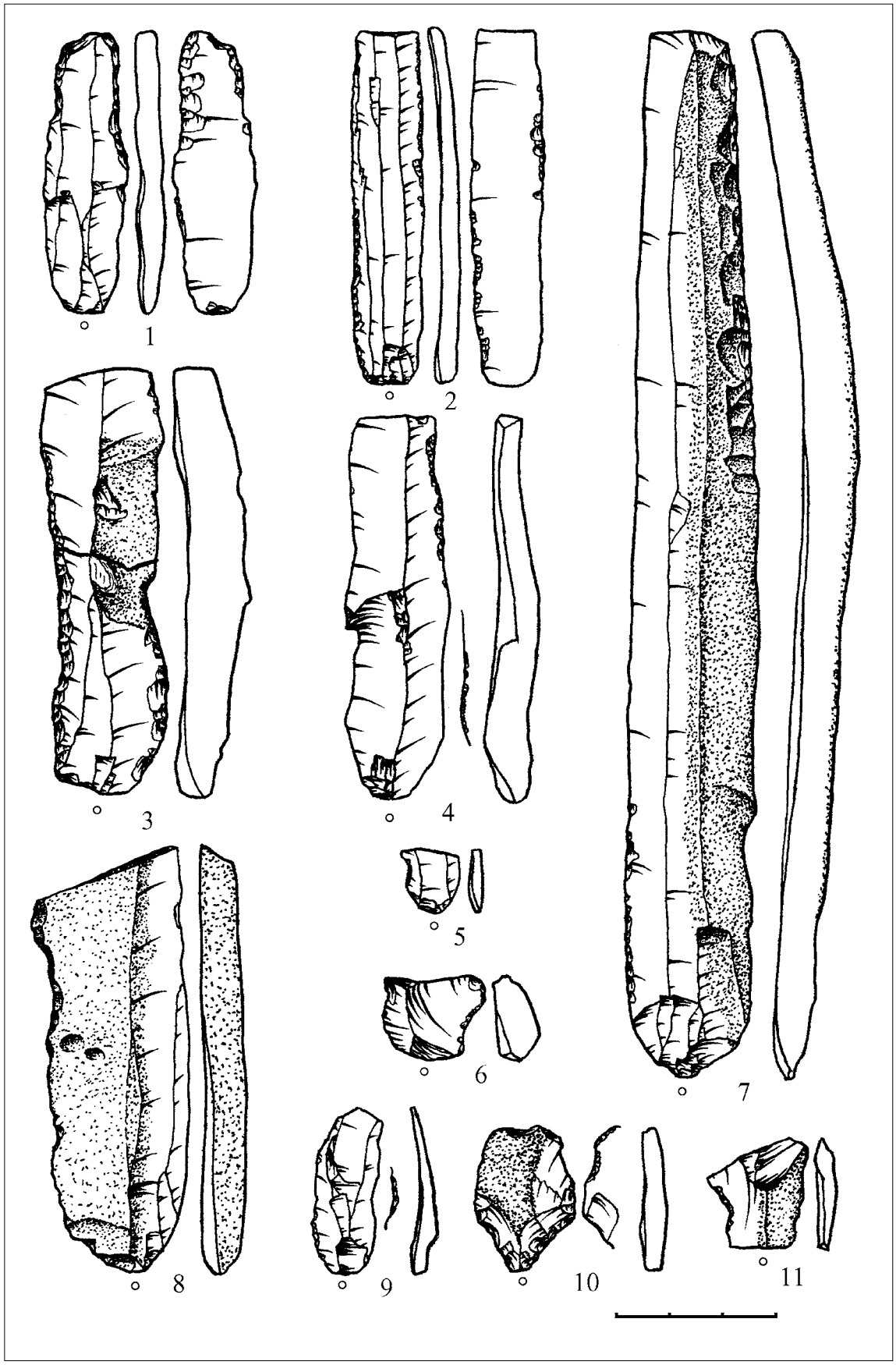

Рис. 65: Пургасовская культура. Стоянка Пургасово 3. Каменный инвентарь.

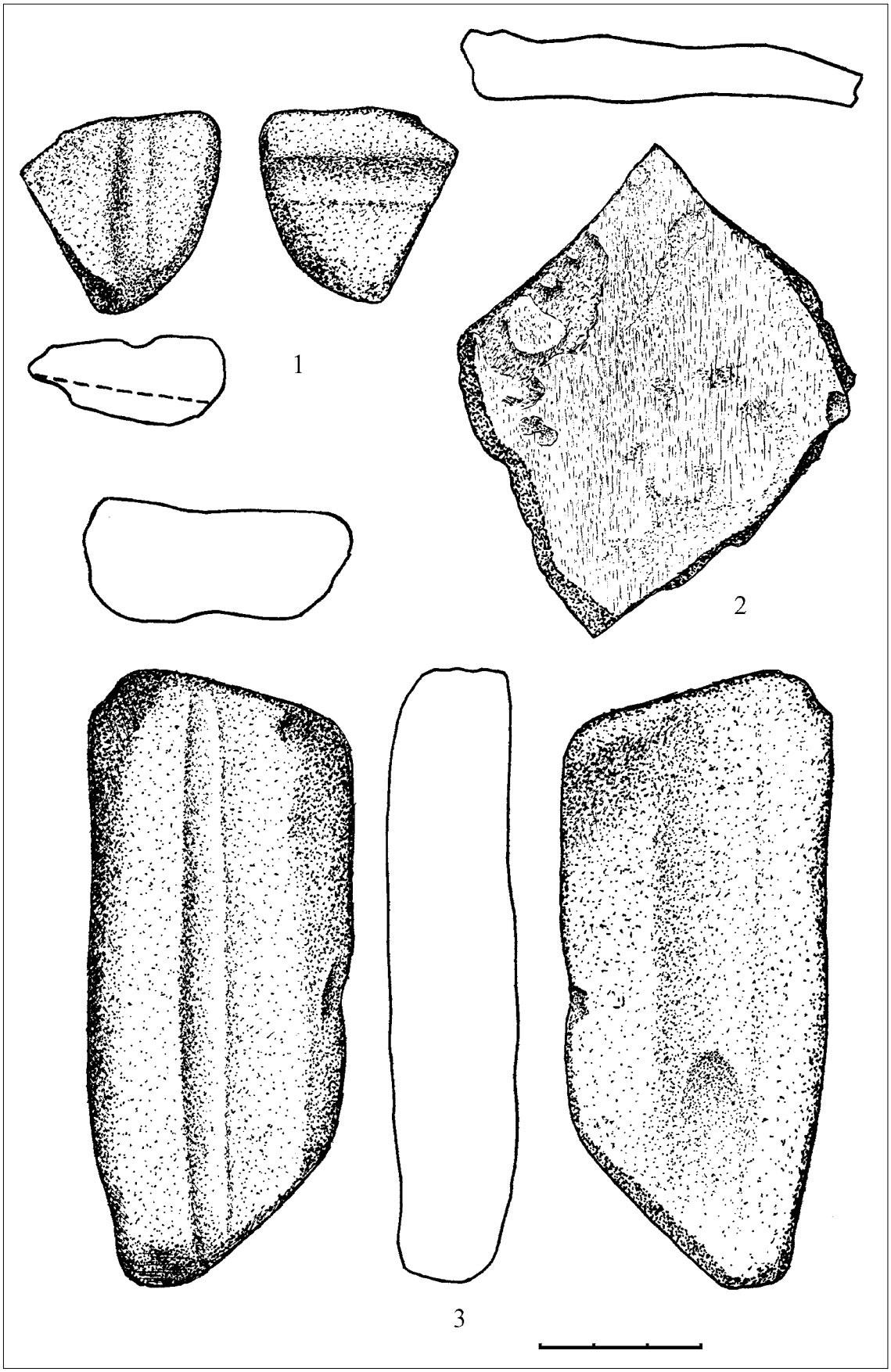

Рис. 66: Пургасовская культура. Стоянка Пургасово 3. Каменный инвентарь.

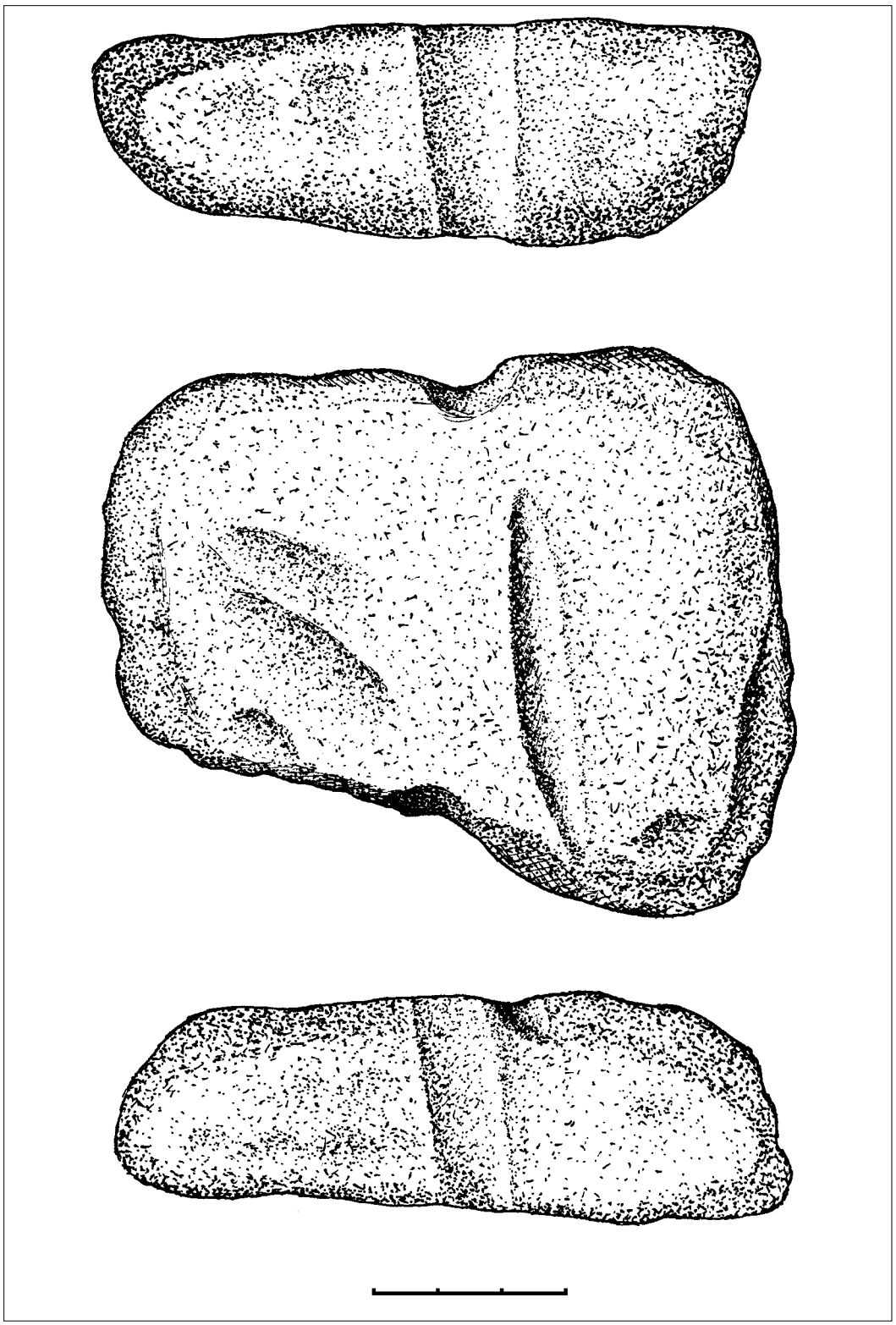

Рис. 67: Пургасовская культура. Стоянка Пургасово 3. Каменный инвентарь.

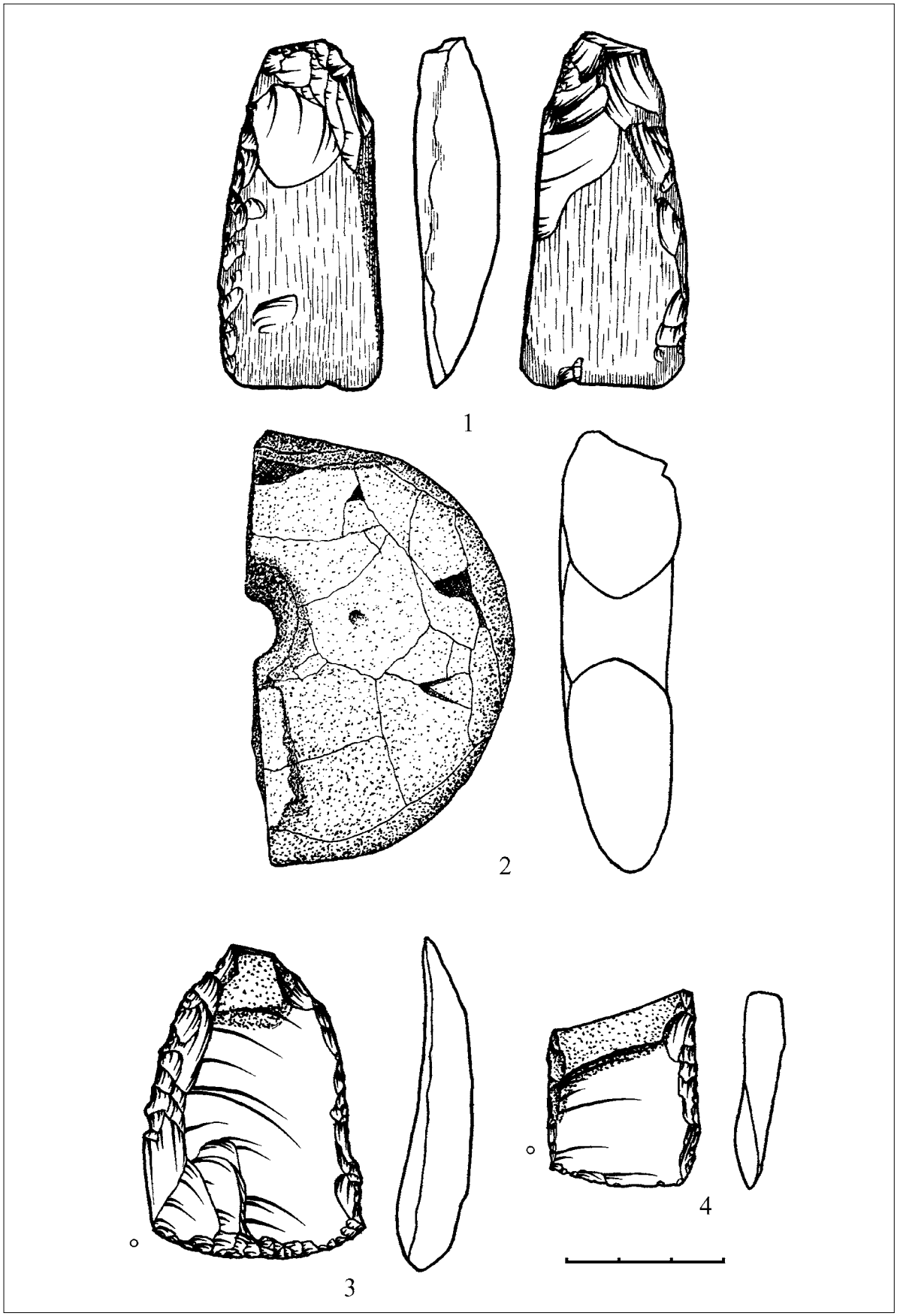

Рис. 68: Пургасовская культура. Стоянка Пургасово 3. Каменный инвентарь.

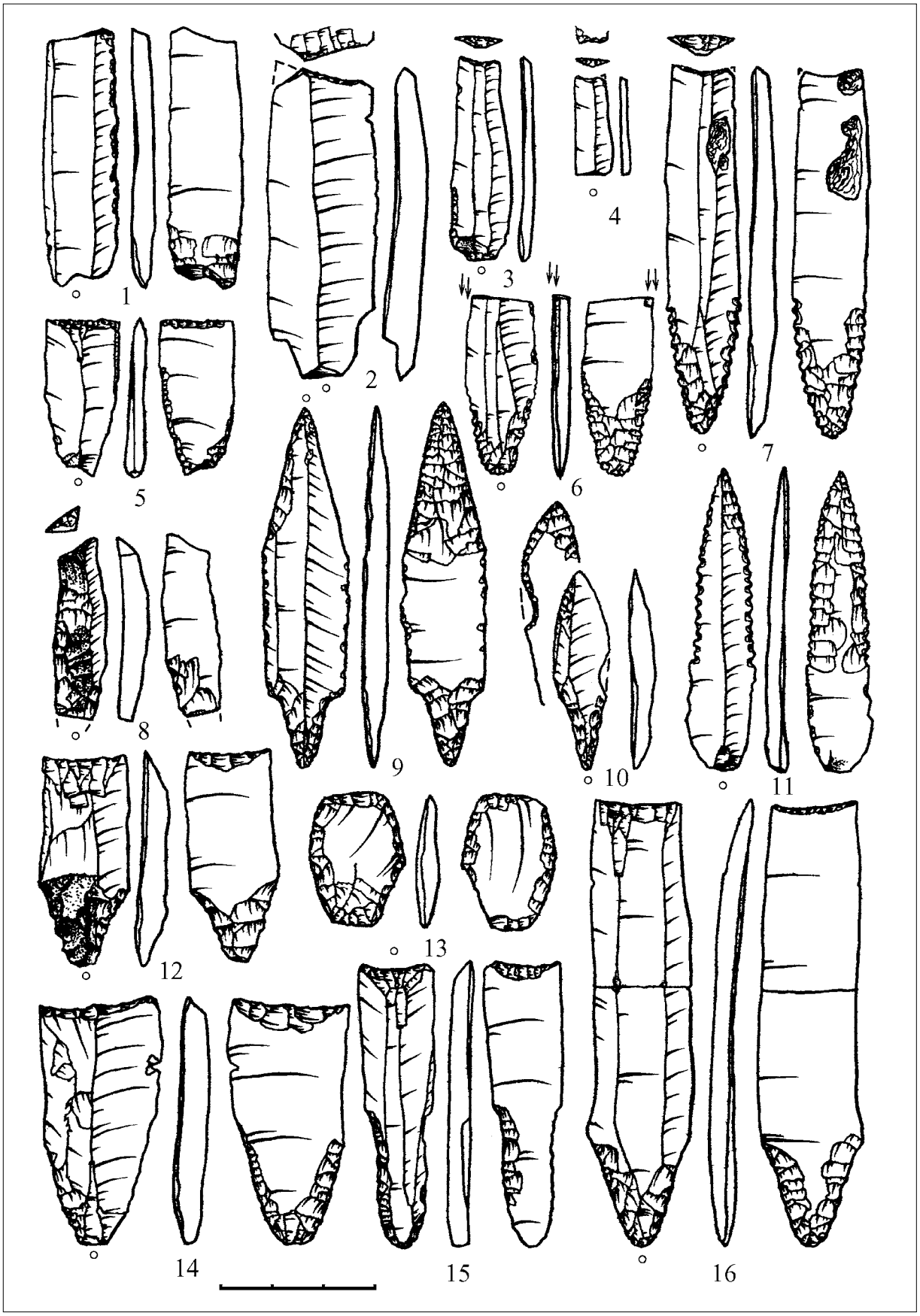

Рис. 69: Пургасовская культура. Стоянка Пургасово 3. Каменный инвентарь.

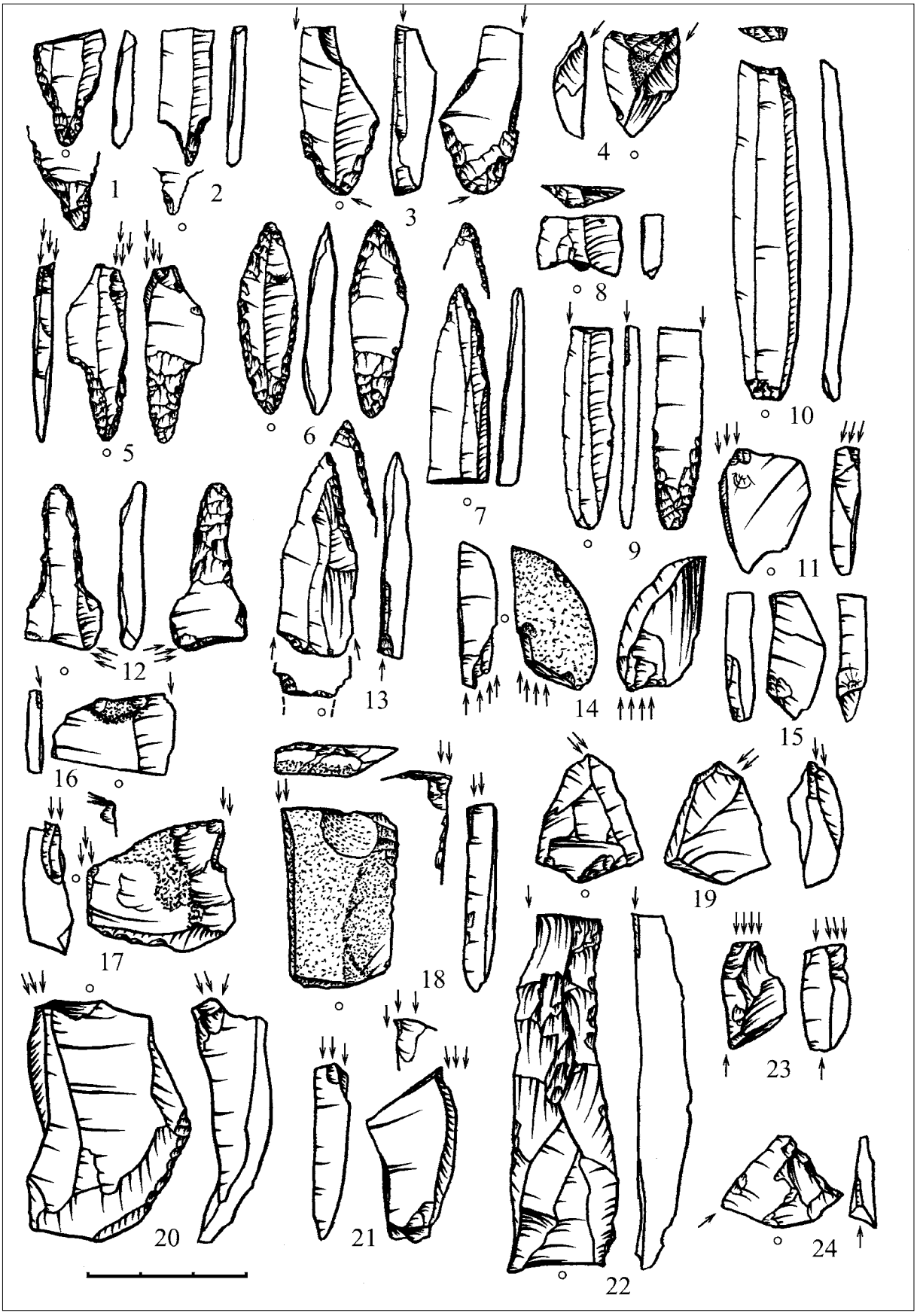

Рис. 70: Пургасовская культура. Стоянка Пургасово 3. Каменный инвентарь.

Научное издание

Сорокин Алексей Николаевич

МЕЗОЛИТ ОКИ
Проблема культурных различий

Труды отдела охранных раскопок
Том 5

Ответственный редактор серии:
к.и.н. А.В. Энговатова

Верстка: В.Ю. Луньков

Издательство «ТАУС»
117574, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
E-mail: info@tayc.ru
http: //www.tayc.ru/

Подписано в печать 17.04.2006.
Гарнитура *Times*. Формат 60×84/8.
Печ. листов 39.
Тираж 500 экз. Заказ №
Отпечатано в типографии: